18+

ДЖЕЙМС БАЛЛАРД

Ballard

голоса времени

коллекция рассказов

FANZON

Голоса времени
Джеймс Грэм Баллард

Аннотация
Джеймс Баллард. Голоса времени. Полная коллекция рассказов. Том 1
Введение
Предисловие к сборнику «Алые Пески»
Прима Белладонна
Побег
Концентрационный город
Шалость Венеры
Люк № 69
Двенадцатая запись
Угодья Ожидания
Ноль
Чистильщик звука
Зона ужаса
Хронополь
Голоса времени
Последний мир мистера Годдарда
Пятая вилла на улице Звезд
Конец
Перегруженный человек
Мистер Ф. всегда мистер Ф.

Биллениум
Нежной рукой палача
Безумцы
Сады благовременья
Тысяча грез Стеллависты
Тринадцать человек летят к Альфе Центавра
Билет в вечность
Песочная клетка
Смотровые вышки
Музыка статуй
Человек на 99-м этаже

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ
ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ
ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Первый том полного собрания рассказов Дж. Г. Балларда – одного из самых оригинальных визионеров XX века.

Создатель «Империи Солнца», «Автокатастрофы» и «Высотки», Баллард за четыре десятилетия написал восемнадцать романов и десятки рассказов, которые изменили лицо мировой литературы и повлияли на целое поколение писателей, художников, музыкантов и режиссеров.

Именно в короткой форме Баллард раскрывает себя по-настоящему. Его рассказы – лаборатория идей, из которой выросли все его знаменитые романы. Здесь впервые появляются темы и образы, что позднее станут культовыми: затопленные города будущего,

пустыни из стекла, музыкальные растения, тайная биология мутаций, вызванная масс-медиа, и истории секретных войн, которых никогда не было.

Эти тексты, впервые собранные в порядке авторского написания и публикации, – возможность заглянуть в самую глубину воображения мастера, увидеть, как рождаются его катастрофы, галлюцинации и пророчества. С выходом этой коллекции читатели наконец получают возможность оценить несравненное разнообразие и завораживающий ритм баллардовской прозы. Будь то музыкальные орхидеи, людоедский ритуал будущего или альтернативная история Третьей мировой войны, его рассказы вызывают видения, сравнимые с образами Кафки и Борхеса, и с пугающей точностью передают современную тревожность, тоску по несбывшемуся и странность мира.

В первый том вошли рассказы, написанные в 1956—1962 годах.

«Мастер короткой прозы – создатель незабываемых словесных артефактов, таких же завершенных и загадочных, как скульптуры, которые невозможно рассмотреть с одной

единственной точки зрения». – *Джонатан Летем*

«Мрачные, тревожные и полные меланхолии – рассказы беспокоят воображение, как картины Дали или фотографии Хельмута Ньютона». – *The Washington Post*

«Баллард, вероятно, самый оригинальный английский писатель прошлого столетия… эта книга незаменима». – *Чайна Мьевиль*

«Настоящее откровение; обязательное чтение». – *Literary Journal*

Джеймс Баллард
Голоса времени
Полная коллекция рассказов. Том 1

J. G. Ballard
THE COMPLETE SHORT STORIES
volume I
Copyright © 2001 by J. G. Ballard.
All rights reserved

© С. Самуйлов, перевод на русский язык, 2026
© Г. Соловьева, перевод на русский язык, 2026
© О. Макеева, перевод на русский язык, 2026
© Г. Шокин, перевод на русский язык, 2026
© А. Бурцев, перевод на русский язык, 2026
© М. Пчелинцев, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Введение

Рассказы — мелочь в казне беллетристики, недостойная внимания при наличии такого богатства, как романы, переоцененная валюта, зачастую оборачивающаяся фальшивкой. В своих лучших проявлениях — у Борхеса, Рэя Брэдбери и Эдгара Аллана По — рассказ отчеканен из драгоценного, отливающего золотом металла, блеск которого навсегда останется в глубине кошелька вашего воображения.

Я всегда ценил и ценю рассказы. Мне нравится такое их свойство, как фотографичность, способность сфокусироваться на одном предмете, одной теме. Они полезны тем, что позволяют опробовать идеи, развиваемые затем в романах. Наметки почти всех моих романов появились вначале в рассказах — читатели «Хрустального мира», «Автокатастрофы» и «Империи Солнца» найдут в этом сборнике семена, из которых они выросли.

Во времена, когда я только начал писать, пятьдесят лет назад, рассказы пользовались огромной популярностью, и некоторые газеты каждый

день публиковали новый рассказ. К сожалению, на мой взгляд, сегодня люди утратили умение читать рассказы, что, возможно, является реакцией на несуразные, затянутые телевизионные сериалы.

Молодые писатели, включая меня самого, всегда рассматривали свои первые романы как своего рода тест на зрелость, но многие публикуемые сегодня романы выглядели бы лучше, будь они переработаны в рассказы. Любопытно, что при наличии большого числа отличных рассказов отличных романов крайне мало.

Рассказ тем не менее выживает, особенно в научной фантастике, которая максимально использует свою близость к народной сказке и притче. Многие из рассказов в этом сборнике впервые печатались в научно-фантастических журналах, хотя тогдашние читатели громко жаловались, что они не имеют к научной фантастике никакого отношения.

Но меня больше интересовало реальное будущее, приближение которого я видел, и меньше — будущее изобретенное, которое предпочитает научная фантастика. Что и говорить, будущее — территория опасная и предельно заминированная, оно имеет склонность оборачиваться и

кусать вас за лодыжки, когда вы просто делаете шаг вперед. Недавно один корреспондент указал мне на то, что сочиняющие поэзию компьютеры в «Алых Песках» работают на лампах, и спросил, почему в будущем у людей нет персональных компьютеров и пейджеров?

Я смог лишь ответить, что «Алые Пески» помещены вовсе не в будущее, а в некое воображаемое настоящее. Это относится ко всем рассказам в сборнике и почти ко всему прочему, что я написал. Что же касается парового компьютера и ветряного телевизора…

Это уже идея для рассказа.

Дж. Г. Баллард
2001

Author's Note. Первая публикация в авторском сборнике рассказов *The Complete Stories of J. G. Ballard*, 2001.

Перевод С. Самуйлова

Предисловие к сборнику «Алые Пески»

«Алые Пески» — мое представление о том, каким будет будущее. Странный парадокс: почти вся научная фантастика, какие бы далекие времена и места она ни описывала, на самом деле — о настоящем. Очень немногие пытались вообразить уникальное, замкнутое в себе будущее, в котором нет предостережений для нас. Быть может, именно из-за этого предостерегающего тона научная фантастика так часто рисует будущее неправдоподобно мрачным. Даже небеса его подобны аду обычных людей.

Алые Пески, напротив, представляют собой место, где я бы с удовольствием поселился. Когда-то я описал этот залитый светом пустынный курорт как экзотический пригород собственного сознания, и нечто в слове «пригород» — произнесенном тогда с пренебрежением — убеждает меня теперь, что я напал на верный след в погоне за послезавтрашним днем. Когда сельская местность скрывается под соусом химикатов, а города представляют собой не более чем изящное

оформление дорожных развязок, пригороды, наконец, вступают в свои права. Их небеса шире, воздух щедрее, и часы там не так спешат.

Алым Пескам досталось больше законной доли снов и иллюзий, страхов и фантазий, но в этой рамке они не столь ограничены. Кроме того, мне нравится думать, что она делает честь таким полузабытым добродетелям, как лоск, пыл и своеобразие.

Где расположены Алые Пески? Полагаю, их духовный дом лежит где-то между Аризоной и пляжем Ипанема, но в последние годы я с радостью видел, как они прорываются и в других местах: прежде всего, на тех трех тысячах миль сплошного города, протянувшегося от Гибралтара до берега Глифады вдоль северного побережья Средиземноморья, где Европа каждое лето лежит ничком, подставляя спину солнцу. Эта позиция, разумеется, фирменный знак Алых Песков. Дело не только в том, что никому не приходится работать, но и в том, что работа, по большому счету, есть игра, а игра в конечном счете — работа.

Первый из этих рассказов — «Прима Белладонна» — был и первым из моих опубликованных рассказов, семнадцать лет назад. Образ пустынного курорта с тех пор оставался на удивление постоянным. Я с оптимизмом ожидаю, когда он материализуется вокруг меня.

Дж. Г. Баллард
1975

Preface. Первая публикация в авторском сборнике рассказов *Vermillion Sands*, 1975.

Перевод Г. Соловьевой

Прима Белладонна

Из цикла «Алые Пески»

С Джейн Кирацилидис жизнь свела нас в пору Застоя, когда мир окатила волна лени, летаргии и блаженной апатии, свойственной жаркому лету, которое растянулось на целое незабвенное десятилетие. Полагаю, именно время во многом повлияло на то, что произошло между нами. Сейчас мне с трудом верится в то, что я некогда был способен вести себя настолько глупо и безрассудно — но, с другой стороны, возможно, всему виной влияние Джейн.

Говорили о ней разное, но все единодушно сходились в одном: она была красавицей, пускай и смешанных кровей. Сплетни Алых Песков быстро окрестили ее «мутанткой» из-за безупречной кожи, отливавшей червонным золотом, и глаз, формой походивших на скарабеев. Но эти мелочи не отпугивали ни меня, ни моих приятелей, Тони Майлза и Гарри Дивайна, — которые, к слову, с тех пор оценивают своих жен довольно критически.

Тем летом мы коротали время сидя в тени на просторном балконе моей квартиры, располо-

женной неподалеку от Бич-Драйв, потягивали пиво на первом этаже моего цветочно-музыкального магазина и развлекались игрой в японские шашки го под долгие пустопорожние разговоры. Кроме меня, никто из нас не имел серьезной работы. Гарри считался архитектором, Тони Майлз иногда продавал туристам керамику, а я обычно каждое утро проводил пару часов в магазине, оформляя иностранные заказы и попивая пиво.

В одно особенно жаркое утро, едва я упаковал нежную мимозу-сопрано, заказанную Гамбургским хоровым обществом, с балкона позвонили.

— Магазин музыкальной флоры Паркера? — спросил голос Гарри. — Ты там, похоже, совсем заработался. Иди наверх, мы с Тони хотим кое-что тебе показать.

Поднявшись, я увидел, что оба они скалятся, как псы на мозговую кость.

— Ну, где это ваше «кое-что»? — полюбопытствовал я.

Тони слегка приподнял голову.

— Вон... — Он едва заметно кивнул на гостиницу напротив и предупредил: — Только осторожнее, дырку не прогляди.

Я не спеша уселся в свое кресло и обвел дом взглядом.

— На пятом этаже, — процедил Гарри, почти не размыкая губ. — Прямо напротив, слева от балкона. Ну как, стоит посмотреть?

— Фантастика… — отвечал я, внимательно разглядывая ее. — Любопытно, на что она еще способна?

Гарри и Тони благодарно вздохнули в унисон.

— Как тебе? — спросил Тони.

— Явно не мой типаж, вам и карты в руки. Идите к ней оба, поставьте в известность, что она без вас жить не сможет.

Гарри издал тяжелый вздох.

— Разве тебе не очевидно, что она — поэтическая, роковая, точно вышедшая из древнего моря конца времен? Возможно, она — ангел…

По комнате, двигая стулья, прохаживалась женщина. За исключением огромной шляпы с металлическим отливом, на ней ничего не было. Даже в тени комнаты ее бедра, формой напоминающие лиру, отливали золотом. Она выглядела живым созвездием.

Никогда еще Алые Пески не видали ничего подобного.

— К ней нужен тонкий подход, — продолжал Гарри, разглядывая свою банку с пивом, — робкий, почти что мистический. Натиск и хватка

тут не помогут.

Женщина нагнулась открыть чемодан, демонстрируя внутреннюю сторону бедер столь бесстыдно, что даже широкие поля шляпы словно бы смущенно затрепетали поверх ее лица. Потом она вышла на свой балкон — и, конечно, заметила, что мы за ней следим. Вернувшись к себе, она задернула шторы.

Мы откинулись на спинки стульев и задумчиво посмотрели друг на друга, словно триумвиры, решающие, как поделить империю, стараясь не говорить лишнего, одним глазком высматривающие возможность схитрить.

Пение послышалось пять минут спустя.

Поначалу я решил, что нарушился баланс щелочной среды у трио азалий, но частоты показались мне чересчур высокими. Звук, тонкое тремоло, идущее невесть откуда, напрочь выбивался за пороги восприятия и сверлил затылок.

Гарри с Тони мрачно воззрились на меня.

— Твой цветник всполошился, — заметил Тони. — Утихомирь сходи, что ли.

— Это не цветы, — ответил я. — Они так не могут.

Звук становился все громче, затылок отзывался на него явственным треском. Я уже собирался

спуститься в магазин, но тут Гарри и Тони вдруг повскакивали с кресел и вжались в стену.

— Господи, Стив! Ты погляди! — завопил Тони, с ужасом тыча в сторону столика, в который я уперся рукой. Я и глазом не успел моргнуть, как он поднял кресло и обрушил его на стеклянную столешницу.

Поднявшись, я выгреб из волос осколки.

— Ты что, перегрелся, черт бы тебя взял?!

Тони внимательно изучал то, что минуту назад было столом. Гарри, приблизившись, осторожно взял меня за руку.

— Он был совсем рядом. Как ты, в порядке?

— Смылся, — мрачно сказал Тони. Столь же тщательно он изучил пол балкона, затем свесился через перила и посмотрел вниз.

— Так что же тебе примерещилось? — спросил я.

Гарри уставился на меня в упор.

— Ты что, не видел? Он был дюймах в трех от тебя… королевский скорпион величиной с омара. — Он утомленно опустился на ящик из-под пива. — Даже цветы испугались. Звук совсем прекратился — слышишь?

Когда они ушли, я прибрался и выпил еще пива. Я мог поклясться, что никакого скорпиона на

столе не было.

С балкона напротив за мной наблюдала та женщина, теперь уже — не совсем нагая, в халатике из легкой, переливчато мерцающей ионизированной ткани.

На следующее утро я узнал, кто она. Тони и Гарри с женами направились на пляж, вероятно обсуждая вчерашнее происшествие со скорпионом, я же работал в магазине, настраивая с помощью увиолевой лампы огромную Паукообразную Орхидею. Это сложное растение с нормальным диапазоном в двадцать четыре октавы, как и любой певчий цветок, без должного ухода впадало в невротические широтные реверберации, а такое дьявольски непросто выправить. Как самый старый цветок в ассортименте, она, разумеется, оказывала отрицательное влияние на прочие растения. Когда я по утрам открывал магазин, там стоял гвалт, словно в палате для буйных, но стоило чуть подкормить Паукообразную Орхидею и разобраться с кислотностью, как все другие растения улавливали ее сигналы и постепенно утихомиривались. На два такта, на три четверти, многоголосие — все приходило к гармонии.

В неволе по всему свету жило не более десятка настоящих Паукообразных Орхидей, прочие, как

правило, либо не пели, либо прививались от двудольных растений, так что мне, честно говоря, очень с ней повезло. Этот магазин я купил за пять лет до знакомства с Джейн у Сэйерса, наполовину оглохшего. За день до отъезда он вывалил все растения с признаками вырождения в мусорный контейнер на заднем дворе. Опустошая баки с отбросами, я наткнулся на Паукообразную Орхидею — она пышно разрослась на субстрате из морских водорослей и губок.

Я так и не узнал, с чего вдруг Сэйерс решил ее выкинуть. До переезда в Алые Пески он служил куратором старой консерватории в Кью, где впервые вывели поющие растения. Там он работал под руководством самого Менделя. Именно Мендель — тогда он был начинающим ботаником двадцати пяти лет от роду — обнаружил в лесах Гайаны первую Паукообразную Орхидею. Она получила свое название, собственно, из-за того, что ее цветки опыляет гигантский паук, одновременно откладывая яйца в их мясистые почки. Привлекают его при этом, или, по настойчивому утверждению Менделя, гипнотизируют, звуковые колебания, испускаемые чашечкой цветка в период опыления. Первоначально Паукообразные Орхидеи излучали лишь несколько

случайных частот, но, скрещивая их, а также искусственно пролонгируя стадии опыления, Менделю удалось вывести гибрид на полные двадцать четыре октавы.

Но в самый разгар главного труда жизни Мендель, совсем как Бетховен в свое время, совершенно оглох, потеряв возможность слышать растения. Правда, он наловчился понимать музыку цветка, лишь только глядя на него. Но, как ни странно, потеряв способность хоть что-то различать из звуков, Мендель напрочь отказался смотреть на открытую им орхидею.

И в то утро мне показалось, что я понял причину этого.

Орхидея неистовствовала. Сначала она отвергала подкормку, так что мне понадобилось промыть ее струей фторальдегида. Затем она стала испускать ультразвуковые колебания, что неизменно влекло за собой бесчисленные жалобы всех окрестных собачников. А под конец она попробовала разрушить свой резервуар резонансным ударом.

Шум в магазине стоял невообразимый, так что я чуть было не решил усыпить все растения, а потом разбудить по одному — сущий кошмар, если учесть, что у меня было восемьдесят резер-

вуаров, — когда вся эта какофония вдруг стихла до едва слышного шелеста.

Я оглянулся и увидел, что в магазин явилась вчерашняя женщина с золотистой кожей.

— Доброе утро, — сказал я. — Похоже, вы пришлись им по вкусу.

Комплимент ей явно польстил, и она засмеялась.

— Здравствуйте. А что, они вели себя дурно?

Черный пляжный халат придавал более нежный и мягкий тон ее коже, но я не мог оторвать взгляда от ее глаз. Их густо затеняли широкие поля шляпы, и все-таки — они буквально сияли!

Покачивая своими фантастическими бедрами, она направилась к вазону с гибридными папоротниками и остановилась, не отрывая от них взгляда. Папоротники потянулись к ней, их голоса завели страстную мелодию.

— Разве они не прелестны? — негромко сказала она, поглаживая листья пальцами. — Им так нужна любовь. — Низкий тембр голоса, хрипловатый, похожий на шорох разворошенного прохладным бризом песка, превращал ее речь в музыку.

— Я только что прибыла в Алые Пески, — продолжала она, — и в моем номере мертвая тишина. Возможно, если бы я приобрела цветок, пусть да-

же один, я бы не чувствовала себя так одиноко.

Я не мог оторвать от нее взгляда.

— Разумеется, — ответил я сухо, с сугубо деловым видом. — Любите что-нибудь яркое? К примеру, этот болотный самфир с Суматры? Высокородное меццо-сопрано, он того же стручка, что и Прима Белладонна с Вагнеровского фестиваля в Байройте[1].

— Нет, — сказала она, — у него слишком равнодушный ко мне вид.

— Может быть, подойдет вот эта лютневая лилия из Луизианы? При умеренной подаче сернистого газа она исполняет прелестные мадригалы. Сейчас я покажу, как это делается.

Она меня не слушала. Сложив ладони, словно на молитве, шагнула к прилавку с Паукообразной Орхидеей.

— Как она прекрасна… — произнесла женщина. Взгляд ее был прикован к пышным усикам, желто-пурпурным, свисающим из чашечки испещренного алыми полосками цветка.

Я тоже подошел к прилавку и включил усили-

---

[1] Примечания: 1

Байройт (*нем.* Bayreuth) — город земельного подчинения в Германии, расположен на территории земли Бавария. Является административным центром округа Верхняя Франкония. (*Здесь и далее прим. редактора.*)

тель. Орхидея тут же ожила. Листья стали яркими и упругими, чашечка цветка набухла, лепестки туго натянулись. Орхидея издала несколько резких отрывистых звуков.

— Она прекрасная, но недобрая, — сказал я.

— Недобрая? — повторила женщина. — Нет, всего лишь гордая.

Подойдя поближе, она заглянула в огромную чашку цветка, дрожавшего от гнева. Орхидея затряслась еще сильнее, шипы на стебле угрожающе изогнулись.

— Осторожно, — предупредил я. — Она ощущает даже самые слабые звуковые колебания.

— Тише! — Женщина подняла ладонь. — Похоже, она хочет петь.

— Это лишь тональные обрывки, — объяснил я. — Настоящую музыку она не исполняет. Я ее использую исключительно как камертон для…

— Послушайте! — она схватила меня за руку и крепко сжала.

И тут голоса всех моих растений слились в единый хор, однако один голос, самый сильный, перекрывал их. Поначалу он был тонок и пронзителен, как флейта-пикколо, потом звук запульсировал, приобрел глубину и, наконец, вырос до мощного баритона, поведшего за собой

весь хор.

Никогда прежде я не слышал пения Паукообразной Орхидеи и вот теперь внимательно прислушивался к ней. Внезапно я ощутил что-то вроде легкого солнечного ожога и, оглянувшись, увидел, как пристально смотрит на растение женщина. Кожа ее буквально раскалилась, а глаза полыхали. Орхидея тянулась к ней, чашечка цветка была вскинута, листья напоминали окровавленные клинки.

Я быстро обошел резервуар и включил подачу аргона. Орхидея заскулила, и в магазине снова поднялся чудовищный гам: общий диссонанс оборванных нот и голосов, срывающихся с верхних «до» и «ля». Но вскоре все успокоилось, и тишину нарушал только едва слышный шелест листьев. Женщина оперлась на край емкости, перевела дыхание, кожа ее потускнела, глаза угасли. Все еще тяжело дыша, она спросила:

— Зачем вы ее выключили?

— Извините, — ответил я, — но у меня здесь товара на десять тысяч долларов, а такая буря эмоций на дюжину тональностей вполне способна погубить иные цветы. Большинство моих растений не предназначено для исполнения опер.

Она следила, как из чашечки цветка сочится газ, как один за другим обвисают листья, бледнея на глазах.

— Сколько она стоит? — спросила женщина, расстегивая сумочку.

— Орхидея не продается, — ответил я. — По правде сказать, я сам в толк не возьму, как это она сумела взять такие октавы…

— Тысячи долларов хватит? — спросила она, не сводя с меня глаз.

— Нет, — повторил я. — Без нее я не смогу настраивать другие растения. И потом, — добавил я, силясь выдавить улыбку, — орхидея погибнет спустя десять минут после того, как ее вытащат из оранжереи. Да и все эти баллоны с трубопроводами будут странно выглядеть в вашем номере.

— О да, — согласилась она и неожиданно улыбнулась в ответ. — Я повела себя глупо.

Бросив последний взгляд на орхидею, женщина не торопясь направилась к секции с произведениями Чайковского, весьма популярными у туристов. Прочитала первую попавшуюся этикетку:

— «Патетическая симфония». Я ее возьму.

Я упаковал скабию, уложил в коробку буклет с инструкцией, по-прежнему не сводя с покупа-

тельницы взгляда.

— Не переживайте вы так, — засмеялась она. — Я никогда не слышала ничего подобного.

Я не переживал. Тридцать лет жизни в Алых Песках поневоле сужают кругозор.

— Надолго вы сюда? — полюбопытствовал я.

— Сегодня у меня первое выступление в клубе «Казино», — ответила она, добавив, что ее зовут Джейн Кирацилидис и она певица оригинального жанра. — Почему бы вам не прийти на мой концерт? — предложила она, и в глазах зажглись шаловливые искры. — Начало — в одиннадцать часов. Возможно, вам понравится.

На концерт я пришел. На следующий день Алые Пески уже полнились слухами. Джейн прогремела на всю округу. После концерта триста зрителей клятвенно заверяли друг друга, будто слышали все что угодно: от ангельских хоров под музыку небесных сфер до вульгарного свинга. Сам я относился к этому гораздо спокойнее, возможно, потому что мне приходилось слышать слишком много поющих растений. Однако теперь я знал, откуда взялся скорпион на моем балконе.

Тони Майлз услышал на концерте «Сент-Луиблюз» в исполнении Софи Такер, а Гарри — Си-минорную мессу Баха-отца. Оба они заявились в

магазин и, пока я занимался цветами, изливали на меня свои впечатления.

— Восхитительно! — кричал Тони. — Как это у нее получается? Можешь сказать?

— Гейдельбергская партитура! — исходил на восторг Гарри. — Подлинная, грандиозная… — Он презрительно глянул на цветы: — Ты не мог бы их заткнуть? Они дьявольски галдят.

Шум и вправду был страшный, и я, немного поразмыслив, понял причину. Паукообразная Орхидея совершенно разбушевалась. К тому времени, когда я сумел утихомирить ее, подав к корням соляной раствор, эта бестия успела загубить растений на триста с лишним долларов.

— Вчерашний концерт в «Казино» — сущие пустяки в сравнении с тем, что она устроила тут, — поведал я. — «Кольцо Нибелунгов» в аранжировке Стэна Кентона — и то это слабо сказано. Орхидея моя просто свихнулась! Бьюсь об заклад, она хотела убить ее.

Гарри смотрел, как судорожно сотрясаются листья орхидеи.

— Похоже, она настроена весьма воинственно. Но зачем ей убивать Джейн?

— Не в буквальном, понятное дело, смысле. Голос Джейн, вероятно, обладает обертонами,

раздражающими чашечку цветка орхидеи. Остальные растения реагировали по-другому. Когда она к ним прикасалась, они ворковали, словно голуби.

Вдруг Гарри радостно охнул.

На улице ослепительно вспыхнул свет.

Я протянул Тони метлу:

— Вот, ловелас, держись за нее крепче. Мисс Кирацилидис умирает от желания с тобой познакомиться.

В магазин вошла Джейн, одетая в огненно-желтую юбку для коктейльных вечеринок и еще одну из своих шляпок. Я представил ее Гарри и Тони.

— Сегодня цветы молчат, — заметила она. — Что с ними стряслось?

— Чищу резервуары, — пояснил я. — Между прочим, мы все хотели поблагодарить вас за вчерашний концерт. А как вам понравились Алые Пески?

На лице ее появилась смущенная улыбка, и Джейн начала медленно прохаживаться по магазину. Как я и ожидал, она остановилась подле орхидеи и смерила ее долгим взором.

Я ждал, что она скажет, однако Гарри с Тони заговорили ее и поспешно увели наверх, в мою квартиру, где они с утра маялись дурью, сокра-

щая запасы виски.

— Не желаете ли сегодня после концерта присоединиться к нашему обществу? — предложил Тони. — Мы собираемся на танцы во «Фламинго».

— Вы же оба женаты, — смутилась Джейн. — Вас не волнует собственная репутация?

— Так мы и жен возьмем с собой, — беззаботно ответствовал Гарри. — А ваше манто подержит Стив.

Потом мы сыграли в японские шашки. Джейн заявила, что раньше никогда в эту игру не играла, однако правила усвоила без труда. Когда она начала нас обыгрывать, я понял, что она жульничает. Конечно, не каждый день доводится сыграть в го с женщиной с золотой кожей и глазами-скарабеями, и все-таки меня это злило. Но Гарри и Тони, похоже, ничего не имели против.

— Она милашка, — сказал Гарри, когда Джейн ушла. — А игра все равно дурацкая. Так что кому на это не наплевать?

— Мне, — ответил я. — Она жульничает.

В ходе следующих трех-четырех дней магазин лихорадило: каждое утро Джейн являлась поглядеть на Паукообразную Орхидею, а для растения ее присутствие было совершенно невы-

носимо. И я ничего не мог поделать — орхидея была мне нужна для ежедневной поверки других цветков. Однако взамен правильных гамм Паукообразная Орхидея выдавала теперь лишь вой и скрипы. Меня тревожил не шум как таковой — на него пожаловалось не больше двух десятков человек, — но вред, причиняемый растениям. Исполнители музыки барокко стойко переносили испытание. У тех же, что были предназначены для современных композиций, вообще оказался иммунитет, но у пары дюжин романтиков полопались цветочные чашечки. На третий день с приезда Джейн я лишился всех исполнителей Бетховена и огромного количества Мендельсона и Шуберта.

Однако Джейн, похоже, не было дела до моих забот.

— Что с ними такое стряслось? — спросила она, разглядывая газовые баллончики и капельницы, кучей сваленные на полу.

— Наверное, вы пришлись им не по вкусу, — ответил я. — Точнее, Паукообразной Орхидее. Может, у мужчин ваш голос и пробуждает необычайные и чудесные видения, но орхидею он доводит до черной меланхолии.

Джейн захихикала.

— Чепуха! Отдайте ее мне, и я вас научу, как с ней обращаться.

— Вам весело с Гарри и Тони? — спросил я. Меня злило, что вместо того, чтобы ходить с ними на пляж, мне приходится чистить резервуары и готовить цветам лечащие растворы, к слову, совершенно бесполезные.

— Они такие забавные, — отвечала она. — Мы играем в японские шашки, я им пою. По-моему, и вы могли бы почаще вылезать отсюда.

Через пару недель мне пришлось капитулировать. Я решил законсервировать все свои цветы до отъезда Джейн из Алых Песков. Я понимал, что на восстановление ассортимента уйдет самое малое месяца три, но выбора не было.

В это время пришел заказ из Сантьяго на колоратурную травосмесь для садового хора. Она требовалась клиенту через три недели.

— Пожалуйста, извините меня, — сказала Джейн, узнав, что я не в состоянии выполнить заказ. — Вы, верно, думаете, что было бы гораздо лучше, если бы я никогда не появлялась здесь. — С какой-то затаенной мыслью она заглянула в один из темных резервуаров и предложила: — Я могла бы помочь вам в оркестровке.

— Благодарю вас, не надо, — со смехом ответил

я. — С меня и так хватит.

— Но почему бы не попробовать? Мне совсем не трудно.

В ответ я только покачал головой.

Гарри с Тони заявили, что я не в своем уме.

— Диапазон у нее достаточно широк, — сказал Тони. — Ты же сам знаешь.

— Что ты имеешь против нее? — поинтересовался Гарри. — Все из-за того, что она жульничает в твои ненаглядные японские шашечки?

— Не в этом дело, — ответил я. — Ее диапазон бесчинств куда шире, чем вы полагаете…

Мы играли в номере Джейн. Она обставила каждого из нас на десяток долларов.

— Мне везет, — весьма самодовольно заявила она. — Кажется, я всегда на вершине колеса Фортуны. — Сияя золотой кожей, она тщательно пересчитала наличные и аккуратно сложила их в сумочку.

Вскоре я получил повторный заказ из Сантьяго.

Я отыскал Джейн в кафе, окруженную поклонниками.

— Вы еще не смирились? — спросила она с мимолетной улыбкой, адресованной этим маль-

чикам.

— Я не знаю, чего вы добиваетесь, — ответил я, — но попытаться можно.

Вдвоем мы вернулись в магазин. Я достал лоток с многолетними растениями. Джейн помогла мне наладить подачу газа и растворов.

— Начнем вот с этих, — сказал я. — Частоты от пятисот сорока трех до семисот восьмидесяти пяти. Вот партитура.

Джейн чистым голосом вывела гамму. Водосбор проявил поначалу легкую неуверенность; Джейн вернулась к нижнему регистру и снова спела гамму, ведя растение за собой. Вместе они прошли две октавы, потом растения запнулись, стройная последовательность тонов прервалась.

— Попробуйте на полтона выше, — посоветовал я, подкисляя раствор в баке.

Водосбор с энтузиазмом последовал за голосом Джейн. Его цветовые чашечки отзывались нежнейшими дискантовыми вариациями.

— Блестяще, — признал я.

Заказ мы выполнили всего за четыре часа.

— У вас получается даже лучше, чем у орхидеи, — расщедрился я на похвалу. — Приглашаю вас работать у меня. Ваши условия? Со своей стороны, могу предложить просторный прохладный

резервуар и вдоволь хлора.

— Поосторожнее, — предупредила она. — Я ведь могу и согласиться. Может, настроим еще несколько растений, раз уж начали?

— Вы устали, — сказал я. — Лучше выпьем чего-нибудь.

— А можно я попробую с орхидеей? Такая задача не каждому по силам.

Она не сводила глаз с цветка. Я подумал, что они натворят, если оставить их наедине. Скорее всего, запоют друг друга до смерти.

— Нет, — сказал я. — Лучше завтра.

Мы поднялись на балкон, налили по стакану и проговорили до вечера. Она мало рассказывала о себе, однако мне удалось узнать, что ее отец работал горным инженером в Перу, а мать выступала в какой-то захудалой таверне в Лиме. Они постоянно переезжали, отец разрабатывал концессии, а мать, чтобы заработать на оплату жилья, пела в местных борделях.

— Разумеется, она там только пела, — добавила Джейн, — до того, как умер отец. — Соломинка в ее высоком стакане покрылась пузырьками. — Значит, вы считаете, будто на моих концертах каждый видит и слышит что-то свое? Между прочим, что видели вы?

— Боюсь, со мной у вас ничего не получилось, — ответил я. — Ничего я не видел. Только вас одну.

Она потупила взгляд.

— Иногда так бывает, — произнесла она. — Но теперь я этому рада.

До этой минуты я с горем пополам сохранял способность мыслить здраво. Но во мне вспыхнул жар ярче тысячи солнц…

Тони с Гарри явно расстроились, однако вели себя достойно.

— Не могу поверить, — с горечью произнес Гарри. — Просто не могу. Как это тебе удалось?

— Последовал мистическому пути Левой Руки, конечно же, — ответил я. — По велению древних морей и темнейших ключей.

— А она… как? — жадно полюбопытствовал Тони. — Опаляет как пламя или только слегка подогревает кости?..

Джейн пела в «Казино» каждую ночь с одиннадцати до трех. Все остальное время мы проводили вместе. По вечерам мы часто уезжали в Пустыню Ароматов и, сидя рядом на берегу, следили, как солнце скрывается за скалами и рифами, дышали тяжелым от приторного запаха роз воздухом, и покой овладевал нами. Когда же задувал прохладный бриз, мы кидались в воду, плавали, а

после возвращались в город, обдавая улицы и веранды кафе смешанными ароматами жасмина и мускусных роз.

Иногда мы навещали какой-нибудь спокойный бар в Западной Лагуне и там ужинали. Сидя на песке, Джейн шутила с официантками и, к радости детей, сбегавшихся поглазеть на нее, подражала птичьим голосам.

Теперь я сознаю, сколь дурную славу нажил тогда в городе, но тогда был только рад предоставить местным старушенциям — рядом с Джейн Кирацилидис *все они* казались старушенциями — новую пищу для сплетен. Во время Застоя люди не склонны были ни о чем беспокоиться, вот и я не особо задумывался о нашей связи. Мы сидели вместе на балконе прохладными светлыми вечерами или в ночном сумраке, я чувствовал рядом с собой ее тепло — и вообще ни о чем не думал.

Как ни глупо это выглядит теперь, должен признаться, что единственным поводом для споров было то, что она жульничала в японские шашки.

— Джейн, ты понимаешь, что нечестным путем выиграла у меня уже больше пяти сотен долларов? И ты ведешь грязную игру до сих пор! Даже сейчас.

Она ехидно улыбнулась.

— Разве я жульничаю? Ладно уж, когда-нибудь я дам тебе выиграть.

— Зачем тебе это? — настаивал я.

— Так интереснее, — просто ответила она. — Иначе все это так скучно.

— Когда ты уедешь из Алых Песков?

Она удивленно взглянула на меня:

— Что это за вопрос такой? Ты что, гонишь меня? Я, может, и не собираюсь уезжать.

— Не шути со мной, Джейн. Ты родом из иного мира.

— Мой отец из Перу, — напомнила она.

— Но голос-то свой ты унаследовала не от отца. Любопытно было бы послушать пение твоей матери. Ее голос был лучше твоего?

— Она считала, что лучше. Однако отец нас обеих слышать не мог.

В тот вечер я видел Джейн в последний раз. Перед ее выступлением в «Казино» мы переоделись и с полчаса провели на балконе. Я слушал ее голос, заполнявший все вокруг переливчатыми звуками, как некая звуковая призма. И даже после ухода Джейн эта музыка оставалась со мной, слабым водоворотом крутясь вокруг ее пустого кресла.

Едва она ушла, меня почему-то неодолимо

потянуло спать, и около полуночи, когда Джейн должна была выйти на сцену, я вышел, чтобы пройтись по набережной и выпить где-нибудь кофе. Едва спустившись вниз, я услышал в своем магазине музыку.

Поначалу я решил, что забыл выключить какой-нибудь усилитель, однако голос, несущийся из магазина, был мне слишком хорошо знаком.

Жалюзи на витринах были прочно заперты. Я обошел дом вдоль задней стены и вошел внутрь через коридор из гаражного двора.

Свет был выключен, однако магазин заполняло алмазное сияние, резервуары в витрине играли золотыми бликами, а на потолке плясали многоцветные сполохи.

Эту музыку я уже слышал. Но только в увертюре. Паукообразная Орхидея выросла чуть ли не втрое, высунулась из-под крышки резервуара, ее листья набухли и яростно дрожали.

Перед ней, запрокинув голову, стояла Джейн.

Почти ослепнув от сияния, я устремился к ней, рванул за руку, оттаскивая от орхидеи.

— Джейн! — вскричал я, перекрывая музыку. — Пошли отсюда!

Она отбросила мою руку, и в глубине ее глаз я увидел тень одержимости.

Пока я сидел на лестнице, потея от страха, подъехали Тони и Гарри.

— А где Джейн? — спросил Гарри. — Все ли с ней хорошо? Мы ждали ее в «Казино»... — Они оба повернулись в сторону музыки. — Что, черт возьми, происходит?

Тони подозрительно уставился на меня:

— Стив, что-нибудь случилось?

Гарри бросил букет, принесенный с собой, и направился к заднему входу.

— Гарри! — крикнул я ему вслед. — Вернись!

Тони схватил меня за плечо.

— Джейн еще там? — спросил я.

Я поймал их, когда они уже открывали дверь в магазин.

— Боже милостивый! — крикнул Гарри. — Отпусти меня, дурак! — Он попытался вырваться из моей хватки — так ошеломило его увиденное. — Стив, этот дрянной цветок вот-вот убьет ее, съест и не подавится!..

Но я захлопнул дверь — и припал к ней всем весом.

* * *

Больше я никогда не видел Джейн. Когда музыка смолкла, я зашел в пустой и темный магазин.

Паукообразная Орхидея ужалась до своих обычных размеров. С клинков-листьев падали на пол алые капли.

На следующий день она умерла.

Куда делась Джейн, я не хочу знать, но вскоре после того случая Застой прекратился и началось освоение государственных программ повышенной важности. Система заработала, как встарь, и всем стало не до жалости к нескольким растоптанным цветочкам. Гарри как-то рассказывал, что Джейн якобы видели на пути к Ред-Бич, а недавно я слышал, что одна женщина, очень на нее похожая, примелькалась в ночных клубах по эту сторону от Пернамбуку.

Так что если кто-то из вас содержит цветочно-музыкальный магазин и располагает в ассортименте Паукообразной Орхидеей — берегитесь странной женщины с золотистой кожей и глазами-скарабеями. Вдруг она захочет сыграть с вами в японские шашки го? Очень жаль это говорить, но будьте готовы: она вас обжулит.

1956

Prima Belladonna. Первая публикация в журнале *Science Fantasy*, декабрь 1956.

Перевод О. Макеевой

Побег

Первым сбой заметил я. За ходом пьесы в тот момент никто из нас особенно пристально не наблюдал. Я растянулся с кроссвордом перед огнем, заботливо поворачивая мясо и раздумывая над вопросом номер 17 по вертикали: «О чем рассказали антикварные часы?» Хелен же подшивала старую нижнюю юбку и поднимала голову только тогда, когда экран занимал третий главный персонаж — крепкий юнец с тяжелым подбородком, 42-дюймовой шеей и басистым голосом. Пьеса «Мои сыновья, мои сыновья» — ночная мелодрама из тех, что Второй канал крутил по четвергам на протяжении всех зимних месяцев, — шла уже почти час. Сдвиг случился где-то в третьей сцене третьего акта, сразу после того, как старик-фермер узнает, что сыновья потеряли к нему всяческое уважение. Пьесу, должно быть, записали целиком на пленку, и получилось весьма забавно, когда за горестными стенаниями старика последовал эпизод пятнадцатиминутной давности, в котором старший сын колотит себя в грудь и взывает к высоким материям. Один

инженер где-то только что остался без работы.

— Перепутали бобины, — сказал я Хелен. — Мы это уже видели.

— Неужели? — отозвалась она, поднимая голову. — Я не смотрела. Постучи по телевизору.

— Подожди. Сейчас они начнут извиняться.

Хелен уставилась на экран.

— А по-моему, мы этого не видели. Нет, точно не видели. Успокойся.

Я пожал плечами и вернулся к 17-му вопросу по вертикали, рассеянно выбирая между песочными и водяными часами. На экране тянулась все та же сцена: старик буйствовал над своей репой и в отчаянии призывал Мамочку. В студии, похоже, решили еще раз прокрутить эпизод до конца и сделать вид, что никто ничего не заметил. Тем не менее они уже отстали от собственного графика на пятнадцать минут.

Через десять минут все повторилось.

— Интересно, — протянул я, приподнимаясь. — Они что, ничего не заметили? Не уснули же там все!

— В чем дело? — спросила Хелен, отрываясь от корзинки с рукоделиями. — Что-то не так с телевизором?

— Думал, ты смотришь. Я уже говорил, мы виде-

ли этот эпизод раньше. Теперь они прокручивают его в третий раз.

— Да ничего подобного, — уперлась Хелен. — Я совершенно уверена. Ты, наверно, просто зачитался.

— Упаси Господь. — Я уже не отрывал глаз от экрана, ожидая появления смущенного, красного как рак ведущего, который, оторвавшись от сэндвича, пробормочет что-нибудь невнятно-извиняющееся. Не в моих привычках хвататься за телефон при малейшей неточности в метеопрогнозе, но я не сомневался, что в этот раз тысячи телезрителей посчитают своим долгом заблокировать студийный коммутатор на всю ночь. И для любого прыткого шутника с конкурирующей станции такой прокол станет настоящим подарком.

— Ты не против, если я переключусь на другую программу? — спросил я у Хелен. — Посмотрим, нет ли там чего-то еще.

— Не надо. Сейчас самая интересная часть. Ты только все испортишь.

— Дорогая, ты ведь все равно не смотришь. Обещаю, я только на секундочку перескочу и сразу же вернусь.

На Пятом канале компания из трех профессоров

и какой-то хористки разглядывала римский горшок. Ведущий, этакий оксфордский дон с тихим, вкрадчивым голосом, умничал по поводу сусеков, которые надо бы поскрести. Профессора, похоже, пребывали в замешательстве, а вот девушка вроде бы точно знала, что именно попадает в горшок, но не осмеливалась озвучить свою мысль.

На Девятом канале в студии много смеялись и какая-то толстуха в шляпе-колесе принимала приз — спортивный автомобиль. Женщина нервно прятала лицо от телевизионной камеры и угрюмо поглядывала на машину. Ведущий открыл перед ней дверцу, и я уже ждал, попытается ли она забраться на сиденье, когда снова вмешалась Хелен:

— Гарри, не будь жадиной. Ты же просто развлекаешься.

Я переключился на Второй канал. Там шла все та же сцена, только теперь она приближалась к концу.

— А теперь смотри, — сказал я Хелен. Обычно до нее доходит только с третьего раза. — И отложи свое шитье, оно действует мне на нервы. Господи, я уже знаю все это наизусть!

— Ш-ш-ш! — отозвалась Хелен. — Ты можешь помолчать?

Я закурил сигарету и улегся поудобнее, ожидая дальнейшего развития событий. Крепко же им придется извиняться! Два холостых прогона по 100 фунтов стерлингов за минуту выльются в приличную кучу дублонов.

Сцена завершалась — старик уперся хмурым взглядом в собственные сапоги, надвигались сумерки и… мы вернулись к тому, откуда начинали.

— Фантастика! — сказал я, поднимаясь, чтобы смести снежок с экрана. — Невероятно.

— Вот уж не знала, что тебе такое по душе, — спокойно заметила Хелен. — А ведь раньше не нравилось. — Она взглянула мельком на экран и снова занялась своей юбкой.

Я посмотрел на нее настороженно. Миллион лет назад я бы, наверно, вырвался с завываниями из пещеры и бросился под ближайшего динозавра. Опасностей, окружающих неустрашимого супруга, с тех пор не убавилось.

— Дорогая, — терпеливо, стараясь сдержать раздражение и не сорваться на крик, объяснил я, — на случай, если ты не заметила, они уже в четвертый раз повторяют одну и ту же сцену.

— В четвертый раз? — недоверчиво повторила Хелен. — Они ее повторяют?

Я уже представлял студию, заполненную ведущими и техниками, потерявшими сознание у своих микрофонов и ламп и не замечающими, что автоматическая камера снова и снова запускает одну и ту же бобину. Жутковато, но маловероятно. Ведь кроме них есть еще критики, агенты, спонсоры и, что непростительно, сам драматург, которые взвешивают каждое слово и каждую минуту в своих собственных денежках. После завтрашних заголовков им всем будет что сказать.

— Сядь и перестань дергаться, — сказала Хелен. — Ты что, свою игрушку потерял?

Я пошарил вокруг подушек и провел ладонью по ковру под софой.

— Сигарета. Должно быть, бросил в камин. Не мог же я ее выронить.

Я повернулся к телевизору и переключился на викторину с призами, отметив время, 9:03, чтобы успеть вернуться на Второй канал в 9:15. Надо же услышать их объяснения.

— Тебе же вроде бы понравилась пьеса, — сказала Хелен. — Почему переключил?

Я бросил на нее взгляд, который в нашей квартире называется испепеляющим, и откинулся на спинку софы.

Перед камерами уже знакомая мне толстуха карабкалась по пирамиде вопросов на кулинарную тему. Публика вела себя сдержанно, но ажиотаж возрастал. В конце концов она, ответив на последний вопрос, сорвала джек-пот, и зрители разразились криками и затопали ногами как сумасшедшие. Ведущий провел победительницу через сцену к еще одной спортивной машине.

— У нее их скоро будет полная конюшня, — бросил я Хелен.

Толстуха всплеснула руками и, нервно улыбаясь от смущения, неловко подергала полы шляпы.

Жест показался мне смутно знакомым.

Я подскочил и переключился на Пятый канал. Участники викторины все так же сурово смотрели на римский горшок.

И тут я стал понимать, что происходит.

Повторялись все три программы.

— Хелен, — бросил я через плечо. — Не принесешь виски с содовой?

— А что случилось? Спину потянул?

— Быстро! Быстро! — Я пощелкал пальцами.

— Подожди минутку. — Она поднялась и вышла в буфетную.

Я посмотрел на часы — 9:12 — и переключил

внимание на пьесу. Хелен вернулась в гостиную и поставила что-то на край столика.

— Вот, держи. Ты в порядке?

Я думал, что уже готов ко всему, но этот сбой, очевидно, оказался неподъемным для меня сюрпризом. Я вдруг обнаружил, что лежу на софе, и первым делом потянулся за стаканом.

— Куда ты его поставила?

— Что поставила?

— Скотч. Ты принесла его пару минут назад и поставила на стол.

— Тебе, наверно, приснилось, — мягко сказала она и, подавшись вперед, продолжила смотреть пьесу.

Я отправился в буфетную, нашел бутылку и, наливая скотч в стакан, заметил, что часы над раковиной показывают 9:07. «Отстают на час», подумал я. Но на наручных часах было 9:05, а они всегда шли точно. Столько же, 9:05, показывали и еще одни часы, те, что стояли на каминной полке.

Но прежде чем начать беспокоиться всерьез, требовалось получить подтверждение.

Сосед сверху, Мьюливейни, открыл дверь сразу, как только я постучал.

— Привет, Бартли. Штопор?

— Нет, нет. Скажи мне время. У нас часы как будто спятили.

Он поднял руку.

— Почти десять минут.

— Десять минут десятого или одиннадцатого?

Мьюливейни снова посмотрел на часы.

— Десятого. А что случилось?

— Не знаю. Может, у меня уже… — начал я. И остановился.

Сосед с любопытством на меня посмотрел. В комнате, за спиной у него, прогремели аплодисменты, остановленные затем мягким, елейным голосом ведущего в студии.

— Эта программа давно идет? — спросил я.

— Минут двадцать уже. А ты разве не смотришь?

— Нет, — сказал я и небрежно добавил: — У тебя с телевизором ничего не случилось?

Он покачал головой:

— Нет, ничего. А что?

— Мой за собственным хвостом гоняется. Ладно, спасибо.

— О'кей. — Мьюливейни проводил меня взглядом и, закрывая дверь, пожал плечами.

Я вошел в коридор, поднял трубку телефона и набрал номер.

— Привет, Том. — Том Фарнольд работал в офисе за соседним столом. — Том, это Гарри. Что у нас со временем?

— Либералы вернулись, вот что у нас со временем.

— А если серьезно?

— Сейчас гляну. Двенадцать минут десятого. Кстати, ты нашел те пикули в сейфе?

— Да, нашел. Спасибо. Послушай, Том, у нас тут какая-то ерунда творится. Смотрели пьесу Диллера по Второму каналу, а потом…

— Я сам ее сейчас смотрю. Давай побыстрее.

— Да? Смотришь? И как ты объяснишь всю эту штуку с повторами? И то, что часы застревают между девятью и четвертью десятого?

Том рассмеялся.

— Вот уж не знаю. Может, тебе стоит выйти и хорошенько потрясти дом?

Размышляя, как объяснить происходящее, я потянулся за стаканом, который поставил на столик в коридоре, и… обнаружил, что снова лежу на софе, держу в руках газету с кроссвордом, смотрю на вопрос номер 17 по вертикали и думаю о старинных часах.

Я встряхнулся и посмотрел на Хелен. Она спокойно сидела со своей корзинкой. По телевизору

шла слишком хорошо знакомая пьеса, и часы на каминной полке все еще показывали начало десятого.

Я вышел в коридор и снова, стараясь не паниковать, позвонил Тому. Непонятно как, некий отрезок времени попал в круговорот вместе со мной.

— Том, — быстро заговорил я, как только он снял трубку, — я не звонил тебе пять минут назад?

— А кто это?

— Гарри. Гарри Бартли. Извини, Том. — Я помолчал, мысленно перефразируя вопрос так, чтобы он звучал понятнее и вразумительнее. — Ты не звонил мне пять минут назад? У нас тут были кое-какие проблемы на линии.

— Нет, я не звонил. Кстати, ты забрал пикули, которые я оставил для тебя в сейфе?

— Да, спасибо, — ответил я, начиная паниковать. — Скажи, а ты пьесу смотришь?

— Да, смотрю. И пойду досматривать. Пока.

Я прошел в кухню, встал перед зеркалом и долго, пристально смотрел на себя. Из-за трещины на стекле одна половина лица опустилась на три дюйма относительно другой, но, кроме этого, никаких других признаков психоза я не заме-

тил. Взгляд твердый, пульс ровный, семьдесят с небольшим, никакого нервного тика и липкого пота. Все вокруг выглядело слишком надежным и аутентичным, чтобы быть сном.

Я подождал с минуту, потом прошел в гостиную и сел. Хелен смотрела пьесу.

Я подался вперед и повернул ручку. Картинка погасла и исчезла.

— Гарри, я же смотрю! Не выключай.

Я встал и подошел к ней.

— Милая, послушай, пожалуйста, меня. Очень внимательно. Это важно.

Она нахмурилась, отложила шитье и взяла меня за руки.

— По какой-то причине, не знаю почему, мы оказались в некоей круговой временной ловушке. Ты этого не сознаешь, и никто этого не сознает.

Хелен посмотрела на меня изумленно.

— Гарри, — начала она, — о чем ты…

— Хелен! — Я взял ее за плечи. — Слушай! Последние два часа происходит повторение временного интервала продолжительностью примерно в 15 минут. Часы запнулись в промежутке от девяти до четверти десятого. Пьеса, которую ты смотришь…

— Гарри, дорогой… — Она посмотрела на меня и беспомощно улыбнулась. — Ты ведешь себя глупо. Включи снова, будь добр.

И я сдался.

Включив телевизор, я первым делом пробежал по всем каналам — посмотреть, не изменилось ли что.

Участники викторины по-прежнему сверлили глазами горшок, толстуха снова выиграла спортивный автомобиль, старик-фермер все так же разражался трагическими тирадами. На Первом канале два журналиста интервьюировали некоего ученого, появлявшегося в популярных образовательных программах.

— Какими будут последствия этих извержений густого газа, пока что сказать невозможно. В любом случае абсолютно никаких причин для беспокойства нет. Эти облака обладают массой, и, на мой взгляд, мы вполне можем ожидать множества необычных оптических эффектов вследствие гравитационного отклонения ими идущего от солнца света.

Он принялся играть набором цветных целлулоидных шариков, бегающих по концентрическим металлическим кольцам, и возиться с установленной у зеркала на столе волновой кюветой.

— Что вы можете сказать об отношениях между светом и временем? — спросил один из журналистов. — Если я правильно помню теорию относительности, они ведь довольно тесно связаны. Уверены, что нам не понадобится еще одна, дополнительная стрелка на часах?

Эксперт с умным видом улыбнулся.

— Полагаю, мы обойдемся без таких крайних мер. Время — штука сложная, но, я в этом уверен, наши часы не побегут вдруг назад или в сторону.

Я слушал его рассуждения до начала протестов со стороны Хелен, а потом переключил телевизор на пьесу и вышел в коридор. Этот идиот понятия не имел, о чем говорит. Лишь одно оставалось непонятным: почему только я один понимаю, что происходит. Может быть, мне удалось бы убедить в своей правоте Тома, но для начала его нужно было завлечь сюда.

Я снял трубку и посмотрел на часы.

9:13.

К тому времени как я попаду к Тому, начнется очередная смена. Не знаю почему, но вариант, при котором меня каждый раз бросало на софу, пусть даже и безболезненно, мне не нравился. Я положил трубку и вернулся в гостиную.

На этот раз сбой прошел более гладко, чем

ожидалось. Я вообще ничего не ощутил, даже малейшего толчка. В голове сидела фраза: о былом.

На коленях лежала газета, раскрытая на странице с кроссвордом. Я пробежал глазами по вопросам.

Вопрос номер 17 по вертикали: о чем рассказали антикварные часы? Вероятно, я решал его подсознательно.

Я вспомнил, что намеревался позвонить Тому.

— Привет. Это Гарри.

— Ты забрал те пикули, что я оставил в сейфе?

— Да, большое спасибо. Том, ты не мог бы заглянуть вечерком? Извини, что прошу, но дело действительно неотложное.

— Конечно загляну. А в чем проблема?

— Расскажу, когда придешь. Так тебя можно ждать?

— Да. Выхожу прямо сейчас. Хелен в порядке?

— У нее все хорошо. Еще раз спасибо.

Я прошел в столовую, достал из шкафчика бутылку джина и два тоника. После таких новостей стаканчик точно лишним не будет.

А потом до меня дошло, что Том просто не успеет. От Эрлс-Корта до Мэйда-Вейл, где мы живем, ему надо никак не меньше получаса, так что дальше Марбл-Арк он, скорее всего, не доберется.

Я налил в стакан из практически бездонной бутылки скотча и попытался выработать план действий.

Шаг первый — найти кого-то, кто, как и я, в курсе происходящих скачков. Должны же где-то быть другие, попавшие в плен пятнадцатиминутной ловушки и отчаянно ищущие выхода. Для начала можно обзвонить всех, кого я знаю, а потом идти наугад, по списку из телефонной книги. Но что мы сможем, даже если найдем друг друга? Ничего. Остается только сидеть и ждать, пока это все кончится само собой. Но я, по крайней мере, буду знать, что не затягиваю свою же петлю. Рано или поздно эти волны — или как их назвать — истощатся, и мы сможем слезть с карусели.

А до тех пор я располагал нескончаемым запасом виски в стоящей на раковине полупустой бутылке. Впрочем, и тут была одна маленькая закавыка: напиться, как ни старайся, все равно не получится.

Я сидел, размышляя над разными доступными вариантами и способами получения надежного подтверждения происходящего, когда меня осенило.

Я достал телефонный справочник и посмотрел номер Кей-Би-Си ТВ, Девятого канала.

Трубку взяла какая-то девушка. Попререкавшись пару минут, я все же убедил ее соединить меня с одним из продюсеров.

— Алло! Скажите, кто-нибудь из студийной аудитории знает финальный вопрос в сегодняшней вечерней программе?

— Конечно нет.

— Понятно. А вот интересно, вы сами его знаете?

— Нет. Все сегодняшние вопросы известны только старшему продюсеру программы и мсье Филиппу Суассону из «Савой хоутелс лимитид». Это большой, тщательно охраняемый секрет.

— Спасибо. Если у вас под рукой есть листочек, я назову вам сейчас финальный вопрос. Перечислите полное меню коронационного банкета, проходившего в Гилдхолле в июле 1953 года.

На другом конце о чем-то пошептались, после чего в трубке прозвучал уже другой голос:

— С кем я говорю?

— С мистером Г. Р. Бартли. Мой адрес — 129б, Саттон-Корт-роуд…

Договорить я не успел, потому что оказался вдруг в гостиной. Только на этот раз уже не лежал, растянувшись, на софе, а стоял, прислонившись к каминной полке, и смотрел на газету.

Взгляд мой был направлен на кроссворд, и, еще не успев его отвести и переключиться на звонок в студию, я заметил нечто такое, отчего едва не свалился на решетку.

Ответ на вопрос номер 17 по вертикали был заполнен.

Я взял газету и показал ее Хелен:

— 17-й по вертикали, ты заполнила?

— Нет. Я на кроссворды и не смотрю никогда.

Мое внимание привлекли часы на каминной полке, и я забыл и о студии, и о трюках с чужим временем.

9:03.

Карусель закруглялась. Прыжок назад случился раньше, чем я ожидал. Примерно на две минуты, где-то около 9:13.

Но дело не сводилось к сокращению интервала между повторами — сама арка, заворачиваясь внутрь, открывала поток бегущего под ней реального времени, в котором я, неведомо для себя здесь, отыскал ответ, поднялся, подошел к каминной полке и заполнил 17-й по вертикали.

Я опустился на софу и стал внимательно наблюдать за часами.

Хелен впервые за вечер листала журнал. Корзинка с рукоделиями переместилась на нижнюю

полку книжного шкафа.

— Будешь смотреть? — спросила она. — Тут ничего особенно хорошего.

Я переключился на телевикторину. Три профессора и хористка все еще разыгрывали свой горшок.

На Первом канале ученый-эксперт сидел за столом со своими моделями.

— …причин для беспокойства нет. Эти облака обладают массой, и, на мой взгляд, мы вполне можем ожидать множества необычных оптических эффектов вследствие гравитационного отклонения…

Я выключил телевизор.

Следующий прыжок случился в 9:11. За этот промежуток я переместился от каминной полки на софу и закурил сигарету.

Часы показывали 9:04. Хелен открыла окна на веранде и смотрела на улицу.

Телевизор снова работал. Я вынул вилку из розетки и бросил в огонь сигарету; поскольку я не видел, как ее закурил, то и вкус от нее остался незнакомый, чужой.

— Гарри, как насчет прогуляться? — спросила Хелен. — В парке сейчас хорошо.

Каждый последующий скачок назад возвращал

нас к новой исходной точке. Если мы сейчас выйдем и я пройду с ней до конца улицы, то после следующего сбоя мы оба снова окажемся в гостиной, но, возможно, решим отправиться в бар.

— Гарри?

— Извини, что?

— Ангел мой, ты уснул? Пойдем гулять? Тебе надо взбодриться.

— Хорошо. Бери пальто, одевайся.

— А тебе вот так холодно не будет?

Она ушла в спальню.

Я прошелся по комнате, убеждая себя, что не сплю. Тени, ощутимое присутствие стульев, все было слишком реально, слишком осязаемо для сна.

9:08. Чтобы надеть пальто, Хелен обычно хватает десяти минут.

И почти сразу же случился сбой.

9:06.

Я лежал на софе. Хелен склонилась над корзинкой и что-то в ней перебирала.

Ну хотя бы телевизор был выключен.

— У тебя при себе деньги есть? — спросила Хелен.

Я похлопал по карману.

— Да. Сколько тебе надо?

Она посмотрела на меня:

— А сколько ты обычно платишь за выпивку? Нам только по парочке пропустить…

— Так мы идем в паб?

— Дорогой, с тобой все в порядке? — Хелен подошла ко мне. — Выглядишь не очень хорошо. Воротничок не жмет?

— Хелен… — Я сел. — Мне нужно объяснить тебе кое-что. Хотя бы попытаться. Я не знаю, что происходит, но это имеет какое-то отношение к газовым выбросам солнца.

Хелен смотрела на меня с открытым ртом.

— Гарри, — заметно нервничая, спросила она, — что случилось?

— Со мной все в порядке, — уверил ее я. — Просто все происходит очень быстро, и времени у нас осталось не очень много.

Я постоянно посматривал на часы, и Хелен, следуя за моим взглядом, подошла к каминной полке и повернула их. Звякнул маятник.

— Нет, нет! — крикнул я и, схватив часы, отодвинул их к стене.

Мы отскочили к 9:07.

Хелен была в спальне. У меня осталась ровно одна минута.

— Дорогой, — окликнула она. — Гарри, так ты

хочешь или нет?

Я был в гостиной, стоял у окна и что-то бормотал.

Я утратил связь с тем, что делаю там, в нормальном временном канале. Та Хелен, что разговаривала со мной сейчас, была всего лишь фантомом.

Я, а не Хелен или кто-то еще, катался на временной карусели.

Сбой.

9:07–9:15.

Хелен стояла у двери.

— …перейдем к… — бормотал я.

Хелен замерла. Осталось меньше минуты.

Я направился к ней, но не дошел и вылетел из эпизода, словно меня катапультировала вращающаяся дверь. Я лежал на софе, и ноющая боль пронзала меня от макушки до шеи, проходя через правое ухо.

Я посмотрел на часы. 9:45. Я слышал, как ходит по столовой Хелен. Я лежал, стараясь остановить кружащуюся вокруг меня комнату, и через несколько минут она вошла с подносом, на котором стояли два стакана.

— Как ты себя чувствуешь? — Она разводила алка-зельтцер.

Я подождал, пока напиток престанет шипеть. Выпил.

— Что случилось? Я упал?

— Не совсем. Ты смотрел пьесу. Мне показалось, что ты не очень хорошо выглядишь. Я предложила прогуляться, выпить. У тебя началось что-то вроде конвульсий.

Я медленно поднялся и потер шею.

— Господи, ну не приснилось же мне это все! Не может такого быть!

— И что это было?

— Какая-то безумная карусель. — Стоило заговорить, и боль сжала шею. Я подошел к телевизору. Включил. — Связно и не объяснишь. Время… — Я снова поморщился от укуса боли.

— Сядь и отдохни, — сказала Хелен. — Я сейчас подойду. Выпьешь что-нибудь?

— Да, спасибо. Скотча. И побольше.

Я повернулся к телевизору. Первый канал не работал. На Втором показывали кабаре, на Пятом — залитый светом стадион, на Девятом — варьете. Ни пьесы Диллера, ни викторины.

Хелен принесла скотч и села на софу рядом со мной.

— Все началось, когда мы смотрели пьесу, — объяснил я, потирая шею.

— Ш-ш-ш, не волнуйся. Успокойся. Расслабься.

Я склонил голову ей на плечо и под звуки варьете смотрел на потолок, вспоминая каждый поворот карусели. Возможно ли, что все это мне только приснилось?

— Я как-то об этом не задумывалась, — сказала минут через десять Хелен. — Они повторяют на бис. Господи.

— Кто? — спросил я, наблюдая за бликами света на ее лице.

— Акробаты. Какие-то там Братья. Один даже поскользнулся. Ты как себя чувствуешь?

— Хорошо. — Я повернул голову и посмотрел на экран.

Три или четыре акробата с могучими торсами и в облегающих трико исполняли простые стойки друг у друга на руках. Закончив это упражнение, они перешли к более сложному и стали бросать по кругу девушку в леопардовых трусиках. Зрители шумно аплодировали. Мне они даже понравились.

Потом двое перешли к тому, что можно было бы назвать демонстрацией динамического напряжения, — сомкнув ноги и шеи, похожие на пару кататонических быков, они долго упирались таким образом, пока один не был повергнут

на пол.

— Зачем они снова это делают? — спросила Хелен. — Уже в третий раз.

— Нет, не думаю. Это все же другой акт. Некоторое отличие есть.

Главный силач задрожал от напряжения, гора мышц просела, и вся комбинация рассыпалась.

— В прошлый раз вот здесь они поскользнулись, — сказала Хелен.

— Нет, нет, — тут же возразил я. — Там они упирались головами. А здесь была горизонтальная растяжка.

— Ты же не смотрел, — сказала Хелен и подалась вперед. — Во что они играют? Все повторяется уже в третий раз.

По-моему, номер был совершенно новый, но спорить я не стал.

Я приподнялся и посмотрел на часы.

10:05.

— Дорогая. — Я обнял ее за плечи. — Держись покрепче.

— Ты о чем?

— Это карусель. И ты за рулем.

1956

Escapement. Первая публикация в журнале *New Worlds*, декабрь 1956.

Перевод С. Самуйлова

Концентрационный город

Обычный полуденный разговор на Миллионной улице:

— Вынужден вас огорчить, вы на Западном Миллионе. Вам нужен Восток, 9775335…

— Полтора доллара за кубофут? Беру!

— Садитесь на Западный экспресс, едете до Авеню-495. Там — на подъемник Красной линии, тысяча этажей вверх, к Плаза-терминал. Потом в южном направлении. То, что вам нужно, находится между Авеню-568 и 422-й Стрит…

— Там внизу, в округе КЕН, есть «пещера»! Тридцать уровней глубиной, пять блоков по двадцать…

— Вы гляньте — «Массовый побег арсонистов! Пожарные оцепили округ БЭЙ»…

— Отличный счетчик, ловит 0,005 процента моноксида. Всего-то триста долларов.

— Ты видел эти новые междугородники? Три тысячи уровней всего за десять минут!

— Девяносто центов за фут? Купите!

— …Говорите, идея пришла к вам во сне? — возвзвал голос свыше. — Что ее вам точно никто не

внушил?

— Никто, — сказал М. Настольная лампа всего в паре футов от его лица била по глазам грязно-желтым световым кулаком. Прикрыв веки, он стал ждать, пока сержант вновь подойдет к столу и постучит пальцами по краю столешницы, вынуждая его обратить на себя внимание.

— Вы обговаривали идею с друзьями?

— Только одну ее сторону. О возможности перелета.

— Но вы утверждаете, что вторая часть теории важнее. Зачем же скрыли ее от них?

М. замешкался. Где-то снаружи прогрохотал надземный поезд.

— Я боялся, что они не поймут, что я имею в виду.

— Хотите сказать, примут за сумасшедшего? — со смешком уточнил сержант.

М. поерзал. Табурет был слишком низкий — ножки от силы шестидюймовые, и от долгого сидения в неудобной позе у него все затекло. Оказывается, достаточно трех часов перекрестных допросов, чтобы само понятие «здравомыслие» отпало.

— Моя концепция отличалась абстрактностью. Словами ее толком не описать.

Сержант покачал головой, подходя к М. ближе:

— Ну наконец-то признал!.. Слушай, дабы прекратить эту бессмысленную отсидку, просто скажи мне, парень: ты все еще думаешь, что у твоих идей есть хоть какая-то основа?

— А разве нет? — тихо спросил, обратив лицо к сержанту, М.

— Мы зря теряем время. — Эти четыре слова, полные горечи и недовольства, сержант адресовал человеку, наблюдавшему за допросом из тени у окна. — Ему нужен психиатр. Вы увидели достаточно, не так ли, доктор?

Доктор разглядывал руки. Он не принимал участия в допросе, сам метод ему претил.

— Мне еще нужно кое-что уточнить, — произнес он. — Оставьте нас на полчаса.

Когда сержант ушел, доктор сел за стол и уставился в окно, прислушиваясь к песням ветра в вентиляционной шахте, выходившей на улицу перед участком. Несколько фонарей на фасаде еще горели, и в двухстах ярдах одинокий полисмен патрулировал железный пандус, бегущий над улицей. Каждый его шаг сопровождался гулким металлическим эхом в сумерках.

М. вытянул затекшие ноги, чтобы хоть немного вернуть в них кровь. Доктор же опустил глаза на

лежащее перед ним заявление по делу.

Имя — Франц М.
Возраст — 20 полных лет
Род занятий — Студент
Адрес: — округ КНИ, уровень 549–7705–45, Западная 3599719-я улица, местн.
Обвиняется в: — бродяжничестве

— Расскажи мне об этом сне, — попросил доктор, складывая бумагу пополам.

— Думаю, вы все слышали, сэр, — ответил М.

— Мне не хватило подробностей.

— Их не так много, да я уже и не помню все. Я был подвешен в воздухе над плоским участком открытого пространства, что-то вроде пола огромной арены. Руки вытянуты вдоль боков. Смотрел вниз… будто бы плавал.

— «Будто бы»? — акцентировал доктор. — Так, может, все-таки плавал?

— Нет, — сказал М. — Уверен, что не плавал. Меня ничто не сковывало — и это самая важная часть. Ни вода, ни стены, ничто не ограждало, и ничего там не было, кроме пустоты. Вот и все, что я помню.

Доктор провел ногтем по сгибу на бумаге.

— И что дальше?

— Сон вдохновил меня на построение летательного аппарата. Один мой друг помог.

Доктор кивнул. Ленивым жестом он смял заявление по делу М., превратив его в безвредный бумажный комок.

— Не будь фантазером, Франц, — увещевал его Грегсон. Они стояли в очереди у стойки кафетерия химического факультета. — Это противоречит законам гидродинамики. Откуда возьмется поддерживающая сила?

— Представь себе обтянутую материей раму метра три в поперечнике, вроде жесткой турбинной лопасти. Или что-то вроде передвижной стенки со скобами для рук. Что будет, если, держась за скобы, прыгнуть с верхнего яруса стадиона «Колизей»?

— От тебя останется мокрое место.

— А если серьезно?

— При должном просторе, если предположить, что рама не развалится, ты сможешь соскользнуть вниз — как бумажный журавлик или самолетик.

— Вот именно. Правильно сказать — не «соскользнуть», а «спланировать». — Вдоль улицы на высоте тридцатого этажа с грохотом промчался городской экспресс. В кафетерии задребезжала

посуда. Франц молчал, пока они не уселись за свободный столик. О еде он даже не думал.

— Теперь представь, что к этому крылу прикреплена двигательная установка, например вентилятор на батареях или ракета вроде тех, что разгоняют Суперэкспресс. Допустим, тяга уравновесит падение. Что тогда?

Грегсон задумчиво пожал плечами.

— Если тебе удастся управлять этой штукой, тогда она… как это слово?.. ты еще несколько раз его повторил?

— Тогда она *полетит*.

— В сущности, с точки зрения науки, Мэтисон, в вашей машине нет ничего хитрого. Элементарное практическое воплощение сопла Вентури[2], — рассуждал профессор физики Сангер по пути в библиотеку. — Но только какой в этом прок? Цирковая трапеция позволяет выполнить подобный трюк столь же успешно и с меньшим риском. Для начала представьте, какой огромный полигон нужен для испытаний. Не думаю, что Транспортное управление придет в восторг от таких масштабов вашей идеи.

---

[2] Примечания: 2

Устройство для измерения расхода или скорости потока газов и жидкостей.

— Я понимаю, что в условиях города от нее мало проку, но на большом открытом пространстве ей можно будет отыскать применение.

— Пусть так. Обратитесь, не мешкая, в дирекцию стадиона «Арена-гарден» на 347-м уровне. Там это может иметь успех.

— Боюсь только, что стадион окажется мал, — вежливо улыбнулся Франц. — Я имел в виду *совершенно* пустое пространство, свободное по всем трем измерениям.

— Свободное пространство? — Сангер удивленно поглядел на Франца. — Разве вы не слышите, как в самом слове скрыто внутреннее противоречие? Пространство — это доллары за кубофут… — Профессор задумчиво потер кончик носа. — Вы уже начали ее строить?

— Нет еще, — ответил Франц.

— В таком случае я советую оставить эту затею. Помните, Мэтисон, что наука призвана хранить, систематизировать и заново интерпретировать прошлые открытия, а не гоняться за бредовыми фантазиями, направленными в пустую перспективу.

Сангер по-дружески кивнул ему и нырнул в проем между стеллажей.

Грегсон ждал на ступеньках у входа в библио-

теку.

— Ну как? — спросил он.

— Я предлагаю провести эксперимент сейчас, — ответил Франц. — Давай пропустим фармакологию. Сегодня текст № 5. Эти лекции Флеминга я уже наизусть знаю. Я попрошу у доктора МакДжи два пропуска на стадион.

Они вышли из библиотеки и зашагали по узкой, тускло освещенной аллее, огибавшей с тылов новый лабораторный корпус инженерно-строительного факультета. Архитектура и строительство — на эти две специальности приходилось почти три четверти всех студентов университета, тогда как в чистую науку шли какие-то жалкие два процента. Вот почему физическая и химическая библиотеки ютились в старых, неухоженных зданиях-бараках, где прежде размещался ликвидированный ныне философский факультет.

Аллея вывела их на университетский двор, и они начали подъем по железной лестнице на следующий уровень. На полпути полицейский из пожарной охраны наскоро проверил их детектором на окись углерода и, махнув рукой, пропустил наверх.

— А что думает по этому поводу Сангер? — спро-

сил Грегсон, едва они вышли на 637-ю улицу и направились к остановке пригородных подъемников.

— Думать он не умеет, — ответил Франц. — Он даже не понял, о чем я говорю.

— Боюсь, я из одной с ним обоймы, — кисло усмехнулся Грегсон.

Франц купил в автомате билет и встал на посадочную платформу с указателем «вниз». Под трель звонков сверху неспешно опустилась платформа. Он обернулся и сказал:

— Потерпи до вечера — увидишь своими глазами.

У входа в «Колизей» дежурный отметил их пропуска.

— Студенты, значит? Проходите. А это у вас что? — Он указал на длинный сверток, транспортируемый ими в четыре руки.

— Прибор для измерения скорости потоков воздуха, — ответил Франц.

Дежурный пробурчал что-то вроде «франкенштейны юные», но турникет открыл.

В самом центре пустой арены Франц распаковал их ношу, и вдвоем товарищи быстро собрали модель. К узкому решетчатому фюзеляжу сверху прикреплялись лопастевидные широкие крылья,

сделанные из картона на проволочном каркасе, и высоко задранный хвост.

Франц поднял модель над головой и запустил ее вверх. Она плавно пролетела метров шесть и опустилась на подстилку из опилок.

— Планирует вроде как устойчиво, — проговорил он, — теперь попробуем на буксире.

Франц вытащил из кармана моток лески и привязал один конец к носу модели. Когда молодые люди побежали, модель грациозно взмыла в воздух и полетела за ними метрах в трех над ареной.

— А теперь попробуем с ракетами, — сказал Франц. Он расправил крылья и хвост и вложил в проволочный кронштейн на крыле три пиротехнические ракеты.

Диаметр арены был сто двадцать метров, высота — семьдесят пять; они отнесли модель к самому дальнему краю, и Франц поджег фитиль. Модель медленно поднялась на полметра и заскользила вперед, покачивая крыльями и оставляя за собой ярко окрашенную струю дыма. Внезапно вспыхнуло яркое пламя. Модель круто взлетела к потолку, где на мгновенье зависла, затем стукнулась об осветительный плафон и рухнула вниз на опилки.

Подбежав к месту ее падения, Франц и Грегсон стали затаптывать тлеющие искорки.

— Невероятно! Эта штука летает! — кричал Грегсон.

Франц отпихнул ногой покоробленный фюзеляж.

— Кто в этом сомневался? — раздраженно буркнул он. — Но как сказал Сангер, какой в этом прок?

— Какой еще прок тебе нужен? Она летает! Разве этого мало?

— Мало. Мне нужен большой аппарат, способный поднять меня в воздух.

— Франц, остановись! Одумайся! Где ты будешь на нем летать?

— Почем я знаю? — огрызнулся тот. — Где-то же должны быть такие условия.

С другого конца стадиона к ним с огнетушителями бежали дежурный и два охранника.

— Слушай, ты спички спрятал? — торопливо спросил Франц. — Если нас примут за арсонистов — линчуют к чертям.

Три дня спустя Франц поднялся на подъемнике на сто пятьдесят уровней и зашел в окружную контору по продаже недвижимости.

— Большая «расчистка» есть в соседнем сек-

торе, — сказал ему один из клерков. — Не знаю, подойдет ли она вам. Шестьдесят кварталов на двадцать уровней.

— А крупнее ничего нет?

— Крупнее?! — Клерк удивленно уставился на Франца. — Что вам, собственно, нужно? «Расчистка» или легкий приступ агорафобии?

Франц полистал карты, лежащие на стойке:

— Мне нужна длинная «расчистка». Пустырь длиной в двести или триста кварталов.

Клерк покачал головой и вернулся к своим занятиям.

— Разве вас не учили основам градостроительства? Город этого не выдержит. Сто кварталов — это предел.

Франц поблагодарил клерка и вышел.

За два часа он добрался южным экспрессом до соседнего сектора. На пересадочной станции он сошел и прошел пешком метров триста до конца уровня.

Это была обветшавшая, но еще оживленная торговая магистраль, пересекающая насквозь пятнадцатикилометровый Промышленный Лембик: по обеим сторонам первые этажи были заняты магазинами одежды и офисами. Внезапно улица оборвалась, перейдя в хаос покорежен-

ного металла и бетона. Вдоль края обрыва были установлены стальные перила. Франц заглянул в огромную пещеру километров пять длиной, полтора шириной и метров четыреста глубиной; тысячи инженеров и рабочих были заняты расчисткой сотовой структуры Города.

Глубоко внизу сновали бесчисленные грузовики и вагонетки, увозя строительный мусор и обломки; вверх поднимались клубы пыли, превращенные лучами прожекторов в некий светоносный газ. Очередная серия взрывов отрезала всю левую стену будто ножом — та рухнула вниз, обнажив пятнадцать уровней.

Францу и прежде доводилось видеть крупные «расчистки». Десять лет назад его родители погибли в печально знаменитом завале в округе КУА; три несущих пилона не выдержали нагрузки, и двести уровней рухнули вниз на три тысячи метров, раздавив полмиллиона жителей, словно мух, забравшихся в коробку. Однако сейчас его воображение было сковано и ошеломлено зрелищем этой бескрайней пустоты. Слева и справа от него над бездной, словно террасы, выступали уцелевшие перекрытия; они были густо облеплены людьми, в благоговейной тишине взиравшими вниз.

— Говорят, здесь будет парк, — с надеждой в голосе проговорил стоявший рядом с Францем старик. — Я даже разок слышал, будто им удастся вырастить настоящее дерево. Подумать только! Единственное живое дерево на весь округ…

Мужчина в поношенном свитере сплюнул вниз.

— Обещать-то горазды, а толку? По доллару за фут — вот вам и все светлое будущее.

Какая-то женщина начала нервно всхлипывать. Двое стоявших рядом мужчин попытались увести ее, но она забилась в истерике, и пожарный инспектор оттащил ее прочь.

— Дурочка, — хмыкнул человек в поношенном свитере. — Должно быть, жила где-то здесь. Выставили ее на улицу и дали компенсацию девяносто центов за фут. Она еще не знает, что ей придется выкупать свой объем по доллару десять центов. Поговаривают, что только за право стоять здесь с нас будут сдирать по пять центов в час.

Франц простоял у перил около двух часов, потом купил у фотографа карточку с видом «расчистки» и пошел обратно.

Прежде чем вернуться в студенческое общежитие, он заглянул к Грегсонам. Те жили на 985-й авеню в районе Западных миллионных улиц в

трехкомнатной квартирке на самом верхнем этаже. Франц частенько заходил сюда после гибели их родителей, но мать Грегсона все еще относилась к нему со смешанным чувством жалости и подозрительности. Она встретила его обычной приветливой улыбкой, но Франц заметил, как она бросила острый взгляд на сигнализатор пожарной опасности, висевший в передней.

Грегсон в своей комнате деловито вырезал из бумаги какие-то замысловатые фигуры и наклеивал их на шаткую конструкцию, отдаленно напоминавшую модель Франца.

— Привет, Франц! Ну, как она выглядит?

— Впечатляющее зрелище, и все же это всего-навсего «расчистка».

— Как думаешь, можно будет там испытать? — Грегсон указал на свою недостроенную модель.

— Вполне.

Франц сел на кровать, поднял валявшегося на полу бумажного журавлика и запустил его из окна. Журавлик заложил над улицей широкую ленивую дугу и канул в разверстую пасть вентиляционного колодца.

— А когда ты начнешь строить вторую модель? — спросил Грегсон.

— Никогда.

— Как же так? — удивился Грегсон. — Ты же подтвердил свою теорию.

— Я не этого добивался.

— Я тебя не понимаю, Франц. Что тебе нужно?

— Свободное пространство.

— Как это — свободное?

— Во всех смыслах. От стен и от денег.

Грегсон печально покачал головой и принялся вырезать очередную фигуру.

Франц встал:

— Послушай, возьмем, к примеру, твою комнату. Ее размеры — шесть на четыре, пять на три. Увеличим ее безгранично по всем направлениям. Что получится?

— «Расчистка».

– *Безграничность!*

— Бесполезная пустота.

— Почему?

— Потому что сама идея абсурдна.

— Что в ней абсурдного? — терпеливо переспросил Франц.

— То, что подобная штука существовать не может.

Франц в сердцах хлопнул себя по лбу:

— Кто тебе сказал, что не может?

— Никто, но в самой идее есть внутреннее про-

тиворечие. Это такая задачка на словах, пища для размышлений. Теоретически — да, интересно. Практически — та еще чушь. — Грегсон бросил ножницы на стол. — Да и потом, вообрази-ка, сколько будет стоить это твое «свободное пространство»?

Франц подошел к книжной полке, снял с нее увесистый том и раскрыл на содержании:

— Заглянем в атлас улиц округа КНИ. Округ охватывает тысячу уровней, объем — сто пятьдесят тысяч кубических километров, население — тридцать миллионов человек. Округ КНИ вместе с двумястами сорока девятью другими округами составляет 493-й сектор; ассоциация из тысячи пятисот соседних секторов образует 298-й союз. Он занимает округленно 4 × 1015 больших кубических километров.

Он взял паузу и посмотрел на Грегсона:

— Кстати, ты слышал об этом?

— Нет, а откуда ты…

Франц бросил атлас на стол.

— А теперь скажи, что находится за пределами 298-го союза?

— Другие союзы, надо думать. Не понимаю, что здесь такого сложного?

— А за другими союзами?

— Еще другие. Почему бы и нет?

— Бесконечно?

— Столько, сколько возможно.

— Наиполнейший атлас округа хранится в старой библиотеке департамента финансов, — сказал Франц. — Сегодня я там был. Он занимает целых три уровня и насчитывает миллионы томов. Заканчивается он 598-м союзом. О том, что дальше, никто и понятия не имеет. Почему?

— Ну и что с того? Куда ты клонишь?

Франц встал и направился к выходу:

— Пойдем-ка в биологический музей, я тебе кое-что покажу.

Их окружали птицы — сидели на нагромождениях камней, расхаживали по усыпанным песком дорожкам между искусственными прудиками.

— Археоптерикс, — прочитал вслух надпись Франц на одном из вольеров; бросил сквозь прутья пригоршню семечек, и птица, отощавшая и потрепанная, хрипло закаркала в благодарность. — Эти птахи до сих пор сохранили рудиментарные перья и мелкие кости в мягких тканях вокруг грудной клетки.

— Остатки крыльев?

— Так считает доктор МакДжи.

Они побродили по дорожкам между вольерами.

— И когда же, по его мнению, эти птицы умели летать?

— До Основания Города, — ответил Франц. — Три миллиона лет назад.

Выйдя из музея, они направились по 859-й авеню. Через несколько кварталов путь им преградила толпа; во всех окнах и на всех балконах выше эстакады надземки стояли зеваки, глазевшие, как пожарные вламываются в один из домов. Стальные переборки по обе стороны квартала были задраены, а массивные люки лестниц, ведущих на соседние уровни, закрыты. Оба вентиляционных колодца, приточный и вытяжной, были отключены, и воздух стал затхлым и спертым.

— Арсонисты, — прошептал Грегсон. — Зря мы не захватили противогазы.

— Не паникуй, — отозвался Франц, показывая на вездесущие сигнализаторы угарного газа, чьи стрелки примерзли к нулю. — Переждем в ресторанчике.

Протиснувшись в ресторан, они уселись у окна и заказали кофе. Кофе был холодным, как и остальные блюда. Все нагревательные приборы

выпускались с ограничителями нагрева до тридцати Цельсия; сколько-нибудь горячую пищу подавали только в самых дорогих ресторанах и отелях. Шум на улице усилился: пожарным все никак не удавалось проникнуть на второй этаж, и они стали разгонять толпу, расчищая площадку перед домом. Электрическую лебедку, подогнанную заранее, начали прикручивать болтами к опорным штифтам под тротуаром. В стены дома вонзились мощные стальные крючья.

— Вот хозяева удивятся, когда вернутся домой, — хихикнул Грегсон.

Франц неотрывно смотрел на горящий дом. Это было крохотное ветхое строеньице, зажатое между большим мебельным магазином и новым супермаркетом. Старая вывеска на фасаде была закрашена, по-видимому, недавно — новые владельцы без особой надежды на успех пытались превратить нижний этаж в дешевый кафетерий. Пожарные уже успели разгромить его, и весь тротуар перед входом был усыпан битой посудой и раздавленными подошвами пирожками. Барабан лебедки начал вращаться, и толпа сразу же притихла. Канаты натянулись, передняя стена задрожала и пошла трещинами.

Из толпы раздался истеричный вопль.

— Смотри! Там, наверху! — Франц указал рукой на четвертый этаж, где в оконном проеме показались двое — мужчина и женщина, глядевшие вниз с унылой безнадежностью. Мужчина помог женщине выбраться на карниз; она проползла несколько футов и ухватилась за канализационную трубу. Из толпы в них полетели бутылки. Широкий разлом разрезал надвое фасад, пол ушел из-под ног мужчины, и он рухнул вниз. Следом лопнуло перекрытие, и дом рассыпался на куски.

Франц с Грегсоном вскочили на ноги, чуть не опрокинув столик.

Толпа ринулась вперед, смяв цепь полицейских. Когда осела пыль, на месте дома была лишь куча камней и покореженных балок. Из-под обломков было видно корчившееся изуродованное тело. Задыхаясь от пыли, мужчина медленно двигал свободной рукой, пытаясь освободиться. Ползущий крюк зацепил его и утянул под обломки; в толпе снова послышались крики.

Хозяин ресторанчика протиснулся между Францем и Грегсоном и выглянул из окна, не отрываясь от портативного детектора; стрелка прибора, как и на всех других сигнализаторах, твердо стояла на нуле. Дюжина водяных струй

взвилась над руинами, и несколько минут спустя толпа начала таять.

Хозяин выключил детектор и, отступив от окна, ободряюще кивнул Францу:

— Арсонисты, дурное племя! Все кончено, ребята, не волнуйтесь.

— Но ведь ваш прибор стоял на нуле. — Франц указал на датчик. — Не было и намека на окись углерода. С чего же вы взяли, что это арсонисты?

— Не сомневайтесь, я-то знаю. — Хозяин хмыкнул. — Нам тут такие типы ни к чему.

Франц пожал плечами и снова сел:

— Поджог — тоже способ избавиться от неугодных соседей, не хуже любого другого.

Хозяин пристально посмотрел на него:

— Парень, у нас тут престижный квартал, доллар и пять центов за фут. — Он хмыкнул. — Потянет на доллар и шесть центов, когда все узнают, как мы блюдем нашу безопасность.

— Ты бы так не дразнил его, — протянул Грегсон, когда хозяин отбыл. — Если он и впрямь как-то в этом замешан…

Франц отмахнулся и опустил ложечку в чашку.

— Доктор МакДжи полагает, что пятнадцать процентов населения — потенциальные поджигатели. Он убежден, что их становится все

больше и больше, что придет время, и весь Город погибнет в огне.

Он отодвинул чашку.

— Сколько у тебя денег?

— При себе?

— Всего.

— Долларов тридцать.

— Мне удалось наскрести пятнадцать, — сказал Франц. — Сорок пять долларов, на это можно протянуть недели три-четыре.

— Где?

— В Суперэкспрессе.

— В Суперэкспрессе? — Грегсон чуть не подавился. — Три или четыре недели! Ты что задумал?

— Есть лишь один способ узнать правду, — спокойно объяснил Франц. — Я больше не могу сидеть без дела и думать думу. Где-то должно существовать свободное пространство, и я буду ехать на Супере, пока не отыщу его. Ты одолжишь мне свои тридцать долларов?

— Но…

— Если за две недели я ничего не найду, пересяду на обратный поезд и вернусь.

— Но билет обойдется… — Грегсон замялся в поисках нужного слова, — в миллиарды. За сорок

пять долларов ты не выедешь на Супере даже за пределы сектора!

— Деньги мне нужны только на кофе и бутерброды. Проезд не будет стоить ни цента. Ты же знаешь, как это делается…

Грегсон недоверчиво покачал головой:

— А разве для Супера этот фокус тоже годится?

— Конечно. Если у меня спросят, я отвечу, что возвращаюсь домой кружным путем. Ну как, спонсируешь эксперимент?

— Не знаю, Франц. — Грегсон растерянно мешал ложечкой кофе. — А существует ли свободное пространство?

— Это я и намерен выяснить, — ответил Франц. — Считай, это моя первая практика по физике.

Стоимость проезда на транспорте зависела от расстояния между начальной и конечной станциями и определялась по формуле: $a = Öb^2 + c^2 + a^2$. Оставаясь в пределах транспортной системы, пассажир мог выбирать любой маршрут из пункта отправления в пункт назначения. Билеты проверяли только на выходе, и в случае необходимости контролер взимал доплату. Если пассажир не мог расплатиться — десять центов за километр, — его отправляли обратно.

Франц и Грегсон вошли на станцию на 984-й улице и направились к билетному автомату. Франц вложил один пенни и нажал кнопку с надписью «984-я улица». Автомат заскрежетал, выплюнул билет, а на поднос для сдачи выкатилась та же монетка.

— Что ж, Грег, счастливо оставаться, — проговорил Франц, направляясь к платформе. — Увидимся недельки через две. Я договорился с ребятами, в общежитии меня прикроют. Скажешь Сангеру, что я на пожарной практике.

— А вдруг ты не вернешься, Франц? Вдруг тебя высадят из экспресса?

— Как это высадят? У меня есть билет.

— А если отыщешь Свободное пространство? Вернешься?

— Если смогу.

Франц похлопал Грегсона по плечу, махнул рукой и скрылся в толпе пассажиров.

По внутренней Зеленой линии он доехал до пересадочного узла в соседнем округе. Местные поезда ходили со скоростью сто километров в час со всеми остановками, и дорога заняла два с половиной часа.

На пересадочном узле станции он сел на экспресс-подъемник, со скоростью в шесть сотен

километров в час за девяносто минут вознесший его за грань сектора. Еще пятьдесят минут на экспрессе — и он очутился на Центральном вокзале, где сходились все артерии союзной транспортной системы.

Здесь он выпил кофе и твердо решил не отступать. Суперэкспрессы отправлялись на запад и на восток с остановками на каждой десятой станции. Ближайшим оказался Западный экспресс, прибывавший через семьдесят два часа.

Центральный вокзал был самой большой станцией, какие только ему доводилось видеть: огромная пещера длиной два километра и высотой в тридцать уровней. Сотни подъемников и экспресс-платформ, лабиринт ресторанов, отелей, кинотеатров превращали вокзал в карикатурную модель Города.

Узнав дорогу в справочном бюро, Франц на подъемнике достиг пятнадцатого яруса, где останавливались Суперэкспрессы. Их вакуумные тоннели — две огромные стальные трубы по сто метров в диаметре на гигантских железобетонных пилонах — прошивали вокзал насквозь.

Франц прошелся вдоль платформы и остановился у телескопического трапа, соединявшего платформу с воздушным шлюзом. *Идут на запад,*

точно на 270°, подумал он, разглядывая огромное изогнутое нутро тоннеля. Где-то он должен кончиться. В кармане у Франца было сорок пять долларов, этого хватит на кофе и бутерброды недели на три, а по случаю — и на все шесть. Вполне достаточно, чтобы выяснить, где кончается Город.

Следующие трое суток он провел, питаясь кофе с бутербродами в бесчисленных вокзальных кафетериях, читая брошенные газеты и отсыпаясь в пригородных поездах — четыре часа до границы сектора и обратно.

Когда прибыл Суперэкспресс, Франц присоединился к небольшой группе пожарных и муниципальных чиновников и вслед за ними вошел в поезд. Поезд состоял из двух вагонов — спального, где не было ни души, и общего с местами для сидения.

Франц уселся в укромном уголке, как можно ближе к приборной панели, и, вытащив блокнот, приготовился сделать первую запись.

День 1: Запад, 270° — 4350-й союз.

— Давайте выйдем, выпьем, — обратился к нему капитан пожарной полиции, сидевший через проход. — Тут стоянка десять минут.

— Спасибо, не пью, — ответил Франц. — Но я покараулю ваше место.

Доллар пять за кубический фут. Чем ближе Свободное пространство, тем ниже должны быть цены. Незачем выходить из поезда и привлекать к себе лишнее внимание расспросами. Достаточно одолжить газету и посмотреть средние рыночные цены.

День 2: Запад, 270° — 7550-й союз.

— От Суперэкспрессов скоро совсем откажутся, — сказал сосед. — В спальном вагоне никого, а здесь на шестьдесят мест всего четыре пассажира. Незачем стало ездить. Люди предпочитают сидеть дома. Еще несколько лет, и сохранятся только местные поезда.

97 центов.

Если прикинуть в среднем по доллару за фут, от нечего делать считал Франц, *то пространство, преодоленное мной, стоит 4 × 1027 долларов.*

— Вы не выходите? Что ж, счастливо оставаться, молодой человек.

Мало кто из пассажиров проводил в вагоне больше трех-четырех часов. К концу второго дня от многократных разгонов и остановок у Франца разболелись спина и затылок. Он пытался раз-

мяться, прогуливаясь по коридору пустующего спального вагона, но то и дело ему приходилось возвращаться на свое место, чтобы пристегнуть ремни перед очередным торможением.

День 3: Запад, 270° — 657-я федерация.

— Интересно, как вам удалось это доказать?

— Просто случайная идея, — пояснил Франц, комкая рисунок и кидая его в корзинку для мусора. — Она не предназначена для практического воплощения.

— Ну и ну. Что-то мне это напоминает.

Франц подскочил на своем сиденье:

— Вы уже видели такие машины? Где? В газете? В книге?

— Нет. Вы не поверите, но они мне приснились.

Каждые двенадцать часов машинист оставлял в журнале роспись: поездные бригады западного и восточного направлений обменивались сменами и возвращались домой.

125 центов.

8 × 1033 долларов.

День 4: Запад, 270° — 1225-я федерация.

— Доллар за кубический фут. Вы продаете

недвижимость?

— Только начинаю, — соврал Франц. — Собираюсь открыть собственную контору.

Он играл в карты, покупал в автомате кофе с булочкой, смотрел на приборную панель и прислушивался к разговорам.

— Поверьте, настанет день, когда каждый союз, каждый сектор, едва ли не каждая улица обретут долгожданную независимость. У них будут собственные трансформаторы, аэраторы, резервуары, гидропонные фермы…

Поезд летел вперед.
6 × 1073 долларов.

День 5: Запад, 270° — 17-я Великая федерация.

В киоске на станции Франц купил пачку лезвий и мусс для бритья. Он заглянул в рекламку, выпущенную местной торговой палатой: «12 000 уровней… 98 центов за кубофут… уникальная аллея вязов, пожарная безопасность не имеет себе равных…»

Он вернулся в вагон, побрился и пересчитал оставшиеся тридцать долларов. От станции на 984-й улице его отделяло 95 миллионов километров, и он понимал, что пора подумывать о возвращении. В следующий раз он постарается

скопить пару тысяч.

7 × 10 127 долларов.

День 7: Запад, 270° — 121-я Центральная империя.

Франц взглянул на приборную панель.

— Разве здесь нет остановки? — спросил он у сидевшего в другом ряду мужчины. — Я хотел узнать, какие здесь средние цены.

— По-разному — от пятидесяти центов и до…

— Пятьдесят центов! — Франц вскочил с места. — Когда следующая остановка? Мне надо выходить!

— Только не здесь, сынок, — мужчина предостерегающе поднял руку. — Тут Ночной Город. Ты что, торгуешь недвижимостью?

Франц кивнул и попытался взять себя в руки.

— Я думал…

— Успокойся. — Мужчина встал со своего места и уселся напротив. — Это огромная трущоба. Мертвая зона. Кое-где здесь продают пространство по пятерке центов. Нет тут ни электричества, ни воды…

Два дня они ехали без единой остановки.

* * *

— Городские власти уже начали ликвидировать трущобы. Огромными блоками. Ничего другого не остается. Страшно подумать, что при этом происходит с их обитателями. — Он откусил большой кусок от бутерброда. — Такие могильники повсюду. О них умалчивают, а они все прирастают и прирастают. Все начинается в каком-нибудь закоулке в обычном районе по доллару за фут; засорился где-то мусоропровод, не хватает урн — не успеешь оглянуться, как миллион кубических километров превращается в хаос. Власти приходят на помощь, якобы закачивают в аэраторы цианистый газ, а потом блокируют выходы и входы. Если район замурован, это уже навсегда.

Франц слушал ошарашенно. Вокруг глухо гудел экспресс.

— В итоге ничего не останется, кроме мертвых зон. Весь Город превратится в гробницу.

День 10: Восток, 90° — 755-я Великая метрополия.

— Стойте! — Франц вскочил и удивленно уставился на приборную панель.

— В чем дело? — удивился сосед напротив.

— Восток! — закричал Франц. Он нажал клавишу в панели — безрезультатно. — Разве поезд повернул назад?

— Нет, это Восточный экспресс, — отозвался второй пассажир. — Вы что, сели не в тот поезд?

— Но поезд идет на запад, — настаивал Франц, — он идет на запад уже десять дней.

— Десять дней! — воскликнул пассажир. — Неужто вы едете так долго?

Франц прошел вперед и обратился к проводнику:

— Куда идет этот поезд? На запад?

Проводник отрицательно покачал головой:

— На восток, сэр. Он всегда шел на восток.

— Вы шутите! — закричал Франц. — Покажите мне поездной журнал!

— Сожалею, сэр, но это не в моей компетенции. Могу я взглянуть на ваш билет?

— Послушайте, — тихо сказал Франц, изнемогая от накопившегося в нем за двадцать лет отчаяния, — я еду в этом поезде…

Он замолчал и вернулся на свое место.

Пятеро пассажиров настороженно следили за ним.

— Десять дней, — потрясенно протянул кто-то.

Две минуты спустя в вагон вошел охранник и потребовал у Франца его билет.

— …И билет, разумеется, оказался в полном порядке, — подвел черту врач. — Да, как ни странно, нет закона, запрещающего такие поездки. Был я когда-то молод да зелен — сам любил прокатиться бесплатно, хотя мне, конечно, ваша блажь в голову не ударяла.

Врач снова сел за стол.

— Мы снимаем обвинение. По закону вы никакой не бродяга, и транспортные власти тоже не могут предъявить вам никаких претензий. Кстати, они не в состоянии объяснить, каким образом эта кривизна оказалась заложенной в транспортную систему; похоже, это исконная особенность Города. Теперь скажите — вы собираетесь продолжить свои поиски?

— Я хочу построить летательный аппарат, — осторожно сказал Франц. — Где-то же должно быть Свободное пространство. Не знаю… может быть, на нижних уровнях…

Врач встал:

— Я попрошу сержанта передать вас психиатру, он поможет вам одолеть кошмары.

Врач подошел к дверям, но вдруг остановился.

— Послушайте, — принялся он объяснять, —

возьмите, к примеру, время. У него ведь нет границ. Субъективно оно может протекать быстрее или медленнее, но что бы вы ни делали, вам не остановить эту стрелку. — Он показал на часы на столе. — И повернуть ее ход вспять вы тоже не в силах. Точно так же нельзя выйти за пределы Города.

— Вы сравниваете несравнимые вещи, — ответил Франц. — Все это, — он обвел рукой стены комнаты, окно, огни за окном, — построено людьми. Но никто не в состоянии ответить на вопрос: что здесь было прежде?

— Город был всегда, — сказал врач. — Разумеется, не эти самые кирпичи и балки, а другие. Вы же не станете спорить, что время не имеет ни начала, ни конца. Город так же стар, как время, и он существует вместе с ним.

— Но ведь кто-то же положил самый первый кирпич? — настаивал Франц.

— Вы ссылаетесь на миф, принимаемый на веру только учеными, да и то не всерьез. В беседах с глазу на глаз они признают, что первый кирпич — просто суеверие. Мы отдаем ему дань из чувства традиции, но ведь ясно, что самого *первого* кирпича не было *никогда*. В противном случае необходимо объяснить, кто его установил. И, что

еще труднее, откуда взялись строители.

— Где-то должно существовать Свободное пространство, — упрямо повторил Франц. — У Города должны быть границы.

— Почему? — переспросил врач. — Не может же Город стоять посреди пустоты? Или вы хотите доказать именно это?

— Нет, — устало отозвался он.

Врач молча разглядывал его несколько минут, а потом вернулся назад, к столу.

— Ваше состояние меня всерьез беспокоит. Оперируя терминами психиатрии, можно сказать, что у вас фиксация на парадоксе. Может быть, вы слышали про Стену и сделали ложные выводы.

— Стену? О чем вы?

— Иные ученые полагают, будто Город окружен Стеной, и за Стену невозможно проникнуть. Я даже и не пытаюсь понять эту теорию — настолько она абстрактна и заумна. Подозреваю, что они приняли за Стену замурованные мертвые зоны — вы их проезжали на Суперэкспрессе. Лично я предпочитаю общепринятую точку зрения: Город простирается во всех направлениях беспредельно.

Он снова направился к двери.

— Подождите здесь. Я попробую договориться о

вашем условном освобождении. Не волнуйтесь, психиатры мигом приведут вас в порядок.

Когда врач вышел, Франц продолжил сидеть, уставившись в пол. Он так устал, что не испытывал даже чувства облегчения. Поднявшись на ноги, он потянулся и аккуратной, весьма нетвердой походкой обогнул комнату.

За окном уже погасли последние уличные огни, и патрульный на переходном мостике зажег фонарик. Где-то по рельсам лязгал патрульный экипаж. На улице зажглись три лампочки; загорелись и погасли одна за другой.

Тут Франца озадачило: а с чего вдруг Грегсон не встретил его на станции? Внезапно его внимание привлек листок календаря на стене: двенадцатое августа! Тот самый день, когда он начал свое путешествие — ровно три недели назад… *сегодня*.

…Значит, нужно поехать по Зеленой линии в западном направлении до 298-й улицы, пересесть на подъемник Красной линии и подняться на 237-й уровень. Оттуда — пешком по 175-му маршруту до пересадки на 438-й пригородный и сойти на 795-й улице. Затем на Синем экспрессе до Плаза-терминал и на углу 4-й и 275-й повернуть налево и…

Оказаться снова в той точке, откуда начал

путь.

Круг беспрерывен, будешь ли рад? Мудрый сказал — *бесконечность есть Ад*.

1956

Build-Up (альтернативное название The Concentration City). Первая публикация в журнале *New Worlds*, январь 1957.

Перевод Г. Шокина

Шалость Венеры

Из цикла «Алые Пески»

Низкие ноты в разгар дня.

Когда мы уезжали после открытия, моя секретарша Кэрол спросила:

— Надеюсь, мистер Гамильтон, вы понимаете, каким дураком себя выставили?

— Не будь жестокой, — взмолился я. — Откуда мне было знать, что Лоррейн Дрексел сделает что-то… такое?

— Пять тысяч долларов, — протянула секретарша задумчиво. — Просто груда старого металлолома. Но этот шум! Вы хоть видели ее предварительные наброски? Для чего существует художественная комиссия?

Мои секретарши всегда говорили со мной подобным образом, и только тогда я смог понять, где кроется причина. Остановив машину в тени деревьев в конце площади, я оглянулся. Стулья были убраны, и небольшая толпа уже собралась вокруг статуи, с любопытством глазея на нее. Какой-то турист постучал по одной из стоек, и тонкий металлический скелет заходил ходу-

ном. Но статуя устояла, и пронзительный вопль, необычайно громкий в чистом утреннем воздухе, все еще несся из ее раструба. Прохожим только и оставалось, что скрипеть зубами.

— Рэймонд Мэй демонтирует ее сегодня днем, — заверил я секретаршу, — если на это кто-то до него не сподобится. Интересно, где сейчас мисс Дрексел?

— Не беспокойтесь, в Алых Песках вы ее больше не увидите. Держу пари, она уже на полпути к Ред-Бич.

— Не будь жестокой, — с понурым видом снова попросил я Кэрол. Вероятно, так Медичи смотрел на Микеланджело… — Ты, кстати, прекрасно выглядишь в этой новой юбке.

— Ой, мистер Гамильтон, таким дешевым комплиментом вы мне зубы не заговорите.

— Ладно, попытка была хороша. Но, в конце концов… кто мы такие, чтобы судить…

— Чтобы судить, нас — *вас* — и назначают. Вы ведь были в Комитете, я права?

— Дорогая, — терпеливо объяснил я, — виноват во всем не я, а эта орущая статуя.

До самой конторы мы ехали молча. Кэрол злилась — ей пришлось стоять со мной на одной кафедре, когда зрители стали смеяться над моей

речью на открытии. Впрочем, утро и без этого выдалось жутким. На Экспо-75 или Венецианской биеннале такое, может, и сошло бы с рук, но не в сонном царстве Алых Песков.

Когда комиссия дала добро на построение поющей статуи на площади в центре Алых Песков, мы с Рэймондом Мэем решили отдать проект на воплощение местным мастерам. В Песках проживали десятки профессиональных скульпторов, но только трое соизволили предстать перед Комитетом лично. Первые двое были огромными бородатыми мужчинами с зычными голосами и фантастическими задумками; один предлагал воздвигнуть вибрирующий алюминиевый пилон высотой сто футов, другой — скульптурную группу в виде отдыхающей семьи, состоящую из пятнадцати тонн базальта, насыпанного на мегалитическую ступенчатую пирамиду. Члены комиссии только и делали, что хватались — кто за голову, кто за сердце.

Третьим скульптором оказалась женщина по имени Лоррейн Дрексел. Когда-то эта весьма элегантная и своенравная особа в шляпке и с глазами, похожими на черные орхидеи, была моделью на короткой ноге с Джакометти и Джонни Кейджем. В синем платье китайского националь-

ного кроя, украшенном кружевными змеями и другими эмблемами стиля модерн, Лоррейн восседала перед нами — ни дать ни взять Саломея, сбежавшая из мира Обри Бёрдсли[3]. Огромные глаза ее изучали нас с почти что гипнотическим спокойствием, как будто выискивая в нас, парочке рассыпающихся в любезностях дилетантов из Комитета Искусств, некое уникальное внутреннее свойство.

В Алых Песках она прожила всего три месяца. На пути сюда ее ждали такие примечательные остановки, как Берлин, Калькутта и Чикагский Центр Модерна. Большая часть ее скульптур — по состоянию на тот примечательный день — являлась воплощением в форме не то индуистских, не то просто тантрических мотивов, и мне сразу вспомнился ее короткий, но яркий роман со всемирно известным популярным певцом, восторженным поклонником ситара[4] — позже он погиб в автомобильной аварии. В тот момент,

---

[3] Примечания: 3

Обри Винсент Бёрдсли (иногда Бердслей, Бирдсли) — английский художник-график XIX века, книжный иллюстратор, декоратор, поэт. Один из видных представителей английского «Эстетического движения» и символизма в изобразительном искусстве периода модерна.

[4] Примечания: 4

Ситар — струнный щипковый музыкальный инструмент типа лютни, используемый для исполнения индийской классической музыки.

однако, мы не задумались как следует о скулящих четвертьтонах того адского инструмента, столь чуждого здешнему уху. Лоррейн показала нам альбом своих скульптур, интересных хромовых конструкций, выгодно отличавшихся от тиража иллюстраций в последних художественных журналах. Договор был состряпан за каких-то полчаса.

Впервые я увидел статую в тот день — за тридцать секунд да того, как начал свое выступление перед общественностью из Алых Песков. Почему никто из нас не потрудился ознакомиться с детищем заранее — ума не приложу. Название, отпечатанное на пригласительных билетах, «*Звук и Квант: Генеративный Синтез — 3*» само по себе звучало подозрительно, а уж общая форма задрапированной статуи и вовсе пугала. Я-то ожидал стилизованную человеческую фигуру, но под пологом, судя по всему, крылось нечто вроде обычной антенны радиолокационного контроля. Тем не менее Лоррейн Дрексел спокойно сидела рядом со мной на трибуне, внимательным взглядом мягких глаз изучая наплывающую толпу. Мечтательная улыбка придавала ей вид этакой одомашненной Моны Лизы.

О том, что мы увидели после того, как Рэймонд

Мэй стянул драп, я стараюсь не думать. Вместе с пьедесталом статуя была высотой в двенадцать футов. Три тонкие металлические ножки, украшенные шипами и крестовинами, тянулись от цоколя к треугольной вершине. К ней была прикреплена зубчатая конструкция, которая на первый взгляд казалась старой радиаторной решеткой «бьюика». Она была согнута в неровную U-образную дугу пяти футов в поперечнике, и две ее руки торчали горизонтально, неся на себе по ряду звуковых ядер, каждое — как зубец огромного гребня около фута длиной. По всей статуе, очевидно в случайном порядке, были приварены двадцать или тридцать филигранных лопастей. Вся эта конструкция из поцарапанного хрома имела потускневший вид, как потрепанная непогодой антенна на крыше дома.

Немного испугавшись первых пронзительных возгласов, издаваемых статуей, я начал свою речь — и озвучил уже половину, когда заметил, что Лоррейн Дрексел поднялась со своего места и встала рядом со мной. Люди в зале тоже начали вставать и затыкать уши, крича Рэймонду, чтобы он заглушил это отродье дьявола. Шляпа пролетела по воздуху над моей головой и аккуратно приземлилась на одно из звуковых ядер. Статуя

теперь издавала прерывистый пронзительный вой, похожий на кошачий, — наверное, так она подражала звукам ситара, и я бы даже отметил достоверность воспроизведения, не грози моя черепушка вот-вот треснуть. В ответ на улюлюканье и протесты конструкция вдруг принялась гудеть, точно отчаливающий поезд, и от каждого гудка в теле будто бы кости ходили ходуном.

Когда зрители начали массово покидать свои места, я сбился с настроя и заикался до самого конца своей речи. Плач статуи прерывался криками и насмешками. Потом Кэрол резко дернула меня за руку, ее глаза вспыхнули. Рэймонд Мэй нервно махнул на все рукой.

Мы трое остались одни на платформе, ряды перевернутых стульев тянулись через площадь. В двадцати ярдах от статуи, начавшей жалобно хныкать, стояла Лоррейн Дрексел. Я ожидал найти на ее лице ярость и возмущение, но вместо этого в ее неподвижных глазах отразилось спокойное и непримиримое презрение вдовы в трауре, оскорбленной на похоронах мужа. Пока мы неловко ждали, глядя, как ветер уносит разорванные программки, она развернулась на своих подбитых алмазами пятках — и пошла через площадь прочь.

Никто больше не хотел иметь ничего общего со статуей, поэтому мне ее в итоге подарили. Лоррейн Дрексел покинула Алые Пески в день, когда сомнительное произведение искусства демонтировали. Прежде чем она отбыла, Рэймонд коротко переговорил с ней по телефону. Я предположил, что разговор выдался довольно неприятный, и не стал подслушивать по совмещенной линии.

— Ну так что? — спросил я, когда трубки были повешены. — Она требует ее назад?

— Нет. — Рэймонд казался слегка озадаченным. — Сказала, что статуя теперь наша.

— Наша — в смысле, наша с тобой?

— Наша — в смысле, для всех. Общественное достояние. — Рэймонд налил себе виски из графина, стоявшего на столике на веранде. — Она сказала это — и рассмеялась, представь себе!

— Вот как. Что же тут смешного?

— Понятия не имею. Она лишь добавила, мы еще дорастем до любви к этой статуе.

Пристроить детище было некуда, и я распорядился поставить ее в саду. Без каменного пьедестала эта штуковина насчитывала всего шесть футов в высоту. За кустарниками она притихла и стала излучать приятные мелодичные гармонии — мягкие рондо переливались в полуденном

зное. Рев ситара, разбрасываемый статуей на площади подобно яростному воззванию Лоррейн к своему мертвому возлюбленному, исчез совсем, словно изгнанный демон. Я был столь ошеломлен катастрофой на церемонии открытия, что почти не изучил статую толком. Что ж, в моем саду она выглядела куда лучше, чем в центре Алых Песков. Через несколько дней я почти забыл о ней.

Примерно через неделю после обеда мы сидели на террасе, развалившись в шезлонгах. Я уже почти заснул, когда Кэрол сказала:

— Мистер Гамильтон, мне кажется, она движется.

— Кто?

Секретарша подалась вперед, склонив голову набок.

— Статуя. Она выглядит как-то иначе.

Я сосредоточил взгляд на силуэте в двадцати футах от меня. Решетка радиатора наверху слегка наклонилась, но три антенны-стебля все еще казались более или менее вертикальными.

— Должно быть, дождь прошлой ночью размягчил землю, — сказал я, прислушавшись к тихим мелодиям, кружившимся в теплых воздушных вихрях. Лениво откинувшись назад, я вновь утратил к творению Лоррейн Дрексел интерес. Кэрол

закурила сигарету — на это ушло у нее четыре спички — и прошла через веранду.

Когда я проснулся через час, она уже снова сидела в шезлонге, нахмурив лоб.

— Что стряслось? — поинтересовался я. — Видок у тебя встревоженный.

Потом кое-что привлекло мое внимание, и…

— А ты права, — сказал я, с минуту разглядывая статую. — Она движется.

Кэрол кивнула. Очертания статуи заметно изменились. Решетка превратилась в открытую гондолу, тональные ядра которой, казалось, вывернулись к небу, и три антенны теперь отстояли друг от друга на большее расстояние. В целом геометрия постройки как-то неуловимо изменилась.

— Я так и думала, что в конце концов вы это заметите, — сказала Кэрол, когда мы подошли. — Из чего она сделана?

— Кованое железо, если мне не изменяет память. Но в ней, должно быть, много меди или свинца. Скорее всего, она проседает от жары.

— Проседают вниз, а она вытягивается вверх.

Я дотронулся до одной из подпорок. Та упруго трепетала под моей ладонью, когда воздух приводил хаотично размещенные лопасти в

движение; ее вибрации никак не желали сходить на нет. Вцепившись в подпорку обеими руками, я попытался удержать ее на месте. Низкий, но отчетливый пульс тогда охватил и меня.

Я попятился, отирая с рук отслоившийся хром. Моцартовские гармонии исчезли, и теперь статуя издавала серию низких аккордов, наводящих на мысли об этюдах Дворжака. Пока Кэрол стояла босиком, я вспомнил, что высота, которую мы задали Лоррейн Дрексел, была ровно два метра. Но статуя была на добрых три фута выше Кэрол, по меньшей мере шесть-семь футов в поперечнике. Лонжероны и стойки выглядели толще и прочнее, чем прежде.

— Кэрол, — сказал я. — Принеси мне резак, пожалуйста. В гараже наверняка есть один.

Она вернулась с двумя напильниками и ножовкой.

— Вы распилите ее на металлолом? — с надеждой осведомилась она.

— Дорогая моя, это оригинальная работа Лоррейн Дрексел. — Я взял один из напильников. — Я просто хочу убедиться, что не схожу с ума.

Я начал делать небольшие надрезы по всей статуе, стараясь, чтобы они выходили точно на ширине напильника. Металл был мягким и легко

поддавался «обработке»; на поверхности было много ржавчины, но под ней меня ждал яркий сочный блеск.

— Славно, — подытожил я, закончив. — Теперь пойдем выпьем чего-нибудь.

Засев на веранде, мы стали ждать. Поглядывая время от времени на статую, я готов был клясться, что она неподвижна. Но когда час спустя мы вернулись, гондола снова развернулась — и повисла над нами огромной металлической пастью.

Не было никакой необходимости сверять расстояние между надпилами. Все оставленные инструментом метки были теперь по крайней мере вдвое дальше друг от друга.

— Мистер Гамильтон, — подала голос Кэрол, — посмотрите вот сюда.

Она указала на один из шипов. Сквозь внешнюю чешую хрома торчали острые маленькие соски. Несомненно, это были зарождающиеся певчие ядра.

Я внимательно осмотрел остальную часть статуи. Повсюду на ней проступали новые побеги металла: дуги, зазубрины, острые двойные спирали, скручивающие первоначальную модель в более сложную конструкцию. Смесь полузабытых звуков, фрагментов сотен увертюр и отголосков

тысяч симфоний образовывала вокруг творения Лоррейн Дрексел своеобразную звуковую ауру. Теперь статуя стала выше двенадцати футов. Я нащупал одну из тяжелых распорок, и пульс стал сильнее, равномерно пробиваясь сквозь металл — словно подгоняемый звуками собственной музыки.

Кэрол наблюдала за мной с напряженным и обеспокоенным видом.

— Все в порядке. — Я махнул рукой в ее сторону. — Эта штука всего-навсего растет.

Мы вернулись на веранду и стали наблюдать.

К шести часам вечера статуя стала размером с небольшое дерево. По саду носились, то и дело сплетаясь друг с другом, энергичные ноты увертюр Брамса и Первого фортепианного концерта Рахманинова.

— Самое странное, — заметил Рэймонд на следующее утро, стараясь перекричать шум, — что это все еще оригинальная работа Дрексел.

— В смысле — произведение искусства?

— Да, и даже больше. Если взять любую ее часть — можно обнаружить, что оригинальные мотивы раз за разом повторяются. Каждая лопасть и каждая спираль исполнена в присущей Дрексел манере, будто она сама их и выплавляла. Надо

признать, что эта склонность к поздним романтическим композиторам немного не вяжется со всей ее ситарной болтовней, но, по-моему, это даже хорошо. Все-таки бетховенские пасторальные симфонии — это вечно, это классика, а ситар — ну… хороший инструмент, что тут еще сказать.

— Когда звучит один ситар — терпимо, но когда звучат все пять фортепианных концертов Бетховена разом, хочется сдохнуть, — кисло заметил я. Болтливое восхищение Рэймонда этим музыкальным чудовищем в саду раздражало меня. Я закрыл окна веранды, жалея, что он сам не установил статую в гостиной своей квартиры в центре города. — Я так понимаю, штука эта не будет расти вечно?

— Да, как нам с ней быть? — спросила Кэрол, принесшая Рэймонду еще порцию виски.

Тот пожал плечами беспечно.

— А чего вы так беспокоитесь? Если начнет докучать — распилите ее, и делу конец. Но все же хорошо, что мы не оставили ее в Алых Песках…

Кэрол коснулась моей руки.

— Мистер Гамильтон, возможно, именно этого и ожидала Лоррейн Дрексел. Она хотела, чтобы это безумие начало распространяться по всему городу, чтобы музыка сводила всех с ума…

— Не делай из мухи слона, — осадил ее я. — Рэймонд прав — мы в любой момент можем ее распилить и расплавить.

— Почему бы не начать уже сейчас?

— Хочу посмотреть, как сильно эта штука вымахает, — сказал я. На самом деле мои мотивы были чуть сложнее. Очевидно, перед тем как уйти, Лоррейн Дрексел каким-то образом превратила статую в инструмент мести всем нам — за то, что высмеяли ее творение. Рэймонд верно заметил — нынешняя палитра классической музыки не имела ничего общего со скорбным нытьем, которое издавала статуя в первую демонстрацию. Были ли те дикие аккорды задуманы как реквием по ее умершему возлюбленному — или даже, возможно, как манящие призывы еще не разбитого сердца? Каковы бы ни были ее мотивы, теперь они растворились в металлическом чудовище, занявшем половину моего сада.

Я смотрел, как статуя медленно тянется через лужайку. Она рухнула под собственной тяжестью и лежала на боку огромной угловатой спиралью, двадцать футов длиной и около пятнадцати футов высотой, этакий скелет футуристического кита. Из нее звучали фрагменты сюиты «Щелкунчик» и «Итальянской симфонии» Мендельсона,

перекрываемые неожиданно громкими отрывками из заключительных частей фортепианного концерта Грига. Выбор классиков, казалось, был специально нацелен на то, чтобы действовать мне на нервы.

Я провел со статуей почти всю ночь. После того как Кэрол легла спать, я выехал на лужайку рядом с домом и включил фары. Статуя почти светилась в темноте, гулко отдаваясь эхом в самой себе, все больше и больше звуковых ядер распускалось в желтом сиянии огней. Постепенно она утратила свою первоначальную форму; зубчатая решетка смялась, а затем выпустила новые стойки и шипы, которые спирально закручивались вверх и ощетинивались вторичными и третичными побегами. Вскоре после полуночи статуя заметно накренилась, а затем — внезапно опрокинулась.

Теперь ее разрастание обрело штопорообразную динамику. Основные очаги наращивания металла вспыхнули на обоих концах этой груды — и темпы роста ускорялись на наших глазах. Когда одна из стоек изогнулась, сквозь отслаивающийся хром просунулась маленькая «ручка». Через минуту та вымахала в шпору длиной в дюйм, утолщалась, начала изгибаться — и через пять минут преобразилась в резонирующее то-

нальное ядро длиной в двенадцать дюймов.

Рэймонд указал на двух моих соседей, стоявших на крышах своих домов в сотне ярдов от меня, встревоженных музыкой, доносившейся до них.

— Скоро здесь будут все жители Алых Песков. Будь я на твоем месте — поместил бы эту штуку под звуконепроницаемый колпак.

— Шутишь? Понадобится целый купол размером с теннисный корт. Пора с ней что-то делать. Попробуй связаться с Лоррейн Дрексел — интересно было бы выведать у нее, что заставляет статую расти.

* * *

С помощью ножовки я отрезал двухфутовую ветку и передал ее доктору Блэкетту, эксцентричному, но дружелюбному соседу, который иногда сам баловался скульптурными поделками. Мы вернулись в относительную тишину веранды. Одно-единственное певчее ядро на ветке испустило несколько случайных нот — фрагменты из квартета Веберна.

— Что об этом думаете, док?

— Образчик замечательный, — сказал Блэкетт, сгибая-разгибая прут. — По пластичности — почти что полимер. — Он глянул в сторону

статуи. — Динамика разрастания — круговая, определенно. Возможно, природа роста фототропная, почти как у растений.

— Это чудище — живое, хотите сказать?

Блэкетт рассмеялся.

— Мой дорогой Гамильтон… конечно же нет! Как такое может быть?..

— Где же тогда оно берет новую материю? Из земли?

— Из воздуха. Пока не уверен на все сто, но думаю, что фигура быстро синтезирует аллотропную форму оксида железа. Иными словами — чисто физическая перестройка составляющих ржавчины. — Блэкетт погладил свои густые щетинистые усы и мечтательно уставился на статую. — В музыкальном плане это довольно любопытно — ужасающее скопление почти всех плохих нот, когда-либо сочиненных. Где-то статуя, должно быть, получила серьезную звуковую травму. Ведет себя так, словно ее оставили на неделю на железнодорожной станции наедине с грохочущими товарняками. Есть идеи, что случилось?

— Никаких. — Возвращаясь с ним к статуе, я прятал глаза. Скульптура, словно учуяв наше приближение, затрубила первые такты «Торже-

ственного марша» Элгара. — Так что, кроме как распилить эту штуку, других способов ее унять — нет?

— Ну да. Тем не менее если она не доставляет особых хлопот — я бы ее оставил. Если моя теория про технологию, имитирующую поведение растений, верна, рано или поздно эта штука перезреет и лопнет. — Доктор протянул руку, пощупал один из отростков. — Стан пока еще тверд, но как подойдет время — раскрошится и распадется, наигрывая самому себе «Реквием» или «Сумерки богов», — что-нибудь такое, торжественно-похоронное. — С этими словами док рассмеялся в усы.

Увы, он совершенно не учел волю Лоррейн Дрексел.

На следующее утро в шесть часов меня разбудил шум. Теперь статуя была длиной в пятьдесят футов и рассекала цветочные клумбы по обе стороны сада. Она звучала так, словно целый оркестр исполнял симфонию Безумного Шляпника посреди лужайки. В дальнем конце, у рокария[5], певчие ядра все еще выводили Мендельсона,

[5] Примечания: 5

Рокарий — садовая композиция из камней и растений, имитирующая естественный горный или скалистый ландшафт.

Шуберта и Грига, но возле веранды их сородичи уже начали издавать резкие и синкопированные ритмы Стравинского и Штокхаузена.

Я разбудил Кэрол, и мы позавтракали в довольно нервной обстановке.

— Мистер Гамильтон! — то и дело вскрикивала она. — Вы обязаны это прекратить!

Щупальцевидные ростки металла добрались до самых стеклянных воротец веранды — с ними их теперь разделял жалкий пяток футов. Самые большие из них насчитывали больше трех дюймов в диаметре — и пульсировали, как тонкие поливочные шланги под давлением воды.

Когда по дороге проехали первые полицейские машины, я зашел в гараж и нашел ножовку. Металл был мягким, лезвие легко вошло в него. Срезая придатки, я сваливал их в кучу в стороне, заставляя случайные ноты взвиваться в воздух. Отделенные от «тела» статуи, фрагменты утрачивали акустическую активность, как и предрекал доктор Блэкетт. К двум часам дня я срезал примерно половину статуи и довел ее до приемлемых пропорций.

— Пока что хватит, — бросил я Кэрол, обошел вокруг и срезал напоследок несколько самых шумных лонжеронов. — Завтра я разберусь с

этим монстром окончательно.

Я едва ли удивился, когда Рэймонд позвонил мне и сказал, что никаких следов Лоррейн Дрексел обнаружить не удалось.

В два часа ночи я проснулся от того, что в спальне разбилось окно. Огромная металлическая спираль выпросталась, словно коготь, сквозь разбитое стекло, ее тональное ядро кричало на меня.

Взошел полумесяц, бросая тонкий серый свет на сад. Даже порядком обкорнанная, статуя стала в два раза больше, чем была прошлым утром. Она распространилась по всему саду спутанной сеткой, как скелет разрушенного здания. Первые щупальца уже добрались до окон спальни, в то время как другие перелезли через гараж и проросли через крышу, срывая оцинкованные металлические листы. По всей статуе тысячи звуковых ядер поблескивали в свете, падающем из окна, — в унисон они выводили финал «Апокалиптической симфонии» Брукнера.

Я постучался в двери спальни Кэрол, к счастью находившейся в другом крыле дома, и взял с нее обещание не выходить в ближайшие часы. Потом я позвонил Рэймонду Мэю. Тот явился через час с кислородно-ацетиленовой горелкой и заправоч-

ными баллонами на заднем сиденье машины.

Статуя росла так быстро, что мы едва успевали укорачивать ее, но без четверти шесть, когда первые лучи солнца прорезали небосвод, нам все-таки удалось опередить эту заразу.

Доктор Блэкетт наблюдал, как мы раскромсали последние фрагменты статуи.

— Там, в рокарии, есть вполне себе гармоничная поросль. Может, хоть ее пощадите?

Я вытер с лица пот и ржавчину, покачал головой:

— О нет, док. Мне очень жаль, но поверьте, одного раза достаточно.

Блэкетт сочувственно кивнул и мрачно уставился на груды железного лома — все, что осталось от статуи.

Кэрол, выглядевшая немного ошеломленной всем происходящим, разливала нам кофе и бренди. Когда мы откинулись на спинки шезлонгов, руки и лица наши чернели от металлических опилок и ржавчины. Усмехнувшись про себя, я подумал, что уж теперь-то никто не посмеет упрекнуть Комитет Искусств в том, что он не посвящает себя проектам всецело.

Я отправился на заключительную экскурсию по саду и выполол поросль, упомянутую Блэ-

кеттом, а затем встретил местного подрядчика, прибывшего со своим грузовиком. Ему и двум его людям потребовался час, чтобы погрузить металлолом — полторы тонны на круг, не меньше — в машину.

— Что мне с этим делать? — спросил он, забираясь в кабину. — Отвезти в музей?

— Нет! — почти крикнул я. — Избавьтесь от него. Закопайте где-нибудь — или, еще лучше, расплавьте. Как можно скорее!

Когда они ушли, мы с Блэкеттом прошлись по саду. Сад выглядел так, словно в него угодил осколочный снаряд. Повсюду — огромные ямы, а та трава, которую не вырвала статуя, была вытоптана нами. Железные опилки усыпали землю, слабая рябь потерянных нот звенела в воздухе.

Блэкетт наклонился и зачерпнул пригоршню опилок.

— Семена зла, друг мой, — сказал он, давая им просыпаться сквозь пальцы. — Уверен, уже завтра вы проснетесь под мессу си минор — и увидите новые всходы. Впрочем, надеюсь, на этом все закончится.

Он был далек от истины как никогда.

Лоррейн Дрексел подала на нас в суд. Должно быть, она наткнулась на газетные репортажи

и решила, что это отличная возможность. Не знаю, где она пряталась, но ее адвокаты материализовались достаточно быстро, размахивая оригиналом контракта и указывая на пункт, в котором мы гарантировали защиту статуи от любого ущерба, который мог быть нанесен ей вандалами, домашним скотом или другими общественными явлениями. Ее главное обвинение касалось ущерба, нанесенного ее репутации, — если бы мы решили не выставлять статую на всеобщее обозрение, стоило бы тихо отправить ее на склад, а не открыто расчленить, а затем продать обломки торговцу металлоломом. Это преднамеренное оскорбление, как настаивали ее адвокаты, тянуло на комиссионные по меньшей мере в пятьдесят тысяч долларов.

На предварительных слушаниях мы вскоре поняли, что, как ни абсурдно, наша одна-единственная существенная трудность состояла в том, чтобы доказать всем не-очевидцам, что статуя действительно росла. Получив небольшую отсрочку, мы с Рэймондом попытались узнать, что стало с кусками творения. Все, что удалось найти, — три маленькие стойки, без намека на разрастание, ржавеющие в песке на краю одной из свалок в Ред-Бич. Видимо, подрядчик к моим

увещеваниям прислушался — и отправил-таки остальную часть статуи на сталелитейный завод для переплавки.

Что ж, оставалось лишь занять глубокую оборону. Мы с Рэймондом засвидетельствовали, что статуя начала расти, а затем Блэкетт выступил в суде с длинной проповедью о том, что, по его мнению, являлось музыкальным недостатком творения Дрексел. Судья, сварливый и вспыльчивый старик-традиционалист, сразу решил, что мы пытаемся его одурачить — так что проиграли мы, не успев толком вступить в разбирательства. Окончательное решение было вынесено только через десять месяцев после того, как мы впервые открыли статую в центре Алых Песков, и приговор не был неожиданным. Лоррейн Дрексел отсудила у нас тридцать тысяч долларов.

— Похоже, надо было все-таки соглашаться на пилон, — сказал я Кэрол, выходя из зала суда. — Даже со ступенчатой пирамидой вышло бы меньше хлопот…

— Ничего страшного, — храбро отозвалась она. — По крайней мере, со статуей покончено.

Я смотрел на крыши Алых Песков, думая о тридцати тысячах долларов и гадая, придется ли мне платить их из своего кармана. Здание суда

было новым, и, по неприятной иронии судьбы, наше дело слушалось там первым. Большая часть пола и штукатурки еще не была закончена, за балконом все еще высились строительные леса. Я стоял на открытой стальной перекладине; одним или двумя этажами ниже кто-то, должно быть, вбивал заклепку в одну из балок, потому что она вибрировала под ногами.

Потом я заметил, что нигде не слышно звуков клепки и что движение под ногами — не столько вибрация, сколько низкий ритмичный пульс.

Я наклонился и прижал руки к балке. Присоединившийся к нам Рэймонд Мэй и секретарша с любопытством наблюдали за мной.

— Мистер Гамильтон, что случилось? — спросила Кэрол.

— Рэймонд, — спросил я, — как давно они начали возводить это здание? Во всяком случае, стальной каркас?

— Думаю, месяца четыре назад. А что такое?

— Четыре, — медленно кивнул я. — Скажи-ка, сколько времени, по-твоему, потребовалось бы любому случайному куску металлолома, чтобы пройти через сталелитейный завод и вернуться в оборот?

— Годы, если он валялся не на тех свалках.

— А если бы он прибыл прямо на завод?

— Месяц или около того. Даже меньше.

Я засмеялся, указывая на балку:

— Ну-ка прикоснись к ней. Давай, попробуй.

Нахмурившись, он опустился на колени и прижал руки к балке. Уставился на меня во все глаза — и мой смех оборвался.

— Что, тоже чувствуешь?..

— Чувствую? — переспросил Рэймонд. — Да я ее *слышу*! Эту статую Лоррейн Дрексел! Она где-то здесь!

Кэрол коснулась балки, прислушалась.

— По-моему, она жужжит, — озадаченно произнесла она. — Похоже на звуки той штуки, да.

Когда я снова начал смеяться, Рэймонд схватил меня за запястье.

— Ну и что тут смешного? Скоро все здание запоет и завоет!

— Знаю, — бросил я в ответ. — И не оно одно. — Я взял Кэрол за руку. — Пойдемте посмотрим, не началось ли уже…

Мы поднялись на верхний этаж. Штукатуры вот-вот должны были заняться им — всюду стояли козлы и планки. Стены по-прежнему светили голыми кирпичами, вдоль них с интервалом в пятнадцать футов выстроились балки.

Долго искать не пришлось.

Из одной из стальных балок под крышей торчала длинная металлическая спираль, медленно переходящая в тонкое певчее ядро. С ходу мы насчитали еще дюжину. Из них доносился слабый звенящий звук, словно ранние отголоски репетиции какого-то огромного оркестра ситаристов. Я вспомнил, когда мы в последний раз слушали такую музыку: когда Лоррейн Дрексел сидела рядом со мной на церемонии открытия в Алых Песках. Тогда статуя взывала к мертвому возлюбленному своего творца, и теперь этот напев готовился зазвучать вновь.

— Узнаю руку мастера, — хмыкнул я. — Такое попробуй не узнать… Пока смотреть особо не на что, но подождите — скоро все заиграет по-настоящему.

Рэймонд застыл с открытым ртом.

— Эта зараза сгубит здание. Только подумай о том, какой шум…

Кэрол смотрела на один из побегов.

— Мистер Гамильтон, вы сказали, что они все переплавили…

— Так оно и было, душа моя. Таким образом, зараза распространилась, перейдя на весь тот металл, в который ее влили в расплавленном

виде. Статуя Лоррейн Дрексел теперь находится и здесь, в этом здании, и в дюжине других зданий, в кораблях, самолетах, в миллионах новых автомобилей. Даже если это всего лишь один винт или шарикоподшипник — и этой малости хватит, чтобы преобразовать весь остальной механизм.

— Проблему как-то решат, уверена, — робко заметила Кэрол. — И все будет кончено.

— Возможно, — согласился я. — Но любовь лазейку найдет…

Я прижал ладони к ушам, чтобы заглушить эту странную абстрактную музыку, по какой-то причине столь же прекрасную сейчас, как были прекрасны задумчивые глаза Лоррейн Дрексел.

— Ты сказала, что все будет кончено? Кэрол, это только начало.

Весь мир будет петь…

1957

Venus Smiles (альтернативное название Mobile). Первая публикация в журнале *Science Fantasy*, июнь 1957.

Перевод О. Макеевой

Люк № 69

Первые несколько дней все шло хорошо.

— Держитесь подальше от окон. Вообще выкиньте их из головы, — велел доктор Нил. — Это вынужденная мера для всех вас. В половине двенадцатого или в двенадцать наведайтесь в спортзал — побросайте мяч, перекиньтесь в настольный теннис. В два часа в неврологическом отделении покажут фильм. Почитайте пару часов газеты, пластинки поставьте. Я спущусь в шесть, хотя… Уверен, вы и в семь будете бодрее некуда.

— Есть вероятность, что мы внезапно отключимся, доктор? — осведомился Эйвери.

— Нулевая, — бросил Нил. — Если устанете — отдохните, конечно. Вы не сразу свыкнетесь с новым положением вещей, полагаю… Помните, что вы по-прежнему потребляете норму где-то в три с половиной тысячи калорий и ваш удельный уровень физической активности — вы непременно обратите на это внимание в течение дня — снизится где-то на треть. Придется как-то подстраиваться. Адаптировать в первую очередь пищевое поведение — теперь наедаться не

страшно. Уверен, естественные биологические директивы ваших тел подскажут вам все и так, но тем не менее — думайте на шаг вперед, мобилизуйте внутреннюю перцепцию.

Горрелл подался вперед:

— Доктор, а если сильно захочется, можно все-таки выглянуть в окно?

— Не волнуйтесь, — улыбнулся доктор Нил, — сейчас вы не сможете заснуть, даже если будете пытаться. Сами механизмы сна в вашем случае выведены из строя…

Нил, невысокий широкоплечий мужчина лет пятидесяти с резким, нетерпеливым ртом и мелкими чертами лица, подождал, пока все трое мужчин покинут лекционный зал и направятся обратно в рекреационное крыло, а затем спустился с кафедры и закрыл дверь.

— Ну что? — спросил он, выдвинув стул из первого ряда и ловко оседлав его.

Морли примостился на одном из столов у дальней стены, бесцельно поигрывая карандашом. В свои тридцать он был самым молодым членом команды, работавшей под руководством Нила в клинике, но по какой-то причине Нилу нравилось с ним разговаривать. Он увидел, что доктор ждет ответа, и пожал плечами.

— Кажется, все в порядке, — сказал он. — С хирургической точки зрения их выздоровление завершено. Сердечный ритм и ЭЭГ в норме. Сегодня утром я видел рентгеновские снимки и могу вас заверить — все прошло прекрасно.

Нил насмешливо наблюдал за ним.

— Непохоже, что вы одобряете это.

Морли рассмеялся и встал.

— Конечно одобряю. — Он побрел по проходу между столами. Его белый халат был расстегнут, руки спрятаны глубоко в карманах. — Пока что вам удалось защитить свою позицию по каждому пункту. Вечеринка только начинается, а гости уже в чертовски хорошей форме, в этом нет сомнений. Мне казалось, что трех недель будет недостаточно для того, чтобы вывести их из состояния гипноза, но и тут вы окажетесь, по-видимому, правы. Сегодня их первый самостоятельный вечер. Посмотрим, как они будут себя чувствовать завтра утром.

— В глубине души вы рассчитываете на какой-то сбой, — с иронией отметил Нил. — И на какой же, интересно знать? На отказ продолговатого мозга?

— Бросьте, доктор, — отмахнулся Морли. — Психометрические тесты и в этом случае ни-

чего настораживающего не выявили. Никаких травм. — Он уставился на стену, а затем оглянулся на Нила. — Да, по осторожной оценке, я бы сказал, что у вас все получилось.

Нил наклонился вперед, опершись на локти. На скулах у него вздулись желваки.

— Думаю, я более чем преуспел. Блокирование мозговых синапсов устранило многое из того, что, как я думал, все еще будет сказываться: причуды и комплексы, мелкие агрессивные фобии, негативные изменения в психическом состоянии. Большинство из этих нежелательных симптомов исчезло или, по крайней мере, не фиксируется тестами. Однако это второстепенные цели. Благодаря вам, Джон, и всем остальным членам команды мы поразили главную мишень.

Морли что-то пробормотал, но Нил продолжил своим трескучим голосом:

— Никто из вас еще не осознает, но это такой же большой шаг вперед, как и тот, что первый стегоцефал сделал из моря в девонском периоде, триста миллионов лет назад. Наконец-то мы освободили разум — силой вытащили его из этого архаичного отстойника, называемого сном, из его ежевечернего убежища в продолговатом мозге. Наши старания накинули пару десятков

лет жизни этим людям.

— Остается надеяться, что они знают, как с толком распорядиться этим щедрым подарком, — отметил Морли.

— Ну, не надо вот этого, Джон. — Нил нахмурился. — Это ненаучно. Люди сами распоряжаются своим временем. Они используют его по максимуму — так же, как и мы всегда использовали по максимуму любую предоставленную нам возможность. Пока еще слишком рано думать об этом, но представьте себе универсальное применение нашей техники. Впервые человек будет жить полноценные двадцать четыре часа, а не проводить треть суток в абсолютной недееспособности, похрапывая под чепуховые сны в картезианском театре своего сознания. — Пламенная речь несколько вымотала доктора, он замолчал и потер глаза. — Морли, я прошу вас сказать напрямую — в чем причина вашего беспокойства?

Морли сделал беспомощный жест.

— Я и сам не знаю.

Он подобрал со стола пластмассовую миниатюрную модель мозга и подкинул ее в руке. В одном из лобных завитков, отлитых из глянцевого пластика, отразилось в искаженном виде лицо

Нила — без подбородка, с огромным куполовидным черепом. Сидя в одиночестве среди парт в пустой аудитории, он выглядел как безумный гений, терпеливо ожидающий сдачи экзамена. Вот только не было никого, кто смог бы этот самый экзамен ему организовать.

Морли повернул модельку пальцем, наблюдая, как отражение расплывается. Какими бы ни были его причины беспокоиться, Нил понял бы их в последнюю очередь. И то не факт.

— Насколько я могу судить, вся операция состоит лишь в незначительной резекции гипоталамуса, а результаты предполагаются фантастические — вторая великая социальная и экономическая революция со времен Октября. Но у меня почему-то не выходит из головы тот рассказ Чехова про мужчину, заключившего пари на миллион рублей… поспорившего, что без труда пробудет десять лет взаперти, в одиночестве. Все шло хорошо, но за минуту до конца срока он вышел из комнаты… Проиграл, разумеется, и, ясное дело, совершенно обезумел.

— И?..

— И ничего сверх. Говорю же, я просто думал об этой истории всю неделю.

Нил еле слышно хмыкнул.

— Я полагаю, вы пытаетесь сказать, что сон — это своего рода общественная деятельность и что эти трое мужчин сейчас изолированы, изгнаны из группового бессознательного, темного океанического моря. Так?

— Допустим.

— Чепуха, Джон! Чем увереннее мы будем уменьшать влияние бессознательного на жизнь, тем лучше. Мы, считайте, урезаем территорию древних болот, чтобы возвести на ней научные, ну или хотя бы развлекательные, центры. Физиологически сон — не более чем нежелательный симптом церебральной аноксемии. Не станете же вы тосковать по такому явлению? Конечно же нет… Вы боитесь потерять *сны*, сдается мне — лишиться своего уютного местечка в партере картезианского театра!

— Нет, — мягко ответил Морли. Иногда принципиальность Нила в этом вопросе его прямо-таки озадачивала. Казалось, доктор считает сон чем-то постыдным, неизъяснимо порочным. — На самом деле я имею в виду, что — к добру ли, к худу — Лэнг, Горрелл и Эйвери отныне и впредь зациклены на себе. Они никогда больше не смогут сбежать от самих себя — даже на пару минут, не говоря уж о восьми часах. Можно ли при таком

раскладе остаться в ладу с собой? Возможно, для того и требуются эти восемь вычтенных из дня часов, чтобы хоть немного ослабить узы сознания… прийти в себя, не будучи собой. Помните, мы с вами не всегда будем рядом, пичкая их тестами и фильмами. Что произойдет, если они пресытятся собственным «я»?

— Это исключено, — сказал Нил. Он встал, внезапно почувствовав, что вопросы Морли ему надоели. — Общий темп их жизни будет ниже, чем у нас, так что ни стрессы, ни напряженность им не грозят. Скоро мы будем казаться им лишь сборищем маниакально-депрессивных психов, полдня носящихся как угорелые, а вторую половину дня — зачем-то впадающих в ступор.

Он потянулся к выключателю и сказал:

— Ну, до скорого. Встретимся в шесть.

Они вышли из аудитории и вместе двинулись по коридору.

— Чем собираетесь заняться? — осведомился Морли.

Нил расхохотался:

— Ни за что не догадаетесь! Планирую хорошенько выспаться.

Вскоре после полуночи Эйвери и Горрелл играли в настольный теннис в освещенном спор-

тивном зале. Они были опытными игроками — пасовали мяч взад-вперед с минимальными усилиями. Оба чувствовали себя сильными и бодрыми; Эйвери слегка вспотел, но это было скорее из-за дуговых прожекторов, разивших светом из-под крыши и создававших, в целях безопасности, иллюзию непрерывного дня, чем из — за его собственных чрезмерных усилий. Самый старший из трех добровольцев, высокий и несколько отстраненный тип с худощавым замкнутым лицом, не делал попыток заговорить с Горреллом и сосредоточился на том, чтобы приспособиться к предстоящему периоду. Он знал, что не обнаружит и следа усталости, но во время игры тщательно проверял ритм своего дыхания и мышечный тонус, а также поглядывал на часы.

Горрелл, обычно жизнерадостный, но сдержанный человек, тоже был подавлен. В перерывах между ударами он осторожно оглядывал весь спортивный зал, отмечая его схожесть с ангаром изнутри: широкий полированный пол, закрытые ставнями световые люки в крыше. Время от времени, сам того не сознавая, он дотрагивался пальцем до круглого шрама на затылке — следа от трепанации черепа.

В центре спортивного зала вокруг граммофона

были расставлены пара кресел и диван, здесь Лэнг играл в шахматы с Морли, несшим ночную вахту. Лэнг склонился над шахматной доской. Агрессивный, с жесткими волосами, острым носом и ртом, он внимательно следил за фигурами. Лэнг регулярно играл против Морли с тех пор, как поступил в клинику четыре месяца назад, и они были почти равными соперниками — за исключением, возможно, небольшого преимущества Морли. Но сегодня вечером Лэнг начал с новой атаки и через десять ходов завершил свое развитие, начав раскалывать оборону Морли. Его разум был ясен и отточен, он был полностью сосредоточен на предстоящей игре, хотя только сегодня утром наконец-то вышел из туманного состояния постгипноза; он и двое других игроков дрейфовали сквозь этот психотропный кисель в течение трех недель, как подвергнутые лоботомии призраки.

Позади него, вдоль одной из стен зала, располагались кабинеты, где размещался наблюдательный пост. Обернувшись, он увидел чье-то лицо, смотревшее на него через круглое окошко в одной из дверей. Группа санитаров и интернов караулила в постоянной готовности к казусам, держа под рукой все необходимое для первой

помощи; но пока что дверь в заготовленную трехместную палату оставалась плотно закрытой. Лицо наблюдателя исчезло, и Лэнг улыбнулся, вспомнив, какое современное оборудование применялось для ухода за ними. Свой перевод в клинику Нила он считал удачей и был абсолютно уверен в успехе операции. Нил заверил его в том, что в самом худшем случае резкий скачок метаболитов в крови может вызвать легкую апатию. Мозг никак не пострадает при этом.

— Нервные волокна, Роберт, никогда не устают, — снова и снова повторял ему Нил. — Мозг попросту не знает, каково это — уставать.

Ожидая, пока противник сделает ход, Лэнг посмотрел на часы, висевшие на стене. Двадцать минут первого. Морли зевнул, и серая кожа на его скулах болезненно натянулась. Он выглядел усталым и повергнутым в уныние; опустившись в кресло, он закрыл лицо рукой. Лэнг думал о том, какими хрупкими и примитивными вскоре будут казаться те, кто спит, чей разум каждый вечер отключается под грузом накапливающихся токсинов, а границы бытия размываются. Внезапно он осознал, что в этот самый момент спит и сам Нил. Перед глазами возникла странная, сбивающая с толку картина, в которой Нил

свернулся калачиком на смятой постели двумя этажами выше, с низким уровнем сахара в крови и рассеянным сознанием.

Лэнг посмеялся над собственным тщеславием, а Морли поднял ладью, только что им же передвинутую.

— Я, должно быть, слепну. Что я делаю?

— А я, — сказал Лэнг, снова засмеявшись, — я вот понял, что только что проснулся.

Морли улыбнулся.

— Хороший прогноз на всю неделю. — Он поставил ладью на нужное место, выпрямился и посмотрел на пару игроков в настольный теннис. Горрелл нанес быстрый удар ракеткой слева, пустив снаряд низко над сеткой, и Эйвери побежал за мячом.

— С ними, кажется, все в порядке. А ты как?

— Лучше не бывает, — отозвался Лэнг. Его взгляд скользнул вверх-вниз по доске, и он двинул фигуру вперед, прежде чем Морли успел перевести дух. Обычно они доигрывали партию до победного, но сегодня Морли спасовал уже на двадцатом ходу.

— Молодец, — ободряюще сказал он. — Скоро ты сможешь сразиться с Нилом. Может быть, еще партию?

— Нет. На самом деле, игра наводит на меня скуку. Я вижу, что это может стать проблемой.

— О проблемах подумаем позже. Дай себе время встать на ноги.

Лэнг достал один из альбомов Баха с полки в шкафу для грампластинок. Он поставил на проигрыватель «Бранденбургский концерт», опустил иглу и расслабленно откинулся на спинку стула, внимательно вслушиваясь в музыку.

«Лучше не бывает, как же, — подумал Морли, глядя на Лэнга. — Бред, да и только. Попробовал бы ты сейчас пробежаться по залу. А ведь три недели назад твоей шустрости гепард позавидовал бы».

Следующие несколько часов пролетели незаметно.

В половине второго все испытуемые поднялись в операционную, где Морли и один из интернов провели беглый медосмотр, проверив почечный клиренс, частоту сокращений сердца и рефлексы.

Снова одевшись, они зашли в пустой кафетерий перекусить и расселись по табуреткам, споря, как назвать этот новый для них, пятый по счету, прием пищи. Эйвери предложил вариант «мидфуд», Морли — «манч». В два часа они заняли

свои места в неврологическом кабинете и провели пару часов за просмотром документальных фильмов о своем трехнедельном гипнотрансе. Когда программа закончилась, они направились в спортивный зал — ночь близилась к концу. Они все еще были расслаблены и веселы; Горрелл шел впереди, поддразнивая Лэнга по поводу нескольких эпизодов в фильмах, имитируя его странную походку в состоянии транса.

— Глаза закрыты, рот открыт, — произнес он, чуть не врезавшись в проворно отскочившего с пути Лэнга. — Посмотри на себя — даже сейчас ситуация не лучше. Поверь мне, Лэнг, ты не в сознании, ты — сомнамбула. — Он обернулся к Морли: — Так ведь, доктор?

— Даже если и так, не он один такой. — Морли подавил зевок. Он следовал за ними по коридору, изо всех сил стараясь не заснуть. Казалось, это он, а не трое мужчин перед ним, не спал последние три недели.

Хотя в клинике было спокойно, по приказу Нила все лампы в коридорах и на лестнице были оставлены включенными. Двое санитаров, шедших впереди, проверяли, надежно ли закрыты окна и двери. И всюду — ни одной затемненной ниши; ни одной естественной ловушки для те-

ней. Нил настоял на этом, неохотно признавая возможную рефлекторную связь между темнотой и сном:

— Что ж, давайте вот на чем сойдемся: у всех организмов, за исключением немногих, эта связь достаточно сильна, чтобы зваться «рефлекторной». Выживание высших млекопитающих зависит от очень острого сенсорного аппарата в сочетании с разнящейся способностью хранить и классифицировать информацию. Погрузите их во тьму, перекройте поток визуальных данных в кору головного мозга — и они будут парализованы. Сон — это защитный рефлекс. Он снижает скорость метаболизма, экономит энергию, повышает выживаемость организма, интегрируя его в среду обитания…

На середине лестничной площадки имелось широкое окно с закрытыми ставнями, выходившее на парковый пейзаж за клиникой. Проходя мимо него, Горрелл остановился. Он подошел, опустил жалюзи, затем отодвинул задвижку.

Все еще держа окно закрытым, он повернулся к Морли, наблюдавшему за происходящим с лестничной площадки наверху.

— Смотреть наружу нельзя? — спросил он.

Морли по очереди оглядел каждого из троих

мужчин. Горрелл был спокоен и невозмутим — очевидно, за его действием не стояло ничего более зловещего, чем праздная прихоть. Лэнг сидел на перилах и с любопытством наблюдал за происходящим с выражением клинической незаинтересованности. Только Эйвери казался слегка встревоженным, его худое лицо побледнело и осунулось. У Морли мелькнула неуместная мысль: «Всего четыре утра, а у них уже синева на щеках — придется бриться дважды в день». Интересно, почему Нил не выскочил к ним? Он же должен понимать — кто-нибудь непременно бросится к окну, как только выпадет шанс. Заметив, что Лэнг весело улыбается ему, Морли пожал плечами, пытаясь скрыть свое беспокойство.

— Валяйте, если хочется. Как и сказал Нил, вы все равно не уснете — механизмы выведены из строя.

Горрелл отодвинул ставню, и они, столпившись у окна, уставились в ночь. Внизу, позади сосен и невысоких холмов вдалеке, простирались оловянно-серые лужайки. В паре миль слева от них подмигивала и манила неоновая вывеска.

Ни Горрелл, ни Лэнг не проявили никакой новой реакции, и через несколько мгновений их интерес к окну начал угасать. Эйвери почувство-

вал внезапный прилив сил, но тут же взял себя в руки. Его глаза начали всматриваться в темноту; взглянув на чистое, безоблачное небо с яркими сияющими точками звезд, он молча подставил лицо под мягкие порывы теплого ветра, остужая испарину на лице и шее.

Морли подошел к окну и оперся локтями о подоконник рядом с Эйвери. Краем глаза он внимательно следил за любым моторным проявлением психического состояния — дрожанием век, учащенным дыханием, малейшим сигналом к нужде в рефлекторной разрядке. Он вспомнил предупреждение Нила: «У человека сон в значительной степени обусловлен волей, а рефлекс — привычкой. Но то, что мы отключили гипоталамические петли, регулирующие поток сознания, не означает, что рефлекс не сработает каким-то другим образом. Однако рано или поздно нам придется рискнуть и показать им темную сторону солнца». Морли размышлял об этом, когда что-то подтолкнуло его в плечо.

— Доктор, — услышал он голос Лэнга. — Доктор Морли.

Он мгновенно взял себя в руки. Он был у окна один. Горрелл и Эйвери были на полпути к следующему лестничному пролету.

— Что случилось? — быстро спросил Морли.

— Ничего страшного, — заверил Лэнг. — Мы как раз собираемся вернуться в спортзал. — Он внимательно посмотрел на Морли: — Все в порядке?

Морли потер лицо. «Боже, я, должно быть, заснул». Он взглянул на часы. 4:20. Стояли у окна больше пятнадцати минут. Все, что он мог вспомнить, — как облокотился на подоконник.

— Вы бы лучше о себе побеспокоились, — проворчал он.

Всех это позабавило, особенно Горрелла.

— Доктор, — протянул он, — если вам интересно, могу порекомендовать одного хорошего сомнолога.

После пяти часов они все почувствовали постепенное снижение тонуса мышц рук и ног. Почечный клиренс снижался, и продукты распада медленно накапливались в тканях. Ладони стали влажными и онемевшими, подошвы ног напоминали подушечки из губчатой резины. Ощущение было слегка тревожным, но не связанным с умственной усталостью.

Онемение распространялось. Эйвери заметил, что кожа на его скулах натянулась, виски стянуло, и у него началась легкая лобная мигрень. Он упрямо ворочал страницы журнала, но пальцы

казались мягкими и чужими, будто вылепленными из глины.

Затем спустился Нил, и они начали приходить в себя. Нил выглядел свежим и чуть ли не пританцовывал на месте от переизбытка энергии.

— Как проходит ночная смена? — бодро спросил он, с улыбкой обходя каждого из них по очереди, оценивая их состояние. — Вы хорошо себя чувствуете?

— Не так уж плохо, доктор, — сказал ему Горрелл. — Небольшой приступ бессонницы.

Нил хохотнул, хлопнул его по плечу и повел в хирургическую лабораторию.

В девять, побрившись и переодевшись в свежую одежду, они собрались в аудитории. Все снова чувствовали себя бодрыми. Периферическое онемение и легкая головная боль прошли, как только были подключены капельницы для детоксикации, и Нил сказал им, что через неделю их почки нарастят такую мощность, что смогут справляться самостоятельно.

Все утро и большую часть дня они работали над серией ассоциативных тестов, проверок IQ и испытаний производительности. Нил заставлял их всех усердно работать, управляя колеблющимися вспышками света на катодном экране, оперируя

сложными числовыми и геометрическими последовательностями, составляя цепочки слов.

Он, казалось, был более чем удовлетворен результатами.

— Увеличилась скорость реакций и память стала лучше, — рассказал он Морли, когда троица ушла на отдых в пять часов. — Они стали технически более уравновешенными. — Он указал на карточки с тестами, разложенные на столе в его кабинете. — И вы еще беспокоились о бессознательном! Посмотрите на тесты Роршаха, пройденные Лэнгом. Лучше поверьте мне, Джон, — я скоро заставлю его вспоминать даже о своих *внутриутробных* переживаниях.

Морли кивнул, и его первые сомнения рассеялись.

В течение следующих двух недель либо он, либо Нил постоянно пребывали с пациентами, сидя под лучами прожекторов в центре спортивного зала и оценивая усвоение ими восьми дополнительных часов, внимательно наблюдая за любыми симптомами абстиненции. Нил вел всех за собой, от одного этапа программы к другому, во время тестовых периодов, в долгие часы нескончаемых ночей. Его несокрушимый дух вселял энтузиазм в каждого испытуемого.

В глубине души Морли беспокоился о подспудно растущем эмоциональном напряжении в отношениях между Нилом и пациентами. Он уже боялся, что у троицы сформировалась привычка отождествлять доктора с течением эксперимента. Если звонить в колокольчик, то у собаки Павлова потекут слюнки; если перестать так делать после длительного срока дрессуры — собака временно потеряет способность самостоятельно есть. Нарушение порядка не вредит ей физически, но может спровоцировать катастрофу для и без того сверхвосприимчивой собачьей психики.

Нил, кажется, держался настороже. В конце первых двух недель, сильно простудившись и просидев всю ночь без сна, он решил провести следующий день в постели и вызвал Морли к себе в кабинет.

— Что-то наш испытательный срок слишком безоблачный. Надо бы подкинуть трудностей.

— Согласен, — сказал Морли. — Но как?

— Передайте им, что я буду спать сорок восемь часов, — сказал Нил. Он сгреб планшеты, отчеты и карточки с тестами в стопку, зажал все под мышкой. — Я намеренно принял слишком большую дозу успокоительного, чтобы немного отдохнуть. Я измотан до предела, выгораю тут

потихоньку, шарики за ролики закатываются. Что-то такое можете им скормить.

— А не слишком ли это радикально? — спросил Морли. — Они же вас возненавидят.

Но Нил только улыбнулся и ушел в кабинет рядом со своей спальней.

* * *

В ту ночь Морли дежурил в спортивном зале с десяти вечера до шести утра. Как обычно, он сначала проверил, не сачкуют ли на дежурстве санитары с аптечками экстренной помощи, просмотрел записи, оставленные предыдущим ответственным, одним из старших интернов, а затем вернулся в выстроенный из кресел круг. Он откинулся на спинку рядом с Лэнгом и стал листать журнал, внимательно наблюдая за тремя мужчинами. В ярком свете прожекторов их худые лица казались землистыми и синюшными. Старший стажер доложил, что Эйвери и Горрелл чересчур переутомляются за настольным теннисом — буквально изнуряют друг друга, — но к одиннадцати часам вечера оба перестали играть и уселись в кресла. Они читали отрывочно и дважды сходили в кафетерий, каждый раз — в сопровождении кого-то из санитаров. Морли

изложил ситуацию с Нилом в точности так, как тот велел, — но, как это ни странно, никто из пациентов ничего не сказал.

Полночь медленно приближалась. Эйвери читал, сгорбившись в кресле. Горрелл сам с собой играл в шахматы.

Морли дремал.

И только Лэнг не находил себе места. Тишина и отсутствие всякого движения угнетали его. Он послушал на граммофоне свой любимый «Бранденбургский концерт», анализируя про себя череду лейтмотивов; потом — выключил музыку и прошел ассоциативный тест, используя слова в правых верхних уголках страниц книги для самопроверки.

— Что-нибудь прояснилось? — спросил, наклонившись к нему, Морли.

— Да так, есть интересные мысли. — Лэнг потянулся к блокноту и черкнул пару слов. — Я об этом потолкую с Нилом утром… ну, или когда он там проснется. — Он задумчиво поднял взгляд на дуговые лампы. — Я тут поразмышлял… а каким будет *следующий* шаг вперед?

— Следующий шаг? — переспросил Морли, не вполне уловив мысль.

Лэнг сделал широкий жест.

— Вперед по пути эволюции. Триста миллионов лет назад мы стали дышать воздухом и оставили позади моря. Теперь мы преодолели следующую логическую ступень — избавились от сна. Итак, что дальше?

— Эти два шага непохожи друг на друга, — покачал головой Морли. — В любом случае на самом деле мы не оставили первобытное море позади, а носим в себе его частную копию в виде системы кровообращения. Все, что мы сделали, — поместили в свое тело часть необходимой нам окружающей среды, чтобы проще было покинуть ее.

— Ага, — кивнул Лэнг. — Я вот еще о чем подумал… Почему психика человека так сильно ориентирована на смерть?

Морли не смог сдержать улыбки.

— Иногда я задаюсь тем же вопросом, — ответил он, гадая, к чему это приведет.

— Это любопытный момент, — продолжил Лэнг. — Что бы мы ни делали, каких бы наслаждений ни искали, что бы ни затмевало нам взор, включая навязчивую сверхэгоистичную идею о том, как для всех и каждого важен завтрашний день, — в большинстве случаев наша психика не видит дальше надгробного памятника на

собственной могилке. Из чего проистекает такая фиксация? Ответ лежит на поверхности — каждую ночь мы получаем весьма убедительное напоминание об уготованной нам всем участи.

— Чернильная бездна небытия, — с иронией протянул Морли. — Проще говоря, сон.

— Совершенно верно. Сон — это маленькая смерть. Мало кто об этом задумывается, а меж тем — это так. — Лэнг нахмурился. — Сдается мне, даже Нил не понимает, что сон не только не приносит успокоения, но и по-настоящему травмирует.

«Так вот оно что, — подумал Морли. — Великого отца-психоаналитика застукали дремлющим на собственной кушетке». Он попытался решить, кто хуже — пациенты, много выведавшие о психиатрии, или те, кто особо не разбирался.

— Удалив сон, — продолжал Лэнг, — можно лишиться всех страхов и защитных механизмов, создавшихся вокруг него. Тогда, наконец, у психики появится шанс сориентироваться на что-то более значимое…

— На что, например?

— Не знаю. Ну, скажем, на… саму себя?

— Интересная мысль, — прокомментировал Морли. Было 3:10 утра, и он решил потратить

следующий час на изучение тестов, пройденных Лэнгом. Прождав диктуемые приличиями пять минут в молчании, он встал и направился в хирургический кабинет.

Лэнг положил руку на спинку кресла и наблюдал за дверью палаты санитаров.

— Что за игру затеял Морли? — спросил он. — Кто-нибудь из вас его где-нибудь видел?

— Разве он не выходил в уборную? — Эйвери опустил журнал.

— Десять минут назад. С тех пор он не заглядывал. Предполагается, что с нами постоянно должен кто-то дежурить. Где же он в таком случае?

Горрелл, раскладывавший шахматный пасьянс, оторвался от своей доски.

— Возможно, для него уже позднее время. Наверняка заснул, читая наши ответы на опросные листы. Лучше разбудить его, пока Нил ничего не узнал.

Лэнг рассмеялся и устроился поудобнее. Горрелл потянулся к граммофону, взял с полки пластинку и поставил ее на проигрыватель.

Когда заиграла музыка, Лэнг заметил, каким тихим и пустынным кажется зал. В клинике всегда было тихо, но даже ночью сюда проникали

какие-то посторонние звуки — скрип стула в ординаторской, гул электрогенератора, заряжающегося под одной из операционных, — наделяя место видимостью жизни. Но теперь воздух будто сгустился и застыл. Лэнг чутко прислушался к звукам и ощущениям. Все верно: мертвое, лишенное эха впечатление, оказываемое, пожалуй, только заброшенными зданиями, вот что улавливала его психика.

Он встал и направился в ординаторскую. Он знал, что Нил не одобряет непринужденных разговоров с наблюдателями, но отсутствие Морли озадачило его.

Лэнг подошел к двери и заглянул в окно, чтобы посмотреть, внутри ли Морли.

Комната была пуста.

Внутри там горел свет. Два операционных стола занимали обычную позицию у стены, возле двери. Третий вывезли в центр. На полу лежала колода игральных карт, но группа из трех или четырех интернов будто испарилась.

Лэнг поколебался, потом налег на дверную ручку — и обнаружил, что дверь заперта.

— Эйвери! — крикнул он через плечо. — Здесь никого нет!

— Попробуй зайти в соседний зал. Их, вероятно,

инструктируют насчет завтрашнего дня.

Лэнг направился ко второму хирургическому кабинету. Свет был выключен, белый стол с лакированным покрытием и масштабные распечатки рентгеновских снимков на стене хорошо просматривались. И при этом — ни одной живой души.

Теперь уже и на Эйвери с Горреллом перекинулось волнение.

— Они там? — спросил первый.

— Нет. — Лэнг повернул ручку. — Тут тоже закрыто.

Горрелл выключил граммофон, и они с Эйвери подошли; принялись изучать двери — с тем же успехом, что и Лэнг.

— Они *точно* где-то здесь, — бросил Эйвери. — Кто-то *всегда* должен дежурить. — Он указал на последнюю дверь: — А как насчет вон той?..

— Шестьдесят девятый кабинет всегда закрыт, — заметил Лэнг. — Думаю, за той дверью и не кабинет даже, а подсобка какая-нибудь.

— Посмотрим в канцелярии, — предложил Горрелл. — Если вдруг и там его не будет — тогда мы пройдем через приемный покой и попробуем выйти наружу. Думаю, Нил просто устроил нам очередной тест.

В двери, ведущей в канцелярию, не было стеклянной вставки, и понять, что происходит за ней, было невозможно. Горрелл постучал, взял паузу, постучал еще раз — сильнее. Никакого ответа.

Лэнг подергал ручку, затем, встав на колени, заглянул в замочную скважину.

— Света нет, — сообщил он.

Эйвери повернулся и взглянул на две оставшиеся двери в дальнем конце спортзала. Одна вела в кафетерий и неврологическое крыло, другая — на автостоянку на задворках клиники.

— Разве Нил не намекал, что может испробовать на нас нечто подобное? — спросил он. — Посмотреть, сможем ли мы пережить ночь самостоятельно.

— Но Нил же спит, — возразил Лэнг. — Он решил отоспаться пару суток. Разве что…

— Пошли, — Горелл кивком указал на кресла. — Они с Морли, наверное, сейчас наблюдают за нами.

Они вернулись на свои места.

Горрелл придвинул табурет, размеченный для игры в шахматы, поближе, распределил по клеткам фигуры. Эйвери и Лэнг, устроившись с максимальным для себя комфортом, уткнулись в журналы. Дуговые лампы над ними отбрасывали

в тишину широкие конусы света; единственным звуком оставалось лишь медленное качание маятника часов влево-вправо, влево-вправо.

3:15[6] утра.

Метаморфозы подкрались незаметно. Сперва — незначительное изменение перспективы, размытие и перегруппировка очертаний. Где-то фокус сместился, тень медленно скользнула по стене; углы ломались и удлинялись. Перемены шли плавно, дюймовыми шажками, но вскоре обрисовалась их общая стратегия.

Спортивный зал уменьшался в размерах. Стены сдвинулись, сократив площадь пола. По мере того как они сближались, претерпевали изменения их очертания — ряды световых люков под потолком расплывались и тускнели, силовой кабель, проложенный вдоль основания стены, слился с плинтусом, квадратные решетки вентиляционных отверстий поползли серой темперой[7].

---

[6] Примечания: 6

Ранее было упомянуто, что Морли ушел от пациентов в 3:10, а Лэнг отметил, что его уход произошел «десять минут назад». Скорее всего, эта кажущаяся «потеря» пяти минут призвана подчеркнуть то, как сильно изменилось восприятие времени у персонажей из-за невозможности спать.

[7] Примечания: 7

Тусклая водяная краска, приготавливаемая на основе сухих порошковых пигментов.

Будто днище огромного лифта, потолок пополз вниз.

Горрелл облокотился на шахматный табурет, спрятав лицо в ладонях. Он устроил себе вечный шах, но продолжал в уме передвигать фигуры, повторяя ходы и порой посматривая вверх, словно ожидая озарения. Он был убежден, что Нил тайком следит за ними, и не хотел выказывать страха.

Он вздрогнул, опять глянул вверх и ощупал взором стену вплоть до дальнего угла, силясь увидеть «глазок», спрятанный между стенных панелей. Он не первый раз пытался их найти, и все безуспешно. Стены выглядели идеально гладкими, и сколько он ни изучал их фут за футом — не мог обнаружить никаких, даже самых крошечных проемов, помимо дверей.

Вскоре его левый глаз настиг неприятный тик, и, оттолкнув от себя шахматную доску, он лег навзничь. Свет дуговых ламп резанул по глазам. Горрелл хотел было поделиться с Эйвери и Лэнгом догадками насчет поисков аппаратуры слежения, когда внезапно подумал, что *каждый* из них мог сам носить на себе микрофон.

Он решил размяться, встал и неспешно прошелся по спортзалу. Просидев неподвижно над

шахматной доской около получаса, он ощутил, что у него затекли мышцы, и ему захотелось попрыгать с баскетбольным мячом или позаниматься на гребном тренажере. Однако с острым раздражением он сообразил, что, кроме кресел, софы и граммофона, в зале ничего не было.

Он дошел до стены и двинулся назад, прислушиваясь к любым звукам, доносившимся из соседних комнат. Ему начинало претить соглядатайство Нила, да и вообще вся эта конспирация; он успокоил себя тем, что уже 3:15. Часа через три этот балаган подойдет к концу.

Спортивный зал сжимался на глазах, заметно убавив в размерах; стены лишились окон и дверей, помещение упростилось до просторной, но неуклонно уменьшающейся коробчонки. Стены втягивались друг в друга, опадали, как проколотая резиновая игрушка; потолок бугрился многомерными гранями. Неизменными оставались лишь часы — и шестьдесят девятая дверь.

* * *

Лэнг в конце концов понял, где спрятан «жучок». Он в нетерпении сидел в своем кресле, нервно хрустя костяшками, пока не возвратился

Горрелл; потом — поднялся и уступил ему свое место. Эйвери раскинулся в другом кресле, закинув ноги на граммофон.

— Присядь-ка на минутку, — сказал Лэнг. — Мне тоже хочется погулять.

Тот сел в кресло.

— Нужно спросить Нила, можно ли поставить сюда столик для пинг-понга. Это поможет убить время и позволит немного размяться.

— Отличная мысль, — с иронией одобрил Лэнг, — но только если стол пролезет в дверь. А если это удастся, то все равно здесь будет негде повернуться, даже если мы поставим кресла вплотную к стене.

Он прошелся по залу, тайком поглядывая сквозь стекло в ординаторскую. Свет там был включен, но в комнате по-прежнему никого не было. Тогда он приблизился к граммофону и несколько минут нарезал круги вокруг него. Внезапно он резко повернулся и как бы невзначай запнулся ногой за электрический шнур. Штепсель выскочил из розетки и упал на пол. Словно и не заметив этого, Лэнг оставил его на полу и уселся на подлокотник кресла Горрелла.

— А я сейчас отключил шпионское оборудование, — гордо сообщил он.

Горрелл настороженно оглянулся и спросил:

— И где оно было?

— В этом вот гробу с музыкой. — Лэнг глухо рассмеялся. — У меня такое чувство, словно я выключил самого Нила. Он просто взбесится, когда поймет, что уже не сможет ни слышать, ни видеть нас.

— А почему ты решил, что «жучок» находится в граммофоне? — спросил Горрелл.

— Где ему еще быть? Лучше места просто нет. Только здесь. Хотя, может, и там. — Он рукой указал на лампы под потолком. — Но я ставлю на граммофон. Я уже давно подозревал, что эта машина — не то, чем кажется, но все сомневался…

Горрелл кивнул с понимающим видом. Лэнг отошел, цокая языком.

Сжатие ускорилось. Спортивный зал превратился теперь в маленькую комнатку семи футов в длину и ширину — тесный, почти идеальный куб. Стены сближались по сходящимся траекториям, не покрывая всего несколько футов до финальной цели…

Эйвери наконец-то заметил, что Горрелл и Лэнг кружат вокруг его кресла.

— Хотите присесть? — спросил он.

Они отмахнулись. Эйвери посидел еще минуту-другую, затем поднялся и потянулся всем телом.

— Четверть четвертого, — сообщил он, коснувшись руками потолка. — Кажется, ночь будет очень долгой. — Он подался назад, пропуская Горрелла, а затем присоединился к товарищам, ходившим кругами в тесном промежутке между креслом и стенами.

— Не понимаю, зачем Нилу нужно, чтобы мы торчали в этой дыре двадцать четыре часа? — возмутился он. — Почему здесь нет телевизора? Даже радио подошло бы, на худой-то конец…

Они вместе обошли стул: Горрелл, за ним Эйвери, а Лэнг замыкал круг. Их плечи начали сутулиться, головы опущены, они смотрели в пол, ноги топали в такт медленному, свинцовому ритму часов.

* * *

Теперь это уже был люк: узкая вертикальная кабинка, несколько футов шириной и шесть футов глубиной. Над ней, из-под стальной решетки, светилась одинокая пыльная лампочка. Словно разрушаясь под действием собственной инерции, поверхность стен огрубела, текстура стала как у камня, с прожилками и ямками…

Горрелл наклонился, чтобы ослабить шнурок на ботинке. Эйвери тут же натолкнулся на него, впечатав плечом в стенку.

— Все в порядке? — спросил он, тронув Горрелла за руку. — Здесь довольно тесно. Просто непостижимо — зачем Нил нас держит в таких условиях? — Он прислонился к стенке, опустив голову, чтобы не касаться теменем потолка, и задумался. Зажатый в угол, Лэнг стоял рядом с ним, переминаясь с ноги на ногу.

Горрелл опустился на корточки прямо у их ступней.

— А сколько времени? — спросил он.

— Наверное, четверть четвертого, — прикинул Лэнг. — Или что-то около того.

— Лэнг, а где вентиляционный проход? — спросил Эйвери.

Тот начал рассматривать стены и маленький квадрат потолка.

— Где-то должен быть…

Горрелл встал, и все трое принялись изучать пол у себя под ногами.

— Возможно, в световой решетке есть вентиляционное отверстие, — предположил Горрелл. Он протянул руку и просунул пальцы сквозь сросшиеся трубки дуговых ламп, пошарил там, куда

мог достать. — Что-то не нахожу ничего, ребята. Интересные дела! Подозреваю, нам тут хватит воздуха максимум на полчаса.

— Ну, получается, так, — безвольно согласился Эйвери. — Знаешь, есть кое-что…

В этот момент вмешался Лэнг. Он схватил Эйвери за локоть.

— Скажи, как нас угораздило сюда попасть? — спросил он.

— В смысле — «попасть»? Мы же подписались на эксперимент Нила…

— Это ясно! — Он ткнул пальцем в пол: — Речь об *этом конкретном* помещении!

Горрелл пожал плечами.

— Лэнг, ты чего? Мы просто вошли через дверь. Как же иначе?

Лэнг взглянул в глаза Горреллу, потом — Эйвери.

— В *какую* дверь? — спросил он с тихой насмешкой.

Горрелл и Эйвери заколебались, затем повернулись, чтобы осмотреть каждую стену по очереди, от пола до самого потолка. Эйвери провел руками по тяжелой каменной кладке, затем опустился на колени и ощупал пол, цепляясь пальцами за грубые каменные плиты. Горрелл присел рядом с

ним на корточки, разгребая тонкий слой грязи.

Лэнг отступил в угол, чтобы не мешать им, и бесстрастно наблюдал за работой. Его лицо было спокойным и неподвижным, но на левом виске безумно билась одинокая жилка.

Когда они наконец встали, неуверенно глядя друг на друга, он бросился, протиснувшись между ними, к противоположной стене.

— Нил! Нил! — закричал он и сердито замолотил кулаками в стену. — Эй, там! *Нил!..*

И свет над ними начал меркнуть.

* * *

Закрыв за собой дверь помещения операционной, Морли прошел к столу. Несмотря на то что было только 3:15 утра, Нил, надо полагать, уже встал и работает в кабинете рядом со своей спальней. Хорошо, что опросные листы тестирования, проведенного в этот день, обработанные одним из интернов, заблаговременно были собраны в папку у него на столе.

Морли раскрыл досье Лэнга и стал просматривать содержимое. Он надеялся, что реакция Лэнга на отдельные маркеры, замаскированные под весьма невинные вопросы, может пролить свет на подлинные мотивы, стоящие за его уравнени-

ем сна и смерти.

Дверь, ведущая в ординаторскую, отворилась, и к нему обратился интерн:

— Хотите, я сменю вас в зале, доктор?

Морли отмахнулся:

— Не беспокойтесь. Я сейчас вернусь.

Он не спеша отбирал необходимые для вдумчивого анализа «пробы», не раз возвращаясь к уже просмотренным материалам. Морли не торопился снова оказаться в просвеченной этими ужасными дуговыми лампами парилке, в порядочно надоевшем ему зале, и всячески оттягивал момент возвращения. Только в 3:25 он покинул рабочее место и вышел в зал.

Испытуемые сидели точно там же, где он их оставил. Лэнг следил за его приближением, удобно откинув голову на спинку кресла. Эйвери сидел, ссутулившись, в кресле, уткнувшись носом в журнал, а Горрелл склонился над шахматным табуретом, невидимым из-за софы.

— Не угодно ли кофейку? — позвал Морли, решив, что им пора немного размяться.

Никто не шелохнулся. Морли испытал легкое раздражение — особенно при виде Лэнга, взирающего мимо него на часы.

Затем он заметил нечто, заставившее его за-

стыть на месте: на полированном полу в десяти футах от софы валялась шахматная фигурка. Он подошел и поднял ее — это был черный король. Он изумился, как Горрелл играет в шахматы без одной из самых важных фигур, когда заметил еще три, тоже валявшиеся на полу. Тогда он посмотрел туда, где сидел Горрелл.

Под креслом и софой были рассыпаны все прочие фигуры. Горрелл сидел на своем месте мешком: один его локоть соскользнул с подлокотника, и рука вяло повисла между коленями, упершись костяшками пальцев в пол. Другой рукой Горрелл подпирал лицо. Его омертвевший взгляд был устремлен куда-то под ноги.

Морли подбежал к нему:

— Лэнг! Эйвери! Позовите санитаров! — Он схватился за Горелла и потянул его из кресла. — Лэнг! — окликнул он снова.

Лэнг все еще смотрел на часы. Тело его застыло в жесткой, неестественной позе восковой фигуры. Морли уложил Горрелла на кушетку, затем склонился над Лэнгом и заглянул ему в глаза. Потом потянулся к Эйвери, отвел в сторону журнал и тронул его за плечо. Голова Эйвери безвольно мотнулась. Журнал выпал из рук — пальцы так и остались скрюченными перед самым лицом.

Морли перешагнул через ноги Эйвери и подошел к граммофону. Он включил его, взялся за регулятор громкости и выкрутил на полную мощность.

Над проходом в ложу санитаров в тишине пронзительно зазвенел сигнал тревоги.

— Так ты, выходит, не был с ними? — резко спросил Нил.

— Не был, — признался Морли. Они стояли у дверей отделения неотложной помощи. Двое санитаров только что разобрали аппарат для электрошоковой терапии и увозили его на тележке. В спортивном зале тихо, но оживленно сновали медсестры и интерны. Все лампы, кроме одной, были погашены, и теперь место эксперимента напоминало опустевшие в конце представления подмостки. — Я отлучился минут на десять, захотел посидеть с результатами тестов. Меня не было с ними от силы минут десять.

— Ты должен был все время следить за ними, — огрызнулся Нил, — а не уходить тогда, когда вздумается. Как ты думаешь, для чего мы устроили этот спортзал и весь этот цирк?

Было чуть больше половины шестого утра. После двухчасовой безнадежной работы с тремя мужчинами он был близок к изнеможению.

Он посмотрел на них, неподвижно лежащих на своих койках, под брезентовыми простынями, натянутыми до самых подбородков. Они не изменились внешне, но их глаза были открыты и не мигали, и у всех на лицах застыло пустое, бесстрастное выражение психического *обнуления*.

Над Лэнгом склонился интерн, вводя шприц большим пальцем. Морли уставился в пол.

— Я думаю, им все равно пришел бы конец.

— Как можно так говорить? — Нил плотно сжал губы. Он чувствовал горечь и бессилие. Он знал, что Морли, вероятно, прав насчет «конца» — у всех троих мужчин была терминальная стадия кататонии, и они не реагировали ни на инсулин, ни на электротерапию, — но, как всегда, отказался что-либо признавать без неопровержимых доказательств.

Он провел Морли в свой кабинет и закрыл дверь.

— Садись. Он выдвинул стул для коллеги и прошелся по комнате, стуча кулаком по ладони. — Итак, Джон. Еще раз — что произошло?

Морли взял одну из тестовых карточек, лежащих на столешнице, положил ее на уголок и повертел в пальцах. Фразы проплывали у него в голове — неуверенные, будто слепые рыбешки.

— Какой диагноз вы от меня ждете? — спросил он. — Реактивация инфантильного имаго? Регрессия в великую дремлющую утробу? Или, выражаясь еще проще, приступ шока?

— Продолжай.

Морли пожал плечами.

— Упорное пребывание в сознании для мозга невыносимо. Любой сигнал, повторенный достаточно часто, в конечном итоге теряет смысл. Попробуйте произнести слово «сомнология» пятьдесят раз. Оно лишится для вас всякого смысла уже на двадцатом-тридцатом повторе, мозг перестанет его узнавать и принимать. Ему будет не до этого — он поплывет по течению дальше, в бессознательное.

— Что мы можем с этим поделать?

— Ничего, если мы не намерены проводить повторную оценку мощностей нашей нервной системы вплоть до поясничного отдела. ЦНС, как мы теперь знаем, не выносит наркотомию.

Нил покачал головой.

— Мой заблудший друг, — посетовал он, — общими словами этих людей не вернешь. Мы с тобой должны выяснить, что с ними произошло, что они на самом деле чувствовали и видели.

— Эти дебри — глубоко личное. — Морли с

сомнением нахмурился. — Даже если вы туда залезете, картина психической драмы ухода из бытия не даст вам ровным счетом ничего.

— Напротив! Какой бы безумной ни показалась нам причина их ухода, для них это была горькая реальность. Если бы мы узнали, что на них обрушился потолок, или весь зал утонул в мороженом, или обернулся лабиринтом — вот тогда мы бы имели отправную точку для анализа. — Нил присел на край стола. — Тот упомянутый тобой рассказ Чехова…

— «Пари»?

— Да. Я прочел его вчера вечером — отменная вещь. Классик изложил все доходчивее, чем ты сам сейчас. — Доктор обвел взглядом кабинет. — Эта комната, где человек провел десять лет взаперти, символизирует разум, доведенный до крайних пределов самосознания. Нечто очень похожее произошло с Эйвери, Горреллом и Лэнгом. Должно быть, они достигли той стадии, когда уже не могли осознавать собственную идентичность. Но я бы сказал, что ничего другого они осознавать тоже не могли — переключиться было попросту не на что. Когда смотришься в параболическое зеркало, видишь только одно гигантское око — и все. Улавливаешь, к чему я тут клоню?

— Значит, вы думаете, что их уход — это прямое бегство от взгляда, от подавляющего эго?

— Не бегство, — поправил Нил. — Наша психика никогда ни от чего не убегает. Она гораздо смышленее. Она просто подстраивает реальность под себя. Этому тоже стоит научиться. Комната в рассказе Чехова наводит меня на мысль о том, как они могли приспособиться к новому образу жизни. Для них этот тренажерный зал — тюрьма. Я начинаю понимать, что поместить их туда было ошибкой: яркие лампы, простор, высокие стены… все это давит и перегружает само по себе. Думаю, зал вполне мог стать внешней проекцией их собственного эго.

Нил забарабанил пальцами по столу.

— Полагаю, в данный момент они либо расхаживают там, как стофутовые гиганты, либо сократили пространство до собственных размеров. Более вероятно второе. Они только что весь спортзал вобрали в себя.

Морли мрачно усмехнулся.

— Значит, все, что нам нужно сделать, — расшатать их психотронную тюрьму, смазать ее стенки изнутри медом и уговорить вылезти, под-

талкивая в спины апоморфином[8]? А что, если они все равно не захотят оттуда вылезать?

— Захотят, — убежденно сказал Нил. — Вот увидишь.

Раздался стук в дверь. В комнату просунул голову интерн.

— Лэнг приходит в себя, доктор. Он зовет вас.

Нил выскочил наружу; Морли поспешил за ним в палату.

Лэнг неподвижно лежал на койке под брезентовой простыней. Губы были приоткрыты. Из них не доносилось ни звука, но Морли мог видеть, как его кадык судорожно подергивается.

— Он очень слаб, — предупредил интерн.

Доктор Нил придвинул стул и сел рядом с койкой. Он с видимым усилием сосредоточился — расправив плечи, нахмурил брови, — после чего наклонился к Лэнгу и прислушался.

Через пять минут зов повторился.

Губы Лэнга задрожали. Его тело выгнулось под простыней, напрягаясь в путах, а затем вновь опало.

— Нил… Нил, — прошептал он. Звуки, тонкие и

---

[8] Примечания: 8

Быстродействующий агонист допамина, применяемый для лечения случайных эпизодов потери подвижности, обусловленных болезнью Паркинсона.

сдавленные, казалось, доносились со дна колодца. — Нил… Нил… Нил…

Доктор погладил пациента по лбу маленькой аккуратной рукой.

— Да, Бобби, — тихо сказал он. Его голос был мягким, как перинка, ласкающим. — Я здесь, Бобби. Люк открыт — ты можешь выходить.

1957

Manhole 69. Первая публикация в журнале *New Worlds*, ноябрь 1957.

Перевод Г. Шокина

Двенадцатая запись

— Угадай еще раз, — сказал Шерингем.

Макстед надел наушники и, когда диск начал вращаться, сосредоточился в надежде уловить какие-нибудь знакомые отзвуки.

Звук напоминал быстрый металлический шорох, словно железные опилки сыпались через воронку. Он длился десять секунд, затем повторился раз десять и резко оборвался.

— Ну? — спросил Шерингем. — И что это?

Макстед снял наушники и потер ухо. Он часами слушал пластинки, поэтому его уши казались примятыми и онемевшими.

— Это может быть что угодно. Например, тающий кубик льда?

Шерингем покачал головой так, что его маленькая бородка затряслась.

— Столкновение далеких галактик? — пожал плечами Макстед.

— Нет. Звуковые волны не распространяются в космическом пространстве. Я дам тебе подсказку. Это *очень известный* звук. — Казалось, ему нравилось допрашивать Макстеда.

Тот закурил сигарету и бросил спичку на лабораторный стол. Крошечная лужица воска на головке спички растаяла и застыла, оставив мелкий черный шрам. Макстед с удовольствием глядел на него, чувствуя, как рядом ерзает от нетерпения Шерингем.

Он постарался найти в памяти какое-нибудь непотребное сравнение.

— А как насчет мухи…

— Время вышло, — перебил Шерингем. — Это *падающая булавка*. — Он снял с проигрывателя трехдюймовый диск и сунул его в конверт. — Просто падение, то есть без финального удара. Мы использовали пятидесятифутовую шахту и восемь микрофонов. А я-то думал, догадаешься.

Он потянулся за последней пластинкой, на этот раз двенадцатидюймовой, но Макстед поднялся прежде, чем Шерингем успел поставить ее на проигрыватель. Через французские окна он видел внутренний дворик, стол и поблескивающие в темноте бокалы с графином. Шерингем и его детские игры внезапно вызвали у Макстеда раздражение. Он разозлился на себя за то, что так долго терпел этого человека.

— Лучше пойдем подышим свежим воздухом, — отрывисто бросил он, протискиваясь

мимо усилителя. — У меня уже в ушах звенит.

— Ладно, пойдем, — тут же согласился Шерингем, аккуратно положил пластинку на проигрыватель и щелкнул выключателем. — Я все равно хотел отложить ее на потом.

Они вышли в теплый вечерний воздух. Шерингем включил японские фонарики, и оба растянулись в плетеных креслах под открытым небом.

— Надеюсь, тебе было не слишком скучно, — сказал Шерингем, протягивая руку к графину. — Микросоника — увлекательное хобби, но, боюсь, я позволил ей стать настоящей навязчивой идеей.

Макстед неопределенно хмыкнул.

— Некоторые записи интересны, — признал он. — В них есть какая-то сумасшедшинка, новизна, например увеличенные фотографии мордочек мотыльков и бритвенных лезвий. Но, несмотря на твои утверждения, я не могу поверить, что микросоника станет когда-нибудь научным инструментом. Это всего лишь сложная лабораторная игрушка.

— Разумеется, ты совершенно неправ, — покачал головой Шерингем. — Помнишь серию «Деление клеток», в которую я играл поначалу? Ускоренное в 100 000 раз время деления клеток

животных звучит как разрывы множества балок и стальных листов. Как ты тогда это назвал?.. Замедленной съемкой автомобильной аварии? С другой стороны, деление клеток растений звучит как настоящая электронная поэма, состоящая из мягких аккордов и журчащих тонов. Теперь у тебя есть прекрасная иллюстрация того, как микросоника может выявлять различие между животным и растительным царствами.

— Что-то уж слишком обходной способ сделать это, — буркнул Макстед, добавляя себе содовой. — С таким же успехом ты мог бы рассчитать скорость своей машины по видимому движению звезд. Возможно, да, но проще взглянуть на спидометр.

Шерингем кивнул, внимательно наблюдая за Макстедом по другую сторону стола. Его интерес к разговору, казалось, иссяк, и оба молча сидели с бокалами. Странно, но теперь, когда враждебность, существовавшая между ними много лет, стала менее завуалированной, контраст личностей, манер и телосложения тоже оказался более заметным. Макстед, высокий и плотный, с грубым красивым лицом, откинулся на спинку кресла почти горизонтально, думая о Сьюзен Шерингем. Она была на вечеринке у Тернбуллов, и

если бы с его стороны не было неосторожностью там появиться — по всем известной причине, — Макстед предпочел бы провести вечер с ней, а не с ее уродливым маленьким муженьком.

Он оглядел Шерингема со всей возможной отстраненностью, на какую только был способен, размышляя о том, есть ли у этого чопорного непривлекательного человека, с его педантизмом и врожденным академическим юморком, какие-либо положительные качества. Нет, разумеется, на первый взгляд есть — хотя бы для того, чтобы пригласить его, Макстеда, к себе. Для этого требовались определенная смелость и гордость. Однако его мотивы были типично эксцентричными.

Предлог, думал Макстед, *причем достаточно слабый*. Шерингем, профессор биохимии в университете, содержал роскошную домашнюю лабораторию. А Макстед, бывший спортсмен с чуть ли не купленным дипломом, работал торпедистом в компании, производящей электронные микроскопы. Но этот визит, как намекнул Шерингем по телефону, мог быть выгоден им обоим.

Конечно, ничего такого на самом деле не прозвучало. Но и о Сьюзен, настоящей теме вечера, тоже пока что не упоминалось. Макстед размыш-

лял о возможных путях, которыми Шерингем мог бы приблизиться к неизбежной сцене конфронтации. Нервное расхаживание по кругу, замусоленные фотографии или поглядывание через плечо — не для него. В Шерингеме было что-то от порочного подростка…

Макстед внезапно оторвался от своих мыслей. Воздух во внутреннем дворике неожиданно стал прохладнее, словно включили мощный холодильный агрегат. Мурашки побежали по ногам и затылку. Макстед потянулся к бокалу и допил то, что в нем оставалось.

— Что-то холодает, — пробормотал он.

Шерингем взглянул на часы.

— Неужели? — спросил он, и в голосе послышалась какая-то нерешительность.

На мгновение Макстеду даже показалось, будто его собеседник ждет сигнала. Затем Шерингем взял себя в руки и со странной полуулыбкой сказал:

— Время для последней, двенадцатой записи.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Макстед.

— Не поднимайся, — сказал Шерингем и встал. — Я включу через него. — Он указал на громкоговоритель, привинченный к стене над головой Макстеда, ухмыльнулся и вышел.

Неприятно дрожа, Макстед стал вглядываться в безмолвное вечернее небо, надеясь, что вертикальный поток холодного воздуха, проникший во внутренний дворик, скоро рассеется сам собой.

Из динамика донесся тихий треск, усиленный другими динамиками, которые, как впервые заметил Макстед, были развешаны среди решеток ограды внутреннего дворика. Печально покачав головой на выходки Шерингема, Макстед решил налить себе еще виски, но когда потянулся через стол, то покачнулся и вдруг откинулся без сил на спинку кресла. Желудок, казалось, наполнился ртутью и льдом… Ртутным льдом, холодным, невероятно тяжелым. Он снова привстал вперед, пытаясь дотянуться до бокала, и опрокинул его на стол. В голове начал сгущаться туман, Макстед беспомощно оперся локтями о стеклянный край стола и почувствовал, как голова опускается на запястья…

Когда он снова поднял глаза, Шерингем стоял перед ним, сочувственно улыбаясь.

— Не слишком хорошее самочувствие, да? — сказал он.

С трудом дыша, Макстед сумел откинуться назад. Он попытался заговорить с Шерингемом, но почему-то не мог вспомнить ни слова. Сердце бе-

шено колотилось, он морщился от боли в груди.

— Не волнуйся, — спокойно заверил его Шерингем. — Фибрилляция — всего лишь побочный эффект. Возможно, она сбивает с толку, но скоро пройдет.

Он неторопливо прошелся по дворику, разглядывая Макстеда с разных сторон, затем, явно удовлетворенный, сел за стол, взял сифон и взболтал содержимое.

— Цианид хрома. Подавляет коэнзимную систему, контролирующую баланс жидкости в организме, и выводит гидроксильные ионы в кровоток. Короче говоря, ты тонешь. По-настоящему тонешь, а не просто задыхаешься, то есть тонешь так, как в настоящем бассейне. Однако я не должен отвлекать тебя от них.

Шерингем кивнул на динамики. Во внутренний дворик доносился странно приглушенный шум, похожий на плеск упругих волн в латексном море.

Ритм звуков был громким и неровным, перекрываемым глубоким свинцовым хрипом гигантских мехов. Сперва едва слышные, звуки нарастали, пока не заполнили внутренний дворик и не перекрыли слабый шум уличного движения, доносившегося с шоссе.

— Фантастика, не правда ли?

Крутанув графин за горлышко, Шерингем перешагнул через ноги Макстеда и отрегулировал регулятор громкости под одним из динамиков. Он выглядел беспечным и элегантным, помолодевшим почти на десять лет.

— Эти тридцатисекундные повторы в четыреста микросенс с усилением в тысячу раз… Признаю, я немного отредактировал дорожку, но все равно удивительно, насколько отталкивающим может стать красивый звук. Ты никогда не догадаешься, что это было.

Макстед вяло пошевелился. Озеро ртути в животе было холодным и бездонным, как океанская впадина, а руки и ноги стали огромными, как раздутые придатки утонувшего кита. Он мог только наблюдать, как Шерингем подпрыгивает перед ним, и слышать медленное биение далекого моря. Теперь, став ближе, оно билось в глухом настойчивом ритме, огромные волны вздувались и лопались, как пузырьки в море лавы…

— Должен сказать тебе, Макстед, мне потребовался год, чтобы получить эту запись, — говорил тем временем Шерингем. Широко расставив ноги, он навис над Макстедом с графином в руках. — Год! А знаешь ли ты, каким ужасным

может быть год? — На мгновение он замер, затем оторвался от собственных воспоминаний. — В прошлую субботу, сразу после полуночи, вы со Сьюзен сидели, откинувшись на спинки этих самых кресел. Знаешь, Макстед, здесь повсюду микрофоны. Тонкие, как карандашные острия, с шестидюймовым фокусом. У меня их было четыре только в этом подголовнике, — добавил он. — Так что ветер — это твое собственное дыхание, весьма бурное в то время, насколько я помню. А все твои взаимосвязанные импульсы произвели громовой эффект.

Макстед плыл в потоке звуков.

Некоторое время спустя лицо Шерингема заполнило все перед ним, борода тряслась, губы дико корчились, словно толстые черви.

— Макстед! У тебя осталось всего лишь два предположения, так что, бога ради, сосредоточься! — раздраженно выкрикнул он, но его голос почти затерялся среди доносившихся с моря раскатов грома. — Ну, давай же! Что это? Макстед! — проревел Шерингем, подскочил к ближайшему динамику и увеличил громкость.

Звуки гремели во внутреннем дворике, эхом разносясь в ночи.

Макстед уже почти исчез, его смывающаяся

личность стала маленьким безликим островком, почти размытым набегающими на пологие берега волнами.

Шерингем опустился на колени и прокричал ему в ухо:

— Макстед, ты слышишь море?! Ты понял, в чем тонешь?!

Череда гигантских вялых волн, и каждая следующая более громоздкая и обволакивающая, чем предыдущая, обрушилась на Макстеда.

— В поцелуе! — взвизгнул Шерингем. — Ты тонешь в поцелуе!..

Островок, в который превратился Макстед, заскользил и растекся, словно расплавленный в морском шельфе.

1957

Track 12. Первая публикация в журнале *New Worlds,* апрель 1958.

Перевод А. Бурцева

Угодья Ожидания

Мне так и не удалось узнать, осведомлен ли был Генри Таллис, служивший до меня на Радиообсерватории Мюрака, об Угодьях Ожидания, но мои предположения на этот счет однозначны: все ему было прекрасно известно. Тот трехнедельный срок, когда он передавал обязанности мне — на это вполне могло хватить трех дней, — был испытательным, Таллис пытался решить, достаточно ли я надежен. Больше всего меня огорчает, что в итоге я так и не дождался от него внятного рассказа.

В тот самый вечер, когда я прибыл на Мюрак, он обратился ко мне с вопросом, не дающим мне покоя до сих пор:

— Скажите, Квайн, где бы вы хотели встретить конец света?

Мы стояли на гостевой палубе обсерватории, глядели на песчаные рифы и ископаемые конусы вулканических джунглей, светящихся в ложных сумерках. Большой 250-футовый стальной шар телескопа наполнял эфир вокруг нас тихим гулким пением.

— Пока не решил, — ответил я. — Думаете, стоит поторопиться с выбором?

— Поторопиться, — эхом откликнулся Таллис, и его губы тронула улыбка — открытая, добродушная, но и слегка покровительственная. — Да нет, поживите здесь подольше.

Срок его последней вахты на обсерватории подходил к концу, и я подозревал, что апокалиптические настроения были спровоцированы угрюмым запустением этой планеты. Пятнадцать долгих лет он пробыл здесь — и вот я пришел на смену! Позже, само собой, я осознал, как сильно ошибался… и сколь неверно воспринял его замкнутую, весьма и весьма непростую персону.

Аскетичная худоба делала Таллиса похожим на монаха лет пятидесяти от роду. Когда я спустился с трапа грузового корабля, приземлившегося на Мюраке, Таллис не встретил меня. Засев в гусеничном вездеходе, припаркованном на краю космопорта, он сквозь стекла солнцезащитных очков наблюдал, как я с чемоданами наперевес волокусь по солнцепеку, все еще слегка пришибленный из-за испытанных при посадке перегрузок. Новая гравитация Мюрака, пока еще непривычная, клонила меня к земле.

Подобный жест был вполне в его духе. Таллис

всегда держался отрешенно, с долей горькой иронии. Своими туманными и двусмысленными речами он явно стремился навести тень на плетень: подобной манерой от мира зачастую отгораживаются затворники и нелюдимые личности. Таллис не был сумасшедшим — пятнадцать лет вахты на Мюраке, комке остывшей лавы, сказались бы подобным образом и на любом другом. Как я вскоре узнал, его здравомыслию оставалось лишь завидовать.

Пока я пересказывал ему ситуацию на Земле, Таллис внимательно слушал.

— На 2250-й год намечен беспилотный рейс к Проксиме Центавра. ООН отделилась ото всех, стала независимым объединенным государством. Еще День Победы больше не празднуют, ну да вы это, наверное, и сами знаете — радио-то у вас есть.

— Никакого радио, — произнес Таллис, — кроме телескопа, а телескоп обращен к спиралевидным системам Андромеды. У нас на Мюраке только новости со звезд важны.

Меня так и подмывало сказать, что даже самые свежие звездные новости, доходя сюда, устаревают по пути на добрый миллион лет, но жесткие условия — повышенные плотность атмосферы и

сила тяжести (1,2 Е), перепады температуры (от минус 30 до плюс 70 Цельсия) и сутки, длящиеся восемнадцать часов, — уже готовились убить во мне язвительного шутника.

А еще впереди маячила перспектива на целых два года остаться практически всецело наедине с собой.

Обсерватория находилась в десяти милях от рифа Мюрак, единственного на планете населенного пункта, у первой гряды холмов, отмечающих Северную окраину инертных джунглей вулкана, которые простерлись на юг к экватору. Она состояла из гигантского телескопа и «созвездия» из двадцати-тридцати асбестовых куполов, защищавших серверы обработки и отслеживания данных, генераторную и холодильную установки, ряд складов, ремонтных мастерских и хранилищ вспомогательного оборудования.

Будучи на самообеспечении, обсерватория не нуждалась ни в энергии, ни в воде. На холмах неподалеку, бликуя на солнце, четвертьмильные полосы солнечных батарей копили запас для питания генератора. На одном из склонов, навек прикованный распахнутой пастью к скальному грунту, передвижной синтезатор воды неспешно вгрызался в недра, добывая из горной породы

водород и кислород.

— Свободного времени у вас будет — вагон и маленькая тележка, — напутствовал меня заместитель директора Астрографического института на Цирцее, пока я оформлял контракт. — Разумеется, от вас требуются профилактика, проверки всех систем по графику, диагностика вычислительных погрешностей, но в целом непосредственно с телескопом вам связываться не придется. Эта машина и думает за вас, и накапливает данные за вас. Все, что вам нужно, — забрать все носители по возвращении.

— То есть мне остается только песок с палуб подметать? — уточнил я.

— Ну да, и за это вам заплатят. Быть может, не так много, как следовало бы, два года — все же долгий срок. Но томительное одиночество вам не грозит. Будет просто скучно. Цена скуки — две тысячи фунтов. Можете за это время написать диссертацию. Да и потом, вдруг вам понравится на Мюраке? Вот вы сменяете Таллиса — он отправился туда в 2003-м, на два года, а в итоге просидел пятнадцать лет. Он вам все покажет и расскажет — специалист очень толковый, хоть и немного чудак.

Первым же утром Таллис отвез меня в посе-

ление — забрать оставшийся багаж, снятый с грузового отсека.

— Риф Мюрак, — показал он, когда доисторический вездеход, разминая ржавыми гусеницами блестящие пески, поравнялся с домами, оставив далеко позади ожерелье мертвых лавовых озер с километровыми диаметрами, испещренных оспинами следов от метеоритных дождей. Впереди, разбавляя однородный пейзаж, высились плоские крыши цехов и подпорки буров для добычи породы. — Вам, наверное, сказали, что тут у нас один-единственный рудник, один склад и радиомачта. По последним доверительным подсчетам, общее число жителей планеты — семь человек.

Я не ответил — молча разглядывал техногенный пейзаж вокруг, порядком потрескавшийся от жары и ее перепадов. Четыре утра по местному времени, ночь еще не успела стать днем, а температура воздуха уже едва ли переносимая. Мы ехали, подняв защитные противосолнечные экраны, за нашими спинами утробно рычал кондиционер.

— В субботу вечером здесь делать нечего, — невесело протянул я. — И это все?

— Есть еще термальные штормы. Средняя отметка в полдень — 70 по Цельсию.

— В тени?

Таллис хмыкнул.

— А у вас чувство юмора на месте. На Мюраке, не забывайте, никакой тени нет и в помине. За полчаса до полудня градус начинает наращивать две позиции в минуту. Если останетесь в такое время снаружи — можете считать, подписали себе смертный приговор.

Одним словом, Риф Мюрак производил впечатление повального запустения и уныния. В цехах позади главного склада рокотали рудодробильные автоматы и погрузчики. Таллис познакомил меня с агентом компании, нелюдимым старцем по фамилии Пикфорд, и парочкой молодых инженеров, монтировавших новый влагосборник. Разговоры со мной никто водить не стал даже приличия ради — покивали и разошлись; нам осталось только погрузить остатки моего багажа и отчалить.

— Какие все замкнутые, — посетовал я. — Что они добывают?

— Тантал и ниобий. Редкоземельные металлы. Только все это — баловство. Процент содержания этого добра настолько низкий, что лично я не понимаю, какой смысл вообще здесь что-то разрабатывать. Все прельщаются низкой стоимостью

лицензии… а потом отказываются признать, что дали маху. Что ж, я им от всей души желаю окупиться хоть на цент.

— Отсюда, наверное, когда улетают — выдыхают. А что вас так надолго задержало?

— Если начну рассказывать, останусь тут еще лет на пятнадцать. Если же вкратце — мне просто нравятся всякие кратеры, пустоши и пустыни. — Поняв по моему лицу, что столь уклончивый ответ меня не устроит, Таллис вдруг зачерпнул с сиденья горсть серого песка, поднял руку и просеял песок сквозь пальцы. — Замечательная архейская глина, глубинные породы. Если на такую плюнуть, никогда не предугадаешь, чем это обернется. Поймете ли вы меня, если я скажу, что ждал, когда здесь пойдет дождь?

— Здесь *может* пойти дождь?

— Через два миллиона лет — вполне, — с серьезным видом ответил Таллис. — Такие прогнозы мне сделал один залетный ученый.

Тогда мне в голову и закралось подозрение, что он попросту утратил связь с реальным временем. Обычно человек под влиянием длительного одиночества ищет себе отвлечение — разгадывает судоку, ведет дневник снов, вырезает поделки из дерева. Похоже, ничем подобным Таллис не

занимался, упиваясь одним лишь созерцанием песков из окна своего неуютного трехэтажного жилого ящика, возведенного рядом с витком магистрального охладителя. Это напоминало самую настоящую одержимость — так он мог просиживать дни и ночи напролет, разглядывая сотни мертвых вулканов, чья окраска с течением дня менялась от желтого к фиолетовому. Что-то в этом было и от *ожидания* — но чего, в таком случае, Таллис ждал?

Примерно за неделю до его отлета мне удалось кое-что выяснить. Я помогал ему со сбором скудных пожитков — мы расчищали маленький склад вблизи телескопа. В полумраке у дальней стены, среди старых вентиляторов, гусеничных рулонов и ржавых инструментов, отыскались автономные терморегулируемые скафандры, больше напоминавшие два больших серебристых мусорных мешка.

— Неужто приходилось пользоваться? — спросил я Таллиса, представляя себе мрачные последствия поломки генератора.

Он покачал головой.

— Их оставила исследовательская группа, работавшая на вулканической гряде. Из того, что лежит в хранилищах, можно устроить целый

лагерь — если вдруг надумаете посвятить выходные сафари.

Сказав это, Таллис выжидающе застыл у двери. Я в последний раз мазнул лучом фонаря по здешним нагромождениям и хотел было выключить его, когда неожиданно что-то ярко блеснуло. Я пробрался через завалы и увидел маленькую — полметра в диаметре и сантиметров тридцать высотой — округлую алюминиевую коробку с батарейным питанием, термостатом и переключателем температурного режима. Типичный образчик снаряжения дорогостоящей, с размахом предпринятой экспедиции — вероятно, походный бар или компактная сушилка для нижнего белья. На крышке было оттиснуто золотом: ЧФН.

Таллис отступил от двери.

— Что это? — резко спросил он, наведя на ящик и свой фонарь.

Мне следовало оставить все как есть, но прозвучавшее в голосе Таллиса явное раздражение заставило меня поднять ящик и вынести его на свет.

Я сдул пыль, отомкнул вакуумные запоры и снял крышку. В ящике лежали мелкий магнитофон, ленты и телескопический микрофонный «журавль», тут же взвившийся в воздух и зака-

чавшийся у меня перед глазами. Устройство было дорогим — уникальная, сделанная по спецзаказу игрушка; кем бы ни был ее владелец, она обошлась ему фунтов в пятьсот без учета инфляции.

— Прекрасная работа! — Я надавил на платформу-основание, и та мягко закачалась. — И воздушная подушка в сохранности.

Я пробежал пальцами по индикатору расстояния и избирательной шестиканальной воспроизводящей головке. Не обошлось здесь и без акустической ловушки — полезного устройства, настраиваемого на любой порог шума, вплоть до шелеста трения друг о друга мушиных лапок.

Ловушка сработала. Только я хотел посмотреть, что же записалось, как заметил: меня опередили. Лента была вырвана, да так грубо, что одна катушка даже слетела, остались лишь разлохмаченные концы пленки.

— Кто-то очень спешил. — Я захлопнул крышку и протер рукой золотые инициалы. — Эта вещица, должно быть, принадлежит одному из исследователей. Не хотите отослать ему?

Таллис задумчиво смотрел на меня.

— Нет. К сожалению, оба члена группы здесь погибли. Около года назад.

Он рассказал мне о случившемся. Два геолога

из Кембриджа договорились с Институтом, что Таллис поможет им разбить лагерь в десяти милях от обсерватории, в вулканических джунглях, где они собирались работать год, занимаясь анализом коры планеты. Собственный транспорт им не полагался, поэтому Таллис самолично перевез все снаряжение.

— Условились, что я ежемесячно буду подвозить им батареи, воду и провиант. Сперва все шло хорошо. Обоим было за шестьдесят, но жару они переносили хорошо. Оборудование работало, а на экстренный случай у геологов был аварийный передатчик. Всего я видел их трижды. Когда я приехал в четвертый раз, то никого не застал. По моим оценкам, они отсутствовали в лагере уже около недели. Передатчик был исправен, оставалось много воды. Я предположил, что они вышли на сбор образцов, заблудились и были убиты жарой.

— Тел не обнаружили?

— Увы. Я искал, но в вулканических джунглях рельеф поверхности меняется буквально ежечасно. Я известил Институт. Два месяца спустя с Цирцеи прибыл инспектор и посетил со мной лагерь. Он констатировал их гибель, велел мне разобрать оборудование и хранить его здесь. Ни

родственники, ни друзья геологов за их личными вещами не обращались.

— Грустная история, — сказал я и отнес ящик с магнитофоном на склад.

Мы вернулись в свое жилище. До полудня оставался час, и параболический солнечный отражатель над крышей сверкал как чаша, залитая до краев лавой.

— На что они надеялись? Чей голос пытались записать в вулканических джунглях? — спросил я Таллиса. — Акустическая ловушка сработала.

— Не знаю. — Таллис пожал плечами. — По-вашему, это что-то значит?

— Мне просто любопытно. Странно, что их смерть не расследовалась основательно.

— Вы забываете, что перелет сюда с Цирцеи стоит восемьсот фунтов, а с Земли — более трех тысяч. Экспедиция была частная. Кому взбредет в голову тратить деньги и время, чтобы доказать очевидное?

Я хотел узнать подробности, но последняя фраза Таллиса красноречиво положила конец этому разговору. Мы молча пообедали, а потом отправились на обход солнечных батарей, заменять сгоревшие термопары. Исчезнувшая магнитофонная лента и две смерти наводили

на подозрения; оба факта явно были связаны между собой.

В последующие дни я наблюдал за Таллисом более внимательно, надеясь разобраться в окружавшем его ореоле таинственности, — и обнаружил то, что вызвало у меня крайнее удивление. Как бы между делом я поинтересовался его планами на будущее. В ответ Таллис пробурчал нечто невразумительное об отпуске, явно первое, что пришло на ум. Похоже, о будущем он не думал. В последние перед отлетом дни все его внимание сосредоточилось на вулканических джунглях. От зари до поздней ночи он просиживал в кресле, безмолвно глядя на мертвую панораму рассыпающихся скал, мыслями витая где-то далеко-далеко.

— Когда вернетесь? — спросил я полушутливо, гадая, зачем тогда он покидает Мюрак.

Таллис принял вопрос всерьез.

— Не думаю возвращаться. Пятнадцать лет — срок немалый; вряд ли можно просидеть непрерывно на одном месте больше. Так можно и корни пустить.

— Непрерывно? — перебил я. — Но вы же летали в отпуск?

— Нет, и не собирался. Мне было некогда.

— За пятнадцать лет — некогда? Вы же просто сидите здесь и ждете незнамо чего. Может, откроете свой секрет?

Таллис слабо улыбнулся, хотел было ответить, но передумал.

Оставалось еще множество вопросов. Действительно ли погибли геологи? Может, они вернутся или подадут какой-то знак? Чего все-таки ждал Таллис? Глядя, как он меряет шагами комнату в то последнее утро, я был почти уверен, что он хочет сообщить мне нечто важное. То и дело Таллис всматривался в пустыню, оттягивая отлет, пока космопорт не объявил тридцатиминутную готовность. Садясь в вездеход, я почти был готов к тому, что из вулканических джунглей вот-вот выскочат, стеная и требуя отмщения, призраки геологов.

Мы прощались. Таллис осторожно тряс мою руку.

— Вы правильно записали мой адрес? Уверены? — По каким-то причинам, идущим вразрез с моими первоначальными подозрениями, он предпринял все меры к тому, чтобы и Институт, и я легко могли найти его.

— Не беспокойтесь, — заверил я. — Я дам вам знать, если пойдет дождь.

Таллис хмуро посмотрел на меня.

— Только не ждите слишком долго. — Его взгляд устремился мимо меня к южному горизонту, сквозь песчаную дымку к безбрежному хаосу вершин. — Два миллиона лет — срок немалый, — добавил он.

У самого трапа я взял его за руку.

— Таллис, — тихо произнес я, — чего вы все время ждали? Там что-то есть, да?

Он отпрянул и как-то весь сразу подобрался.

— Что? — буркнул он, взглянув на часы.

— Вы всю неделю собираетесь мне признаться, — настаивал я. — Ну же, давайте!

Таллис мотнул головой, буркнул что-то о жаре и поспешно занял шлюзовую камеру.

Я закричал ему вслед: «Там два геолога!» — но тут взревела сирена пятиминутной готовности. Когда она стихла, Таллис уже исчез, а экипаж задраил пассажирский и грузовой люки.

Я стоял на краю космопорта, пока корабль проходил предстартовую проверку, и злился на себя за то, что дотянул с расспросами до последнего момента. А через полчаса Таллиса на планете уже не было.

Шли дни, и думы о Таллисе отодвигались на задний план. Я постепенно обживался в обсерва-

тории, старался организовать свой быт так, чтобы время текло незаметно. Почти каждый вечер ко мне заходил Мейер, металлург с рудника, — забыть о смехотворно малой добыче и поиграть в шахматы. Это был крупный мужчина лет тридцати пяти, ярый неприятель климата Мюрака и вообще всего, что было связано с планетой. Немного простодушный, пожалуй, но после Таллиса его присутствие хоть как-то меня развлекало.

Мейер пересекался с Таллисом всего раз и ничего не слышал о гибели двух геологов. Хмурый старик Пикфорд, представитель компании, был единственным, кто знал о погибших, но время не пощадило и его воспоминаний.

— Торговцы, вот кто они были, — заявил он мне, попыхивая трубкой. — Таллис им помогал с тяжелыми работами. Зачем только явились?.. Нашли, где продавать свои книги!

— Книги?

— Полные ящики! Вроде бы Библии.

— Наверное, справочники, — уверенно поправил я. — Вы их видели?

— Ясное дело! — проворчал Пикфорд. — Разукрашенные, дорогие, в переплетах... — Он резко дернул головой. — Говорил ведь им, что не выгорит здесь!

Видно, Таллис и те двое разыграли Пикфорда, выдав специальную литературу за коммерческую. Ученые шутят, ничего нового. Юморок все тот же, специфический и мало кому понятный. Я бы и не заострил на этом внимание, не волнуй меня так Таллисовы карты — порядка двадцати, составленные из полумиллиона снимков вулканических джунглей с воздуха с радиусом обхвата в двадцать километров от обсерватории. На одной из них были отмечены лагерь геологов и возможные маршруты подъезда к нему на вездеходе. Быть может, я раздувал проблему из ничего — доверялся бессмысленным меткам на картах, которые могли означать все что угодно, а никак не места захоронений. Почему-то мне казался не подлежащим сомнению тот факт, что Таллис никак не причастен к смерти геологов. Меня, скорее, влекло окружающее его фигуру приятное ощущение тайны.

На следующий день, попросив Пикфорда, чтобы отслеживал мои перемещения по радио на всякий пожарный случай, я, запасшись сигнальной ракетницей, выдвинулся в путь на вездеходе. Ехал я засветло, строго придерживаясь отмеченного на карте маршрута. За моей спиной неспешно вращался телескоп, неустанно

записывающий далекое звездное бормотание Цефеид. Было прохладно — по меркам Мюрака. С насыщенно-вишневого неба, исполосованного голубыми прожилками, на пепельно-серые вулканические кручи лился фиолетовый свет. Обсерватория вскоре скрылась из вида, ее заволокло поднятой из-под колес пылью. Следом за ней канули влагосборник, усердно трудящийся над десятью тысячами тонн кремниевого гидрата, и вулканический холм под две сотни футов высотой. Вот уже передо мной открылась первая долина, вся из застывших лавовых озер — прекрасное дорожное покрытие. Как я и ожидал, следы вездехода Таллиса не заставили себя ждать, четко проступив в пыли.

Через три часа я добрался до лагеря — до тех жалких остатков, что пощадило время. Мне явилось довольно-таки печальное зрелище — берег одного из озер был усыпан отработанными топливными элементами и опустошенными водоносными канистрами. Пейзаж утопал во мгле песка, растревоженного утренним ветром. Лиловые вершины вулканов на дальней стороне озера застыли молчаливыми стражами. Острые пики за ними рассекали небо надвое.

Я обошел лагерь в поисках следов пропавших

геологов. Подняв походный стальной столик с ободранной столешницей, я поставил его на ножки и выдвинул ящики. Внутри — лишь горстка бумажного пепла и рация в расплавленном жарой, растрескавшемся корпусе.

Таллис знал свое дело — и знал *слишком* хорошо.

Температура воздуха постепенно росла, через несколько километров вездеход встал — кондиционер сожрал почти весь энергозапас, практически заглушив двигатель. Небосвод уподобился клокочущему котлу, по близлежащим склонам заструилось нечто, напомнившее мне расплавленный воск. Задраив окна и выключив передачу, я просидел в глухом салоне вездехода больше часа, окутанный сиянием, исходившим от приборной доски, в компании оглушающего рева мотора; за это время я успел до боли отсидеть ногу и трижды проклясть Таллиса с его таинственными геологами.

В тот вечер я оформил все надлежащие бумаги и решил заняться своей диссертацией.

Как-то днем, два или три месяца спустя, расставляя фигуры на доске, Мейер произнес:

— Я видел утром Пикфорда. Он хочет показать тебе кое-какие образцы.

— Видеозаписи?

— Нет-нет. Бумажные книги.

Во время следующего своего визита в поселок я сразу же наведался к Пикфорду. Старик по неизвестному случаю вырядился в белый костюм, да только был тот настолько замят и испачкан, что смотрелось это едва ли не комично.

— Те торговцы, — сказал он, пыхнув мне табачным дымом в лицо, — ну, вы про них еще спрашивали… Говорил же вам, они продавали Библии!

Я кивнул.

— Ну и?..

— Кое-что сохранилось.

— Можно взглянуть?

Пикфорд взмахнул трубкой.

— Идите сюда.

Я последовал за ним по складским лабиринтам мимо старых охладительных станций и терминалов связи, много лет назад завезенных на Мюрак для удовлетворения спроса, так никогда и не возникшего.

— Вот. — У задней стены склада стоял большой деревянный короб, обитый стальной каймой. Пикфорд вытащил откуда-то разводной ключ. — Я подумал, может, вы захотите купить…

— Давно здесь этот ящик?

— Примерно год. Таллис не забрал его. Попался мне только на прошлой неделе.

Так бы и сказал — ждал, пока Таллис уедет, подумал я.

Сняв крышку, Пикфорд извлек наружу усадочный слой бумаги и продемонстрировал мне стопку томов в черных тканевых переплетах. Вытащив случайную книгу, я поднес ее к свету. Старик не обманул, это и вправду была Библия. Все прочее оказалось различными ее вариациями — религиозные тексты на разных языках, в разных трактовках: католический и протестантский катехизисы, экуменическая Библия, Тибетская Книга мертвых, Упанишады и Талмуд.

— Сколько всего было ящиков? — уточнил я у Пикфорда.

— Пятнадцать. Они заказывали их, уже будучи на Мюраке. Совсем новые, глянь.

Взяв по одному экземпляру каждой книги, я заплатил старику десять фунтов. Сделка его явно порадовала, и он даже напутствовал меня со смешком:

— Приходите в любое время, для постоянных клиентов скидки!

Когда вечером ко мне забежал Мейер, от его

взгляда не укрылась мини-библиотека у меня на столе.

— У Пикфорда приобрел, — объяснился я и рассказал о странном ящике на складе. — Если верить ему, всего они заказали пятнадцать ящиков религиозной литературы.

— Я бы не стал сильно доверять наполовину ополоумевшему старику.

— Нет, он все говорит верно. Были и другие ящики, тот самый был запечатан, но он все равно знал, что внутри.

— Что за нелепица получается. Те двое и впрямь были коммивояжерами?

— Определенно — не геологами. Почему Таллис лгал? Ничего не сказал о книгах?

— Забыл?

— О пятнадцати ящиках? Зачем им столько — что они вообще с ними хотели сделать?

Мейер развел руками и подошел к окну.

— Хочешь, пошлю радиограмму на Цирцею?

— Пока не стоит, не вижу особого смысла.

— Вдруг за них объявлено вознаграждение? Большое… да я бы мог вернуться домой!

— Я бы сперва все же выяснил, что делали здесь эти лжегеологи и зачем им нужны были книги. Ясно одно — Таллис все знал. Я-то думал,

что они наткнулись на хризоксиловые залежи и Таллис их обманул. Уж слишком подозрительно выглядела та звуковая ловушка. Или что они инсценировали собственную смерть, чтобы несколько лет вести разработку под прикрытием, используя Таллиса в качестве поставщика ресурсов. Но все эти Библии и прочее — они говорят о чем-то совсем другом, вот только о чем?

На протяжении трех дней, круглосуточно, отвлекаясь лишь на сон, я методично обыскивал вулканические джунгли, вдавившись в водительское сиденье вездехода: медленно проползал по лабиринтам долин, взбирался на гребни холмов, внимательно изучал каждую оголенную кварцевую жилу, каждое ущелье или расселину, где могло скрываться то, что я искал. Мейер замещал меня в обсерватории, приезжая туда ежедневно. Он помог мне привести в порядок старый дизельный генератор, и мы поставили его на вездеход, чтобы обеспечить энергией обогреватель кабины и более не зависеть от ночных мюракских холодов. После двух ходок я сделал лагерь геологов своей перевалочной базой. Мы подсчитали, что по клейкому, густому песку Мюрака шестидесятилетний мужчина за час может пройти два-три километра без риска погибнуть

от жары. Следовательно, зона поисков представляла окружность площадью пять квадратных километров, если считать лагерь ее центром, или даже двенадцать квадратных километров, с учетом времени на возвращение. Весь этот участок я исследовал вдоль и поперек, отметив на карте все вулканы, долины и холмы. Двигатель моей машины вырабатывал двенадцатичасовую норму с полудня до полуночи, и песчаные рифы то наполнялись солнечным огнем, то превращались в серые застывшие кладбища времени. В поисках возможных подземных ходов я выворачивал колесами вездехода все валуны сомнительного вида, сносил подчистую дюны белого песка… и ничего не находил. Рифы и долины пустовали. Вулканические склоны встречали меня вековым запустением. Даже в кратерах я не отыскал следов — одну только серу, фрагменты метеоритов и пыль. На четвертое утро, после тяжелого и бесполезного сна, я решил: сдаюсь.

— Возвращаюсь, — известил я Мейера по рации. — Здесь ничего. Заберу из лагеря все оставшееся топливо. Надеюсь, успею к завтраку.

Когда я добрался до лагеря, уже светало. Загрузив вездеход баками с топливом, я сел на походный металлический столик, окидывая

последним взглядом долины. Из-за вулканов, с другой стороны озера, вставало солнце. Зачерпнув со столика песок, я пропустил его сквозь пальцы.

— Замечательная архейская глина, — повторил я слова Таллиса, адресуя их мертвому озеру… и тут в голове у меня будто щелкнуло.

Километрах в семи от дальнего конца озера темным силуэтом на фоне восходящего над вулканами солнца застыл высокий пепельно-каменный крутой откос, выраставший прямо из пустыни и протянувшийся вдоль горизонта километра на три. Дальше, на юго-западе, его скрывали вершины вулканов. Его крутизна наводила на мысль, что откос этот возник еще в довулканический период. Серая стена из камня, суровая и неприступная, царствовала над пустыней — надо полагать, она повидала еще пору юности планеты, тогда как пыльные вершины вулканов узрели лишь ее преклонные годы. По абсурдному наитию я был готов биться об заклад, что скальная порода откоса относится к архейскому периоду. Серая стена эта была едва видна из обсерватории и находилась километрах в четырех-пяти от края уже изученной мной территории.

С громогласным ревом вездеход преодолел озеро, разогнавшись до 60 километров в час, и я даже не заметил, как полпути оказались позади. Полчаса я боролся с песками рифа и наконец попал в узкую и протяженную долину, выходившую прямо к откосу. Примерно за километр от него я понял, что ошибся, приняв его за сплошную стену — скорее, откос являл собой овальное плато с подозрительно ровной поверхностью, как если бы его верхушка была скошена лазерным ударом; да и склоны у него отличались явно рукотворной симметрией.

По ним, конгломератам бледно-синего камня, я и повел вездеход — на первой передаче, под небольшим уклоном, дабы снизить угол подъема. Вездеход ревел и медленно полз вверх, гусеницы проскальзывали и буксовали. Машина ходила из стороны в сторону, и я боялся, что сместившийся центр тяжести вот-вот увлечет ее вниз, на дно пустыни. Но за гребнем мой ход выровнялся. Глазам предстала площадка в 2,5 километра диаметром, гладкая и пустая, укрытая ковром синеватой космической пыли. В самом ее центре было крупное вулканическое озеро, чья темная гладь источала жар.

Высунувшись в боковое оконце и уставившись

вперед, я осторожно тронул машину с места, не переходя на большую скорость. Здесь не было привычных метеоритов, скальных пород и булыжников — похоже, ночью озеро остывало, а днем, когда жара росла, плавилось опять. Хоть твердь под гусеницами казалась такой же прочной, как сталь, я заглушил вездеход на почтительном отдалении от озера и выбрался на крышу кабины.

Смещение перспективы было небольшим, но достаточным. Озеро исчезло, и я понял, что смотрю на мелкий бассейн, шириной около полумили, вырубленный в поверхности.

Нырнув назад в кабину, я завел мотор. Бассейн, как и плато, был в форме идеального круга, с наклоном относительно тверди. Кто-то явно постарался, чтобы он напоминал вулканический кратер.

Я затормозил у самого края и выскочил наружу.

В четырехстах ярдах от центра в бассейне выстроились пять гигантских прямоугольных плит на огромном пятиугольном постаменте. Так вот что от меня скрыл Таллис.

Бассейн пустовал, но воздух здесь был теплее. Странная тишина царила кругом — хотя, на-

верное, я полагал ее странной исключительно из-за того, что три дня над моим ухом надрывался двигатель вездехода. Закинув ноги за край, я стал спускаться по склону к группе в центре бассейна. Впервые с момента моего прибытия на Мюрак я обозревал не пустыню и не яркие цвета вулканических джунглей. Я заглянул в светло-голубой мир, чистый и точный, как геометрическое уравнение, состоящий из изогнутого дна, пятиугольного постамента и пяти каменных прямоугольников — алтаря неизвестной абстрактной религии.

Мне понадобилось минуты три, чтобы добраться до этого памятника. За моей спиной над двигателем вездехода сгущался маревом раскаленный воздух. Я подошел к постаменту — каменной плите в метр толщиной, весящей, должно быть, тысячу тонн, — и прижал ладонь к его поверхности. Синяя порода все еще держала прохладу. Как и все мегалиты, стоявшие на нем, пятиугольник постамента был чистым и геометрически совершенным.

Я поднялся и подошел к ближайшему мегалиту. Тени вокруг меня были огромными параллелограммами, их углы уменьшались, когда солнце вспыхивало в небе. Я медленно прошел в центр

группы, смутно осознавая, что ни Таллис, ни два лжегеолога не смогли бы вырезать мегалиты и поднять их на постамент. И тут-то я и увидел, что вся внутренняя поверхность ближайшего мегалита была покрыта рядами крошечных иероглифов.

Подавшись вперед, я провел по ней руками. Местами камень осыпался, и ряды почти стерлись, но в целом построения символов, перемежаемых замысловатой клинописью, еще могли быть прочтены. У другого мегалита внутреннюю сторону также облепили несметные полчища крохотных знаков, разделенные по всей его высоте вертикальными полосами. Алфавитов, подобных этому, прежде мне не доводилось видеть, да и вообще, создавалось впечатление, что текст зашифрован: тут — нечто, напоминающее цифры, там — дикарские изображения человечков. Но вот несколько строк, содержащих самые обычные — ошибки быть не могло! — символы английского алфавита, привлекли мое внимание:

CYR*RK VII	A*PHA LEP**IS	*D1317
AMEN*TEK LC*V	*LPHA LE*ORIS	AD13**
PONT*AR*H*CV	ALPH* L*PORIS	A* *318
MYR*K LV*	A**HA LEPORI*	AD13*6
KYR** XII	ALPH* LEP*RIS	AD1*19
M*MARYK XX*V	A*PHA LEPORI*	AD1389
CYRARK IX	ALPHA *EPORIS	AD1390

Время не пощадило камень, наделав кучу выбоин в надписях, но общую суть я понимал: кто-то увековечил тут список имен — со звезды Альфа Зайца[9]. Список прерывался лишь там, где камень сходился с постаментом. На соседнем мегалите эти пометки тоже были — причем куда более свежие и разборчивые. Всего мной были опознаны пять языков. Четыре из них, считая земной, представляли написания имен из крайней левой колонки.

---

[9] Примечания: 9

Альфа Зайца, она же Арнеб, — самая яркая звезда созвездия Зайца, примерно в 9 раз тяжелее Солнца.

MINYS-259	DELT* ARGUS	AD1874
TYLNYS-413	DELTA ARGUS	*D1874

Третий и четвертый мегалиты содержали информацию с Гаммы Журавля[10] и Беты Треугольника[11] все по тому же образцу: пять рядов записей, пять языков, один земной, остальные — иероглифические, одна скупая формула построения, имя с атрибуцией в виде римских цифр, звезда, дата. А вот пятый мегалит, обращенный к солнцу внешней стороной, оказался пуст — не считая разделительных черт глубиной в полдюйма. Как если бы некий предусмотрительный резчик заранее разметил плиту под новые записи.

---

[10] Примечания: 10

Гамма Журавля — звезда третьей звездной величины в созвездии Журавля, в 4,8 раза тяжелее Солнца.

[11] Примечания: 11

Бета Треугольника — двойная звезда в созвездии Треугольника, с орбитальным периодом прим. в 32 дня.

COPT*C LEAGUE MILV	BETA TRIANGULI	*D1723
ISARI* LEAGUE *VII	BETA *RIANGULI	AD1724
MAR-5-GO	GAMMA GRUS	AD1959
VEN-7-GO	GAMMA GRUS	AD1960
TETRARK XII	ALPHA LEPORIS	AD2095

Вернувшись к исписанным мегалитам, я принялся изучать эту странную летопись, водя пальцем по строчкам и избирательно перескакивая с одной на другую. Должен же был быть хоть какой-то ключ к происхождению этих звездных камнетесов, чьи цели меня бесконечно интриговали. Даты — 1723, 1724; 1959, 1960; 2095… что призваны были отражать эти рваные интервалы? Смену быстротечных поколений? Династии повторялись: Цирарки, Понтиархи, Мины. Записи до 1200 года, примерно половина от всех имеющихся, страдали сильной неразборчивостью. Поверхность мегалитов была почти целиком исписана, и вначале я предположил, что самые

ранние пометки были сделаны приблизительно две тысячи двести лет назад, то есть вскоре после Рождества Христова; однако частота их внесения росла в геометрической прогрессии. В пятнадцатом веке — одна-две в год, к двадцатому веку — пять-шесть, а ближе к современности — от двадцати записей с Дельта Аргоса до тридцати пяти с Альфа Зайца. Самая последняя запись располагалась в нижнем правом углу:

CYRARK CCCXXIV ALPHA LEPORIS AD2218

Буквы были только что высечены, сутки или даже несколько часов назад; от них — двухфутовое свободное место до земли. Я спрыгнул с постамента и стал изучать ковер пыли, надеясь обнаружить отпечатки ног или колес, но чаша пустовала, сияя идеально ровной пыльной поверхностью; лишь от вездехода тянулась вереница следов моих собственных ботинок.

Я вспотел так, что вымок до нитки. Предупреждающий датчик на запястье бил тревогу — всего полтора часа до полудня. Окинув прощальным

взглядом мегалиты, я заторопился к вездеходу. Воздух, разогретый до температуры духовки, волнами ходил у краев бассейна, небо налилось гнойно-желтым цветом, как готовый лопнуть нарыв. Надо было поскорее связаться с Мейером. Если он не засвидетельствует мой рассказ, на Цирцее меня примут за буйнопомешанного. Кроме того, у него где-то лежал фотоаппарат. За полчаса мы успели бы проявить пленку и сунуть под нос скептикам неоспоримое доказательство — серию снимков. А еще мне просто жуть как хотелось поделиться с кем-нибудь своим открытием. Впрочем, когда до вездехода уже оставалось несколько шагов, до моих ушей и так долетел настойчивый сигнал вызова.

— Квайн? — выдохнул Мейер, когда я нажал на кнопку.

— На связи.

— Ты куда это запропастился? Я тут подумывал тревогу поднять!

— Со мной все в порядке. Где ты сейчас?

— В лагере этих твоих геологов. Сам сюда дошел, пока тебя искал. Решил, вездеход твой накрылся.

— Жди меня там, я скоро буду.

Полчаса спустя я усадил его к себе в кабину, развернулся и на полной скорости помчал назад,

окутанный пыльными облаками. Всю дорогу Мейер пытался что-то у меня выведать, но я молчал, вцепившись в руль. Жара все нарастала и нарастала — холмы вокруг будто надулись от ярости. В омуте моих мыслей четкой была, пожалуй, лишь одна: *поскорее показать Мейеру мегалиты.* Но когда машина одолела склон плато, страх легонько кольнул меня в сердце. Я опасливо покосился на багровое небо, прикидывая: по достижении бассейна нам все равно придется пережидать где-то час — и в тесно-душной кабине, с ревом мотора и слепым перископом, мы будем являть из себя заманчивую мишень для потенциально притаившегося недруга.

Со дна котлована несся к солнцу раскаленный воздух, и вся центральная часть плато трепетала и искрилась. Я рванул вездеход прямо к ней, Мейер вжался в кресло. В ста метрах от края бассейна марево внезапно рассеялось, и показались верхушки мегалитов. Не успел я заглушить двигатель, как Мейер выскочил из кабины. Обмениваясь удивленными воплями и размахивая руками, мы побежали сквозь закипающий густой воздух к возвышавшимся в центре бассейна мегалитам. Я не удивился бы, завидев, что нас уже ждет делегация, но — ничего подобного.

Опередив Мейера где-то на пятьдесят ярдов, я добрался до постамента первым, вскарабкался наверх и стал ждать, пока он подоспеет, тяжело глотая горячий воздух. Я помог ему залезть и подвел к одному из мегалитов, указал на колонку и начал зачитывать записи. Затем я провел его вокруг других каменьев, рассказывая обо всем, что обнаружил, ткнув пальцем в пустую табличку, предназначенную для Земли.

Мейер ловил каждое мое слово. Порой он замирал и ошалело таращился на мегалиты.

— Квайн, ты действительно что-то нашел, — тихо пробормотал он. — Похоже, у этих сумасбродов тут какой-то храм.

Я пошел за ним, отирая пот с лица и щурясь от бликов, отраженных от великих плит.

— Только глянь, Мейер, — десять тысяч лет они ходят сюда! Знаешь, что это значит?

Протянув руку, он осторожно коснулся иероглифов.

— Значит, мы на Мюраке не одиноки? Великий Боже! И как они, думаешь, выглядят?

— Это не главное. Главное то, что эта возвышенность — рукотворная. Они вырыли тут этот бассейн, вырезали из камня плиты… можешь себе представить, *какими* инструментами тут

орудовали?

— Но для чего это все? Это что, погост?

— Не думаю — зачем тогда ставить памятник для Земли? Если они смогли выучить наш язык, то уже поняли, что подобный жест — архаика! Сложные погребальные обряды — верный признак упадка, а перед нами свидетельство обратного. Я уверен: они надеются, что в будущем и мы примем активное участие в ведении записей.

— Да, но что эти записи отражают? Тут нужно хорошенько мозгами пораскинуть. — Мейер, прищурившись, вгляделся в ряды букв. — Это ведь может быть что угодно, от чеков на расходы этнологической экспедиции до списка гостей на галактической вечеринке.

Вдруг, приметив что-то, он нахмурился и подбежал к плите, ощупывая ее руками и чуть ли не обнюхивая крупитчатый материал.

— Что с тобой? — спросил я.

— Черт побери, Квайн! — Он попытался отковырнуть ногтем несколько крупинок. — Эти штуки — они же ни разу не каменные! — Достав из кармана перочинный нож, Мейер стал остервенело скрести лезвием мегалит, пропахав прямо через надписи длинную борозду. Я хотел было остановить его, но он оттолкнул меня и провел

по царапине пальцем, собирая все чешуйки.

— Знаешь, что это? Окись тантала. *Чистейшая* окись тантала, стоит целое состояние! А я-то думал, почему наш объем добычи здесь столь мал. Какие-то проходимцы просто взяли и высосали все планетарные залежи — и ради чего? Ради этих вот штук! — Мейер погрозил монолитам пальцем. Жара сгущалась, мир вокруг нас будто запекался. Мы уже не могли нормально дышать — только судорожно вбирать маленькие порции воздуха.

— Мейер, пошли обратно! Тут в любом случае ничего не поделаешь — не хочешь же ты повалить их и кинуть в дробилку для руды?

Мой спутник застыл, голубая пыль вихрями охаживала его ноги. Края бассейна постепенно расширялись, сдаваясь под напором растущей температуры. Прохлада кабины манила нас — до нее было всего полсотни ярдов.

— Почему бы и нет? Десять тонн аминотолуола — и тут останутся такие куски, что любой тягач запросто размесит гусеницами. Складировать все будем в обсерватории, а потом тихо-мирно переправим к обогатительному…

Я попятился к вездеходу, мотая головой. На лице у меня застыла доброжелательная гримаса.

Растущее пекло явно распаляло Мейера, давило на горечь скопленных за дежурство на Мюраке разочарований.

— Хорошая идея, Мейер. Свяжись с Гаммой Журавля, может, они выдадут лицензию.

— Я не шучу, Квайн! — прокричал он. — Паратройка лет — и мы с тобой богачи!

— Не будь сумасбродом! — ответил я. — Тебе голову явно напекло! — Поднимаясь по склону, я уже прикидывал с тоской понурые перспективы часового заточения в утлой кабине в компании этого металломаньяка. Ему ничто, кроме денег, не свято! Но при всей своей природной подозрительности я не сумел предугадать, что следующий шаг Мейера будет столь радикальным.

Слишком поздно я услышал свист подошв за спиной — у самого края бассейна меня сразил мощнейший удар по голове. Я успел частично обернуться и вцепиться Мейеру обеими руками в плечи. Мы покатились по песку; нависнув сверху, Мейер с размаху двинул мне кулаком в лицо. В голове взорвалась петарда боли — кажется, мне выбили из пазов челюсть, и левый висок будто треснул; но я все же смог привстать и увидеть, как Мейер забросил руку за край бассейна, подтянулся и со всех ног помчал к вездеходу.

Тут-то мне вспомнилась ракетница, покоящаяся в кобуре на поясе. Усилием воли я рванул ее наружу, снял с предохранителя и прицелился в беглеца. Вцепившись в рукоятку обеими руками, я нажал на спуск ровно в тот момент, когда Мейер дернул на себя дверь кабины. Металлург обернулся на звук выстрела и застыл, глядя на смертоносную серебряную птицу, мчащуюся прямо на него.

Удар пришелся на кабину, но — все равно слишком близко к нему. Взрыв вышел что надо, яркий и смертоносный. Когда дым рассеялся, я увидел, что кабина и передняя часть машины охвачены пламенем. От этого кострища вдруг отделилась полыхающая фигурка с руками, прижатыми к лицу, — то был Мейер. Доковыляв до края бассейна, он споткнулся и рухнул вниз. На дне он замер, уже не подавая признаков жизни — просто тлеющая груда чего-то темного и обожженного.

Бездумно уставившись на часы — было почти двенадцать, — я побрел к вездеходу, не уверенный, впрочем, что смогу дойти. В голове шумело — будто в самом центре мозга вдруг проснулся вулкан. Застыв в трех шагах от края бассейна, я увидел, что ветровое стекло моего вездехода расплавилось, густыми горячими потеками

изуродовав приборную доску.

Бросив ракетницу, я отвернулся от машины. Пять минут до полудня. Небеса дышали нестерпимым жаром. Марево размывало очертания мегалитов, но я слепо тащился вперед, в отчаянной надежде обрести в их тени спасение.

Солнце прямо над моей головой чудовищно разбухло, заполнив все небо. Тысячи огненных рек струились по его поверхности. В воздухе стоял адский гул, перекрываемый тяжелыми монотонными ударами, будто все вулканы в каменных джунглях вновь ожили. Как во сне, я тупо шел вперед, шаркая ногами, закрыв глаза, чтобы хоть как-то отгородиться от этого ада. Слишком поздно я осознал, что сижу на дне бассейна, со страшным скрежетом вращающегося вокруг своей оси…

Мой умирающий мозг осадил сонм странных видений.

Целую вечность кружил я невесомой песчинкой в бурных водоворотах, низвергался в бездну, боролся с волнами, бился пойманной рыбой в распадающихся реальностях — бесплотный дух, бегущий от самого времени. Затем миллионы ярких точек пронзили тьму надо мной, осветив бесконечные связи пространства и времени,

пронзающие всю Вселенную в тысяче точек. Вокруг взрывались и раскалывались островки света. Я — тот жалкий минимум, что от меня остался, — миновал Альдебаран, пронесся над Бетельгейзе и Вегой и, наконец, остановился в сотне световых лет от созвездия Киля.

* * *

Век утекал вслед за веком. Водоворот времени беспредельно расширялся вперед и назад, во всех возможных направлениях. Я узрел тысячу миров будущего — вереницы радужно сияющих звезд и туманностей, звездные карты неизвестных цивилизаций, еще не проложенные курсы несметных армад исследовательских кораблей. Поток увлекал меня за собой вглубь времен.

Глубь времен: миллион мегалет. Мне видна огненная карусель Млечного Пути, видны все далекие потомки землян, несметные расы, населяющие каждую звездную систему в галактике. Предо мной расстилается беспокойное поле света с редкими областями тьмы — оживленный эфир, волнуемый траекториями носящих информацию из мира в мир электромагнитных волн. Чтобы преодолеть космические расстояния, потомки

землян замедляют время своих тел сначала в десять, а затем и в сто раз, тем самым ускоряя ход времен звезд и галактик. Все, что мы привыкли звать звездами и планетами, оставляет свою обитель и мчится по кругу — так вращается сама Вселенная.

Еще глубже: десять миллионов мегалет. Млечный Путь гибнет, планеты возвращаются в горнила своих солнц, светлый ореол истаивает. Массовое отступление; в стремлении достичь скорее других миров люди будущего замедляют свое восприятие времени в десять тысяч раз, и на межгалактический контакт уходит всего несколько обычных лет. Углубляясь все сильнее в космос, они создают цифровые инфохранилища, обрабатывающие данные об атомарных и молекулярных структурах их тел — готовые к передаче со скоростью света. В конечном пункте они заново воссоздавали свои оболочки во плоти и крови.

* * *

Глубже: сто миллионов мегалет. Теперь они распространились на все соседние галактики, поглотив тысячи туманностей. Их временные

схемы замедлились в миллион раз, они стали единственными постоянными формами в ежесекундно меняющемся мире. В одно мгновение их жизни рождается и умирает звезда, открывается черная дыра, планетарные жизненные системы развиваются и деградируют. Вселенная вокруг сверкает и мерцает мириадами точек света, появляются и исчезают кластеры созвездий. Теперь они отринули свою материальную оболочку и превратились в светящиеся магнитные поля — первичный энергетический субстрат Вселенной… в сложнейшие многомерные комплексы, сотканные из бесчисленных импульсов информации, переносящей через пространство саму жизнь, саму суть их расы. Чтобы привести эти поля в действие, они зарядили целые галактики на волновых фронтах звездных взрывов в направлении конечных спиралей Вселенной.

Глубже: миллиард мегалет. Они начинают диктовать форму и размеры Вселенной. Чтобы связать воедино все космические расстояния, потомки землян замедляют восприятие времени до одной стомиллионной прежнего интервала. Великие галактики и спиральные туманности — когда-то им, казалось, была уготована вечность — ныне имеют столь короткую жизнь, что

исчезают в мгновенье ока. Вселенная теперь почти заполнена великой вибрирующей мантией идеации[12], огромной мерцающей партитурой, полностью обратившейся в чистую форму волны, независимую от любого генерирующего источника. По мере того как Вселенная медленно пульсирует, ее собственные энергетические вихри изгибаются и расширяются, поэтому силовые поля мантии идеации изгибаются и расширяются соответственно ей, вырастая, подобно эмбриону в утробе космоса, и этому ребенку вскоре суждено вытеснить и поглотить своего родителя.

Еще глубже: десять миллиардов мегалет. Поле идеации теперь поглотило космос, заменило его собственные динамические переменные, собственные пространственные и временные измерения на свои. Все первичные поля времени и энергии поглощены. В поиске окончательного расширения себя в пределах собственных границ мантия сократила период времени до

[12] Примечания: 12

Слово имеет несколько значений. В психологии это произвольное оперирование образами (представлениями) актуально не воспринимаемых, отсутствующих стимулов. В философии — понятие феноменологии Э. Гуссерля, означающее непосредственное усмотрение, созерцание сущности. У Балларда, по всей видимости, смысловой микс из обоих значений, раз речь не о «чистой» идеации, но о ее мантии.

почти бесконечно малой доли своего предыдущего интервала. Время практически перестало существовать, поле идеации почти неподвижно, и лишь слабые всплески чувств пробиваются сквозь его грубую мантию. В конечном счете оно достигает конечных предикатов времени и пространства, вечности и бесконечности, и замедляется до абсолютного нуля. Затем, в один губительный миг, оно распадается, больше не в состоянии сдержать себя. Его обширные энергетические структуры начинают разрушаться, вся система кипит и бьется в смертельной агонии, выталкивая наружу огромные катаракты фрагментирующей энергии. Параллельно этой смерти происходит новое рождение времени. Из остатков формируются первые протогалактические поля — и объединяются, чтобы дать жизнь галактикам и туманностям, звездам, планетарным телам вокруг звезд. Из элементарных морей, основанных на атоме углерода, восстают первые живые формы. Цикл возобновляется.

…И звезды плыли, слагая очертания десятков разных созвездий. Ослепительными дугами пронзили тьму вспышки сверхновых, высвечивая знакомый профиль Млечного Пути: Орион, Волосы Вероники, созвездие Лебедя.

Отведя взгляд от беснующегося неба, я увидел пять мегалитов. Я вернулся на Мюрак. Бассейн наполняло великое стечение молчаливых фигур, выстроившихся на затемненных склонах, плечом к плечу в бесконечных рядах, будто зрители на призрачной арене.

Где-то рядом со мной зазвучал голос; казалось, он поведал мне все о том космическом действе, свидетелем коего я явился. Перед тем как вынырнуть из омута этих видений, я в последний раз попытался задать вопрос, давно формировавшийся у меня в голове, но голос ответил прежде, чем я заговорил. А усыпанное звездами небо, мегалиты, толпы зрителей поплыли и стали бледнеть, уносясь в сон.

— А мы тем временем, — говорил голос, — ожидаем у порога Пространства и Времени, празднуя родство и идентичность частиц наших тел с солнцем и звездами, нашей быстротечной жизни с огромным периодом существования галактик, с всеобъемлющим хронометражем Космоса…

Я очнулся, лежа лицом вниз на прохладном вечернем песке. Котлован заполняли тени, ветры льнули к моей спине морозными щупальцами. Со дна бассейна в прозрачный голубой воздух,

рассеченные надвое тенью от заходящего солнца, поднимались мегалиты. Первое время я просто лежал, пробуя шевелить руками и ногами, но через несколько минут заставил себя подняться и оглядел окрестные склоны, не в силах забыть о безумных картинах, все еще живо стоящих перед глазами. Огромное сборище в котловане, образы космического цикла, голос собеседника — это все еще было реально для меня, будто я только что вышел из параллельного мира через портал, не успевший закрыться до конца. Быть может, это все мне привиделось? Не бредил ли я, спасенный чудной термодинамикой бассейна?

Поднеся к глазам термодатчик, я присвистнул. Он давно зашкалил — стрелка даже не трепыхалась, прочно выпав за крайнюю отметку. Даже если избыток составлял градусов пять-семь, я все равно давно должен был умереть и обуглиться. Но странное дело — тело мое ощущало себя исполненным сил, отдохнувшим, едва ли не обновленным.

У края бассейна я заметил вездеход и побежал к нему, только сейчас вспомнив про гибель Мейера. Я ощупал свои скулы, потрогал челюсть. К моему удивлению, сильнейшие удары не оставили даже синяка. Сам труп Мейера пропал — от

вездехода к мегалитам вела одна-единственная цепочка следов. Никаких признаков нашей схватки, никаких признаков пребывания Мейера не осталось на синеватом пыльном покрывале. Вскарабкавшись наверх, я подошел к вездеходу и осмотрел везде — под гусеницами, за бампером, в кабине. Ветровое стекло было цело. Капот не почернел, на краске — даже царапин нет. Сев на землю, я стал яростно разгребать песок в поисках пепла от магниевой вспышки. Само собой, ничего не нашлось. Более того, ракетница моя оказалась в кобуре на поясе, с болтающимся в стволе целым патроном.

Оставив вездеход, я снова спрыгнул на дно бассейна, к постаменту с мегалитами. Наверное, не меньше часа я бродил среди них, пытаясь найти ответ на сонм мучивших меня вопросов.

К пятой плите я подошел в последнюю очередь, но первым делом проверил верхний левый угол. Любопытно узнать, удостоился бы я чести быть первым занесенным в список, если бы не пережил этот полдень?

Ряд букв, в борозды которых уже заползли тени гаснущего дня, выделялся четче других. Я задрал голову и отступил на шаг. Первыми шли символы четырех неизвестных языков, а после…

* * *

ЧАРЛЬЗ ФОСТЕР НИЛЬСЕН ЗЕМЛЯ AD[13] 2217.

Скажите, Квайн, где бы вы хотели быть, когда наступит конец света?

За семь лет, минувших с тех пор, как Таллис задал мне этот вопрос, я вспоминал его столько раз, что и не счесть. Почему-то именно он виделся мне ключом ко всем тайнам Мюрака, к значимости этой планеты для жителей Земли. Что ж, по мне, удовлетворительный ответ содержит приемлемое утверждение собственных убеждений, и он же — вполне разумное погашение единственного морального долга, в коем мы находимся перед собой и Вселенной.

Не в том суть, что конец света близок, а в том, что «свет» этот умирал и возрождался тысячекратно. И вопрос стоит так: как нам быть в этом круговороте смертей и рождений?

Четыре звездных народа, построивших мегалиты, прибыли на Мюрак. В чем именно кроется смысл их ожидания, мне неведомо. Может, как

---

[13] Примечания: 13

AD2217 — Anno Domini 2217, (*лат.*)«в лето Господне 2217», т. е. в 2217 году от Рождества Христова.

и мы, они рассчитывают на некое второе пришествие, первый проблеск поля идеации? Если вспомнить, что Таллис полагал два миллиона лет сроком появления жизни на Мюраке, то, возможно, именно здесь зародится новый цикл, и мы станем первыми зрителями грандиозной космической оперы, пятью свидетелями появления на свет суперцивилизации, которой предписано превзойти нас во всех начинаниях.

В том, что здесь есть другие существа, невидимые и необъяснимые, я не сомневаюсь. Не говоря уже о том, что сам я не смог бы пережить мюракский полдень, я, безусловно, не извлекал тело Мейера из бассейна и не представлял все так, будто он умер от поражения током в обсерватории. А воображение мое столь слабо, что я просто не в состоянии выдумать концепцию смены космических циклов, о которой узнал.

Похоже, лжегеологи — кем бы они на самом деле ни были, странствующими в космосе религиозными фанатиками? — случайно нашли Угодья Ожидания, разгадали значение мегалитов и посвятили в свое открытие Таллиса. Возможно, они не сошлись во взглядах, как мы с Мейером, и Чарльзу Фостеру Нильсену, хозяину ящика с инициалами ЧФН, пришлось убить своего това-

рища. В любом случае годом позже он и сам пал на своем посту.

Как и Таллис, я буду ждать здесь пятнадцать лет. Я прихожу в Угодья раз в неделю и наблюдаю за ними из обсерватории в остальное время. До сих пор я ничего не видел, хотя к записям было добавлено еще двести или триста имен. Тем не менее я уверен, что все, чего мы ждем, скоро свершится. Во дни усталости и нетерпения я напоминаю себе, что *они* прибывают на Мюрак и ждут здесь, поколение за поколением, на протяжении десяти тысяч лет.

Что бы нам ни было уготовано, оно всяко стоит того, чтобы ждать.

1959

The Waiting Grounds. Первая публикация в журнале *New Worlds*, ноябрь 1959.

Перевод Г. Шокина

Ноль

Вас беспокоит вполне законный вопрос: откуда у меня эта безумная, фантастическая способность? Уж не столкнулся ли я, следуя по стопам незабвенного доктора Фауста, с нечистым? А может, источником стал некий странный, диковинный талисман — ну, скажем, глаз идола или мумифицированная обезьянья лапа, — найденный мной на дне старинного сундука либо полученный по наследству от умирающего моряка? Или, опять же, я обрел ее собственными усилиями, исследуя отвратительные таинства Элевсинских мистерий или черной мессы, нежданно узрев весь ужас и величие сквозь плотную пелену серного дыма и магических воскурений?

Да нет, куда там, все было гораздо обыденнее. Я обнаружил за собой эту способность совсем случайно, в повседневной суматохе, она проявилась просто и естественно, ну, как талант к вышиванию крестиком. Ничто не предвещало ее появления, не было никаких резких перемен, так что сперва я вообще ничего не понял.

Я чувствую, что у вас на языке вертится другой, столь же законный вопрос: с какой стати я рассказываю все это вам, зачем описываю невероятные, никем до сего момента не подозревавшиеся источники моей силы, зачем подробно перечисляю имена своих жертв вкупе с датами и точными обстоятельствами их смертей? Неужели я настолько спятил, что стремлюсь отдать себя в руки правосудия, получить все, что заслужил, по полной программе: обвинение, приговор, черный колпак на голову, палач, карикатурным Квазимодо прыгающий на плечи, колокол, возвещающий о смерти?

Нет — о, высшая из иронии! Ибо такова уж природа моей силы, что я могу без малейшего страха посвящать в ее тайны всех, кто склонен меня выслушать. Я слуга этой силы и сейчас, описывая ее во всех подробностях, продолжаю свое служение, добросовестно доводя ее, в чем вы и сами убедитесь чуть позже, до высшего совершенства.

Начнем с истоков.

Так уж случилось, что злосчастная роль инструмента, впервые раскрывшего мне эту способность, досталась Ранкину, под чьим непосредственным началом служил я в бытность мою сотрудником страхового агентства «Вечность».

Ранкин вызывал у меня глубочайшее отвращение. Наглый, самоуверенный, насквозь вульгарный тип, он добился занимаемой должности грязными уловками и удерживал ее исключительно благодаря своему упорному нежеланию рекомендовать меня дирекции на повышение. Он закрепился на посту начальника отдела, женившись на дочери одного из директоров, старой, склочной и страшной бабе, после чего стал практически неуязвим. Наши отношения основывались на взаимном презрении, однако, если я честно исполнял свои обязанности, будучи уверен, что рано или поздно управляющие заметят мои способности и достоинства, Ранкин злокозненно использовал свое преимущество в служебном положении, буквально хватаясь за любую возможность оскорбить меня и унизить.

Он намеренно подрывал мою власть над секретарским персоналом, находившимся по молчаливому соглашению в сфере моей ответственности, систематически передавая задания через мою голову, привлекая для этого первого попавшего под руку сотрудника. Он поручал мне персональную разработку долгосрочных, никчемных проектов, уменьшая тем самым мои контакты с остальными. И что хуже всего, он

намеренно, целеустремленно раздражал меня своим поведением. Он все время напевал, насвистывал, присаживался — не спросив разрешения — на мой стол и любезничал с машинистками, а то вдруг вызывал меня к себе в кабинет и подолгу мурыжил, заставляя бессмысленно наблюдать, как его милость от корки до корки штудирует какое-нибудь толстое досье.

Вопреки всем моим усилиям держать чувства в узде, душившее меня отвращение к Ранкину неустанно возрастало. Его злокозненность возмущала меня до глубины души; что ни день, я покидал работу, кипя от негодования, разворачивал в электричке газету, но не мог прочитать ни строчки из-за жгучей, слепящей ярости. Гнев и безнадежная горечь отравляли все мои вечера и выходные, превращая их в выжженную пустыню.

Неизбежные в подобных обстоятельствах мысли об отмщении закрадывались в мою голову все чаще и чаще — особенно когда появились серьезные основания подозревать, что Ранкин регулярно подает в правление неблагоприятные отзывы о моей работе. Найти достойный метод возмездия оказалось совсем не просто. В конечном счете бессильное отчаяние склонило меня к

низкой, презираемой мной прежде уловке; я начал писать кляузы — нет, не в правление, чтобы не оказаться главным подозреваемым, а самому Ранкину и его жене.

Свои первые опыты на новом для меня поприще, тривиальные обвинения в супружеской неверности, я так никуда и не послал. Беззубые и наивные, они были напрочь лишены достоверности и слишком уж явно принадлежали перу тайного недоброжелателя — если не умалишенного. Я спрятал эти письма в маленький домашний сейф, а позднее в корне их переработал, убирая самые затасканные грубости и стараясь поставить на их место нечто не в пример тонкое, неявные намеки на бесстыдную распущенность и извращения, непристойные подробности, способные уязвить мозг адресата острыми шипами сомнений.

И вот однажды, сочиняя письмо к миссис Ранкин, каталогизируя в старом блокноте наиболее отвратительные стороны ее супруга, я обратил внимание на странное облегчение, даваемое самим процессом изложения на бумаге в присущей анонимному письму — каковое, вне всяких сомнений, является отдельным литературным жанром, имеющим как свои каноны, так и свои

рамки допустимого, — агрессивной лексике всех мерзостей и трусостей описываемого субъекта, а также ужасающего возмездия, ждущего его с неотвратимостью рока. Я ничуть не сомневаюсь, что те, кто имеет возможность регулярно облегчать свою душу в беседах с друзьями, женой или священником, не нашли бы в подобном катарсисе ничего нового, однако для меня, ведущего уединенную жизнь, его проявление стало крайне острым переживанием.

С этого дня я взял за обычай ежедневно, сразу по возвращении домой, составлять краткое перечисление беззаконий, содеянных Ранкином, анализируя попутно его мотивы и даже предвосхищая унижения и оскорбления, ждущие меня завтра. Последние я излагал в свободной повествовательной манере, не отказывая себе в определенных вольностях, вводя воображаемые ситуации и диалоги, служившие единственной цели: по возможности ярко осветить гнусное поведение Ранкина и мое едва ли не стоическое терпение.

Облегчение пришлось весьма кстати, ибо как раз в эти дни нападки Ранкина усилились пуще прежнего. Он вел себя предельно оскорбительно, критиковал мою работу в присутствии младших

сотрудников и даже откровенно грозил подать на меня докладную в правление. Как-то в конце рабочего дня он довел меня до такого бешенства, что стоило огромного труда не наброситься на него с кулаками. Я поспешил домой и прямо с порога бросился к хранившимся в сейфе запискам, единственному для меня источнику облегчения. Летящим по бумаге пером я исписывал страницу за страницей, заново переживая в своем рассказе прискорбные события дня, а затем перешел к завтрашнему, решительному противостоянию с Ранкином, кульминацией коего станет вмешательство рока, нежданно спасающее меня от верного, как казалось уже, увольнения.

Вот как завершил я свой рассказ:

> *А на следующий день, вскоре после 14:00, Ранкин, расположившийся, по своему обыкновению, на лестничной площадке седьмого этажа, чтобы высматривать, кто из сотрудников опаздывает на рабочее место с обеденного перерыва, чересчур перегнулся через перила, потерял равновесие, упал в пролет и насмерть разбился о кафельный пол вестибюля.*

Описание воображаемой сцены на бумаге

казалось весьма слабым восстановлением справедливости, ибо в тот момент я и представить себе не мог, сколь неправдоподобно могущественное оружие вложила судьба в мои пальцы.

На следующий день, возвращаясь с обеденного перерыва, я с удивлением увидел целую толпу, сгрудившуюся у входных дверей нашей фирмы; чуть поодаль стояла полицейская машина с мигалкой. Когда я протолкался ко входу, из здания вышли полицейские, расчищавшие дорогу двоим санитарам с накрытыми простыней носилками, на которых угадывались очертания человеческого тела. Лица человека на носилках не было видно; из реплик собравшихся зевак я понял, что кто-то умер. Затем появились двое управляющих нашей фирмой, на их лицах читалось потрясение.

— Кто это? — спросил я оказавшегося рядом рассыльного.

— Мистер Ранкин, — прошептал мальчишка, указывая на лестничный колодец. — Он перевалился через перила седьмого этажа и упал прямо вниз. Ударился с такой силой, что даже расшиб одну из этих больших плиток, у лифта…

Он болтал что-то еще, но я не слушал, оглушенный и потрясенный духом смерти и насилия,

витавшим в воздухе, подобно клубам удушливого дыма. Скорая помощь отъехала, толпа рассеялась, управляющие вернулись в кабинеты, обмениваясь по пути выражениями скорби и недоумения с другими сотрудниками фирмы, затем и уборщицы унесли свои ведра и швабры. Теперь о случившемся напоминали лишь влажное розовое пятно на полу да вдребезги разбитая кафельная плитка.

Через час все встало на место. Сидя напротив опустевшего кабинета Ранкина, глядя, как машинистки, все еще не могущие поверить в окончательность ухода их верховного повелителя, беспомощно толкутся у его стола, я ощутил жаркое, ликующее торжество. Я внутренне преобразился, бремя, грозившее сломить меня, спало с моих плеч, мой рассудок успокоился, горечь и напряжение растаяли без следа. Ранкин исчез, исчез окончательно и безвозвратно. Эра несправедливости отошла в прошлое.

Я не пожадничал, когда по конторе начал гулять подписной лист; явившись на похороны, как порядочный человек, я злорадно ликовал, когда могильщики сваливали гроб в яму, а затем сделал постную мину и присоединился к общему хору соболезнований. Я дрожал от нетерпения

получить стол и кабинет Ранкина, свое законное наследство.

Нетрудно представить себе мое изумление, когда через несколько дней на прежнюю должность Ранкина был назначен Картер, молодой сотрудник, находившийся значительно ниже меня по служебному положению и сильно уступавший мне в опыте. Оглушенный нежданной новостью, я пытался — и не мог — понять извращенную логику людей, презревших все законы старшинства, очередности и заслуг. В конечном итоге я пришел к заключению, что злобные наветы Ранкина упали на благодатную почву.

Как бы там ни было, я терпеливо снес эту неудачу, обещал Картеру полную свою поддержку и принял деятельное участие в осуществлении задуманной им реорганизации отдела.

На первый взгляд перемены казались незначительными, однако позднее я осознал, что они куда серьезнее, чем можно было подумать, что в результате их проведения вся без изъятия власть в отделе перейдет к Картеру, мне же останется лишь самая рутинная работа, отчеты о которой никогда не покидают стен отдела и тем более не передаются в правление. Теперь я понял, что последний год или около того Картер тайно вникал

во все аспекты моей работы, что все, сделанное мной в период правления Ранкина, украдено у меня и считается заслугой Картера.

Когда дело дошло до прямого выяснения отношений, Картер не стал юлить и оправдываться, а попросту указал мне на мое подчиненное положение. Далее он полностью игнорировал мои попытки найти с ним общий язык и делал буквально все от него зависящее, чтобы вызвать во мне враждебное отношение.

А затем последовало завершающее оскорбление: Джейкобсон, принятый в отдел на прежнее место Картера, был официально назначен его заместителем.

Вечером я раскрыл стальной ящичек, где хранились записи о гонениях, перенесенных мной под началом Ранкина, чтобы присовокупить к ним все то, что претерпел за последнее время от Картера.

Доверив свои беды бумаге, я хотел уже было захлопнуть дневник, когда на глаза мне попались заключительные строчки прежних записей:

> *…потерял равновесие, упал в пролет и насмерть разбился о кафельный пол вестибюля.*

Эти слова словно жили собственной жизнью, в них ощущалась странная подспудная дрожь. Они не только представляли собой на удивление точное предсказание постигшей Ранкина участи, но и обладали легко различимой притягательной, магнетической силой, которая резко выделяла их из остального текста; где-то в глубине моего сознания некий голос, торжественный и колоссальный, пропел их медленным речитативом.

Повинуясь внезапному побуждению, я раскрыл дневник на чистой странице и написал:

На следующий день Картер погиб в дорожно-транспортном происшествии, прямо под окнами фирмы.

Что за детскую игру я затеял? Мысль, что я докатился до первобытной иррациональности гаитянского колдуна, протыкающего булавками глиняную фигурку своего противника, вызвала на моих устах горькую улыбку.

Так что же произошло на следующий день? Я спокойно перелистывал какую-то папку, когда с улицы донесся пронзительный визг покрышек, буквально пригвоздивший меня к месту. Звуки дорожного движения резко замерли, сменились

неразборчивым шумом, а затем наступила полная тишина. Изо всех помещений нашего отдела один лишь кабинет начальника выходил на улицу. Пользуясь тем, что Картер отлучился получасом раньше, мы открыли дверь, бросились к распахнутому окну и облепили подоконник.

Судя по всему, какую-то машину занесло при торможении на тротуар, и теперь группа из десяти-двенадцати мужчин осторожно поднимала ее, чтобы вернуть на мостовую. Машина выглядела неповрежденной, однако по асфальту медленно змеился ручеек какой-то темной жидкости, вроде машинного масла. Затем машину подняли выше, и мы увидели под ней распростертую мужскую фигуру с неестественно вывернутыми руками и головой.

Цвет костюма казался до странного знакомым.

Двумя минутами позднее мы поняли, что это Картер.

Вечером я уничтожил свой блокнот и все прочие записи, касавшиеся Ранкина. Было это обычным совпадением или я сам неким непонятным мне образом «создал» его смерть, а затем и смерть Картера? Чушь, ерунда — ну какая, скажите на милость, может быть связь между дневником и двумя смертями? Мои записи — всего лишь следы

движения карандаша по бумаге. Искривленные полоски, покрытые тончайшим слоем графита, представляющие идеи, не существующие нигде, кроме моей головы, — и только.

Однако способ разрешить все эти сомнения был слишком очевиден, чтобы им не воспользоваться.

Я запер дверь, взял свежий блокнот и приступил к поискам подходящей для моих целей личности. Мой взгляд остановился на утренней газете. Губернатор амнистировал некоего молодого человека, осужденного на смерть за убийство пожилой леди. С фотографии нагло ухмылялось грубое, без стыда и совести лицо.

Я написал:

На следующий день Фрэнк Тейлор умер в Пентонвильской тюрьме.

Скандал, воспоследовавший за смертью Тейлора, едва не привел к отставке министра внутренних дел, а заодно с ним — и всей комиссии по пенитенциарным заведениям. Несколько дней газеты наперебой выдвигали самые дикие обвинения против всех официальных лиц, имеющих хоть какое-то отношение к исполнению наказаний. В конце концов выяснилось, что Тей-

лора избили до смерти тюремные надзиратели. Я тщательнейшим образом изучал все материалы специально созданной комиссии в слабой надежде найти среди них хоть что-нибудь, способное пролить свет на природу экстраординарной, злонамеренной сущности, каковая, по всей видимости, связывала записи в моем дневнике со смертями, неизбежно происходившими на следующий день.

Как и можно было предвидеть, мои поиски не дали ровно никакого результата. Внешне я хранил полную невозмутимость — ходил на работу, механически выполнял получаемые задания, беспрекословно следовал всем указаниям Джейкобсона, думая при этом совершенно о другом. Всеми силами своего рассудка я пытался постичь природу и сущность дарованной мне силы.

И все же некоторые сомнения оставались. Чтобы окончательно отвести всякую возможность случайных совпадений, я решил устроить еще одну, критическую, проверку, на этот раз — с точными, подробно расписанными инструкциями.

Выбор субъекта проверки не представлял никаких трудностей — Джейкобсон буквально напрашивался на эту роль.

Перед тем как достать блокнот, я надежно за-

пер дверь. Пальцы меня не слушались, карандаш дрожал, как живой, казалось, сейчас он вырвется и пронзит мое сердце.

Вот что я написал:

> *Джейкобсон умер на следующий день в 14:43. Перед этим он заперся в мужском туалете на третьем этаже, во второй кабинке слева, и перерезал себе вены на запястьях лезвием безопасной бритвы.*

Я поместил блокнот в конверт, заклеил конверт, убрал его в сейф и лег спать. Но сон так и не пришел — эти слова непрерывно звучали в моих ушах, сверкали перед моими глазами, как сокровища преисподней.

После самоубийства Джейкобсона — осуществленного в точном соответствии с моими инструкциями — все сотрудники нашего отдела получили недельный отпуск. Отчасти — чтобы сделать их менее доступными для пронырливых репортеров, успевших уже унюхать жареное; кроме того, управляющие склонялись к мнению, что смерть Картера, последовавшая вскоре за столь же неожиданной смертью Ранкина, вогнала Джейкобсона в черную меланхолию. Все

эти семь дней я сгорал от нетерпения вернуться на службу. Мое отношение к происходящему претерпело радикальные изменения. Мне так и не удалось установить источник своей странной способности, зато наличие ее не вызывало уже никаких сомнений, и это позволяло всерьез задуматься о будущем. Обретя твердую почву под ногами, я постепенно пришел к убеждению, что уже само появление этой способности обязывает меня отмести прочь все страхи и использовать ее в полной мере. К тому же вполне возможно, что я — не более чем орудие некоей высшей силы.

> *А что, если мой дневник – всего лишь зеркало, отражающее будущее? Что, если я каким-то диким, фантастическим способом заглядываю на двадцать четыре часа вперед и не изобретаю смерть, а правдиво описываю уже произошедшие события?*

Эти вопросы преследовали меня неотступно.

Вернувшись на работу, я обнаружил, что многие из сотрудников уволились, а образовавшиеся вакансии заполнялись с большим трудом — информация о трех смертях, особенно о самоубийстве Джейкобсона, уже стала достоянием

газет. Управляющие выражали свою искреннюю признательность сотрудникам, особенно — старшим, которые сохранили верность фирме, и это существенно укрепило мое положение. Я получил под свое начало отдел — повышение более чем заслуженное, но безнадежно запоздавшее, ведь теперь я задумал попасть в правление.

Для этого требовалось переступить через трупы, в самом буквальном смысле.

Если кратко, я намеревался обрушить фирму в пучину кризиса столь всеобъемлющего, что правление будет вынуждено ввести в свой состав новых управляющих из числа старших менеджеров. Поэтому я терпеливо дождался дня, когда до очередного заседания правления осталась ровно неделя, заперся в своей комнате и написал по несколько строчек на четырех листках бумаги, по одному на каждого из исполнительных директоров. Получив пост директора, я смогу быстро продвинуться в председатели правления, для чего потребуется всего лишь заполнять полагающиеся вакансии своими ставленниками. Став председателем правления, я автоматически получу место в правлении компании-учредителя, чтобы затем повторить тот же самый процесс, разве что с небольшими вариациями. Как только

в моем распоряжении окажется реальная власть, дальнейшее продвижение к вершинам национального — а затем и всемирного — владычества пойдет быстро и без помех.

Если мои амбиции кажутся вам наивными, постарайтесь принять во внимание, что тогда я не мог еще осознать истинные масштабы и конечное назначение нежданно свалившейся на меня способности, а потому продолжал мыслить в категориях своего узкого мирка.

Неделю спустя, в день, когда истекал срок всех четырех приговоров, а значит — следовало с минуты на минуту ждать вызова в правление, я невозмутимо сидел в своем кабинете, размышляя о бренности и быстротечности человеческой жизни. Как нетрудно понять, известие о четырех смертях, последовавших вследствие серии автомобильных катастроф, ввергло персонал в полное оцепенение, что дополнительно выставило меня в благоприятном свете, как единственного, сумевшего сохранить хладнокровие.

К моему огромному изумлению, на следующий день я вместе с остальными сотрудниками получил месячный оклад — как недвусмысленное предупреждение о предстоящем увольнении. Потрясенный и ошеломленный — в первый момент

я даже подумал, что мои действия перестали быть тайной, — я бросился к председателю с бурными протестами, однако получил заверения, что, хотя моя работа и заслуживает самых высших похвал, фирма не может более поддерживать себя как жизнеспособную структурную единицу и вынуждена самоликвидироваться.

Фарс, чистейшей воды фарс! Какая-то карикатура на справедливое возмездие! Тем утром, навсегда покидая фирму, я окончательно понял, что должен применять свою силу твердо и безжалостно. Нерешительность, угрызения совести, опасение причинить чрезмерный вред — все эти нюни не приносят никому никакой пользы, но делают меня легкой жертвой жестокой и своенравной судьбы. Впредь я отброшу всякую скрупулезность, стану дерзким и безжалостным. А еще — нельзя медлить. Моя сила может сойти на нет, оставив меня беззащитным, в положении даже менее благоприятном, чем прежде, до ее проявления.

Для начала требовалось выявить пределы и ограничения этой силы. Следующую неделю я посвятил серии экспериментов, призванных установить ее возможности, постепенно наращивая масштабы убийств.

Так уж случилось, что мое жилище находилось прямо под одной из главных авиационных линий, ведущих в наш город; аэропланы пролетали над моей головой на высоте двухсот-трехсот футов. Многие годы я страдал от выматывающего рева воздушных лайнеров, стартующих с двухминутными интервалами, этот рев сотрясал стены и потолок, путал мысли. Я достал свой блокнот; представлялся благоприятный случай совместить исследование с возмездием.

Вы задаетесь вопросом, не испытывал ли я угрызений совести, когда, сутки спустя, семьдесят шесть неизвестных мне людей камнем прочертили закатное небо, устремляясь в объятия смерти? Неужели во мне не шевельнулось сострадание к их родственникам, не зародились сомнения в разумности столь безрассудного применения моей власти?

«Нет!» — отвечу я. Далекий от безрассудства, я осуществлял эксперимент, жизненно важный для расширения сферы упомянутой власти.

Я решил действовать еще решительнее. Я родился в Стретчфорде, этот жалкий трущобный городишко буквально выбивался из сил в неустанных стараниях искалечить меня телесно и духовно. Наконец-то он сможет оправдать свое

существование, став полигоном для установления действенности моей власти на обширных территориях!

Достав свой блокнот, я написал в нем кратко и просто:

Все жители Стретчфорда умерли завтра в полдень.

С утра пораньше я сходил в магазин и приобрел радиоприемник. Я просидел за ним весь день напролет в терпеливом ожидании неизбежного. Еще секунда, и в мирную вечернюю программу врежется первый потрясенный репортаж об устрашающем бедствии, постигшем Центральные графства.

Как ни странно, ничего подобного не произошло! Я был ошеломлен, мысли путались, казалось, еще немного — и я сойду с ума. Неужели моя способность сошла на нет, исчезла столь же быстро и неожиданно, как возникла?

А может, государственные власти запретили любое упоминание о разразившейся катастрофе, страшась всеобщей истерии?

Я тут же сел на поезд и поехал в Стретчфорд.

Сойдя на станции, я провел осторожный опрос и был заверен, что город существует, как и прежде.

Но не являлись ли мои информанты участниками всеобщего заговора молчания, организованного правительством? Может статься, власти успели установить, что в бедствии замешана некая чудовищная сущность, и предусмотрительно расставили на нее капканы?

Однако в городе не замечалось никаких разрушений, на улицах царила обычная суматоха, над закоптелыми крышами плыли дымы бессчетных заводов.

Я вернулся домой уже к ночи и столкнулся на пороге с хозяйкой, которая тут же стала докучать мне болтовней о квартплате. Кое-как убедив ее потерпеть до завтра, я быстренько извлек из сейфа блокнот и вынес настырной старухе смертный приговор, отчаянно надеясь, что способность не совсем еще меня покинула.

И как же возликовал я наутро, какая ноша спала с моих плеч, когда на ступеньках лестницы нашли труп старухи, скончавшейся от апоплексического удара!

Значит, моя власть остается со мной!

Течение последующих недель постепенно раскрыло основные ее черты и особенности. Во-первых, я установил, что она действует лишь

в разумных пределах. Теоретически единомоментная смерть всего населения Стретчфорда могла воспоследовать в результате такого же единомоментного взрыва нескольких водородных бомб. Однако событие такого масштаба лежит почти за границей возможного — пустопорожняя болтовня наших военных руководителей не заслуживает ничего, кроме смеха. Вот почему мое задание так и не было выполнено.

Во-вторых, моя власть строго ограничивается вынесением смертных приговоров. Я многократно пытался воздействовать — можете назвать это «предсказанием» — на рынок ценных бумаг, на результаты скачек и на поведение своих новых работодателей. Все впустую.

Что касается источников моей власти, они все так же скрыты. Скорее всего, я не более чем инструмент, прилежный прислужник некой мстительной, устрашающей сущности, вспыхивающей, словно вольтова дуга, между кончиком моего карандаша и бумагой.

Иногда мне начинает казаться, что мои краткие записи — это наобум сделанный срез некой всеобъемлющей Книги мертвых, существующей в иных измерениях, что мой карандаш следует по пути, предначертанному иным, величайшим

писцом, соединяет тонкой графитной линией нигде не пересекающиеся плоскости бытия, извлекая из вечно существующего реестра смертей итоговую выписку счета того или иного обитателя нашего, осязаемого мира.

Мой блокнот надежно хранится в стальном сейфе; прежде чем внести очередную запись, я непременно убеждаюсь в полной безопасности, дабы избежать малейших подозрений, которые позволят связать мое имя со все возрастающим списком катастроф и несчастий, каковые по большей своей части осуществлялись мной исключительно в исследовательских целях и не приносили почти — а чаще и вовсе — никакой личной выгоды.

Тем сильнее удивило появление неестественного интереса к моей скромной персоне со стороны полиции.

Вначале я стал нечаянным свидетелем тайной беседы нашей новой домохозяйки с местным констеблем; женщина указывала на ведущую к моему жилищу лестницу и постукивала себя пальцем по виску — в очевидной связи с моими экстрасенсорными и месмерическими способностями. Позднее некий человек, которого я теперь знаю как полицейского в штатском, остановил

меня на улице по явно неубедительному поводу и завел пустой, бессмысленный разговор о погоде с единственной целью выудить из меня информацию.

До предъявления обвинения дело так и не дошло, однако вскоре новые работодатели тоже начали бросать в мою сторону весьма недвусмысленные взгляды. Все это вместе взятое приводило к единственному заключению: присутствие способности создает вокруг меня отчетливую, доступную глазу ауру, каковая и вызывает заинтересованное любопытство окружающих.

По мере того как эта аура привлекала внимание все большего количества людей — теперь на нее косились даже в кафе и на автобусных остановках, — а также в связи с прямыми, пусть и вскользь брошенными замечаниями на ее счет, шутливый характер последних выше моего понимания, я начал все больше склоняться к мнению, что вскоре моя сила утратит всякую практическую полезность. Страх быть обнаруженным не позволит мне ее применять. Я буду вынужден уничтожить блокнот, продать сейф, столь долго хранивший его секрет, и даже — по возможности — никогда впредь не думать о силе. Ведь вполне может статься, что подобные мысли сами по себе

уже способны порождать опасную ауру.

Жестокая необходимость оставить силу — именно в тот момент, когда я только-только начинаю в полной мере осознавать представляемые ею возможности, — явилась жесточайшим ударом судьбы. По причинам, все еще сокрытым, мне было дано отодвинуть — пусть и немного — завесу, отделяющую наш до отвращения знакомый мир повседневных банальностей от мира внутреннего, неподвластного времени и законам природы. Так неужели сила и порожденное ею прозрение исчезнут навеки?

С этим мучительным вопросом в голове я открыл сейф в последний раз. Мой блокнот, где почти не осталось чистого места, содержал на своих страницах едва ли не самый удивительный — пусть и неопубликованный — текст в истории словесности. Вот уж где воистину было установлено главенство пера над мечом!

В момент одинокого наслаждения этой мыслью меня внезапно посетило ослепительное озарение. Я придумал оригинальнейший, а вместе с тем и предельно простой способ сохранить силу в ее самой безличной и убийственной форме, способ, не связанный с необходимостью прибегать к ней раз за разом, перечисляя имена все новых

и новых жертв.

Вот в чем заключался мой замысел. Я напишу и непременно опубликую простой по языку, явно вымышленный рассказ, где с предельной откровенностью поведаю читателю обстоятельства проявления силы и весь ход дальнейших событий, методично перечислю имена жертв, образ их смерти, постепенное заполнение блокнота и серию проведенных мной опытов. Все это будет изложено с предельной откровенностью, без малейшей утайки. Далее я сообщу о своем решении отказаться от силы и опубликовать подробный, беспристрастный отчет о связанных с ней событиях.

В полном соответствии с этим замыслом рассказ был написан и попал на страницы широко известного журнала.

Вы удивлены? Ничего удивительного — будь все именно так, я бы попросту подписал себе смертный приговор, отправившись прямиком на виселицу. Но я забыл упомянуть об одном элементе рассказа — о неожиданной развязке, этаком сюрпризе напоследок, заключительном витке сюжета. Как и положено любому пристойному повествованию, мой рассказ под конец тоже встает на дыбы — с яростью, способной сбить нашу

планету с предначертанного издревле пути. Для чего, к слову сказать, он и был написан.

Ибо этот рассказ содержит в себе мое последнее задание неведомой силе, последний смертный приговор, выносимый не мне, но мною.

Кому? Да кому же еще, если не читателю! Да, — согласитесь вы, — весьма оригинально. До той поры, пока все экземпляры журнала не исчезнут из обращения — тираж и близость к предполагаемым жертвам небывалого мора позволяют надеяться, что на это потребуется значительное количество времени, — сила будет неустанно сеять смерть и опустошение. И только автор рассказа может ничего не бояться, ибо ни один суд не примет во внимание информацию, полученную свидетелями понаслышке, — а кто, скажите на милость, сможет выступить с показаниями, основанными на личном опыте?

— Но где же напечатан этот рассказ? — спросите вы, опасаясь случайно купить этот журнал и прочесть его.

Я отвечу: здесь! Это именно тот рассказ, что лежит перед вами. Наслаждайтесь им напоследок, его конец — ваш конец. Сейчас, когда вы читаете эти заключительные строки, на вас внезапно нахлынули ужас и отвращение, мгновение спу-

стя вас охватывает слепая, животная паника. Ваше сердце болезненно сжимается, пульс слабеет… мысли туманятся… вы чувствуете, как из вас вытекает жизнь… Вы тонете, исчезаете, еще несколько секунд, и вы сольетесь с вечностью… три… два… один…

Все!

Ноль.

1959

Now: Zero. Первая публикация в журнале *Science Fantasy*, декабрь 1959.

Перевод М. Пчелинцева

Чистильщик звука

1

К полуночи голова у мадам Джоконды разболелась сильнее. Весь день ветхие стены и потолок павильона звукозаписи содрогались от нескончаемого грохота дорожного трафика. Зависшая в пятидесяти футах над крышей студии эстакада усиливала бешеную, маниакальную какофонию сталкивающихся гудков, визжащих покрышек, рвущих слух тормозов и воющих моторов. Она громыхала по пустым коридорам и лестничным пролетам до звуковой студии на третьем этаже, заливая высушенный воздух гудящей свинцовой тяжестью.

Звуки эти, изнуряющие, но, по крайней мере, безликие мадам Джоконда еще переносила. Однако в сумерках, когда эстакада затихала, их перекрывали загадочные хлопки ее фантомов, призрачные, непонятно откуда исходящие аплодисменты, незримым шорохом падающие на сцену из окружающей темноты. Начиналось с разрозненных хлопков с первых рядов, потом распространялось на весь зал, переходя в бурную

овацию, в которой она вдруг различала нотку сарказма, насмешливый выкрик, копьем боли пронзавший лоб; затем следовал шквал неодобрительного фырканья и свиста, заполнявший истерзанный воздух, загонявший ее на кушетку, где она и лежала беспомощно, задыхаясь, до полуночи, когда на сцену торопливо поднимался Мангон со своим соноваком.

Понимая ее состояние, Мангон в первую очередь очищал стены и потолок, убирая тяжелую, гнетущую подстилку транспортных шумов. Он осторожно водил длинным хоботом соновака по заднику сцены, старым щитам декораций, напоминавшим о ее прошлых ролях в Метрополитен-опере и ограждавшим теперь импровизированный дом мадам Джоконды. По огромной, просевшей византийской кровати («Отелло»), придвинутой к микрофонной стойке; громадным зеркалам с шелушащимся серебром («Орфей»), составленным в углу эстрады; печи («Трубадур»), водруженной на подиум программного директора; отделанным позолотой и набитым газетными и журнальными вырезками туалетному столику и гардеробу («Фигаро»). Мангон работал методично и аккуратно, длинными гребками вытягивая мертвую шелуху собравшихся за день звуков.

К тому времени, когда он закончил, воздух снова был чист и легок, обертоны усталости и раздражения рассеялись. И мадам Джоконда постепенно пришла в себя. Приподнявшись, она печально улыбнулась Мангону. Он ободряюще ухмыльнулся в ответ, поставил на печь чайник — приготовить русский чай, который по обыкновению подсластил фенобарбиталом[14], выключил соновак и жестом показал, что сейчас выйдет на минутку — очистить мусоросборник.

Внизу, в переулке за студией, Мангон подсоединил соновак к всасывающему коллектору звукоуборочного грузовичка. Вакуумный заборник высосал все за считаные секунды, но уборщик задержался еще на пару-тройку минут, поддерживая мадам Джоконду в убеждении, что призрачная публика реальна. Разумеется, в цилиндре никогда не было ничего, кроме обычного повседневного мусора — звуков хлопающей двери или упавшей где-то перегородки, свиста чайника, ворчания, а потом — жалобных стонов мадам Джоконды, когда приходили головные боли. Шумные, буйные аплодисменты, которые снесли бы крышу Мета, не говоря уже о малень-

[14] Примечания: 14

Фенобарбитал — устаревшее противоэпилептическое психотропное лекарственное средство из группы барбитуратов.

кой звукостудии, глумливые смешки и гиканья, существовали лишь в ее воображении, были призраками из прошлого некогда великой примадонны, забытой публикой, удалившейся в мир фантазий и каждый вечер вызывавшей блаженный сон — полный зал и восторженные овации в Метрополитене, — сон, под давлением чувства вины, обиды и негодования превращавшийся к полуночи в кошмар фиаско и несостоятельности.

Почему она так изводила себя, сказать трудно, но кошмар, по крайней мере, удерживал мадам Джоконду по эту сторону здравомыслия, и Мангон, почитавший и любивший приму, не имел ни малейшего желания лишать ее иллюзий. Каждый вечер, закончив дневные дела, он ехал на своем звукоуборочном грузовичке из Вестсайда к заброшенной радиостанции под эстакадой в безлюдном конце Ф-стрит, притворялся, что убирает жилище мадам Джоконды на сцене Студии-2, готовил чай, слушал ее воспоминания и планы мести, дожидался, пока она уснет, и тихонько, на цыпочках, выходил — с кривой, но довольной улыбкой на юном лице.

Мангон посещал мадам Джоконду почти год, но так пока и не решил, какую роль в отношении

нее играет. Странно, но хотя существование мира ее фантазий практически полностью зависело от него, никакого личного интереса или каких-либо чувств к самому Мангону она никогда не выказывала. Он считал, что такое безразличие есть всего лишь часть автократической натуры всемирно знаменитой исполнительницы, тем более ясно сознававшей свое место продолжательницы традиций: Мельба — Каллас — Джоконда. Служить ей было привилегией. Со временем, может быть, она и удостоит его тем или иным знаком благосклонности.

Без него ей пришлось бы худо. В последнее время головные боли усилились; аплодисменты, настаивала она, звучали неистовей, шиканье и свист — злобнее. Какой бы психический механизм ни генерировал эту вымышленную систему, Мангон понимал, что в конце концов она не сможет обходиться без него ни часа, что без его притворных зачисток ей не хватит сил противостоять учащающимся приливам кошмара и безумия. И может быть, когда иллюзия рассеется, он еще пожалеет о том, что помогал ей обманываться. Хотя, если все сложится удачно, не исключено, что она еще сумеет вернуться. Она поведала ему о своем плане, запутанной схеме с

шантажом и подкупом, а Мангон, в частном порядке, надеялся запустить свой и с той же целью — возродить ее былую популярность. К этому времени мадам Джоконда, к несчастью, дошла до такого состояния, что спасти ее от катастрофы мог только успех.

Когда он вернулся, она сидела на огромной золоченой подушке; стоявшая у ножки софы лампа бросала полукруг света на щиты декораций, отделявшие звуковую студию от зрительного зала. Все они относились к ее последней роли в «Медиуме» и воссоздавали интерьер комнаты мошенницы-спиритуалистки, единственный внятный элемент в теперешнем мире мадам Джоконды. Окруженная фрагментами десятков ролей, она сама, казалось, состояла из нескольких отдельных личностей. Обладательница внушительной фигуры, с красивыми, четко очерченными плечами и объемной грудной клеткой, она имела крупное приятное лицо и роскошные иссиня-черные волосы — точный прототип классической дивы. Возраст ее приближался, должно быть, к пятидесяти, однако мягкая, нежная кожа и мелкие черты более подошли бы ребенку. Выдавали ее глаза. Большие, настороженные, подчеркнутые тушью, они смотрели на окружа-

ющий мир недоверчиво и злобно и сужались даже при приближении Мангона. В не самом лучшем состоянии были и зубы, указывавшие на пристрастие к табаку и дешевому кокаину. В состоянии волнения полные лиловые губы кривились от гнева, обнажая потемневшие зубы и мелькающий ядовитый язык, — ее рот в такие минуты напоминал преддверие ада. В общем, это была впечатляющая женщина.

Мангон принес чай, и мадам Джоконда подвинулась, освобождая ему место у ее ног, среди разбросанных по софе бус, разрозненных дневниковых страничек, гороскопов и адресных книг. Он сел, украдкой взглянув на часы — работа начиналась в половине десятого следующего утра и недосып плохо сказывался на его остром слухе, — и приготовился уделить ей полчаса.

Внезапно хозяйка вздрогнула, отпрянула и взволнованно махнула рукой, указывая на погруженную в тень оркестровую сцену.

— Они все еще хлопают! Ради бога, убери их — они сводят меня с ума! — пронзительно воскликнула она и театрально скрипнула зубами. — Ооох… вон там, быстрее!..

Мангон вскочил, быстро прошел к сцене и, сосредоточив внимание на рядах кресел и фа-

нерных пюпитрах, прислушался. Все было чисто вплоть до самого порога, возле которого уже начали испускать едва улавливаемое эхо загнанные туда звуки. Он повернулся к угловым стенам и потолку. Напрягая слух, он услышал семь приглушенных касаний, глухих отзвуков собственных шагов по полу. Эхо стихло и пропало, сопровождаемое тихим, напоминающим радиопомехи шумом — последним всплеском гнева мадам Джоконды. Мангон уже почти различил отдельные слова, но тут их накрыло рефреном.

Мадам Джоконда все еще корчилась на диване, и Мангон, понимая, что успокоить ее будет непросто, спустился со сцены и прошел через зал к двери, где оставил свой соновак. Питающий провод остался в грузовике, но он был уверен, что мадам Джоконда ничего не заметит.

Пять минут Мангон усердно притворялся, что очищает оркестровую эстраду, потом отставил соновак и вернулся к дивану. Мадам Джоконда выглянула из-за подушки, внимательно прислушалась, медленно ворочая головой, и улыбнулась.

— Спасибо, Мангон, — проворковала она, задумчиво наблюдая за ним. — Ты снова спас меня от убийц. В последнее время они стали так хитры,

что могут укрыться даже от тебя.

Последняя ремарка вызвала у Мангона печальную улыбку. Получалось, раньше он должной внимательности не проявлял, на что и не преминула указать мадам Джоконда.

Тем не менее ее благодарность была, похоже, искренней.

— Мангон, дорогой, — задумчиво сказала она, подкрашивая свои изумительные, зеленые, как у кобры, глаза перед зеркальцем огромной пудреницы, — что бы я без тебя делала? Как мне отблагодарить тебя за заботу обо мне? — Вопросы эти, какие бы зловещие нюансы ни заключались в них — распознав таковые, Мангон был бы глубоко шокирован, — оставались чисто риторическими; впрочем, и все разговоры обитательницы звукостудии и приходящего уборщика носили односторонний характер. Дело в том, что последний был нем. Нем с трех лет, когда мать, раздраженная криком ребенка, ударила его в горло, навсегда повредив голосовые связки. За все время их доверительных полуночных бесед Мангон не проронил ни единого слова.

Естественно, что именно немота отчасти объясняла, почему мадам Джоконда испытывала к нему особое влечение. В некотором смысле

каждый из них потерял свой голос: он — по вине жестокой матери, она — из-за капризной и неверной публики. Это их и объединяло, давало общее ощущение несправедливости жизни, хотя Мангон, как и все чистые души, свою беду принимал без злобы. Оба были отверженными, изгоями общества. Мангон, отнятый у опустившихся родителей, прошел через несколько государственных учреждений, так и оставшись одиноким, ущербным ребенком. Единственным талантом мальчика был замечательно острый слух, благодаря чему его в четырнадцать лет направили в городскую звукоуборочную службу. Стоящие лишь ступенькой выше обычных мусорщиков уборщики звука представляли собой особую группу безграмотных париев, немых — городские власти полагались на их осторожность и осмотрительность — и социально ущербных, живших в лачугах на краю старого завода взрывчатых веществ в песчаных дюнах к северу от города, которые служили теперь свалкой звукового мусора.

Друзьями среди коллег Мангон так и не обзавелся, и мадам Джоконда стала первым в его жизни человеком, с которым он настолько сблизился. Помимо удовольствия, которое давала возмож-

ность помогать ей, немаловажное значение в его привязанности имел тот факт, что до падения она представляла собой самое болезненное из возможных напоминание о его безгласном состоянии и что теперь он смог наконец примириться с годами затаенной обиды.

Сделав это, Мангон искренне и безоговорочно посвятил себя служению мадам Джоконде.

Угрюмо затянувшись вставленной в длинный нефритовый мундштук черной сигаретой, она вкратце изложила планы своего возвращения. Планы эти созревали уже несколько месяцев и заключались, ни более ни менее, в том, чтобы убедить Гектора Леграна, директора «Видео-Сити», огромной корпорации, владеющей десятком теле- и радиоканалов, организовать серию телевизионных спектаклей. Выстроенные вокруг мадам Джоконды, с соответствующими костюмами и оркестром, они послужат международному возрождению классической оперы и, таким образом, осуществлению ее немеркнущей мечты.

— Ла Скал», Ковент-Гарден, Мет — что они теперь? — сердито вопрошала дива. — Кегельбаны! Невероятно, но подумай только, в этих бессмертных театрах, где я создала свою Тоску, свою Баттерфляй, свою Брунгильду, сейчас, — она

сердито сплюнула дымом, — пьют пиво и катают шары!

Мангон сочувственно покачал головой. Потом вытащил из нагрудного кармана карандаш и написал на пришитом к левому рукаву отрывном блокноте: *мистер Легран?*

Мадам Джоконда прочитала записку и обронила листок на пол.

— Гектор? Его настраивают адвокаты. Они взяли его в кольцо и, думаю, крадут все мои телеграммы. Разумеется, в зрелищном плане у Гектора полный провал. Представь, какой куш для него! Какая сенсация! Великая Джоконда появится на телевидении! Не какая-то тупая девица, а Джоконда собственной персоной.

Изнурив себя этой речью, мадам Джоконда обессиленно откинулась на подушку, посасывая мундштук.

Контракт? — написал Мангон.

Дива, насупившись, прочла записку и сердито ткнула в нее тлеющим концом сигареты.

— Я уже составила контракт. Никакие 300 000, на которые я была готова согласиться поначалу, меня не устроят. И даже 500 000 не устроят. За каждое шоу я потребую теперь ровно один миллион долларов. И не меньше! Гектор заплатит

за то, что игнорировал меня. В любом случае, подумай, каков будет рекламный эффект от самой цифры! Такая блажь может прийти в голову только звезде. Если не хватит наличности, пусть растрясет своих адвокатов. Или девальвирует доллар — я не против.

Вообразив такую перспективу, мадам Джоконда даже заухала от удовольствия. Мангон согласно кивнул и написал еще одно сообщение.

Будьте практичны.

Мадам Джоконда раздавила сигарету в пепельнице.

— Ты ведь думаешь, что я брежу? Контракты на миллионы долларов — мечты, безумные мечты бедной старушки? Я вовсе не намерена полагаться единственно на здравомыслие какого-то импресарио.

Она самодовольно ухмыльнулась.

Что-то еще?

Дива оглядела погруженную в тень сцену и опустила глаза.

— Видишь ли, мы с Гектором — старинные друзья. Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду? — Она подождала, пока Мангон, прибиравшийся в тысяче романтичных апартаментов, кивнет, и лишь затем продолжила: — Прекрасно

помню тот первый сезон в Байройте, когда мы с ним…

Несчастный Мангон потупил взор, а мадам Джоконда перешла к изложению своего последнего плана шантажа. Разумеется, они с Леграном были близкими друзьями, о чем откровенно свидетельствовали разбросанные по сцене газетные и журнальные вырезки. И если уж на то пошло, если бы не приходящие от него ежемесячно, пусть и на небольшую сумму, чеки, она бы давно впала в нищету. Идти против него и угрожать давним скандалом — Легран недавно ступил на стезю политики — было не только абсурдно, но и чрезвычайно опасно, поскольку тот отличался как беспощадностью, так и черствостью. Много лет назад он использовал мадам Джоконду как ступеньку для собственной карьеры, собрав весь рекламный урожай с их бурного романа, а потом внезапно дал ей пинка.

Мангон нахмурился. Найти выход из ее нынешнего отчаянного положения представлялось делом непростым. Свое падение мадам Джоконда переживала тем тяжелее, что пострадала не по собственной вине. После внедрения несколькими годами ранее ультразвуковой музыки человеческий голос полностью вышел из моды — как и

вообще любая слышимая музыка. Использующая гораздо более широкий диапазон октав, аккордов и хроматических гамм, чем воспринимаемая человеческим ухом, ультразвуковая музыка обеспечивала прямую нервную связь между звуковым потоком и слуховыми долями мозга, генерируя всеобъемлющее ощущение гармонии, ритма, модуляций и мелодии — без каких-либо посторонних шумов и вибраций, свойственных слышимой музыке. Переложение классического репертуара позволило аудитории наслаждаться всем самым лучшим, что создало человечество. Величественные глубины Бетховена, популярные мелодии Чайковского, сложные фуговые импровизации Баха, абстрактные образы Шенберга — все они были представлены на частотах, превышающих порог осознанной слышимости. Они не только стали неслышимыми — переложенные для обладающих гораздо более широким диапазоном ультразвуковых оркестров, оригинальные работы обретали новую текстуру, глубину, чувственность, нежность и лиричность — по выбору аранжировщика.

Первой жертвой перемен стал человеческий голос. Переложить его оказалось невозможно, поскольку звуки производились немеханическими

средствами, скопировать которые не мог — или не хотел — ни один инженер-нейрофонщик.

Первые ультразвуковые записи натолкнулись на определенное сопротивление и даже насмешки. Прерываемые получасовыми рекламными паузами, радиопрограммы, не содержащие ничего, кроме тишины, казались нелепыми. Но постепенно публика открыла золото безмолвия, которое примерно через час после переключения радио на ультразвуковой канал само собой создавало приятную атмосферу ритма и мелодии. Лишь когда ведущий вдруг объявлял, что слушателям только что была представлена ультразвуковая версия симфонии Моцарта «Юпитер» или Патетической Чайковского, они идентифицировали реальный источник.

Второе преимущество ультразвуковой музыки заключалось в том, что она не оставляла в твердых структурах резонансного осадка и необходимость в вызове уборщиков отпала. После большинства обычных концертов симфонической музыки стены и мебель еще несколько дней пульсировали разлагающимися остатками, настолько омертвлявшими воздух, что все помещение становилось буквально нежилым. Это привело к скорому и быстрому исчезновению

почти всех симфонических оркестров и оперных компаний. Концертные залы и оперные театры закрылись. В век шума люди снова начали открывать для себя успокоительный бальзам тишины.

Но окончательный триумф ультразвуковой музыки обеспечило второе открытие, короткоиграющая запись на 900 оборотах в минуту, сжимавшая сорокапятиминутную симфонию Бетховена до двадцати секунд воспроизведения, а трехчасовую оперу Вагнера — до двух с лишним минут. Компактные и дешевые, короткоиграющие пластинки не теряли абсолютно ничего в плане качества. Тридцатисекундная запись в новом формате доставляла слушателю такое же нейрофоническое удовольствие, как и обычная, но с более глубоким проникновением и более сильным общим воздействием.

Ультразвуковые короткоиграющие записи вымели с рынка все прочие. Долгоиграющие пластинки превратились в музейные экспонаты. Только отъявленный чудак мог предпочесть полную версию «Зигфрида» или «Севильского цирюльника», имея возможность в полной мере насладиться обеими операми и оценить их музыкальную ценность за пять минут.

Звездный час дивы закончился. Бесцеремонно

отправленная на полку, она несколько месяцев держалась на озвучивании радиорекламы. Потом и реклама перешла на ультразвук. В порыве мстительного отчаяния мадам Джоконда выкупила уволившую ее радиостанцию и устроила дом в павильоне звукозаписи. С течением лет павильон пришел в упадок и забвение, окна были разбиты, неоновая вывеска обрушилась, антенны заржавели. Окончательно в прошлое студию отправила огромная восьмиполосная эстакада.

И вот теперь мадам Джоконда предлагала план триумфального возвращения.

Мангон слушал ее напыщенные тирады с бесстрастной отстраненностью наблюдателя. Недобрая усмешка, клубы сизого дыма — ни дать ни взять потрепанная жизнью ведьма. После фенобарбитала ее клонило ко сну, и угрозы и ультиматумы звучали все невнятнее.

— …и не забудь про мемуары, Гектор. Полное, без утаек, разоблачение, никаких недомолвок. Я к тому… черт, придется вызвать призрака. «Отель де Пари» в Монте-Карло, куча картин. О да, я сохранила фотографии. — Она пошарила вокруг себя по дивану, но нашла только мятый купон на косметику и чек из супермаркета. — Подожди, Гектор, пока их увидят твои адвокаты и… — Она

осеклась, уставилась остекленевшими глазами на Мангона и завалилась на подушку.

Мангон подождал, пока женщина уснет, поднялся и внимательно на нее посмотрел. Отчаявшаяся и одинокая. Секунду-другую он наблюдал за ней благоговейно, потом прошел на цыпочках к реостату на контрольной панели за диваном, погасил лампу на полу и ступил со сцены.

Он закрыл за собой двери зала, пересек фойе и вышел, опечаленный, но в то же время ободренный, в прохладную полночь. Решение наконец пришло: если ему суждено спасти мадам Джоконду, действовать нужно быстро.

2

Сев за руль грузовичка в начале десятого на следующее утро, Мангон решил отложить первый визит в Епископальную часовню Нео-Корбузье, втиснутую между офисными блоками в центре финансового сектора, и вместо этого повернул на запад, через парк, к сияющему белым фасадом жилому комплексу, возвышающемуся над деревьями и озерами вдоль северной стороны.

Работа в часовне всегда требовала времени и полной сосредоточенности и потому отняла у него добрых три часа. Декан недавно привез из

церкви Святого Франциска Ассизского несколько редких фронтонов тринадцатого века, прекрасные звуковые матрицы накопившихся за семь веков грегорианских песнопений с наложенным благовестом «Аегелус». Установленные в алтаре, они источали атмосферу, резонансную с религиозным рвением, нежным, глубоко текстурированным гимном, беззвучно вызывающим безупречные образы молитвы и медитации.

Но поскольку каждый фронтон стоил пятьдесят тысяч долларов, работа с ними была чревата огромным риском для неловкого чистильщика. Всего лишь двумя годами ранее весь северный трансепт Реймского собора с сохранившейся целиком розеткой, купленный за рекордную сумму в один миллион долларов и установленный в новом соборе Святого Иосифа в Сан-Диего, лишился своего бесценного наследия, тональной мозаики из-за ошибки бригады безграмотных чистильщиков, неправильно прочитавших инструкцию и случайно стерших не ту стену.

Даже самый добросовестный чистильщик ограничен в умениях, и Мангон, со своей слуховой суперчувствительностью, получал множество заказов именно в силу способности работать выборочно. Убирая со стен Оратория посторон-

ние, диссонирующие шумы — покашливание, плач, звон монет, бормотания молящихся, — он оставлял после себя хоралы и литургические песнопения, обогащенные благочестивыми обертонами. Благодаря его талантам жизнь ассизских фронтонов продлевалась на двадцать лет; без него они в скором времени были бы загрязнены разнообразными шумами конгрегации. Вот почему Мангон не опасался, что декан станет жаловаться, если он не появится в часовне как обычно.

Следуя вдоль северной стороны парка, Мангон свернул во двор громадного сорокаэтажного блока, напоминающего сияющий белый утес с выступающими ребрами балконов. Большинство апартаментов, суперлюксовых дуплексов, занимали представители шоу-бизнеса. Поблизости никого не было, но как только Мангон, с сонованком в руке, вошел в вестибюль, мраморные стены и колонны негромко загудели эхом разговоров, что вели гости, покидавшие вечеринку четыре или пять часов назад. В лифте следы звучали яснее — уверенные мужские тона, пронзительные жалобы капризных жен, мягкие отнекивания сексуальных блондинок, акцентированные бесчисленными повторениями «дорогоооой». На эха

Мангон внимания не обращал — они были почти не слышны, как приглушенный гул насекомых. Поднимаясь в пентхаус, он усмехнулся про себя: знай мадам Джоконда цель его визита, задушила бы на месте.

Одним из постоянных клиентов Мангона был Рэй Альто, дуайен корпуса ультразвуковых композиторов и человек, более других ответственный за все несчастья мадам Джоконды. Обычно Мангон убирал в его апартаментах раз в неделю, в три часа дня. Сегодня, однако, уборщик хотел застать Альто на месте до того, как тот уедет в «Видео-Сити», где занимал должность директора программной музыки.

Мальчик-слуга открыл дверь и провел Мангона по черной стеклянной лестнице в гостиную. Из широких студийных окон открывался панорамный вид на парк и небоскребы центра города.

Сидевший на длинной софе-трансформере молодой человек в белых слаксах — Пол Меррил, аранжировщик Альто, — махнул ему рукой.

— Мангон, подожди. Я сегодня разогреваюсь. — Он повертел ультразвуковой трубой — запутанным клубком из клапанов и труб, от которого, стелясь по подушкам, уходили к катодной трубке и звуковому генератору в дальнем конце софы с

полдюжины проводов.

Мангон тихонько сел, и Меррил поднес к губам мундштук инструмента. Не спуская глаз с лучевой трубки, где можно было проверить форму ультразвуковых нот, он проиграл короткое живое аллегретто, потом прибавил темп и выдал серию блестящих арпеджио, убрав высокие ноты P и Q, вертевшиеся на катодном экране, словно безумные угри. За ними последовали несколько фантастических глиссандо, охвативших до 20 октав и разделенных на интервалы так, что каждая нота находила в этом ритме свое точное и неповторимое звучание, покидая собственную звуковую сущность и вливаясь через электронные усилители в многоканальный, неповторимый мелодический поток, захлестнувший катодный экран изысканными мерцающими струями.

Ничего этого Мангон, разумеется, не услышал, но воздух вокруг него ожил, завибрировал, заискрил, зарядившись веселостью, так что, когда Меррил выпустил последний лихой аккорд, он не поскупился на аплодисменты.

— «Полет шмеля», — сообщил музыкант и, отшвырнув трубу, выключил катодную трубку, после чего откинулся на подушки и еще несколько секунд наслаждался сияющим, обновленным

воздухом. — Ну, как дела?

В этот момент дверь одной из спален открылась, и на пороге появился Рэй Альто, высокий задумчивый мужчина лет сорока, с редеющими светлыми волосами, в солнцезащитных очках, за которыми прятались холодные глаза.

— Привет, Мангон. — Он провел ладонью по голове уборщика. — Ты рано сегодня. По полной программе? — Мангон кивнул. — Не унывай. — Альто взял диктофон с одного из столиков и направился с ним к креслу. — Шум, шум, шум — переносчик величайшей опасности для цивилизации. Он губит весь мир, и однако же все, что человечество может позволить себе, — это выделить на борьбу с ним несколько чистильщиков с соноваками, таких как Мангон. Трудно себе представить, что еще несколько лет назад люди даже не догадывались, что звук оставляет осадок.

— А разве что-то изменилось к лучшему? — спросил Меррил. — В этом месяце «Трансоникс» заявила, что уже в недалеком будущем уровень неубранных звуковых резонансов повысится настолько, что они буквально расшатают здания. Город рухнет, как древний Иерихон.

— Вавилонская башня, — поправил его Альто. — Ладно, а теперь помолчи. Мангон, скоро мы

все погибнем. Пол, дай ему что-нибудь выпить.

Меррил принес из бара банку кока-колы и удалился. Альто пощелкал диктофоном и заговорил, четко и ясно:

— Памятка 7. Бетти, когда истекает срок авторских прав Стравинского? Памятка 8. Бетти, запиши мелодию для предполагаемого ноктюрна: L, L диез, BB, Y бемоль, Q, VT, L, L диез. Памятка 9. Пол, три нижние октавы ультратубы в пределах слышимых частот звукового спектра собаки — спасибо за ультразвуковую запись «Цыганского хора» из «Травиаты»; прошлым вечером около трех миллионов собак подумали, что на них обрушилась крыша. Памятка 10. Бетти… — Он остановился и отложил диктофон: — Мангон, у тебя обеспокоенный вид.

Мангон, все это время пребывавший в задумчивости, встряхнулся, подтянулся и покачал головой.

— Заработался? — не отставал Альто, недоверчиво глядя на чистильщика. — Никак засиживаешься допоздна у этой женщины? Джоконды?

Мангон смущенно потупился. Его отношения с Альто складывались примерно так же, как с мадам Джокондой. Хотя аранжировщик и бывал грубоват, а порой и недоволен чем-то, он прояв-

лял к Мангону искренний интерес. Возможно, немота уборщика напоминала ему о мизантропических мотивах за его собственной нелюбовью к шуму, пробуждала чувство косвенной вины за злодеяние, совершенное матерью Мангона. К тому же Альто с уважением относился к его феноменальной слуховой чувствительности.

— Она вытянет из тебя все соки, поверь мне. — Зная, насколько важен для Мангона личный, человеческий контакт, Альто удержался от излишней резкости. — Ты ничего не сможешь для нее сделать и, предлагая сочувствие, лишь распаляешь ее надежды на возвращение. У нее нет ни единого шанса.

Мангон нахмурился и, взяв карандаш, быстро написал на страничке блокнота: *Она БУДЕТ снова петь!*

Альто задумчиво прочитал записку и, помолчав, ответил уже жестким голосом:

— Она использует тебя для достижения собственных целей. Сейчас ты исполняешь ее прихоть, облегчаешь ее невротические головные боли и помогаешь избавиться от несуществующих аплодисментов. Не хочу даже думать, что еще ей может понадобиться.

Она — великая актриса.

— Была, — поправил Альто. — Но теперь уже нет, как это ни печально. Боюсь, времена изменились.

Мангон раздраженно скрипнул зубами и оторвал еще один листок.

Может быть — для развлечений. Но не для ИСКУССТВА.

Альто принял упрек молча. Он не меньше Мангона корил себя за то, что продался «Видео-Сити». За четыре года пребывания там весь его вклад в ультразвуковую музыку составил лишь одну почти законченную симфонию с характерным названием «Опус Зеро», премьера которой ожидалась в скором времени, несколько ноктюрнов и один квартет. Едва ли не вся энергия тратилась на программирование музыки, престижных сочинений для эффектных представлений и переложение классического репертуара. Последнее он презирал особенно, считая такое занятие подходящим для Пола Меррила, но не для ответственного композитора.

Он добавил листок к тем двум, что уже держал в левой руке, и спросил:

— Ты когда-нибудь слышал, как поет мадам Джоконда?

Ответ Мангона выглядел насмешливо:

Нет! Но вы же слышали. Будьте любезны, опишите.

Альто коротко хохотнул, порвал листочки и подошел к окну.

— Хорошо, ты свое соображение высказал. Ты несешь факел искусства, исполняешь свой долг перед одним из немногих совершенных творений мира. Надеюсь, ты понимаешь и то, какую ответственность на себя принимаешь. Проблемы она создавать умеет. Знаешь ли ты, что в свое время такие театры, как Ковент-Гарден, Ла Скала и Мет закрыли перед ней свои двери? Они сказали, что да, у Каллас был темперамент, но в сравнении с Джокондой ее можно назвать едва не примерной девочкой. Расскажи мне, как она сейчас? Питается нормально?

Мангон поднял бутылку с колой.

— Кокаин? Да, тяжелый случай. Но как ей удается? — Альто бросил взгляд на часы. — Черт, мне нужно идти. Почисти здесь хорошенько, ладно? А то у меня уже от собственных мыслей голова раскалывается.

Он наклонился за диктофоном, но Мангон уже писал что-то торопливо на страничке.

Дайте мадам Джоконде работу.

Альто прочитал записку и, озадаченный, вер-

нул листок уборщику.

— Где? В этих апартаментах?

Мангон покачал головой.

— Ты имеешь в виду «Видео-Сити»? Чтобы она там пела?

Чистильщик выразительно закивал, и Альто со вздохом отчаяния поднял глаза к потолку.

— Бога ради! Последний вокалист пел в «Видео-Сити» более десяти лет назад. Никакая аудитория этого не вынесет. Даже если я только сделаю такое предложение, они порвут мой контракт на тысячу клочков. — Альто поежился — только наполовину картинно. — Не знаю, как у тебя, а у меня язва, так что надо и о себе думать.

Он направился к лестнице, но Мангон торопливо перехватил его и протянул новый листок.

Пожалуйста. Мадам Джоконда в отчаянии и готова перейти к шантажу.

Она должна снова петь. Можно организовать постановочную программу. Пустить по замкнутой системе.

Альто аккуратно сложил записку и, оставив диктофон на лестнице, медленно вернулся к окну.

— Шантаж? Ты уверен? И, кстати, кого она собирается шантажировать? — Мангон снова кивнул,

но взгляд отвел. — Хорошо, хорошо, выпытывать не стану. Возможно, Леграна, а? — Чистильщик обернулся с удивленным выражением и неубедительно пожал плечами.

— Гектор Легран. Тут и гадать особенно не приходится. Но никаких секретов там не осталось — все давно известно. Думаю, она просто грозится выставить себя на посмешище и тем самым помешать ему баллотироваться в губернаторы. — Альто поджал губы. К Леграну он питал отвращение — не только за то, что тот соблазнил его образом жизни, отказаться от которого было уже невозможно, но еще и потому, что, эксплуатируя слабость Альто, он без всяких церемоний напоминал ему об этом, не скрывая презрения ни к нему самому, ни к его музыке. Альто был бы только рад, если бы планы шантажа мадам Джоконды имели шанс на успех, но понимал, что Легран уничтожит ее, а заодно, возможно, и Мангона.

Как ни странно, ему вдруг захотелось встать на сторону мадам Джоконды. Он посмотрел на уборщика, который терпеливо ждал ответа, глядя на него большими, полными надежды глазами спаниеля.

— Идея с программой на замкнутой сети безум-

на. Даже если нам удастся все устроить, ей будет этого мало. Она хочет не столько петь, сколько быть звездой. Чего ей недостает, так это атрибутов звездности — восторженной галерки, охапок цветов, вечеринок в артистической уборной. Я мог бы организовать получасовую сессию на закрытой системе с надежными специалистами — несколько избранных вещей, скажем, из «Тоски» и «Мадам Баттерфляй», со звуковым фортепьянным сопровождением, и даже сыграл бы сам, но я не могу обеспечить ей место в светской хронике и театральные рецензии. И что будет, когда она узнает?

Она хочет петь.

Альто похлопал чистильщика по плечу.

— Ты — молодец. Хорошо, я подумаю. Одному Богу известно, как мы все это организуем. Придется сказать, что готовится сюрприз для какого-то большого шоу — это объяснит отсутствие объявления в программе и необходимость работы в закрытой студии. Надо будет особо подчеркнуть важность фактора внезапности и не допустить ее контакта с газетчиками… Ты куда?

Мангон шагнул к лестнице, взял диктофон и вместе с ним вернулся к Альто, счастливо улыбаясь и отчаянно пытаясь что-то сказать. Из его

горла вырывались придушенные, дрожащие звуки.

Растроганный, Альто отвернулся и сел.

— О'кей, Мангон, — грубовато бросил он. — А теперь займись своим делом. И помни, я ничего не обещал. — Он щелкнул кнопкой. — Памятка 11. Рэй…

3

В начале пятого пополудни Мангон остановил свой грузовичок в переулке за брошенной радиостанцией. Вверху, над головой, грохотала эстакада, и этот грохот скатывался вниз на каменные стены. Мангон постарался закончить пораньше, чтобы порадовать мадам Джоконду большими и хорошими новостями до того, как у нее начнутся головные боли. В Оратории он убрался за час, потом пробежался по двум кинотеатрам, Музею абстрактного искусства и, едва не лопаясь от переполнявшей его радости, отработал за половину обычного времени с полдюжины частных вызовов.

Мангон пробежал через вестибюль, доставая на ходу карандаш. Впервые за долгие годы он по-настоящему пожалел о своей немоте, о том, что не может устно рассказать мадам Джоконде

о своем утреннем триумфе, о выбитом из Альто обещании.

Студия-2 лежала в темноте; ряды кресел, валяющиеся на полу старые программки и коробки из-под мороженого тускло отражались в свете единственной лампочки, заслоненной высокими декорациями. Подошвы скользили на обвалившейся с потолка штукатурке, так что на сцену он забрался уже запыхавшись.

Мадам Джоконда исчезла!

Пустая сцена, оставленный неубранным диван, сваленные в кучу холодные кастрюли на плите. Распахнутый платяной шкаф, сброшенные с вешалок платья.

В первую секунду Мангон запаниковал, ошеломленный ее исчезновением, не понимая, почему мадам Джоконда ушла, и немедленно предположив, что она узнала о его сговоре с Альто.

Потом он подумал, что еще никогда не бывал в студии до полуночи и что мадам Джоконда могла всего лишь выйти в супермаркет.

Улыбнувшись на собственную глупость, Мангон облегченно вздохнул, сел на диван и приготовился ждать.

Четко и ясно, словно выбитые глубокими бук-

вами, слова соскочили со стен, едва не оглушив его своей силой.

— Да ты, должно быть, рехнулась, жалкая, старая ведьма! Посмеешь угрожать мне еще раз, и я тебя уничтожу! СЛУШАЙ, ты, жалкая… — Мангон беспомощно отвернулся, пытаясь укрыться от голоса. Слова, брошенные в пароксизме ярости не более часа назад, горели злобными акустическими шрамами на безупречно вычищенных стенах.

Первой мыслью было схватить соновак и выскрести стены до возвращения мадам Джоконды. Потом до него дошло, что она уже слышала оригинал эха — на заднем фоне проступали приглушенные ритмы и интонации ее голоса.

Идентифицировать голос не составило труда.

Мангон не раз слышал его изрыгающим такие же жестокие тирады, когда заменял одного из чистильщиков, убиравшего в главном зале заседаний «Видео-Сити».

Гектор Легран! Значит, все еще хуже, чем ему представлялось, и мадам Джоконда дошла в своем отчаянии до точки.

На полу лежал нижний выдвижной ящик туалетного столика. Тут же валялось его содержимое. К зеркалу прислонилась старая серебряная рам-

ка, потускневшая и покрывшаяся патиной, рядом с ней — клочок ваты и пузырек с чистящей жидкостью. В рамке — одна из фотографий Леграна двадцатилетней давности. Возможно, узнав о его приходе и уже пожалев об угрозе шантажом, она и отыскала этот давний портрет.

Но гость ее чувств не разделил.

Мангон прошел по сцене. Сердце его разрывалось от гнева, в ушах громыхали насмешливые издевки Леграна. Он взял портрет, сжал ладонями, а потом вдруг ударил с силой о край туалетного столика.

— Мангон!

Крик пригвоздил его к месту. Он выронил разбитую рамку и, оглянувшись, увидел неслышно вышедшую из-за декораций мадам Джоконду.

— Мангон, пожалуйста, ты меня пугаешь, — мягко произнесла она и бочком прошла мимо него к кровати, снимая на ходу огромную пурпурную шляпу. — И убери стекло — не хочу порезать ногу.

Говорила мадам Джоконда вяло и сонно, двигалась медленно и расслабленно, что, как решил поначалу Мангон, было следствием острого шока. Достав из сумочки шесть белых пузырьков, она осторожно выставила их на прикроватном сто-

лике. Это были ее любимые лакомства — значит, Легран подсластил пилюлю еще одним чеком. Он наклонился и стал собирать с пола осколки, одновременно пытаясь и сам собраться с мыслями. Крики Леграна звенели в воздухе, и Мангон, не выдержав, сорвался с места и побежал за соноваком.

Когда он вернулся, мадам Джоконда сидела на краешке кровати с бутылочкой бурбона, которую достала из сумочки вслед за кокаином. Мелодично мурлыча под нос, она мечтательно поглаживала перышко на шляпе.

— Мангон, — позвала она, когда он почти уже закончил. — Иди сюда.

Он отставил соновак и подошел к ней.

Мадам Джоконда посмотрела на него внезапно внимательно и твердо.

— Зачем ты разбил портрет Гектора? — Она подняла кусочек рамы. — Скажи мне.

Поколебавшись, он написал:

Извините. Я вас обожаю. Он говорил такие гадости.

Мадам Джоконда прочла записку и снова перевела задумчивый взгляд на чистильщика.

— Ты здесь прятался, когда Гектор пришел?

Мангон решительно покачал головой, потом

снова стал писать, но она остановила его.

— Все в порядке, дорогой. Я и не думала. — Она обвела взглядом сцену, прислушалась. — Ты, когда пришел, слышал, что говорил мистер Легран?

Мангон кивнул и заморгал, вспоминая оставшиеся на стенах гнусности. Он и сейчас еще ощущал присутствие Леграна и чувствовал его желание унизить и оскорбить мадам Джоконду.

Она сделала широкий жест.

— И ты до сих пор слышишь, что он сказал? Удивительно. У тебя редкий талант.

Мне жаль, что вам пришлось так страдать.

Мадам Джоконда улыбнулась.

— Каждый из нас несет свой крест. Что-то подсказывает мне, что ты можешь немало облегчить мою ношу. — Она похлопала по кровати: — Иди садись, ты, наверно, устал. — Он сел рядом, и она продолжила: — Мне вот что интересно. Ты действительно можешь разобрать фразы и целые предложения в тех звуках, которые убираешь? Можешь слышать целые разговоры через несколько часов?

Что-то в ее вопросе смутило Мангона. Он знал, что талант его уникален, и не был настолько наивен, чтобы не оценить потенциал своих воз-

можностей. Дар развился сам собой в юношеском возрасте, и до сих пор Мангон сопротивлялся соблазну злоупотреблять им. Он никому о нем не рассказывал, понимая, что как только сделает это, с работой чистильщика можно будет попрощаться.

Мадам Джоконда наблюдала за ним с выжидательной улыбкой на губах. Все ее мысли были только о мести. Мангон снова прислушался к стенам, сосредоточившись на звенящих в воздухе оскорблениях.

Не целые разговоры. Длинные фрагменты, до двадцати слогов. В зависимости от резонансов и матрицы. Только никому не говорите. Я помогу вам отомстить Леграну.

Мадам Джоконда сжала его руку и уже потянулась к бутылочке с бурбоном, когда Мангон вдруг вспомнил о цели визита и, вскочив с кровати, схватился за карандаш.

Оторвав первый листок, он сунул его в ее трепещущие руки, потом заполнил еще три, описывая встречу с музыкальным директором в «Видео-Сити», интерес Альто к мадам Джоконде и условное обещание организовать ее появление в качестве гостя. Имея в виду откровенную враждебность Леграна, Мангон особо подчеркнул необходи-

мость полной секретности.

С радостным замиранием он наблюдал за тем, как мадам Джоконда пробегает взглядом по нацарапанным детским почерком строчкам, ведя по ним длинным красным ногтем, а когда она закончила, выразительно закивал и вскинул руку в триумфальном жесте.

Изумленная, мадам Джоконда непонимающе уставилась на записки, потом наклонилась, привлекла чистильщика к себе и, взяв его большую, как у мифического фавна, голову унизанными перстнями пальцами, пригнула к коленям.

— Дорогой мой мальчик, как же ты нужен мне. Никогда меня не покидай.

Поглаживая его по волосам, она прошлась цепким взглядом по стенам.

Чудо случилось на следующий день, за несколько минут до одиннадцати.

После завтрака, вытянувшись на кровати с альбомами дивы и под звуки старого граммофона, унесенного Мангоном из какой-то студии, они решили поехать на свалку — чистильщики выезжали в город в девять, и звуковые свалки можно было бы обследовать без помех.

Проведя столько времени в мире мадам Джоконды, Маргон горел теперь желанием позна-

комить ее со своим. Вот только предложить ей кроме унылых, огражденных забором мусорных свалок ему было нечего.

Для Мангона весь мир сошелся теперь клином на мадам Джоконде. Она стала источником его уверенности и восторга, столь же могучим, как само солнце. Прошлая жизнь отпала, как хризалида прекрасной бабочки, серые годы проведенного в приюте детства растворились в волшебном калейдоскопе, вращавшемся вокруг него. Она говорила, нашептывала что-то любовно, и посеревшие от пыли декорации и реквизиты студии начинали сиять свежими красками и обретать новый смысл, как пейзаж мескалиновой фантазии, а воздух дрожал от тысячи звонких отзвуков ее голоса.

С Ф-стрит они выехали в десять, и вскоре тусклые склады и брошенные многоквартирные дома, в окружении которых так долго жила мадам Джоконда, остались позади. Сидя бок о бок в кабине грузовика, они не выглядели подходящей парой: неуклюжий Мангон в желтой куртке из искусственного материала и желтой фуражке — за рулем, и пышная, яркая мадам Джоконда в ярко-зеленой шляпе с широкими полями и вуалью, с внушительным молочно-розовым бюстом,

украшенным жемчугом, золотыми звездами и драгоценными полумесяцами, небольшой коллекцией из того изобилия подарков, что изливались дождем в дни ее расцвета.

Позавтракала мадам Джоконда хорошо — стаканчиком бурбона и содержимым одного из пузырьков. За городом она благосклонно посматривала на поля, растянувшиеся по обе стороны автострады, и беззаботно мурлыкала что-то на мотив из «Фигаро».

С удовольствием наблюдая за ней, Мангон радовался ее хорошему настроению. Решив посвятить ей все свободное время, он даже отказался от вызовов на день и был готов сделать то же самое на следующую неделю и даже месяц. С ней он наконец чувствовал себя в полной безопасности. Прикосновение ее руки, тепло ее плеча добавляли уверенности и сил. Он гордился тем, что может помочь этой женщине вернуть утраченную славу.

Машина свернула с автострады на узкую грунтовку, которая вела к свалке. Тут и там между дюн виднелись развалины корпусов старого завода по производству взрывчатых веществ, белые оцинкованные крыши лачуг, в которых ютились мусорщики. Заброшенные, необитаемые дюны

растянулись на несколько миль. Они миновали руины развалившихся у дороги ворот; когда-то завод был окружен забором, но теперь проникать за ограждение стало просто незачем. Место странных отзвуков и гнетущей, болезненной тишины, накрытое мрачными миазмами миллиона сжатых звуков, уединенное и таинственное, оно напоминало кладбище бесчисленных частных разговоров, споров, пререканий.

Первые звуковые свалки появились ярдов через двести-триста по правую сторону дороги. Они предназначались для авиационного шума, собранного с городских улиц и в муниципальных зданиях, и представляли собой заграждения из плотно спрессованных звукопоглощающих панелей, занимавших площадь в несколько акров. Эти панели были чуть больше обычных — двадцать футов в высоту и пятнадцать в ширину. Поддерживаемые прочными деревянными подпорками, они стояли один против другого, образуя произвольный лабиринт переулков, что-то наподобие площадки для хранения рекламных щитов. Над дюнами выступали только верхушки панелей, но акустический заряд ударил Мангона с силой молота, обрушившись ревом садящихся и оглушающим свистом разбегающихся по

дорожке реактивных лайнеров, беспрерывным, раскалывающим голову гулом, громадным зонтом висящим над комплексом.

Со всех сторон к ним уже летели разрозненные, сорвавшиеся с ограждений случайные звуки. Над всей зоной, подпитываемый свалками внизу, висел плотный звуковой слой, невидимый, но ощутимый и зловещий, будто огромная грозовая туча. Время от времени, особенно после периода летних отпусков, поле звукового давления раскалывалось и разряжалось, обрушивая на панели потоп кошмарного шума — не только собачий вой и кошачий визг, но и скрежет и грохот машин, экспресс-поездов, ярмарочных площадей и самолетов, какофоническую музыку бетонной цивилизации.

Звуки эти, хотя и более высокого регистра, различал только Мангон. Мадам Джоконда не слышала ничего, лишь ощущала давящую депрессию и нарастающее раздражение. Казалось, сам воздух скрежещет и скрипит. Заметив, что спутница начинает хмуриться, Мангон взял ее руку и прижал ладонью к ее же лбу. Потом поднял окно, знаком показал ей сделать то же самое и включил установленный под приборной доской соновак — очистить кабину от диссонансов.

Мадам Джоконда расслабилась во внезапно наступившей блаженной тишине. Через некоторое время, когда они проезжали мимо еще одного, установленного ближе к дороге, ограждения, она повернулась к Мангону и начала что-то говорить.

Вдруг она испуганно дернулась. Шляпа опасно накренилась. Голос пропал. Губы шевелились, но никаких звуков не было. Ее как будто парализовало. Сжав в отчаянии горло, она глубоко вдохнула и крикнула.

Услышав слабый писк, Мангон обеспокоенно повернулся и увидел, что мадам Джоконда бормочет что-то, указывая беспомощно на горло.

Секунду-другую чистильщик непонимающе таращился на нее, а потом, согнувшись над рулем, зашелся в беззвучном смехе, хлопая ладонью по колену и приборной доске. Успокоившись, он показал на соновак, наклонился и прибавил звук.

— …ууууууухх… — услышав свой стон, мадам Джоконда торопливо поправила шляпу. — Какой грязный трюк! Ты должен был предупредить!

Мангон усмехнулся. В кабину снова поползли нестройные звуки. Он опять повернул регулятор громкости и, взяв карандаш, написал:

Теперь ты знаешь, каково это!

Мадам Джоконда открыла было рот, чтобы ответить, но вовремя остановилась, икнула и нежно взяла его за руку.

4

Приближаясь к боковой дороге, Мангон сбросил газ. Впереди, слева, в двух сотнях ярдов, на дюне над одним из заборов стоял облезлый домишко. Они подъехали, свернули на круглую бетонную площадку внизу и сдали назад, к разгрузочной платформе с батареей выкрашенных красным гидрантов, оснащенных манометрическими коллекторами и трубами, убегающими к частоколу, целому лесу шумопоглощающих щитов. Образуя извилистые коридоры, они напоминали декорации из какого-то сюрреалистического фильма.

Спускаясь из кабины грузовика, мадам Джоконда ожидала столкнуться с такой же волной депрессии и перегрузки, как у свалки авиационных шумов, но воздух здесь был живой, ломкий, с всплесками напряжения и восторга. По пути к домику Мангон объяснил:

Звуки вечеринок — моя компания.

Двадцать или тридцать ближайших к домику щитов были предназначены для защиты от разнородных вибраций разговоров, наполняв-

ших остальные панели. Просыпаясь по утрам, Мангон слушал смех и треп, получая такое же удовольствие от сплетен и шпилек, как если бы сам принимал участие в вечеринках.

В доме была только одна комната с большим окном, выходившим на ограждение и надежно изолированным от шума снаружи. Бегло оглядев скромное жилье и не выказав при этом большого интереса, мадам Джоконда отделалась несколькими замечаниями общего свойства и подошла к окну. Приоткрыв его, она осторожно прислушалась к потоку окруживших ее атмосферных смещений и указала на домик у дальней стороны ограждения:

— А это чей?

Галлахера. Моего напарника. Он убирает в городском совете, университете, «Видео-Сити» и больших особняках на Пятой и А-стрит. Сейчас как раз работает.

Мадам Джоконда кивнула и с любопытством оглядела забор.

— Как интересно. Словно в зоопарке. Разговоры, разговоры, разговоры. И ты можешь слышать их все. — Быстрым и заученным движением запястья она защелкнула браслеты.

Мангон сел на кровать. Домик вдруг стал ма-

леньким и грязным, и то, что гостья не проявила к нему интереса, опечалило его. По пути на свалку он все время думал, как и чем будет развлекать гостью. К счастью, ее заинтриговал забор. И когда она предложила прогуляться, Мангон с радостью согласился.

Внизу, на разгрузочной платформе, он показал, как опорожнить автоцистерну: подсоединить выпускной шланг к гидранту, отрегулировать давление с помощью коллектора и скачать мусор в панели.

Большая часть забора пребывала в состоянии постоянного возбуждения, как толпа болельщиков на футбольном стадионе. Ведя гостью между щитами, Мангон предусмотрительно выбирал проходы поспокойнее. Со всех сторон их окружали непринужденные и капризные голоса, в воздухе бесцельно плавали фрагменты разговоров. Где-то жалобно умоляла о чем-то женщина, где-то ворчал себе под нос мужчина, рядом ругался другой и плакал взахлеб ребенок. И за этим ровный фоновый шум: бесконечное бормотание телепрограмм, скороговорки реклам, однообразные монологи спортивных комментаторов, взрывающиеся криками викторины — все на октаву выше естественного уровня и оттого

напоминающее какую-то зловещую пародию на самих себя.

В соседнем проходе грохнул выстрел, и за ним тут же последовали крики и вопли. Мадам Джоконда ничего не слышала, но пульс участился так, что ей пришлось остановиться.

— Подожди, не спеши так. Расскажи, что они говорят.

Мангон выбрал щит и внимательно прислушался. Звуки шли, похоже, из квартиры над прачечной самообслуживания. Бормотали невнятно стиральные машины, постукивал беспрерывно кассовый аппарат, гудел почти неслышно граммофон.

Он покачал головой и жестом предложил мадам Джоконде следовать дальше.

— Что они говорят? — не унималась она. Мангон снова остановился, навострил уши, подождал… На этот раз повезло больше. «…Он убьет тебя, если узнает, что ты здесь… убьет нас обоих… что нам делать», — возбужденно шептала какая-то женщина.

Мангон начал записывать. Мадам Джоконда, сгорая от любопытства, нависла над его плечом, но тут он узнал голос и скомкал листок.

— Ну же, ради бога, что это было? Не выбрасы-

вай! Расскажи мне! — Она попыталась подлезть под деревянный щит и достать бумажный комочек, но Мангон удержал ее и быстро написал другое сообщение.

Адам и Ева. Извини.

— Что? Фильм? Как забавно! Ну же, давай, попробуй еще!

Спеша загладить вину, Мангон перешел к следующему щиту, обслуживавшему семейное крыло университетского корпуса. Уборка там всегда отнимала много времени, но он сразу наткнулся на золотую жилу. «…Боже мой, везде Барток… эта чертовка Стейнер… Держу пари, она спит с ней…»

Записывая все на ходу, Мангон тут же передавал листки мадам Джоконде, и та, щурясь от напряжения, один за другим жадно поглощала их. Однако, передав с полдюжины, он потерял нить и остановился, чем сильно ее расстроил.

— Ну же, в чем дело? Продолжай. — Она разжала пальцы, и записки упали на землю. — Трудно, да? Надо научить тебя стенографии.

Они добрались до щитов, заполненных в самые последние дни. Внимательно прислушавшись, Мангон различил голос Пола Меррила: «…Трансоник требует… Город рухнет, как древний

Иерихон».

Он хотел задержать мадам Джоконду, убедить ее подождать минут пятнадцать с тем, чтобы представить отредактированные фрагменты недавнего обещания Альто, но она упорно стремилась все дальше и дальше.

— Ты сказал, что твой друг, Галлахер, убирает в «Видео-Сити». Где это может быть?

Гектор Легран. Конечно, подумал Мангон. И как только он не понял сразу. Теперь появился шанс посчитаться кое с кем.

Он указал на участок неподалеку.

Пробираясь между щитами, Мангон помогал спутнице переступать через балки и опоры и заботливо отводил подол широкой юбки и полы шляпы от ржавых железяк и торчащих отовсюду обломков.

Отыскать Леграна оказалось не так уж трудно. Еще на подходе к щитам Мангон услышал жесткий, категоричный голос магната, заглушавшего все прочие голоса, доносящиеся из участка «Видео-Сити». Вообще-то Галлахер убирал лишь дюжину кабинетов высшего начальства, главным образом для того, чтобы избавить их от неприятных отголосков назойливых речей Леграна.

Оставалось только найти главные апартаменты, где и могло происходить что-то по-настоящему важное и конфиденциальное.

Всего щитов было около двух десятков, и большинство оказались заполнены нескончаемым эхом угодливых «Да, Гектор», «Спасибо, Гектор», «Великолепно, Гектор». Два или три щита выделялись на общем фоне странной молчаливостью — к ним-то Мангон и увлек мадам Джоконду.

Здесь остались отзвуки разговоров Леграна с его личным секретарем. Чистильщик достал карандаш и прислушался.

«…Из Третьего национального банка. Трансферт на два миллиона в частный холдинг, и пригрозите амортизацией активов… составьте заново избавительные оговорки, включая отказ от обязательств по…»

Мадам Джоконда тронула его за плечо, но он только отмахнулся. Бóльшую часть щита занимали разговоры о каких-то сомнительных финансовых сделках, но ничего такого, что могло бы серьезно прищемить Леграна, похоже, не было.

А потом Мангон вдруг услышал…

«…«Бермуда Хилтон». Частный остров с якорной стоянкой, чистым пляжем, в прибрежных водах

полно рыбы… Мне наплевать — отправьте, поставьте сети… Имоджен полетит из Айдлуайлда под именем миссис Эдны Берджес… предупредите таможню, чтобы ее не трогали…»

«…Позвоните Картье, нужно что-нибудь для графини, карат, скажем, на семнадцать… потолок — десять тысяч. Нет, пусть будет восемь тысяч…»

«…Гардеробщица в «Тропикабане». Обычное досье…»

Мангон старался как мог, чтобы не отстать, но Легран диктовал быстро, и записать удавалось только отдельные фрагменты. Мадам Джоконда с трудом разбирала его каракули и, по мере того как разгорался аппетит, раздражалась все сильнее. В конце концов в порыве ярости она просто швырнула записи на землю.

— Ерунда! Ты все пропускаешь! — воскликнула дива и, в сердцах ударив кулаком по одному из щитов, обиженно всхлипнула. — Боже, боже, боже, какая нелепость! Господи, помоги мне, я схожу с ума…

Мангон тут же поспешил к ней, обнял за плечи, поддержал, но она оттолкнула его, продолжая изливать свою досаду и нетерпение.

— Бесполезно… все бесполезно… какая же я глупая… какая…

— ХВАТИТ!

Крик разрезал воздух, как нож гильотины.

Оба отпрянули, ошарашенно глядя друг на друга. Мангон осторожно прикоснулся пальцами к губам и протянул дрожащие руки. Где-то внутри его начал ослабевать и распускаться тугой, затянутый наглухо узел.

— Хватит, — произнес он грубоватым, но спокойным голосом. — Не плачь. Я помогу тебе.

Некоторое время мадам Джоконда смотрела на него изумленно, а потом испустила восторженный вопль.

— Ты можешь говорить! К тебе вернулся голос! Поразительно! Ну же, скажи что-нибудь, ради бога, да побыстрее!

Мангон еще раз ощупал рот, пробежал пальцами по горлу и задрожал от волнения. Лицо его просветлело. Словно мальчишка, он запрыгал от радости на месте.

— Я могу говорить! — повторил чистильщик, словно не веря себе.

Голос его звучал поначалу грубовато, но потом соскользнул на сопрано.

— Я могу говорить, могу говорить, могу говорить! — произнес он громче, учась контролировать вернувшийся дар, и, откинув голову,

крикнул во всю силу: — Я МОГУ ГОВОРИТЬ! СЛУШАЙТЕ МЕНЯ! — Он сорвал с рукава блокнот и бросил через щит.

Мадам Джоконда со смехом отступила.

— Мы слышим тебя, мой милый. Как замечательно. — Она задумчиво посмотрела на чистильщика, счастливо прыгающего в узком промежутке между щитами. — И будь осторожен, не переутомись, а то снова его потеряешь.

Пританцовывая, Мангон подошел к ней, схватил за плечи, крепко сжал и вдруг понял, что не знает ее имени.

— Мадам Джоконда, — заговорил чистильщик серьезно, спотыкаясь на словах, произнести которые было так просто и в то же время невероятно сложно. — Вы вернули мне голос. Все, что вам угодно… — Он не договорил, запнулся и счастливо рассмеялся сквозь слезы, а потом уткнулся лицом ей в плечо и воскликнул: — Какой чудесный голос!

— Да, Мангон, — по-матерински успокоила его мадам Джоконда, переводя взгляд на лежащие в пыли разрозненные листки. — Голос и впрямь чудесный. Но еще чудеснее твой талант слышать, — мягко добавила она.

Пол Меррил выключил плеер, сел на подлокот-

ник софы и недоуменно посмотрел на уборщика:

— Странно. Знаешь, я всегда думал, что все дело в психосоматике.

Мангон усмехнулся.

— Психосемантика, — повторил он, наполовину намеренно исказив трудное слово. — Ловко. Со словами можно такое вытворять. Они помогают кристаллизовать правду.

Меррил шутливо застонал.

— Господи. Ты сидишь тут, пьешь колу, философствуешь. И что, не понимаешь, что тебе положено стоять тихонько в углу и благодарно помалкивать? Так нет же, каламбуришь да еще и мне рот затыкаешь. Ну да ладно, расскажи еще раз, как это случилось.

— Жил да был… — Мангон уклонился от брошенного Меррилом журнала с громким воплем «Оле!».

Последние две недели были для него праздником.

Каждый день они с мадам Джокондой следовали одному и тому же порядку: после завтрака в студии отправлялись на свалку, где проводили два или три часа, собирая конфиденциальный материал на Леграна, перекусывали в домике и ехали в город. Потом Мангон отправлялся на ра-

боту, а мадам Джоконда спала до его возвращения около полуночи. Мангону такое существование представлялось идиллическим: он не только открывал себя в реальности сложного спектра и моделей речи — совершенно новой категории существования, но и находил в отношениях с мадам Джокондой неведомые дотоле грани сочувствия, симпатии и понимания. Чувствуя иногда, что он слишком поглощен своей стороной их отношений и выгодами, которые эти отношения дают ему, Мангон утешался тем, что и мадам Джоконде они идут на пользу. Головные боли и загадочные видения исчезли, она привела в порядок студию, обрела частичку прежнего достоинства и уверенности в себе, отчего ее амбициозность уже не так заметно бросалась в глаза. В психологическом плане она теперь нуждалась в нем меньше, чем он в ней, и ему достало благоразумия держать в узде свои восторги и уделять ей больше внимания. В первую неделю его беспрерывная болтовня бывала порой утомительной, и однажды, по дороге к свалке, мадам Джоконда просто-напросто включила соновак, и Мангон какое-то время лишь неслышно шевелил губами, как выброшенная на берег рыба. Он понял намек.

— Как с работой? — спросил Меррил. — Бро-

сишь?

Мангон пожал плечами.

— Работа — мой талант, но жить на свалке, входить через заднюю дверь, убирать словесный мусор — занятие недостойное. Я хочу помогать мадам Джоконде. Когда она отправится в турне, ей понадобится секретарь.

Меррил устало покачал головой.

— Ты так уверен в возрождении звуковой музыки. Но все указывает на то, что из этого ничего не получится.

— Они еще не слышали, как поет мадам Джоконда. Поверьте, я знаю силу и чудо человеческого голоса. Ультразвуковая музыка великолепно создает атмосферу, но она лишена содержания. Она не способна выражать идеи — только эмоции.

— Что с той программой, которую вы с Рэем намерены подготовить для нее?

— Ничего не получилось, — солгал Мангон. Программа, в которой выступит мадам Джоконда, будет открыта всему миру. Он ничего не сказал им о поездках на свалку, своей способности считывать информацию со щитов, сборе материала на Леграна. Скоро, уже скоро мадам Джоконда нанесет удар.

В коридоре над ними хлопнула дверь, кто-то

бурей ворвался в апартаменты, отшвырнул к стене стул. Это был Альто. Сбежав по лестнице, он стремительно вошел в комнату — подбородок решительно выдвинут, пальцы сердито согнуты — и, пронесшись мимо, бросил на ходу:

— Пол, не прерывай, пока я не закончу. Ты останешься без работы, но предупреждаю, что, если ты не поддержишь меня на все сто процентов, я тебя застрелю. Тебя, Мангон, это тоже касается — ты мне понадобишься. — Альто подлетел к окну, отсек уличный шум, вихрем обернулся и, утвердившись на ковре, пристально посмотрел на обоих. Мангон подумал, что впервые за три года знакомства видит его таким агрессивным и уверенным. — Заголовок. Джоконда снова поет! Каким бы невероятным и ужасным это вам ни показалось, но ровно через две недели живой и свободный голос Джоконды зазвучит от побережья до побережья на всех трех каналах «Видео-Сити». Удивлены? Это не секрет — афиши уже печатают. С половины девятого до половины десятого, в самое лучшее время.

Меррил подался вперед.

— Молодец. Если Легран хочет направить корабль на рифы, нам-то какое дело?

Альто стукнул кулаком по дивану.

— Такое, что на борту будем и мы с тобой! Ты что, не слышал? В полдевятого, ровно через две недели! У нас будет программа. И кто в качестве приглашенной звезды? Попробуешь угадать?

Меррил нахмурился, пытаясь понять, о чем идет речь.

— Минутку, Рэй. Подожди. Ты хочешь сказать, что она действительно появится… будет петь… в «Опусе Зеро»? — Альто с мрачным видом кивнул. Меррил вскинул руки и откинулся на подушки. — Безумие! Она не сможет! Кто говорит, что сможет?

— А ты как думаешь? Великий Легран. — Альто повернулся к Мангону: — Должно быть, раскопала что-то такое, чтобы припугнуть его. Даже не верится.

— Но почему в «Опусе Зеро»? — не унимался Меррил. — Давай перенесем премьеру на неделю позже.

— Пол, ты упускаешь из виду самое главное! Позволь просветить. Не далее как вчера мадам Джоконда нанесла Леграну частный визит. Каким-то образом ей удалось убедить его выделить для нее целый час в одной из музыкальных программ, где она исполнит кое-какие старые вещи из старых шоу при полном ультразвуком

сопровождении. Желая угодить, он даже спросил, какую именно программу она предпочитает. Поскольку последнее представление, в котором она появилась десять лет назад, было отменено в пользу «Тотальной симфонии» Рэя Альто, ты легко угадаешь, что она выбрала.

Меррил кивнул.

— Все сходится. Мы будем вести трансляцию из концертной студии. Одна ультразвуковая симфония. Без перерывов. Без даже комментариев! Твоя первая мировая премьера за три года. Огромная приглашенная аудитория. Белый галстук-бабочка, как в добрые старые дни. Сладкая месть. — Он печально покачал головой. — Черт, столько работы!

— Не беспокойся, — бросил Альто. — Все окупится. Зачем нам платить за Леграна? Эта симфония — первая серьезная музыка, которую я написал с тех пор, как пришел в «Видео-Сити», и я так просто ее не отдам. — Он подошел к Мангону и сел рядом с ним. — Сегодня во второй половине дня я ходил на репетицию. Они раскопали где-то старый рояль, и какой-то старикашка аккомпанировал ей. Последний раз мадам Джоконда пела десять лет назад. Возможно, она сохранила бы голос, если бы практиковалась по два-три часа

в день, но ты убирал в ее студии и знаешь, что она не взяла ни одной ноты. Она — старуха. Что не сделало время, то сделали кокаин и жалость к себе. — Альто остановился и вопросительно посмотрел на чистильщика. — Неприятно это говорить, но звучит так, словно кошку душат.

«Ты лжешь, — неприязненно подумал Мангон. — Ты просто невежественен. У тебя нет музыкального вкуса. Ты не способен распознать подлинного гения, даже когда он перед тобой. Я знаю, что такое молчание, — хотелось крикнуть ему. — Голос Джоконды — поток чистого золота, и она обретет его, как я обрел свой». Однако что-то в тоне Альто заставило его подождать.

— Понимаю, — сказал он. — Что вы хотите от меня?

Альто похлопал его по плечу.

— Молодчина. Поверь мне, в конечном итоге ты все же поможешь ей. Я предлагаю уберечь нас всех от неприятностей. Мы все должны выступить против Леграна, даже если это означает расставание с «Видео-Сити». Так, Пол? — Меррил не колеблясь кивнул, и Альто продолжил: — Оркестр пойдет, как намечено. Согласно программе, мадам Джоконда будет петь под аккомпанемент «Опуса Зеро», но это ничего не значит. Никакой

связи между ними не будет. Она даже не появится до самого выступления. Будет стоять внизу, на специальной платформе, и над ней, примерно в двадцати футах, микрофон. Микрофон будет подключен, но ее голос не дойдет до него. Потому что ты займешь место в суфлерской будке непосредственно перед ней с самым мощным сонованком, который мы только сумеем раздобыть. И как только она откроет рот, ты вступишь в игру. Она будет футах в десяти от тебя и потому будет слышать себя, а о том, что происходит, не догадается.

— А как же публика? — спросил Меррил.

— Они будут слушать мою симфонию, наслаждаясь, надеюсь, ее нейрофонической красотой и мощью, и не обратят внимания на толстуху-примадонну, кривляющуюся в кокаиновом дурмане. Может быть, сочтут ее дирижером. Не забывайте, они придут слушать пение, но кто сейчас помнит, что означает это слово? Большинство сочтут, что это ультразвук.

— А Легран?

— Легран будет на Бермудах. У него там бизнес-конференция.

5

Мадам Джоконда сидела перед зеркалом, раскрашивая лицо в подобие хэллоуиновской маски. Стоявший рядом граммофон крутил, поскрипывая, пластинку с избранным из «Травиаты». На сцене по-прежнему властвовал хаос, но теперь в нем присутствовало ощущение некоей целенаправленности.

Пробравшись между декорациями, Мангон неслышно подошел сзади и поцеловал ее в обнаженное плечо. Она поднялась изящным, роскошным движением женщины в великолепном черном шелковом платье, сияющем тысячами блесток.

— Спасибо, Мангон, — пропела мадам Джоконда в ответ на его комплимент и, повернувшись к шляпной коробке на кровати, достала громадную шляпу с павлиньим пером и водрузила ее на голову.

Мангон пришел около шести, на несколько часов раньше обычного; в последние два дня его не оставляло нарастающее беспокойство. Он был уверен, что Альто ошибается, однако же логика была на его стороне. Сумела ли мадам Джоконда сохранить голос? Тот, которым она говорила — за

исключением мгновений нежности, — был груб и неровен, а в последнее время особенно. Может быть, теперь, когда до выступления оставалась всего неделя, она тоже нервничала и потому становилась раздражительной.

Сейчас, как и почти все последние вечера, мадам Джоконда собиралась на встречу. С кем, она не объясняла. Возможно, в театральный ресторан — возобновить контакты с агентами и менеджерами. Мангон с удовольствием пошел бы с ней, но в этой плоскости ее существования он чувствовал себя лишним.

— Я вернусь поздно, — предупредила она. — Ты выглядишь усталым и бледным. Иди домой, поспи.

Мангон лишь теперь заметил, что так и не снял фуражку, как будто подсознательно чувствовал, что ночь проведет не здесь.

— Мы поедем завтра на свалку?

— Хммм… Нет, не думаю. У меня от этих поездок голова болит. Давай сделаем перерыв на пару дней.

Она повернулась к нему с широкой улыбкой, и глаза ее внезапно потеплели.

— До свидания, была рада тебя повидать. — Мадам Джоконда наклонилась и по-матерински

прижалась щекой к его щеке, обдав Мангона запахом пудры и духов. Все сомнения и тревоги моментально растворились; он уже ждал с нетерпением следующего дня, когда снова увидит ее, и не сомневался, что у них общее будущее.

После ее ухода Мангон еще с полчаса бродил по заброшенной студии, предаваясь воспоминаниям. Потом вышел в переулок, сел в машину и отправился на свалку.

День премьеры приближался, и Мангон не находил себе места от волнения. Он уже дважды побывал в концертной студии «Видео-Сити», где отрепетировал с Альто свой проход за сценой к суфлерской, крошечной комнатушке, использовавшейся главным образом электриками. Вместе они проверили розетки, позаимствовали в отделе обслуживания соновак — мощный аппарат, применяемый для защиты ВИП-персон и комментаторов в аэропортах, — и протянули шланг со звукоулавливающей насадкой.

Стоя на сооруженной для мадам Джоконды платформе, Альто во весь голос крикнул сидящему в третьем ряду партера Меррилу:

— Слышно что-нибудь?

Меррил покачал головой:

— Ничего, никакой вибрации.

Внизу Мангон щелкнул переключателем.

— Пять! Четыре! Три! Два!

Один…

— Неплохо, — решил Альто. В духе старого Чикаго они спрятали соновак в огромный футляр в офисе Альто.

— Хочешь послушать, как она поет? — спросил Альто. — Сейчас как раз идет репетиция.

Поколебавшись, Мангон отказался.

— Печально, что она сама не может осознать истину, — прокомментировал Альто. — Зациклилась на прошлом пятнадцати-двадцатилетней давности, когда исполняла свои величайшие роли в Ла Скала. Тот голос она слышит и будет, наверно, слышать всегда.

Мангон задумался. Однажды он попытался узнать у мадам Джоконды, как проходят ее репетиции, — она сменила тему и отделалась пышной, но ничего не значащей тирадой. Виделись они все реже и реже, и когда он приходил, она либо собиралась уходить, либо говорила, что устала, и старалась отделаться от него побыстрее. На свалку они больше не ездили. Все это он воспринимал как неизбежность и уверял себя, что после премьеры и триумфа она вернется к нему.

Правда, Мангон поймал себя на том, что начал

заикаться.

В день премьеры, за несколько часов до вечернего представления, Мангон отправился на Ф-стрит — как оказалось, в последний раз. Накануне они не виделись, и он хотел быть рядом и поддержать ее по мере возможности.

Свернув в переулок, чистильщик с удивлением обнаружил напротив входа два больших грузовых фургона. Четыре или пять грузчиков выносили из звукостудии мебель и огромные щиты декораций.

Мангон подбежал к ним. Один фургон был уже заставлен знакомыми вещами — платяным шкафом в стиле рококо, туалетным столиком, диваном, огромной кроватью Дездемоны, положенной вверх ножками и обернутой упаковочной бумагой. Глядя на нее, он почувствовал себя так, словно какую-то часть его самого оторвали и бесцеремонно отбросили грубые, мозолистые руки. В ярком свете дня голые, ободранные щиты лишились всякой иллюзии реальности; казалось, вместе с ними демонтировали и его отношения с мадам Джокондой.

Последний рабочий вышел из студии с золотой подушкой под мышкой и бросил ее во второй фургон. Бригадир закрыл дверцы и махнул во-

дителю.

— К-куда вы едете? — спросил Мангон.

Бригадир смерил его оценивающим взглядом.

— Ты ведь уборщик, да? — Он указал пальцем на студию: — Старушка сказала, там для тебя записка. Сам-то я ее не видел.

* * *

Мангон бросился в вестибюль и взбежал по ступенькам. В Студии-2 грузчики сорвали жалюзи, и пыльное помещение заливал серый свет. Без декораций сцена выглядела голой и бесхозной.

Он промчался по проходу. Почему мадам Джоконда решила уехать, ничего ему не сказав?

На сцене не осталось ничего. На полу валялись опрокинутые пюпитры. Плита лежала на боку, рядом с двумя или тремя старыми кастрюлями. И повсюду бумажки, пепел, пустые пузырьки.

Мангон поискал взглядом записку. Может, она приколола ее к какой-то перегородке?

В следующее мгновение оно зазвучало со стен, жестокое и короткое.

УБИРАЙСЯ, УРОДЕЦ! НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ПЫТАЙСЯ МЕНЯ УВИДЕТЬ!

Он отпрянул и даже инстинктивно попытался вскрикнуть — стены как будто накренились и

стали падать на него, — но горло застыло.

Мангон вошел в коридор под сценой около двадцати минут девятого. Судя по доносившимся туда звукам, публика уже начала прибывать и рассаживаться по местам. Студия почти заполнилась. Стучали беспорядочно каблучки, в коридоре моргал свет, музыканты на сцене настраивали инструменты.

Стараясь не привлекать внимания своим огромным футляром, Мангон проскользнул мимо техников, устанавливавших нейрофоническую аппаратуру для подключения к оркестру. Все были заняты, проверяли реле и цепи, и он добрался до суфлерской будки и проскользнул в нее незамеченным.

В будке было почти темно, и лишь кое-где лучики света процеживались сквозь розовые и белые лепестки стоящих над козырьком хризантем. Мангон запер на задвижку дверь, открыл футляр, вынул соновак и подсоединил насадку к контейнеру. Потом, подавшись вперед, осторожно раздвинул цветы.

Прямо перед собой Мангон увидел затянутую бархатом платформу с белыми металлическими перилами, перевязанными в центре цветочной лентой. Дальше размещался полукругом оркестр,

каждый из двадцати членов которого сидел за напоминающим ящик столиком с инструментом, звуковым генератором и катодно-лучевой трубкой. Все уже заняли свои места, и свет, отражаясь от экранов, бросал яркое фосфоресцирующее мерцание на серебристую стену за ними.

Мангон установил насадку соновака в проем между цветами, наклонился, воткнул вилку в розетку и включил прибор.

В восемь двадцать пять кто-то прошел через платформу и остановился перед козырьком. Мангон пригнулся и подвинулся назад, настороженно глядя на лакированные кожаные туфли и черные брюки.

— Мангон!

Он подался вперед, увидел Альто и помахал ему. Альто медленно кивнул в ответ, одновременно улыбаясь кому-то из зрителей, повернулся на каблуках и занял свое место в оркестре.

Вспыхнувшие ровно в половине девятого красные и зеленые огоньки известили о начале программы. Публика притихла, ожидая, когда ведущий объявит о начале представления.

Появившийся на сцене конферансье остановился за козырьком и обратился к зрителям. Мангон тихонько сидел на привинченном к

стене деревянном сиденье, уставившись взглядом на контейнер соновака. Публика разразилась аплодисментами, и сквозь листья хлынул ровный зеленый свет. Воздух в будке начал теплеть, прохладный и неподвижный, он закружился в вертикальном водовороте, подгоняемый давлением ритмичной ультразвуковой волны. Тесная каморка словно раздвинулась, странное гипнотическое эхо привлекло его внимание. Каким-то уголком разума Мангон понимал, что симфония уже началась, но собраться и слушать ее сознательно не мог.

Внезапно в просвете между цветами появилось что-то белое. Он соскользнул с сиденья и присмотрелся внимательнее.

Свое место на платформе заняла мадам Джоконда. Снизу, из суфлерской будки, она выглядела огромным водопадом блестящего белого атласа. На пальцах сложенных рук сверкали белые и голубые камни. Ее лицо он увидел только мельком — ужасающая, повернутая в профиль маска ведьмы, ожидающей какого-то сигнала из-за кулис.

Собравшись с силами, Мангон положил руку на кнопку пуска. Он ждал, ощущая в себе музыку симфонии Альто, неслышный накат могучей волны, ускорение темпа. По всей видимости,

аранжировщик мадам Джоконды ожидал кульминационного момента, чтобы ввести ее первую арию.

Внезапно мадам Джоконда повернулась к публике и сделала шаг к перилам. Руки ее раскрылись, голова откинулась, обнаженные плечи поднялись.

Пульсирующий фронт волны остановился на миг и взмыл в продолжительном крещендо. В ту же секунду мадам Джоконда устремила голову вперед; горловые мышцы напряглись и проступили под кожей.

И едва первый звук вырвался из ее груди, палец Мангона застыл на кнопке пуска. Мгновением позже, прежде чем он успел очнуться, сокрушительный порыв звука ворвался в его уши. Следом за ним чуть более высокая нота, словно пронзившая наполовину некий скрытый выступ на своем пути, чуть дрогнула, но тут же окрепла и устремилась дальше, как выкатившийся на рельсы экспресс.

Мангон слушал ее в оцепенении, стиснув руками корпус соновака. Голос взорвался в его мозгу, безжалостно затопил все нервные узлы клеток. Он звучал гротескной, безумной пародией на классическое сопрано. Гармония, чистота,

модуляция — ничего этого не было. Грубый, надтреснутый голос резко, не контролируя дыхательные интервалы, соскакивал с высокой ноты на более низкую; внезапные обрывы хриплого молчания, рвавшие вулканический поток, делили его на произвольно связанные секвенции бравурных пассажей.

Мангон с трудом узнал, что именно она исполняет: арию Тореадора из «Кармен». Почему мадам Джоконда выбрала именно ее, он не понимал. Будучи не в силах вытянуть высокие ноты, она сбилась на свинговый ритм рефрена, отбивая повторяющиеся фразы кивками головы. После десятка тактов темп замедлился, она сползла на импровизированное бормотание, завершив его финальным кульминационным штурмом.

Оцепенев от ужаса, Мангон увидел, как два или три музыканта поднялись со своих мест и ушли со сцены. Остальные перестали играть и, отложив инструменты, негромко переговаривались между собой. Публика явно забеспокоилась, и в паузах, когда мадам Джоконда заправляла легкие, Мангон слышал разрозненные голоса.

За спиной у него кто-то постучал в дверь. Мангон вздрогнул и едва не споткнулся о соновак. Потом наклонился, вырвал вилку из розетки,

отщелкнул зажимы под колесиками аппарата и снял контейнер, обнажив клапаны, усилитель и генератор. Осторожно подсунув пальцы под провода и катушки, он захватил их по возможности крепче и резко потянул. Потом, срывая ногти, оторвал печатную схему и с силой сжал пальцами.

Добившись своего, Мангон бросил соновак на пол, постоял, слушая напоминающий кошачий концерт визг, уже тонущий в протестующем гуле публики, и открыл дверь.

Ворвавшийся в будку Пол Меррил — его бабочка успела съехать вбок — тупо уставился на Мангона, на его пальцы, с которых капала кровь, и на разбитый соновак на полу.

Потом, схватив уборщика за плечи, он с силой тряхнул его.

— Рехнулся? Ты что делаешь?

Мангон попытался ответить, но голос не подчинялся. Оттолкнув Меррила, он вырвался в коридор.

— Постой, помоги мне починить эту штуку! — крикнул ему вслед Меррил. — Куда ты идешь? — Упав на колени перед сонованком, он попытался что-то сделать.

Из-за кулис Мангон бросил взгляд на сцену.

Мадам Джоконда все еще пела, но ее голос то-

нул в шуме зала. Половина аудитории поднялась, люди кричали что-то, явно требуя объяснений. Большинство музыкантов ушли, а те немногие, что остались, сидели за столиками и в полной растерянности смотрели на мадам Джоконду.

Директор программы, Альто и конферансье стояли перед ней и, пытаясь привлечь внимание дивы, стучали по перилам. Но мадам Джоконда никого не замечала. Закинув голову, устремив взгляд на сияющие люстры и величественно жестикулируя, она мечтательно парила, следуя за звуком, что неумолимо изливался из ее горла, величественный белый ангел диссонанса, возвращающийся в родной дом.

Секунду-другую Мангон печально смотрел на нее, потом проскользнул мимо столпившихся рабочих сцены. Выйдя из театра через служебную дверь, он увидел собравшуюся у главного входа небольшую толпу. Он вытер кровь с пальцев и перевязал их носовым платком.

Пройдя по боковой улочке к припаркованному неподалеку грузовичку, Мангон забрался в кабину и еще несколько минут сидел, глядя на яркие вечерние огни в барах и витринах. Потом открыл бардачок, порылся в нем и, достав старый блокнот, прицепил его к запястью.

Звуки пения звучали в ушах эхом воплей обезумевшей банши.

Он включил на полную соновак под приборной доской, повернул ключ зажигания и покатил в ночь.

1959

The Sound-Sweep. Первая публикация в журнале *Science Fantasy*, февраль 1960.

Перевод С. Самуйлова

Зона ужаса

Ларсен весь день ждал психолога Бейлисса, жившего в соседнем шале. Тот обещал нанести визит накануне вечером.

Характерно, что Бейлисс не указал точное время. Высокий, угрюмый, с небрежными манерами, он просто неопределенно махнул шприцем и пробормотал что-то о следующем дне, когда, вероятно, заглянет. Ларсен чертовски хорошо знал, что он непременно заглянет, дело уж слишком интересное, чтобы его пропустить. Косвенно оно значило для Бейлисса не меньше, чем и для него самого.

За исключением того, что беспокоиться пришлось Ларсену, поскольку к трем часам дня Бейлисс все еще не появился. Чем таким он занят? Наверное, просто сидит в своей гостиной с белыми стенами и кондиционером, слушая квартеты Бартока из стереопроигрывателя?

Ларсену не оставалось ничего, кроме как бродить по шале, нетерпеливо метаться из комнаты в комнату, как тревожный тигр, страдающий неврозом, да приготовить на скорую руку обед

— кофе и три таблетки амфетамина из личного тайника, о котором Бейлисс пока лишь смутно подозревал. Боже, ему нужны стимуляторы после мощных уколов барбитуратов, которые Бейлисс вколол ему из-за нападения!

Ларсен попытался успокоиться, начав читать «*Анализ психотического времени*» Кречмера, весьма увесистый том, полный графиков и таблиц, на прочтении которого настаивал Бейлисс, утверждая, что там Ларсен найдет необходимую информацию по делу. Ларсен потратил на чтение пару часов, но пока не продвинулся дальше предисловия к третьему изданию.

То и дело он подходил к окну и вглядывался сквозь пластиковую штору в поисках каких-либо признаков движения в соседнем шале. За ними простиралась пустыня, залитая солнечным светом, как огромная кость, на фоне которой красные, как кожа ацтеков, стабилизаторы «понтиака» Бейлиса вспыхивали, точно хвостовое оперение феникса. Остальные три шале пустовали. Весь комплекс находился в ведении электронной компании, в которой работали они с Бейлиссом, развлекательный центр для руководителей высшего звена и уставших *мыслителей*. Пустыня была выбрана из-за ее гипнотических

свойств, предполагаемой эквивалентности психического ноля. Два-три дня неторопливого чтения, созерцание неподвижного горизонта — и порог напряжения и тревоги опустится до полезного уровня.

«Однако, проведя здесь два дня, я едва не сошел с ума», подумалось Ларсену. Повезло, что Бейлисс оказался поблизости со своими снадобьями. Хотя он, безусловно, был уж слишком небрежным, когда дело доходило до наблюдения за пациентами. Он попросту предоставлял их самим себе. На самом деле, оглядываясь назад, именно он — Ларсен — был ответственен практически за все диагнозы. Бейлисс сделал инъекцию, усадил Кречмера перед собой и высказал несколько глубокомысленных замечаний.

«Может, он просто чего-то ждал?»

Ларсен пытался решить, позвонить ли Бейлиссу под каким-либо предлогом. Его номер — 0 по внутренней системе — так и манил его набрать. Но тут Ларсен услышал, как снаружи хлопнула дверь, и увидел высокую угловатую фигуру психолога, идущего по бетонной площадке между шале, задумчиво склонив голову под резким солнечным светом.

«Где же его чемоданчик? — почти разочарован-

но подумал Ларсен. — Только не говорите мне, что он тормозит меня барбитуратами. Может, на этот раз он попробует гипноз? А что? Сделает постгипнотическое внушение, и я в разгар бритья внезапно встану на голову».

Он впустил Бейлисса, суетясь у него под ногами, когда они прошли в гостиную.

— Где, черт возьми, вас носило? — спросил он. — Вы хоть понимаете, что уже почти четыре часа дня?

Бейлисс сел за миниатюрный письменный стол руководителя в центре гостиной и критически огляделся. Эта уловка возмутила Ларсена — такого он не смог предусмотреть.

— Конечно, понимаю. Но у меня времени в обрез. Как вы сегодня себя чувствуете? — И Бейлисс указал на стул с прямой спинкой, стоявший словно специально для пациента. — Сядьте и постарайтесь расслабиться.

Ларсен раздраженно махнул рукой:

— Как я могу расслабиться, когда торчу здесь, ожидая следующего взрыва?!

И он начал анализ последних двадцати четырех часов — занятие, которое ему нравилось, — щедро снабжая историю болезни глубокомысленными комментариями.

— На самом деле прошлой ночью было легче. Кажется, я вхожу в новую зону. Все начинает стабилизироваться, я уже не оглядываюсь все время через плечо. Я даже оставил внутренние двери открытыми, и прежде чем войти в комнату, намеренно представил ее себе, пытаясь угадать глубину и размеры, чтобы она не *удивила* меня… Раньше я открывал дверь и просто нырял внутрь, как человек, ступающий в пустую шахту лифта.

Во время рассказа Ларсен раскачивался взад-вперед, хрустя костяшками пальцев. Полуприкрыв глаза, Бейлисс наблюдал за ним.

— Я почти уверен, что больше приступов не будет, — продолжал Ларсен. — На самом деле мне, вероятно, лучше всего вернуться на завод. В конце концов, нет смысла торчать здесь бесконечно. Я чувствую себя более-менее в порядке.

Бейлисс кивнул.

— Но в таком случае почему вы так взвинчены? — спросил он.

Ларсен раздраженно стиснул кулаки. Он почти слышал, как бьется артерия на виске.

— Я *не взвинчен*! Ради бога, Бейлисс, я думал, передовые достижения психиатрии состоят в том, что психиатр и пациент разделяют между собой болезнь, забывают о своей идентичности

и берут на себя *равную ответственность*! Вы же пытаетесь уклониться…

— Нет, — твердо отрезал Бейлисс. — Ничего я не пытаюсь. Я принимаю на себя полную ответственность за вас. И поэтому хочу, чтобы вы оставались здесь, пока не смиритесь со всем происходящим.

— Ну надо же! — фыркнул Ларсен. — Теперь вы хотите представить происходящее как эпизод из фильма ужасов! Все, что у меня было, — простая галлюцинация. Впрочем, я даже не уверен, что именно галлюцинация. — Он махнул рукой на окно. — Внезапно распахнулась гаражная дверь в ярком солнечном свете… Это могла промелькнуть тень.

— Вы описали его довольно точно, — заметил Бейлисс. — Цвет волос, усов, одежду, которая была на нем…

— Мозг мог додумать все это позже. Детали в снах тоже бывают точны. — Ларсен подвинул стул и подался вперед через стол. — И еще одно. Мне кажется, вы не совсем откровенны.

Их взгляды встретились. Некоторое время Бейлисс внимательно изучал Ларсена и заметил его расширенные зрачки.

— Ну, так что? — настаивал Ларсен.

Бейлисс застегнул пиджак и направился к двери.

— Я зайду завтра. А пока постарайтесь немного расслабиться. Я не пытаюсь встревожить вас, Ларсен, но проблема может оказаться гораздо сложнее, чем вы себе представляете. — Он кивнул и выскользнул из комнаты, прежде чем Ларсен успел ответить.

Ларсен подошел к окну и сквозь жалюзи наблюдал, как психолог скрылся в своем шале. На мгновение чуть потускнев, солнечный свет снова ярко залил все вокруг. Через несколько минут над площадкой понеслись звуки квартета Бартока.

Ларсен вернулся к столу и сел, агрессивно выставив локти вперед. Бейлисс раздражал его своей невротической музыкой и неточными диагнозами. Ларсен чувствовал искушение немедленно сесть в машину и поехать обратно на завод. Однако, строго говоря, психолог был выше Ларсена по званию и, вероятно, имел над ним исполнительную власть, пока тот находился в шале, особенно учитывая, что пять дней Ларсен провел здесь за счет компании.

Он обвел взглядом тихую гостиную, наблюдая за прохладными горизонтальными тенями, отбрасываемыми на стены, и прислушиваясь

к тихому, успокаивающему гудению кондиционера.

Спор с Бейлиссом его взбодрил, Ларсен чувствовал себя собранным и уверенным. Но все же остатки напряжения и неловкости все еще оставались, и ему было трудно оторвать взгляд от открытых дверей в спальню и кухню.

Ларсен приехал в шале пять дней назад, измученный и переутомленный, буквально на грани полного нервного срыва. В течение трех месяцев он без перерыва работал над программированием сложной схемы огромного симулятора мозга, который подразделение передовых разработок компании создавало для одного из крупнейших психиатрических фондов. Это была точная электронная копия центральной нервной системы, каждый спинномозговой уровень которой был представлен одним компьютером, а другие компьютеры содержали банки памяти, в которых кодировались и хранились сон, напряжение, агрессия и прочие психические функции, своего рода строительные блоки, которые можно воспроизвести в симуляторе ЦНС для построения моделей состояний диссоциации и синдромов… Собственно, как и любого психического комплекса по запросу.

Бейлисс и его помощники неусыпно наблюдали за проектными группами, работавшими над симулятором, и еженедельные тесты показали растущий уровень усталости Ларсена. В конце концов Бейлисс отстранил его от проекта и отправил в пустыню на два-три дня восстанавливать силы.

Ларсен был рад уехать. Первые два дня он бесцельно слонялся по пустому шале, приятно одурманенный барбитуратами, прописанными ему Бейлиссом, смотрел на белое покрывало пустыни, ложился спать в восемь и спал до полудня. Каждое утро из соседнего городка приезжала уборщица, прибиралась и оставляла продукты вместе с распечаткой меню, но Ларсен никогда ее не видел. Впрочем, он был рад побыть один.

Намеренно никого не встречая, позволяя естественным ритмам мозга восстановиться, Ларсен знал, что скоро поправится.

Однако на деле первый же человек, которого Ларсен увидел, вышел к нему, казалось, прямо из ночных кошмаров.

Он до сих пор с содроганием вспоминал ту встречу.

На третий день пребывания в шале Ларсен решил после обеда съездить в пустыню и по-

смотреть на старую кварцевую шахту в одном из каньонов. Поездка планировалась двухчасовой, и Ларсен приготовил термос с мартини и льдом. Гараж примыкал к шале, располагался в стороне от входа на кухню и был оснащен рулонной стальной дверью, которая поднималась вертикально и, загибаясь, уходила под крышу.

Ларсен запер за собой шале, затем поднял дверь гаража и выехал на площадку. Возвращаясь за термосом, который оставил на скамейке в задней части гаража, он заметил полную канистру бензина в тени угла. На мгновение Ларсен остановился, подсчитывая в уме уже пройденный километраж, и решил взять канистру с собой. Так, на всякий случай. Он отнес ее к машине, затем повернулся, чтобы закрыть дверь гаража…

Рулон двери не успел полностью опуститься и был теперь до уровня подбородка. Навалившись всем весом на ручку, Ларсен сумел сдвинуть ее вниз на несколько дюймов, но инерция была слишком велика. Солнечный свет, отражавшийся от стальных панелей, слепил глаза.

Сунув ладони под дверь, Ларсен слегка дернул ее вверх, чтобы придать больший импульс движению вниз.

Пространство было небольшим, не более шести

дюймов, но этого как раз хватило, чтобы Ларсен заглянул в полутемный гараж.

В тени у задней стены рядом со скамейкой пряталась неясная, но тем не менее безошибочно узнаваемая человеческая фигура. Она была неподвижна. Безвольно опустив руки по бокам, незнакомец словно наблюдал за Ларсеном. На нем были светло-кремовый костюм, покрытый пятнами тени, придававшими ему странный фрагментарный вид, аккуратная синяя спортивная рубашка и двухцветные туфли. Человек коренастого телосложения, с густой щеточкой усов, пухлым лицом и глазами, пристально смотревшими на Ларсена, казалось, уставился куда-то Ларсену через плечо.

Все еще держась обеими руками за дверь, Ларсен в свою очередь уставился на него, разинув рот. Мало того что у человека не было никакой возможности проникнуть в гараж — не было там ни окон, ни боковых дверей, — но в самой его позе чудилось что-то агрессивное.

Ларсен уже собирался окликнуть его, когда незнакомец шевельнулся двинулся вперед и шагнул прямо к нему из тени.

Ошеломленный Ларсен попятился. Темные пятна на костюме мужчины оказались вовсе не

тенями, а контурами верстака прямо за ним.

Тело и одежда мужчины были *прозрачными*.

Встряхнувшись, Ларсен схватился за дверь гаража и с силой опустил — почти швырнул — ее вниз, захлопнул обеими руками и, упершись коленями, защелкнул засов.

Полупарализованный судорогой, едва дыша, в промокшем от пота костюме, Ларсен все еще придерживал дверь, когда тридцать минут спустя на площадку въехал Бейлисс…

Ларсен раздраженно побарабанил пальцами по столу, встал и пошел на кухню. Нейтрализовав барбитураты, таблетки амфетамина начали вызывать у него беспокойство и перевозбуждение. Ларсен включил кофеварку, тут же выключил ее, вернулся в гостиную и сел на диван с книгой Кречмера.

Он прочел несколько страниц, теряя терпение. Трудно было понять, какой свет Кречмер вообще мог пролить на проблему Ларсена. Большинство историй болезни в книге описывали глубокую шизофрению и необратимую паранойю. Собственная же проблема Ларсена казалась гораздо более поверхностной, обычное кратковременное отклонение от нормы из-за перегрузки. Почему же Бейлисс не видит этого? По какой-то причине

он как будто бессознательно желает серьезного кризиса — вероятно, потому, что он, психолог, втайне хочет стать пациентом.

Ларсен отложил книгу и посмотрел в окно на пустыню. Внезапно шале показалось ему темным и тесным, вызывающим клаустрофобию средоточием подавленной агрессии. Он встал, направился к двери и вышел на чистый открытый воздух.

Сгруппированные неплотным полукругом домики, казалось, прижались к земле, когда он подошел к краю бетонной площадки, находящейся в сотне метров.

Далекие горы взметнулись в невообразимую высь. Стоял поздний вечер, на грани сумерек, небо все еще было ярко-голубым, но на пустыню легли огромные полосы тени, протянувшиеся от гор к закатному солнцу. Ларсен оглянулся на шале. Там не было никакого движения, кроме слабого нестройного эха музыки, которую слушал Бейлисс. И внезапно вся сцена показалась вдруг Ларсену нереальной.

Размышляя об этом, Ларсен почувствовал, как что-то сдвинулось в его сознании. Неопределенное ощущение, как ожидаемый сигнал, который так и не мог материализоваться, словно забытое

намерение. Ларсен попытался вспомнить, выключил ли он кофеварку, но не смог.

Он пошел обратно к шале, заметив, что оставил дверь кухни открытой. Проходя мимо окна гостиной, чтобы закрыть дверь, он заглянул внутрь.

На диване, скрестив ноги, кто-то сидел. Лицо гостя было скрыто томиком Кречмера. На мгновение у Ларсена мелькнула мысль, что это Бейлисс зашел к нему, и он пошел дальше к кухне, решив сварить кофе для них обоих. Затем вдруг заметил, что музыка в шале Бейлисса все еще играет.

Осторожно ступая, он вернулся к окну гостиной. Лицо сидящего по-прежнему оставалось скрытым, но одного взгляда хватило, чтобы понять — это *не Бейлисс*. На нем были тот же кремовый костюм, который Ларсен видел два дня назад, и те же двухцветные туфли. Но на сей раз гость не был галлюцинацией. Его руки и одежда явно были материальными и осязаемыми. Он поерзал на диване, смяв одну из подушек, и перевернул страницу книги, разгибая руками корешок.

Пульс участился, Ларсен вцепился в подоконник.

Что-то в этом человеке, в его позе, в том, как он держит книгу, убедило Ларсена, что именно его он видел во время их мимолетной встречи

в гараже.

Затем человек опустил книгу и бросил ее на диван рядом с собой, откинулся назад и посмотрел в окно. Причем глядел он куда-то в нескольких дюймах мимо лица Ларсена.

Словно загипнотизированный, Ларсен уставился на него. Без сомнения, теперь он узнал этого человека: пухлое лицо, нервные глаза, слишком густые усы. Теперь наконец-то он ясно увидел его и понял, что знает его слишком хорошо, лучше, чем кого-либо другого на Земле.

Этим человеком был он сам.

Бейлисс убрал шприц в чемоданчик, а чемоданчик поставил на крышку стереопроигрывателя.

— Галлюцинация — совершенно ненаучный термин, — сказал он Ларсену, который растянулся на диване Бейлисса, неторопливо потягивая горячий виски из стакана. — Перестаньте использовать его. Психоретинальное изображение поразительной силы и отчетливости — да, но не галлюцинации.

Ларсен слабо махнул рукой. Час назад он ввалился в шале Бейлисса, буквально трясясь от страха. Бейлисс успокоил его, затем потащил обратно по площадке к окну гостиной и заставил признать, что воображаемый двойник исчез. Бей-

лисс нисколько не удивился личности призрака, и это тревожило Ларсена почти столь же сильно, как и сама галлюцинация. Какой еще козырь Бейлисс прячет в рукаве?

— Я удивлен, что вы сами не поняли этого раньше, — заметил Бейлисс. — Ваше описание человека в гараже было таким очевидным — тот же кремовый костюм, те же туфли и рубашка, не говоря уже о точном физическом сходстве вплоть до усов.

Немного придя в себя, Ларсен сел, разгладил кремовый габардиновый костюм и отряхнул пыль с коричнево-белых туфель.

— Спасибо, что пояснили мне, — проворчал он. — Теперь вам остается лишь сообщить мне, кто он такой.

Бейлисс опустился в кресло.

— Что вы имеете в виду, говоря *кто он*? Он — это, конечно же, вы.

— Знаю! Но почему, зачем он вдруг появился? Боже, я, должно быть, схожу с ума!..

Бейлисс прищелкнул пальцами.

— Да вовсе нет. Возьмите себя в руки! У вас чисто функциональное расстройство, нечто вроде двоения в глазах или амнезии, и ничего более серьезного. Будь иначе, я бы давным-давно

вытащил вас отсюда. Возможно, мне все равно следовало бы это сделать, но мне кажется, мы сможем найти безопасный выход из лабиринта, в котором вы находитесь. — Он достал из нагрудного кармана записную книжку. — Ну-ка, поглядим, что у нас есть. Теперь выделяются две особенности. Во-первых, призрак — это вы сами. В этом нет никаких сомнений, он точная копия вас. Однако, что еще важнее, он — это вы, причем именно такой, как сейчас, ваша точная современная копия, неидеализированная и неприукрашенная. Он не сияющий герой суперэго или изможденный седобородый человек из инстинкта смерти[15]. Он просто ваш фотографический двойник. Нажмите пальцем на глазное яблоко, и вы увидите моего двойника. Ваш двойник не более необычен, за исключением того, что смещение происходит не в пространстве, а во времени. Видите ли, второе, что я заметил в вашем искаженном описании призрака, то, что он не только ваш фотографический двойник, но и делает в точности то, что вы сами делали несколькими минутами ранее. Человек в гараже стоял у верстака, как раз там, где вы стояли, раздумывая, брать ли канистру

[15] Примечания: 15
Подсознательное стремление человека к смерти.

с бензином. Опять же, человек, читающий на диване, просто в точности повторил то, что вы делали с той же книгой пятью минутами ранее. Он даже выглянул в окно, как, по вашим словам, сделали вы перед выходом на прогулку.

Ларсен кивнул, потягивая виски.

— Вы намекаете, что галлюцинация — просто мое воспоминание?

— Совершенно верно. Поток изображений с сетчатки, идущий по зрительному нерву, представляет собой не что иное, как своего рода ленту. Каждое изображение хранится отдельно, на тысячах барабанов, в течение ста тысяч часов. Обычно такие флешбэки являются преднамеренными, когда мы сознательно выбираем несколько размытых кадров из нашей личной фильмотеки, например, сцену детства, образ улиц нашего района, которые носим с собой весь день на поверхности сознания. Но слегка наклоните проектор — и это может привести к перенапряжению, отбросьте его на несколько сотен кадров назад, и вы наложите совершенно неуместную полосу уже экспонированной пленки. В вашем случае — изображение себя самого, сидящего на диване. Именно кажущаяся неуместность так пугает.

— Минутку! — Ларсен взмахнул бокалом. — Когда я сидел на диване и читал Кречмера, я ведь видел себя не больше, чем вижу сейчас. Так откуда же взялись наложенные изображения?

Бейлисс отложил блокнот.

— Не воспринимайте аналогию с кинопленкой слишком буквально. Вы можете не видеть себя сидящим на диване, но ваше осознание того, что вы там сидите, столь же мощно, как и любое визуальное подтверждение. Потоки тактильных, позиционных и психических образов и формируют реальное хранилище данных. Требуется лишь небольшая экстраполяция, чтобы переместить точку обзора наблюдателя на несколько ярдов в другой конец комнаты. В любом случае чисто визуальные воспоминания никогда не бывают совершенно точны.

— А как вы объясните, почему человек, которого я видел в гараже, был прозрачным?

— Все очень просто. Тогда процесс только начинался, интенсивность изображения была слабой. То, что вы видели сегодня днем, стало гораздо сильнее. Я намеренно прекратил давать вам барбитураты, прекрасно зная, что стимуляторы, которые вы принимали тайком, могли бы вызвать какой-нибудь эффект, если бы им позволили

действовать без сопротивления. — Он подошел к Ларсену, взял его бокал и снова наполнил из графина. — Однако давайте подумаем о будущем. Самым интересным аспектом такого является свет, проливающийся на один из древнейших архетипов человеческой психики — призраков, а также всю сверхъестественную армию фантомов, ведьм, демонов и так далее. Являются ли они на самом деле не более чем психоретинальными воспоминаниями, транспонированными образами самого наблюдателя, выброшенными на экран сетчатки глаза страхом, тяжелой утратой или религиозной одержимостью? Самое примечательное в большинстве призраков то, насколько они прозаично экипированы по сравнению со сложными литературными произведениями великих мистиков и мечтателей. Туманно-белая простыня, вероятно, вполне может оказаться ночной рубашкой самого наблюдателя. Тут нам открывается интересное поле для размышлений. Например, возьмите самое знаменитое привидение в литературе и поразмыслите, насколько больше смысла приобретает Гамлет, если вы поймете, что призрак убитого отца на самом деле сам Гамлет.

— Ладно, ладно, — раздраженно перебил его

Ларсен. — Но как это поможет мне?

Бейлисс прервал задумчивое хождение взад-вперед по комнате и устремил взгляд на Ларсена:

— Как раз к этому я и подхожу. Есть два метода борьбы с вашей дисфункцией. Классический метод заключается в том, чтобы накачать вас транквилизаторами и уложить в постель примерно на год. Постепенно ваш разум восстановится. Это долгая работа, скучная для вас и окружающих. Альтернативный метод, честно говоря, экспериментальный, но думаю, он может сработать. Я упомянул феномен призрака, потому что тут есть интересный факт: хотя были зарегистрированы десятки тысяч случаев, когда призраки преследовали людей, а нескольких призраков преследовали сами люди, не было ни единого случая, когда призрак и наблюдатель встречались по собственной воле. Скажите, что бы произошло, если бы, увидев сегодня днем вашего двойника, вы прошли бы прямо в гостиную и заговорили с ним?

Ларсен вздрогнул.

— Очевидно, ничего… если ваша теория верна. Но мне бы не хотелось проверять ее.

— Именно это вам и предстоит сделать. Не

паникуйте! В следующий раз, когда увидите двойника, сидящего в кресле и читающего Кречмера, подойдите и заговорите с ним. Если он не ответит, сядьте в кресло. Это все, что вам нужно сделать.

Ларсен вскочил, взмахнув руками.

— Ради всего святого, Бейлисс, вы что, с ума сошли? Да знаете ли вы, каково это — внезапно увидеть себя самого? Все, что хочется сделать, — убежать!

— Понимаю, но это худшее, что вы можете сделать. Почему каждый раз, когда кто-то сталкивается с призраком, тот всегда мгновенно исчезает? Потому что принудительное занятие тех же физических координат, что и у двойника, снова переключает психический проектор на единый канал. Два отдельных потока изображений на сетчатке совпадают и сливаются. Вы должны попытаться, Ларсен! Да, это потребует от вас немалых усилий, но зато вы излечитесь раз и навсегда.

— Безумие, — упрямо покачал головой Ларсен и про себя добавил: «Уж лучше я застрелю эту тварь».

Тут он вспомнил о револьвере 38-го калибра у себя в чемодане, и одна мысль об оружии успокоила его надежнее, чем все лекарства и советы

Бейлисса. Револьвер был простым символом агрессии, и даже если фантом — всего лишь вторгшийся в его разум образ, револьвер придавал той части, которая все еще оставалась неколебимой, большую уверенность, возможно, даже достаточную, чтобы рассеять силы двойника.

С полузакрытыми от усталости глазами он продолжал слушать Бейлисса, а полчаса спустя вернулся в свое шале, нашел револьвер и спрятал его под журналом в почтовом ящике, висевшем снаружи на двери. Револьвер был слишком заметен, чтобы носить его с собой, к тому же можно случайно выстрелить и пораниться. Зато на двери он был надежно спрятан и в то же время легкодоступен и готов по старомодному обычаю наказать любого двойника, если тот появится вновь.

Два дня спустя такая возможность неожиданно представилась.

Бейлисс поехал в город, чтобы купить новую иглу для стереопроигрывателя, оставив Ларсена готовить для них обед, пока его не будет. Ларсен притворился, что его возмущает такая рутинная работа, но втайне был рад хоть какому-то занятию.

Он устал слоняться по домику, пока Бейлисс

наблюдал за ним, как за подопытным зверьком, с нетерпением ожидая следующего кризиса. Если повезет, его могло и не произойти, хотя бы назло Бейлиссу, у которого было уж все слишком по-своему.

Накрыв в гостиной Бейлисса стол и приготовив побольше льда для мартини — алкоголь, как с готовностью решил Ларсен, является прекрасным средством от депрессии, — он вернулся в свое шале и надел чистую рубашку. Повинуясь внезапному порыву, решил также сменить одежду и достал костюм из синей офисной саржи и черные туфли на шнурках, которые надевал, отправляясь в пустыню. Он сделал это не только потому, что воспоминания о кремовом костюме и спортивной обуви были неприятными, но и решив, что смена костюма вполне может предотвратить повторное появление двойника, создать свежий психический образ себя самого, достаточно мощный, чтобы подавить любые надуманные версии. Осмотрев себя в зеркале, Ларсен решил пойти еще дальше, включил бритву и подстриг усы. Затем подрезал волосы и гладко зачесал их назад, на макушку.

Перевоплощение было эффективным. Когда Бейлисс вылез из машины и вошел в гостиную,

то с трудом узнал Ларсена. Он отпрянул при виде прилизанной фигуры в темном костюме, вышедшей из кухонной двери.

— Во что, черт возьми, вы играете? — рявкнул он Ларсену. — Сейчас не время для розыгрышей. — Затем он критически оглядел Ларсена: — Вы похожи на дешевого детектива.

Ларсен расхохотался. Инцидент привел его в приподнятое настроение, а после нескольких бокалов мартини он почувствовал себя чрезвычайно жизнерадостным. За едой он все быстро рассказал. Однако, как ни странно, Бейлисс, казалось, стремился избавиться от него. Ларсен понял почему, вскоре после того, как вернулся в свое шале. Его пульс тут же участился. Он обнаружил, что нервно расхаживает по комнате, его мозг, казалось, заработал сверхактивно, в ускоренном режиме. Мартини лишь отчасти был причиной такого приподнятого настроения. Теперь, когда эффект выпивки прошел, Ларсен понял, что Бейлисс тайком подсунул ему стимулятор в надежде ускорить очередной кризис.

Ларсен стоял у окна, сердито глядя на шале Бейлисса. Полное отсутствие угрызений совести психолога возмутило его. Он нервно забарабанил по шторе. Внезапно Ларсену ужасно захотелось

послать все к чертям и убраться отсюда. Шале с его тонкими, как фанера, стенами и мебелью словно из спичечных коробков было не более чем картонным убежищем. Все, что тут произошло, срывы и кошмарные призраки, вероятно, были намеренно подстроены Бейлиссом.

Ларсен заметил, что стимулятор на этот раз оказался чрезвычайно мощным. Взлет воодушевления был устойчивым и непрерывным. Он безнадежно попытался расслабиться, пошел в спальню, пнул ногой чемодан и, сам того не осознавая, выкурил две сигареты подряд.

Наконец, не в силах больше сдерживаться, он захлопнул входную дверь и побежал через площадку, полный решимости выяснить отношения с Бейлиссом и потребовать немедленно выдать ему успокоительное.

Однако гостиная Бейлисса была пуста. Ларсен прошел на кухню, затем в спальню и, к своему раздражению, обнаружил, что Бейлисс принимает душ. Несколько минут он побродил по гостиной, затем решил подождать в своем шале.

Опустив голову, он быстрым шагом пересек площадку, залитую ярким солнечным светом, и был лишь в нескольких шагах от темного дверного проема, когда заметил, что там стоит и

наблюдает за ним человек в синем костюме.

Сердце Ларсена подпрыгнуло, он отпрянул, узнав двойника еще до того, как полностью смирился со сменой костюма, с гладко выбритым лицом и измененными усиками. Человек нерешительно стоял, разминая пальцы, и, казалось, вот-вот шагнет в солнечный свет.

Ларсен находился примерно в десяти шагах от него, на одной линии с дверью Бейлисса.

Он попятился, одновременно сворачивая влево, к подветренной стороне гаража. Там он остановился и взял себя в руки. Двойник все еще колебался в дверях, дольше — Ларсен был уверен, — чем стоял бы он сам.

Ларсен взглянул ему в лицо, испытывая отвращение не столько от абсолютной точности изображения, сколько от странного свечения, придававшего чертам двойника восковой блеск трупа. Именно неприятный блеск удерживал Ларсена. Двойник находился на расстоянии вытянутой руки от почтового ящика с пистолетом 38-го калибра, и ничто не могло заставить Ларсена приблизиться к нему.

Тогда Ларсен решил войти в шале и наблюдать за двойником сзади. Но вместо того чтобы воспользоваться кухонной дверью, ведущей в

гостиную справа от двухместного номера, он обогнул гараж, чтобы забраться внутрь через окно спальни на дальней стороне домика.

Он пробирался через груду старого строительного мусора и колючую проволоку за гаражом, когда услышал чей-то голос:

— Ларсен, идиот, ты что делаешь?!

Это был Бейлисс, высунувшийся из окна ванной. Ларсен споткнулся, с трудом восстановил равновесие и сердито отмахнулся от Бейлисса. Тот только покачал головой и еще дальше высунулся наружу, вытирая шею полотенцем.

Ларсен вернулся по своим следам, сделав Бейлиссу знак молчать. Он уже пересекал пространство между стеной гаража и ближним углом шале Бейлисса, когда краем глаза заметил фигуру в темном костюме, стоявшую спиной к нему в нескольких метрах от двери гаража.

Двойник переместился! Ларсен остановился, забыв о Бейлиссе, и настороженно наблюдал за двойником. Тот стоял на цыпочках, как Ларсен всего минуту назад, приподняв локти, и, будто защищаясь, размахивал руками. Его глаза не были видны, но казалось, он смотрит на входную дверь шале Ларсена.

Взгляд Ларсена машинально переместился на

дверной проем.

Первоначальная фигура в синем костюме по-прежнему стояла там, глядя из тени на солнечный свет.

Значит, теперь уже не один двойник, а целых два!..

Какое-то мгновение Ларсен беспомощно смотрел на две фигуры, стоявшие по обе стороны от площадки, как полуожившие манекены в музее восковых фигур.

Фигура, стоявшая к нему спиной, внезапно развернулась на каблуках и быстро направилась к нему. Она невидящим взглядом смотрела на Ларсена, солнечный свет освещал ее лицо. С ужасом Ларсен впервые заметил совершенное сходство двойника — те же пухлые щеки, та же родинка у правой ноздри, белая верхняя губа с тем же маленьким порезом от бритвы там, где он недавно сбрил усы. Прежде всего он распознал состояние шока у двойника, нервно поджатые губы, напряженные жилки на шее и лицевых мышцах, а также осунувшееся под маской сходства лицо.

Со сдавленным вскриком Ларсен развернулся и бросился бежать.

Остановился он примерно в двухстах метрах в пустыне за краем площадки. Задыхаясь, опустил-

ся на одно колено за узким выступом песчаника и оглянулся на шале. Второй двойник обходил гараж, продираясь сквозь путаницу старой проволоки. Первый пересекал пространство между шале.

Не обращая внимания на обоих, Бейлисс боролся с окном ванной, стараясь отодвинуть раму так, чтобы увидеть пустыню.

Пытаясь удержаться на дрожащих ногах, Ларсен вытер рукавом куртки лицо. Итак, Бейлисс был прав, хотя никогда не предполагал, что во время одной атаки можно увидеть более одного изображения. Но в действительности Ларсен создал два изображения подряд, каждое в критической фазе в течение последних пяти минут. Размышляя, стоит ли ждать, пока изображения исчезнут, Ларсен вспомнил о револьвере в почтовом ящике. Это была его единственная надежда, какой бы иррациональной она ни казалась. С ее помощью Ларсен смог бы проверить окончательную достоверность двойников.

Выступ шел по диагонали до самого края площадки. Пригнувшись, Ларсен побежал вдоль него, время от времени останавливаясь, чтобы следить за происходящим. Два двойника все еще занимали свои позиции, хотя Бейлисс закрыл

окно и исчез.

Ларсен добрался до края площадки, сооруженной на неглубоком возвышении примерно в футе от пустыни, и двинулся вдоль ее края туда, где старая пятидесятигаллоновая бочка давала выгодную точку обзора. Чтобы добраться до револьвера, он решил обойти шале Бейлисса с дальней стороны, где обнаружил бы, что дверной проем его домика не охраняется, если не считать двух часовых у гаража.

Он уже собирался шагнуть вперед, когда что-то заставило его оглянуться через плечо.

Прямо к нему по выступу, опустив голову и почти касаясь руками земли, бежало огромное крысоподобное существо. Через каждые десять-пятнадцать метров оно на мгновение останавливалось и смотрело на шале. Ларсен мельком увидел лицо, безумное, перепуганное лицо, еще одну копию его собственного.

— Ларсен! Ларсен!

Бейлисс стоял у шале, махая рукой куда-то в пустыню.

Ларсен оглянулся на мчащегося к нему призрака, находившегося теперь всего в тридцати шагах, затем вскочил и, пошатываясь, направился к Бейлиссу.

Бейлисс крепко схватил его за руки.

— Ларсен, что с вами? У вас приступ?

Ларсен указал на окружающие фигуры.

— Остановите их, Бейлисс, ради бога, остановите, — выдохнул он. — Я не могу от них отделаться.

Бейлисс грубо встряхнул его.

— Ты видишь *больше* одного двойника? Где они? Покажи мне!

Ларсен указал на две светящиеся фигуры, стоящие рядом с шале, затем вяло махнул рукой в сторону пустыни:

— У гаража… И вон там, у стены… А на том гребне укрылся еще один.

Бейлисс стиснул ему руку.

— Ну же, давай, Ларсен! Нужно встретиться с ними лицом к лицу. Бежать бесполезно.

Он попытался потащить Ларсена к гаражу, но тот повалился на бетон.

— Не могу, Бейлисс… Поверьте мне, *не могу*. У меня в почтовом ящике лежит револьвер. Принесите его мне. Это единственный способ.

Бейлисс помедлил, глядя на Ларсена сверху вниз.

— Ладно. Держитесь пока.

Ларсен указал на дальний угол шале Бейлисса:

— Я подожду вас вон там.

Полурысью Ларсен заковылял к углу. На полпути споткнулся о валявшиеся на земле остатки лестницы и подвернул правую лодыжку, попавшую между перекладинами.

Поджав ногу, он сел как раз в тот момент, когда между домиками появился Бейлисс с револьвером в руке. Он огляделся в поисках Ларсена, который откашлялся, готовясь позвать его.

Но прежде, чем Бейлисс успел открыть рот, Ларсен увидел, как двойник, следовавший за ним вдоль гребня, выскочил из-за бочки и, спотыкаясь, направился по бетонному полу прямо к Бейлиссу. Он был взъерошенным, измученным, в куртке с полуоторванным рукавом. Узел галстука съехал ему за ухо. Двойник все еще преследовал Ларсена, идя за ним по пятам, как одержимая тень.

Ларсен снова попытался позвать Бейлисса, но от того, что он увидел, у него сперло в горле.

Бейлисс смотрел на двойника.

Ларсен встал, ощущая внезапное предчувствие ужаса. Он попытался помахать Бейлиссу, но тот пристально глядел на двойника, который указывал на других поблизости, и кивал ему в знак явного согласия.

— Бейлисс!

Выстрел заглушил его крик. Бейлисс выстрелил куда-то между гаражами, и эхо выстрела прокатилось по площадке. Двойник все еще стоял рядом, указывая во все стороны. Бейлисс поднял револьвер и снова выстрелил. Звук удара пули о бетон заставил Ларсена почувствовать себя оглушенным и ослабевшим.

Теперь Бейлисс тоже видел образы, но не себя, а Ларсена, на котором были сосредоточены в течение последних недель его мысли. В сознании Бейлисса снова и снова повторялся эпизод, когда Ларсен, спотыкаясь, подошел к нему и указал на призраки в тот самый момент, когда Бейлисс вернулся с револьвером и искал цель.

Ларсен начал отползать, пытаясь добраться до угла. В воздухе прогрохотал третий выстрел, вспышка отразилась в окне ванной.

Он почти добрался до угла, когда услышал крик Бейлисса. Опершись о стену рукой, Ларсен оглянулся.

Открыв рот, Бейлисс дико уставился на него, сжимая в руке, как бомбу, револьвер. Рядом с ним спокойно стояла фигура в синем костюме, поправляя галстук. Наконец, Бейлисс понял, что видит два изображения Ларсена: одно рядом с

собой, другое в двадцати футах от него, на фоне шале.

Но откуда ему знать, кто из них настоящий Ларсен?

Уставившись на Ларсена, Бейлисс, казалось, не мог принять решение.

Затем двойник, стоявший у него за плечом, поднял руку и указал Ларсену на угловую стену, на которую он сам указывал минутой ранее.

Ларсен попытался закричать, затем бросился к стене и поковылял вдоль нее. Позади по бетону застучали шаги Бейлисса.

Ларсен услышал только первый выстрел из трех.

1959

Zone of Terror. Первая публикация в журнале *New Worlds*, март 1960.

Перевод А. Бурцева

Хронополь

Слушание должно было состояться завтра, но когда точно — Ньюман Конрад не знал.

Собственно, *никто* не знал. Вероятно, все случится во второй половине дня, когда заинтересованным лицам — судье, присяжным, прокурору — удастся собраться в одном зале суда в одно и то же время. Если повезет, его адвокат тоже сможет явиться в нужный момент; хотя исход дела казался до ужаса предрешенным и Ньюман на защитника даже не уповал — станет ли тот ради него утруждать себя? Транспортировка в старый пенитенциарный комплекс и обратно, как известно, — дело хитрое; кроме того, она подразумевала для каждого визитера долговременное ожидание пропуска в грязном депо под стенами тюрьмы.

Ньюман проводил тут время с пользой. К счастью, окна его камеры выходили на юг, и солнечный свет проникал внутрь большую часть дня. Ньюман разделил кривую траектории движения света на десять равных отрезков, обозначив приблизительные периоды дня, — и

отметил все эти промежутки с помощью куска известки, отколупанного с подоконника. Каждый сегмент он далее разделил на двенадцать более мелких секторов.

Так у него появились рабочие часы с точностью буквально до минуты — окончательное деление еще на пять долей он производил мысленно. Цепочка белых насечек, изгибающихся вдоль одной стены, пересекающих пол и металлическую спинку кровати и поднимающихся по другой стене, была бы заметна любому, кто встал бы спиной к окну, но этого никто никогда не делал. Охранники слишком глупы, чтобы понять, что к чему. Солнечные часы давали Ньюману огромное преимущество перед ними. Большую часть времени он или выверял циферблат, или стоял, прижавшись спиной к решетке и не сводя глаз с дежурки, где сидела охрана.

— Брок! — окрикивал он в четверть восьмого, когда «теневая стрелка» касалась первого интервала. — Утренняя проверка! Вставай, парень! — И сержант Брок весь в поту, спотыкаясь, поднимался со своей койки, проклиная других надзирателей, пока воздух сотрясал звонок на подъем.

Позже Ньюман оглашал и другие мероприя-

тия из ежедневного расписания: перекличка, уборка коек, завтрак, зарядка и так далее, вплоть до вечерней переклички перед наступлением сумерек. Брок регулярно получал награду «Образцовый смотритель» за отменную дисциплину во вверенном ему тюремном блоке и всячески полагался на Ньюмана — тот планировал за него день, предвидел следующий пункт в расписании и предупреждал, если время какого-либо из пунктов затягивалось. В других корпусах уборку обычно «укладывали» в прокрустово ложе трех минут, а прогулка могла продолжаться часами, так как заключенные, пользуясь тем, что никто из тюремщиков не знает, когда ее пора заканчивать, делали вид, будто она только началась.

Брок никогда не спрашивал, как Ньюман так точно все организовал; раз или два в неделю, когда шел дождь или было пасмурно, Ньюман бывал странно молчалив, и возникавшая из-за этого путаница убедительно напоминала сержанту о преимуществах сотрудничества. Ньюману были предоставлены удобная камера и все необходимые сигареты. Жаль, что ему все-таки назначили дату судебного заседания.

Ньюман тоже сожалел. Большинство его исследований оставались безрезультатными до сих

пор. Если его заставят отсиживать срок в камере с окном на север, он больше не сможет определять время. Угол наклона теней на прогулочных площадках или на башнях и стенах города давал слишком приблизительные показания. Способы калибровки обретут вид визуально воспринимаемых знаков — да таких, какие даже самый ленивый тюремщик запросто обнаружит.

Все, что ему требовалось, — внутренние часы, бессознательно работающий психический механизм, управляемый, скажем, ритмами его пульса или дыхания. Ньюман пытался развить свое чувство времени. Он провел серию сложных тестов, оценивая минимальную «встроенную погрешность» у самого себя — и она оказалась разочаровывающе большой. Шансы выработать «рефлексы хронометра» казались ничтожными.

Однако, если он не сможет определить точное время в любой момент, сойдет с ума.

Одержимость, приведшая его к обвинению в убийстве, проявилась достаточно невинно. Ребенком, как и все дети, он иногда замечал старинные башни с часами, белым кругом с двенадцатью интервалами. В более нищих районах города над дешевыми ювелирными магазинами часто висели ржавые круглые циферблаты — без

стрелок.

— Это просто символы, — объяснила ему мать, — как звездочки или значки параграфа. Они особо ничего не значат.

И он послушно рассудил: да, весьма бессмысленное украшение.

Однажды в магазине старой мебели он увидел часы со стрелками, лежавшие вверх ногами в коробке, полной утюгов и прочего хлама.

— Смотри-ка, эти штуки, похожие на паучьи лапки, указывают на конкретные цифры, — заметил он маме. — «Одиннадцать» и «двенадцать». А *это* что значит?

Мать поторопилась его увести, напомнив себе, чтобы они больше никогда не появлялись на этой улице. Хронополиция где-то рыскает, берет на карандаш всякого прозревшего.

— Ничего, — резко бросила она сыну. — С этим покончено.

Про себя она добавила для пробы: «Одна стрелка на одиннадцати… плюс пять маленьких делений… вторая стрелка на двенадцати. Без пяти двенадцать. Да, все верно».

Время текло в своем обычном медленном, полусумасшедшем темпе. Они жили в ветхом доме в одном из аморфных пригородов, в зоне беско-

нечных вечеров. Иногда он ходил в школу, но до десяти лет большую часть времени проводил с мамой в очередях у закрытых продуктовых магазинов. По вечерам он играл с соседской бандой у заброшенной железнодорожной станции — катал самодельную платформу по заросшим рельсам или вламывался в чей-то заброшенный дом, где можно было устроить временный командный пункт.

Он не спешил взрослеть; мир взрослых казался ему беспорядочным и лишенным задора. После смерти матери Ньюман проводил долгие дни на чердаке, перебирая ее сундуки и старую одежду, сортируя безделушки, шляпки и бусы, пытаясь восстановить что-то от ее личности.

В самом нижнем отделении ее шкатулки для драгоценностей он наткнулся на маленький плоский предмет в золотом корпусе, снабженный ремешком. На циферблате не было стрелок, но блямба с двенадцатью цифрами заинтриговала его, и он даже надел предмет на запястье.

Отец подавился супом, когда увидел его в тот вечер.

— Конрад, боже мой! Где, скажи на милость, ты это взял?!

— В маминой шкатулке с бусами. Можно я себе

оставлю?..

— Нет! Отдай мне, да поскорее. Извини, сынок… нельзя. — И отец протянул задумчиво: — Так тебе, получается… где-то четырнадцать, верно? Послушай, Конрад, я все объясню через пару лет, обещаю.

С появлением этого нового табу отпала необходимость ждать откровений отца. Вскоре полное знание дошло до него. Старшие мальчики знали всю историю — но, как ни странно, она оказалась разочаровывающе скучной.

— И это все? — удивленно переспросил Конрад. — Ох, не понимаю. С чего бы кому-то так бояться часов? У нас же есть календари!

Прозревая какой-то второй, пока скрытый пласт правды, Конрад рыскал по улицам, тщательно осматривая все заброшенные часы в поисках ключа к разгадке *настоящего* секрета. Большинство циферблатов были изуродованы — стрелки и цифры оторваны, круг с минутными интервалами стерт, и только разводы ржавчины указывали на то, что там когда-то все же что-то имелось. Размещенные, по-видимому, случайным образом по всему городу — над магазинами, банками и общественными зданиями, — часы не спешили выдать свое истинное назначение. Ну

да, они измеряли ход времени через двенадцать произвольных интервалов, но что-то не очень-то похоже на веское основание для их запрета! В конце концов, в ту пору были в ходу самые разные таймеры: на кухнях, фабриках, в больницах, попросту *везде*, где требовалось отсчитать определенный промежуток времени. Ночью у кровати его отца стоял таймер. Запечатанный в стандартную маленькую черную коробочку, работающий от тонких AAA-батареек, он издавал высокий пронзительный свист незадолго до завтрака на следующее утро, будя, если отец спал дольше нужного. Часы были не более чем откалиброванным таймером, во многих отношениях менее полезным, ибо обеспечивали постоянным потоком несущественной информации. Так ли уж важно знать то, что сейчас — «половина четвертого» по старому времени, если в эту самую «половину» не планируешь что-то начинать и не собираешься ничего заканчивать?

Стараясь, чтобы вопросы звучали как можно более тупо и наивно, Конрад провел долгий и дотошный опрос. Казалось, что в возрасте до пятидесяти лет никто вообще ничего не знал об истории, и даже пожилые люди начинали потихоньку ее забывать. Он также заметил, что

чем менее образованными они были, тем больше были готовы говорить — что указывало на то, что работники физического труда и низшего класса не играли никакой роли в революции и, следовательно, не тяготились подавленными воспоминаниями, связанными с чувством вины. Старый мистер Крайтон, сантехник, живший в квартире на цокольном этаже дома, без всякой подсказки пустился в воспоминания, но ничто из сказанного им не пролило никакого света на проблему.

— Конечно, раньше были тысячи часов, миллионы… они были у каждого. Мы называли эти штуки «посмотри»[16]. Они крепились на запястье, и их приходилось заводить каждый день.

— Но что вы с ними делали, мистер Крайтон? — допытывался Конрад.

— Ну, ясно ведь уже из названия — на них просто смотрели и узнавали, какой нынче час. Тринадцать часов, или четырнадцать, или вообще половина восьмого — в это время я уходил на смену.

— Но сейчас ваша смена начинается после завтрака. Чтобы не опоздать, вы ставите таймер.

---

[16] Примечания: 16

Игра слов: *watch* в английском — как существительное «часы», так и глагол «смотреть».

В чем подвох?

Крайтон озадаченно склонил голову.

— Я не смогу тебе это растолковать, дружище. Спроси своего отца.

Но мистер Ньюман был едва ли более полезен. Объяснение, обещанное на шестнадцатый день рождения Конрада, так и не состоялось. Когда его вопросы стали настойчивыми, родитель, устав от уклончивых ответов, резко оборвал его:

— Просто перестань об этом думать, договорились? Ты навлечешь на себя и на всех нас кучу неприятностей.

Мистер Штази, моложавый преподаватель английского, обладал своеобразным чувством юмора — и любил сбивать с толку учеников, занимая неортодоксальную позицию по вопросам брака или экономики. Того же он требовал и от них — чтобы его хорошенько озадачивали в ответ; вот Конрад и выдал ему сочинение, где описал воображаемое общество, полностью поглощенное сложными ритуалами, вращающимися вокруг упорного наблюдения за ходом времени. Штази не воспринял эту пробу пера как приглашение к дискуссии, однако влепил ему «три с плюсом; необязательная информация» и после урока тихонько спросил Конрада, что

подтолкнуло его к подобной фантазии. Сначала мальчик пытался уйти от прямого ответа, но в конце концов задал-таки вопрос, уже давно мучивший его:

— Почему это запрещено законом — иметь часы?

Штази перебросил кусочек мела из одной руки в другую.

— Это запрещено законом?

Конрад кивнул.

— В полицейском участке висит старое объявление, предлагающее всем вознаграждение в размере ста фунтов за каждые принесенные часы. Я видел его вчера. Сержант сказал, что оно все еще в силе.

Штази насмешливо приподнял брови:

— Займись, вдруг миллионером станешь.

Конрад не обратил внимания на насмешку.

— Носить оружие запрещено законом, — развивал он мысль, — потому что вооруженный человек может атаковать кого угодно по уйме разных причин, а иногда и без причины. Но чем же так опасны простые *часики*?..

— Разве не очевидно? Тем, что можно взять любого человека — и задать ему резонанс. Отследить, сколько времени у него уходит на то или

иное действие — и…

— И что?

— И заставить его *управляться быстрее.*

В семнадцать лет, повинуясь внезапному порыву, Конрад смастерил свои первые часы. Озабоченность временем уже давала ему заметное преимущество перед одноклассниками. Кто-то уродился умнее, кто-то — добросовестнее, но способность Конрада организовывать свой досуг и выполнение домашних заданий позволяла ему максимально проявлять свои таланты. Пока остальные на пути домой еще слонялись по железнодорожной станции, Конрад успевал уже закончить половину дел — распределяя время в соответствии с различными требованиями.

Заканчивая, он поднимался в игровую комнату на чердаке, ставшую его мастерской. Тут, среди старых платяных шкафов и сундуков с утварью, он и изготовил свои первые опытные образцы — калиброванные свечи, гелиотропные и песочные механизмы, хитроумный прибор мощностью примерно в половину лошадиной силы, заставлявший стрелки двигаться все резвее и резвее, невольно пародируя одержимость Конрада.

Но первый сделанный им хронометр, который чего-то стоил, оказался водяным. Это был бачок

с отверстием в днище и деревянным поплавком, по мере убыли уровня воды опускавшимся и приводившим в движение стрелки. Простая, но точная штуковина устраивала Конрада довольно долго, несколько месяцев, пока он продолжал поиск оригинальной технологии отсчета времени. Вскоре он выяснил, что хотя в антикварных лавках и в закромах большинства домов ржавело бесчисленное множество часов — настольных, золотых карманных и всевозможных других, — ни в одних не было механизма. Нутро неизменно изымалось; порой — вместе со стрелками и накладными фигурками цифр на циферблатах. Его попытки самостоятельно создать сколько-нибудь надежный регулятор хода терпели неудачу; все, что Конрад слышал о механизмах часов, выдавало в них прецизионные[17] приборы точной конструкции. Одна лишь надежда тешила его: разыскать где-нибудь исправные часы, лучше всего — наручные.

И нежданно-негаданно желание сбылось.

Однажды днем в кинотеатре у пожилого мужчины, сидевшего рядом с Конрадом, вдруг случился сердечный приступ. Мальчик помог

---

[17] Примечания: 17
То есть обладающие высокой точностью.

еще двоим зрителям отнести больного в кабинет администратора. При тусклом свете прохода, уводящего из кинозала, на руке мужчины вдруг блеснул металл. Конрад украдкой нащупал плоский диск часов. Он вовсе не хотел красть — но врач, проверяя пульс, мог обнаружить их, и у старичка возникли бы новые неприятности помимо уже имеющихся…

Но как только часы оказались у него, он оставил всякую мысль о том, чтобы вернуть их.

Когда Конрад шел домой, тиканье казалось ему громким, будто похоронный звон. Он внутренне напрягся, ожидая, что в любой момент прохожие начнут обвиняюще тыкать ему вслед; что в любой момент хронополиция его сцапает.

На чердаке он достал добычу из нагрудного кармана и, затаив дыхание, осмотрел, пряча в подушку всякий раз, когда слышал, как отец ворочается в спальне внизу. Позже он понял, что тиканья почти не было слышно. Часы оказались того же образца, что и у его матери, только с желтым, а не красным циферблатом. Золотой корпус был поцарапан и облупился, но механизм, казалось, пребывал в идеальной сохранности. Он снял заднюю панель и завороженно наблюдал за работой миниатюрных винтиков и колесиков.

Опасаясь сломать главную пружину, он завел часы только наполовину, аккуратно завернув их в вату.

То, что кто-то все еще носит украдкой часы, не удивило Конрада. Даже его ребяческая «водяная» поделка продемонстрировала: выверенные часы добавляют жизни новое измерение, упорядочивают ее энергию, придают значимость уйме повседневной рутины. Конрад часами сидел на чердаке, глядя на маленький желтый циферблат, наблюдая: минутная стрелка ходит неспешно, а часовая — так и вовсе почти незаметно. Часы напоминали компас, прокладывающий курс в будущее. Без них Конрад скоро начал чувствовать себя «не у штурвала» — посредственностью, плывущей по течению в сером бесцельном омуте событий, происходящих вне времени. Отец все чаще казался ему человеком праздным и глупым: он часто сидел без дела, понятия не имея, когда что-либо произойдет.

Вскоре Конрад стал носить часы весь день. Он ушил рукав школьной форменной рубашки, а для того, чтобы можно было тайком смотреть на циферблат, прорезал в нем узенькую щель. Он рассчитал все — продолжительность занятий, футбольных матчей, перерывов на приемы пищи,

светлого и темного времени суток, периодов сна и бодрствования. Он бесконечно забавлялся, ставя в тупик своих друзей демонстрацией «шестого чувства», угадывая частоту сердцебиения, ежечасные выпуски новостей по радио, проваривая яйца до кондиции всмятку без помощи таймера.

Но однажды он попался.

Штази, более сообразительный, чем кто-либо еще, обнаружил, что он носит часы. Конрад заметил, что уроки английского длятся ровно сорок пять минут, и взял за привычку убирать со своего стола скарб за минуту до того, как сработает таймер Штази. Раз или два он замечал, как учитель с любопытством смотрит на него, но не мог устоять перед искушением произвести на него впечатление, всегда в числе первых направляясь к двери.

Однажды, когда он уже сложил учебники и нажал на кнопочку авторучки, отщелкивая стержень, Штази с явной хитрецой в голосе попросил его зачитать последние несколько строк из конспекта урока. Конрад знал, что таймер пропищит через десять секунд, и решил потянуть время до того момента, когда всеобщее бегство из класса избавит его от неприятностей.

Штази, выйдя из-за кафедры, тоже терпеливо ждал. Один или два мальчика обернулись и,

нахмурившись, посмотрели на Конрада, про себя отсчитывавшего последние секунды.

Затем, к своему изумлению, он понял, что таймер не сработал вовремя! Запаниковав, он сначала подумал, что у него сломались часы, но вовремя сдержался, чтобы не взглянуть на них.

Ехидно улыбаясь, Штази медленно прошел между партами к Конраду.

— Торопишься, Ньюман?

Сбитый с толку Конрад покраснел от смущения. Он открыл тетрадь и сбивчиво прочел последнее записанное предложение. Несколько минут спустя, не дожидаясь таймера, Штази распустил весь класс.

— А тебя, Ньюман, я попрошу остаться, — сказал он.

Когда Конрад подошел к кафедре, учитель беззаботно сцепил пальцы и устроил на них подбородок.

— Что, забыл сегодня завести часы? — осведомился он.

Конрад молчал. Штази взял таймер и звонко отщелкнул кнопку задержки сигнала.

— Где достал, у родителей? Да не волнуйся ты так! Хронополиция давно распущена.

Конрад внимательно посмотрел учителю в

глаза.

— Это часы моей матери, — солгал он. — Нашел среди ее вещей.

— Вот как?

Штази требовательно протянул руку. Нервничая, Конрад отстегнул ремешок и отдал часы ему.

— Матери, говоришь… — Учитель бросил мимолетный взгляд на желтый циферблат. — Хм.

— Вы собираетесь донести на меня? — прямо спросил Конрад.

— Зачем? Чтобы отнять еще больше времени у заваленного делами психиатра?

— Разве ношение часов не является нарушением закона?

— Ну, ты точно не самая большая угроза общественной безопасности из ныне живущих. — Штази направился к двери, жестом приглашая Конрада следовать за ним. Он возвратил часы. — Будь добр, расчисть свой график в субботу днем. Мы с тобой кое-куда наведаемся вместе.

— Куда? — обеспокоенно спросил Конрад.

— В прошлое, — таким тоном, будто это самая пустяковая вещь в мире, ответил Штази. — В Хронополь — город времени.

Машину, огромного потрепанного мастодонта,

чьи бесчисленные ребра жесткости были залиты хромом, Штази взял напрокат. Он весело помахал Конраду, встречая его у публичной библиотеки.

— Все на борт! — крикнул он и, кивнув на набитый битком портфель, утрамбованный Конрадом в зазор между сиденьями, спросил: — Ты, я вижу, изучил маршрут?

Конрад кивнул. Когда они двинулись через пустынную площадь, он открыл портфель и вытащил толстую пачку дорожных карт.

— Я высчитал, что площадь города составляет где-то пятьсот квадратных миль. Никогда бы не подумал, что он такой здоровенный. Где же все население?

Штази в ответ рассмеялся. Они пересекли главную улицу и свернули на длинную аллею, обсаженную деревьями и зажатую между двух рядов домов. Половина пустовала, окна были выбиты, а крыши провисли. Даже жилые здания покрыл налет некой бесприютной кустарности — грубые жестяные водостоки крепились при помощи самодельных лесов, кучи дров высились в запущенных, буйно разросшихся палисадниках.

— Когда-то в этом городе жило тридцать миллионов человек, — заметил Штази, — а сейчас население составляет немногим более двух мил-

лионов и продолжает сокращаться. Те из нас, кто остался, живут там, где когда-то были отдаленные пригороды, — так что сегодня город по факту представляет собой огромное кольцо шириной в пять миль, опоясывающее обширную зону отчуждения диаметром в сорок или пятьдесят миль.

Они петляли по разным проселочным дорогам, миновали небольшую фабрику, как будто все еще работавшую, хотя работа должна была закончиться в полдень, — и, наконец, выехали на длинный прямой бульвар, неуклонно уводивший на запад. Конрад проследил маршрут по карте. Они приближались аккурат к краю описанного Штази кольца. На карте оно было выделено зеленым цветом — а вот центральная часть, серая, казалась одной сплошной *terra incognita.*

Они миновали последние базарные улочки, знакомые Конраду еще по детству, и последние дома предместий с террасами — своего рода пограничный пост. Дальше тянулись совсем уж унылые улицы, пролегшие в тени массивных стальных виадуков, затмевающих небо. Проезжая под одним из таких сооружений, Штази ткнул пальцем вверх и сообщил:

— Это все — часть некогда существовавшей сложной железнодорожной системы, огромной

сети станций и пересадочных узлов, ежедневно доставлявшей пятнадцать миллионов человек к дюжине огромных терминалов.

Ехали еще где-то полчаса. Конрад таращился в окно, а Штази наблюдал за ним в зеркало заднего вида. Постепенно пейзаж начал меняться. Дома стали выше, крыши — целее и ярче; тротуары обзавелись направляющими перилами, светофорами и турникетами. Они въехали в город — на совершенно пустынные улицы с многоуровневыми супермаркетами, вместительными кинотеатрами и универмагами.

Подперев подбородок рукой, Конрад молча смотрел вдаль. Не имея транспорта, он никогда не отваживался забираться в безлюдные районы города, как и другие дети, всегда направляясь в противоположную сторону — к природе. Здешние улицы вымерли двадцать или тридцать лет назад; витрины магазинов из зеркального стекла вывалились и разбились о мостовую. Старые неоновые вывески и протянутые по воздуху провода линий электропередачи свисали с каждого карниза, волоча по тротуарам рваную металлическую паутину. Штази ехал медленно, избегая встречных автобусов или грузовиков, брошенных посреди дороги со спущенными шинами.

Конрад вглядывался в пустые окна, в узкие переулки и тупики — ничто не вызывало в его душе страха или предвкушения. Просто заброшенные улицы. Такие же интересные, как, скажем, полупустой мусорный бак.

Предместья следовали один за другим; нескончаемо тянулись длинные полосы застройки. Миля за милей архитектура меняла свой характер; здания становились все больше — по десять, пятнадцать этажей. Многие были обшиты снизу доверху безвкусными фасадными металлокассетами синего и зеленого цветов; попадались и такие, что будто состояли сплошь из стекла. Они двигались вперед во времени, а не назад, в прошлое ископаемого города.

Штази вел машину по переплетению боковых улочек к шестиполосному скоростному шоссе, вздымавшемуся на высоких бетонных опорах над крышами домов. Они нашли боковую дорогу, ведущую в обход, выровнялись, а затем резко увеличили скорость, двигаясь по одной из свободных центральных полос. Конрад подался вперед. Вдалеке, в двух-трех милях, маячили прямолинейные очертания огромных кондоминиумов высотой в тридцать-сорок этажей. Сотни этих зданий-титанов формировали плотные,

кажущиеся бесконечными ряды, напоминающие гигантские костяшки домино.

— Главные рабочие кварталы, — объяснил Штази.

По обе стороны от шоссе здания громоздились так плотно, что иные из них почти примыкали к бетонным ограждениям трассы. Тысячи одинаковых жилых «муравейников» тянулись к небу — облепленные косыми хайтековыми балконами, заманчиво блестящие стеклянными и алюминиевыми навесами, так и переливающиеся на солнце. Через несколько минут езды невысокие дома совсем перестали попадаться, а магазинчики «вросли» в первые этажи домов — причем заняли их целиком, и там, где оканчивалась одна торговая витрина, сразу начиналась другая. В узких щелях между домами-титанами виднелись крохотные асфальтированные дворики, универмаги, пандусы, нисходящие к огромным подземным автостоянкам.

И куда ни глянь — часы. Конрад заметил их сразу же: на каждом углу улицы, над каждой аркой, на всех высотках — поднятые примерно на треть общей высоты здания над землей; везде, всюду, под любым мыслимым углом. Большинство висело так высоко над землей, что достать

их можно было, лишь приставив пожарную лестницу — видимо, поэтому на них еще оставались стрелки. Все они зафиксировали одно и то же время: 12:01.

Конрад посмотрел на свои наручные часы и отметил: всего-то 2:45 пополудни.

— Их ход зависел от главных часов, — сказал Штази. — Когда главные часы встали, вместе с ними и все прочие перестали работать. Это произошло в первую минуту первого часа ночи — тридцать семь лет назад.

Постепенно смеркалось — высокие кряжи домов заслоняли солнце, небо просматривалось изредка и только в узкие вертикальные просветы, вспыхивавшие и гаснущие. Тут, внизу, на дне этого искусственного каньона, царила мрачная, гнетущая атмосфера; впрочем, какой еще ждать от бетонно-стеклянной пустоши.

Скоростная магистраль разделилась и устремилась на запад. Еще через несколько миль многоквартирные дома уступили место первым офисным зданиям в сердце города. Они были еще выше, высотой в шестьдесят или семьдесят этажей, соединенные спиральными пандусами и мостами. Скоростная магистраль находилась в пятидесяти футах от земли, но первые этажи

офисных зданий пребывали на одном уровне с ней, вознесенные на массивных сваях, игравших еще и роль лифтовых шахт. Широкие здешние улицы не имели какого-либо стиля, «лица»; тротуары на параллельных сторонах сливались под сенью высоток, слагая перрон из сплошного бетона. Тут и там виднелись остатки сигаретных киосков, ржавые лестницы, ведущие в рестораны, и аркады, построенные на платформах высотой в тридцать футов.

Конрада, однако, интересовали часы. Никогда прежде он не видел их в таком количестве, чтобы циферблаты разных цветов — красные, синие, желтые, зеленые — буквально мелькали перед глазами. Чаще всего их оснащали не две-три, как обычно, а четыре, а то и пять стрелок. И хотя все большие стрелки замерли на минуте после полуночи, добавочные застыли в самых разных положениях — будто в зависимости от окраски циферблата.

— Зачем все эти лишние стрелки? — спросил Конрад у Штази. — И разные цвета?..

— Дифференциация по часовым поясам, для разных профессий и потребительских смен. Погоди, сейчас приедем.

Наконец, свернув с трассы на пандус, они

съехали на северо-восточный угол большущей площади ярдов восемьсот длиной и четыреста шириной, с запущенным и заросшим сорняками газоном в самом центре. Высотки, теснившиеся вокруг этой внезапной проплешины, казались стеклянными скалами, подпершими небо.

Штази припарковался, они с Конрадом вышли из машины, немного размялись и зашагали по широкому тротуару к полосе растительности, вымахавшей по пояс. Улицы расходились от площади спицами колеса-титана, и Конрад только сейчас осознал, до чего эти геометрические джунгли непомерны.

Штази ступил на балюстраду, опоясывающую клумбу, и указал на дальний конец площади, где Конрад увидел приземистое скопление зданий необычного архитектурного стиля, характерного для девятнадцатого века. Природные условия не пощадили эти реликвии — кроме того, судя по виду, они пострадали от многочисленных взрывов. Однако внимание Конрада снова привлек циферблат, встроенный в высокую бетонную башню сразу за старыми постройками.

Таких больших часов он еще не видал. Не менее ста футов в поперечнике, с белым циферблатом, они тоже стояли на одной минуте первого. Под

ними, на встроенных в башню широких дугах, обреталась еще дюжина меньших часов, не более двадцати футов в диаметре, расцвеченных всеми цветами радуги. Все они имели по пять стрелок; три добавочные стояли в самых разных положениях.

— Полсотни лет назад вот эти руины были одним из величайших в мире законодательных собраний, — пояснил Штази. — Ну как, впечатляет?

— Еще как! — закивал Конрад. — Как будто здесь жили гиганты — и вымерли только вчера. Почему люди не возвращаются сюда?

— Ну, во-первых, население существенно сократилось. Во-вторых — даже будь его больше, люди не смогли бы все здесь контролировать. В дни расцвета этот город был фантастически сложным социальным организмом. Проблемы с коммуникациями трудно представить, просто глядя на огромные фасады. Трагедия этого города в том, что, как оказалось, был только один способ решить их.

— И решение нашлось?

— Конечно! Только в его формуле не оказалось места людям. Однако давай-ка я получше обрисую проблемы. Перевозка пятнадцати миллионов

служащих в центр и из центра, разработка маршрутов для непрекращающегося трафика легковых машин, автобусов, пригородных поездов, вертолетов; поддержка связи между каждым учреждением и почти каждым рабочим местом через видеофоны, обеспечение всех квартир теле- и радиовещанием, электричеством, водой; заботы о том, чтобы прокормить и развлечь колоссальное число людей, труд уймы служб спасения и правоохранительных органов, медицина… Все это упиралось в один-единственный фактор. — Штази протянул руку к большой башне с часами. — В фактор *времени*! Лишь тщательно синхронизируя каждое действие, каждый шаг вперед или назад, согласовывая завтраки и обеды с расписанием автобусов и часами приема входящих вызовов, организм города мог хоть как-то поддерживать себя в нормальном состоянии. Как живой организм не допускает, чтобы отдельно взятая клетка развивалась по своему разумению и образовывала бы в итоге раковую опухоль, так и человек должен был подчинять свои желания и стремления насущным нуждам города, чтобы избежать повального хаоса. Мы с тобой можем открыть кран в любое время дня и ночи, ведь у нас есть районные водонапорные башни. Но

они небольшие, и их мощность ограничена. Представь, что бы произошло, если бы все мыли посуду после завтрака — в течение одних и тех же десяти минут?

Они медленно пошли по площади к часовой башне.

— Пятьдесят лет назад, — продолжал Штази, — когда население составляло всего десять миллионов человек, люди еще могли обеспечить потенциальную максимальную пропускную способность, но даже тогда забастовка одной из коммунальных служб грозила тем, что уйма других служб, вовсе не настроенных бастовать, за компанию выходила из игры. Рабочие могли два-три часа добираться до своих мест — и еще столько же им требовалось отстоять в очереди на обед и вернуться домой. По мере роста численности населения были предприняты первые попытки дифференцировать график работы: рабочие в отдельно взятых районах начинали свой день на час раньше или позже, чем их соседи в других частях города. Железнодорожные проездные и номерные знаки машин имели соответствующий *цвет*, и если они пытались вести деятельность за пределами разрешенного периода, им отказывали в свободе перемещений. Идея

прижилась и даже получила развитие: только в положенное время ты мог включить стиральную машину, ходить на почту или принимать душ.

Конрад слушал учителя с растущим интересом.

— Звучит логично! И как они умудрились протолкнуть такой порядок в массы?

— Разработали целую систему: цветные деньги, цветные пропуска, сложные расписания, публикуемые каждый день, как программы передач. Контролировался каждый шаг. Но самым главным элементом этой системы являлись часы. Тысячи часов — ты сам их видел. Добавочные стрелки указывают количество минут, оставшихся до окончания любого периода активности, для людей, относящихся по роду деятельности к определенному «цветному» часовому поясу.

Штази остановился и указал на часы с синим циферблатом на одном из зданий, выходящих окнами на площадь.

— Предположим, что руководитель низшего звена, покидающий свой офис в назначенное время, в двенадцать часов, хочет пообедать, поменять библиотечную книгу, купить аспирин и позвонить жене. Как и у всех руководителей, у него синий часовой пояс. Он достает свое распи-

сание на неделю или просматривает колонку в газете и отмечает, что его обеденный перерыв на этот день с 12:15 до 12:30. У него есть пятнадцать минут, чтобы как-то убить время. Затем он проверяет библиотеку. Временной код для сегодняшнего дня — 3, то есть третья стрелка на часах. Он смотрит на ближайшие синие часы, третья стрелка показывает 37 минут первого — у него есть двадцать три минуты, вполне достаточно времени, чтобы добраться до библиотеки. Он начинает спускаться по улице, но на первом же перекрестке обнаруживает, что светофоры для пешеходов горят только красным и зеленым светом и он не может перейти дорогу. Этот район временно огорожен для женщин — офисных работников низшего звена — из красного часового пояса и для тех, кто занят ручным трудом, — людей из зеленого пояса.

— Что произойдет, если он проигнорирует цветовую дифференциацию? — спросил Конрад.

— Поначалу — ничего. Но когда все синие часы в нужной нашему руководителю низшего звена зоне пройдут синий период, никакие магазины и библиотеки не станут его обслуживать — если у него нет при себе красной или зеленой валюты или библиотечного билета такого же цвета. А

штрафы за выход из своего часового пояса слишком высоки, чтобы оправдать риск, да и потом — система же разработана для удобства каждого гражданина, а не для чего-то еще! Итак, не имея возможности попасть в библиотеку, наш герой выбирает аптеку. Временной код для аптеки — 5; это пятая, самая маленькая стрелка. На табло указано, что прошло пятьдесят четыре минуты: у него есть шесть минут, чтобы найти аптеку и совершить покупку. После у него остается еще пять минут до обеда, и он решает позвонить жене. Проверив телефонный код, он видит, что ни в этот день, ни в следующий не указано время для личных звонков. Значит, чтобы услышать ее голос, ему только и остается, что дождаться личной встречи вечером.

— Но если бы он попробовал позвонить?..

— Таксофон не принял бы его деньги — не того цвета. А даже если бы принял — его супруга, если предположить, что она секретарша, находится в красном часовом поясе, и в этот день ее попросту нет на месте; у нее какой-то другой пласт обязанностей — отсюда и запрет на звонки. Вот так все и сходится. Тебе обо всем сообщает программа «Время» — вплоть до того, когда включать телевизор, а когда выключать. Специальные одноразовые

датчики размыкали цепи в квартире, если ты пытался пролезть в чужой часовой пояс, — приходилось потом платить за установку новых приборов учета. Ну и штраф погасить, конечно же. Очевидным образом, экономический статус зрителя определял выбор программы, и наоборот — так что дело вовсе не пахло принуждением. В программе на каждый день перечислялись разрешенные занятия: поход в парикмахерскую, кинотеатр, банк, бар. Приходя в установленное время, ты всегда мог рассчитывать на быстрое и качественное обслуживание.

Они почти достигли дальнего конца площади. Прямо перед ними на башне возвышался огромный циферблат часов, парящий над созвездием из двенадцати неподвижных служителей.

— Много их было, этих дифференцированных по цвету социально-экономических страт: синие — руководители, золотые — специалисты, желтые — военные и правительственные чины. Кстати, странно, что ты нашел у своих желтые часы — насколько я знаю, никто из твоей семьи никогда не работал на правительство. Зеленые предназначались работникам физического труда — и так далее. Но, естественно, были и еще более ситуативные деления. Тот мелкий начальник,

упомянутый мной, покидал свое учреждение в двенадцать, а крупный служащий с точно таким же временным кодом — без четверти двенадцать. Имея пятнадцать дополнительных минут, он шел по улице спокойно, а не в толпе спешивших на обед канцелярских работников.

Штази снова обратился взглядом к башне.

— От Главных часов зависели все остальные. Центральное управление временем, своего рода Министерство времени, постепенно заняло старые здания парламента, поскольку их законодательные функции уменьшились. Программаторы, по сути, выступали абсолютными правителями города.

Пока Штази говорил, Конрад смотрел на часы, беспомощно показывавшие 12:01. Стрелки походили на поднятые руки сдающегося. Время тут, казалось, каким-то образом остановилось — огромные офисные здания вокруг застыли в нейтральном промежутке между вчера и завтра. Если бы только можно было завести главные часы, весь город, вероятно, пришел бы в движение — и ожил, в одно мгновение заново наполнившись торопливыми толпами.

Они направились обратно к машине. Конрад оглянулся через плечо на циферблат часов. Их ги-

гантские стрелки не двигались — как и прежде.

— Почему они остановились? — спросил он.

Штази с любопытством посмотрел на него:

— Разве я не достаточно ясно объяснил?

— Ну… — Конрад оторвал взгляд от множества часов, выстроившихся вдоль площади, и хмуро посмотрел на учителя.

— Можешь себе представить, что напоминала жизнь почти всех из тридцати миллионов здешних жителей?

Конрад пожал плечами. Синих и желтых часов, как он заметил, было больше, чем всех остальных; очевидно, основные правительственные учреждения были стянуты сюда, на эту площадь.

— Это была высокоорганизованная жизнь, и она куда лучше нашей, — изрек он, продолжая рассматривать все вокруг. — Лучше пользоваться телефоном один час в день, чем не иметь его вовсе. На дефицит всегда устанавливают нормы, разве нет?

— Но при таком образе жизни *все* превратилось в дефицит. Не кажется ли тебе, что есть предел унижения человеческого достоинства?..

— А по мне, так здесь все было куда достойнее! — Конрад фыркнул. — Дом моего отца вот-вот рухнет, а эти простоят еще тысячу лет! Да и кра-

сота системы, работающей как часы, чего-нибудь да стоит!

— Но хорошо ли это — быть шестеренкой, *рабом* системы? — воскликнул Штази. — Рабом собственного образа жизни? Человек чихнуть не мог без разрешения — все его существование расписывалось в публичных бюллетенях. Раз в месяц график присылали каждому гражданину почтой из Министерства распорядка…

Конрад почти не слушал учителя, возбужденно распинавшегося повысившимся голосом:

— Естественно, все кончилось революцией! Любопытно: в любом индустриальном укладе раз в столетие происходят революции, и каждый раз их начинают более высокие слои общества. В восемнадцатом веке — городская беднота, в девятнадцатом — мастеровые, ремесленники; а в нашем случае — офисные служащие, на чьих спинах, собственно, и держался этот монстр. Они кормили его, бросая все больше в бесконечную пасть кредитования, — а он взамен отдавал им крохи, крупицы личного времени. Ни свободы воли, ни развития личности — только и делай, что гляди на часы.

Конрад глядел в сторону. Поколебавшись, он спросил небрежным тоном:

— А что приводило в движение эти часы? Электроэнергия?

— Иногда — она, иногда это были механические устройства. А что?

— Да так… Любопытно.

Он несколько отстал от Штази. Посмотрел на свои часы, бросил взгляд налево. В переулке на зданиях висело около тридцати часов, ничем не отличавшихся от всех тех, что он уже видел сегодня. Но один интересный нюанс привлек его внимание. В пятидесяти ярдах от площади, в центе портика, крытого черным стеклом, над входом в здание висели часы — синий выцветший циферблат, дюймов восемнадцати в диаметре. Стрелки показывали четверть четвертого. Ровно столько и было сейчас! Точное время! Конрад чуть не сказал об этом вслух — но тут минутная стрелка на его глазах сдвинулась на одно деление.

Часы шли.

Кто-то вновь запустил их! Невозможно, чтобы они сами по себе тикали тридцать семь лет — таких батарей-долгожителей не существует!

А Штази, стоя впереди, продолжал:

— У каждой революции — свой символ угнетения…

Часы почти скрылись из виду. Нагнувшись,

чтобы завязать шнурок, Конрад краем глаза на них взглянул. Минутная стрелка передвинулась еще на одно деление — ее горизонтальное положение было уже нарушено. Никаких сомнений — идут…

Он последовал за Штази к машине, больше не утруждаясь его слушать. В десяти ярдах от места назначения он повернулся и, сорвавшись с места, стремглав перебежал через проезжую часть к ближайшему зданию.

— Ньюман! — услышал он крик Штази. — Вернись!

Он выскочил на тротуар и пробежал между мощными бетонными колоннами, держащими здание. На мгновение задержался за шахтой лифта — и увидел, как Штази торопливо садится за руль. Двигатель кашлянул и взревел, а Конрад промчался мимо здания в переулок, ведущий обратно на боковую улицу. Позади себя он услышал, как машина набирает скорость; прямо на ходу хлопнула, закрываясь, дверь.

Пока он бежал по переулку, автомобиль учителя, свернув с площади в тридцати ярдах у Конрада за спиной, покинул проезжую часть, брякнулся протекторами о тротуар и рванулся вперед. Беглец отскочил в сторону, едва не упав

плашмя на капот, взбежал по узкой лестнице на небольшую площадку — и уперся в застекленные двери. Заперто! Сквозь них он мог видеть широкий балкон, опоясывающий здание, — пожарная лестница поднималась до крыши, уступая место на пятом этаже залу кафетерия, тянувшемуся от этого дома к офисному зданию напротив.

Снизу послышался топот бегущего Штази.

Конрад сорвал со стены висевший огнетушитель и швырнул его в двери. Стекло со звоном посыпалось вниз по ступенькам.

Он вылез на балкон и стал карабкаться по пожарной лестнице. С высоты третьего этажа он рискнул проверить, как там Штази — учитель озирался, задрав голову. Одолев еще два этажа, Конрад перемахнул через стальной турникет и попал на открытую площадку кафетерия. Спотыкаясь о разбросанные столы и стулья, перепрыгивая через разбитые остовы письменных столов, скинутых, видимо, с верхних этажей, миновав открытую дверь кафетерия, прямо по луже на полу Конрад прошлепал к окну. Выглянул, отодвинув дряхлую пластиковую имитацию какого-то растения. Штази куда-то пропал — неужто сдался?

Пройдя в глубь кафетерия, Конрад перелез че-

рез стойку и с подоконника спрыгнул на крышу перехода, пересекающего улицу. Внизу виднелась площадь; двойная линия следов от шин темнела на тротуаре. Он уже почти перебрался на балкон дома напротив, как вдруг грохнул выстрел. Звонко лопнуло стекло, дробно прокатилось эхо.

В панике Конрад пошатнулся, едва не потеряв равновесие. В ушах стоял звон. Со всех сторон на него недобро взирали ряды окон — будто фасеточные глаза исполинских насекомых.

Штази вооружен! Наверное, он из хронополиции!

Припав на четвереньки, Конрад пробрался по переходу, проскользнул в зазор турникетов и нацелился на полуоткрытое окно балкона. Пролезая через него, он быстро затерялся в здании.

В конце концов он устроился в угловом кабинете на шестом этаже. Кафетерий был прямо под ним, справа, а спасительная лестница находилась аккурат напротив.

Весь день Штази колесил взад-вперед по соседним улицам, иногда бесшумно катаясь с выключенным двигателем, иногда — носясь на большой скорости. Дважды он стрелял в воздух, а затем останавливал машину, чтобы выкрикнуть что-то, но его слова терялись среди эха, перекаты-

вающегося с одной улицы на другую. Порой он, разъезжая по тротуарам, сворачивал под здания — как будто ожидал застать Конрада за одним из эскалаторов.

Наконец он будто бы сдался и приготовился уехать с пустыми руками. Конрад обратил внимание на часы в портике. Уже 6:45 — почти столько же, сколько показывали его собственные. Конрад перевел их на то время, что казалось ему самым правильным, откинулся на спинку стула и стал ждать прихода того, кто заводил местные механизмы. Три-четыре десятка других часов в пределах его видимости по-прежнему показывали 12:01.

На пять минут он прервал свое дежурство, зачерпнул немного воды из лужи в кафетерии, кое-как смирился с голодом — и, вскоре после полуночи, заснул в углу за столом.

* * *

На следующее утро Конрад проснулся от яркого солнечного света, заливавшего комнату. Поднявшись, он отряхнул пыль с брюк, обернулся и увидел невысокого седовласого мужчину в залатанном твидовом костюме, внимательно смотрящего на него. На сгибе руки незнакомца

покоилось внушительное ружье с вороненым сдвоенным стволом — курок был недвусмысленно взведен.

Мужчина положил стальную линейку — ею он, очевидно, стучал по конторскому шкафу, чтобы разбудить незваного гостя, — и подождал, пока Конрад поймет, на каком свете находится.

— Что ты здесь делаешь, парень? — спросил он раздраженным голосом. Конрад заметил, что его карманы оттопыриваются от угловатых грузиков, натягивающих ткань аж на плечах.

— Я… э-э… — Конрад растерялся. Ружье както не располагало к непринужденной беседе. Справившись с собой, он решил, что ничего не потеряет, сообщив правду: — Я увидел идущие часы и решил найти вас, чтобы помочь завести остальные.

Старик внимательно посмотрел на него. Настороженное птичье личико и узкий двойной подбородок придавали ему сходство с индюком.

— Как ты себе это представляешь?

— Думал, найду где-нибудь ключ, — ответил сбитый с толку Конрад.

— Один ключ? — Старик нахмурился. — Толку от него будет немного.

Казалось, он постепенно оттаивал. С глухим

звоном он отряхнул карманы. Несколько мгновений никто из них ничего не говорил; затем Конрада осенило.

— У меня есть часы! — Он обнажил запястье. — Сейчас без пятнадцати восемь.

— Дай-ка посмотреть. — Старик шагнул вперед, подхватил руку Конрада и оглядел желтый циферблат. — Модель «Мовейдо Супрематик», — сказал он будто самому себе, — учитывает ЗВК[18]. — Он отступил на шаг, опуская двустволку и будто по-новому оценивая юного визитера. — Что ж, — наконец бросил он, — ты, парень, думаю, голодный?..

Они вышли из здания и быстро зашагали по улице.

— Сюда иногда заходят люди, — сказал старик. — Туристы и полиция. Вчера я наблюдал за твоим побегом. Повезло, что не угробился. — Они петляли вправо-влево по пустынным улицам. Старик метался между лестницами и контрфорсами. При ходьбе он крепко прижимал руки к бокам, чтобы карманы не болтались. При-

---

[18] Примечания: 18

Замкнутая времениподобная кривая, сокр. ЗВК (англ. *closed timelike curve, CTC*), в математической физике — времениподобная кривая на Лоренцевом многообразии, возвращающаяся в исходную точку в пространстве и времени, то есть замкнутая «мировая линия» частицы в пространстве-времени.

глядевшись, Конрад увидел, что те полны не патронов, как он изначально подозревал, а ключей — больших и ржавых, самых разных видов и форм. — Часы-то небось отцовские?

— Дедушкины, — соврал Конрад; припомнил рассказ Штази — и добавил: — Его убили во время восстания, на площади.

Старик, сочувственно хмурясь, потрепал его по плечу. Наконец они остановились у дома, с виду ничем не выделявшегося среди прочих. Оказалось, это бывшее здание банка. Бросив за спину быстрый взгляд и настороженно сощурившись на плоские фасады домов, старик повел Конрада к эскалатору.

Его жилище находилось на втором этаже, за лабиринтом стальных решеток и запертых дверей. Там были печка и гамак, подвешенный в центре большой мастерской. На тридцати или сорока столах в помещении, когда-то бывшем офисом наборщиц, красовалась коллекция часов столь изобильная, что от циферблатов рябило в глазах. Все они, похоже, единовременно ремонтировались тут — вдоль стен стояли высокие шкафы, набитые тысячами запасных частей, аккуратно разложенных по нумерованным ящикам. Здесь имелось все — и цапфы, и шестерни; молоточки,

маятники, вилки, пружины… правда, едва-едва узнаваемые под слоем ржавчины и пыли.

Старик подвел Конрада к висевшей на стене таблице и показал на итог, выписанный под колонкой дат:

— Смотри! Сейчас в городе работают без перебоев двести семьдесят восемь часов. Я так рад, что ты пришел, ты даже не представляешь! Половина дня уходит на присмотр за ними.

Он приготовил завтрак для Конрада, рассказал ему кое-что о себе. Его звали Маршалл. Когда-то он работал программистом в Центральном управлении временем, пережил восстание и дознания хронополиции, а десять лет спустя вернулся в город. В начале каждого месяца он ездил на велосипеде в один из близлежащих городов, чтобы обналичить свою пенсию и запастись всем самым необходимым. Остальное время он проводил, заводя постоянно возрастающее число исправных часов — и подыскивая другие, подлежащие пересборке и починке.

— Многие механизмы долгие годы провели под дождем — а это им, сам понимаешь, не идет на пользу, — заметил старик. — И, увы, электронные часы я чинить не умею.

Конрад бродил между столов, осторожно изу-

чая разобранные хронометры — смахивающие на извлеченные из тела какого-то огромного невообразимого киборга пучки нейронов. Мальчик был оживлен — и вместе с тем удивительно спокоен, как человек, поставивший на карту все и теперь смиренно ждущий вердикта судьбы. Вот-вот шестерни его новой жизни сдвинутся…

— А вы можете удостовериться, что все они показывают одно и то же время? — спросил он Маршалла и сам удивился, что такой вопрос показался вдруг очень важным.

Маршалл сварливо отмахнулся:

— Не могу — но есть ли смысл? Абсолютно точных часов не существует — если, конечно, не брать в расчет вставшие. Уж они-то всяко показывают точное время — но только дважды в сутки, и тебе еще надо этот момент как-то подловить.

Конрад подошел к окну и указал на огромные часы, видневшиеся в просвете между крышами:

— Если бы только мы могли завести их и откалибровать все остальные…

— Не бывать тому. Их механизм взорвали при помощи строительного динамита — только куранты и уцелели. Систему питания электрических часов в городе тоже уничтожили тысячу лет назад. Нужно собрать целую армию механиков,

чтобы восстановить ее.

Конрад понимающе кивнул и снова вернулся к карте на стене. Он внезапно осознал, что Маршалл, кажется, заплутал в годах — ставя даты пуска часов, он ошибался на семь с половиной лет. «То есть и этот ветеран давно уже потерял счет времени», — понял Конрад не без иронии, но вслух ничего не сказал.

Три месяца Конрад прожил со стариком, следуя за ним пешком, когда тот совершал обход на велосипеде, неся лестницу и сумку с ключами, помогая Маршаллу заводить часы и собирать те, что еще подлежали ремонту. И так — изо дня в день, а порой и ночами. Все это время мысли Конрада были прикованы к огромным часам на башне, возвышающейся над площадью. Раз в сутки ему удавалось улизнуть и пробраться в разрушенные временем здания. Как и сказал Маршалл, ни Главчасы, ни дюжина их спутников больше никогда не будут ходить. Помещение, где находился главный механизм, напоминало машинное отделение затонувшего судна — роторы, оси и шестерни, оплавленные и подчас искореженные до неузнаваемости, оставалось только утилизировать с миром. Каждую неделю Конрад поднимался по длинной лестнице на

самую верхнюю площадку, расположенную на высоте двухсот футов, и смотрел с колокольни на плоские крыши делового квартала, простиравшиеся до горизонта. Молоточки курантов лежали неподвижно в своих гнездах прямо у его ног. Как-то раз он от скуки пнул один — и по площади разнесся глухой перезвон.

Этот звук странным эхом отозвался в его сознании.

После инцидента Конрад приступил к неспешной починке курантов, снимая с молотков и со сложной системы шкивов, предварительно зарисованной, ржавую проволоку и натягивая новую, изучая ходовой механизм в нижнем машинном зале, подбирая новые муфты и сцепки.

Он никогда не обсуждал собственные задачи с Маршаллом. Как животные, подчиняющиеся инстинкту, они работали без устали, едва осознавая собственные мотивы. Когда Конрад как-то раз сказал старику, что собирается уйти и продолжить работу в другом районе города, тот немедленно согласился, дал Конраду столько инструментов, сколько смог, и попрощался с ним.

Шесть месяцев спустя, почти с точностью до дня, поверх крыш города разнесся грозный бой огромных часов. Они отмечали не только каждый

час, но и получасовой промежуток, и даже пятнадцать минут. В соседних городах-спутниках, расположенных в тридцати милях по периметру мегаполиса, люди останавливались на улицах и, прислушиваясь к звукам, летящим издали, невольно считали медленные удары. Старики — как в былые деньки, но только шепотом — спрашивали друг друга:

— Это сейчас четыре было или пять?..

— Снова отладили…

— Столько лет прошло… так дико их слышать.

Они взволнованно слушали голос своего детства, напоминающий о временах порядка и точности; таймеры повадились настраивать по часовому бою; перед сном прислушивались к мелодичному полночному перезвону, а просыпаясь — внимали все тому же голосу Времени, что наполнял собой ясные минуты утра.

И кое-кто даже явился в полицейский участок с вопросом — нельзя ли получить свои часы на ремешке обратно?..

После вынесения приговора — двадцать лет тюрьмы за убийство Штази, еще пять сверху — за четырнадцать правонарушений в соответствии с законом о времени — Ньюман был переведен в камеру предварительного заключения в подвале

суда. Он смиренно принимал судьбу и даже не попросил у судьи дать ему оправдательное слово. После целого года ожидания суда вторая половина дня в светлом зале Фемиды была для него не более чем кратковременным перерывом.

Он не предпринял никаких попыток защититься от обвинения в убийстве Штази. Отчасти для того, чтобы защитить Маршалла и дать ему спокойно продолжать свою работу, а отчасти потому, что чувствовал себя косвенно ответственным за смерть полицейского. Изломанное тело Штази, явно упавшего с большой высоты, нашли на заднем сиденье автомобиля, брошенного на подземной парковке неподалеку от площади. Маршалл, судя по всему, застукал горе-учителя рыскающим по округе в поисках Конрада — и тихим, волюнтаристским решением устранил его. Однажды, как вспоминалось Ньюману, старик запропал куда-то надолго — а возвратившись, до конца недели оставался нетипично угрюм и молчалив.

В последний раз он видел Маршалла за три дня до приезда полиции. Каждое утро, когда над площадью раздавался бой курантов, Ньюман различал крошечную фигурку, бодро шагающую к нему по площади и энергично машущую башне

— с непокрытой головой, без тени страха…

…И вот Конрада перевели в корпус, где содержались осужденные на длительные сроки. Проходя мимо новой камеры к начальнику, он заметил, что окно выходит во двор, похожий на колодец, не пропускающий солнце. Вытянувшись перед начальником и почти не слушая его поучений, Конрад отчаянно пытался придумать хоть что-нибудь, что помогло бы ему вести учет времени ближайшие двадцать лет, — и удивлялся тому, что разум пока не покинул его. Кроме счета секунд — 86 400 каждый день, — ему ничто не приходило в голову.

Запертый в своей камере, он, безвольно сутулясь, сидел на узкой койке, слишком усталый, чтобы распаковать свои пожитки. Беглый осмотр подтвердил бесперспективность пейзажа за окном. Крупицы солнечного света, конечно, проникали во двор, — но высокомощный прожектор, лупивший откуда-то с середины стены, сквозь стальную решетку на высоте пятидесяти футов, вниз, на выход из корпуса, поглощал и рассеивал их на пути в камеру.

Конрад растянулся на кровати и осмотрел потолок. Лампа ярко горела со стены в коридоре, но, как ни странно, еще одним источником света

оснастили и камеру. Арестант сощурился на защитный плафон, достигавший десяти дюймов в диаметре. Он подумал, не лампа ли это для чтения, — а потом понял, что никакого выключателя тут нет.

Повернувшись, он сел и осмотрел ее, а затем в изумлении вскочил на ноги.

Это были часы!

Конрад прижал ладони к циферблату, читая окружность цифр, отмечая наклон стрелок. Без семи минут пять — довольно-таки точно; не просто часы, но еще и *рабочие*! Но… зачем? Это злая шутка — или попытка «перевоспитать» преступника таким странным методом?

На его крики прибыл надзиратель.

— Что за шум, Конрад? Вы только прибыли — и уже чем-то недовольны? А, часы… — Он отпер дверь и втиснулся в камеру, оттеснив Ньюмана к стене. — Ну да, это часы.

– *Почему* они здесь? Это же противозаконно!

— А, так вот что вас теперь беспокоит. — Надзиратель пожал плечами. — Ну, правила здесь, в тюрьме, немного другие. У таких, как вы, мой друг, впереди много времени — было бы жестоко не ставить вас в известность, сколько еще срок мотать. Вы ведь понимаете суть этих циферок

и стрелочек, Конрад? Ну да, конечно же. Ну вот и славно. — Дверь за надзирателем закрылась; он запер замок на все обороты и улыбнулся арестанту через решетку. — Дни тут долгие, сын мой, — сообщил он, — но с часами, как вы вскоре поймете, коротать их немного легче.

В приподнятом расположении духа Ньюман улегся на кровать, ногами к окну, головой — на свернутое одеяло в изножье, и стал смотреть на часы. Электрический привод заставлял их стрелки двигаться резкими рывками каждые полминуты. Точные, как ни посмотри. В течение часа после ухода надзирателя он наблюдал за ними без перерыва, затем — начал прибираться в своей камере, каждые несколько минут оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что все работает как надо. Ирония ситуации — полная инверсия правосудия! — приводила Конрада в восторг, даже несмотря на то, что ценой выступили двадцать лет его жизни.

Он все еще посмеивался над абсурдностью этого две недели спустя, когда впервые услышал безумно раздражающее тиканье…

1960

Chronopolis. Первая публикация в журнале *New Worlds*, июнь 1960.

Перевод Г. Шокина

Голоса времени

1

Позднее Пауэрс часто думал об Уитби и о странных углублениях, выдолбленных биологом на дне оставленного плавательного бассейна без видимой цели. Углубления эти, глубиной в дюйм и длиной в двадцать футов, складывались в какой-то сложный иероглиф, похожий на китайский. Этот труд занял у него все лето, и, позабыв о других занятиях, измученный Уитби долбил их неустанно долгими послеобеденными часами в пустыне. Пауэрс временами приглядывался к нему, на минуту останавливаясь в окне неврологического блока. Он смотрел, как Уитби отмерял длину углублений и как выносил в маленьком ведерке трудолюбиво отколупываемые кусочки цемента. После самоубийства Уитби никто не интересовался углублениями, лишь Пауэрс часто брал у администратора ключи, открывал ворота, ведущие к бесполезному теперь бассейну, и долго приглядывался к лабиринту выбитых в цементе борозд, до половины наполненных водой, которая вытекала из прохудившихся труб.

Поначалу Пауэрс был занят окончанием работы в клинике и планированием своего окончательного ухода. После первых нервных, панических недель он смирился с ситуацией, как до той поры смирялся с судьбой своих пациентов. К счастью, редукция физических и умственных реакций происходила в нем одновременно, летаргия и бессилие притупляли беспокойство, а слабеющий метаболизм принуждал к концентрации внимания на создании связных мыслей. Все увеличивающиеся изо дня в день периоды сна без сновидений становились даже исцеляющими. Он заметил, что стал ценить чертоги Морфея, не пробуя будить себя раньше, чем это было необходимо.

Поначалу он постоянно держал на ночном столике будильник и старался наполнять все более короткие часы бодрствования как можно большим числом занятий. Он привел в порядок библиотеку, каждый день ездил в лабораторию Уитби, чтобы просматривать свежие партии рентгеновских пленок, нормировал каждый час и минуту, как последние капли воды. Но Андерсен продемонстрировал ему бессмысленность такой возни.

Отказавшись от работы в клинике, Пауэрс не

забросил еженедельных визитов и медицинских обследований в кабинете Андерсена. Это, правда, стало обычной формальностью, всецело лишенной смысла. Во время последнего визита Андерсен сделал ему анализ крови; обратил внимание на возросшую одутловатость мышц лица, слабеющие глазные рефлексы и небритые щеки Пауэрса.

Улыбаясь через ожог, Андерсен немного подумал, что же ему сказать. Когда-то он еще пробовал утешать пациентов поинтеллигентней. Но с Пауэрсом, способным нейрохирургом и человеком по природе деятельным, разговор не был легким. Мысленно он обращался к нему: «Мне очень жаль, Роберт, но чем тебя утешить?.. Даже Солнце остывает изо дня в день». Он смотрел, как Пауэрс беспокойно постукивал пальцами по эмалированной поверхности стола, поглядывая временами на медицинские схемы, развешанные по стенам кабинета. Помимо запущенного вида — неделю он уже носил одну и ту же мятую рубашку и грязные теннисные туфли, — Пауэрс производил впечатление человека, владеющего собой и уверенного, типичного персонажа Джозефа Конрада, не склонившегося перед невзгодами.

— Над чем работаешь, Роберт? — спросил он. —

Все еще ездишь в лабораторию Уитби?

— По возможности. Переправа на другой берег озера занимает где-то полчаса, а будильник далеко не всегда срабатывает вовремя. Может, есть смысл перебраться туда насовсем.

Андерсен нахмурился.

— А толку-то?.. Насколько знаю, труды Уитби носили крайне абстрактный характер. — Он примолк, осознав, что огульно критикует неудачные изыскания самого Пауэрса, но тот, казалось, не придал этому значения, продолжая разглядывать трещины на потолке. — Может, уделишь время вещам знакомым? Перечитаешь снова Тойнби, Ленина, Шпенглера…

Пауэрс сухо усмехнулся.

— Дышать пылью истории? Ну уж нет. Хотел бы я забыть всех этих заумных мертвых людей, да не выходит. Честно говоря, я хотел бы позабыть вообще все, но на такое у меня не хватит времени. Так уж ли многое забудется за каких-то три месяца?

— Захочешь — что угодно забудешь. Главное — не пытаться обогнать само время, — сказал Андерсен.

Пауэрс кивнул, фиксируя в уме эти слова. Да, именно этим он и занимается — играет с Хро-

носом в догонялки. Прощаясь с Андерсеном, он внезапно решил выкинуть будильник, чтобы раз и навсегда освободиться от чар идущих стрелок. Тогда коридор времени станет гораздо просторнее, и он исследует все его закоулки и повороты. И пусть три месяца станут вечностью.

Идя назад к себе, он заметил свой автомобиль. Подошел к нему, прикрывая глаза рукой от Солнца, зависшего над параболической выпуклостью крыши лекционного зала. Уже собираясь сесть в машину, он заметил, что на пыльном лобовом стекле кто-то вывел:

96 688 365 498 721

Поглядев через плечо, он узнал припаркованный рядом «паккард». Наклонился, чтобы заглянуть в салон, и увидел молодого светловолосого мужчину с высоким лбом, смотрящего на него через солнцезащитные очки. За рулем сидела кудрявая девушка — ее он часто видел на факультете психологии. У нее были умные, чуть раскосые глаза, и Пауэрс припомнил, что молодые врачи называли ее Марсианкой.

— Колдрен, все шпионишь за мной? — спросил он.

Блондин в машине спокойно кивнул в ответ.

— Почти все время, доктор. — Он бросил на Пауэрса острый взгляд. — Вы не показываетесь в последнее время. Андерсен сказал, что вы забросили работу и заперлись в кабинете.

Пауэрс пожал плечами.

— Отдыхаю, только и всего. Есть много над чем подумать как следует.

Колдрен усмехнулся почти презрительно.

— Жаль, доктор, жаль. Не впадайте в депрессию из-за временных затруднений. Живите хотя бы ради Нарколепсии — она вами буквально очарована. — Он кивнул на девицу за рулем. — Я дал ей почитать ваши статьи из «Американского вестника психиатрии», так она сказала, что вы опередили свое время, просто никто этого не понял.

Девушка добродушно улыбнулась Пауэрсу, растапливая лед между ним и Колдреном.

— Вы для своих пациентов — Пастер и Мечников в одном лице.

Пауэрс усмехнулся, потупившись, перевел взгляд на Колдрена. Какое-то время двое мужчин просто смотрели друг на друга понуро, и через минуту тик заходил вверх и вниз по щеке Колдрена. Тот вскоре взял себя в руки, явно огорчившись из-за проигранных «гляделок».

— Как прошла сегодняшняя смена в клинике? — спросил Пауэрс. — Головные боли еще мучают?

Колдрен поджал губы, видимо раздраженный вопросом.

— Кто, в конце-то концов, занимается мной — вы или Андерсен? Есть у вас право задавать мне сейчас такие вопросы?

Пауэрс пожал плечами.

— Нет, скорее всего, — сказал он, внезапно почувствовав себя страшно уставшим. Зной вызывал у него чуть ли не головокружение — хотелось поскорее запереться у себя. Он открыл автомобиль, но вдруг осознал, что Колдрен может поехать за ним — и столкнуть где-нибудь на дороге в кювет или перекрыть своей машиной проезд и начать навязывать ему свои условия. Не было такого безрассудства, на какое не сподобился бы Колдрен.

— Ладно, у меня дела, — бросил он и добавил — чуть резче: — Дай знать, если Андерсену надоест возиться с тобой, как с дитем малым.

Махнув на прощанье рукой, он отошел. Из своего окна он позже увидел, что Колдрен не уехал сразу — остался чего-то ждать.

Пауэрс вошел в здание отдела неврологии и

несколько минут стоял, отдыхая душой и телом в холодном вестибюле. Коротко поприветствовал медбратьев и вооруженного револьвером охранника за стойкой.

По каким-то странным причинам, едва ли ему понятным, спальные залы блока вечно притягивали посторонних, по большей части — эксцентриков и сумасшедших, заявлявшихся сюда, чтобы предложить больнице какие-нибудь мистифицированные средства для борьбы со сном. Впрочем, кто-то из них, наверное, был почти нормален. Кто-то из них преодолевал тысячи миль, чтобы оказаться тут — гонимый, видимо, странным инстинктом мигрирующего зверя да желанием познакомиться с местом, где навеки упокоится его род.

Пауэрс прошел коридором, ведущим к конторе администрации, взял ключ и через теннисный корт дошагал до бассейна на дальней стороне двора.

Бассейном уже несколько месяцев не пользовались, замок в дверях работал только благодаря стараниям Пауэрса. Войдя внутрь, он запер за собой дверь и, медленно ступая по непокрашенным доскам, дошел до самого конца — наиболее глубокой части бассейна. Он остановился на

трамплине и минуту смотрел на идеограмму Уитби. Та была кое-где прикрыта мокрыми листьями и газетами, но образ все еще угадывался. Он занимал чуть ли не все дно бассейна и на первый взгляд смахивал на огромный солнечный диск с четырьмя радиальными «плечами» — примитивную юнговскую мандалу.

Раздумывая, что склонило Уитби запечатлеть незадолго до смерти этот странный символ, Пауэрс внезапно заметил что-то движущееся по середине диска. Черное, покрытое скорлупой животное длиной в фут возилось в грязи, с трудом приподнимаясь на задних лапах. Скорлупа была изрисована и в какой-то степени напоминала панцирь броненосца. Дойдя до края диска, нечто на секунду застыло, заколебалось, после чего отступило обратно к центру, не желая или не имея возможности преодолеть миниатюрный ров.

Пауэрс осмотрелся вокруг, потом вошел в одну из кабинок, окружающих бассейн, и сорвал с заржавевших держателей небольшой шкафчик для одежды. Держа его, он спустился по хромированной лестнице на дно бассейна и приблизился к явно обеспокоенному животному. Оно намеревалось уже сбежать, но Пауэрс схватил его и впихнул в шкафчик.

А увесистая такая зверушка оказалась, не легче кирпича. Пауэрс дотронулся до массивного оливкового панциря, откуда высовывалась треугольная голова, похожая на голову ужа. Глаза с тремя веками, смотревшие на него со дна ящика, заторможенно моргали.

— Готовишься к сильному зною, — пробормотал себе под нос Пауэрс. — Этот свинцовый панцирь, врожденный зонт, должен тебя охлаждать…

Он закрыл дверку, вылез из бассейна, прошел через контору администратора и направился к своему автомобилю.

Дневник Пауэрса:

Колдрен все еще держит на меня какую-то глупую обиду. Он не смирился со своей изоляцией и постоянно исполняет некие ритуалы, заменяющие ему часы сна. Я должен, быть может, сказать ему о своем быстро приближающемся нулевом рубеже, но он наверняка воспримет это как последнее непростительное оскорбление. Я имею в избытке то, чего он так отчаянно жаждет. Неизвестно, что могло бы случиться. К счастью, эти

мои ночные кошмары в последнее время не так докучают...

Отодвинув дневник в сторону, он лег подбородком на стол и какое-то время смотрел за окно, на белое дно высохшего озера, тянущееся до самого горизонта. На расстоянии трех миль, на противоположном берегу, в ясном воздухе второй половины дня вращалась чаша радиотелескопа; с его помощью Колдрен неустанно вслушивался в Космос, рыская в миллионах кубических парсеков пустоты, как древний кочевник на берегах Персидского залива.

За спиной Пауэрса журчал климатизатор, поток холодного воздуха омывал небесно-голубые стены комнаты, в сумерках потихоньку становившиеся иссиня-черными. Снаружи воздух был ясен и тяжел; из зарослей позолоченных кактусов тут же под окнами клиники выливались волны жара, завоевывающие террасы перед зданием неврологии. Где-то в здании, рассортированные по тихим спальням, за отрезающими внешний свет занавесками, спали сном без видений неизлечимые больные. Их в клинике насчитывалось уже больше пяти сотен — целая армия сомнамбул на последнем марше. Едва ли прошло пять

лет с тех пор, как были зафиксированы первые случаи наркомы, но огромные государственные больницы уже были готовы к приему тысяч. Случаи наркомы день за днем становились все более многочисленными.

Пауэрс почувствовал себя уставшим. Он посмотрел на ту руку, где обычно носил часы, задавая себе вопрос, сколько еще времени до восьми, до начала его сна на этой неделе. Он засыпал всегда перед сумерками и знал, что вскоре подойдет его последний рассвет.

Часы были в кармане, и он напомнил себе, что решил их уже никогда не использовать. Отвлечением стали книжные полки, располагавшиеся напротив письменного стола. На них был ряд переплетенных в зеленое публикаций Комиссии по Атомной Энергии — их Пауэрс принес сюда из библиотеки Уитби — и сборники статей, где Уитби и ему подобные описывали свою работу в Тихом океане после взрыва водородной бомбы. Многие эти тексты Пауэрс знал чуть ли не наизусть, читал их сотни раз, стремясь вникнуть в суть последних открытий умершего биолога. Насколько легче было бы забыть Тойнби, Ленина, Шпенглера!

Мысли тянулись саднящей патокой. Пауэрс

протянул руку к дневнику — с мыслями о той девушке, названной Колдреном, вероятнее всего в угоду безумному чувству юмора, Нарколепсией. О той, что сравнила его с Мечниковым и Пастером. Наверное, Уитби такие сравнения подошли бы больше. Думая о Нарколепсии и о подаренной ею дружеской улыбке, Пауэрс записал в дневнике:

> *Проснулся в 6:33 утра. Последний визит у Андерсена. Он дал мне понять, что дальнейшие осмотры лишены смысла, лучше буду чувствовать себя в одиночестве. Заснуть в восемь? Я не знаю. Прощайте, часовые пояса. Всего хорошего, атолл Эниветок*[19].

2

С девушкой он встретился на следующий день в лаборатории Уитби. Он поехал туда сразу после завтрака, забрав с собой зверька, найденного в бассейне; хотел изучить его получше, прежде чем тот умрет. Единственный панцирный му-

---

[19] Примечания: 19

Предположительно, намек на то, что повышенный уровень фоновой радиации в результате испытаний ядерного оружия может быть каким-то образом ответственен за затруднительное положение человечества.

тант, попавшийся ему до этого, едва не оказался причиной его смерти. Месяц назад, когда он ехал вокруг озера на автомобиле, то ударил передним колесом в зверька, уверенный, что попросту раздавит его. Но насыщенный свинцом панцирь животного выдержал, хотя внутренности были размозжены — сила удара столкнула машину в кювет. Он взял тогда с собой панцирь, взвесил его в лаборатории и обнаружил, что тот содержал около шестисот граммов свинца.

Многие разновидности растений и животных начали синтезировать материалы, призванные служить им радиационной защитой. В горах, лежащих по ту сторону пляжа, двое старых золотоискателей пробовали заставить работать брошенные восемьдесят лет назад золотодобывающие машины. Они заметили, что растущие вокруг шахты кактусы покрыты желтыми пятнами. Анализ показал, что растения начали поглощать золото, обедняя залежи через непомерно развившуюся корневую систему — старая шахта, таким образом, им пригодилась куда больше, чем людям.

Проснувшись в то утро в 6:45, на десять минут позже, чем вчера — время он отмерил по радио, — Пауэрс неохотно позавтракал, около часа провел,

запаковывая книги, после чего прогулялся до заставы и велел отправить их брату. Получасом позже он уже занял лабораторию Уитби. Та размещалась в геодезическом куполе стофутового диаметра, построенном рядом с квартирой, на западном берегу озера, на расстоянии около мили от убежища Колдрена. За куполом со времени суицида Уитби никто не присматривал, и почти все экспериментальные флора и фауна вымерли, прежде чем Пауэрс получил разрешение на доступ в лабораторию.

Сворачивая на подъездную аллею, Пауэрс увидел Нарколепсию, стоявшую на вершине купола. Ее стройная фигура ярко выделялась на фоне ясного утреннего неба. Она помахала ему приветственно рукой, съехала на пятой точке по стеклянным плитам купола и соскочила на дорогу рядом с машиной.

— Добрый день, — сказала она, улыбаясь. — Я пришла посмотреть ваш зоопарк. Колдрен сказал, если мы заявимся с ним вместе, вы нас не пустите. Вот я и пошла одна. — Пока Пауэрс молча рылся в карманах, ища ключи, она добавила: — Хотите, я вам рубашку постираю?

Пауэрс усмехнулся, глядя на свои покрытые пылью, пропотевшие манжеты.

— Честно, было бы неплохо, — промолвил он. — А то видок у меня и впрямь затрапезный. — Он открыл дверь, взял Нарколепсию за руку. — И что это такое Колдрен болтает? Пусть тоже приходит, я его гнать не стану.

— А что у вас в ящике? — спросила девушка, указывая на шкафчик.

— Наш дальний родственник. Открыт мной лично совсем недавно. Интересный экземпляр — сейчас я его вам продемонстрирую.

Передвижные перегородки делили здание на четыре отсека. Два отсека служили кладовыми — с вольерами, кормами для животных и медтехникой. Они прошли в третий отсек, где находился огромный рентгеновский аппарат «Гемакситрон», поставленный перед крутящимся круглым столом, заключенным в клеть из защитных экранов.

Четвертый отсек занимал зоопарк Пауэрса. Пока они шли вдоль вольеров, за матовыми стеклами метались тени их обитателей. Рядом со столом Пауэрса стояла самая большая клетка — и самая шумная. Поставив шкафчик с панцирным зверьком на стол, Пауэрс взял со стола кулек орешков и подошел к этой клетке.

Маленький черный шимпанзе в пилотском

шлеме приветствовал их, повиснув на решетке, веселым верещанием, после чего, оглядываясь через плечо, отскочил к пульту, установленному на задней стенке клетки. Он начал поспешно нажимать клавиши — и его жилище окрасилось переливами цветных огоньков.

— Ловкий малый! — сказал Пауэрс, похлопывая шимпанзе по спине и всыпая ему в лапу горсть орешков. — Ума тебе не занимать, я смотрю? — добавил он, когда обезьяна ловким жестом хвастливого фокусника забросила орешки в рот.

Смеясь, Нарколепсия тоже взяла несколько орешков и угостила шимпанзе.

— И впрямь умен! Эти его крики звучат так, будто он вам что-то сказать хочет.

— Он говорит со мной, все так, — кивнул Пауэрс, довольный собой. — У него в запасе аж двести слов, но он пока не освоил разделение слогов. — Из холодильника около стола он вынул ломтики нарезанного хлеба и вручил их шимпанзе. Тот тотчас же, словно только того и ждал, поднял в углу клетки тостер и перенес в центр, воткнув штепсель в розетку в полу.

Пауэрс специальным рубильником подал ток, и через минуту тостер разогрелся.

— Этот малый — один из самых сообразитель-

ных в моей коллекции. Уровень его интеллекта примерно сопоставим с шестилетним ребенком, но в определенных вопросах шимпанзе гораздо самостоятельнее. — Шимпанзе вынул поджаривший хлеб, подул на него, вольготно расселся рядом с тостером и принялся за еду. — Свое жилище он обустроил сам — притащил сюда ведро, использует его для сбора цветов пеларгонии в саду.

— А кто напялил на него шлем? — спросила Нарколепсия, выгнув бровь.

— Я. Это, скажем так, медицинское показание — порой у бедняги мигрень. Все его предшественники… — Пауэрс замялся, отведя взгляд. — Пойдемте, покажу и других здешних жителей.

Они молча прошли в другой конец зала.

— Начнем с истоков, — провозгласил Пауэрс, снимая стеклянную крышку с одного из контейнеров. Нарколепсия заглянула внутрь — в мелкой воде в компании камушков и раковин пребывало маленькое округлое существо с ворохом щупалец.

— Это морской анемон. Ну, был им когда-то — простым кишечнополостным организмом с открытой полостью тела. — Пауэрс указал на утолщенный гребень ткани вокруг основа-

ния. — Он запечатал полость и превратил ее в рудиментарный нотохорд[20] — считайте, перед вами первое растение, развившее нервную систему. Позже усики свяжутся в ганглий, но они уже чувствительны к цвету. Вот, пожалуйста! — Он взял сиреневый платок Нарколепсии и повесил его над контейнером. Придатки анемона затрепетали в определенном ритме, а потом закрутились спиральками, будто обдумывая полученную из внешнего мира информацию.

— Любопытно, что щупальца не реагируют на белый. В нормальных условиях им, как барабанной перепонке в человеческом ухе, доступны лишь перепады давления. Но сейчас они способны натурально *слышать* цвета, знак того, что анемон готовит себя к жизни вне водной среды — к статичному миру, полному резких контрастов.

— Но что все это значит? — спросила Нарколепсия.

— Сейчас поймете.

Они прошли вдоль скамьи до группы контейнеров в форме барабанов, сделанных из

[20] Примечания: 20

Стержневидное образование, проходящее по продольной оси тела и служащее временным скелетом у эмбрионов всех хордовых, иногда сохраняющееся и во взрослом состоянии; у большинства высших хордовых заменяется позвоночником.

антимоскитной сетки. Над самым первым из них висела огромная, увеличительная микрофотография чертежа, напоминавшего синаптическую карту, а над ней надпись: «Дрозофила — 900 Р/ч». Пауэрс постучал пальцем в маленькое окошечко барабана.

— Фруктовая мушка. Ее геном идеален для исследований, — сказал он, наклонился и дотронулся пальцем до огромного улья в форме буквы «Р», повисшего на стенке барабана. Из улья выползло несколько мух. — В нормальных условиях они не сбиваются в стаи. А здесь — создали форму общественного уклада и начали вырабатывать подобие меда из пыльцы.

— А это что? — спросила Нарколепсия, указывая на чертеж.

— Схема действия ключевых генов, — сказал Пауэрс. Он провел пальцем по стрелкам, идущим от центра до центра. Над стрелками виднелась надпись «лимфатические железы», а ниже — «эпителий, образцы». — Немного походит на перфокарту для механического пианино, верно? Достаточно выбить рентгеновскими лучами один из центров, и уже меняется черта, возникает что-то новое.

Нарколепсия посмотрела на второй контейнер

и брезгливо скривилась. Глянув ей через плечо, Пауэрс понял, что смотрит она на гигантское паукообразное размером с ладонь человека, с ворсистыми конечностями в палец толщиной. Фасеточные глаза твари походили на крупные караты.

— Вот этот тип выглядит жутко. — Девушка поежилась. — И что за макраме он плетет? — Она помахала рукой над садком, и монстр-паук, встрепенувшись, отступил вглубь и стал выбрасывать из себя спутанную массу нитей, продолговатыми петлями повисших на стенках.

— Паутина, — сказал Пауэрс, — с той только разницей, что состоит она из нервной ткани. Ее нити являются наружной нервной системой, внешним оперативным придатком мозга. Поистине изящное решение. Много лучше того, чем располагаем мы.

Нарколепсия на несколько шагов отступила от клетки.

— Ужасно. Не хотела бы я иметь с ним дело.

— Он не так страшен, как выглядит. Он слеп. Чувствительность у его глаз такая, что им доступны разве что гамма-лучи. У вас флуоресцентные часы — их стрелки покрыты радиоактивной светомассой постоянного действия из солей ра-

дия-226. Когда вы провели рукой над садком, паук отреагировал. После четвертой мировой войны он себя будет чувствовать как рыба в воде.

Когда они вернулись к столу, Пауэрс включил кофеварку и придвинул стул Нарколепсии. Потом он открыл ящичек, вынул из него закованную в панцирь жабу и положил ее на целлюлозную подстилку на стол.

— Узнаете? Самая обычная жаба — вид, знакомый с детства. Она построила себе, как видите, достаточно солидное бомбоубежище. — Он перенес амфибию в раковину, пустил струю воды и стал смотреть, как та мягко скользит по панцирю. Потом полой рубашки вытер руки и возвратился к столу.

Нарколепсия отбросила упавшие на глаза волосы и с интересом уставилась на него.

— Ну скажите же мне наконец, что все это значит, — попросила она.

Пауэрс зажег сигарету.

— Ничего, по сути. Тератологи[21] годами производят чудовищ. Вы когда-нибудь слышали о так называемой молчащей паре?

Она покачала головой. С минуту Пауэрс задум-

---

[21] Примечания: 21

Тератология — наука, изучающая уродства, тесно связанная со сравнительной и патологической анатомией, эмбриологией и генетикой.

чиво смотрел на нее.

— Так называемая молчащая пара является одной из самых старых проблем современной генетики. Не позволяющая себя разгадать тайна двух пассивных генов, появляющихся у небольшого в процентном соотношении числа живых организмов и не имеющих ни одной ясно определенной функции в строении или развитии этих организмов. Много лет биологи пробовали «оживить» их, заставить действовать, но трудность была в том, что эти гены, даже если существуют, не дают себя легко отделить от других, активных генов, находящихся в оплодотворенных яйцеклетках, а кроме того, нелегко подвергнуть их действию достаточно узкого пучка рентгеновских лучей так, чтобы не повредить остальную хромосому. И все же по факту десятилетнего труда биолог по фамилии Уитби изобрел эффективный метод полного облучения всего организма, базирующийся на наблюдениях, сделанных в области радиологических повреждений на островке Эниветок[22]. Уитби заметил, что повреждения, являвшиеся следствием ядерного взрыва, были значительнее, чем можно было

[22] Примечания: 22

Правительство США использовало название Эниветок вплоть до 1974 года, после чего атолл официально был переименован в Эниветак.

ожидать по расчетам количества выделившейся энергии и интенсивности облучения. Он доказал, что это произошло в результате выделения из протеиновых структур генов скопившейся в них энергии. Сходный процесс — колебание мембраны в резонанс звуку. Помните историю с мостом, развалившимся, стоило по нему строевым шагом пройти роте солдат? Уитби посетило озарение: все упирается в определение резонансной частоты структуры. В молчащих генах она отличается от остальных хромосом, следовательно, отыскав критическую частоту, можно спокойно облучать весь организм, не повреждая его, а воздействуя лишь на молчащую пару. — Рукой с сигаретой Пауэрс широко обвел лабораторию. — Все, что вы здесь наблюдаете, — плоды технологии «резонансного перемещения» от Уитби.

Девушка кивнула.

— Значит, молчащая пара всех этих организмов пробуждена? — догадалась она.

— Истинно так. То, что здесь находится, — лишь ничтожная часть из многих тысяч особей, перенесших эксперимент. Его результаты, смею заверить вас, уникальные.

Он поднялся и задернул шторы. Под овальным куполом, повисшим над их головами, палящее

солнце ощущалось с такой силой, что его трудно было переносить. В полумраке Нарколепсия обратила внимание на стробоскоп, блестевший в одном из контейнеров. Она поднялась и подошла к нему, рассматривая высоченный подсолнух с мясистым граненым стеблем и неестественно огромным диском. Расположенная вокруг цветка полая башня была сложена из тщательно подогнанных друг к другу камней грязно-белого цвета. На ней была прикреплена табличка, гласившая: «Мел: 60 000 000 лет». Рядом на скамье находились еще три башни меньшего размера и диаметра с табличками: «Песчаник девонский: 200 000 000 лет», «Асфальт: 20 лет», «Полихлорвинил: 6 месяцев».

— Видите эти влажные светлые пятнышки на лепестках? — спросил Пауэрс, встав рядом с девушкой. — Уникальная метаболическая реакция со стороны растения. Можно сказать, что оно видит время. Чем старше окружающая его башня, тем метаболизм протекает неспешнее. При контакте с асфальтовой башней годовой цикл его развития сокращается до недели, в окружении полихлорвинила — до двух часов.

— Видит время, — повторила Нарколепсия слова ученого. — Потрясающе! Неужели перед нами

— формы жизни далекого будущего?

— Я не могу этого ни подтвердить, ни опровергнуть, — ответил Пауэрс. — Но если ваше предположение верно, то мир будущего будет сюрреалистичен до безобразия.

3

Он вернулся к столу, вынул две чашки из ящика, налил в них кофе и выключил кофеварку.

— Ряд исследователей хранит убежденность, что организмы, обладающие молчащей парой генов, — предвестники какого-либо всеохватного эволюционного рывка, а молчащие гены — что-то вроде кода, послания. Мы, низшие организмы, носим его в себе для нужд высших, которые должны появиться после нас. Быть может, мы открыли этот код слишком рано.

— Почему?

— Ну, Уитби умер — наложил на себя руки. Что-то, что он обнаружил в ходе своих опытов, свело его с ума. Буквально каждый из облученных им организмов вошел в фазу полностью некоординированного развития, создавая высокоспециализированные органы чувств, чье назначение мы не можем даже отгадать. Последствия этого развития катастрофические — анемон буквально

разлетится на кусочки, дрозофилы пожрут друг друга и так далее. Осуществится ли будущее, заключенное в этих растениях и животных, когда-нибудь, или это лишь наша экстраполяция — кто может сказать? Порой мне кажется, что эти вновь созданные органы чувств — лишь пародия на их запланированную реализацию. Здешние экземпляры пока еще пребывают в ранней фазе второго цикла развития. С течением времени их вид будет все более странным и невообразимым.

Нарколепсия наклонила голову.

— Значит, зоосад без зоологов? А что же ожидает людей?

Пауэрс пожал плечами.

— Приблизительно один человек из ста тысяч несет в себе молчащие гены. У кого они есть — у вас или у меня? Неизвестно. Никто еще не рискнул облучиться полностью. Это было бы не просто самоубийством, но, судя по опытам Уитби, самоубийством мучительным. — Он допил свой кофе и сразу же ощутил усталость и опустошенность. Разговор отнял слишком много сил. Нарколепсия придвинулась к нему.

— Вы очень плохо выглядите, — с ласковой тревогой сказала она. — Проблемы со сном?

Пауэрс выдавил из себя улыбку.

— Да, его у меня слишком много.

— А Колдрен почти не спит. Каждую ночь меня будят его шаги в коридоре. Но лучше бессонница, чем вечный сон, верно? Кстати, никому не приходила в голову идея попытаться облучить больных, спящих в больничном корпусе? Может быть, у кого-то наличествует эта молчащая пара генов?

— В том-то и дело, что они имеются у каждого из них. Молчащие гены и наркома взаимосвязаны самым тесным образом. — Пауэрс был почти обессилен и с трудом удерживался от того, чтобы извиниться перед Нарколепсией и прекратить разговор. Но, пересилив себя, он обогнул стол, вынул из-под него магнитофон, включил, перемотал кассету и прибавил звук.

— Мы с Уитби часто обсуждали этот вопрос, — сказал он. — В конце концов я стал записывать наши беседы. Он был гениальным ученым и лучше всех разбирался в этих проблемах, так что давайте выслушаем его мнение — оно исчерпывает суть дела. — Он надавил клавишу PLAY и закончил мысль: — Извините за низкое качество записи, я слишком много раз запускал эту пленку, и она уже поизносилась.

Голос ученого, отрывистый и нервный, проры-

вался через помехи, но Нарколепсия отчетливо улавливала каждое слово.

Уитби: …Бога ради, Роберт, вспомни статистику ФАО. «За последние пятнадцать лет на каждом акре посевной площади наблюдается пятипроцентный рост всходов». В то же самое время мировой урожай пшеницы упал почти на два процента. Возьмем другие продукты – корнеплоды и зерновые, молоко и мясо, сою и прочее, – везде производство падает. Одновременно возникает множество параллельных аномалий – от перемены маршрутов традиционных миграций до ежегодного удлинения продолжительности зимовок у животных. Все это складывается в общую необратимую закономерность.

Пауэрс: Естественный прирост в европейских странах и в Южной Америке остается на прежнем уровне.

Уитби: Говорю тебе, эта стабильность – временное явление. Через какие-нибудь жалкие сто лет снижение плодовитости, ныне кажущееся ничтожным, будет

влиять и на те территории, где пока возникает искусственный резерв прироста как следствие контроля над рождаемостью. Уже сейчас в странах Дальнего Востока, особенно тех, где смертность детского населения стабильна, рождаемость резко падает. На Суматре, например, она за последние двадцать лет снизилась на пятнадцать процентов, а это уже реально ощутимый спад. Сравнительно недавно, еще два-три десятка лет назад, всякие «неомальтузианцы» пугали мир возможным «взрывом» мировой рождаемости. Сейчас ясно, что опасаться надо не взрыва, а совсем другого. К тому же учти добавочный…

Вдруг речь прервалась — видимо, пленку склеили в месте разрыва. Теперь голос Уитби звучал уже не так раздраженно.

Уитби: …без утайки – сколько времени у тебя отнимает сон?

Пауэрс: Точно не скажу. Часов восемь, наверное.

Уитби: Вечные восемь часов. Кого ни спроси о продолжительности ночного

сна, он, не задумываясь, называет эту цифру. На самом же деле почти каждый человек спит сейчас не меньше десяти часов. Я скрупулезно проверял на себе, получается около одиннадцати часов. Вот тридцать лет назад люди действительно отдавали сну в среднем третью часть суток, а за столетие до этого – часов шесть или семь. В своих знаменитых «Жизнеописаниях» Вазари рассказывает, что Микеланджело даже в восьмидесятилетнем возрасте спал всего четыре-пять часов в сутки, посвящая весь день живописи, а затем еще по ночам трудился за анатомическим столом с яркой лампой над головой… В наше время это кажется совершенно удивительным, но для современников это было обычным делом. Думаешь, чем объяснить замечательную трудоспособность многих гениев древности от Аристотеля и Платона до Фомы Аквинского и Шекспира? Как они могли так много создать за свою, не всегда длинную, жизнь? Да просто они каждые сутки имели по шесть-семь часов дополнительного времени. У нас его вдвое меньше

плюс к тому же более низкий уровень метаболизма – дополнительный фактор, досадно игнорируемый многими.

Пауэрс: Можно предположить, что этот увеличивающийся период сна является формой компенсации, какой-то массовой попыткой к бегству от огромного стресса городской жизни в конце двадцатого века.

Уитби: Можно, но это будет ошибкой. Проблема чисто биохимическая. Матричные лекала рибонуклеиновых кислот, открывающих протеиновую цепочку в любом живом организме, изношены до предела, а матрицы, определяющие свойства протоплазмы, утрачивают упорядоченность. Ничего удивительного, они трудятся без выходных уже добрый миллиард лет – в какой-то момент должна наступить потребность в капитальном ремонте. Продолжительность жизни всегда и для всех ограничена. В этом нет принципиальной разницы между колонией примитивных дрожжей и любым другим живым организмом – или даже целыми видами. Люди всегда те-

шили себя мыслью о том, что эволюция – непрерывный путь к вершине. На самом же деле она давно миновала свой пик и теперь спускается, приближаясь к всеобщему биологическому финишу. Это трудно понять и принять, но такая перспектива остается единственно честной: пройдет полмиллиона лет – и наши потомки, которых мы представляем суперменами, способными дотянуться до звезд, превратятся в неонеандертальцев. Будут бегать по нашей клинике, воющие и перепуганные, ничего не понимающие – как дикари, переправленные в гущу мегаполиса по щелчку пальцев. Поверь, мне жаль их так же, как себя самого. Мой полный провал, абсолютный недостаток права на какое-нибудь моральное или биологическое существование уже сейчас заключен в каждой клетке моего тела…

Запись кончилась, но пленка шелестела еще с минуту, прежде чем остановиться. Пауэрс выключил магнитофон и потер виски. Нарколепсия молча и неподвижно смотрела на него. Тишина прерывалась лишь стуком камешков, служив-

ших игрушками для шимпанзе.

— Уитби считал, — нарушил тишину Пауэрс, — что молчащая пара — это последняя судорожная попытка органической природы выжить, не захлебнуться, говоря образно, в потоке подступающей к горлу воды. Жизнь любого организма находится в прямой зависимости от объема энергии, излучаемой Солнцем. Когда этот объем выйдет на критический уровень, мы перешагнем черту, и уже ничто не спасет человечество от погибели. В предвидении этого для будущей защиты ряд живых организмов выработал нечто вроде аварийной системы, позволяющей адаптироваться к высоким температурам. Например, мягкокожие обзаводятся панцирями с высоким содержанием тяжелых металлов, своего рода щитами от облучения. Уитби считал, что это попытка с заранее обреченным исходом, а я иногда надеюсь… — Он улыбнулся девушке и пожал плечами. — Вы давно знаете Колдрена?

— Недели три от силы, но мне кажется, будто целый век.

— Что можете сказать о нем? Я уже довольно давно не общался с ним.

— Я сама довольно редко с ним вижусь. Он только и делает, что заговаривает мне уши о

пользе сна. Он незаурядная личность, но весь в себе и живет лишь для себя. Но вы для него — настоящая идея фикс.

— Я-то думал, он на дух меня не выносит.

— Это для виду. На самом деле он только о вас и думает — потому и шагает по пятам. — Нарколепсия изучила Пауэрса внимательным взглядом. — Мне кажется, он испытывает перед вами какую-то вину.

— Вину передо мной? — переспросил ученый. — Вот так новости! Скорее я должен считать себя виноватым перед ним.

— Вы? Отчего же? — удивилась Нарколепсия и, поколебавшись, уточнила: — Это правда, что вы ставили на нем какие-то опыты?

— Правда, — ответил Пауэрс. — Увы, задуманное осуществилось далеко не полностью, как и многие другие мои проекты. Неужели Колдрен считает себя ответственным за мои фиаско?

Он взглянул на сидевшую напротив девушку.

— Думаю, вам надо знать все. Вы рассказывали, что Колдрен не может заснуть и ночами бродит по своей комнате, а между тем хроническая бессонница — это его естественное состояние.

Нарколепсия округлила глаза.

— Так вы…

— Я сделал ему лоботомию. С чисто хирургической точки зрения — тонкая работа, ни к чему не придраться. В нормальных условиях периоды сна у человека регулирует гипоталамус; поднимая уровень сознания, он дает отдых волосковым структурам мозга и дренирует накопившиеся в них токсины. Однако, когда часть управляющих петель оказывается разорвана, пациент не получает, как в нормальных условиях, сигнал ко сну, и дренаж происходит в сознательном состоянии. Единственное неприятное последствие операции — чувство временного беспокойства, но через несколько часов и оно исчезает. Таким образом я продлил жизнь Колдрена минимум лет на двадцать. Но его психика по каким-то неизученным причинам постоянно требует сна, и при этом возникает тревога, угнетающая его мозг. Вся моя операция оказалась безупречно исполненной трагической ошибкой.

Нарколепсия нахмурилась.

— Так и знала. В статьях из нейрохирургических журналов вы скрываете своего пациента под литерой К. Я подумала — прямо как у Кафки, только это не литература, а жизнь.

— Может быть, мне скоро придется навсегда уехать отсюда, — сказал Пауэрс. — Сделайте доб-

рое дело — проследите за тем, чтобы Колдрен не прекращал посещений клиники. После операции ткани при глазных яблоках нуждаются в регулярном осмотре.

— Постараюсь. Правда, иногда у меня возникает ощущение, что я сама для него — просто одно из его свидетельств последних дней, — ответила девушка.

— Свидетельств? В смысле?..

— А, так вы не знаете? Так он называет свое собрание итоговых материалов рода человеческого. Писания Юнга, музыка Бетховена, протоколы Нюрнбергского процесса, книги на цифровых носителях, все в таком духе. — Нарколепсия прервалась видя, что Пауэрс не слушает ее. — Что вы рисуете?

— Где?

Она показала на бумагу. Пауэрс понял, что бессознательно, но с огромной точностью вырисовывал четырехрукое солнце, идеограмму Уитби.

— Ах, это… это ерунда, так себе, каракули, — сказал он, чувствуя тем не менее, что рисунок обладал для него какой-то странной, непреодолимой силой.

Нарколепсия поднялась и прошла к выходу.

— Навестите его как-нибудь, доктор. Колдрен столько всего хотел бы вам показать. Он достал где-то старую копию последних сигналов, переданных экипажем «Меркурия-7» сразу после их посадки на Луну. Помните — те странные сообщения, записанные ими незадолго до смерти, полные какого-то поэтического бреда о «белых садах»? Это мне немного напоминает поведение растений здесь, в вашей лаборатории.

Она запустила пальцы в нагрудный кармашек и вынула оттуда какую-то карточку.

— Колдрен просил, чтобы я показала вам это, как будет возможность, — сказала она.

Это была библиотечная карточка из каталога обсерватории. Посредине было написано большое число:

96 688 365 498 720

— Вести обратный отсчет с таким шагом по меньшей мере странно, — скептично заметил Пауэрс. — Пока дойдем до нуля — у меня этих карточек целая гора накопится.

Когда девушка ушла, он бросил карточку в мусорную корзину, а потом почти час изучал свой начерченный по наитию рисунок.

На полдороге к его летнему домику шоссе раз-

дваивалось — одна ветка уходила влево, вилась среди голых холмов к давно заброшенному военному полигону, построенному над одним из далеких соляных озер. Здесь, за высокой оградой, приютилось несколько небольших бункеров, наблюдательные вышки, пара ангаров да большой склад с пологой металлической крышей. Вся территория стрельбища была отделена от окружающего мира цепью белых холмов. Пауэрс привык прогуливаться вдоль огневой позиции, рассматривая бетонные щиты на другом конце горизонта. Абстрактная геометрия расположения всех этих объектов в огромной пустыне позволяла ему ощутить себя муравьем, попавшим на шахматную доску, где уже готовы к игре две армии — бункеры и вышки против мишеней.

Разговор с Нарколепсией неожиданно помог ему осознать, как расточительно и глупо тратил он до сих пор последние месяцы своей жизни. «*Всего хорошего, атолл Эниветок*», — записал он в дневнике, но выходило так, что его целенаправленное забывание работало как запоминание — с точностью до наоборот. Поднявшись на один из наблюдательных пунктов, он облокотился на низкую ограду и долго смотрел в сторону шеренги нарисованных на земле мишеней. Ракеты и

снаряды вырвали из них целые куски бетона, но рисунки огромных стоярдовых дисков синих и красных цветов сохранились на поверхности полигона. Больше получаса он смотрел на них, собирая воедино разрозненные мысли. Потом вдруг решился и, быстро покинув вышку, вошел в ангар. Там было холодно. Порывшись среди ржавеющих электрокаров и пустых контейнеров, он отыскал в другом конце ангара за мотками проволоки и штабелями досок несколько мешков с цементом и древнюю бетономешалку.

Еще через полчаса он подогнал машину к ангару и прицепил к заднему бамперу бетономешалку, загруженную песком и цементом. Потом вылил туда же воду из стоящих вокруг бочек, загрузил остаток цемента в багажник и на заднее сиденье. Из штабелей леса он отобрал самые прямые доски, засунул их в открытое окно и через озеро повез свой груз к центральной, пока еще хорошо сохранившейся мишени.

Два часа без отдыха трудился он в центре огромного синего круга; вручную изготовил примитивные деревянные формы и залил их бетоном, приготовленным таким же дедовским методом. Пауэрс сформовал его в шестидюймовый забор у диска — для этого он размешивал

бетон рычагом домкрата, заливая его в формы колпаком, снятым с заднего колеса. Когда дневная работа была завершена, он ушел. Ограда достигла уже тридцати футов длины.

4

7 июня

Впервые я реально ощутил, насколько укоротился мой день. Когда в моем распоряжении имелось двенадцать часов, временной точкой отсчета был полдень; завтрак и ужин начинались в привычные для меня часы. Сейчас, когда я могу посвятить сознательной деятельности лишь одиннадцать часов, ограниченность времени превратилась в какой-то барьер. Я вижу, как сматывается лента, вращающаяся на катушке магнитофона, но не могу замедлить скорость ее оборотов. Больше всего времени уделяю своей библиотеке, систематизирую и упаковываю книги и журналы. Бандероли очень тяжелые, поэтому я не передвигаю их. Количество клеток уменьшилось до сорока тысяч. Проснулся в 8:10. Засну в 19:15. Где-то посеял часы, придется ехать в город, чтобы купить новые.

14 июня

Теперь у меня в распоряжении только девять с половиной часов. Я, как автомобилист, оставляю за спиной время, как убегающее назад дорожное полотно. Последняя неделя отпуска минует скорее, чем первая. При таком темпе мне остается, наверное, всего четыре-пять недель. Сегодня утром я попытался представить себе последнюю свою неделю, потом последние три дня, два, один и в конце концов последние минуты, финал — и тут меня охватил такой ужас, какой я еще никогда не испытывал. Только через полчаса я восстановил силы настолько, что смог сделать себе инъекцию адреналина.

Колдрен буквально преследует меня. На калитке он вывел мелом число 96 688 365 498 702 — озадачил моего почтальона. Проснулся в 9:05. Засну в 18:36.

19 июня

8 часов 45 минут сознательной деятельности. Меня поднял звонок Андерсена. Я хотел бросить трубку, но вежливость победила, и мы с ним обговорили последние формальности. Восхищался моей выдержкой, назвал ее «героическим стоицизмом». Лестно, но неправда. Все ипостаси добродетели — мужество, вера, самодисциплина — пьют из одного источника, и имя ему отчая-

ние. Как, оказывается, трудно блюсти традицию, утверждающую, что истинный ученый должен бесстрастно воспринимать все факты, подтверждающие его научную гипотезу, какими бы трагическими они ни были для него лично! Ищу опоры в мыслях о Галилее перед судом инквизиции, о Фрейде, мужественно переносившем боль в своей пораженной саркомой челюсти.

Встретил в городе Колдрена. Говорили о «Меркурии-7». Оказалось, что Колдрен убежден, будто его экипаж вполне осознанно решил остаться на Луне, после того как получил доступ к некой «космической информации». Загадочные существа с Ориона будто бы убедили землян, что любое исследование космоса безнадежно опоздало, и именно поэтому Вселенная подходит к концу своего существования. Колдрен заявил, что кое-кто из военных целиком разделяет веру в эту чепуху, но я думаю, что таким извращенным способом он просто пытается успокоить меня.

Видимо, придется отключить телефон. Какой-то ненормальный постоянно звонит, требуя оплаты пятидесяти мешков цемента. Якобы я десять дней назад приобрел их у него. Он утверждает, что сам грузил их в мою машину. Я действительно приезжал в город на фургоне Уит-

би, но только для того, чтобы купить свинцовые экраны. Для чего мне мог понадобиться цемент, для чего… Всякая ерунда отвлекает меня именно сейчас, когда конец все ближе. (Мораль: не следует слишком усердно забывать Эниветок.) Проснулся в 9:40, засну в 16:15.

25 июня

7 часов 30 минут отпущено мне сегодня. Колдрен снова крутился у лаборатории, выискивая что-то, и разбудил меня телефонным звонком. Когда я снял трубку, то какой-то голос, записанный на пленку, взахлеб обрушил на меня целый поток цифр, как обезумевший компьютер. Его выходки начинают мне надоедать. Надо будет проведать его и как-то объясниться. Хороший предлог, чтобы повидаться с Марсианкой.

Теперь мне достаточно поспать всего раз в сутки. Плюс 1 вливание глюкозы. Сон стабильно «черный», без сновидений. Минувшей ночью я снял 16-миллиметровый фильм о первых трех часах сна и сегодня утром просмотрел его у себя в лаборатории. Это самый страшный из всех фильмов ужасов. На нем я кажусь полутрупом. Проснулся в 10:25. Засну в 16:45.

3 июля

5 часов 45 минут — продолжительность моего нынешнего дня. Почти ничего не делаю. Нарастающая летаргия. Едва добрался до лаборатории, по дороге два раза выпускал из рук руль, чуть не попал в аварию. С большим усилием заставил себя накормить животных и сделать записи в лабораторном журнале. Перечитал еще раз заметки Уитби, наставления к завершающим опытам. Рискнул дать себе 40 рентген в минуту с расстояния 350 мм.

Все уже подготовлено. Проснулся в 11:05. Засну в 15:15.

* * *

Он потянулся всем телом, передвинул тяжелую голову по подушке, задерживая свой взгляд на тенях, отброшенных на потолок оконными гардинами. Потом перевел глаза на свои ступни и увидел, что на краю кровати сидит Колдрен, пристально глядя на него.

— Добрый вечер, доктор, — приветствовал он его, гася сигарету. — Точнее, уже ночь. Вы неважно выглядите.

Пауэрс оперся на локоть и посмотрел на часы. Шел двенадцатый час. На миг у него закружилась

голова, он спустил ноги с кровати, облокотился на колени и кулаками принялся массировать отекшее лицо.

Он увидел, что вся комната была в табачном дыму.

— Что тебе нужно? — спросил он Колдрена.

— Хочу пригласить вас на ужин, — ответил тот, показывая на телефон. — Аппарат не работает, пришлось приехать самому. Думаю, вы простите мою бесцеремонность, но я чуть ли не полчаса звонил в дверь. Странно, что вы не услышали.

Пауэрс кивнул и поднялся, безуспешно пытаясь разгладить стрелки на измятых летних брюках. Он уже неделю не переодевался, брюки были влажными и дурно пахли. Когда он направился в ванную, Колдрен спросил, показывая на установленный возле кровати штатив:

— Зачем это, доктор? Вы что, снимаете фильм?

Пауэрс перевел взгляд с Колдрена на штатив и заметил, что дневник его был раскрыт. Размышляя, прочел ли поздний гость его заметки, он поднял дневник и прошел в ванную, захлопнув за собой дверь. Достав из ящика под умывальником шприц и ампулу, он сделал себе укол и с минуту, прислонившись спиной к двери, ждал, когда стимулятор подействует.

Колдрен в комнате развлекался чтением этикеток, размещенных Пауэрсом на связках книг, которые беспорядочно заполнили комнату.

— Ладно, составлю тебе компанию, — в сердцах бросил Пауэрс, глядя на Колдрена. Тот сегодня вел себя как-то неожиданно учтиво.

— Славно! — Колдрен просиял. — К слову, вы не собираетесь переехать отсюда?

— Какая разница. Все равно теперь тебя наблюдает Андерсен.

Колдрен спокойно развел руками.

— Приезжайте к двенадцати, — сказал он. — Вам хватит времени принять душ, переодеться. Странные пятна у вас на рубашке. Известка, я так понимаю?

Пауэрс посмотрел на пятна и попытался отряхнуть светлую пыль. Когда Колдрен ушел, он снял с себя одежду, принял душ и достал из чемодана заранее приготовленное свежее белье и парадный костюм.

До встречи с Нарколепсией Колдрен жил один в старом летнем доме на северном побережье озера. Это была семиэтажная шарада, придуманная математиком-миллионером, слывшим великим оригиналом. По его эскизам и была возведена эта бетонная лента, вившаяся вокруг самой себя, как

обезумевшая змея. Один Колдрен сумел решить шараду — здание являлось геометрической моделью выражения квадратного корня из минус единицы. Он снял его у агента по найму недвижимости за смехотворно низкую плату.

Из окон лаборатории Пауэрс мог по вечерам наблюдать, как его пациент неутомимо перебирается с одного уровня на другой, карабкается в путанице террас и косых плоскостей до самой кровли. Здесь он надолго замирал на фоне небосклона, как приговоренный к смерти перед эшафотом, угадывая в пространстве траектории ловимых им незримых волн.

Приехав к полудню, Пауэрс застал Колдрена застывшим на уступе дома на высоте примерно 150 футов в позе драматического актера с откинутой назад головой.

— Колдрен! — громко позвал он, как будто надеясь, что неожиданный окрик заставит того оступиться и сорваться вниз.

Пациент посмотрел на него, загадочно улыбнулся и плавно махнул рукой.

— Заходите в дом! — крикнул он, вновь устремив взгляд к небесам.

Пауэрс вышел из машины и оперся на капот. Он помнил, как несколько месяцев назад принял

подобное приглашение. Тогда он попал в какой-то закрытый проход, откуда Колдрен выпустил его лишь через полчаса. Наученный горьким опытом, теперь он терпеливо ждал, пока Колдрен, перепрыгивая с плоскости на плоскость, спустится со своего насеста, а потом они вместе поднялись на лифте вверх.

С бокалами в руках они прошли в просторную, застекленную студию-платформу. Ее обвивала белая бетонная полоска неправильной формы, напоминавшая зубную пасту, выдавленную из огромного тюбика. Вокруг них на пересекающихся и параллельных уровнях были расставлены серая мебель строгих геометрических очертаний, огромные фотоснимки, закрепленные на скошенных решетчатых плитках, а также различные экспонаты, разложенные на низких черных столах. Под каждым была табличка с подробным описанием. Вся коллекция венчалась одним-единственным огромным словом «**ТЫ**», расположенным на высоте двадцати футов.

Колдрен с гордостью показал на слово:

— Думаю, невозможно найти что-нибудь, что лучше определяло бы человеческую суть. А ведь моя лаборатория, доктор, — заметил он тщеславно, — поважнее будет, чем ваша.

Пауэрс усмехнулся про себя и взглянул на первый экспонат. Это была древняя энцефалограмма, часто прерываемая выцветшими чернильными каракулями. Надпись под лентой гласила: «Эйнштейн А., альфа-волны, 1922 год».

Двигаясь с Колдреном по залу, Пауэрс изредка подносил ко рту стакан с раствором амфетамина, вызывающим ощущение подъема. Он знал, что через пару часов это ощущение испарится и мозг снова станет аморфным, как охапка мокрой туалетной бумаги. Колдрен высокопарно излагал ему свою оценку того, что он называл «итогом истории».

— Все это, доктор, — предсмертные записки, финальные откровения, продукты окончательной фрагментации. Когда у меня их накопится достаточно много, то я создам из этого материала прекрасный новый мир для себя одного. — Он поднял со стола объемистый том в картонной обложке и принялся нервно листать страницы. — Ассоциативные тесты двенадцати осужденных на Нюрнбергском процессе. Займут почетное место в моей экспозиции…

Пауэрс шел по залу, не обращая внимания на разглагольствования Колдрена. Его заинтересо-

вал стоявший в углу тикерный аппарат[23] — или что-то на него похожее. Из узких отверстий в его корпусе тянулся ленточный серпантин. Пауэрс представил себе Колдрена играющим на бирже — та, впрочем, уже лет двадцать отмечала неуклонный спад курсов всех акций.

— Доктор, — он не сразу понял, что Колдрен обращается к нему, — я не рассказывал вам о «Меркурии-7»? — Бывший пациент показал на сделанные убористым почерком записи: — Вот последние из зафиксированных радиосообщений от них к Земле.

Пауэрс бегло просмотрел листы, прочитал наугад одну строчку.

«…Синие… Люди… Рециркуляция… Орион… Телеметрия…»

Пауэрс неопределенно кивнул.

— Интересно. А для чего там тикерные ленты?

Колдрен усмехнулся.

— Я уже несколько месяцев жду, когда вы спросите меня об этом. Взгляните-ка.

Пауэрс подобрал одну из лент с надписью: «Возничий 225-G. Интервал: 69 часов».

---

[23] Примечания: 23

Тикерный аппарат — аппарат для передачи телеграфным либо телексным способом текущих котировок акций.

Ленту покрывали цифры:

96 688 365 498 695

96 688 365 498 694

96 688 365 498 693

96 688 365 498 692

Пауэрс отпустил ее.

— Выглядит очень знакомо. Что означают эти числа?

Колдрен пожал плечами.

— Кто б мне сказал…

— В смысле? Они должны что-то обозначать.

— Они и обозначают — убывающую арифметическую последовательность. Обратный отсчет, если угодно.

Пауэрс взял правую ленту, подписанную «Овен 44R951. Интервал: 49 дней».

Эта последовательность выглядела так:

876 567 988 347 779 877 654 434

876 567 988 347 779 877 654 433

876 567 988 347 779 877 654 432

Пауэрс оглянулся.

— Какова продолжительность каждого сигнала?

— Всего несколько секунд. Разумеется, они очень сильно сжаты. Их расшифровывает компьютер в обсерватории. Впервые их поймали в Джодрелл-Бэнк лет двадцать назад. Сейчас никто уже не тратит время на то, чтобы их слушать.

Пауэрс повернулся к последней ленте.

6554

6553

6552

6551

— Конец близок, — прокомментировал он. Потом прочитал ярлык на машине: «Неопознанный источник, Гончие Псы. Интервал: 97 недель».

Он показал ленту Колдрену:

— Скоро закончится.

Тот покачал головой. Взял со стола тяжелый, как словарь, том, побаюкал на руках. Лицо его внезапно сделалось мрачным и испуганным.

— Сомневаюсь, — сказал он. — Это лишь последние четыре цифры. А в числе их больше пятидесяти миллионов.

Он вручил книгу Пауэрсу, и тот открыл ее на титульном листе. «Полная последовательность повторяющегося сигнала, полученного

радиообсерваторией Джодрелл-Бэнк Манчестерского университета, Англия, в 0012:59 21–5–72. Источник: NGC9743, созвездие Гончих Псов». Он проглядел толстый блок испещренных мелким шрифтом листов — как и говорил Колдрен, тысяча страниц была сверху донизу заполнена миллионами цифр.

Пауэрс покачал головой, снова поднял ленту и задумчиво уставился на нее.

— Компьютер расшифровывает только последние четыре цифры, — объяснил Колдрен. — Каждый пятнадцатисекундный сигнал содержит всю последовательность целиком, но на полное декодирование одного из них у «Ай-Би-Эм» ушло больше двух лет.

— Потрясающе, — прокомментировал Пауэрс. — Но что это?

— Сказал же… это отсчет. Транслируемый из галактики NGC9743 где-то в созвездии Гончих Псов. Звездные системы там коллапсируют, а их обитатели шлют нам свой предсмертный привет. Неизвестно, подозревают ли они о нашем существовании, и если да — сложно сказать, кто мы в их глазах… Так или иначе, эта цивилизация постоянно рапортует о себе, посылая сигналы на водородной волне с надеждой, что кто-нибудь

в космосе поймет их — и, возможно, спасет. — Он помолчал. — Есть и другие трактовки, но существует довод, свидетельствующий о правомерности лишь одной гипотезы.

— Какой? — спросил Пауэрс.

Колдрен показал ленту сигналов из созвездия Гончих Псов.

— Где-то высчитано, что Вселенная умрет в тот момент, когда цифры дойдут до нуля.

Пауэрс инстинктивно пропустил ленту сквозь пальцы.

— Большая забота с их стороны — напоминать нам о ходе времени.

— О да, — тихо произнес Колдрен. — Учитывая закон обратной пропорциональности к квадрату расстояния до источника, можно установить, что сигналы передаются с мощностью около трех миллионов мегаватт, умноженных в сто раз. Это примерная мощность небольшого созвездия. Вы правы, «забота» — хорошее слово. Там, наверху, пекутся о нас. — Неожиданно Колдрен схватил Пауэрса за руку, крепко сжал ее и приблизил свое лицо к его лицу. — Ты не один, доктор, — произнес он, нервно сглатывая. — Слушай голоса Хроноса, ибо он шлет тебе свой последний привет. Помни, ты — всего лишь часть огромного целого. Каждая

молекула твоего тела, каждая песчинка Земли, как и каждая Галактика, промаркированы одинаково. Ты осознал, что с их помощью тебе стал понятен ток времени, а все другое — суета. Теперь не нужны никакие часы.

Пауэрс ответил Колдрену таким же крепким рукопожатием.

— Благодарю тебя, Колдрен. Как это важно, чтобы тебя понимали.

Спокойным шагом пройдя к застекленной стене, Пауэрс взглянул на белое дно озера. Напряженность, довлевшая до сих пор над их с Колдреном взаимоотношениями, наконец, ушла, и он понял, что исполнил свой долг до конца. Ему хотелось теперь поскорее расстаться со своим пациентом, забыть о нем, забыть его лицо — как он уже позабыл лица многих других. Он вернулся к тикерному аппарату, оторвал несколько витков ленты и положил в карман.

— Возьму на память. Чтобы помнить, — объяснил он. — Прошу тебя, извинись за меня перед Нарколепсией, что я ухожу, не прощаясь.

Подступив к выходу, Пауэрс на прощание бросил взгляд на Колдрена, застывшего в тени двух гигантских букв, с опущенными глазами. Уже отъезжая, он увидел, что тот снова поднялся на

самый верх здания. В зеркале заднего вида он уловил, как пациент прощается с ним, воздев к небу руку, — так он и стоял, покуда дом не исчез за крутым поворотом дороги.

5

Наружный круг был уже почти завершен, оставалось лишь замкнуть небольшой участок дуги длиной в десять футов. Снаружи по периметру мишень была окружена оградой высотой около шести дюймов. Внутри располагался странный герб, чью основу составлял огромный крест, образованный длинными перекладинами, рассекавшими мишень на четыре сектора. У края помещались три рельефных концентрических круга, самый большой имел диаметр около ста метров, ближе к центру с интервалами в десять футов помещались два других. В центре, в точке пересечения перекладин, была установлена небольшая овальная плита, поднятая примерно на фут выше уровня земли.

Пауэрс трудился вдохновенно. Образовавшийся в бетономешалке раствор он быстро разливал по деревянным формам, загоняя его лопатой в самые узкие каналы. Через десять минут он закончил работу и, не дожидаясь, когда бетон затвердеет,

перенес формы на заднее сиденье машины.

Вытерев ладони о брюки, он взялся за бетономешалку и откатил ее подальше, укрыв в тени холма. Даже не оглянувшись на гигантский символ, плод своего лихорадочного труда, забравший так много из последних отпущенных ему часов, он включил мотор, и машина сорвалась с места, оставляя за собой облака белой пыли.

В начале третьего он уже был в лаборатории. Выбежав из машины, он включил в вестибюле все освещение, стремительно задернул шторы и тщательно закрепил их, привязав к специальным крюкам в полу. Лаборатория превратилась в подобие стального шатра. Растения и животные, до того мирно дремавшие в своих помещениях, медленно приходили в движение, реагируя таким образом на яркий свет и тепло от множества ламп. Один только шимпанзе не прервал своего занятия. Сидя на полу клетки, он раздраженно пытался втиснуть кубики в пластмассовый ящичек. Сегодня он не справлялся с этим простым тестом и яростно верещал при каждой новой неудачной попытке.

Пауэрс приблизился к нему и увидел на полу вольера сорванный шлем. Рожица обезьяны была в крови. Пауэрс взял валявшиеся на полу

рядом с клеткой остатки пеларгонии и покачал их перед мордой шимпанзе. Добившись его внимания, он одним движением достал из ящика стола маленький черный шарик и бросил его в клетку. Шимпанзе ловко сграбастал игрушку, с минуту забавлялся, подкидывая ее к потолку, потом поймал ртом. Пауэрс не стал ждать конца. Он бросил пиджак и раздвинул тяжелые двери рентгеновского зала, где стоял сверкающий металлическим блеском эмиттер «Гемакситрона», прикрыл заднюю стену помещения защитными свинцовыми экранами и, чуть помедлив, включил генератор.

Анемон шевельнулся. Купаясь в теплом излучении, охватившем все кругом, ведомый остаточными воспоминаниями о жизни в морской среде, он побрел через весь контейнер, на ощупь двигаясь к светлому солнцу — праматери. Его щупальца колебались. Тысячи сонных, пассивных до этой поры клеток приступили к размножению и перемещению, используя для этого энергию, высвобождающуюся в ядре каждой из них. Возникали цепочки, структуры группировались, образуя многослойные линзы, возвращались к жизни, объединялись спектральные линии прерывистых звуков и начинали стремительный

танец, похожий на плеск фосфоресцирующих волн, вокруг темного овала камеры.

Постепенно создавался образ огромного темного фонтана, из него ударил непрерывный луч ослепительно чистого света. Рядом с ним возникла причудливая фигура; когда она коснулась пола, из-под ног ее выплеснулись краски, а многопалые руки, цеплявшиеся за скамейки и сетку контейнеров, рассыпались мозаикой голубых и фиолетовых пузырьков. В темноте они взрывались, как звездные вспышки.

Фотоны перешептывались. Безостановочно, будто подлаживаясь к светящимся вокруг него звукам, анемон преображался. Его нервная система перестраивалась, возникали новые стимулы из тонких перепонок хребтовой хорды. Немые линии помещения поспешно начали наполняться звуковыми волнами, насылаемыми световой дугой. Скамьи, мебель, аппаратура — все вокруг посылало ответное эхо. Резкие очертания предметов резонировали сухим и пронзительным полутоном. Сплетенные из пластиковых лент спинки и сиденья стульев посылали аккорды стаккато, а квадратный стол откликался непрерывным двойным тоном.

Не реагируя на эти звуки, чей смысл он уже

расшифровал, анемон устремился к потолку — тот, как кольчуга, отражал голоса светящихся ламп. А над всем этим оркестром, прорываясь через узкую полоску на краю неба, голосом ясным и сильным, полным бесконечного множества полутонов, пело солнце.

До рассвета оставалось лишь несколько минут, когда Пауэрс вышел из лаборатории и сел в машину. За его спиной во мраке возвышалось здание, освещенное бледной луной, плывущей над холмами. Он двигался по извилистой подъездной дороге, направляя машину вниз к шоссе, окаймляющему озеро, и прислушивался к скрипу шин на мелком гравии дорожного покрытия. Затем он переключил скорость и до отказа вдавил педаль акселератора.

Посматривая на несущиеся навстречу ему известковые холмы, слипшиеся в темноте в монолитную массу, он ощущал, что, даже не различая деталей, хранит в глубине своей памяти их форму и очертания. Это было неопределенное чувство, источником которого служило почти физическое впечатление — он воспринимал его словно прикосновениями глаз непосредственно из котловин и впадин между взгорьями. Несколько минут Пауэрс поддавался этому чувству, не

старяясь даже определить его точнее, создавая в мозгу странные конфигурации очертаний.

Дорога сворачивала сейчас у группы домиков, выстроенных на берегу озера, и тут же у подножия холмов он внезапно почувствовал огромную тяжесть массива, возвышающегося на фоне темного неба — острой скалы из блестящего мела, — и осознал тождественность этого чувства с зарегистрированным в его памяти. Видя скалы, он осознал те миллионы лет, что прошли с мгновения, когда скалы впервые поднялись из магматической земной скорлупы. Острые хребты в трехстах футах под ним, темные впадины и щели, нагие глыбы, лежащие вдоль шоссе, — все это имело собственное выражение, передаваемое тысячью телепатических голосов, суммой всего времени, прошедшего в течение всей жизни массива.

Бессознательно он сбросил скорость и, отводя взгляд от взгорья, почувствовал, как на него обрушилась вторая волна времени. Картина была шире, но основывалась на более короткой перспективе, она била из широкого круга озера и изливалась на острые, уже крошащиеся известняковые скалы, как мелкие волны, бьющие о мощный выступ континента.

Он закрыл глаза, оперся о спинку сиденья и направил автомобиль на разрыв, разделяющий два этих течения времени, чувствуя, как картины усиливаются и углубляются в его мозгу. Подавляющий возраст пейзажа и едва слышные голоса, доходящие от озера и белых холмов, казалось, переносили его в прошлое, вдоль бесконечных коридоров к первому порогу мира.

Он свернул на шоссе, ведущее к стрельбищу. На обеих сторонах ложбины лица холмов кричали, отражаясь эхом в непроницаемых полях времени как два гигантских магнита противоположных полюсов. Когда Пауэрс, наконец, вывел автомобиль на открытое пространство озера, казалось, что он чувствует в себе тождественность каждого зернышка песка и кристалла соли, зовущих его с цепи окрестных холмов.

Запарковав автомобиль вблизи мандалы, он медленно приближался к наружному кругу — его очертания уже проглядывали в свете близящейся зари. Над собой он слышал звезды, космические голоса, наполнявшие небо. Как наложенные друг на друга радиосигналы, перекрещивающиеся в пространственных карманах неба, они кометами низвергались из далеких закромов космоса. Над собой Пауэрс видел красную точку Сириуса

— и слушал его голос, длящийся много, много миллионов лет, приглушенный спиральной Туманностью Андромеды. Он наблюдал гигантскую карусель исчезнувших вселенных, чьи голоса были почти так же стары, как и сам космос. Он знал теперь, что небосклон был бесконечной вавилонской башней — песней времени тысяч галактик, схлестывавшихся в его сознании. Приближаясь к центру мандалы, Пауэрс наклонил голову, чтобы взглянуть на сверкающий уступ Млечного Пути.

Дойдя до внутреннего круга мандалы, будучи в нескольких шагах от центральной плиты, он почувствовал, что хаос голосов утихает, и слышен лишь один, доминирующий голос. Он взошел на плиту и поднял взгляд к темному небу, смотря на созвездия, на галактические острова — и *за* них, слушая слабые предвечные голоса, доходящие до него через миллиарды лет. Тронув лежащую в кармане ленту, он поднял глаза к бесконечно далекому Гончему Псу и внял его мощному голосу.

Как вечная река, такая могучая, что со стремнины не видать берегов, к нему устремился беспредельный поток времени, обнимающий и небо, и Вселенную, переполняя все, что их составляет. Пауэрс понял, что наплывающее неспешно и торжественно время имело свой источник в

основании самого космоса. Когда вал накатил, он ощутил его неимоверную тяжесть — и легко уступил ему, свободно уплывая на гребне великой волны. Его неторопливо сносило, разворачивало лицом в направлении прилива. Вокруг затуманились контуры холмов и озера, и у него остались только космические часы — неотрывно смотрящие ему в глаза образы мандалы. Всматриваясь в нее, он чувствовал, как понемногу исчезает его тело; сливаясь с нею, он ощущал, как постепенно тает в величественной непрерывности потока, уносящего его туда, где не было ни надежды, ни света, но где среди тишайших рек вечности царил абсолютный покой.

Когда тени исчезли, сникнув в ложбины холмов, Колдрен вышел из автомобиля и неуверенно приблизился к бетонному наружному кругу. В пятидесяти метрах дальше, в центре мандалы, на коленях у трупа Пауэрса сидела Нарколепсия, нежно гладя лоб умершего. Порыв ветра растревожил песок и принес под ноги Колдрену обрывок тикерной ленты. Он поднял его, осторожно свернул и сунул в карман. Утро было холодное, поэтому он поднял воротник пиджака, одновременно наблюдая за девушкой, сидящей возле мертвеца.

— Уже шестой час, — обратился он к ней через несколько минут. — Пойду вызову полицию. Ты останься с ним. — Колдрен прервался и немного погодя добавил: — Не позволяй им повредить часы.

Нарколепсия поглядела на него:

— Ты сюда уже не вернешься?

— Не знаю, — сказал он ей на прощание. Отвернулся и пошел в направлении автомобиля.

Он доехал до шоссе, тянувшегося вдоль озера, и несколькими минутами позднее остановил машину перед лабораторией Уитби.

Внутри было темно. Окна закрыты — генератор в рентгеновском зале работал. Колдрен вошел внутрь и включил свет. Дотронулся ладонью до генератора. Берилловый цилиндр был нагрет. Круглый лабораторный стол все еще медленно вращался, установленный на один оборот в минуту. Полукругом, в нескольких футах от стола покоилась груда контейнеров и клеток. Огромный анемон выпростался из своего обиталища — его длинные прозрачные щупальца все еще цеплялись за края клетки, но тело растекалось в липкую лужу слизи. Чудовищный паук запутался в паутине и висел посредине гигантского фосфоресцирующего клубка, конвульсивно вздрагивая.

Все экспериментальные животные и растения были мертвы — даже смышленый шимпанзе лежал на спине посреди своей клетки, прикрыв летным шлемом лицо и потихоньку коченея.

Колдрен приглядывался к нему недолго, потом сел к столу и поднял телефонную трубку. Набирая номер, он заметил кружок киноленты, лежащей на столе. Он некоторое время всматривался в надпись, потом положил ленту в карман. После разговора с полицейским постом он погасил все лампы, сел в машину и медленно отъехал.

Когда Колдрен добрался до дома, через вьющиеся балконы и террасы просвечивало солнце. Он поднялся на лифте и прошел в свой музей, раздвинул занавесы и пригляделся к отражениям солнечных лучей в экспонатах. Потом передвинул кресло к окну, сел в него, пытливо всмотрелся в полосы света.

Два или три часа позднее он услышал голос зовущей его Нарколепсии. Через полчаса она ушла, но потом звал кто-то другой. Он встал и задвинул все шторы во фронтонных окнах, чтобы его оставили в покое.

Он опять сел в кресло и, глубоко откинувшись в нем, продолжал изучать свою коллекцию. В наступившей полудреме Колдрен шевелил рукой лишь для того, чтобы убавить наплыв света, проникавшего в щели между шторами. Полулежа, он размышлял о Пауэрсе и его удивительной мандале, о семи космонавтах с «Меркурия-7» и об их загадочном странствии к белым лунным садам. Размышлял он и о синих людях с Ориона — об их рассказах про необычные и таинственные древние миры, расцветавшие под золотистым светом солнц далеких космических островов, навсегда исчезнувших в безднах умерших галактик. И мыслям этим, как казалось ему, никогда не будет конца.

1960

The Voices of Time. Первая публикация в журнале *New Worlds*, октябрь 1960.

Перевод О. Макеевой

Последний мир мистера Годдарда

По какой-то непонятной, неявной причине мистера Годдарда особенно раздражал именно гром. Весь день он, бывая тут и там, как того требовали обязанности супервизора первого этажа, прислушивался к далеким грохотаниям и раскатам, почти терявшимся в деловом шуме универсального этажа. Дважды он, по надуманным причинам, поднимался на лифте в кафетерий на крыше и внимательно прочесывал взглядом небо, выискивая на горизонте признаки грозовой тучи или какой-либо атмосферной турбулентности. Небо, однако, оставалось чистым, бесстрастно голубым, и лишь кое-где его пачкали легкие перышки лениво плывущих кучек-облачков.

Именно это и тревожило мистера Годдарда. Прислонившись к перилам кафетерия, он явственно слышал гром, раскалывавший воздух где-то в тысяче футов над его головой и рассыпавшийся шумными хлопками, как потоки воздуха, сталкивающиеся от трепыханья крыльев огромной птицы. Время от времени небо затихало, но

ненадолго — на несколько минут.

Мистер Годдард оказался не единственным, кто услышал гром, — несколько человек за столиками на террасе уже задирали головы, так же, как и он сам, обескураженные отсутствием видимого источника странных звуков. В обычных обстоятельствах мистер Годдард обменялся бы с ними любезностями — его седые волосы и старомодный костюм в «елочку» на протяжении двадцати лет служили символом доброжелательности и заботы, — но сегодня он прошел мимо, даже не взглянув на гостей. Внизу, на первом этаже, беспокойство ощущалось не так сильно, но и во второй половине дня, прохаживаясь между прилавками и поглаживая по головке детей, он прислушивался к едва слышному, далекому треску, необъяснимому и почему-то пугающему.

В шесть часов мистер Годдард занял место в будке табельщика, с нетерпением ожидая, когда будет проштемпелевана последняя карточка, после чего передал пост ночному сторожу и отправился домой. Уже на улице, надевая старое пальто и шляпу, он почувствовал, как вечерний воздух содрогнулся от очередного раската.

Дом мистера Годдарда находился всего лишь в полумиле от работы и представлял собой неболь-

шую двухэтажную виллу, окруженную высокой живой изгородью. С виду обветшалый, но все еще прочный, он на первый взгляд ничем не отличался от любого другого холостяцкого жилья. Тем не менее каждый, кто прошел бы по короткой дорожке к дому, отметил бы одну особенность: все окна, как внизу, так и вверху, были надежно закрыты, причем закрыты так давно, что разросшийся перед домом плющ переплелся с деревянными створками в тех местах, где древесина успела немного подгнить.

При ближайшем рассмотрении выяснилось бы, что за пыльными рамами прячутся диагональные стальные решетки.

Забрав со ступенек бутылку молока, мистер Годдард вошел в кухню, которая служила ему гостиной — с креслом и маленьким диванчиком. Занявшись приготовлением ужина, он отвлекся, когда в дверь поскребся — и был впущен — постоянный гость, соседский кот. За стол сели вместе; кот, забравшийся на выделенный ему стул, не мигая, наблюдал за хозяином дома.

Около восьми мистер Годдард приступил к давно установленной и остававшейся неизменной вечерней процедуре. Он открыл дверь, осмотрел боковой вход, после чего запер дверь и оба окна.

Потом он вышел в прихожую и в сопровождении кота приступил к осмотру дома.

Осмотр этот проводился с особой тщательностью, причем кот заменял мистеру Годдарду шестое чувство. Внимательно следя за животным, мягко переходящим из одной пустой комнаты в другую и тихонько мурлычущим себе под нос, мистер Годдард отмечал его реакции.

Больше в доме никого не было. Наверху — голые половицы, окна без штор, лампочки без абажуров. В углах и на ободранных викторианских обоях собиралась пыль. Все камины были заложены кирпичами, а дымоходы, судя по следам на каменной кладке над каминными полками, плотно забиты.

Пару раз мистер Годдард проверил решетки, благодаря которым комнаты походили на стальные клетки. Удовлетворенный результатом, он спустился по лестнице и, заглянув в переднюю, убедился, что там все на месте. Направив кота в кухню, он вознаградил его блюдечком молока, вернулся в коридор и закрыл за собой дверь.

Единственной комнатой, пока еще не удостоенной внимания, оставалась гостиная. Мистер Годдард достал из кармана ключ, открыл замок и вошел.

Как и во всех остальных, здесь не было ничего, кроме деревянного стула и большого черного сейфа, стоявшего спиной к стене. Другой отличительной особенностью была мощная электрическая лампочка, подвешенная к центру потолка с помощью хитроумного полиспаста.

Застегнув пиджак на все пуговицы, мистер Годдард подошел к сейфу. Массивный старинный ящик был примерно трех футов в ширину и глубину. Когда-то его выкрасили в темно-зеленый, бутылочный цвет, но теперь почти вся краска отшелушилась, обнажив темную сталь. В лицевую часть была встроена массивная дверца.

Рядом с сейфом стоял стул с висящим на спинке целлулоидным козырьком. Надев его, мистер Годдард стал похож на бывалого медвежатника, приступающего к нелегкой, на весь вечер, работе. Из набора висевших на цепочке ключей он выбрал маленький серебряный, вставил его в замочную скважину, повернул на триста шестьдесят градусов ручку и, потянув обеими руками, открыл дверцу.

Никаких полок внутри не было, только одна объемная камера. И всю эту полость, не считая узкого зазора между ним и толстыми, трехдюймовыми стенками, занимал черный оловянный

ящик для документов.

Взяв паузу для передышки, мистер Годдард услышал в темноте за закрытыми окнами глухой раскат грома. Непроизвольно нахмурившись, он вдруг уловил легкое похлопывание в глубине сейфа. Мистер Годдард наклонился вперед и увидел над ящиком огромную белую бабочку. Насекомое билось о крышку, и каждый удар отскакивал глухим эхом от жестяных стенок.

Мистер Годдард улыбнулся про себя, словно решил вдруг задачу, над которой бился весь день. Наклонившись вперед, он наблюдал за бабочкой, отчаянно разбивавшей в клочья свои израненные крылья. Просунув ладони в сейф, мистер Годдард осторожно взялся за ручки на крышке ящика и приподнял его.

Ящик был тяжелый, и мистеру Годдарду пришлось приложить немалые усилия, чтобы вынести его из сейфа, не задев стенки последнего, однако благодаря долгой практике он сделал это одним быстрым движением. Потом бережно поставил жестянку на пол, подвинул стул и опустил лампочку так, что она оказалась в нескольких дюймах над головой. Отжав защелку, он поднял крышку.

В ящике, сверкая отраженным блеском, стояло

нечто, похожее на тщательно спроектированный и искусно выполненный кукольный домик. На самом деле это был целый комплекс миниатюрных зданий; идеально продуманные и собранные модели с крышами, карнизами, стенами, кирпичной кладкой настолько точно воспроизводили оригинал, что, если бы не проступающая в тени фигура мистера Годдарда, их можно было бы принять за настоящие дома и строения. Миниатюрные рамы и решетки в дверях и окнах едва превышали размерами мыльные хлопья. Камни мостовой, уличная мебель, профилированные дорожки — все соответствовало выбранному масштабу.

Самое высокое, шестиэтажное, здание в ящике достигало примерно четырнадцати дюймов. Стоящее на углу перекрестка, в центре ящика, оно, по всей видимости, являлось копией универсального магазина, в котором работал мистер Годдард. Интерьер его был выполнен с таким же вниманием к деталям меблировки и декора, как и внешний фасад; через окна можно было увидеть все этажи магазина с представленными на них товарами: коврами на первом, бельем и женской модой на втором, мебелью на третьем. В кафетерии на крыше стояли металлические

стулья и столы с тарелками, приборами и вазами с крошечными цветами.

Слева и справа от магазина находились банк и супермаркет, напротив, по диагонали, — здание городского муниципалитета. Они также в точности повторяли оригиналы: в выдвижных ящиках за стойками в банке лежали пачки миниатюрных банкнот, крошечные монеты сияли, словно горки серебряной пыли. Интерьер супермаркета поражал тысячью виртуозно воссозданных мелочей. На полках высились пирамиды банок, коробок и разноцветных пакетов, настолько крошечных, что отличить один от другого невооруженным глазом было невозможно.

За главными на перекрестке зданиями находились магазины поменьше и заведения, обычные для боковых улочек, — швейные мастерские, пабы, обувные ателье и табачные лавки. При взгляде сверху возникало ощущение, что здесь воссоздан весь растянувшийся вдаль город. Стены ящика были окрашены столь умело, с таким вниманием к перспективе, что глаз не мог найти ту грань, где заканчивались модели. Весь этот микрокосмический мир являл собой совершенство, создавал иллюзию реальности столь абсолютную, что казалось, будто это и есть

настоящий город, во всех его действительных измерениях.

Внезапно в теплом свете раннего утра мелькнула тень. Дверь одного из обувных магазинчиков приоткрылась, на тротуар выступила некая фигура и, окинув взглядом пустую пока еще улицу, отступила в сумрак за порогом. То был мужчина средних лет в сером костюме и белой рубашке, предположительно управляющий. Почти сразу же чуть дальше по улице открылась вторая дверь, и вышедшая из парикмахерской женщина начала открывать ставни. Одета она была в черную юбку и розовый рабочий халат. Возвращаясь в салон, женщина приветливо помахала кому-то, идущему в направлении здания муниципалитета.

Все больше людей выходило на улицу; горожане шли по тротуарам, переговариваясь друг с другом. Начинался новый рабочий день. Вскоре улицы уже заполнились пешеходами; ожили офисы над магазинами, между столами и картотечными шкафами замелькали машинистки. Одни таблички снимали, другие вешали, меняли цифры на календарях. В универсам и супермаркет пожаловали первые посетители — уже пробирались между обновленными прилавками.

В муниципалитете клерки сели за бухгалтерские книги; в кабинетах с дубовыми панелями старшие чины пили первую чашку чая. Город проснулся и ожил — как хорошо организованный улей.

* * *

Высоко над городом, пряча в тени гигантское лицо, за своей лилипутской сценой незаметно, как рассудительный, постаревший Гулливер, наблюдал мистер Годдард. Он сидел, слегка подавшись вперед, прикрыв глаза зеленым козырьком, сложив на коленях руки. Время от времени мистер Годдард наклонялся на несколько дюймов, чтобы получше рассмотреть ту или иную фигурку внизу, или поворачивал голову, чтобы заглянуть в магазин или офис. Лицо его не выдавало никаких эмоций, казалось, он довольствовался ролью простого зрителя. Всего в двух футах от него сотни крошечных человечков жили собственной жизнью, и приглушенный уличный шум незаметно проникал в комнату.

Самая высокая из фигурок едва достигала полутора дюймов, однако же прекрасно выполненные лица отражали и характер, и эмоции. Большинство горожан мистер Годдард знал наглядно,

многих — по имени. Вот миссис Хэмилтон купила нижнее белье и спешит по переулку к служебному входу, опаздывая на работу. За окном кабинета управляющего директора мистер Селлингс, как обычно, произносит напутственную речь перед троицей начальников отделов. На улице десятки людей, давних и хорошо знакомых клиентов мистера Годдарда, покупают продукты, отправляют письма, обмениваются слухами.

По ходу развития сцены мистер Годдард постепенно подвигался все ближе к ящику — его интерес привлекли две или три разворачивающиеся сцены. Преимущество наблюдательного пункта заключалось в том, что благодаря некоей странной особенности то ли архитектурной композиции, то ли перспективы он мог рассмотреть едва ли не каждую из миниатюрных фигурок с множества точек и под разными углами. Высокие окна банка позволяли видеть каждого из сидящих за своими столами служащих; форточка в глубине открывала вид на хранилище, ряды депозитных ячеек на полках за решеткой и одного из младших кассиров, развлекающегося чтением бирок. Для наблюдения за широкими этажами универмага было достаточно всего лишь наклонить голову. То же относилось и к магазинам

поменьше, состоявшим обычно не более чем из двух помещений, — ему вполне хватало задних окон и форточек. От внимания мистера Годдарда не ускользало ничто. В задних дворах он видел составленные рядами велосипеды, швабры уборщиц в ведрах у подвальных дверей, наполовину полные мусорные баки.

Первая из привлекших внимание мистера Годдарда сцен имела отношение к заведующему складом универмага, мистеру Дюрранту. Мельком просматривая банк, мистер Годдард обнаружил его в кабинете управляющего: подавшись к столу последнего, заведующий складом активно объяснял ему что-то. Обычно Дюррант был среди тех, перед кем горячо распинался мистер Селлингс, так что в банк он мог отправиться только по неотложному делу. Между тем управляющий как будто пытался всячески от него избавиться: отворачивался, перекладывал бумаги на столе. В какой-то момент Дюррант, галстук которого успел сбиться набок, вдруг вышел из себя и сердито повысил голос. Управляющий встретил этот порыв молча и с невеселой улыбкой покачал головой. В конце концов заведующий складом повернулся и направился к двери, но, прежде чем удалиться, бросил на хозяина кабинета укориз-

ненный взгляд.

Выйдя из банка, он, словно позабыв о своих обязанностях в универмаге, решительно зашагал по Хай-стрит. Возле парикмахерской Дюррант остановился, вошел и завернул в кабинку, в которой брили крупного мужчину в клетчатом костюме и зеленой фетровой шляпе на голове. Мистер Годдард наблюдал за ними через застекленный люк в крыше. Человек в кресле, местный букмекер, слушал Дюрранта молча, откинувшись на спинку, а когда заведующий складом закончил говорить, небрежным жестом предложил ему сесть.

Сложив два и два, мистер Годдард с интересом ждал продолжения разговора. Увиденное подкрепляло подозрения, навеянные в последнее время рассеянным поведением заведующего складом.

Однако как только букмекер снял полотенце и поднялся, внимание наблюдателя привлекло нечто более важное.

Непосредственно за универмагом находился небольшой тупик, отделенный от идущего со стороны улицы переулка высокими деревянными воротами. Он был завален упаковочными ящиками и разнообразным мусором, а его дальняя

сторона упиралась в заднюю стену ящика, отвесную скалу, поднимающуюся в далекую высь. Застекленные окна грузового лифта выходили во двор и были дополнены на пятом этаже небольшим балкончиком.

Именно этот балкон и привлек внимание мистера Годдарда. Двое мужчин возились там с неким деревянным устройством, в котором можно было распознать раздвижную лестницу. Общими усилиями они подняли ее и с помощью веревок вытянули вдоль стены до точки, находившейся примерно в пятнадцати футах над их головами. Удовольствовавшись достигнутым, мужчины закрепили нижний конец, привязав его к перилам балкона, после чего один из них, раскинув руки и держась за стену, поднялся на самый верх.

Пытаются сбежать из ящика!

Мистер Годдард подался вперед, с изумлением наблюдая за происходящим. От верхней ступеньки лестницы до края ящика оставалось еще семь-восемь дюймов — то есть тридцать-сорок футов для мужчин на балконе, — но их предприимчивость впечатляла. Мистер Годдард замер, наблюдая, как они растягивают канаты.

Где-то далеко пробило полночь. Мистер Годдард

посмотрел на часы, затем, не заглядывая больше в ящик, подтянул лампочку к потолку и опустил крышку. Потом поднялся, взял ящик, осторожно убрал его в сейф, закрыл дверцу и, выключив свет, неслышно вышел из комнаты.

На следующий день, в магазине, мистер Годдард совершил свой обычный обход, раздавая неизменные порции дружелюбия и ободрения как продавцам, так и покупателям, в полной мере используя банальные мелочи, ставшие известными ему в результате наблюдений за прошлый вечер. При этом он выискивал взглядом мистера Дюрранта; вмешиваться не хотелось, но его не оставляло чувство, что если жизненные обстоятельства заведующего складом не изменятся решительным образом, его контакты с букмекером приведут в скором времени к трагедии.

За все утро никто на складе Дюрранта не видел, но в начале первого мистер Годдард заметил его у главного входа. Заведующий складом остановился, растерянно огляделся и в глубокой задумчивости побрел между выставочными образцами.

Мистер Годдард вышел и как бы ненароком оказался рядом с ним.

— Чудесный денек, не правда ли? Все уже начи-

нают подумывать об отпуске.

Дюррант рассеянно кивнул, продолжая рассматривать альпинистское снаряжение, выставленное в витрине отдела спортивных товаров.

— Правда? Хорошо.

— Вы ведь куда-то собираетесь? Наверно, как обычно, на юг Франции?

— Что? Нет, не думаю, что мы в этом году куда-то поедем. — Дюррант двинулся дальше, но мистер Годдард не отставал.

— Жаль. По-моему, вы вполне заслужили хороший отпуск за границей. Надеюсь, никаких неприятностей? — Он испытующе посмотрел на заведующего складом. — Если я могу чем-то помочь, вы обязательно скажите. Буду только рад ссудить небольшую сумму. Старику, как я, деньги особенно ни к чему.

Дюррант остановился и задумчиво уставился на него.

— Спасибо, Годдард, — сказал он наконец. — Вы очень добры.

Тот пожал плечами и смущенно улыбнулся.

— Не стесняйтесь. Я, знаете ли, своих всегда поддерживаю. Вы уж извините, но как насчет пятидесяти? Вас устроит?

Дюррант слегка прищурился.

— Очень даже устроит. — Он помолчал, потом негромко спросил: — Это ваше личное решение или Селлингс подсказал?

— Подсказал что?

Дюррант шагнул ближе, сократив разделявшее их расстояние, и в голосе его зазвучали резкие нотки:

— Вы, должно быть, следите за мной уже несколько дней. Вы все обо всех знаете, так, Годдард? И мне чертовски хочется доложить о вас куда следует.

Мистер Годдард отступил. Как же спасти ситуацию? Он вдруг заметил, что они совершенно одни. Люди, останавливавшиеся обычно возле витрин, толпились у входа в переулок за магазином; издалека долетали крики.

— Что там, черт возьми, происходит? — рявкнул Дюррант и, присоединившись к толпе, попытался заглянуть в переулок.

Мистер Годдард поспешно вернулся в магазин. Продавщицы поглядывали в окна и взволнованно перешептывались, а некоторые даже вышли из-за прилавков и собрались у служебного входа в конце зала.

Пробившись через толпу, мистер Годдард услышал, как кто-то звонит в полицию. Женщина

из отдела кадров прошла к грузовому лифту с парой одеял.

Сдерживавший толпу швейцар пропустил мистера Годдарда. Во дворе собралась группа из пятнадцати-двадцати зевак; все смотрели вверх, на балкон пятого этажа и на накренившуюся под углом 45 градусов самодельную лестницу. Верхняя ее секция, длиной около двенадцати футов, подломилась в месте крепления и теперь свисала вертикально вниз, покачиваясь из стороны в сторону над головами любопытных зрителей.

Усилием воли мистер Годдард взял себя в руки. Кто-то уже накрыл одеялами два тела. Мужчина — предположительно врач, — стоявший рядом с ними на коленях, печально качал головой.

— Я одного не пойму, — вполголоса сказал один из заместителей управляющего, обращаясь к швейцару, — куда они пытались забраться. Лестница просто уходит в никуда.

Швейцар согласно кивнул.

— Мистер Мастерман и мистер Стретфилд. Такие серьезные люди. И зачем только им понадобилось ставить эту лестницу?

Мистер Годдард проследил взглядом направление лестницы. Высота задней стены двора не превышала семи-восьми футов, за ней была

оцинкованная крыша велосипедного навеса и открытая автомобильная стоянка. Лестница действительно нацеливалась в пустоту, но двух мужчин влекла слепая, неодолимая сила.

Вечерний обход дома прошел быстрее обычного — мистер Годдард лишь мельком заглядывал в пустые комнаты и закрывал двери сразу, едва кот успевал принюхаться. Потом он запер его в кухне и поспешил открыть сейф.

Поставив ящик на пол, мистер Годдард поднял крышку.

Как только город ожил, он тщательно осмотрел его, прошел взглядом по миниатюрным улицам, заглянул поочередно во все окна, четко фиксируя личность и роль по возможности большего числа обитателей. Словно тысяча челноков ткацкого станка, выбивающих бесконечно сложный узор, они сновали между магазинами и офисами, входили и выходили через сотни дверей, и каждый касался при этом десятков других — на тротуарах и в аркадах, — добавляя стежок за стежком в гобелен событий и мотивов, сплетая и спутывая жизни. Прослеживая каждую нить, мистер Годдард пытался обнаружить любое изменение в направлении движения и нежелательное взаимодействие.

Он понял, что модель меняется. Пока еще неопределенно, но некоторые отклонения уже проявились. Едва заметные сдвиги в отношениях между людьми в ящике: конкурирующие торговцы, похоже, сближались, не знакомые друг с другом горожане начинали разговаривать, возбуждалась какая-то ненужная и бесцельная активность.

Мистер Годдард искал фокус, событие, которое раскрыло бы источники новой модели. Он осмотрел балкон за лифтовой шахтой на предмет обнаружения дальнейших попыток к бегству. Лестницу убрали, но заменить ее никто не попытался. Другие потенциальные маршруты побега — крыша кинотеатра, часовая башня муниципалитета — ничего нового в этом отношении не дали.

Лишь один, стоявший особняком инцидент сбивал его с толку. Этот уникальный спектакль, проходивший в тихом уголке бильярдного салона, начался с того, что мистер Дюррант представил букмекеру управляющего банком. Когда мистер Годдард в два часа ночи закрывал ящик, троица все еще что-то обсуждала.

Наблюдая за толпами покупателей на протяжении нескольких последующих дней, мистер

Годдард рассчитывал обнаружить некоторые из уже проявившихся в ящике тенденций. Его приближающееся шестидесятипятилетие служило удобным предлогом заводить разговоры со старшим начальством. Однако ожидаемого дружеского отклика не последовало: все отделывались короткими репликами, граничившими порой с откровенной грубостью. Мистер Годдард списал такое отношение на общую атмосферу в магазине, изменившуюся в худшую сторону после гибели тех двоих. На дознании случился неловкий эпизод, когда одна из продавщиц впала в истерику, а коронер загадочно отметил имеющее место сознательное сокрытие информации. По залу прокатился согласный шум, но что именно имел в виду представитель закона, никто, похоже, так и не понял.

Другим симптомом этого беспокойства стал шквал поданных заявлений на увольнение. Уходить вознамерилась едва ли не треть штатных работников, причем указанные ими причины были всего лишь предлогами. Когда мистер Годдард попытался добраться до истины, выяснилось, что лишь немногие отдают ясный отчет в своих действиях. Мотивы большинства оставались загадкой для них самих.

Вторжение иррациональных сил стало очевидным, когда однажды вечером, выходя из магазина, мистер Годдард увидел высоко над городом управляющего банком — тот стоял на часовой башне муниципалитета и смотрел в небо.

В течение следующей недели в ящике не произошло ничего такого, что прояснило бы ситуацию. В отношениях между горожанами продолжались изменения и перегруппировки. Управляющий банком все чаще оказывался в компании с букмекером, а еще мистер Годдард понял, что ошибался в отношении Дюрранта — никакие долги на заведующего складом не давили, а роль его, похоже, заключалась в том, чтобы быть посредником между букмекером и заведующим банком, который в конце концов согласился участвовать в их махинациях.

Мистер Годдард не сомневался: налицо какой-то заговор. Поначалу он предполагал, что речь идет о планируемой попытке массового прорыва из ящика, но подтверждений этому не нашлось. Скорее, в головах обитателей ящика зарождалось непонятное и не до конца распознанное как таковое побуждение, находившее отражение в эксцентричном, непредсказуемом поведении их двойников во внешнем мире. Не сознавая

собственных мотивов и лишь наполовину осознавая самих себя, служащие магазина все более и более напоминали детали огромного пазла, разрозненные отражения в кусочках разбитого зеркала. После некоторых раздумий он выбрал для себя политику невмешательства, полагая, что источники заговора непременно проявятся в течение ближайших недель.

Увы, события устремились к эффектной развязке быстрее, чем представлялось мистеру Годдарду.

В день своего шестидесятипятилетия он отправился на работу на полчаса позже обычного и по прибытии был вызван к мистеру Селлингсу.

Директор начал с поздравлений, затем перешел к перечислению его заслуг перед магазином, а завершил выступление пожеланием долгих лет спокойного отдыха.

Мистер Годдард не сразу понял, о чем идет речь. Никто и никогда не заговаривал с ним об отставке, а сам он всегда считал, что останется на своем месте, как и многие коллеги, по крайней мере до семидесяти.

Собравшись с духом, он выразил Селлингсу мнение на сей счет.

— Вообще-то, мистер Селлингс, я не ждал такого

предложения. Думаю, здесь какая-то ошибка.

Управляющий поднялся и, коротко улыбнувшись, покачал головой:

— Никакой ошибки, мистер Годдард. Не далее как вчера совет директоров специально рассмотрел ваше дело, и мы сошлись на том, что вы после стольких лет заслужили право на отдых.

Мистер Годдард нахмурился:

— Но, сэр, я не хочу уходить! У меня нет никаких планов на пенсию…

— Что ж, пришло время ими заняться. — Протянув на прощание руку, Селлингс направился к двери. — Хорошая пенсия, собственный домик — да хоть весь мир к вашим услугам.

Мистер Годдард остался сидеть. Решение пришло быстро.

— Боюсь, мистер Селлингс, принять решение совета я не могу. Уверен, что в интересах бизнеса я должен остаться в своей нынешней должности.

Селлингс больше не улыбался — на его лице проступило выражение нетерпения и раздражения.

— Спросите заведующих отделами и продавцов, не говоря уже о покупателях, — они все потребуют, чтобы я остался, — продолжал мистер Годдард. — Само предположение о моей отставке

станет для них шоком.

— Вы так думаете? — резко оборвал его Селлингс. — А вот по моим сведениям, дело обстоит ровным счетом наоборот. Поверьте, выход на пенсию пришелся для вас как нельзя кстати. В последнее время я получил множество жалоб, и, если бы не этот повод, мне пришлось бы принимать соответствующие меры. Быстрые и радикальные.

В последний раз выходя из бухгалтерии, мистер Годдард оцепенело повторил про себя эти слова и понял, что не может в них поверить. Однако Селлингс был человеком ответственным и никогда не принимал единоличных решений по такого рода вопросам. А значит, он допустил огромную ошибку.

Или нет?

Совершая последний, прощальный обход и втайне еще надеясь, что известие о внезапной отставке вызовет сплочение его сторонников, мистер Годдард обнаружил, что Селлингс был прав. Проходя с этажа на этаж, из отдела в отдел, от прилавка к прилавку, он везде видел на лицах одно и то же выражение молчаливого согласия и одобрения… Люди радовались, что он уходит. Никто не выказал ни малейшего сожаления;

многие ускользнули еще до того, как он смог попрощаться с ними, а остальные только коротко хмыкали. Кое-кто из коллег постарше, люди, знавшие мистера Годдарда по двадцать и даже тридцать лет, выглядели слегка смущенными, но слов сочувствия не последовало и от них.

В конце концов, когда в мебельном отделе от него просто отвернулись, демонстрируя нежелание разговаривать, мистер Годдард решил, что с него хватит. Потрясенный и униженный, он собрал свои вещи и ушел.

Путь домой занял, казалось, целый день. Повесив голову, он брел по тихим боковым улочкам, не замечая прохожих, стараясь справиться с ударом по всем его представлениям о самом себе. Его интерес к другим людям всегда был искренним и непритворным, это он знал точно.

Сколько раз он протягивал руку помощи, вникал в проблемы, чтобы решить их наилучшим образом. И что в результате? Ему ответили презрением, завистью и недоверием.

На ступеньках крыльца терпеливо ждал кот. Удивленный столь ранним возвращением покровителя, он подбежал к калитке и стал тереться о ноги. Но мистеру Годдарду было не до кота. Путаясь в ключах, он открыл дверь и механиче-

ски, по привычке, запер ее за собой. Снял пальто, приготовил чаю, налил молока в блюдце — для кота. Наблюдая, как тот пьет, он безуспешно пытался понять, чем вызвал враждебность у столь многих людей.

Внезапно мистер Годдард отодвинул чашку и направился к двери. Не потрудившись подняться наверх, он сразу прошел в гостиную, включил свет и уставился на сейф. Объяснение случившемуся сегодня определенно крылось где-то там. И он отыщет его, если только не подведут глаза.

Отперев замок, он повернул ручку и, слишком резко потянув тяжелую дверцу, не сразу смог справиться с ней. Потом, подстегиваемый нетерпением и не обращая внимания на боль в плече, наклонился и схватил ящик.

Уже вынимая ящик из сейфа, мистер Годдард понял, что вес ему не по силам, и, подставив под ящик колено, положил руки на крышку и прислонился плечом к сейфу.

Поза была неудобная, и сил хватило ненадолго. Он попытался задвинуть ящик в сейф, но тут вдруг закружилась голова. Перед глазами завертелась маленькая спираль и, постепенно расширяясь, превратилась в глубокий черный водоворот, заполнивший всю голову.

Прежде чем он успел что-то сделать, ящик вырвался из рук и с сильным металлическим грохотом упал на пол.

Опустившись на колени рядом с сейфом, мистер Годдард устало привалился к его стенке.

Ящик лежал на боку, на границе круга света. От удара крышка сама собой открылась, и теперь внутренности ящика освещал лишь один-единственный узкий луч.

Несколько минут в комнате слышалось только неровное, затрудненное дыхание. Потом в промежутке между крышкой и полом обозначилось какое-то едва уловимое движение. Маленькая фигурка осторожно выступила из тени, огляделась и исчезла в той же тени. Секунд через десять появились еще три, за ними последовали другие. Маленькими группами они растекались по полу, создавая иллюзию ряби. За первыми хлынул целый поток прочих, все толпились и подталкивали один другого, торопясь как можно скорее выбраться из ящика. Вскоре круг света ожил; крошечные фигурки мелькали в нем, как рыбешки в освещенном пруду.

В темноте, ближе к углу, резко скрипнула дверь. Сотни фигурок как по команде замерли. Кот осторожно просунул голову и остановился, оглядывая

сцену недоверчивыми глазами.

А потом, издав злобное шипение, прыгнул вперед.

Лишь через несколько часов мистер Годдард медленно поднялся на ноги и, бессильно прислонившись к сейфу, посмотрел на лежащий на боку ящик. Потом, собравшись, потер скулы и, болезненно скривившись, помассировал грудь и плечи. И только после этого прошел, едва волоча ноги, к ящику, поставил его как надо и, подняв крышку, осторожно заглянул внутрь.

И тут же, выронив крышку, обвел взглядом пол и даже направил свет в самые темные уголки. Осмотревшись, он повернулся и поспешил в коридор, включил свет там и внимательно, заглядывая за плинтусы и под решетки, обследовал пол.

Оглянувшись через плечо, мистер Годдард заметил, что дверь в кухню открыта. Подойдя к ней на цыпочках, он пробежал взглядом между ножками стола и стула, от угольного ведра к щетке.

— Синбад! — крикнул мистер Годдард.

Застигнутый врасплох, кот выронил из лап что-то крохотное и метнулся под диван.

Мистер Годдард наклонился и несколько секунд пристально рассматривал предмет, потом

прислонился к шкафу и невольно закрыл глаза.

Кот вцепился когтями в добычу. Блеснули зубы… Он громко сглотнул…

— Синбад, — уже тише произнес мистер Годдард. Какое-то время он равнодушно наблюдал за котом, потом шагнул к двери.

— Идем!

Медленно виляя хвостом, кот последовал за ним. Они прошли по дорожке к калитке. Мистер Годдард посмотрел на часы. Они показывали 14:45. В соседних домах было тихо, далекое, безмятежное небо отливало голубизной. Тут и там солнечный свет отражался от эркерных окон, но улица оставалась неподвижной, а ее покой — полным и нерушимым.

Мистер Годдард выпустил кота на тротуар и закрыл за собой калитку.

Они вместе вышли в опустевший мир.

1960

The Last World of Mr Goddard. Первая публикация в журнале *Science Fantasy*, октябрь 1960.

Перевод С. Самуйлова

Пятая вилла на улице Звезд

Из цикла «Алые Пески»

В это лето в Алых Песках ветер каждый вечер прибивал к моему порогу бесформенные клубки цветных телеграфных лент с безумными стихами моей прекрасной соседки, жившей на пятой вилле на улице Звезд. Гонимые ветром через пески, они напоминали гигантскую разорванную паутину. Всю ночь с шелестом они обвивались вокруг подпор террасы, цепляясь за перила, а утром южная сторона дома была увита ими, словно цветами буйно разросшейся бугенвиллеи.

Однажды, вернувшись после трехдневной поездки в соседний Ред-Бич, я нашел на террасе огромное облако из перепутанных телеграфных лент. Оно, лишь только я открыл дверь в дом, влетело в гостиную и, рассыпавшись, заполнило ее разноцветными обрывками. Зацепившиеся за мебель и повисшие на книжных шкафах, эти узкие и легкие, как серпантин, полоски напоминали нежные побеги какого-то диковинного вьющегося растения. Потом я долго извлекал их из всех углов и закоулков дома.

Я не раз совершал походы к вилле, находившейся не более чем в трехстах ярдах от меня, с твердым намерением вручить письменный протест, но сколько бы ни нажимал кнопку звонка, никто не открывал дверь. Однажды мне удалось мельком увидеть соседку. Это было в день ее приезда в Алые Пески. По поселку промчался открытый «эльдорадо» с ней за рулем. Копна длинных развевающихся волос делала ее похожей на языческую богиню. Мне запомнились лишь глаза на белом как снег неподвижном лице.

Меня не переставало удивлять, почему, несмотря на мои настойчивые звонки, никто не открывает дверь. Мое внимание также привлекло еще одно странное обстоятельство: каждый раз, когда я направлялся к соседней вилле, в воздух поднимались колонии песчаных скатов и с неприятными резкими криками кружили надо мной, словно стая вспугнутых летучих мышей. В последний раз, когда я намеренно долго не отпускал нажатую кнопку звонка, к моим ногам упал огромный песчаный скат. Впрочем, как я впоследствии узнал, это был сезон всеобщего безумия в Алых Песках, когда, по утверждению Тони Сапфира, даже скаты пели, а я собственны-

ми глазами видел мифологического бога Пана за рулем «кадиллака».

Теперь я часто спрашиваю себя, кто же она была, эта Аврора Дэй, внезапно, как комета, появившаяся на нашем, казалось бы, спокойном в это межсезонье небосклоне. Каждому из нас она представала в совершенно разных обличьях. Мне вначале она явилась неврастеничной красавицей, возомнившей себя *femme fatale*. Моему приятелю Рэймонду Мэю она казалась тревожащей воображение Мадонной Сальвадора Дали, загадочной предвестницей апокалипсиса. А Тони Сапфир и другие пляжные поклонники видели в ней ясноокую Астарту, богиню красоты и любви, возвращенную нам из далеких тысячелетий.

Я хорошо помню, как впервые познакомился с ее стихами. Однажды после ужина, отдыхая на террасе — а это было моим обычным времяпровождением в Алых Песках, — я обратил внимание на обрывок узкой ленты, напоминавшей телеграфную, лежавшей на песке у края террасы. Поодаль валялись еще несколько таких же обрывков. Вначале я безразлично следил за тем, как ветер играет ими. У соседней виллы стоял автомобиль с непогашенными фарами, и я подумал, что наконец-то много месяцев пусто-

вавшая вилла обрела хозяина.

Из простого любопытства я, встав с шезлонга, перемахнул через невысокие перила террасы и поднял с песка одну из лент. Она оказалась довольно длинной, нежно-розового цвета, прозрачной, как лепесток цветка, словно тающий у меня в руках. Поднеся ее к глазам, я прочел:

ТВОЕ ЛИЦО ПОДОБНО СВЕТУ ДНЯ —
ХОТЬ МИЛ МНЕ СВЕТ, НО НЕ МИЛЕЙ ТЕБЯ.

Я разжал пальцы, и лента бесшумно скрылась в темноте под террасой. Нагнувшись, я осторожно поднял другую. На ней таким же замысловатым неоклассическим шрифтом было напечатано:

МУЖЕЙ ВЕЛИКИХ ДУШИ ПО ВРЕМЕНАМ СКВОЗЬ НАС ПРОХОДЯТ — И РАСТВОРЯЕМСЯ МЫ В НИХ…

Я оглянулся. Дневной свет над пустыней погас. Соседняя вилла сверкала огнями, как драгоценная корона. Проносящиеся по шоссе автомобили высвечивали узоры кварцевых отложений в песчаных рифах, и эти короткие разноцветные вспышки казались мерцающим ожерельем в темноте наступившей ночи.

Я снова посмотрел на обрывок телеграфной ленты у себя в руках.

Шекспир и Эзра Паунд? Странные вкусы у моей соседки! Интерес потихоньку угас, и я вернулся на террасу.

В последние несколько дней ветер продолжал доставлять мне через дюны обрывки телеграфных лент. Обычно это случалось под вечер, когда огни проезжавших машин причудливо освещали эти узкие, гонимые ветром полоски. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что первое время, погруженный с головой в редактирование сборника авангардистских стихов «Девятый Вал», я мало обращал на них внимание: в моем кабинете негде было повернуться от верстok и экземпляров с авторской правкой. К тому же я не видел ничего необычного в том, что рядом поселилась еще одна поэтесса. Почти все виллы в поселке обычно снимались поэтами или художниками абстракционистского толка, как известно, не особенно отличающимися трудолюбием. Обосновавшись здесь, мы все в той или иной степени страдали одной курортной болезнью, обрекавшей нас на безделье и расслабленность воли и духа, бесцельное лежание на пляже, темные очки и полуденный отдых на террасе.

Однако вскоре столь бесцеремонное вторже-

ние в мой личный мир стало раздражать. Раз письменные протесты не возымели действия, я попробовал заявить их устно, для чего сам отправился на соседнюю виллу. Но когда умирающий скат спикировал с небес прямо мне под ноги и, трепыхаясь в предсмертных конвульсиях, попытался ударить меня своим смертоносным хвостом, я понял, как мало у меня шансов на личную встречу с загадочной обитательницей пятой виллы.

Шофер, горбун и калека с лицом стареющего фавна, мыл стоявший у крыльца вишневый «кадиллак». Я подошел к нему и, указывая на вылетающие из окон верхнего этажа телеграфные ленты, пояснил:

— Ветер несет их в мою сторону. Вашей госпоже следовало бы приобрести более совершенное печатающее устройство. Например, компьютерный версификатор.

Он окинул меня долгим взглядом через капот вишневого «эльдорадо» и вдруг, сев на переднее сиденье, вынул из ящичка в приборном щитке свирель.

* * *

Обойдя вокруг машины, я остановился перед ним, но он уже успел извлечь из свирели несколько высоких резких звуков.

Я подождал, когда он закончит, и, повысив голос, спросил:

— Вам не составит труда передать вашей госпоже мою просьбу держать окна закрытыми?

Не обращая на меня внимания, он прижал свирель к губам. Я наклонился к нему, чтобы прокричать мою просьбу прямо в ухо, как вдруг порыв сильного ветра вздыбил песок дюн — и весь гравий на подъездной аллее заодно. Я оказался в центре миниатюрного смерча, почти ослепнув от песка и пыли, брошенных мне в лицо. Глаза жгло, песок хрустел на зубах. Закрывая лицо руками, я невольно попятился назад, путаясь в обрывках телеграфных лент.

Но ветер так же внезапно стих, пыль осела. Воздух снова был чист, а я — неподвижен, как минуту назад. С удивлением я увидел, что отдалился от виллы шагов на тридцать, «кадиллак» с шофером исчезли, двери пустого гаража были открыты.

В голове гудело, было тяжело дышать, я испытывал странное чувство раздражения. Оскорб-

ленный проявленным ко мне неуважением и тем, что так глупо угодил в самый центр пыльной бури, я снова направился к крыльцу виллы, как вдруг услышал тонкий, повторяющийся на одной ноте звук свирели. Негромкий, но неожиданно зловещий, он словно плыл по воздуху. Пытаясь понять, откуда он, я оглянулся — и вдруг увидел, как снова угрожающе завихрился песок на дюнах по обе стороны подъездной аллеи.

Решив больше не испытывать судьбу, я отказался от новой попытки и поспешил домой.

Недовольный собой, понимая всю нелепость своего положения, я решил заявить протест официально, а пока, обойдя вокруг террасы, собрал все валявшиеся на песке обрывки лент и сунул их в мусорный бак. Потом я подлез под террасу и выгреб оттуда все, что зацепилось и застряло. Как ни странно, мой любопытный глаз то тут, то там выхватывал случайные строки из Шекспира, Вордсворта, Китса или же Элиота. В компьютерной памяти версификатора соседки явно что-то разладилось. Вместо вариаций на тему классических стихов селекторный блок возвращал саму модель, но почему-то в бессистемно расчлененном виде. Я даже подумал, что, пожалуй, лучше мне самому позвонить агенту фирмы «Ай-Би-Эм»

в Алых Песках и попросить прислать механика к пятой вилле.

Но случилось так, что в этот же вечер я сам смог поговорить с соседкой.

Я лег спать как обычно, в одиннадцать, но уже через час или около того что-то разбудило меня. Луна в зените чуть спряталась за край зеленоватого облака, бросавшего свою бледную тень на песчаную пустыню и наш поселок. Я вышел на террасу, и в ту же минуту мое внимание привлекло пятно белого фосфоресцирующего света, скользящее по дюнам. Вначале я решил, что это лунный луч, прорвавшийся сквозь пелену облаков, но вскоре происхождение светящегося пятна показалось мне столь же странным, как недавние звуки свирели.

И тут я увидел ее. Она появилась из-за дюн и медленно шла по песку в длинном белом платье, как бы струящемся за нею, с копной поднятых ветром голубых волос, похожих на хвост райской птицы. У ног ее вились уже знакомые обрывки лент, а в воздухе кружили три песчаных ската цвета киновари. Она шла, не замечая ничего, освещенная длинным лучом света, падавшим из верхнего, одиноко светившегося окна виллы. Потуже затянув пояс халата, я, прислонившись к

столбику террасы, наблюдал за моей соседкой, на миг позабыв и о досаждавших мне обрывках бумажных лент со стихами, и о грубости ее шофера. Иногда Аврора исчезала за дюнами, казавшимися зелеными от лунного света.

Она шла к рифам на берегу высохшего мертвого озера. Она уже была в сотне ярдов от ближайшего из них — длинной галереи песчаных гротов и арок, — как вдруг мне показалось, что ее неестественно скованная походка напоминает поступь сомнамбулы. Какие-то доли секунды я еще колебался, опасливо поглядывая на кружащих над ней скатов, но потом перепрыгнул через перила террасы и бросился вслед. Острые кусочки кварца в песке больно кололи босые ноги, но я успел догнать ее прежде, чем она достигла края рифов. Поравнявшись с ней, я пошел рядом, слегка коснувшись ее локтя. Над моей головой в темноте бесновались встревоженные скаты. Я понял, что странный свет исходил от ее платья, а луна тут была ни при чем. Моя соседка не была в сомнамбулическом сне, а просто о чем-то глубоко задумалась. Ее темные глаза были устремлены вдаль, тонкий белый лик напоминал маску. Подняв на меня невидящий взор, она сделала жест, словно прогоняя меня прочь. Остановившись,

посмотрела под ноги и вдруг как бы очнулась и даже удивилась, где она и что делает здесь в столь поздний час. Глаза ее ожили, и вовремя увидев, как близко подошла к зиявшему входу в пещеру, она в испуге отпрянула назад. Ее платье ослепительно сверкнуло, словно ему передался испуг хозяйки.

Скаты над нами, прекратив беспорядочное кружение, взмыли вверх и, как бы успокоившись, плавно описали широкий круг.

— Простите, я напугал вас, — извинился я. — Но вы так близко подошли к рифам.

Она отстранилась от меня, испуганно вскинув брови.

— Что? — спросила она растерянно. — Кто вы? — и словно про себя с придыханием произнесла: — О Парис, отдай мне предпочтение, но не Минерве, — но вдруг умолкла и встревоженно посмотрела на меня, ее рубиново-красные губы дрожали. Она шла по песку; скаты над ней, словно маятник, вспарывали темноту ночи, и казалось, что Аврора движется в ореоле янтарного сияния.

Я смотрел ей вслед, пока она не исчезла за дверью своей виллы. На песке, где она прошла, что-то блеснуло в неглубоком отпечатке ее ступни. Я нагнулся, поднял маленький, ярко сверкнувший

камешек и обнаружил, что это бриллиант весом не менее карата, и тут же увидел еще один в другом отпечатке ее ноги. Пройдя по ее следам, я собрал не менее полудюжины драгоценных камней, но вскоре ощутил, что ладонь стала мокрой. Вместо бриллиантов в моей ладони были всего лишь капельки холодной ночной росы.

О том, кто же она, моя соседка, я узнал на следующее утро. После завтрака, спустившись в гостиную, чтобы приготовить коктейль, я увидел в окно, как к дому сворачивает знакомый «кадиллак». Хромой шофер, выпрыгнув из машины, неуклюже раскачиваясь, заковылял к крыльцу. В его руке в черной шоферской перчатке был розовый конверт. Из вредности я заставил его подождать несколько минут, прежде чем вскрыл письмо. Он вернулся к машине и, не выключая мотора, сел и стал ждать, пока я прочту послание Авроры.

Она писала:

Я сожалею, что была вчера невежлива с Вами. Ваше столь неожиданное появление испугало меня. Могу я загладить свою вину, пригласив Вас на коктейль сегодня? Мой шофер заедет за Вами в двенадцать.

Аврора Дэй

Я взглянул на часы: было без пяти двенадцать. Пяти минут оказалось достаточно, чтобы собраться с мыслями. Шофер сосредоточенно разглядывал руль «кадиллака» и, похоже, проявлял полнейшее безразличие ко мне. Оставив входную дверь открытой, я вернулся в гостиную, накинул легкий пиджак и, на ходу рассовывая по карманам листы верстки сборника «Девятый Вал», вышел.

Едва я успел опуститься на сиденье, как машина рванула с места.

— Как долго вы пробудете в Алых Песках? — спросил я, обращаясь, по сути, к кромке рыжеватых курчавых волос, прикрытых сверху околышем шоферской фуражки, а снизу подпираемых высоким черным воротником.

Шофер не ответил. Выехав на шоссе, он вдруг свернул на встречную полосу и, дав газ, обогнал шедшую впереди машину. Усевшись поудобнее, я

повторил свой вопрос и, снова не получив ответа, развязно постучал рукой по плечу его черной саржевой куртки.

— Вы плохо слышите, милейший, или дурно воспитаны?

Он на секунду оторвал глаза от шоссе, резко обернулся и окинул меня коротким недобрым взглядом. Я увидел красные зрачки его глаз. В них уж не знаю, чего было больше — презрения или нескрываемой ненависти. С искривленных в злобной гримасе уст неожиданно сорвались слова отборной брани. Заряд ее был столь сильным, что буквально пригвоздил меня к спинке сиденья.

Мы остановились у подъезда пятой виллы. Шофер выскочил из машины и, открыв мне дверцу, жестом пригласил следовать за ним к черным мраморным ступеням. Он был похож на паука, завлекающего ничтожную мошку в сети своей паутины.

Он тут же исчез, как только мы вошли в дом, и я один проследовал по мягко освещенному холлу к бассейну с фонтаном, где плавали белые карпы. Аврора сидела в шезлонге. Подол свободного белого платья веером лежал у ее ног. Расшитое драгоценными камнями, оно отражало игру

водных струй.

Когда я сел, она с любопытством посмотрела на меня и отложила в сторону тоненький томик в желтом сафьяновом переплете, походивший на самодеятельное малотиражное издание чьих-то стихов. Вокруг шезлонга на полу лежали в беспорядке разбросанные книги. Среди них я узнал несколько недавно вышедших поэтических сборников.

Увидев, как сквозь щели неплотно задернутых занавесок в открытое окно вылетают наружу знакомые обрывки лент, я глазами поискал компьютерный версификатор, но не обнаружил его.

Взяв с низкого столика стакан с коктейлем, я спросил:

— Вы много читаете? Я имею в виду поэзию.

— Читаю, когда удается, — ответила она.

— О, понимаю, — рассмеялся я. — Мне тоже приходится читать больше, чем хотелось бы. — Я вытащил из кармана верстку «Девятого Вала». — Вам знакомо данное периодическое издание?

Она задумчиво и чуть снисходительно взглянула на титульный лист. «Зачем она пригласила меня?» — вдруг задался я вопросом.

— Да, знаю. Ужасное, не правда ли? Пол Рэнсом, — прочла она. — Кто это? Неужели вы

редактор этого издания? Как интересно!

Она произнесла это с какой-то странной интонацией, будто уже обдумывала возможный план действий. Время от времени она пытливо смотрела на меня, но чаще мне казалось, что она просто витает где-нибудь в облаках. Ее внимание ко мне менялось столь резко и неожиданно, как светотень в плохо снятом фильме.

* * *

— Расскажите мне о своей работе, — внезапно попросила она. — Вы, должно быть, знаете, что творится в современной поэзии — и почему она так ужасна.

Я пожал плечами:

— Думаю, все дело в поэтическом вдохновении. Когда-то я тоже писал стихи, но охота прошла, как только появилась возможность купить компьютерный версификатор. Все стало куда проще. Когда-то поэты жертвовали собой ради совершенствования своего искусства. Теперь технические средства позволяют, выбрав размер, рифму, ассонансы, клаузулу, всего лишь нажать кнопку компьютера. Нет надобности в самопожертвовании поэта, в поисках идеалов и служении им…

Пока я говорил, она с какой-то странной на-

стороженностью следила за мной, словно готова была, улучив момент, проглотить меня.

Умерив свой пыл, я продолжил:

— Я тоже довольно хорошо познакомился с вашим творчеством. Но, простите, кажется, с вашим компьютером что-то не в порядке.

Выражение ее лица сразу стало замкнутым, и она с раздражением отвернулась.

— Я не пользуюсь этой ужасной машиной. Как вы могли такое подумать обо мне?

— Тогда откуда эти клочки разорванных лент со стихами? — воскликнул я. — Каждый вечер от них нет спасения. Они исписаны обрывками стихотворений!

— Неужели? — небрежно поинтересовалась она, как о чем-то несущественном. — Не знала, что они вам мешают. — Она посмотрела на разбросанные по полу книги. — В сущности, я последний человек, кому хотелось бы сочинять стихи, но в свете недавних событий я вынуждена была заняться и этим. Понимаете, *вынуждена*. Нельзя дать погибнуть поэзии!

Она окончательно обескуражила меня. Насколько я помнил, большинство стихов, которые она посылала мне, отнюдь не принадлежали ей. Они были написаны столетия назад.

Подняв на меня глаза, она вдруг одарила меня ослепительной улыбкой.

— Я пришлю вам кое-что из моих стихов.

И действительно, первую партию их я получил уже на следующее утро. Доставил их все тот же горбун-шофер, теперь, однако, приехавший уже на розовом «кадиллаке». Он вручил мне пачку листков веленевой бумаги форматом в четверть листа, исписанных аккуратным почерком и перевязанных розовой лентой. Однако самую большую партию я получил по почте. Обычно мне доставляют стихи свернутыми в рулоны, какие выбрасывает автомат, если в него опустить монету. В какой-то степени мне было даже приятно получить рукопись в столь изящной упаковке. Но сами стихи были ужасны.

Их было всего шесть: два сонета, явное подражание Петрарке, ода и три верлибра. Поражало пристрастие к гекзаметру, обилие непонятных, порой зловещих аллюзий, а все вместе походило на грозные пророчества безумной колдуньи. И тем не менее стихи странно тревожили душу не столько своим содержанием, сколько смутным ощущением того, что они — плод больной фантазии. Аврора Дэй, бесспорно, жила в своем замкнутом мирке, который вполне серьезно

считала реальностью. Я решил, что имею дело с богатой неврастеничкой, привычной удовлетворять все свои прихоти и капризы.

Я перебирал листки, пахнущие мускусом. Откуда она заимствовала этот стиль, архаизмы, манерность? «*Хвала, о музы, вам! Я зрел селенья звездные…*» В перепутанных метафорах чувствовались далекие песни Мильтона или Вергилия, но иногда ее стихи своим пафосом напоминали гневные тирады жриц из «Энеиды», обрушивающиеся на голову бедного Энея, решившего на миг остановиться и отдохнуть.

Я все еще раздумывал, что мне с ними делать, когда ровно в девять утра шофер вновь доставил мне очередную пачку стихов. Как раз в это время ко мне зашел Тони Сапфир, чтобы обсудить состав будущего номера «Девятого Вала». Большую часть времени он проводил в своем пляжном домике в Западной Лагуне, программируя роман, но раз или два в неделю выкраивал несколько часов для совместной работы над сборником.

Когда он вошел, я настраивал свой версификатор на рифму для сонета. Увидев розовые листки стихов Авроры, он взял один из них.

— Божественный запах, — воскликнул он, помахивая листком перед своим носом. — Неплохо

придумано, чтобы охмурить редактора. — Он начал читать, затем помрачнел и отложил листок. — Невероятно! Что это?

— Сам не знаю, — признался я. — Какое-то эхо в саду камней.

Тони посмотрел на подпись внизу.

— Аврора Дэй. Новая подписчица нашего журнала? Боюсь, она обратилась не по адресу. Как это понять: «…ни псалмы, ни гимны, ни просто словеса не воздадут тебе достойную хвалу, царица ночи»? — Он покачал головой. — О чем это все?

Я улыбнулся. Как большинство современных писателей и поэтов, Тони так долго просидел за компьютером, что совсем забыл те времена, когда стихи слагались самим поэтом и писались его собственной рукой.

— Это стихи. В некотором роде, разумеется…

— Ты хочешь сказать, что она сама их написала?

Я утвердительно кивнул:

— Вот именно. Этот метод был повсеместно распространен двадцать-тридцать столетий назад. Шекспир пользовался им, а также Мильтон, Китс и Шелли. Получалось не так уж плохо.

— Но теперь? — возразил Тони. — Кода есть компьютерные версификаторы? Разве можно со-

перничать с ними? То, что я прочел, черт возьми, смахивает на Т. С. Элиота. Твоя поэтесса просто подшутила над тобой!

— Возможно, ты прав и эта юная дева решила разыграть меня.

— Юная дева? Да ей, судя по стихам, все шестьдесят, и она тайком попивает одеколон. Но в этом безумии даже что-то есть…

— Погоди, — остановил я его. Мой компьютер, настроенный на стилизацию стихов Зеро Пэриса под Руперта Брука, выдал сонет без необходимых шести строк. Я передал ленту Тони, и он, определив размер и рифму, ввел схему в компьютерную память. Подождав, когда компьютер выдаст нужные шесть строк, он передал их мне. Зная Тони, я не стал даже перечитывать.

Два часа мы с ним трудились не покладая рук, и к вечеру у нас было готово более тысячи строк. Мы решили прерваться и вознаградить себя заслуженной рюмкой виски с содовой. Наслаждаясь на террасе вечерней прохладой, мы смотрели, как меняет краски вечерняя пустыня, и прислушивались к крикам песчаных скатов, доносившимся с той стороны, где была вилла Авроры Дэй.

— Что это валяется у твоего порога? — спросил Тони, потянув к себе одну из лент. Зацепившись

за что-то, она разорвалась в его руках. Тони разложил обрывки на стеклянной крышке столика. — «Ни псалмы, ни гимны…» — начал он читать вслух, но тут же выпустил ленты из рук, и их унесло ветром.

Он взглянул на окутанные вечерней дымкой дюны и пятую виллу. Как всегда, ярко светилось окно верхнего этажа и были видны гонимые ветром в мою сторону узкие разноцветные полоски лент.

Тони понимающе кивнул:

— Значит, она живет там.

Он взял еще один обрывок ленты, зацепившийся за перила террасы прямо у его локтя.

— Знаешь, старик, а ведь ты в осаде.

Так оно и было. И последующие дни лишь подтвердили, что осадное положение никто не собирается снимать. Все более непонятные и странные стихи исправно доставлялись мне ежедневно в два этапа: утром — горбуном-шофером, а вечером это с успехом проделывал ветер. Но то были не знакомые строки Шекспира или Паунда, а обрывки уже доставленных утром стихов. Похоже было, что Аврора Дэй шлет мне все свои черновики. Внимательно изучив ленты, я понял, что она сказала правду: поэтесса действительно

не пользовалась компьютерным версификатором. Лента была слишком тонкой и непрочной для скоростной записи на компьютере. Тексты, посылаемые Авророй, воспроизводились каким-то доселе неведомым мне способом тиснения.

Каждый день, прочитав ее новые послания, я аккуратно складывал их в средний ящик письменного стола. Наконец, собрав все стихи, полученные за неделю, я вложил их в конверт и написал на нем: «Алые Пески, улица Звезд, пятая вилла, Авроре Дэй». Приложив кратенькое письмецо с недвусмысленным отказом, я, однако, выразил надежду, что ей доставит большее удовлетворение видеть себя напечатанной в каком-нибудь более престижном издании, чем мой журнал.

В эту ночь мне приснился первый из ужасных кошмаров, с тех пор неотступно мучивших меня.

* * *

Выпив утром чашку крепкого кофе, я ждал, когда прояснится голова. Выйдя на террасу, я продолжал раздумывать, что же явилось причиной моей беспокойной ночи, воспоминания о которой так и не оставляли меня. За последние несколько лет это вообще был первый сон, что мне приснил-

ся. Одним из наиболее благотворных следствий курортной жизни, морских и солнечных ванн, является глубокий сон без сновидений. Поэтому нет ничего странного в том, что я был склонен винить во всем Аврору и главным образом ее безумные стихи, чье воздействие оказалось гораздо сильнее, чем хотелось признавать.

Головная боль упорно не проходила. Я лежал и смотрел на соседнюю виллу. Окна ее были закрыты, жалюзи спущены, парусиновые маркизы убраны.

Кто она, что ей нужно от меня?..

Не прошло и нескольких минут, как от пятой виллы отъехал «кадиллак». Мне было видно, как на улице Звезд он свернул в мою сторону.

Неужели новая партия стихов? Эта поэтесса поистине неиссякаема!

Я вышел на крыльцо и спустился по ступенькам навстречу шоферу. Тот вручил мне запечатанный сургучом конверт.

— Послушайте, любезный, — произнес я доверительно. — Мне очень жаль разочаровывать молодые дарования, но если вы имеете хоть какое-то влияние на вашу госпожу и все такое прочее… — Тут я умышленно умолк, а потом, как бы дав ему время поразмыслить, что именно я

имел в виду, добавил: — Кстати, мне порядком надоел весь этот мусор, что ветер гонит в мою сторону.

Шофер смотрел на меня своими красными лисьими глазами, и лицо его, с носом, похожим на клюв, скривилось в противной ухмылке. Неодобрительно покачав головой, он повернулся и заковылял к машине.

Когда он уехал, я вскрыл конверт. В нем лежала коротенькая записка.

> *Мистер Рэнсом!*
>
> *Ваш отказ напечатать мои стихи неприятно удивил меня. Я настоятельно советую Вам пересмотреть свое решение. Это очень серьезно. Я надеюсь увидеть стихи в следующем номере Вашего журнала.*
>
> ***Аврора Дэй***

В ту ночь меня снова мучили кошмары.

Очередная подборка стихов Авроры Дэй была доставлена утром следующего дня, когда я все еще лежал в постели, пытаясь обрести утраченное равновесие после еще одной кошмарной ночи. Наконец я приготовил себе солидную пор-

цию мартини, намеренно игнорируя торчащий в двери, как острие копья, угол просунутого в щель конверта.

Несколько придя в себя, я вскрыл его и вынул три коротеньких стихотворения. Бегло пробежав их глазами, я понял, что они тоже никуда не годятся. Я вяло подумал, что пришло, пожалуй, время сказать ей правду: у нее нет таланта к стихосложению. Держа стакан с мартини в одной руке, а в другой — листки со стихами Авроры, я поплелся на террасу, шлепнулся в шезлонг, но тут же с криком ужаса вскочил. Стакан выпал из моих рук. Я сел на что-то мягкое и противно скользкое, похожее на плоскую подушку с твердыми зазубренными краями.

Оказалось, это дохлый скат. Ядовитый шип у основания его хвоста угрожающе торчал, возвышаясь над плоским телом по меньшей мере на дюйм. Сжав в ярости зубы, я решительным шагом направился в кабинет, убрал три присланных стихотворения в конверт и приложил к ним записку: «*Сожалею, решительно не годятся. Рекомендую обратиться в другие издания*». Через полчаса я самолично отвез письмо на почту в Алые Пески. Возвращаясь, я испытывал приятное чувство удовлетворения.

В этот вечер на правой щеке у меня выскочил здоровенный фурункул.

На следующее утро ко мне явились, чтобы выразить свое сочувствие, Тони Сапфир и Рэймонд Мэй. Оба считали, что я педант и веду себя как сущий осел.

— Что тебе стоит напечатать хотя бы одно стихотворение, — убеждал меня Тони, усевшись в ногах моей кровати.

— Черта с два! — воскликнул я и посмотрел через дюны на пятую виллу. Одно из неплотно закрытых окон время от времени отбрасывало солнечные зайчики, но других признаков того, что соседка дома, не было.

— Всего-то и требуется от тебя — напечатать один стишок. Это вполне бы удовлетворило ее, — пожал плечами Тони.

— Ты в этом уверен? — ядовито спросил я. — Что, если это только начало? Может, у нее в сундуке под кроватью десятки эпических поэм, а?

Рэймонд Мэй подошел к окну, у которого стояла моя кровать, и, водрузив на нос темные очки, принялся с интересом рассматривать соседнюю виллу. Я заметил, что сегодня он был особенно модно одет, черные волосы гладко зачесаны на-

зад, а выражение лица, видного мне в профиль, явно рассчитано на то, чтобы произвести впечатление.

— Я видел ее вчера вечером в местном мюзик-холле на премьере «Психоспектакля», — задумчиво протянул он. — Аврора сидела в ложе бельэтажа совсем одна. И смотрелась донельзя потрясающе, из-за нее даже представление дважды прерывали. — Он задумчиво покачал головой. — В ней есть какая-то неопределенность, неясность, загадка. Она похожа на «космическую Мадонну» Сальвадора Дали. Я вдруг понял, как потрясающе загадочны и непредсказуемы женщины. Будь я тобой — исполнил бы любую ее просьбу.

Я упрямо выпятил подбородок и затряс головой в знак решительного отказа.

— Хватит, уходите. Вам, писателям, лишь бы показать свое превосходство над нашим братом редактором. А когда что-то случается, кто первый в кусты? Так вот, это именно тот случай, когда я сам должен решать. Мой опыт и выдержка подскажут, что делать. Эта невротичка решила пустить в ход чары. Она думает, дохлые скаты, фурункулы и ночные кошмары заставят меня забыть, что такое профессиональная честность!

Сокрушенно качая головой, мои друзья ушли,

оставив меня в покое.

Спустя два часа исчез фурункул на скуле. Я еще продолжал удивляться этому, когда пикап издательства «График-пресс» в Алых Песках привез мне первые пятьсот экземпляров нового номера «Девятого Вала».

Я втащил картонки в холл, снял упаковочную бумагу и не без злорадства вспомнил требование Авроры Дэй напечатать ее стихи в предстоящем номере. Она не знала, что я отправил корректуру в типографию за два дня до срока, так что при всем желании не смог бы включить ее стихи в этот номер.

Перелистывая страницы, я искал колонку редактора со своей обзорной статьей о плачевном состоянии современной поэзии.

Однако вместо редакционной статьи на пять абзацев, набранной десятым кеглем, я обалдело глядел на одну-единственную строку, напечатанную курсивом и заглавными буквами:

ЗАЯВКА НА ТАЛАНТ!

Я торопливо посмотрел на обложку, чтобы убедиться, мой ли это журнал, а затем снова стал лихорадочно листать страницы.

Первое стихотворение я узнал сразу. Я отверг

его всего два дня назад. Три других тоже были мной отклонены. Но потом шли стихи, которых я еще не видел, и под каждым стояло имя Авроры Дэй. Они вытеснили из сборника стихи, чьи верстки я утвердил и отправил в типографию.

По сути, это было грубейшее нарушение авторского права, самовольный захват журнала! В нем не осталось ни одного отобранного мной стихотворения. Я бросился в холл и просмотрел еще с десяток экземпляров. Все они были одинаковы.

Спустя десять минут я уже тащил картонки с экземплярами журнала во двор к печи для сжигания мусора. Набив до отказа приемник, я облил журналы керосином и бросил зажженную спичку. В это же время в нескольких милях от моей виллы в издательстве «График-пресс» то же самое проделывали с остальными экземплярами пятитысячного тиража журнала. Как могла произойти такая ошибка, никто в издательстве не смог мне объяснить. Наконец они отыскали рукопись Авроры Дэй. Она была, представьте себе, с моими редакционными пометками! Моя же рабочая рукопись бесследно исчезла, и вскоре в издательстве уже сомневались, получали ли они ее.

Когда толстые языки пламени взметнулись

в раскаленный полуденным солнцем воздух, сквозь завесу коричневого дыма я все же успел заметить необычное оживление на соседней вилле. Открывались окна под вновь спущенными маркизами, на террасе то и дело появлялась фигура куда-то спешащего горбуна-шофера. Аврора Дэй, в белых развевающихся одеждах похожая на большой шар из серебристых нитей, стояла на плоской крыше своей виллы и смотрела в мою сторону.

* * *

То ли от чрезмерной дозы мартини, принятой утром натощак, то ли от боли в щеке, нагнанной выскочившим фурункулом, то ли от паров керосина, помогшего мне расправиться с бракованным тиражом, на пути к дому я вдруг почувствовал дурноту и слабость в ногах. Не дойдя до верхней ступеньки крыльца, я вынужден был сесть. Я закрыл глаза. Голова шла кругом.

Через несколько минут мне стало легче, в уме прояснилось. Пытаясь подняться, я увидел у себя под ногами на синем мраморе ступеней четко высеченные слова:

В ЛИЦЕ НЕТ РУМЯНЦА, КРОВИНКИ ЖИВОЙ —

ЧЕГО ЖЕ ТЫ БЛЕДЕН, ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ МОЙ?

Все еще испытывая слабость и не в силах выразить свое негодование иным, более энергичным способом, я ограничился тем, что лишь констатировал этот акт бессмысленного вандализма. Наконец я поднялся со ступенек, достал из кармана халата ключ от входной двери и, вставляя его в замочную скважину, увидел выгравированную на медной пластинке замка строку:

ЛЕГОК И НЕСЛЫШИМ ПОВОРОТ КЛЮЧА…

На черной кожаной обивке двери тоже что-то было начертано, но тонкие неразборчивые строчки затейливо вились и пересекались, как филигрань на резном блюде в стиле барокко. Я запер за собой дверь и прошел в гостиную. Стены ее показались мне темнее обычного. Присмотревшись, я увидел, что они от потолка до пола исписаны строками стихотворений.

Схватив недопитый стакан мартини, я хотел было сделать глоток, как вдруг увидел на голубом стекле золотые строки:

ОЗЕРА ГЛАЗ ТВОИХ МНЕ ЖАЖДУ УТОЛИЛИ

Каждый предмет в гостиной — бюро, лампы и абажур, книжные шкафы, даже клавиши каби-

нетного рояля и оставленный на проигрывателе радиолы диск — был испещрен строками стихов. Ошеломленный, я в отчаяния воздел руки и с ужасом увидел, что и они, да и все видимые поверхности моего тела покрыты змейками строк, бегущих от кончиков пальцев к запястьям, а оттуда выше, к предплечьям…

Стакан выпал из моих рук, я бросился к зеркалу над камином. Мое лицо было покрыто татуировкой строк. Я казался себе рукописью, на которой еще не высохли чернила, а невидимая рука продолжала писать:

СГИНЬТЕ ВЫ ВСЕ, ЯДОВИТЫЕ ЗМЕИ, СГИНЬТЕ, ТАРАНТУЛЫ В ЛИПКИХ СЕТЯХ

Я отшатнулся от зеркала и выбежал на террасу, путаясь в шелестящих разноцветных лентах, коими под вечер была полна терраса. Я одним махом перепрыгнул через перила.

Преодолев расстояние между нашими виллами в считаные мгновенья, у черной стеклянной двери я протянул руку к звонку, но дверь открылась сама.

Аврора ждала меня, полулежа в шезлонге у фонтана. Она кормила карпов, собравшихся у края бассейна. Увидев меня, она улыбнулась тихой

улыбкой и что-то шепнула, обращаясь к рыбам.

— Аврора! — завопил я. — Ради всего святого, прекратите! Я сдаюсь, делайте все, что хотите, но оставьте меня в покое… — Какое-то мгновение мне казалось, что она не слышит меня и продолжает спокойно кормить рыб. Меня вдруг охватил ужас. Что, если эти огромные белые карпы, льнущие к ее пальцам, — ее заколдованные враги в прошлом?

Мы сидели в фосфоресцирующих сумерках, и длинные тени играли на пурпурных красках пейзажа Дали, висевшего за спиной Авроры. Мимо нас в бассейне медленно проплывали рыбы.

Она изложила мне свои условия: полный контроль — ни больше ни меньше! — над журналом, право определять его направление и содержание. Ни один материал не может быть опубликован без ее одобрения.

— Не беспокойтесь, — сказала она как бы между прочим, словно речь шла о чем-то для меня несущественном. — Наша договоренность будет действительна всего лишь на один номер.

Странно, но она не собиралась пользоваться положением для публикации собственных виршей! Рейдерский захват журнала был всего лишь способом сокрушить мои позиции и заставить

пасть ниц.

— Вы уверены, что одного номера вам будет достаточно? — переспросил я, гадая, как она в таком случае собирается распорядиться своей властью.

Аврора лениво подняла глаза, рассеянно водя ногтем с изумрудным лаком по зеркалу бассейна.

— Все зависит от вас и ваших товарищей. Когда же вы наконец образумитесь и снова станете поэтами? — Узор, начертанный ею на воде, каким-то чудом оставался видимым, не думая расплываться.

За те часы, похожие на тысячелетия, что мы провели вместе, я рассказал Авроре все о себе, но почти ничего не узнал о ней. Лишь одно было ясно — она одержима поэзией. Каким-то непостижимым образом она считала себя лично ответственной за упадок, в который пришло это искусство, но предлагаемое ею средство возрождения поэзии, как мне казалось, привело бы к обратному результату.

— Вам непременно нужно познакомиться с моими друзьями. Навестите нас, — сказал я.

— Обязательно, — ответила Аврора. — Надеюсь, смогу им помочь — они многому должны научиться…

Я только улыбнулся.

— Боюсь, у них на этот счет мнение иное. Почти все они считают себя виртуозами. Для них поиски идеальной формы сонета закончились много лет назад — компьютер других не производит.

Аврора презрительно скривила губы.

— Они не поэты, а всего лишь механики. Взгляните на эти сборники так называемой поэзии. На три стихотворения — по шестьдесят строк программного кода. Сплошные электрические сны. Когда я говорю «вам надо учиться», я имею в виду души, а не технику… музыку стихов, а не их форму.

Аврора умолкла и потянулась всем своим прекрасным телом — так расправляет свои кольца удав, — потом наклонилась вперед и заговорила очень серьезно:

— Не машины убили поэзию — она мертва потому, что поэты не ищут более источник истинного вдохновения.

— Но что оно, это ваше «истинное вдохновение»? — спросил я.

Она печально покачала головой:

— И после таких вопросов вы считаете себя поэтом?

Она смотрела в воду бассейна. Взгляд ее погас.

Мне показалось, что тень безмерной печали затуманила на миг ее лицо, и я понял, что чувство глубокой вины и какая-то неуверенность гнетут ее, возможно, за некогда совершенную ошибку, нанесшую кому-то или чему-то непоправимый урон. Именно эта неуверенность Авроры и помогла мне освободиться от страха перед ней.

— Вы когда-нибудь слышали легенду о Меландре и Коридоне? — вдруг спросила она.

— Что-то слышал, — неопределенно ответил я, напрягая память. — Меландра, если не ошибаюсь, муза поэзии, а Коридон — придворный поэт, отдавший за нее свою жизнь, верно?

— Все так! — воскликнула Аврора. — Во всяком случае, совсем необразованным вас не назвать. Так вот, когда придворные поэты лишились вдохновения и прекрасные дамы стали отдавать предпочтение рыцарям, поэты обратились к Меландре, музе поэзии, прося ее о помощи. Меландра призналась, что это она отняла у них вдохновение, ибо они приняли поэтический дар как нечто само собой разумеющееся и забыли о его истинном источнике. Поэты клялись, что всегда помнили свою музу, но Меландра знала, что они говорят неправду. Однако она пообещала снять колдовские чары, если кто-либо из них со-

гласится умереть ради музы поэзии. Разумеется, желающих не нашлось, кроме одного. Это был Коридон. Он был юн и талантлив и искренне любил музу поэзии. Поэтому его одного она не лишила дара вдохновения. Теперь же он согласился отдать свою жизнь ради того, чтобы муза вернула поэтам вдохновение…

— К великой и вечной печали Меландры, — закончил я. — Она ведь не хотела, чтобы он умирал. Великолепный миф. Но, боюсь, вам не найти среди нас Коридона.

— Вы так думаете? — произнесла Аврора тихо. Пальцы ее то скользили по воде, то погружались в нее, и дрожащие блики потревоженных струй играли на потолке и стенах гостиной.

И тут я впервые увидел бегущие по стенам фризы, а на них только что рассказанную Авророй легенду. На панели слева я увидел поэтов и трубадуров вокруг музы поэзии, высокой богини в белой тунике, удивительно похожей на хозяйку пятой виллы. Скользя взглядом далее по росписям стен, я все больше убеждался в том, что моделью для художника, создавшего эти фрески, была сама Аврора Дэй. Неужели она считает себя современной музой поэзии? В таком случае кто же тогда Коридон? Возможно, сам художник?

Я искал на фресках образ поэта-самоубийцы и нашел его — стройный белокурый юноша, чье лицо показалось мне смутно знакомым, но кто он, я не мог вспомнить. Зато я сразу нашел неизменно присутствующего во всех сценах шофера Авроры. С лицом фавна и с козлиными ногами, он олицетворял здесь самого Пана, вспыльчивого и неистового в гневе и веселье бога лесов и природы. Мне показалось, что я узнаю и другие лица. Заметив, как я пристально изучаю фрески, Аврора отдернула руку от воды. Фрески погасли. Какие-то секунды Аврора смотрела на меня так, будто не понимала, кто я и зачем здесь. Она устало поникла и замкнулась. Казалось, рассказанная ею легенда пробудила в ней тревожащие душу тягостные воспоминания. И тут же холл и стеклянный портик погрузились в полумрак, даже воздух утратил свою прозрачность — столь велика была сила присутствия Авроры в этом замкнутом иллюзорном мирке, в который я непрошено вторгся. Взглянув на нее, я увидел, что она уснула. В гостиной стало темно, погасли блики света от водяных струй, утратили свою хрустальную прозрачность колонны, напоминавшие теперь темные стволы деревьев. Лишь бриллиант, похожий на цветок, на груди спящей

светился тихим, неярким светом.

Встав, я бесшумно приблизился к ней. Я смотрел на ее удивительное лицо, тонкую, с серыми тенями кожу и думал, что она похожа на базальтовое изваяние жены фараона. Вдруг я заметил у двери горбатую фигуру шофера. Из-под козырька его шоферской фуражки, как два раскаленных угля, горели настороженно следившие за мной глаза.

Когда мы вышли, залитый лунным светом песок перед виллой был усеян телами спящих скатов. Осторожно обходя их, мы дошли до машины.

Приехав домой, я решительным шагом направился в кабинет с твердым намерением сейчас же заняться подготовкой нового номера журнала. По дороге я уже обдумал его главную идею. Я заложу в компьютерную память максимум вариантов сентиментальных дифирамбов в честь музы поэзии. Этот номер будет подкупать своей искренностью и силой поэтического вдохновения.

Перешагнув через порог кабинета, я тут же зацепился за что-то острое. Пошарив рукой в темноте, я нащупал обломок компьютерной платы, вонзившейся в мягкую обивку пола.

Когда я включил свет, то увидел, что все три

моих компьютерных версификатора представляют собой груду обломков. Тот, кто учинил этот разгром, видимо, находился в состоянии неописуемой ярости.

Как потом выяснилось, не один я пострадал. Когда на следующее утро, сидя за письменным столом, я мрачно глядел на свои разбитые компьютеры, раздался телефонный звонок. Я узнал, что такая же участь постигла в Алых Песках всех, у кого имелись персональные компьютеры. У Тони Сапфира была разбита пятидесятиваттная версификаторная система, лишился своих четырех новых версификаторов фирмы «Филко» мой друг и коллега Рэймонд Мэй: они были превращены в груду металлолома.

Насколько я понял, в поселке не осталось ни одного целого компьютера. Накануне, между шестью вечера и двенадцатью ночи, кто-то обошел все виллы и коттеджи на улице Звезд и злонамеренно разбил все электронные системы, принадлежавшие нашей братии, поэтам.

Я уже догадывался, кто мог это сделать. Когда вчера шофер Авроры отвез меня домой, я обратил внимание на лежавшие возле него на сиденье два тяжелых гаечных ключа. Я решил не обращаться в полицию и вообще не поднимать шум по пово-

ду случившегося. Мне было ясно, что выпустить в срок задуманный мной номер «Девятого Вала» не удастся. Когда я позвонил в издательство и мне сказали, что исчезли все рукописи стихов Авроры Дэй, я не удивился.

Но проблема, чем заполнить новый номер, оставалась. Я не мог лишить подписчиков очередного выпуска «Волны», ибо это означало бы потерять их всех в одночасье.

Я позвонил Авроре.

— Через неделю мы должны сдать номер в типографию, иначе будет нарушен контракт и нового мне уже не получить. Если я сейчас возвращу подписчикам деньги за годовую подписку, то стану банкротом. Нам во что бы то ни стало надо найти материал для номера. Вы теперь главный редактор и распорядитель. У вас есть предложения?

Аврора удовлетворенно хмыкнула в трубку.

— Вы, должно быть, ждете, что я совершу чудо и превращу обломки в новые компьютеры?

— Неплохая идея, — согласился я и, махнув рукой, поприветствовал только что вошедшего Тони Сапфира. — Иначе нам не подготовить в срок материал для типографии.

— Я вас просто не понимаю, — ответила Авро-

ра. — Это очень просто сделать.

— Как?

— Возьмите и напишите сами.

Я хотел было ответить ей, но в трубке раздался звонкий смех.

— Насколько я понимаю, в этом поселке насчитывается двадцать три вполне трудоспособных рифмоплета, именующих себя поэтами. Ровно столько, сколько было разбито компьютеров. Почему бы некоторым из них самим не написать стихи…

— Аврора! — резко прервал ее я. — Это несерьезно. Поймите, это не предмет для шуток…

* * *

Но она уже положила трубку. Я повернулся к Тони, бессильно осел на стул и уставился на пустую кассету, подобранную с пола.

— Кажется, мое дело дрянь, Тони. Ты слышал, что она сказала? «Напишите сами!»

— Она сошла с ума, — согласился он.

— Это все результат ее навязчивой идеи! — воскликнул я и добавил, понизив голос: — Она считает себя музой поэзии, вернувшейся в этот мир, чтобы вдохновлять вымирающее племя поэтов. Вчера я выслушал легенду о Меландре и

Коридоне. Она уверена, что среди нас найдется поэт, готовый отдать свою жизнь за нее.

Тони понимающе кивнул.

— Она одного не учла, — сказал он. — Полвека назад еще были поэты, писавшие стихи вопреки тому, что никто их не читал. Сегодня уже никто не пишет таких никуда не обращенных стихов. Компьютерные версификаторы все упростили и придали процессу смысл.

Хотя я и был согласен с ним, но понимал, что Тони не может быть объективным. Он считал все литературные произведения нечитабельными, поэтому и писать их было незачем. «Автоматический роман» объемом в десять миллионов слов, который он замыслил «написать» с помощью электронного автомата, должен был стать тем монстром, что будет возвышаться на перекрестках литературных дорог и одними своими размерами внушать ужас каждому, кто вздумает вступить на этот путь. К сожалению, он так и не собрался его напечатать, и теперь роман-монстр остался навеки погребенным в недрах электронной памяти разбитого компьютера.

В этом смысле я тоже понес потери. Один из моих версификаторов был настроен на производство транслитерации на основе древнегреческого

алфавита, презентованного в романе Джеймса Джойса «Улисс». Это был почти академический труд, доставлявший мне удовольствие. Он позволил бы оценить мастерство Джойса с точки зрения точности словарных совпадений с «Одиссеей» Гомера. Увы, все это тоже погибло безвозвратно.

Мы с Тони смотрели на виллу, освещенную ярким утренним солнцем. Вишневого «кадиллака» не было у подъезда. Значит, Аврора совершает свою прогулку по Алым Пескам, вызывая трепет и изумление у курортной публики. Я сел на перила террасы и взял телефон.

— Пожалуй, надо обзвонить всех и узнать, что они собираются делать.

Я набрал первый номер.

— Ты в своем уме? — ответил мне Рэймонд Мэй. — Пиши сам.

Зеро Пэрис был возмущен:

— Я? Писать? Если только одним пальцем левой ноги.

Фэрчайлд де Милль только протянул:

— О, это было бы ши-и-икарно, Пол, но, видишь ли…

Курт Баттеруорт просто обозлился:

— Ты когда-нибудь сам пробовал?! Ну тогда

скажи, как это делается?

— Дорогуша, я просто не решусь на это, — пропел в трубку жеманный голосок Марлен МакКлирик. — Вдруг это приведет к развитию мускулатуры там, где совсем не надо, как думаешь?

Сигизмунд Лутиш был категоричен:

— Нет, старина, я все это бросил. Занимаюсь электронной скульптурой. Ты только вообрази себе — плазменные модели космических катастроф…

Ответы Робина Сандерса, Малколма Фрибоди и Анхеля Пети были донельзя краткими:

— Нет.

Тони принес мне коктейль, и я продолжил обзванивать всех по нашему списку.

— Из этой затеи, кажется, ничего не выйдет, — наконец признал я. — Никто уже не пишет стихов. Надо смотреть правде в глаза. Вот ты или я, разве мы умеем писать стихи?

Но неунывающий Тони ткнул пальцем в список:

— А вот этот? Ты еще не всех обзвонил. Раньше обзвони всех наших, а потом уж поедем в Ред-Бич.

— Тристрам Колдуэлл, — прочитал я единственное из оставшихся в списке имя. — Тот

застенчивый паренек с телосложением футболиста? У него еще вечно почему-то ломался рифмователь. Что ж, попробуем.

— Привет, Рэнсом, — ответили мне почти сразу. — Чем могу быть полезен?

— Тристрам, — начал я. — Думаю, у тебя тоже вчера вечером побывали незваные гости. Как, ты ничего не знаешь? Ты уверен? А твой версификатор?

— Версификатор? С ним все в порядке.

— Что? — завопил я. — Ты хочешь сказать, что он цел и невредим? Так вот, дружище, соберись с мыслями и внимательно выслушай меня.

Я вкратце объяснил ему ситуацию, но он неожиданно расхохотался.

— Вот дела, Пол! Действительно чертовски смешная штука, тебе не кажется? А что, если она права? Почему бы нам не вернуться к старому доброму ремеслу параболы?

— Черт с ним, с ремеслом! — разъярился я. — Меня в данный момент интересует мой журнал. Если твой версификатор цел, тогда мы спасены.

— Подожди секунду, Пол, пойду проверю. Я тут в последнее время витал в облаках…

Я ждал, держа трубку прижатой к уху. Громко хлопнула дверь, послышался шум, будто тащили

что-то тяжелое. Он что, держит компьютер не дома, а где-то в саду?..

Наконец трубка снова заговорила:

— Мне очень жаль, Пол, но, кажется, она и до меня добралась. От моего версификатора остались рожки да ножки. Стихи отменяются. — Он переждал, пока я отведу душу и выругаюсь как следует. — Послушай, Пол, она действительно хочет, чтобы мы сами писали? Как я понимаю, ты именно поэтому звонишь мне?

— Да, — согласился я. — Именно поэтому. Я готов напечатать все, что у тебя есть. Разумеется, после одобрения Авроры Дэй. Возможно, у тебя найдется что-нибудь из старого, неопубликованного?

Тристрам снова засмеялся.

— Знаешь, Пол, кажется, кое-что найдется. Когда-то я так и не смог их опубликовать, было чертовски обидно, а теперь я даже рад, что смогу тебе помочь. Я найду, подправлю, если надо, и завтра ты все получишь. Несколько сонетов, одна или две баллады. Надеюсь, тебе покажется интересным.

Он не ошибся. Через пять минут после вскрытия доставленного утром пакета я сразу понял, что Тристрам просто разыграл нас.

— Все это уже печаталось, — объяснил я Тони. — Ох уж этот хитроумный Адонис. Посмотри: ассонансы, женская рифма, плавающая цезура. Неповторимый колдуэлловский стиль. К тому же испорченная лента — что-то не в порядке с выпрямителем стоп. Я точно помню, что эти стихи уже правил. Пришлось тогда немало попотеть, чтобы привести их в божеский вид. Значит, его компьютер работает?

— Что ты собираешься делать? — спросил Тони. — Он все равно не признается.

— Не сомневаюсь. Ну что ж, я использую этот материал. Какая разница? Даже если весь номер будет состоять только из стихов Тристрама, будь он неладен, Колдуэлла.

Когда я вкладывал стихи в конверт, чтобы отнести Авроре, меня вдруг осенило.

— Послушай, Тони, у меня гениальная идея. Мы поможем этой колдунье освободиться о мучающей ее навязчивой идеи — и в то же время удовлетворим наше огнедышащее чувство мести. Давай подыграем Тристраму и представим Авроре эти стихи как написанные безо всякой помощи компьютера. Архаичный стиль, образы — все, что так мило ее сердцу. Послушай только: «К Клио», «Минерва-231», «Молчание к лицу Электре». Она,

не раздумывая, отправит их в типографию. К концу недели журнал будет напечатан, а там — подумать только, какой конфуз! — мы обнаружим не рожденные высоким вдохновением стихи Тристрама Колдуэлла, а избитые клише, изготовленные когда-то на старом, изрядно изношенном компьютерном устройстве с негодным выпрямителем стоп.

Тони издал ликующий вопль.

— Грандиозно! Такое она не переживет. Думаешь, удастся провести ее?

— Почему нет? Понимаешь, она искренне верит, что каждому из нас ничего не стоит сесть и написать стихи не хуже классиков. Что-нибудь вроде «День и ночь», «Зима и лето» и тому подобное. Даже если один только Колдуэлл сделает ей такой подарок, она будет счастлива и, разумеется, даст свое одобрение. Не забывай, наша с ней договоренность всего лишь на один номер журнала, и за него отвечает она. Ей надо во что бы то ни стало собрать материал.

Итак, мы приступили к осуществлению своего плана. Весь остаток дня я занимался тем, что нажимал на Тристрама, убеждая его, что Аврора в восторге от его стихов и с нетерпением ждет новых. Как и следовало ожидать, на следую-

щий день я получил вторую порцию. К счастью, эти стихи были написаны уже от руки, но они намного уступали тем, что накануне ему выдала компьютерная память. Но я рад был всему, что могло поддержать у Авроры иллюзию произошедших перемен. Она была довольна и не выказывала ни тени подозрения. Кроме внесенных ею несущественных поправок, она не велела что-либо менять или редактировать.

— Мы всегда это делаем, Аврора, — возразил я. — Идеальных текстов не бывает: неудачные образцы, слишком много синонимов и прочее. — Но, испугавшись, как бы не перестараться в критике, тут же поспешно добавил: — Этим грешат как живые поэты, так и роботы.

— Неужели? — иронично заметила Аврора. — И тем не менее мы все оставим так, как было у мистера Колдуэлла.

Я решил воздержаться от дальнейших замечаний по поводу столь непрофессионального подхода к делу, взял рукописи и поспешил домой.

Тони, сидя за моим столом, по телефону выпытывал из Тристрама новые партии стихов. Прикрыв ладонью трубку, он шепнул мне:

— Набивает цену. Утверждает, что у него боль-

ше ничего нет. Припугнуть его?

Я покачал головой:

— Это опасно. Если Авроре станет известно, что все это обман, трудно представить, что она может выкинуть! — Я взял у Тони трубку. — В чем дело, Тристрам? Почему падает производительность? Нам нужно как можно больше материала, дружище. Делай строки покороче, не трать ленту на александрийский стих!

— Ты в своем уме, Рэнсом, черт побери? Я не фабрика, я поэт! Пишу, когда мне хочется и как хочется.

— Ну конечно, конечно, — торопливо согласился я. — Но мне надо чем-то заполнить пятьдесят полос, а в нашем распоряжении считаные дни. Ты дал мне всего десять стихотворений. Работа должна идти бесперебойно. Сколько ты написал сегодня?

— Я работаю над очередным сонетом, есть интересные находки. Кстати, я планирую посвятить его Авроре.

— Прекрасно! — воскликнул я. — Но будь осторожен с селекторным устройством. Помни золотое правило: идеальная строка на одно слово длиннее. Что еще у тебя готово?

— Еще? Ничего. Мне понадобится на сонет не

менее недели, а возможно, и целый год.

Я чуть не проглотил телефонную трубку.

— Тристрам, ты соображаешь, что говоришь? А твой компьютер? Может, ты не оплатил счета за электричество? Тебя отключили от сети…

Но он уже положил трубку.

— Один сонет в день, — пожаловался я Тони. — Он, чего доброго, делает все вручную. Этот идиот, возможно, не разбирается в компьютерных системах.

Мы сидели и ждали. Стихов не было ни утром следующего дня, ни день спустя. К счастью, это совсем не удивило Аврору. Наоборот, она была довольна, что Тристрам работает так медленно.

— Одного стихотворения в день вполне достаточно, — сказала она. — В нем можно столько сказать, а пауза заключает в себе вечность…

Она задумчиво распрямила поникшие лепестки гиацинта.

— Возможно, его нужно как-то поощрить?

Я понял, что она не прочь встретиться с Тристрамом лично.

— Почему бы вам не пригласить его поужинать? — предложил я.

Она просияла.

— Я непременно это сделаю, — с этими словами

Аврора протянула мне телефон.

Пока я набирал номер Тристрама, странное чувство, похожее на зависть или разочарование, кольнуло сердце. Вокруг меня на стенах гостиной фрески рассказывали историю Коридона и Меландры, но в этот момент я настолько был поглощен своими столь неожиданно возникшими ощущениями, что забыл о печальном конце легенды. Я не смог предотвратить того, что случилось через неделю.

Все последующие дни Тристрам и Аврора были неразлучны. По утрам они отправлялись в Западную Лагуну к остаткам старой съемочной площадки у рифов. Их отвозил туда в огромном «кадиллаке» верный шофер Авроры. По вечерам, когда я в одиночестве валялся в шезлонге на террасе и смотрел на яркие огни пятой виллы, иногда до меня из теплой вечерней темноты долетали голоса и звуки музыки.

Я убеждал себя, что их пребывание вместе мне безразлично. И действительно, после первого укола ревности, а может, обиды все прошло. Тристрам и Аврора больше меня не интересовали. Курортная сонливость, порядком одолевавшая меня к концу дня, притупила остроту всяких чувств: я был одинаково равнодушен как к радо-

стям, так и к печалям.

Когда, спустя три дня после их знакомства, Тристрам и Аврора предложили мне, Тони и Рэймонду поехать к рифам и поохотиться на песчаных скатов, я, не раздумывая, принял предложение, ибо мне было любопытно понаблюдать вблизи взаимодействие этих двоих.

Когда мы выезжали, никто из нас не мог и предвидеть, чем обернется эта затея.

Тристрам и Аврора в «кадиллаке» ехали впереди, Тони Сапфир, Рэймонд Мэй и я в «шевроле» Тони следовали за ними. Через синее заднее стекло «кадиллака» было хорошо видно, как Тристрам, жестикулируя, читает Авроре только что законченный сонет. Приехав и выйдя из машины, мы направились к песчаным рифам. У их кромки высились старые абстракционистские декорации заброшенного киногородка. Тристрам и Аврора шли, взявшись за руки. Юноша в белом костюме и белых пляжных туфлях был похож на английского денди Эдвардианской эпохи, отправившегося на морскую прогулку. Шофер тащил корзины со снедью, а Рэймонд и Тони несли сети и гарпунные ружья. Уже отсюда мы увидели многочисленные колонии песчаных скатов. *Тысячи скатов.* Крутобокие самки готовились к зимней

спячке.

После того как мы расположились под тентом, Рэймонд и Тристрам разработали план охоты, а затем ознакомили нас с ним во всех подробностях. Вытянувшись свободной линией, мы двинулись ко входу в лабиринт рифов. Аврора шла, опираясь на руку Тристрама.

— Ты когда-нибудь охотился на песчаных скатов, Пол? — спросил меня Тристрам, когда мы ступили под низкие своды первой из галерей.

— Нет, никогда, — ответил я. — Пожалуй, сегодня побуду всего лишь зрителем. Мне говорили, что ты первоклассный охотник.

— Надеюсь. Если повезет, останусь жив, — ответил он и показал наверх, где под сводами прорытых водой пещер с криком и свистом кружили песчаные скаты, вспугнутые нашим вторжением.

— В спокойном состоянии они обычно держатся подальше от человека, — пояснил Тристрам. — Охота состоит в том, чтобы, не вспугнув их, выбрать одного, подкрасться поближе и, пока он тебя оценивает, выстрелить.

Рэймонд Мэй выбрал большую розовую самку, отдыхавшую в расщелине в десяти шагах от него. Он стал осторожно подкрадываться к ней, не

спуская глаз с угрожающе пульсирующего ядовитого шипа у основания хвоста. Он успокаивал ее тихим монотонным гудением. Наконец, не дойдя пяти шагов, он поднял ружье и прицелился.

— Со стороны кажется: ничего сложного, — шепотом объяснял Авроре Тристрам. — А в сущности, теперь охотник во власти Божьей. Если скат решит атаковать, человек беззащитен.

В это мгновение раздался щелчок. Гарпун вонзился в позвоночник ската и парализовал его. Рэймонд быстро бросил добычу в сетку, где самка ската, придя в себя, какое-то время била темными и широкими, как крылья, плавниками, а затем затихла.

Пробираясь под темными сводами песчаных гротов и галерей, мы изредка видели над головами внезапно открывавшееся небо. Мы направлялись к самому подножию рифа. Иногда потревоженные скаты, пролетая, задевали вертикальные дюны и обрушивали на нас каскады песка. Рэймонд и Тристрам подстрелили еще несколько скатов, и следовавший за ними шофер упрятал их в сетку. В конце концов получилось так, что мы разделились на две группы: Тони, Рэймонд и шофер свернули в одну сторону, Тристрам, Аврора и я — в другую.

Чем дальше мы углублялись в лабиринт песчаных рифов, тем суровее, как мне казалось, становилось лицо Авроры. Ее движения были сдержанными и осторожными. Она то и дело искоса поглядывала на Тристрама, бережно поддерживающего ее под руку, словно следила за ним.

Мы вступили под высокие, как в храме, своды последней песчаной залы. Из нее спиралью поднимались ведущие на поверхность галереи. В сумерках высоких стен притаились колонии скатов. В двух сотнях футов от нас в конце залы на одной из галерей появились Рэймонд и следовавший за ним шофер. Выйдя на галерею, они остановились, видимо поджидая Тони, что-то крикнувшего им из темноты. Внезапно Рэймонд, бросив гарпунное ружье на песок, снова скрылся в коридоре.

Извинившись перед Тристрамом и Авророй, я пересек залу и нырнул вслед за ними в темный проход в стене, где застал моих друзей о чем-то горячо споривших и вглядывавшимися в темноту.

— Уверяю тебя, я слышал, как эта уродина пела, — убеждал Рэймонда взволнованный Тони, но тот упрямо твердил:

— Это невозможно.

Наконец, прекратив бессмысленные прения по поводу поющего ската, друзья вернулись в залу. Когда я вышел вслед за ними, мне показалось, что шофер Авроры что-то быстро спрятал в карман. Он выглядел как какой-то юродивый персонаж с полотна Босха — похожий на клюв нос, безумные глаза, увешанная сетками и гарпунными ружьями фигура.

Обменявшись с Рэймондом и Тони парой фраз, я решил вернуться к Тристраму и Авроре, но они куда-то исчезли. Гадая, в какую из галерей они могли свернуть, я по очереди заглянул в каждую — и наконец увидел их ярусом выше.

Я хотел было присоединиться к ним, но странная настороженность профиля Авроры остановила меня. Я передумал и стал медленно следовать за ними по спиралям галерей, прячась, но не теряя обоих из виду. Толстый слой песка заглушал звук моих шагов.

Я настолько приблизился к ним, что отчетливо слышал, как Аврора сказала:

— Существует поверье, что скатов можно загипнотизировать пением.

— Хотите попробовать? — спросил Тристрам. — Что ж, флаг вам в руки.

Они снова отдалились, и до меня донесся лишь воркующий голос Авроры. Внезапно он стал громче и, повторяемый эхом, потревожил скатов.

Чем ближе Тристрам и Аврора приближались к выходу, тем больше поднималось в воздух вспугнутых летунов. Вдруг Аврора неожиданно увлекла Тристрама в сторону, на узкую открытую площадку, окруженную высокими отвесными стенами.

Потеряв их из виду, я вновь углубился в пещеры и, поднявшись ярусом выше, очутился на галерее, откуда мне хорошо была видна освещенная солнцем площадка. Все это время меня преследовал леденящий кровь монотонный звук, похожий на отчаянный, полный ужаса стон эпилептика в предчувствии неминуемого припадка. Он заполнил все пространство вокруг нас. Внизу на площадке Тристрам, сложив ладони козырьком у бровей, обводил взглядом песчаные стены — в поисках его источника. Он больше не смотрел на Аврору — и она, стоя чуть поодаль от него, застыла в неподвижной позе, бессильно опустив вдоль тела руки и слегка раскрыв ладони. Она была похожа на человека, впавшего в транс.

Как зачарованный, я смотрел на них. Но в это мгновение откуда-то из недр песчаных катакомб

послышались непрестанные, режущие слух крики и хлопанье тяжелых кожистых крыльев. Сорвавшись со стен, стая скатов устремилась вверх, словно ища спасения. Они кружили над Тристрамом и Авророй, будто потеряли направление, и заполнили собой все воздушное пространство над площадкой.

Испуганно вскрикнув, Аврора очнулась. Тристрам, сорвав с головы шляпу, стал отмахиваться от кружащих над ними скатов, пытаясь прикрыть собой Аврору. Они пятились к узкому проходу позади них, ведущему к галерее. Я продвинулся еще немного по верхнему ярусу и вдруг увидел впереди сгорбившуюся фигуру шофера. Сидя на корточках, он пристально наблюдал за тем, что происходило внизу. Я заметил, что при нем не было ни сеток, ни гарпунного ружья.

Тем временем сотни мечущихся скатов почти совсем закрыли от меня Тристрама и Аврору. Но я успел заметить, как Аврора первой достигла входа на галерею, но почему-то остановилась перед ней и, повернувшись к Тристраму, с видимым отчаянием отрицательно помотала головой. Значит, проход закрыт, отступать некуда! Тристрам быстрым жестом велел ей опуститься на колени, а сам, выбежав на середину площадки, вступил

в схватку со скатами. Он шляпой наносил удары по кружащей стае, не позволяя приблизиться к Авроре.

Какое-то время ему это сходило с рук. Гудящие, как разъяренные шершни, скаты беспорядочно разлетелись, но я тут же, к своему ужасу, увидел, что они снова сбиваются в стаю. И прежде чем я успел предупредить Тристрама, он вдруг… рухнул наземь!

Скаты еще несколько секунд кружили над его распростертым телом, затем поднялись в воздух и исчезли, словно сделали свое дело. Тристрам лежал лицом вниз, безжизненно раскинув руки, его длинные белокурые локоны разметались по песку. Я смотрел на него, потрясенный тем, как быстро наступила смерть. И лишь потом перевел взгляд на Аврору.

Она тоже смотрела на бездыханное тело юноши, но на ее лице не читалось ни жалости, ни страха. Подобрав подол длинного платья, она повернулась и поспешно исчезла в темной щели прохода за ее спиной. Выходит, проход был свободен! Аврора обманула Тристрама — вынудила его вступить в бессмысленную схватку со скатами, ставшую роковой!

Через минуту ее фигура появилась на одной из

верхних галерей. Рядом с ней переминался с ноги на ногу горбун-шофер. Она бросила последний взгляд на неподвижное тело на песке, и они стали быстро подниматься по галерее к выходу.

Я громко закричал им вслед, надеясь, что меня услышат Рэймонд и Тони. Мой голос все еще отдавался эхом в песчаных катакомбах, когда я наконец выбрался наружу — и успел увидеть, как Аврора и шофер бегут к «кадиллаку», ждущему на фоне абстрактных заброшенных декораций. Машина с ревом рванула с места, и облако желтой пыли на мгновение скрыло от меня вишневый «кадиллак» и причудливые строения давным-давно покинутой съемочной площадки.

Когда я добежал до «шевроле» Тони, «кадиллак» уже мчался по пустыне, похожий на дракона, изрыгающего дым и пламя.

Больше я не видел Аврору Дэй. Я гнался за ней почти до Западной Лагуны, но на открытом шоссе ее мощная машина, развив предельную скорость, оставила меня далеко позади. Вскоре я окончательно потерял беглецов из виду. У заправочной станции, не доезжая до развилки, где одна дорога вела в Алые Пески, а другая — на побережье, я спросил у служащих автостанции, не проезжал ли мимо вишневый «кадиллак» и если проезжал

— то в какую сторону свернул. Они подтвердили, что была здесь такая машина, а затем вдруг стали утверждать, что на самом-то деле она ехала мне навстречу. Я понял, что здесь не обошлось без гипнотических способностей Авроры.

Я все же решил наведаться на ее виллу и свернул к Алым Пескам, проклиная себя за то, что не смог предвидеть всего, что произошло. Будучи сам поэтом, я должен был с большим подозрением отнестись к фантазиям этой женщины. Ведь она, в сущности, посвятила меня в свои планы. Я должен был предвидеть опасность, грозившую Тристраму.

Пятая вилла была пуста. Исчезли песчаные скаты, сторожившие вход, черные стеклянные двери крыльца стояли распахнутыми настежь. Ветер прибил к порогу остатки пыльных бумажных лент. В холле и гостиной царил сумрак, лишь белым пятном светился в бассейне одинокий карп. Воздух был неподвижен, словно вилла пустовала не первое десятилетие. Я с интересом еще раз пробежал глазами по фрескам в гостиной. Теперь я хорошо разглядел их и убедился, что все персонажи мне знакомы. Верность изображения лиц и фигур была почти фотографической; Тристрам, бесспорно, был Коридоном, Аврора — Меландрой,

а горбун-шофер — греческим богом Паном.

Я нашел здесь и себя, и Тони с Рэймондом, и даже Фэрчайлда де Милля — многих, очень многих людей моего круга.

Окончательно убедившись, что вилла пуста, я еще раз обогнул бассейн и направился к выходу. День угасал, спускались сумерки. В открытую дверь мне было видно, как один за другим зажигаются огни в поселке. Свет фар проносящихся по шоссе автомобилей яркими всполохами отражался в окнах и от стеклянного карниза над крыльцом моего дома вдалеке. Легкий ночной ветерок, проникший в опустевшую пятую виллу, шелестел обрывками лент на полу. Когда я вышел наружу, внезапный сквозняк, загудев в пустых коридорах, с грохотом сомкнул за мной половинки дверей. Гулкое эхо прошлось по пустым комнатам, как последний вздох какого-то сварливого существа — но и только. Это был знак того, что наваждение миновало, злые чары пропали с уходом колдуньи.

Когда я шел домой через вечернюю пустыню и видел на темном песке обрывки знакомых лент, то умышленно тяжело ступал на них, вдавливая их в песок, чтобы поскорее вернуться к действительности. Обрывки безумных стихов Авроры

Дэй, так жадно вбиравшие в себя последние краски уходящего дня, растворялись в темноте у меня под ногами — осколки чьих-то напрасных грез.

Подойдя поближе к дому, я вдруг увидел, что терраса освещена. Торопливо взбежав по ступеням, я остолбенел, увидев Тристрама. Удобно растянувшись в шезлонге, он держал в руке стакан с каким-то прохладительным напитком.

Он дружелюбно окинул меня взглядом и заговорщицки подмигнул. Прежде чем я успел что-либо сказать, он предостерегающе поднес палец к губам.

— Тристрам, — хриплым шепотом произнес я, подойдя поближе. — Я думал, ты погиб. Что произошло, черт побери?

— Прости, дружище, но я догадался, что ты следил за нами. Аврора оставила нас, не так ли? — улыбнулся он.

Я кивнул.

— Мне не удалось догнать ее даже на «шевроле» Тони. Разве тебя не убили скаты? Я видел, как ты упал. Я решил, что смерть твоя наступила мгновенно…

— Даже Аврора в это поверила. Мало же вы знаете о скатах! В это время года они совершенно не опасны, старина, — у них совсем не вырабатыва-

ются стрекательные клетки с ядом. Иначе никто бы не разрешал устраивать пикники на рифах! Понаставили бы там ограждений. — Он широко улыбнулся. — Кстати, об ограждениях — ты же слышал легенду о Коридоне и Меландре?

Я устало опустился в шезлонг. Тристраму не понадобилось и двух минут, чтобы все объяснить. Аврора рассказала ему легенду и, возможно, из сострадания к ней, а отчасти из озорства он решил сыграть роль злосчастного Коридона.

Говоря о смертельных укусах и злобных повадках песчаных скатов, он провоцировал Аврору, подсказывал ей прекрасный способ совершения жертвоприношения.

— Это и было жертвоприношением, иначе и не скажешь, — заявил я. — Поверь мне — уж я-то видел ее глаза. Она хотела твоей смерти.

Тристрам пожал плечами.

— Стоит ли так горячиться, старина, — сказал он. — В конце концов, поэзия требует жертв — настоящих, я имею в виду!

Рэймонд и Тони так и остались в неведении относительно всего, что произошло. Тристрам сказал им, что Аврора, страдавшая от боязни замкнутых пространств, почувствовала внезапное сильное недомогание и уехала.

— Интересно, — задумчиво сказал Колдуэлл, — что она предпримет? Пророчество-то ее сбылось! Ну, надеюсь, теперь она перестанет сомневаться в своих чарах. До сих пор бедняжка терзалась от сильнейшей самокритики. Как и Меландра, для коей жертва Коридона явилась полной неожиданностью, Аврора не отделяла любимое искусство от собственного «я».

Я кивнул.

— Надеюсь, она не будет слишком разочарована, узнав, что поэзия по-прежнему создается отвратительным компьютерным способом. Кстати, мне все еще нужно заполнить целых двадцать пять полос. Твой версификатор в порядке?

— У меня больше нет версификаторов. Я разбил его в то утро, когда ты мне позвонил. Да я им уже который год не пользуюсь.

Я подскочил в кресле.

— Как! Все эти сонеты, что ты присылаешь, написаны тобой — самостоятельно?

— Точно так, старина. Каждая строчка рождена в муках душевных!

У меня вырвался стон отчаяния.

— Я-то думал, хоть твой компьютер меня выручит. Боже, и как теперь быть?

Тристрам усмехнулся.

— Ну, может, тоже попробуешь сам написать стихи? Вспомни ее пророчество — кто знает, может быть, оно и сбудется. В конце концов, Аврора ведь думает, что я умер.

В полном отчаянии я гневно выругался.

— Будь от твоей смерти прок, я бы пожалел, что ты остался жив! — в сердцах бросил я Тристраму. — Ты даже не представляешь, во что мне это встанет!..

Когда он ушел, я отправился в кабинет и собрал все оставшиеся стихи. Для номера не хватало двадцати трех страниц. Странное совпадение: ровно столько поэтов обитало в Алых Песках.

Если каждому дать по странице, проблема будет решена. Но вся беда была в том, что никто из них, кроме Тристрама, не мог сочинить и строки без помощи компьютера.

Была полночь. Я понимал, что теперь каждую минуту предстоящих суток должен отдать решению одной задачи — где раздобыть недостающий материал до того, как истечет срок сдачи журнала в типографию. Видимо, ничего не остается, как самому все написать, грустно думал я. В эту минуту зазвонил телефон. Неужели Аврора?..

Голос действительно был высокий, похожий на женский, но это оказался Фэрчайлд де Милль.

— Чего тебе не спится по ночам? — закричал я на него. — Не боишься больше морщин нажить, что ли?

— Что поделаешь, Пол, но, знаешь, со мной сегодня произошло что-то странное. Послушай, тебе все еще нужны стихи для твоего журнала? Пару часов назад я тут кое-что сочинил, и, мне кажется, не так уж и плохо вышло. Я посвятил стихи Авроре Дэй. Уверен, они тебе понравятся.

Я искренне поздравил его и тут же записал число строк.

Пять минут спустя снова раздался звонок. На этот раз звонил Анхель Пети. Он тоже написал стихи — и тоже посвятил их Авроре.

Полчаса телефон звонил беспрестанно. Казалось, все поэты в Алых Песках в этот поздний час меньше всего думали о сне. Мне дозвонились Малколм Фрибоди, Роберт Сандрес и все-все остальные. В эту ночь каждый испытал невиданный подъем творческих сил — и желание написать что-то, пусть даже и хокку или пару строф, во славу Авроры Дэй.

Положив в последний раз трубку на рычаг наконец замолчавшего телефона, я погрузился в раздумья. Было 00:45, и, казалось, мне бы сейчас испытывать сильную усталость… Но голова была

ясной, я был полон энергии. Тысячи идей роились в мозгу, и я вдруг почувствовал, как рождаются строки стихов. Схватив блокнот, стал быстро записывать. Время, казалось, остановилось.

Вскоре передо мною лежало мое первое за десять лет стихотворение. А за ним толпились десятки других, ждущих своего часа, как ждет своего открытия золотая жила.

Сон подождет, решил я и протянул руку за новым листом бумаги. И только тогда я заметил письмо, лежавшее на столе. Оно было адресовано в фирму «Ай-Би-Эм». Это был мой заказ на три новых компьютерных версификатора.

Усмехнувшись, я порвал его на мелкие кусочки.

1960

Studio 5, the Stars. Первая публикация в журнале *Science Fantasy*, февраль 1961.

Перевод О. Макеевой

Конец

Они всегда спали днем. К рассвету последние горожане расходились по домам, и над всем воцарялась тишина, окна закрывались тепловыми завесами, а солнце вставало над текучими соляными берегами. По большей части — люди пожилые, они быстро засыпали в своих темных застенках, но Грейнджер, с его беспокойным умом и единственным легким, часто лежал без сна после полудня, пока стальные наружные стены хижины скрипели и гудели. Он бессмысленно листал старые бортовые журналы, спасенные для него Холлидеем с рухнувших космических платформ, силясь вычитать в них неизвестно что.

К шести часам термические фронты начинали отступать на юг, к зарослям водорослей, и кондиционеры в спальнях отключались один за другим. Пока город медленно оживал, а окна открывались навстречу прохладному вечернему воздуху, Грейнджер спускался позавтракать в бар «Нептун». В зале он раскланивался налево-направо, вежливо приподнимая темные очки в приветствии перед престарелыми парами. Те

занимали места в тени на крылечках — напротив других пар, на противоположной стороне улицы.

В пяти милях к северу, в пустом отеле в Айдл-Энде, Холлидей обычно спокойно отдыхал еще час. Он слушал, как коралловые башни, сияющие вдалеке подобно белым пагодам, поют и свистят, когда перепады температур сотрясают их до основания. В двадцати милях от себя он мог видеть симметричную вершину Гамильтона, ближайшего из Бермудских островов, поверх сухого океанского дна. Самый ее верх напоминал плато — ровный светлый срез, парящий над кольцом белого пляжа, все еще различимого в лучах заката и окаймленного пеной, оставшейся от иссыхающего океана.

В тот вечер ему еще сильнее, чем обычно, не хотелось ехать в город. Опять этот «Нептун», опять Грейнджер — на проверенном месте, со своей гремучей смесью анекдотов и нотаций. Только с Грейнджером Холлидею удавалось найти общий язык, и неизбежная зависимость от старшего товарища начала странным образом раздражать. Кроме того, предстояла еще нудная беседа с чиновником из отдела эмиграции — возможно, судьбоносная. Про себя Холлидей уже все решил

— благо ни особенных способностей к руководству, годящихся для освоения новых миров, ни еще каких-либо талантов у него не водилось. Петр Булин, сотрудник миграционной службы, учел это обстоятельство еще в первый визит и потому не стал давить на Холлидея; однако он указал на один небольшой, но важный факт, который был должным образом отмечен и обдуман в течение минувшего месяца.

— Помните, Холлидей, многие жильцы поселка уже разменяли шестой десяток. Пройдет еще десять-двадцать лет — и вы с Грейнджером, возможно, останетесь здесь одни. Если у него откажет легкое — будете только вы. — Булин взял паузу, чтобы смысл его слов вырисовался отчетливее, и тихо добавил: — Все дети отбывают следующим рейсом — двое сыновей супругов Мерривезер, Том Юранда («Ну, хоть от него избавлюсь, — подумал про себя Холлидей, — пусть на Марсе всем докучает»). Я хочу сказать, вы в буквальном смысле единственный здесь, кому еще не минула половина века.

— А как же Кэти Саммерс? Она тоже остается, — выпалил Холлидей, и внезапно ее образ так отчетливо встал перед глазами: белое хлопчатобумажное платьице, длинные волосы цвета

соломы. Воспоминание о Кэти придало ему смелости.

Сотрудник миграционной службы взглянул на список заявлений и неохотно кивнул:

— Да, но она просто присматривает за своей бабушкой. Как только старушка умрет, Кэти мигом сбежит. В конце концов, ее здесь ничто не держит, не так ли?

— Ничто, — отстраненно согласился Холлидей.

Так оно и оказалось. Долгое время он ошибочно полагал, что что-то все-таки держит. Кэти приходилась ему ровесницей — ей тоже было двадцать два года, — и казалось, что она, как и Грейнджер, понимает и разделяет решимость Холлидея остаться и присматривать за забытой Землей. Но бабушка умерла через три дня после отъезда сотрудника миграционной службы, и на следующий день Кэти начала собирать вещи. Глупо было думать, что она останется, и теперь Холлидея донимала мысль, что, вероятно, все его представления о себе так же глупы — и в той же мере базируются на ложных предпосылках.

Холлидей вылез из гамака и вышел на террасу. Фосфоресцирующие дюны тянулись прочь от отеля; в них мертвенно светились какие-то кристаллики, выпавшие в осадок вместе с солью.

Его апартаменты находились в пентхаусе на десятом этаже, единственном теплоизолированном помещении в здании, но из-за постоянного погружения отеля на дно океана в несущих стенах появились широкие трещины. Вскоре они наверняка доползут до крыши — первый этаж уже, считай, погиб. К тому времени, как эта же участь постигнет и второй — самое большее через полгода, — придется оставить старый курорт и вернуться в город. То есть к Грейнджеру.

Где-то примерно в миле от него что-то зарокотало. Из гущи сумерек вдруг вынырнул вертолет миграционной службы — и, выписывая круги, стал медленно снижаться к отелю. То есть к единственной местной достопримечательности. Оценив обстановку, Булин развернул винтокрылую машину и медленно направился к посадочной полосе.

«Восемь часов», — отметил Холлидей. Его собеседование было назначено на полдевятого утра следующего дня. Выполнив свои насущные обязанности мирового судьи и регистратора захоронений, а потом встретившись с Холлидеем, Булин отдохнет у шерифа и отбудет дальше по кольцу пустеющих поселков: Святая Елена, Азорские острова, Бермуды, и через Атлантику

— к главному перевалочному пункту на Канарах. И это — его последний визит сюда; двенадцать часов дано Холлидею на судьбоносный выбор — или, точнее, на отвержение выбора, — а после останется лишь смириться. Только две из двухсот тридцати орбитальных стартовых платформ все еще пребывали на пригодной для навигации орбите; сотни других, отработавших свое, так и сыпались с неба. Выйдет из строя последняя пара — и о Земле можно будет забыть. Если кого еще и заберут, то только группу военных связистов секретным рейсом.

Дважды на пути в городок Холлидею приходилось опускать крепившийся к переднему бамперу джипа плуг для сбора соли и счищать с многополосной дороги белые, пахнущие йодом горки, собравшиеся за день. По обочинам буйно кустились ламинарии; радиоизотопы фосфора подстегнули их генетические мутации, и теперь они больше напоминали какие-то неведомые белесые инопланетные растения. С такой флорой темные солончаки окончательно обретали вид пейзажей с полотен сюрреалистов, но это потустороннее запустение только укрепляло в Холлидее желание остаться на Земле. Большую часть вечеров, проведенных не в разговорах с

Грейнджером в «Нептуне», он катался по пересохшему океанскому дну, изучал останки упавших с неба стартовых платформ или бродил с Кэти Саммерс по водорослевым зарослям. Иногда он уговаривал Грейнджера поехать с ними, надеясь, что опыт пожилого друга — по образованию тот был морским биологом — поможет ему лучше разобраться в батипелагической флоре; но исконное морское дно оставалось погребенным под бесконечными соляными холмами, и с таким же успехом они могли кататься по пустыне Сахаре в поисках воды.

Раньше «Нептун» служил своеобразным «залом ожидания» для переселенцев из Южного полушария, толпами валивших на Канарские острова. Сейчас это был бар с низкими потолками и интерьером, где преобладали кремовые тона и блеск хромированного металла. Стоило только Холлидею войти, как Грейнджер сразу окликнул его и постучал тростью по окну — снаружи, в пятидесяти ярдах от бара, на бетонированном плацу перед ангаром темнел силуэт вертолета миграционной службы.

— Я его видел, — скучающим тоном обронил Холлидей, подходя со своим напитком. — Расслабьтесь, дружище. Я засек, как эта пташка сюда

садится.

Грейнджер улыбнулся. Холлидей, с сосредоточенно-серьезным лицом, обрамленным копной непослушных светлых волос, и абсолютным чувством личной ответственности, всегда забавлял его.

— Это ты расслабься, сынок, — сказал он, поправляя под гавайской рубахой вкладной протез, заполнявший уродливую впадину с одной стороны груди. Легкого Грейнджер лишился при декомпрессионной травме тридцать лет назад. — Не мне ж лететь на Марс на следующей неделе.

Холлидей мрачно уставился в свой стакан.

— И не мне. — Он уставился собеседнику в глаза и с иронией добавил: — Вы что, не знали?

Грейнджер захохотал и застучал тростью по окну, словно веля вертолету сниматься в путь.

— Нет, серьезно, сынок, — ты не летишь? Это точно взвешенное решение?

— И да, и нет. Я не лечу — но решение не взвешенное. Чуете, чем пахнет?

— Известно чем — Шопенгауэром. — Грейнджер снова заулыбался, потом резко отодвинул в сторону стакан. — Друг мой Холлидей, все твои беды — от убийственной серьезности. Глянул бы ты со стороны на себя — нелепость на нелепости!

— В чем конкретно? — осторожно спросил Холлидей.

— Какая разница, принял ты решение или нет? Единственное, что сейчас имеет значение, — собраться с духом и отправиться прямиком на Канары, а оттуда — в бескрайнюю синеву. Ради всего святого, зачем оставаться? Эта планета мертва, и последние отходные молитвы по ней справлены. Ее прошлое — во тьме, настоящее — в тумане, будущего — нет. Неужели у тебя нет ни капли ответственности за собственную биологическую судьбу за душой?

— Избавьте меня от подобного. — Холлидей вынул из кармана рубашки продовольственный талон и протянул его через стол Грейнджеру, ответственному за распределение товаров: — Мне нужен новый насос для холодильника в гостиной. Тридцативаттный «Фригидэйр». Получится такой раздобыть?

Грейнджер закатил глаза в раздражении, но талон принял.

— Сынок, да ты просто новый Робинзон Крузо! Возишься со старьем, пытаясь заставить его протянуть еще чуть-чуть. Ты — как парень на пляжной вечеринке, который зачем-то решил остаться, когда все девчонки уже ушли. Поэт и

мечтатель. Но неужели не ясно, что оба эти вида уже вымерли?

Холлидей смотрел на вертолет, ждущий на плацу, на огни поселка, насылающие блики на окрестные соляные холмы. С каждым днем они становились все больше. Солевые оползни все чаще перекрывали дороги, и никто не приходил их чистить. Через десять лет Холлидей вполне мог оказаться в положении Крузо. К счастью, в огромных, как газгольдеры, цистернах воды и керосина хватит на пятьдесят лет. Если бы не они, ни о каком «выборе» и речи не было бы.

— Предлагаю тайм-аут, — сказал он Грейнджеру. — Вы ведь просто пытаетесь найти во мне оправдание своему вынужденному пребыванию здесь. Может, я и принадлежу к вымершему виду, но уж лучше буду цепляться за жизнь здесь, чем исчезну совсем. В любом случае у меня есть предчувствие, что однажды люди вернутся. Кто-то должен остаться и сохранить память о том, что значит жить здесь. Эта планета — не старая шелуха, отпадающая по мере ненадобности. Мы появились здесь. Земля — единственное по-настоящему памятное для нас место.

Грейнджер медленно кивнул. Он собирался что-то сказать, когда сверкающая белая дуга

пересекла затемненное окно и исчезла из виду, а точка ее столкновения с землей затерялась за одним из резервуаров для хранения.

Холлидей встал и высунулся из окна.

— Должно быть, это стартовая платформа. Большая какая — вероятно, одна из русских.

Ночной эфир сотряс протяжный раскатистый грохот, эхом отразившийся от коралловых башен. На короткое время расцвела вспышка света. Последовала серия взрывов поменьше, а затем в северо-западной стороне воспрянул широкий столб пара.

— Озеро Атлантик, — прокомментировал Грейнджер. — Давай съездим туда и посмотрим. Может, отыщется что-нибудь интересное.

Погрузив пробирки для образцов и инструменты для изготовления чучел, они уже через полчаса тряслись на джипе к южной оконечности озера Атлантик — десять миль по соляным завалам. Именно там Холлидей и встретился с рыбой.

* * *

Озеро Атлантик — узкая лента застоявшегося тузлука длиной десять миль и шириной в милю, пролегшая к северу от Бермудских остро-

вов, — осталось последним пережитком некогда необъятного Атлантического океана; по сути — *всем*, что осталось от океанов, в былые времена покрывавших две трети поверхности Земли. Неистовая разработка океанических недр с целью насытить кислородом атмосферы свежеколонизированных планет привела к их довольно быстрому и необратимому исчерпанию. Это, само собой, спровоцировало изменения в климате и в геофизическом комплексе — слишком серьезные для Земли. Кислород, путем электролиза извлекаемый из морской воды, затем сжижали и транспортировали к другим планетам, а выделившийся водород просто сбрасывался в атмосферу. В конце концов остался лишь тонкий, немногим больше мили толщиной, слой более-менее плотного, пригодного для дыхания воздуха. Людям, еще остававшимся на Земле, пришлось покинуть превратившиеся в плоскогорья отравленные континенты и спуститься к иссохшему дну.

В отеле Айдл-Энда Холлидей провел многие часы, штудируя собранную им библиотеку журналов и книг о городах старой Земли. Грейнджер нередко рассказывал ему о собственной юности, когда моря были наполовину заполнены, а сам

он работал морским биологом в Майами — там, где на протяженных пляжах перед ним разворачивалась дивная мастерская Природы.

— Моря — наша общая память, — часто говорил он Холлидею. — Осушая их, мы намеренно уничтожали собственное прошлое, в значительной степени — нашу самоидентификацию. Вот еще одна причина уйти отсюда. Без морей жизнь невыносима. Без них мы — не более чем призраки-воспоминания, слепые и обездоленные, бродящие по сухим камерам выскобленного черепа.

* * *

Они добрались до озера за полчаса, пробираясь через топи, образующие его берега. Серые соляные дюны тянулись на многие мили. Сумеречный свет ложился на спекшиеся пласты — те, что раскололись на почти ровные шестиугольники после того, как их опалил жар с неба. Густой пар гулял над поверхностью воды. Они припарковались на невысоком прибрежном мысу и посмотрели вверх, на огромный круглый корпус стартовой платформы. Это была одна из самых крупных машин — почти триста ярдов в диаметре, перевернутая вверх дном на мелко-

водье. Корпус был помят и обожжен. Огромные пробоины чернели в тех местах, где стояли реакторы, оторвавшиеся при ударе и усыпавшие обломками окрестности озера. В четверти мили впереди, скрытые размытым пятном, они едва могли разглядеть группу винтов, устремленных в небо.

Продвигаясь по берегу — озеро оставалось по правую руку — и с трудом разбирая одну за другой буквы С — С-С-Р, приделанные к опоясывающему ободу, они подошли к платформе. Гигантское космическое приспособление пропахало цепочку водоемов, соединив их с озером и между собой глубокой бороздой, и вода медленно уходила. Грейнджер брел по колено в воде, ища образцы. Попадались карликовые анемоны и морские звезды, напоминающие извлеченные из чьих-то тел опухоли с драгоценными камнями в сердцевине. К резиновым сапогам паутиной липли чахлые водоросли.

Грейнджер и Холлидей встали у самого большого водоема, футов триста в диаметре. Он быстро мелел, все сильнее обнажая дно. Осторожно идя вниз по склону за отступающей водой, Грейнджер подбирал образцы и помещал их в мензурки.

Во мраке край платформы казался кормой

неимоверно огромного судна. Холлидей стоял на узком перешейке между озером и маленьким водоемом, разглядывая расплющенный шлюз для аварийного выхода: под ним вдруг что-то шевельнулось. Поначалу Холлидей решил, что видит весьма неудачливого сотрудника персонала пусковой платформы, не эвакуированного вместе с остальными и чудом выжившего при крушении; затем понял — то было всего лишь отражение в алюминиевой обшивке некой ряби, тревожившей покой водоема у него за спиной.

Он обернулся и увидел Грейнджера. Бывший биолог стоял в десяти футах под ним, по колено в воде, внимательно глядя перед собой.

— Ты что-то сюда сбросил? — спросил он.

Холлидей покачал головой.

— Нет. — Не подумав, он добавил: — Наверное, там рыба плещется.

— Рыба? На всей планете не осталось ни одной живой рыбы, сынок. Рыбы вымерли как зоологическая группа еще десять лет назад. Чудеса…

В этот момент рыба еще раз подпрыгнула.

Несколько мгновений, стоя неподвижно в полутьме, они вместе наблюдали, как стройное серебристое тельце бешено «пружинило» из теплой мелкой воды, рассылая по глади рябь.

— Катран, — пробормотал Грейнджер. — Колючая акула. Вид с неимоверно высокой способностью к адаптациям… Другой бы в таких условиях не выжил. А вдруг он теперь — единственная живая рыба на Земле? Черт побери!

Холлидей двинулся вниз по берегу, увязая ногами в сочащейся грязи.

— Не слишком ли соленая среда?

Грейнджер наклонился, зачерпнул немного воды и осторожно отхлебнул.

— Соленая, но сравнительно разбавленная. — Он оглянулся через плечо на озеро. — Видимо, с поверхности озера происходит непрерывное испарение, а здесь — локальная конденсация. Перегонный аппарат, созданный самой природой! — Биолог похлопал Холлидея по плечу. — Интересный казус.

Катран отчаянно метался в луже. Двухфутовое тело рыбины извивалось и брыкалось. По всей поверхности пруда появились низкие илистые отмели; только в нескольких местах ближе к центру глубина воды превышала фут.

В полусотне ярдов от них берег был разворочен. Холлидей позвал Грейнджера за собой взмахом руки. Они подбежали к пролому и быстро завалили проток, затем на джипе осторожно проехали

по извилистым перешейкам между прудами. Холлидей опустил солевой плуг и, ловко маневрируя вокруг водоема с рыбой, стал придвигать края водоема друг к другу. Вскоре он сократил диаметр русла со ста ярдов до шестидесяти, а глубина пруда увеличилась до более чем двух футов. Катран больше не трепыхался — уровня воды ему хватало; он лениво плавал у самой поверхности, собирая сброшенных джипом анемонов и звезд. Его стройное тело казалось белым, без единого пятнышка. Маленькие плавники производили впечатление аккуратных и мощных.

Грейнджер сидел на капоте джипа, привалившись спиной к лобовому стеклу, и с восторгом наблюдал за Холлидеем.

— У тебя, очевидно, есть тайные резервы сил, — сказал он беззлобно. — Я и не думал, что ты на такое способен.

Холлидей вымыл руки в луже, затем перешагнул через взбитую грязь, образовывавшую границу водоема. В паре футов позади него катран развернулся, почуяв волнение, и сделал выпад в ту сторону, где могла быть добыча.

— Хочу спасти его, — сказал Холлидей как ни в чем не бывало. — Кому, как не вам, понимать, Грейнджер, — когда двести миллионов лет назад

на сушу выползли первые земноводные, рыбы остались в воде, так же как мы с вами сейчас остаемся на Земле. В известном смысле все рыбы — это наши отражения в зеркале моря. — Он тяжело опустился на подножку джипа.

Его одежда промокла и побелела от солевых разводов. Переувлажненный воздух душил его. На западе, прямо над длинной линией побережья Флориды, поднимавшейся со дна океана подобно огромному авианосцу, появились первые рассветные термальные фронты.

— Ничего, если оставим катрана здесь до вечера? — спросил он.

Грейнджер забрался на водительское сиденье.

— Не волнуйся. Пойдем, тебе нужно отдохнуть. — Он указал на выступающий вперед край стартовой платформы: — Тень от этой штуки через несколько часов станет длиннее. Доползет и сюда — и организует твоей рыбке дополнительную прохладу.

Когда они приблизились к городу, Грейнджер замедлил шаг, чтобы помахать старикам, выходившим из своих подъездов и закрывавшим ставни на стальных домиках.

— Так как насчет переговоров с Булиным? — серьезно спросил он Холлидея. — Он ведь будет

тебя ждать.

— Улететь с Земли? После вчерашнего? Об этом не может быть и речи!

Грейнджер покачал головой, паркуя машину возле «Нептуна».

— Не слишком ли ты переоцениваешь важность одной-единственной маленькой акулы? Когда-то их были миллионы, этих морских охотников.

— Вы упускаете главное, — произнес Холлидей, откидываясь на спинку сиденья и пытаясь смахнуть соль с бровей. — Эта рыба означает, что здесь еще можно что-то придумать. Земля еще не мертва и не окончательно истощена. Мы можем создать новые формы жизни — совершенно новое биологическое царство…

Холлидей сидел, вцепившись в руль, не отрывая глаз от этого глубоко личного видения, пока Грейнджер ходил в бар за ящиком пива. Когда он возвращался назад, с ним шел сотрудник миграционной службы. Булин поставил ногу на подножку и заглянул в машину.

— Ну, что скажете, Холлидей? Мне бы не хотелось больше здесь задерживаться. Если вам неинтересно, я пойду дальше. На новых планетах расцветает жизнь, и это лишь начало, самый

первый шажок к звездам. Том Юранда и парни Мерривезеров улетают на следующей неделе. Хотите составить им компанию?

— Нет, — коротко и вежливо ответил Холлидей. Он затащил пиво в салон, выжал сцепление и погнал джип по пустой улице, поднимая клубы пыли.

Полчаса спустя, выйдя на террасу отеля в Айдл-Энде, охолонувший и посвежевший после душа, Холлидей наблюдал, как над его головой с ревом пронесся вертолет. Вспахивая воздух черными винтами, машина сделала прощальный круг и унеслась за поросшие ламинариями равнины, в сторону отработавшей свое космической платформы.

Все следующее утро Холлидей не находил себе места.

— Давайте уже поедем! — прикрикнул он на Грейнджера. — Чего мы возимся?

— Придержи коней, сынок, — досадливо морщась, прокряхтел тот. — Ты становишься уж слишком нетерпеливым. Не вмешивайся в естественный ход вещей больше, чем требуется, — а то уморишь бедную акулу своей добротой. Что у тебя там? — Он указал на баночку в руках у младшего товарища.

— Хлеб для подкормки. — Холлидей осторожно убрал емкость в бардачок.

Грейнджер вздохнул и осторожно закрыл дверь.

— Я впечатлен, серьезно. Хотел бы я, чтобы ты так же обо мне заботился. Я ведь тоже — последний в своем роде! Да и помру, того и глядишь, со дня на день — с моими-то болячками…

Они были в пяти милях от озера, когда Холлидей наклонился над рулем и указал на четкие отпечатки шин на мягкой соли, покрывавшей дорогу впереди:

— Здесь уже кто-то побывал раньше нас.

— Ну и что с того? — пожал плечами Грейнджер. — Они, наверное, пошли посмотреть на платформу. — Он тихо засмеялся. — Ты что, не хочешь разделить свой Новый Эдем с кем-нибудь еще? Или в нем должны быть только ты и старый консультант-биолог?

Холлидей выглянул в лобовое стекло.

— Эти платформы — ужасная дрянь. Их швыряют на планету так, будто Земля — свалка для подобного мусора. И все же не упади здесь эта платформа — я не нашел бы акулу.

Они добрались до озера и направились к водоему. Неровный след шин впереди петлял между

заполненными водой колдобинами. Машина оказалась припаркована в двухстах ярдах от платформы, преграждая путь Холлидею и Грейнджеру.

— Это машина Мерривезеров, — сказал Холлидей, когда они обошли большой разобранный «бьюик», выкрашенный желтой краской и оснащенный сиренами и флажками. — Должно быть, они здесь.

Грейнджер указал пальцем:

— Один из них стоит сейчас на платформе.

Младший брат взобрался на бортик и, словно судья, орал на двух других мальчишек внизу: на своего брата и Тома Юранду — высокого широкоплечего юнца в куртке космического кадета. Они стояли на краю водоема, держа в руках камни и соляные глыбы и швыряя их в воду.

Оставив Грейнджера, Холлидей побежал вперед, крича во весь голос. Слишком занятые, чтобы расслышать его, мальчишки продолжали упражнения в меткости; младший Мерривезер подбадривал их свысока. Как раз перед тем, как Холлидей добрался до них, Том Юранда уже пробежал несколько ярдов по берегу и замолотил ногами и руками по глиняной стене водоема, разламывая ее на новые снаряды.

— Юранда! Отойди оттуда! — проревел Холлидей. — Положи эти камни на землю!

Он настиг Юранду в тот момент, когда тот собирался швырнуть в водоем кусок соли размером с кирпич, схватил его за плечо и развернул к себе, выбив соль у него из рук дождем влажных кристалликов, затем бросился на старшего сына Мерривезеров и оттолкнул его ногой.

Глубокая канава рассекала глиняный вал, почти вся влага ушла в соседние заводи. Среди камней и комков соли, в жалкой лужице, что еще задержалась, трепыхалось изувеченное тело катрана, окрашивая соль в темно-красный цвет.

Холлидей бросился к Тому и яростно затряс его за плечи.

— Юранда! Ты хоть понимаешь, что ты наделал, ты… — Обессиленный, Холлидей отпустил его и, пошатываясь, прошел в центр водоема, расшвырял камни. Он остановился, глядя на рыбу, подергивающуюся у его ног.

— Извини, Холлидей, — неуверенно произнес за его спиной старший сын Мерривезера. — Мы не знали, что это твоя рыба.

Холлидей отмахнулся от него, а затем бессильно опустил руки. Он ощущал себя сбитым с толку и одуревшим, неспособным справиться с такими

непомерными гневом и горечью.

Том Юранда захохотал, бросил что-то с явной издевкой, и для мальчишек напряжение спало. Они повернулись и побежали наперегонки через дюны к своей машине, громко перекрикиваясь и передразнивая возмущенного Холлидея.

Грейнджер пропустил их, затем подошел к заводи и поморщился, увидев пустое дно.

— Холлидей, — позвал он. — Пошли.

Холлидей покачал головой, глядя на изувеченное тело рыбы.

Грейнджер спустился к нему по склону. Рев «бьюика» растаял вдалеке.

— Вот же сволочи тупорылые. — Он взял Холлидея за руку. — Прости меня, сынок, — тихо произнес он. — Но, поверь мне, это еще далеко не конец света.

Наклонившись, Холлидей потянулся к рыбе, теперь лежавшей неподвижно. Грязь вокруг нее была скользкой от крови. Его руки задрожали… затем опустились.

— Мы ничего не можем сделать, да? — бесстрастно спросил он.

Грейнджер осмотрел катрана. Если не считать большущей раны на боку и расплющенного черепа, кожный покров был цел.

— Почему бы не сделать чучело? — серьезно предложил он.

Холлидей недоверчиво уставился на него, его лицо исказилось. Мгновение он ничего не говорил… затем, почти обезумев, закричал:

— Чучело, значит? С ума сошел, старый индюк? Ты и во мне, наверное, такого же идиота видишь? С опилками в голове!..

Он повернулся, ничего не видя в своем гневе, оттолкнул Грейнджера плечом прочь и выкарабкался из котлована наверх.

1960

Deep End. Первая публикация в журнале *New Worlds*, май 1961.

Перевод Г. Шокина

Перегруженный человек

Чайник Фолкнера потихоньку выкипал.

Покончив с завтраком, он стал терпеливо выжидать, когда же кухонная суета Джулии утихнет. На все про все ей обычно хватало минуты три — потом она уходила; но даже столь короткий срок каждый раз было трудно высидеть, почти невыносимо. Невольно вслушиваясь в звуки ее возни, он попытался отвлечься, подняв жалюзи и установив в хорошем местечке на веранде топчан. Неколебимый порядок: сначала посуду в мойку, потом мясо в духовку, таймер до щелчка, потом кондиционер, бидоны для молочника — на порог, ну и, под конец, подъем гаражной двери — своей половины, разумеется. Симфония «щелк» и «дзынь», по каждому звуку можно угадать, какой именно этап в данный момент; звуки неприятные, назойливые, вводящие в легкую одурь.

«Послать бы тебя на автоматизированную атомную станцию, там и крутись», — подумал Фолкнер лениво. Впрочем, Джулия работала в регистратуре клиники — уж там-то было где крутиться. Наверняка со всем она справлялась так

же — щелк, дзынь, вашу справку, мистер Смит, будьте здоровы, мистер Браун, язвенники налево, трезвенники прямо по коридору.

Джулия тем временем явилась на глаза — вся из себя стандартно-деловая: наряд строгий, белая блузка, черный галстучек, черная юбка-карандаш, черные колготки.

— Тебе разве сегодня не надо на занятия? — сощурилась она.

Фолкнер, мотнув головой, сделал вид, что перекладывает бумаги на столе.

— Я взял творческий отгул до конца этой недели. Профессор Гармон одобрил. Я и так вкалываю сверхурочно — пора бы и деятельность сменить, а то серые клеточки перегреются.

Она кивнула, но сомневающийся прищур никуда не делся. Ну еще бы — он же три недели подряд только и делал, что сидел перед телевизором, дремал на веранде или качался в гамаке. Фолкнер осознавал, что правда рано или поздно выплывет наружу. Вот уже два месяца прошло с тех пор, как он ушел с поста преподавателя в Школе экономики — ушел насовсем, без притязаний на возвращение. Да, нехилый ее ждет сюрприз, когда обнаружится, что они почти спустили его последнюю зарплату; скоро придется

урезать расходы на бензин для второй машины. «Ничего, — подумалось Фолкнеру, — пусть повкалывает. В ее чертовой клинике зарплата больше, чем у меня».

Сделав над собой недюжинное усилие, он расплылся в улыбке.

Сгинь с глаз долой, Джулия! — колотилось в голове.

Но она, похоже, никуда не торопилась.

— Чем же тебе обедать? В холодильнике уже мышь повесилась.

— За меня не волнуйся, — отмахнулся Фолкнер, тоскливо разглядывая часы. — Я на диете сижу уже шестой месяц. А ты в клинике пообедай.

Даже рядовая болтовня с этой женщиной превращалась в непосильную задачу. Ему страсть как хотелось перейти на общение записками — для этой цели он даже заготовил два толстых блокнота на пружине, — но он так и не решился навязать Джулии такой способ взаимодействия, хоть сам и пользовался им постоянно под предлогом того, что мозг, занятый сложной работой, лучше не отвлекать на управление речевым аппаратом.

Странно, но о разводе он никогда не помышлял. Разбежаться с женой, конечно, можно было,

но что это кому из них даст? Да и потом, у него на свой счет имелись несколько иные соображения.

— Последний раз спрашиваю, тебе ничего не надо?

— Ничегошеньки, — заверил жену Фолкнер, все так же улыбаясь во весь рот. Боже праведный, знал бы хоть кто-нибудь, каких сил ему стоила эта улыбка!

Мимолетный стерильный поцелуй Джулии до ужаса напоминал тот клюющий рывок, которым закупорочный агрегат надевает на бутылку с пивом стальную крышку. Не снимая с лица улыбку, Фолкнер дождался, когда хлопнет входная дверь, затем с наслаждением дал лицевым мышцам команду расслабиться. Напряжение волнами сходило со всего тела, стекало с кончиков пальцев на руках и ногах. Фолкнер позволил себе немного побродить по опустевшему дому, потом вернулся в гостиную и приступил к делу.

Распорядок практически всегда оставался неизменным. Сначала он доставал из ящика письменного стола устройство, сделанное из маленького будильника, батарейки и ремешка с электродами, потом выходил на веранду, затянув ремешок на запястье, заводил будильник, ставил

его на стол рядом с собой и, наконец, привязывал свою руку к ручке кресла, дабы случайно не сбросить будильник. Завершив приготовления, он ложился на топчан и созерцал с веранды окрестный пейзаж.

Меннингер-Виллидж, или «Мусорка», как прозвали район местные, был возведен десять лет назад специально для проживания дипломированных сотрудников клиники и членов их семей. Всего «Мусорка» насчитывала порядка шестидесяти домов в разработке. Каждый отвечал определенным архитектурным требованиям, с одной стороны сохраняя условный градус непохожести и с другой — органично вписываясь в общий план. Задачей архитекторов, столкнувшихся с необходимостью втиснуть прорву небольших домов в четырехакровый участок, было избежать «сарайной» застройки и придать обиталищу эскулапов относительно рекламный, респектабельно-презентационный вид.

Увы, вскоре от всеобщих радужных иллюзий не осталось камня на камне — жизнь в «Мусорке» являла собой ад на земле. Применив так называемый психомодулярный подход, согласно которому одному богу известно, почему все дома строились по Г-образному дизайну, ар-

хитекторы получили в итоге нечто в высшей степени неудобоваримое. Дома попросту наползали друг на друга, и лишь весьма недалекому наблюдателю — или заядлому читателю журнала «Лайф», падкому на броский глянец фотографий и словосочетания вроде «новые стандарты жизни», — здешние хитросплетения матовых стекол, белого пластика и сглаженных углов могли показаться изысканными и оправданными. Внутреннее устройство домов утомляло глаз показушной неправильностью. Управленцы из клиники, быстро поняв что к чему, отказались от такого счастья, и в итоге «Мусорка» стала доступна любому желающему — в основном, надо полагать, всяким сумасбродам.

Из мешанины белых геометрических форм Фолкнер выделил восемь домов. На них можно было смотреть, не поворачивая головы. Слева, практически вплотную к нему, жили Пенцилы, а справа — МакФирсоны. Остальные шесть построек находились прямо впереди, на дальней стороне беспутной коалиции садовых зон — своего рода абстрактные лабиринты для лабораторных мышей, разделенные белыми панелями в половину человеческого роста, стеклом и щербатым пластиком.

В саду у Пенцилов валялись трехфутовые кубы с буквами — на потеху двум детишкам; те с завидной регулярностью составляли из них некие обращения к окружающему миру, порой неприличные, порой — странные и непонятные. Сегодняшнее подпадало под вторую категорию: «СТОЙ И ИДИ». Подумав немного над тем, какого черта это все значит, Фолкнер отпустил все мысли: его взор, обращенный вдаль, помертвел, и очертания строений перед ним начали терять четкость и сливаться с длинными террасами и пандусами, чья безжалостная стереометрия кое-где была сглажена кустарником и деревцами.

Убавив ритм дыхания, Фолкнер выключил сознание: щелк — и нет ничего, кроме внутренней тьмы. Потом снова включил: щелк — да здравствует мир. Осознание смысла и предназначения стоящих впереди домов на короткий миг всецело покинуло его голову.

Теперь его взору предстал пейзаж, вышедший из-под кисти кубиста: нагромождение белых форм на голубом фоне, кое-где умышленно испорченное зелеными кляксами. Чем же эти формы на самом деле являются, какой цели служат? Мысль ленивой сороконожкой вползла в мозг… и там бесповоротно застряла, уткнулась в тупик в кон-

це извилины: мгновения назад странные фигуры были частью привычного мира, но теперь, как он ни менял в уме их положение в пространстве, сколько ни прикидывал-перетасовывал, осмысленнее они не становились.

Этот талант к обнулению смысла Фолкнер открыл в себе совсем недавно, около трех недель назад, в одно милое воскресное утро. Таращась в экран телевизора, он неожиданно осознал, что свыкся с его физической формой настолько, что даже не может вот так с ходу понять истинное назначение этого ящика с бегающими туда-сюда картинками. Пришлось напрячься, чтобы странная муть отступила и телевизор снова стал телевизором, простым и понятным. Любопытства ради Фолкнер опробовал новообретенную способность на других предметах — и вскоре уяснил, что удачнее всего получается проворачивать трюк на стиральных машинах, автомобилях и прочих товарах общественного потребления: с ними, по крайней мере, было связано наибольшее число разнообразных ассоциаций. Но если взять и вытряхнуть их из обертки рекламы и ценовой политики, реальность этих объектов казалась столь спорной, что никакого труда не стоило окончательно развоплотить их одной

лишь силой мысли. Похожий эффект на Фолкнера оказал некогда принятый мескалин — под ним мятая наволочка на подушке виделась ни много ни мало поверхностью Луны.

Далее Фолкнер перешел к робким опытам со своими внутренними «рубильниками», и пусть прогресс скоростью не отличался, постепенно он учился «стирать» больше объектов, целые *системы* объектов; сначала — всю меблировку гостиной, потом — кухонные приборы, потом — собственное авто… С последним вышло чрезвычайно забавно: разглядывая этого бестолкового хромового монстра, притаившегося в полумраке гаража, Фолкнер чуть голову не сломал, силясь понять, что же перед ним такое и в чем его предназначение. «Блин, да кому в голову могла прийти мысль сделать нечто подобное?» — задавался он вопросом, и из его груди рвался безумный безотчетный смех.

Развивая свой дар, Фолкнер стал все чаще задумываться о том, что он может помочь сбежать из невыносимого плена «Мусорки», из ее стерильно-абсурдного мирка. Этой идеей Фолкнер решил поделиться с Россом Хендриксом, коллегой-преподавателем по Школе экономики и, пожалуй, единственным близким другом. Росс жил тут же,

в «Мусорке», через два дома от него.

— Мне кажется, я теперь умею покидать временной поток, — сказал он. — Когда нет ощущения времени, труднее что-то представлять. Чем меньше чувствуешь время, тем меньше ассоциаций у тебя остается, и они никак не цепляются к различным предметам, неподвластным осознанию. Возможно, это как-то связано с контролируемым угнетением фотоассоциативных центров мозга. Бывает, слушаешь, как кто-то говорит что-то на родном понятном языке, а для тебя это все — галиматья инопланетная. Слоги отказываются складываться в слова. Такое, я думаю, каждый хоть раз в жизни да ощущал. Здесь примерно то же самое.

— Наверное, ты прав, — осторожно согласился Хендрикс. — Но увлекаться этим в любом случае не стоит. Выпадать из мира опасно, ведь наши с ним отношения — это нечто большее, чем декартово «мыслю, следовательно, существую». Обесценивая окружающее, ты точно так же обесцениваешь самого себя. Сдается мне, для решения твоей проблемы уместней было бы направить процесс в обратную сторону.

Увы, от Хендрикса, такого понимающего и сочувствующего, толку было ноль. Просто он не мог

осознать, каково это — видеть мир в совершенно новом свете, окунаться в пейзаж, отрешенный от всего лишнего, ничем не стесненный и потому блистательный! Что с того, что всякая форма в нем недосчиталась содержания — кому оно, спрашивается, нужно?

…Сухой «треньк!» вывел Фолкнера из забытья. Резко сев, он схватился за будильник, поставленный на одиннадцать. На нем было 10:55, до подачи электрического импульса — целых пять минут. Что же могло издать такой звук? Он был уверен, что ему не приснилось. Хотя в доме и без будильника полно периодически шумящих приборов — тренькнуть мог любой из них.

По листу глазированного стекла, из которого состояла фронтальная стена гостиной, прошла неясная тень. Секундой позже на глазах у Фолкнера в узенький проем между его владениями и участком Пенцилов втиснулся автомобиль. Из салона появилась девушка в синем кардигане — ее каблучки зацокали по щебенке в сторону соседского дома. То была невестка Пенцила лет двадцати с небольшим, приехавшая погостить на пару месяцев. Когда она исчезла внутри, Фолкнер быстро освободил запястье от электродов и встал. Открыв калитку веранды, он засел в саду, огля-

дываясь через плечо. Луиза — он знал, как зовут эту девушку, хоть и не был знаком с ней лично, — ходила по утрам на занятия по скульптуре. По возвращении домой она, всегда неспешно, принимала душ и лезла на крышу загорать.

Фолкнер слонялся по садику, воровато постреливая глазами в сторону соседского дома. Какое-то время он швырял камешки в пруд. Потом притворялся, что поправляет стойки беседки — и тут обнаружил, что больше не один. Из-за забора на него приветливо таращилась круглая бандитская физиономия Гарви — сына МакФирсонов пятнадцати лет от роду, окруженная торчащими во все стороны рыжими волосами. Ростом Гарви природа не обделила, поэтому подглядывание для него делом затруднительным не было.

— Чего это ты не в школе? — подозрительно осведомился Фолкнер.

— Да мог бы и там быть, — лениво протянул Гарви. — Вот только матушка возьми и поведись на мой типа усталый вид — мол, переутомился я сильно. А папаше без разницы, он говорит, что я мастер на всяческие отговорки, давно уж говорит. Ну что сказать? Все предки здесь такие. — Гарви пожал плечами. — На многое предпочитают смотреть сквозь пальцы.

— Твоя правда, приятель, — согласился Фолкнер, наблюдая за душевой кабиной через плечо. Розоватый силуэт внутри двигался, выкручивая краны. Потекла вода.

— Вы мне вот что скажите, мистер, — продолжил вдруг Гарви. — После смерти Альба нашего Эйнштейна в мире, говорят, ни одного гения не родилось. Шекспир, Микеланджело, Ньютон, Бетховен, Гёте, Дарвин, Юнг, Эйнштейн — все они уже были и всегда нас куда-то направляли, так? А вот теперь вот, первый раз за целых полвека, мы на своей солярке едем.

— Ну да, — кивнул Фолкнер, глядя в сторону. — Стадо без внятного пастушка. Мне тоже от этой мысли чертовски грустно становится.

Больше говорить с Гарви — да и видеть его, честно говоря, — не хотелось. К моменту, как Луиза закончила принимать душ, Фолкнер односложно попрощался с парнем, вернулся на веранду, устроился на топчане и снова затянул на запястье ремешок.

Неуклонно, предмет за объектом, он начал выключать окружающий мир. Дома напротив пали первыми. Белые балконы и крыши упростились до двумерных квадратов, та же участь постигла и все окна. Небо стало простым синим «мертвым

экраном», по которому полз еле заметный курсор — самолет. Устранив все смыслы, скрытые за образом крылатой машины, Фолкнер с любопытством воззрился на эту изящную серебристую стрелку, то и дело теряющуюся в необъятной лазури.

Выжидая, когда гул двигателей удалится, он снова уловил странное отрывистое «треньк» — то же, что и раньше. Совсем близко… слева, от окна. Но вставать и проверять ему не хотелось. Слишком глубок был омут, в котором Фолкнер сейчас пребывал.

Самолета не стало — и он сосредоточился на саде, уничтожив белый забор, беседку, водяной эллипс декоративного пруда. В обход пруда вилась тропка, и когда Фолкнер стер все воспоминания о прогулках по ней, она вознеслась в небо землистого цвета рукой, подносящей огромную серебряную тарелку.

Безгранично довольный тем, что отделался от сада и от Меннингер-Виллидж, Фолкнер стал обессмысливать собственный дом. Тут ему противостояли предметы куда более родные и близкие, полные личных ассоциаций. Он начал с мебели на веранде — превратил трубчатые стулья и стеклянный столик в комки зеленых

червей. Потом, повернувшись вправо, ударил по телевизору, стоящему в гостиной неподалеку от двери на веранду. Раскрашенная под дерево пластмассовая коробка почти не сопротивлялась, не стала настаивать на своей значимости — и Фолкнер без труда оборвал все ассоциативные ниточки. Телевизор стал простым пятном без формы и смысла. Последовательно отключив от связей книжные полки, письменный стол, напольные лампы, фотографии и картины в рамках, Фолкнер столкнулся с миром пустых очертаний, неприкаянно повисших в воздухе — клубы дыма, оставшиеся от угасшего пламени его рассудка. А чуть более крупные кресла и кушетка белого цвета стали похожими на облака. Обрученный с реальностью посредством ремешка на запястье, Фолкнер вертел головой по сторонам, методично лишая ее последнего смысла, сводя все кругом к бесплотному визуалу… и потихоньку сами формы утративших привязку объектов перестали что-либо означать. Абстрактные конгломераты линий и цвета распадались, низвергая Фолкнера в мир чистых психических ощущений, в коем представления застыли незримыми столпами — как решетки магнитных полей в камере Вильсона…

...И мир этот вдруг был взорван — грохотом будильника, разрядом тока от электродов на запястье.

Чувствуя, как встают дыбом волосы на затылке, Фолкнер вернулся в реальность, разомкнул ремешок, потер саднящую после разряда руку, заткнул надрывающийся звонок. Познавая все окружающее заново, он остро чувствовал преграду — подобие стеклянной стены, прозрачной, но непреодолимой, — которая вставала между его сознанием и истинной сутью вещей. Концентрация не помогала убрать ее, делая все еще хуже. Преграда была не одна — блоки стояли на всех каналах восприятия.

Джулия пришла с работы ровно в шесть, уставшая и злая. Грязные стаканы, брошенные мужем на веранде, сразу же послужили поводом для всплеска гнева:

— А ну немедленно убрал за собой! Нельзя вот так вот все бросать. Что это с тобой такое в последнее время? Включись уже!

Фолкнер, не успевший ретироваться в спальню, угрюмо хмыкнул в ответ, но стаканы таки собрал и отнес на кухню. Кажется, избавиться от нее в этот вечер у него не выйдет — намертво встав между ним и кухонной дверью и через раз

прикладываясь к горлышку бутылки с мартини, она стала живейшим образом интересоваться, как дела в Школе. «Ну вот, — подумал он с тоской, — пронюхала. Наверняка позвонила туда. И там ей меня сдали».

— Ноль внимания к кадрам, — пожаловался он. — Не ходишь туда жалких два дня — и все сразу забывают, что ты у них работаешь.

Бдительность и концентрация спасали Фолкнера — он ни разу за все это время не взглянул Джулии в глаза. Такая ситуация держалась уже неделю. Может статься, и дольше. Фолкнер тешился надеждой, что так действует жене на нервы.

Ужин обернулся настоящей затяжной пыткой. Дом насквозь пропах жарящимся мясом из духовки. Кусок не лез Фолкнеру в горло, да и сосредоточить внимание было не на чем. К счастью, Джулия ела с аппетитом — можно было сверлить взглядом ее макушку. В те редкие моменты, когда она отрывала глаза от тарелки, он с невинным видом переключался на что-нибудь другое в комнате.

После ужина — снова к счастью! — был телевизор. Сумерки поглотили очертания остальных домов в Меннингер-Виллидж, и они уселись в

темноте перед экраном. Джулия сразу начала ворчать на телепередачи.

— Почему мы это смотрим каждый вечер? — спросила она. — Пустая трата времени.

— Но ведь это еще и интересный симптом эпохи! — вяло воспротивился Фолкнер. Откинувшись на высокую спинку кресла, он сложил руки за головой — так, чтобы можно было в любой момент сунуть пальцы в уши и заткнуть все звуки. — Не обращай внимания на то, что они говорят. Так даже смысла больше.

Он стал смотреть, как экранные герои мечутся туда-сюда — немые чокнутые рыбины. Крупные планы в мелодрамах были особенно веселыми — чем острее ситуация, тем выше градус фарса.

Что-то резко пнуло его в колено. Он склонил голову набок — жена нависла над ним, хмуря брови и что-то яростно выговаривая. Зажав пальцами уши, Фолкнер исследовал ее лицо с отрешенностью и на мгновение задумался: а не следует ли ему дойти до точки и выключить ее точно так же, как он выключил реальность чуть ранее? Тут бы и будильник не понадобился.

— Гарри! — рявкнула Джулия.

— В чем дело? Я задремал.

— Ворон ловил, хочешь сказать? Бога ради, *от-*

вечай, когда я с тобой разговариваю. Я говорила, что видела Харриет Тизард сегодня днем.

Фолкнер застонал.

— Да, я знаю, Тизардов ты на дух не выносишь, но я решила, что мы должны с ними чаще видеться, и…

Фолкнер перестал слушать и откинулся на спинку. Когда Джулия вернулась в свое кресло, он снова закинул руки за голову, пару раз неопределенно хмыкнул, изображая участие в разговоре, а затем заткнул уши, начисто заглушив ее голос и погрузившись в созерцание немого экрана.

* * *

В десять утра следующего дня Фолкнер снова вышел на веранду с будильником на запястье. Весь следующий час он блаженствовал на спине, наслаждаясь парящими вокруг бесплотными формами. Его разум был свободен от всех тревог. Когда будильник разбудил его в 11:00, он почувствовал себя отдохнувшим и расслабленным. В течение нескольких минут Фолкнер был в состоянии глядеть на близлежащие дома как на некое подобие порождений искусства — то есть претворять мечту их архитекторов в жизнь. Постепенно, однако, все снова начало выделять свой яд, уку-

тываясь в саваны постылых ассоциаций.

Когда в проезде появилась машина Луизы Пенцил, он отложил будильник и выскочил в сад, низко пригнув голову и стараясь не задерживать взгляд на домах. Он возился с беседкой, заменяя отвалившиеся планки, пока из-за забора не вылупился Гарви МакФирсон.

— Гарви, — устало протянул Фолкнер. — Какого черта? Ты вообще в школе бываешь?

— Понимаете, сейчас я должен быть на курсах по релаксации. Меня мама записала. Это все, мол, из-за того, что я воспринимаю соревновательный аспект школьной жизни как своего рода ущемление…

— У меня тут тоже *своего рода* курс релаксации. И твое нахождение здесь и сейчас меня *своего рода* ущемляет. Поболтай с кем-нибудь еще, будь добр.

Но Гарви оказался упрямым малым:

— Мистер Фолкнер, у меня тут типа метафизическая проблема назрела, она меня беспокоит. Может, вы сможете помочь. Единственной абсолютной величиной в связке пространства-времени должна быть скорость света. Но на самом деле любая оценка скорости света предполагает составляющую времени, субъективно

переменную — так что же, блин, остается?

— Девчонки, — бросил Фолкнер, глядя на Гарви с неприкрытой враждебностью.

— Эм, в смысле?

— Девчонки, Гарви! Слабый пол. Нежные создания! Вот о чем тебе лучше думать, а не о какой-то там, мать ее, метафизической проблеме.

— Ой, вот только вы не начинайте. — Голова Гарви возмущенно покачалась из стороны в сторону и пропала за забором.

«Ну что, сосунок, решилась проблемка?» — язвительно подумал Фолкнер. Пользуясь беседкой как укрытием, он начал рассматривать сквозь щели в досках дом соседей — и вдруг глаза в глаза столкнулся с Гарри Пенцилом, вставшим у самого окна веранды и хмурящим брови. Поспешно отвернувшись, Фолкнер сделал вид, что подрезает розы.

Вернувшись к себе, он осознал, что рубашка на нем насквозь пропиталась потом. М-да, едва не попался. Гарри Пенцил был опасным типом — с таким лучше не связываться, с такого вполне станется ломиться через забор ради выяснения отношений.

Пройдя на кухню, Фолкнер смешал себе коктейль, вернулся с ним на веранду и сел, ожидая,

когда все уляжется и можно будет вернуться к экспериментам с будильником. Тут он снова услышал знакомый «треньк» — в этот раз где-то справа.

Фолкнер подался вперед, упершись взглядом в стену веранды. Стена являла собой плиту из тяжелого матового стекла, полностью непрозрачную, несущую белые брусья крыши, на которых покоились панели из гофрированной полиэтиленовой пленки. Сразу за верандой, экранируя близлежащие части соседних садов, протянулась где-то на двадцать футов высокая металлическая решетка, увитая побегами камелии.

Внимательно осматривая решетку, Фолкнер вдруг заметил очертания квадратного черного предмета на стройном штативе, притаившегося за первой вертикальной опорой всего в трех футах от открытого окна веранды. Линза маленьким любопытным глазком смотрела на Фолкнера сквозь одну из горизонтальных прорезей.

Камера! Фолкнер вздрогнул и привстал с топчана, недоверчиво уставившись на линзу в ответ. И давно эта штука здесь? Одному богу известно, сколько всего из его личной жизни Гарви записал собственной забавы ради!

Закипев от гнева, Фолкнер пробрался к ре-

шетке, вытащил один металлический прут из опорной лунки и схватил камеру. Когда он рванул ее на себя, по ту сторону ограды с лязгом обвалился штатив. Через секунду где-то на веранде МакФирсонов громко опрокинулся стул.

Фолкнер оборвал леску, привязанную к спуску камеры. Сковырнув заднюю крышку, он вытащил изнутри пленку, бросил на землю и повозил по ней подошвой. Саму же камеру он зашвырнул через забор в соседский сад.

Когда он вернулся, чтобы прикончить наконец коктейль, в доме зазвонил телефон.

— Слушаю! — прорычал он в трубку.

— Гарри? Это я, Джулия.

— Кто-кто? — переспросил Фолкнер бездумно. — А, да. Ну, как дела?

Не слишком хорошо, судя по звуку. Голос его жены стал сильнее.

— Я только что поговорила с профессором Гармоном. Он сказал мне, что ты ушел из Школы два месяца назад. Гарри, это что еще за игры? Мне даже не верится!

— Сам не могу поверить! — воскликнул Фолкнер. — Ведь это лучшая новость за все последние годы. Спасибо за подтверждение!

— Гарри! — голос Джулии сорвался на крик. —

Возьми себя в руки! Если ты думаешь, что я поддержу тебя, ты сильно ошибаешься. Профессор Гармон сказал…

— Гармон — тупой индюк! — Фолкнер прервался. — Ты не понимаешь, что он пытался мне шарики за ролики задвинуть?

Когда голос его жены поднялся до истерических нот, Фолкнер отвел трубку от уха, а затем опустил ее на рычаг аппарата. Немного подумав, он и вовсе снял ее и положил на стопку рекламных каталогов.

…На Меннингер-Виллидж будто опустился занавес. Теплый весенний ветер украдкой раскачивал молодое деревце, порой открывалось чье-нибудь окно, ловя солнечные блики, но и только — в остальном ни тишина, ни безмятежность не нарушались.

Фолкнер лежал на топчане, под которым валялся ненужный теперь будильник, все глубже уходя в свой личный мир простейших форм и цветов, обступивших его со всех сторон. Дома напротив исчезли, их места заняли длинные белые прямоугольные полосы. Сад представлял собой зеленый пандус, уткнувшийся в серебристый эллипс пруда. Веранда была прозрачным кубом, в гранях которого он чувствовал себя

подвешенным — как изображение, плывущее по воображаемому экрану. Он уничтожил не только окружающий его мир, но и собственное тело. Конечности и туловище казались Фолкнеру придатками чистого разума, бесплотными формами. Физические размеры давили — примерно так же, как давит на спящего человека осознание собственной личности.

Несколько часов спустя в уютный мирок супрематистских образов вторглось нечто чужеродное. Сфокусировав взгляд, Фолкнер с удивлением узрел женщину в черном. Джулия стояла прямо перед ним, яростно крича и размахивая сумочкой. Несколько минут Фолкнер исследовал эту дискретную сущность — пропорции ее ног и рук, плоскости ее лица. Затем, не шелохнувшись даже, он начал ее психически разбирать, стирая буквально фрагмент за фрагментом. Сначала он забыл ее кисти, вечно беспокойные, как сбрендившие птицы, потом ее руки и плечи, стерев все свои воспоминания об их энергии и движениях. Последним аккордом он забыл нависшее над ним лицо жены, превратив его в треугольник губчатого теста, деформированный разнообразными гребнями и выемками, разделенный отверстиями, то открывавшимися, то закрывавшимися,

как клапаны странных мехов.

Возвращаясь к безмолвному сказочному пейзажу, Фолкнер осознавал, что она все еще здесь. Ее присутствие казалось уродливым и бесформенным, исполненным навязчивых углов. Тогда-то и пришлось вступить с ней в короткий физический контакт. Отмахиваясь, он ощутил ее бульдожью хватку на своей руке. Он попытался ее стряхнуть, но она вцепилась крепко, так и вибрируя от злости. Ритм этих вибраций был столь резок и неприятен, что, несмотря на все попытки Фолкнера просто игнорировать Джулию, пришлось все-таки прибегнуть к кое-каким мерам. Он начал расщеплять и сглаживать ее, трансформируя изобилие острых углов в нечто более мягкое, округлое и приемлемое. Он разминал ее, как скульптор глину; операция проходила под аккомпанемент какого-то похрустывания, настолько громкого, что заглушался даже непрекращающийся раздражающий вопль жены. Завершив свой труд, Фолкнер разжал руки — и вниз опустилось нечто вроде большого, упруго поскрипывающего каучукового шара.

Фолкнер вернулся в свое благоговение, заново осваивая неизмененный пейзаж. Его работа над женой напомнила ему об одном обремене-

нии, все еще стоявшем между ним и Супремой — о его собственном теле. Он полностью забыл предназначение этого объекта, однако продолжал ощущать его как нечто теплое, тяжелое и несколько неудобное — так жертве бессонницы доставляет дискомфорт небрежно застеленная кровать. То, что он искал, было чистой идеей, незамутненным ощущением психического начала, не передаваемого какой-либо физической средой. Только найдя его, он мог избежать тошноты внешнего мира.

Где-то в его сознании возникла идея. Поднявшись со стула, он пошел через веранду, не осознавая связанных с этим физических движений, а просто устремляясь к дальнему концу сада. Никем не замеченный за обвитой розами беседкой, он простоял пять минут на краю пруда… затем шагнул в воду. Брюки намокли и отяжелели, но он все равно продолжал свой неспешный ход. Добравшись до центра, Фолкнер сел, раздвинул заросли осоки и лег на спину на мелководье.

Там, в воде, тестообразная масса его тела постепенно растворялась, делаясь легче, прохладнее и удобнее. Сквозь шестидюймовый слой воды, покрывавший его лицо, он глядел вверх, на голубой «мертвый экран». То было небо, безоблачное и

ясное, наполнявшее его мозг покоем. Наконец-то он нашел подходящую среду, единственно возможное поле идеации, абсолютный континуум существования, ничуть не испорченный злокачественной материальностью.

Не отводя глаз от неба, Фолкнер ждал, пока мир растворится и освободит его от себя.

1961

The Overloaded Man. Первая публикация в журнале *New Worlds*, июль 1961.

Перевод Г. Шокина

Мистер Ф. всегда мистер Ф.

А с малышом нас станет трое…

«Одиннадцать часов. Хэнсон уже должен приехать… Идет Элизабет! Черт, почему она всегда ходит так тихо?!»

Фримен залез в выходящее на дорогу окно, подбежал к своей кровати и запрыгнул в нее, натянув одеяло на колени. Когда жена просунула голову в дверь, он простодушно улыбнулся ей, делая вид, что читает журнал.

— Все в порядке? — спросила она, проницательно глядя на него.

Затем устремила к нему свое дородное тело и начала поправлять постель. Фримен раздраженно заерзал, оттолкнув ее, когда она попыталась приподнять его с подушки, на которой он сидел.

— Ради всего святого, Элизабет, я же не ребенок! — запротестовал он, с трудом справившись со своим тонким голосом. — Что случилось с Хэнсоном? Он должен быть здесь еще полчаса назад.

Жена покачала большой красивой головой и подошла к окну.

Свободное хлопчатобумажное платье скрывало

ее фигуру, но когда она протянула руку к засову, Фримен увидел зарождающуюся припухлость беременности.

— Наверное, он опоздал на поезд. — Одним движением руки жена плотно заперла верхний засов, на отпирание которого у Фримена ушло десять минут. — Мне показалось, я слышу, как он стучит, — многозначительно добавила она. — Мы же не хотим, чтобы ты простудился, правда?

Фримен нетерпеливо ждал, когда она уйдет, ежесекундно поглядывая на часы. Когда жена остановилась в ногах кровати, внимательно глядя на него, он едва сдержался, чтобы не накричать.

— Я собирала одежду для ребенка, — сказала она, — и это напомнило мне, что тебе нужен новый халат. Твой старый совсем износился.

Фримен натянул лацканы халата, как для того, чтобы прикрыть обнаженную грудь, так и для того, чтобы халат не висел на нем мешком.

— Элизабет, халат у меня уже много лет, и он в совершенно отличном состоянии. У тебя появилась какая-то навязчивая идея все обновлять.

Он заколебался, осознав бестактность своего замечания — ему ведь должно польстить, что она отождествляет его с ожидаемым ребенком. Если

сила такого отождествления иногда и вызывала тревогу, то, вероятно, поскольку Элизабет рожает первого ребенка в сравнительно позднем возрасте, ей уже чуть за сорок. Кроме того, в течение последнего месяца Фримен болел и был прикован к постели, что только усилило неразбериху. И вообще, каковы *его* подсознательные мотивы?..

— Прости, Элизабет. С твоей стороны так мило заботиться обо мне. Возможно, нам следует вызвать врача.

«Нет!» — кричало что-то у него внутри.

И, словно услышав этот безмолвный крик, жена кивнула в знак согласия.

— Милый, скоро с тобой все будет в порядке. Дай всему идти своим чередом. Не думаю, что тебе пока что нужно обращаться к врачу.

«Пока что?»

Фримен услышал, как шаги жены удаляются по покрытой ковром лестнице. Через несколько минут из кухни донесся шум стиральной машины.

«Так что пока?!»

Фримен быстро выскользнул из постели и пошел в ванную.

Шкафчик рядом с умывальником был забит сохнущим детским бельем, которое Элизабет либо купила, либо связала, а затем тщательно

выстирала и простерилизовала. На каждой из пяти полок аккуратные стопки были покрыты большим квадратом марли, но Фримен видел, что большая часть одежды голубая, есть несколько белых вещиц и ни одной розовой.

«Надеюсь, Элизабет права, — подумал он. — Если так, то это, безусловно, будет самый обеспеченный одеждой ребенок в мире. Мы таким образом в одиночку поддержим целую отрасль легкой промышленности».

Фримен наклонился к нижнему отсеку и достал из-под резервуара небольшие весы. На полке прямо над ним он заметил большую коричневую одежду, цельный комбинезон для шестилетнего ребенка. Рядом лежал комплект жилетов большого размера, почти достаточного, чтобы налезть на самого Фримена. Он сбросил халат и ступил на весы. В зеркале на двери он глянул на свое маленькое безволосое тело с худыми плечами, узкими бедрами и длинными, как у жеребенка, ногами.

«Вчера я весил шесть стоунов[24] девять фунтов». Отведя взгляд от циферблата, Фримен прислушался к работе стиральной машины внизу,

---

[24] Примечания: 24

Стоун — единица измерения массы в британской системе. 1 стоун равен 14 фунтам (примерно 6,35 кг).

затем подождал, пока стрелка весов успокоится.

«Шесть стоунов два фунта!»

Надевая халат, Фримен задвинул весы обратно под резервуар.

«Шесть стоунов два фунта! Похудел на семь фунтов за последние двадцать четыре часа!»

Он поспешил обратно в постель и сидел там, нервно дрожа и теребя пальцами исчезнувшие усы.

А ведь всего два месяца назад он весил больше одиннадцати стоунов. Семь фунтов за день! Да при таком темпе…

От подобного умозаключения у него в голове помутилось. Пытаясь устоять на коленях, он потянулся за журналом и вслепую перелистал страницы.

«А малыш там в это время растет».

Впервые Фримен осознал в себе изменения шестью неделями ранее, почти сразу после подтверждения беременности Элизабет.

Бреясь на следующее утро в ванной перед тем, как отправиться в офис, он обнаружил, что усы поредели. Обычно жесткая черная щетина стала вдруг мягкой и гибкой, приобретя прежнюю рыжевато-коричневую окраску.

И борода тоже стала светлее. Обычно темная и

густая, уже через несколько часов она поддалась после первых же взмахов бритвы, сделав лицо розовым и мягким.

Фримен приписал свое явное омоложение ожиданию ребенка. Ему было сорок, когда он женился на Элизабет, он был на два-три года младше ее и подсознательно предполагал, что слишком стар, чтобы стать отцом, — в том числе потому, что намеренно выбрал Элизабет в качестве идеальной замены матери и видел себя ее ребенком, а не партнером. Однако теперь, когда ребенок действительно появился внутри Элизабет, Фримен не испытывал к нему неприязни. Похвалив себя, он решил, что вступил в новую фазу зрелости и может от всего сердца вживаться в роль молодого отца.

Отсюда исчезающие усы, редеющая бородка и юношеская походка вприпрыжку. Он напевал себе под нос:

Сейчас мы с Лиззи вдвоем,

А с малышом нас станет трое…

Позади в зеркале он видел все еще спящую Элизабет. Ее широкие бедра лежали на кровати. Фримен с радостью смотрел, как она спит. Вопреки тому, что ожидалось, жена заботилась о

нем даже больше, чем о ребенке, не позволяя ему самому приготовить себе хотя бы завтрак. Расчесывая густые светлые волосы, убирая их назад со лба, чтобы прикрыть лысину, Фримен иронично размышлял о проверенных временем заметках в справочниках по беременности и родам насчет сверхчувствительности будущих отцов… Очевидно, Элизабет отнеслась к этим советам серьезно.

Фримен на цыпочках вернулся в спальню и встал у открытого окна, наслаждаясь свежим утренним воздухом. Внизу, в ожидании завтрака, он достал из шкафа в прихожей старую теннисную ракетку и, наконец, разбудил Элизабет, когда от очередного его тренировочного удара треснуло стекло барометра.

Поначалу Фримен наслаждался вновь обретенной энергией. Он брал Элизабет с собой в лодку и энергично катал ее вверх-вниз по реке, заново открывая для себя все физические удовольствия, для которых был слишком занят в свои двадцать с небольшим лет. Он ходил с Элизабет по магазинам, плавно ведя ее по тротуару, неся все покупки для ребенка, расправив плечи и чувствуя себя ростом в целых десять футов.

Однако именно тогда у него появилась первая интуитивная догадка о том, что происходит на

самом деле.

Элизабет была крупной, по-своему привлекательной женщиной с широкими плечами и сильными бедрами, привыкшей носить туфли на высоких каблуках. Фримен, коренастый, среднего роста, всегда был немного ниже ее, но это никогда его не беспокоило.

Когда же Фримен обнаружил, что едва достает жене до плеча, то начал более внимательно присматриваться к себе.

Во время одного из таких походов по магазинам — Элизабет всегда брала Фримена с собой, бескорыстно спрашивала, что он предпочитает, почти так, как если бы это *он* носил крошечные дневные курточки и штанишки на лямках, — продавщица невольно назвала Элизабет его «матерью». Потрясенный, Фримен осознал очевидную разницу между ними — беременность сделала лицо Элизабет одутловатым, вытянув шею и плечи, в то время как его собственное лицо стало гладким, без единой морщинки.

Когда они вернулись домой, Фримен бродил по гостиной и столовой, пока не понял, что мебель и книжные полки кажутся выше и более громоздкими. Наверху, в ванной, он впервые встал на весы и обнаружил, что похудел на стоун и шесть

фунтов.

Раздеваясь в ту ночь, он сделал еще одно странное открытие.

Элизабет рассматривала швы на его куртках и брюках. Она ничего не сказала ему, и когда Фримен увидел, как она шьет у своей корзинки для иголок, то предположил, что она что-то готовит для ребенка.

В течение последующих дней первый прилив весенней энергии Фримена угас. В его теле происходили странные изменения — кожа и волосы, а также вся мускулатура, казалось, преобразились. Лицо изменилось, челюсть стала более выдающейся, нос — менее, а щеки гладкими и без изъянов.

Осмотрев в зеркале полость рта, Фримен обнаружил, что большая часть старых металлических пломб исчезла, а их место заняла твердая, белая, *живая* эмаль.

Фримен продолжал ходить на работу, чувствуя на себе пристальные взгляды коллег. На следующий день после того, как он обнаружил, что больше не может дотянуться до справочников на полке за своим столом, он остался дома, симулируя приступ гриппа.

Элизабет, казалось, все поняла. Фримен ничего

не сказал ей, опасаясь, что она может испугаться вплоть до выкидыша, если узнает правду. Закутавшись в старый халат, с шерстяным шарфом на шее и груди, чтобы ставшая стройной фигура казалась более громоздкой, он сидел на диване в гостиной, набросив на себя одеяла, а твердая подушка приподнимала его повыше над сиденьем.

Он старательно избегал вставать всякий раз, когда Элизабет находилась в комнате, а при крайней необходимости обходил мебель, вставая на цыпочки.

Однако, неделю спустя, когда его ноги больше не касались пола под обеденным столом, Фримен решил остаться в своей постели наверху.

Элизабет с готовностью согласилась на это. Все время она наблюдала за мужем мягкими бесстрастными глазами, спокойно готовясь к появлению ребенка.

«Черт бы побрал Хэнсона», — подумал Фримен, когда тот в одиннадцать сорок пять все еще не появился. Он пролистал журнал, не читая, а раздраженно поглядывая каждые несколько секунд на часы, ремешок которых стал теперь слишком велик для запястья, и дважды ему приходилось проделывать на нем дополнительные дырочки.

Фримен еще не решил, как описать Хэнсо-

ну свою метаморфозу, поскольку его терзали странные сомнения. Он даже не был уверен, что все происходит *на самом деле*. Конечно, он стремительно худел — на восьмь-девять фунтов ежедневно — и почти на фут убавил в росте, но без какого-либо сопутствующего ущерба для здоровья. Фактически он вернулся к возрасту и телосложению четырнадцатилетнего школьника.

Но каково же тогда реальное объяснение? Является ли омоложение каким-то психосоматическим эксцессом? Хотя он не испытывал сознательной враждебности по отношению к ожидаемому ребенку, уж не охвачен ли он безумной попыткой отомстить ему?

Именно это возможное объяснение — и логичная перспектива камеры с обитыми войлоком стенами и охранниками в белых халатах — заставило Фримена молчать. Врач Элизабет был резок, несимпатичен и почти наверняка счел бы Фримена невротиком-симулянтом, разыгрывающим тщательно продуманный спектакль, призванный заменить собой в привязанностях жены собственного ребенка.

Кроме того, Фримен знал, что были и другие мотивы, неясные и неосязаемые.

Боясь обдумывать их, он начал читать журнал.

Это был комикс для школьников. Фримен раздраженно уставился на обложку, затем перевел взгляд на стопку журналов, которые Элизабет купила нынче утром в газетном киоске. Все они были одинаковые.

Жена вошла в свою спальню по другую сторону лестничной площадки. Теперь Фримен спал один в помещении, которое со временем станет детской, отчасти для того, чтобы предоставить себе уединение для размышлений, а также для того, чтобы избавиться от смущения, связанного с тем, что должен показывать жене свое уменьшающееся тело.

Она вошла, неся маленький поднос, на котором стояли стакан теплого молока и тарелочка с двумя печенюшками. Несмотря на то что Фримен терял в весе, у него вдруг появился жадный аппетит подростка. Он схватил печенюшку и торопливо съел.

Элизабет села на кровать, достав из кармана передника какую-то брошюру.

— Я хочу заказать детскую кроватку, — сказала она. — Может, выберешь один из вариантов?

— Да любой подойдет. — Фримен беспечно махнул рукой. — Выбери что-нибудь крепкое и надежное, из чего ребенку будет нелегко вы-

браться.

Жена кивнула, задумчиво глядя на него. Весь день она провела за глажкой и уборкой, переложила стопки сухого белья в шкафы на лестничной площадке и продезинфицировала ведра.

Они решили, что Элизабет будет рожать дома.

«Четыре с половиной стоуна!»

Фримен ахнул, увидев циферблат весов под ногами. За предыдущие два дня он похудел более чем на сто шесть фунтов и теперь едва мог дотянуться до ручки шкафа и открыть дверцу. Стараясь не смотреть на себя в зеркало, он понял, что у него рост как у шестилетнего ребенка, узкая грудь, тонкая шея и худощавое личико. Полы халата волочились по полу, и лишь с трудом Фримену удавалось продеть руки в просторные рукава.

Когда Элизабет принесла завтрак, то критически оглядела его, поставила поднос и подошла к одному из шкафов на лестничной площадке. Вернулась она с маленькой спортивной рубашкой и вельветовыми шортами.

— Хочешь переодеться, дорогой? — спросила она. — В них тебе будет удобнее.

Не желая пользоваться голосом, превратившимся в писклявый дискант, Фримен покачал

головой. Однако после ее ухода он снял тяжелый халат и надел рубашку с шортами.

Подавив сомнения, он задумался, как бы связаться с доктором, не спускаясь вниз к телефону. До сих пор ему удавалось не вызывать у жены подозрений, но теперь не было никакой надежды продолжать эту политику. Он ведь едва доставал ей головой до талии. Если бы Элизабет увидела его стоящим прямо, то вполне могла бы умереть от потрясения.

К счастью, Элизабет оставила его в покое. Однажды, сразу после обеда, приехали на микроавтобусе из универмага двое и доставили синюю кроватку и манеж, но Фримен притворялся спящим, пока они не ушли. Несмотря на все беспокойство, Фримен легко заснул — он начал чувствовать усталость уже после обеда, — а проснувшись два часа спустя, обнаружил, что Элизабет застелила постель в детской кроватке, завернув голубые одеяла и подушку в пластиковые простынки.

Под ними Фримен увидел белые кожаные ремни удерживающей сбруи, прикованные к деревянным стенкам.

На следующее утро он решил сбежать. Его вес снизился до трех стоунов одного фунта, а одежда,

которую Элизабет подарила ему накануне, была уже на три размера больше, просторные брючки ненадежно облегали тонкую талию. В зеркале ванной Фримен с ужасом уставился на маленького мальчика, наблюдавшего за ним широко раскрытыми глазами. Он смутно припомнил снимки из собственного детства.

После завтрака, когда Элизабет была в саду, Фримен прокрался вниз. Через окно он увидел, как она открыла мусорное ведро и запихнула внутрь его деловой костюм и черные кожаные туфли.

С минуту Фримен беспомощно ждал, а затем поспешил обратно в свою комнату. Подъем по огромным ступеням потребовал больше усилий, чем он предполагал, и когда он добрался до верхнего пролета, то был слишком измотан, чтобы забраться в кровать. Тяжело дыша, он прислонился к ней и просидел так несколько минут. Даже если он доберется до больницы, то как сможет убедить кого-нибудь в том, что произошло, не позвав с собой Элизабет для опознания?

К счастью, его разум пока что не изменился. Взяв карандаш и бумагу, Фримен продемонстрирует свой взрослый ум, а также обстоятельные знания социологии, которыми не мог обладать

ни один вундеркинд.

Так что первой задачей было добраться до больницы или, если это не удастся, до местного полицейского участка. К счастью, все, что нужно сделать, — пройти по ближайшей главной улице, а там одиноко бродящего четырехлетнего ребенка вскоре подобрал бы дежурный констебль.

Внизу он услышал, как Элизабет медленно поднимается по лестнице, поскрипывая корзиной для белья, зажатой под мышкой. Фримен попытался подняться в кровать, но преуспел лишь в том, что смял простыни. Когда Элизабет открыла дверь, он спрятал за кроватью свое крошечное тельце и натянул на себя покрывало.

Элизабет молча смотрела на его маленькое пухлое личико. На мгновение они встретились взглядами, и сердце Фримена бешено заколотилось. «Как она может не понимать, что со мной произошло?» — удивленно подумал он. Но Элизабет просто улыбнулась и прошла в ванную.

Опираясь на прикроватный столик, Фримен забрался в кровать, отвернувшись от двери ванной. Выходя, Элизабет наклонилась и подоткнула одеяло, затем выскользнула из комнаты, закрыв за собой дверь.

Остаток дня он ждал возможности сбежать, но

жена занималась чем-то наверху, а рано вечером, прежде чем Фримен успел что-то понять, он вдруг погрузился в глубокий сон без сновидений.

Проснулся Фримен в огромной белой комнате. Голубоватый свет играл на высоких стенах, вдоль которых танцевали и резвились гигантские фигуры животных. Оглядевшись, он понял, что все еще находится в детской. На нем была маленькая пижама в горошек — Элизабет его переодела, что ли, пока он спал? — но она была чуть великовата для его сморщенных ручек и ножек.

В ногах кровати был расстелен миниатюрный халатик, на полу стояли тапочки. Фримен слез с кровати и, пошатываясь, надел их. Дверь спальни была закрыта, но он подтащил стул, забрался на него и с трудом повернул ручку двумя маленькими кулачками.

На лестничной площадке он остановился, внимательно прислушиваясь. Элизабет была на кухне и что-то напевала себе под нос. Шаг за шагом Фримен спускался по лестнице, наблюдая за женой через перила. Она стояла над плитой, почти скрывая ее широкой спиной, и разогревала молочную кашу. Фримен подождал, пока Элизабет отвернется к раковине, затем пробежал через холл в гостиную и выскочил через фран-

цузское окно.

Толстые подошвы ковровых тапочек заглушали звук шагов, и он перешел на бег, как только добрался до укрытия в палисаднике. Калитка стала почти такой огромной, что он не смог открыть ее, а пока возился с задвижкой, какая-то женщина средних лет остановилась и посмотрела на него сверху вниз, потом хмуро глянула на окна.

Фримен притворился, что бежит обратно в дом, надеясь, что Элизабет еще не обнаружила его исчезновение. Когда женщина ушла, он все же сумел открыть калитку и бросился по улице к торговому центру.

Он очутился в мире гигантов. Двухэтажные дома вырисовывались, как стены каньона, конец улицы скрывался в сотне ярдов за горизонтом. Мощеная брусчатка была массивной и неровной, а высокие платаны — такими же далекими, как небо. Навстречу выехала машина, между колесами которой пробивался свет, притормозила и проехала дальше.

Фримен был еще в пятидесяти ярдах от угла, когда споткнулся о бордюр тротуара и был вынужден остановиться. Запыхавшись, он прислонился к дереву, ноги прямо-таки подкашивались.

Он услышал, как открылась калитка, и через

плечо увидел Элизабет, оглядывающую улицу. Он быстро спрятался за дерево, подождал, пока она вернется в дом, а затем снова двинулся в путь.

Внезапно с неба обрушилась огромная рука и оторвала его от земли.

Задохнувшись от удивления, Фримен уставился на лицо мистера Саймондса, своего банковского менеджера.

— Что-то раненько вы вышли на прогулку, молодой человек, — сказал Саймондс.

Он поставил Фримена на землю, но крепко держал его за руку. Его машина была припаркована на подъездной дорожке рядом с ними. Оставив двигатель включенным, Саймондс повел Фримена обратно по улице.

— А теперь давай-ка посмотрим, где ты живешь?

Фримен попытался вырваться, яростно дергая руку, но Саймондс едва ли заметил его усилия. Элизабет вышла из ворот в фартуке, обернутом вокруг талии, и бросилась к ним. Фримен попытался спрятаться между ног Саймондса, но почувствовал, как сильные руки банковского менеджера подхватили его и передали Элизабет. Она крепко прижала его голову к своему широкому плечу, поблагодарила Саймондса и отнесла

обратно в дом.

Когда они шли по тропинке, Фримен безвольно обвис в ее руках, пытаясь заставить себя перестать существовать.

В детской он ждал, когда ноги коснутся кровати, чтобы нырнуть под одеяла, но вместо этого Элизабет осторожно опустила его на пол, и Фримен обнаружил, что его поставили в детский манеж. Он неуверенно схватился за перила, а Элизабет наклонилась и расправила на нем халат.

Затем, к облегчению Фримена, она отвернулась.

Целых пять минут Фримен оцепенело стоял у поручня, восстанавливая дыхание, но в то же время постепенно осознавая то, чего он смутно боялся в течение нескольких дней — по необычайной логической инверсии Элизабет отождествила его с младенцем в ее утробе! Отнюдь не выказывая удивления по поводу превращения Фримена в трехлетнего ребенка, его жена просто приняла это как естественное следствие ее собственной беременности. В сознании она воплотила ребенка внутри себя. По мере того как Фримен становился все меньше, повторяя в обратном цикле рост своего ребенка, ее глаза были прикованы к их общему фокусу и она видела только образ малыша.

Все еще ища способ сбежать, Фримен обнаружил, что не может выбраться из манежа. Легкие деревянные прутья были слишком прочными, чтобы сломать их маленькими ручонками, а весь манеж — слишком тяжелым, чтобы поднять его. Выбившись из сил, он сел на пол и стал нервно теребить большой цветной мяч.

Вместо того чтобы пытаться ускользнуть от Элизабет и скрыть от нее свое превращение, Фримен понял, что должен привлечь ее внимание и заставить признать его настоящую личность.

Встав, он стал раскачивать игровую ручку из стороны в сторону, так что острый угол стучал о стену.

Элизабет вышла из своей спальни.

— Ну, дорогой, к чему шуметь? — улыбаясь, спросила она. — А как насчет бисквита?

Она опустилась на колени у манежа, ее лицо было всего в нескольких дюймах от Фримена.

Собравшись с духом, Фримен посмотрел прямо на нее, вглядываясь в большие немигающие глаза, затем взял предложенный бисквитик, откашлялся и осторожно сказал:

— Я не *той… бенок…*

Элизабет взъерошила его длинные светлые волосы.

— Что, дорогой? Я не поняла тебя.

Фримен топнул ногой, затем скривил губы.

— Я не *вой енок*! — крикнул он. — Я *вой мусь*!

Посмеиваясь, Элизабет начала опустошать шкаф рядом с кроватью. Пока Фримен упрекал ее, беспомощно борясь с трудными согласными, она достала его смокинг и пальто, затем опустошила ящики комода, достала рубашки, носки и завернула их в простыню.

После того как все вынесла, она вернулась, разобрала кровать, отодвинула ее к стене и поставила на ее место детскую кроватку.

Вцепившись в поручень манежа, Фримен ошеломленно наблюдал, как исчезают последние признаки его прежнего существования.

— Лиси, *поги мы*!..

Он сдался и принялся искать на дне манежа что-нибудь, чем можно было бы писать.

Собравшись с силами, он придвинул кроватку к стене и крупными буквами, используя слюну, которая обильно текла изо рта, написал:

ЭЛИЗАБЕТ, ПОМОГИ МНЕ! Я НЕ МЛАДЕНЕЦ

Затем он принялся колотить в стену кулачками, но когда наконец привлек внимание Элизабет и указал на стену, слюна уже высохла и надпись

исчезла. Плача от разочарования, Фримен проковылял по манежу и принялся заново писать сообщение. Но прежде чем он успел написать больше двух-трех букв, Элизабет взяла его за талию и вытащила наружу.

Во главе обеденного стола было накрыто единственное место, а рядом с ним — новый высокий стул. Все еще пытаясь составить связное предложение, Фримен почувствовал, что его вдавили в сиденье, а на шею повязали большой нагрудник.

Во время еды он внимательно наблюдал за Элизабет, надеясь заметить на ее неподвижном лице хоть какие-то намеки на понимание, хотя бы мимолетное осознание того, что сидящий перед ней двухлетний ребенок на самом деле ее муж. Фримен играл с едой, размазывая грубые послания по подносу вокруг тарелки, но когда указал на них, Элизабет захлопала в ладоши, очевидно, присоединяясь к его маленькому триумфу, а затем начисто вытерла поднос. Измученный Фримен позволил отнести себя наверх и лег на койку под миниатюрные одеяла, где его пристегнули ремни.

Время работало против него. Он вскоре обнаружил, что большую часть дня спит. Первые часы Фримен чувствовал себя свежим и бодрым, но

энергия быстро иссякала, и после каждого приема пищи непреодолимая вялость закрывала его глаза, как снотворное. Смутно он сознавал, что его метаморфозы продолжаются беспрепятственно… Проснувшись, он уже с трудом смог сесть.

Усилие стоять прямо на подгибающихся ножках утомило его через несколько минут.

И полностью исчез дар речи. Все, что он мог теперь издавать, лишь гротескное мычание или нечленораздельный лепет. Лежа на спине с бутылочкой горячего молока во рту, он знал, что его единственная надежда — Хэнсон. Рано или поздно он позвонит и обнаружит, что Фримен исчез, а все следы его присутствия тщательно уничтожены.

Прислонившись к подушке на ковре в гостиной, Фримен заметил, что Элизабет опустошила его письменный стол и сняла книги с полок рядом с камином. По сути, теперь она была овдовевшей матерью двенадцатимесячного сына, разлученной с мужем после их медового месяца.

Бессознательно она взяла на себя эту роль. Когда они выходили на утренние прогулки, Фримен был пристегнут ремнями к коляске, проклятый целлулоидный кролик болтался в нескольких дюймах от его носа и почти сводил с ума. Они

проходили мимо многих, которых Фримен знал в лицо, и все считали само собой разумеющимся, что он сын Элизабет. Когда они склонялись над коляской, тыча его пальцем в живот и делая Элизабет комплименты по поводу его роста и упитанности, некоторые вскользь упомянули мужа, и Элизабет ответила, что он уехал в длительную командировку. Очевидно, мысленно она уже отвергла Фримена, забыв о том, что он когда-либо существовал.

Фримен понял, насколько ошибался, когда они вернулись с того, что должно было стать его последней прогулкой.

Когда они приблизились к дому, Элизабет слегка замешкалась, покачивая коляску и, очевидно, не зная, возвращаться ли ей обратно. Кто-то окликнул их издалека. Пока Фримен пытался распознать знакомый голос, Элизабет наклонилась вперед и натянула ему на голову капюшон.

Пытаясь высвободиться, Фримен узнал Хэнсона, возвышавшегося над коляской и снимавшего шляпу.

— Миссис Фримен, я всю неделю пытался дозвониться вам. Как у вас дела?

— Прекрасно, мистер Хэнсон. — Элизабет развернула коляску, стараясь, чтобы она оказалась

между ней и Хэнсоном, и Фримен заметил, что она на мгновение смутилась. — Боюсь, у нас не работает телефон.

Хэнсон обошел коляску, с интересом глядя на Элизабет.

— А что случилось с Чарльзом в субботу? Пришлось отлучиться по делам?

Элизабет кивнула.

— Ему очень жаль, мистер Хэнсон, но случилось кое-что важное. Некоторое время не будет в городе.

«Так она все знала», — машинально подумал Фримен.

Хэнсон заглянул ему под капюшон.

— Вышел на утреннюю прогулку, малыш? — И, обращаясь к Элизабет, добавил: — Чудесный мальчик. Мне всегда нравятся мальчишки, у которых сердитый вид. Чей он? Вашего соседа?

— Сын друга Чарльза, — покачала головой Элизабет. — Нам пора домой, мистер Хэнсон.

— Зовите меня Робертом. Скоро увидимся, а?

Элизабет улыбнулась, ее лицо опять сделалось спокойным.

— Я уверена, что уже скоро, Роберт.

— Хороший мальчишка, — сказал Хэнсон и ушел с плутоватой ухмылкой.

Она знала! Потрясенный Фримен откинул одеяла как можно дальше, наблюдая за удаляющимся Хэнсоном. Один раз он обернулся, чтобы помахать Элизабет, которая в ответ подняла руку и затем направила коляску в ворота.

Фримен попытался сесть, не сводя глаз с Элизабет, надеясь, что она увидит гнев на его лице. Но она быстро закатила коляску в коридор, отстегнула ремни и вынула из нее Фримена.

Когда они поднимались по лестнице, он глянул через ее плечо на телефон и увидел, что трубка снята с рычага. Все это время она знала, что происходит, и намеренно делала вид, что не замечает его метаморфоз. Она предусмотрела каждый этап преображения, гардероб был приобретен задолго до этого, одежда все меньшего размера, манеж и кроватка были заказаны для него, а не для ребенка.

На мгновение Фримен задумался, беременна ли она вообще. Отечность лица и округлившаяся фигура вполне могли быть притворными. Когда Элизабет сказала ему, что ждет ребенка, Фримен и представить себе не мог, что этим ребенком будет *он сам*…

Элизабет довольно грубо уложила Фримена в кроватку и укрыла одеялами. Он слышал, как

она ходит внизу туда-сюда, очевидно, готовясь к чему-то. Движимая несвойственной ей настойчивостью, Элизабет закрывала окна и двери. Прислушиваясь к ней, Фримен заметил, как ему холодно. Его маленькое тело было закутано, как новорожденный младенец, в кучу шалей, но кости походили на кусочки льда. Странная сонливость охватила его, унося гнев и страх, словно смывая их волной, и центр его сознания переместился с глаз на кожу. Слабый послеполуденный свет обжигал глаза, и когда Фримен закрыл их, то погрузился в туманную неопределенность неглубокого сна, а нежная поверхность его тела жаждала облегчения.

Некоторое время спустя он почувствовал, как руки Элизабет откинули одеяло, и осознал, что она несет его по коридору. Постепенно воспоминания Фримена о доме и о том, кто он такой, начали стираться, а его съежившееся тельце беспомощно прижималось к Элизабет, лежавшей на широкой кровати.

Ненавидя обнаженные волосы, которые хлестали его по лицу, он только теперь впервые ясно ощутил то, что так долго в себе подавлял. Перед концом Фримен внезапно вскрикнул от радости и удивления, вспомнив давно забытый мир ран-

него детства…

Когда ребенок внутри ее затих, шевельнувшись в последний раз, Элизабет снова опустилась на подушку. Родовые боли медленно отступали. Постепенно она почувствовала, как возвращаются силы, огромный мир внутри ее успокаивается и затихает.

Уставившись в потемневший потолок, Элизабет несколько часов лежала, отдыхая и время от времени приспосабливая свою крупную фигуру к непривычным очертаниям кровати.

На следующее утро она уже поднялась на полчасика. Ребенок казался менее обременительным, и три дня спустя она смогла покинуть постель, а свободный халат скрывал то, что осталось от ее беременности. Тогда Элизабет немедленно приступила к последнему делу: убрала все, что осталось от детской одежды, разобрала кроватку и манеж. Одежду собрала в большие пакеты, затем позвонила в местную благотворительную организацию, которая приехала и забрала их. Детскую коляску и кроватку она продала продавцу подержанных вещей, который проезжал по улице.

За два дня она стерла все следы существования мужа, убрав цветные иллюстрации со стен

детской и установив запасную кроватку посреди комнаты.

Остался только уменьшающийся узелок внутри нее, маленький сжимающийся кулачок. Когда Элизабет почти перестала его чувствовать, подошла к шкатулке с драгоценностями и сняла обручальное кольцо.

На следующее утро, возвращаясь из торгового центра, Элизабет заметила, что кто-то окликает ее из машины, припаркованной у ворот.

— Миссис Фримен! — Хэнсон выскочил из машины и весело поздоровался с ней. — Чудесно видеть, что вы так хорошо выглядите.

Элизабет одарила его широкой, согревающей сердце улыбкой, ее красивое лицо стало еще более чувственным из-за припухлости черт. На ней было яркое шелковое платье, все видимые следы беременности исчезли.

— А где Чарльз? — спросил Хэнсон. — Все еще в отъезде?

Улыбка Элизабет стала шире, ее губы приоткрылись, обнажив крепкие белые зубы.

Ее лицо сделалось странно бесстрастным, а глаза на мгновение уставились куда-то в далекий горизонт, за пределами лица Хэнсона.

Хэнсон неуверенно ждал ответа Элизабет. За-

тем, поняв намек, откинулся на спинку сиденья и заглушил двигатель. Присоединившись к Элизабет, он придержал для нее калитку.

Так Элизабет встретила своего мужа. Три часа спустя метаморфоза Чарльза Фримена достигла своего апогея. В эту последнюю секунду Фримен пришел к своему истинному началу, момент его зачатия совпал с моментом исчезновения, а конец его последнего рождения совпал с началом его первой смерти.

И с малышом их стало трое…

1961

Mr F. is Mr F. Первая публикация в журнале *Science Fantasy*, август 1961.

Перевод А. Бурцева

Биллениум

Беготня по лестнице за каморкой Уорда начиналась с раннего утра и продолжалась весь день, часто до глубокой ночи.

Дощатые стены, встроенные в узкую нишу на изгибе лестницы между четвертым и пятым этажами, гнулись и скрипели от каждого шага, как крылья трухлявой ветряной мельницы. На трех верхних этажах старого жилого дома ютилось больше ста человек, и иногда Уорд лежал на узкой койке до двух или трех часов ночи, машинально считая последних жильцов, возвращающихся из кинотеатров на стадионе в полумиле от дома. Через окно в комнату влетали обрывки разговоров, грохочущим эхом раскатывавшихся по металлическим крышам. Стадион не пустовал никогда. Днем над ним поднимался громадный четырехсторонний экран, беспрестанно показывавший легкоатлетические соревнования или футбольные матчи. Жильцам примыкающих к стадиону домов, должно быть, приходилось терпеть невыносимый шум.

Уорд, по крайней мере, имел в своем распоря-

жении уголок приватности. Два месяца назад, до переезда на лестницу, он делил с семью другими жильцами комнату на первом этаже дома на 755-стрит, и бесконечное давление теснящихся за окном людей загнало его в состояние полного истощения. Не стихающий гул голосов, бесконечное шарканье ног — улица не умолкала никогда. К половине седьмого, когда он просыпался и спешил присоединиться к очереди в душевую, толпа уже заполняла улицу от тротуара до тротуара, и в ее гомон каждые полминуты вторгался грохот поездов, проносящихся по надземной железной дороге над магазинами на противоположной стороне улицы. Едва увидев объявление о сдаче в аренду лестничной каморки — как и все остальные, большую часть свободного времени Уорд тратил на просмотр объявлений в газетах, а жилье менял в среднем раз в два месяца, — он сразу же перебрался туда, невзирая даже на более высокую плату. Комната на лестнице — это уже независимость.

Но жизнь в каморке имела и свои недостатки. По вечерам сюда частенько наведывались друзья из библиотеки — прикорнуть после рабочего дня, проведенного в жестокой толчее публичного читального зала. Площадь пола в каморке была чуть

больше четырех с половиной квадратных метров, что на полметра превышало установленный максимум для жильца-одиночки, — плотники незаконно использовали углубление за дымоходом. Соответственно, Уорду удалось втиснуть в промежуток между кроватью и дверью маленький стул с прямой спинкой, что позволяло сидеть на кровати только одному человеку — в большинстве одноместных кубиклов гостю и хозяину приходилось сидеть бок о бок на кровати, разговаривать через плечо и периодически меняться местами, чтобы не затекала шея.

— Тебе повезло с этой комнатой, — постоянно говорил Росситер, самый частый из гостей Уорда. Откинувшись на кровати, он обвел каморку широким жестом. — Такая огромная, с перспективой. Нисколько не удивлюсь, если у тебя здесь метров пять, если не шесть.

Уорд решительно покачал головой. Росситер был самым близким его другом, но поиски жилого пространства отточили защитные рефлексы.

— Чуть больше четырех с половиной. Я сам измерил. Так что никаких сомнений быть не может.

Росситер вскинул бровь:

— Удивительно. Тогда, может быть, дело в по-

толке.

Манипуляции с потолком были излюбленным трюком бессовестных домовладельцев: в большинстве случаев измерение площади производилось, по соображениям удобства, по потолку, и увеличить ее ради привлечения перспективного жильца удавалось простым наклоном дощатых перегородок; таким способом в одноместные кубиклы заманивались семейные пары. Схожим образом площадь временно уменьшалась, когда приходили жилищные инспекторы. Карандашные отметки на потолке свидетельствовали о притязаниях соперничающих соседей, разделенных общей перегородкой. Жильца, робкого в отстаивании своих прав, могли буквально выдавить, и объявление типа «тихие соседи» служило обычно намеком именно на такого рода захват.

— Стена действительно была чуточку наклонена, — согласился Уорд. — Точнее, на четыре градуса — я проверял отвесом. Но места на лестнице вполне достаточно для прохода.

— Конечно, Джон, — усмехнулся Росситер. — Просто завидно, вот и все. Меня-то моя комнатушка с ума сводит.

Как и все, он называл свою каморку «комнатой», используя термин времен пятидесятилетней

давности, когда люди действительно жили по одному человеку в комнате, а некоторые — невероятно! — занимали целую квартиру или даже дом. Микрофильмы в архитектурном каталоге библиотеки демонстрировали музеи, концертные залы и другие публичные места, бывшие обычным делом в те далекие дни, причем они нередко пустовали — по огромной галерее или лестнице могли прохаживаться два-три человека. По улицам свободно двигались машины, а в некоторых спокойных районах города тротуары, случалось, выглядели почти безлюдными.

Теперь, разумеется, старые здания были снесены и заменены жилыми комплексами или переделаны в многокомнатные дома. Огромный банкетный зал бывшего муниципалитета поделили горизонтально на четыре этажа с нарезкой на сотни кубиклов.

Что касается улиц, то движение автотранспорта по ним давно прекратилось. За исключением нескольких предутренних часов, когда заполнялись только тротуары, все дороги были забиты плотными толпами пешеходов, прокладывающих с боем путь домой или на работу; все в пыльной, бесформенной одежде и не обращающие никакого внимания на висящие над их

головами бесчисленные знаки «Держаться левой стороны». Пробки возникали каждый раз, когда масса людей застревала на уличном перекрестке. Иногда такие столпотворения не рассасывались несколько дней. Два года назад Уорд попал около стадиона в пробку, пополнявшуюся с одной стороны теми, кто выходил со стадиона, а с другой — желавшими туда попасть. В течение сорока восьми часов парализованным оставался район площадью в квадратную милю, и Уорд хорошо помнил тот кошмар: как беспомощно качался, стоя на ногах, в волнующемся людском море, боясь потерять равновесие, упасть и быть растоптанным. Когда полиция наконец закрыла стадион и разогнала толпу, он вернулся в каморку весь в синяках и проспал целую неделю.

— Поговаривают, власти могут урезать лимит до трех с половиной метров, — поделился новостью Росситер.

Уорд ответил не сразу — подождал, придерживая дверь, пока по лестнице пройдет компания с шестого этажа.

— Они всегда так говорят. Помнится, слухи еще лет десять назад ходили.

— Это не слухи, — предупредил Росситер. — Вполне возможно, что скоро такая мера станет

необходимой. В городе сейчас живет тридцать миллионов, и население каждый год увеличивается еще на миллион. В жилищном департаменте об этом говорят вполне серьезно.

Уорд покачал головой.

— Провести такую масштабную переоценку практически невозможно. Придется демонтировать, а потом снова прибить каждую перегородку. А объем административной работы даже трудно представить. Нужно будет перепланировать и сертифицировать миллионы кубиклов, выпустить лицензии, да еще и переселить всех жильцов. Большинство зданий, построенных после прошлой переоценки, выполнялись на основе четырехметровых модулей. Просто отрезать от каждого кубикла по полметра и объявить, что получилось столько-то новых, невозможно. Это же всего шесть дюймов в ширину. — Он рассмеялся. — Да и как можно жить на трех с половиной метрах?

Росситер улыбнулся.

— Это твой главный аргумент? То же самое говорили двадцать пять лет назад, перед последней переоценкой, когда минимум сокращали с пяти до четырех. Невозможно, говорили тогда. На четырех квадратных метрах никто не выживет,

места хватит только для кровати и чемодана, и даже дверь нельзя будет открыть, чтобы войти. — Он усмехнулся. — И что? Все ошибались. Двери переставили так, чтобы они открывались наружу. А четыре квадратных метра все-таки ввели.

Уорд посмотрел на часы — половина восьмого.

— Пора перекусить. Посмотрим, получится ли попасть в фуд-бар через дорогу.

Росситер ворчливо поднялся с кровати. Они вышли из каморки и спустились по лестнице. Заставленная упаковочными ящиками, она оставляла для прохода лишь узкий промежуток около перил. На нижних этажах положение было еще хуже: порубленные на одноместные кабинки относительно широкие коридоры, затхлый, мертвый воздух, картонные стены с развешенным сырым бельем, самодельные кладовки. В каждой из пяти комнат жили по двенадцать человек, и их голоса проникали через все перегородки.

На ступеньках выше второго этажа жильцы, в нарушение правил противопожарной безопасности, устроили что-то вроде гостиной: женщины разговаривали с мужчинами, выстроившимися в очередь в умывальную комнату, тут же крутились дети. Ближе к выходу Уорду и Росситеру пришлось буквально пробиваться через толпы

сгрудившихся на лестничных клетках людей, задержавшихся у доски объявлений или поднимающихся снизу, с улицы.

Отдышавшись, Уорд указал на расположенный на другой стороне улицы фуд-бар. До него было всего тридцать ярдов, но заполнившая улицу толпа напоминала полноводную реку, текущую справа налево. Первый фильм на стадионе начинался в девять часов, и публика уже спешила занять места.

— Может, пойдем куда-нибудь еще? — спросил, поморщившись, Росситер. Перспектива фуд-бара его явно не устраивала. Там всегда было полно народу, ждать обслуживания приходилось не меньше получаса, да и еда не радовала разнообразием и вкусом.

Уорд пожал плечами.

— Есть одно заведение на углу, но туда еще надо добраться, и я сомневаюсь, что у нас получится. — Две сотни ярдов против течения, да еще в плотном, неуступчивом потоке.

— Может, ты и прав. — Росситер положил руку на плечо Уорду. — Знаешь, Джон, твоя проблема в том, что ты никуда не ходишь, нигде не бываешь. Ты от всего оторван и даже не представляешь, насколько все плохо.

Уорд кивнул — Росситер был прав. Утром, когда он отправлялся в библиотеку, поток нес его к сосредоточенным в центре офисам, вечером, когда он возвращался, тот же поток двигался в противоположном направлении. Желания как-то менять заведенный порядок не возникало. Воспитываясь с десяти лет в муниципальном общежитии, Уорд постепенно утратил связь с отцом и матерью, которые жили на восточной стороне города и не могли или не хотели пускаться в путешествие ради того, чтобы повидать сына. Уступив инициативу динамике города, он и сам не горел желанием возвращать ее ради всего лишь чашки лучшего кофе. К счастью, работа в библиотеке давала ему возможность контактировать с широким кругом молодых людей со схожими интересами. Рано или поздно он женится, найдет двойную каморку поближе к библиотеке и остепенится. Если у них будет достаточно детей — требуемый минимум: трое, — то, может быть, когда-нибудь они даже обзаведутся собственной комнатой.

Человеческий поток, в который ступили друзья, отнес их ярдов на десять или двадцать. Выбравшись из него на другой стороне, они пробились поближе к витринам и двинулись, плечом к пле-

чу, назад, к фуд-бару.

— Какие цифры дают последние оценки численности населения? — спросил Уорд, обходя сигаретный киоск и ныряя в первую образовавшуюся брешь.

Росситер улыбнулся:

— Извини, Джон, я бы сказал, но ты ведь чего доброго запаникуешь. Да и не поверишь.

Росситер работал в департаменте страхования муниципалитета и имел официальный доступ к данным переписи. Последние десять лет эта информация не подлежала разглашению — отчасти потому, что ее считали неточной, но главным образом из-за опасения, что разглашение статистики отзовется массовым приступом клаустрофобии. Незначительные ее вспышки уже случались, и теперь официальная линия сводилась к тому, что население мира достигло плато, выровнявшись на двадцати миллиардах. В эти цифры никто ни на секунду не поверил. Уорд полагал, что установившийся в 1960-е темп ежегодного прироста в три процента сохраняется до сих пор.

Как долго это будет продолжаться, сказать было невозможно. Вопреки мрачным прогнозам неомальтузианцев, мировому сельскому хозяй-

ству удавалось поддерживать рост населения, хотя интенсивная культивация почв привела к сосредоточению девяносто пяти процентов жителей планеты в огромных конурбациях. Разрастание городов было остановлено; по всему миру бывшие пригороды перепрофилировались под нужды сельского хозяйства, и людям приходилось ограничиваться уже существующими городскими гетто. Деревня как таковая больше не существовала. Каждый квадратный фут площадей использовался для выращивания той или иной культуры. Бывшие поля и луга стали, по сути, производственными участками, столь же механизированными и закрытыми для публики, как и промышленные цеха. Экономическое и идеологическое соперничество отступило перед важнейшей, первостепенной задачей — внутренней колонизацией города.

Добравшись до фуд-бара, они протолкались ко входу и присоединились к схватке у стойки, где сбилась плотная кучка клиентов.

— Беда с проблемой перенаселения, — сказал Уорд, — в том, что по-настоящему ее никто и не пробовал решить. Пятьдесят лет назад близорукий национализм и промышленная экспансия сделали ставку на рост населения, и даже сейчас

скрытый стимул подталкивает нас к тому, чтобы завести большую семью и получить хоть частичку приватности. Одиночек наказывают просто потому, что их больше и они не вписываются в двойные и тройные кубиклы. Но настоящее зло — большая семья с компактной, малогабаритной логистикой.

Росситер кивнул и подвинулся поближе к стойке, готовясь прокричать заказ.

— Верно, верно. Нам всем не терпится жениться, чтобы только заполучить свои шесть квадратных метров.

Стоявшие перед ними две девушки обернулись и улыбнулись.

— Шесть квадратных метров, — повторила одна из них, темноволосая, с милым овальным личиком. — Хотелось бы мне познакомиться с парнем, который так говорит. Собираешься заняться недвижимостью, а, Генри?

Росситер усмехнулся и пожал ей руку.

— Привет, Джудит. Да, активно об этом думаю. Не желаешь ли присоединиться? Рискнем вместе?

Они уже продвинулись к стойке.

— Может быть. — Девушка наклонилась к нему. — Только все должно быть по закону.

Другая девушка, Хелен Уэринг, работавшая младшим библиотекарем, потянула Уорда за рукав.

— Слышал последние новости? Нас с Джудит выперли из комнаты. На данный момент мы буквально на улице.

— Что? — крикнул Росситер. Они забрали свой суп и кофе и теперь пробивались к дальнему углу бара. — Что случилось?

— Помнишь кладовку за нашей каморкой? Мы с Джудит использовали ее как своего рода кабинет, ходили туда читать. Там тихо и спокойно — надо только научиться не дышать. Ну вот, старушенция прознала, что мы там бываем, подняла шум, заявила, что мы нарушаем закон и все в таком духе. Короче, выставила. — Хелен помолчала. — Говорят, собирается сдавать кладовку как кубикл.

Росситер стукнул кулаком по столу.

— Сдавать кладовку? Чтобы там кто-то жил? Нет, ей же никто не даст лицензию.

Джудит покачала головой:

— Лицензия у нее уже есть. Ее брат работает в жилищном департаменте.

Уорд прыснул в чашку с супом.

— Но как она будет ее сдавать? Никто же не

согласится жить в кладовке.

Джудит наградила его мрачным взглядом:

— Ты действительно так думаешь?

Уорд уронил ложку.

— Вообще-то нет. Наверно, ты права. Люди готовы жить где угодно. Господи, я даже не знаю, кого мне больше жалко — вас или того беднягу, который поселится в кладовке. Ладно. Что будете делать?

— Одна пара, в паре кварталов к западу, сдает половину своей каморки. Они там повесили простыню, и нам с Хелен придется спать по очереди на раскладушке. Я не шучу, ширина нашей комнаты — около двух футов. Я уже сказала Хелен, что нам надо поделить ее и сдать половинку за вдвое большую плату.

Все рассмеялись. Потом Уорд попрощался и отправился к себе домой.

И там столкнулся с похожей ситуацией.

Прислонившись к хлипкой двери и лениво катая во рту обслюнявленный окурок сигары, управляющий поджидал его с выражением угрюмой скуки на небритой физиономии.

— У вас четыре и семьдесят две сотых квадрата, — сообщил он Уорду, который остановился на лестнице, поскольку попасть в комнату не мог.

Другие жильцы протискивались мимо по пути на лестничную клетку, где ругались, сердито толкая стену из чемоданов и ящиков, две женщины, обе в бигуди и домашних халатах. Управляющий то и дело бросал в их сторону раздраженные взгляды. — Четыре и семьдесят два. Я два раза замерял. — Он произнес это тоном, исключавшим всякую возможность несогласия.

— По потолку или полу? — спросил Уорд.

— По потолку, а вы как думали? Как я могу измерить пол, если там столько всего навалено. — Он пнул выступающий из-под кровати ящик с книгами.

Уорд стерпел.

— Стена слегка наклонена, — указал он. — На целых три или даже четыре градуса.

Управляющий неопределенно кивнул.

— В любом случае у вас больше четырех. Намного больше. — Он повернулся к Уорду, который отступил на несколько ступенек, чтобы пропустить спускающихся по лестнице мужчину и женщину. — Я могу сдать ее как двушку.

— Что, четыре с половиной как двушку? — недоверчиво спросил Уорд. — Это как же?

Проходивший мимо мужчина склонился над плечом управляющего, окинув комнату быст-

рым, цепким взглядом.

— Сдаешь двушку, а, Луи?

Управляющий отмахнулся от него, поманил Уорда в комнату и закрыл за ним дверь.

— Номинально здесь пять. Мы только что получили новые инструкции. Все, что больше четырех с половиной, считается двушкой. — Он хитро посмотрел на Уорда. — А чего вы хотели? Хорошая комната, просторная, чувствуешь себя как в трешке. У вас тут и выход на лестницу, и окно… — Он не договорил, потому что Уорд, расхохотавшись, свалился на кровать. — В чем дело? Послушайте, хотите комнату побольше, платите за место. В общем, так: или повышаем оплату на половину, или выметайтесь.

Уорд вытер глаза, устало поднялся и потянулся к полкам.

— Расслабьтесь, уже ухожу. Буду жить в кладовке. Доступ к лестнице — да, это роскошь. Скажите, Луи, на Уране есть жизнь?

В качестве временного решения они с Росситером сняли вместе двушку в развалюхе в сотне ярдов от библиотеки. Квартал был бедный и неухоженный, многоквартирные дома под завязку забиты жильцами. Большинство строений принадлежали отсутствующим домовладель-

цам или городской корпорации, и управляющие брали жильцов из всякого сброда. Все их обязанности сводились к сбору квартплаты, а как съемщики делят жилое пространство, никого не интересовало, и выше первого этажа они подниматься не решались. В коридорах валялись банки и бутылки, умывальные комнаты напоминали отстойник. Среди жильцов было много стариков и больных, равнодушно сидевших в своих узких каморках, спиной к спине, разделенных тонкой перегородкой.

Их двушка находилась на третьем этаже, в конце коридора, кольцом опоясывавшего здание. Определить его архитектуру не представлялось возможным, комнаты располагались в произвольном порядке и под всевозможными углами. К счастью, коридор заканчивался тупиком. Гора ящиков остановилась в четырех футах от стены, и тонкая перегородка отделяла каморку, места в которой хватало для двух кроватей. Высокое окно выходило на здания на противоположной стороне улицы.

Поместив весь скарб на полке над головой, Уорд лег на кровать и угрюмо уставился на крышу библиотеки сквозь послеполуденную дымку.

— Здесь не так уж плохо, — сказал, разбирая

свой чемодан, Росситер. — Да, уединиться по-настоящему не получится и через неделю мы будем действовать друг другу на нервы, но, по крайней мере, тебе не дышат в ухо шесть человек.

Соседняя каморка, однушка, была встроена в батарею ящиков шагах в двенадцати по коридору, но ее обитатель, семидесятилетний старик, был глух и не вставал с постели.

— Да, неплохо, — неохотно согласился Уорд. — А теперь скажи, каковы последние данные по приросту населения. Может, это меня утешит.

Росситер помолчал, потом, понизив голос, заговорил:

— Четыре процента. Восемьсот миллионов за один только год — чуть меньше половины общего населения планеты в 1950-м.

Уорд негромко свистнул.

— Значит, новая переоценка. И до какого предела? До трех с половиной?

— До трех. Со следующего года.

— Три квадратных метра! — Уорд сел и посмотрел на друга. — Невероятно! Мир сходит с ума. И когда же они начнут хоть что-то делать? Ты понимаешь, что скоро и сесть будет негде, не то что лечь?!

Он раздраженно стукнул кулаком в стену. Со

вторым ударом из стены вылетела оклеенная бумагой небольшая деревянная панель.

— Эй! — воскликнул Росситер. — Ты тут все сломаешь!

Он нырнул под кровать — за панелью, которая висела на полоске бумаги. Уорд сунул руку в темный проем и, осторожно подтянув панель, положил ее на кровать.

— Кто там, на другой стороне? — шепотом спросил Росситер. — Они что-то слышали?

— Генри! Посмотри!

Прямо перед ними, тускло освещенная лишь мутным небесным светом, открылась средних размеров комната примерно в пятнадцать квадратных футов и совершенно пустая, если не считать скопившейся на плинтусах пыли. На голом полу лежало несколько полосок потертого линолеума, стены покрывали обои с цветочными узорами. Бумага кое-где ободралась, настенные рейки подгнили, но в целом комната находилась в жилом состоянии.

Уорд толкнул ногой открытую дверь и повернулся к Росситеру.

— Генри, ты понимаешь, что мы нашли? Ты понимаешь, старик?

— Помолчи! Ради бога, говори тише! — Росситер

внимательно осмотрел комнату. — Фантастика! Хочу определить, пользовался ли ею кто-то в последнее время.

— Конечно, не пользовались. Это же ясно! В комнате нет двери. Вот здесь она и была. Потом ее заложили панелями и благополучно забыли. Посмотри, какая тут везде грязь.

Росситер смотрел в комнату, и голова у него шла кругом — какая же она огромная!

— Ты прав, — пробормотал он. — Когда будем заселяться?

Панель за панелью они убрали нижнюю часть двери и прибили ее к деревянной раме, чтобы при необходимости поставить ложную секцию на место за считаные секунды.

Затем, выбрав день, когда дом наполовину опустел, а управляющий уснул в подвальном офисе, друзья совершили первую вылазку в соседнюю комнату. Уорд отправился в разведку один, Росситер остался караулить каморку.

Целый час они, меняясь местами, бродили молча по пыльной комнате, разводя руки, чтобы почувствовать ее необъятную пустоту, наслаждаясь ощущением абсолютной пространственной свободы. Уступая в размерах многим комнатам, где им довелось жить, она казалась неизмеримо

больше, ее стены взмывали вверх к самому небу.

Переезд состоялся через два или три дня.

Первую неделю Росситер спал в комнате один, Уорд же оставался в двушке, где они вместе проводили светлое время дня. Постепенно во вторую комнату притащили кое-какую мебель: два кресла, стол, лампу, подключенную к розетке в каморке. Мебель была тяжелая, викторианская, самая дешевая из доступного, и ее размеры подчеркивали пустоту комнаты. Их гордостью стал здоровенный гардероб красного дерева с резными ангелочками и зеркалами, которые пришлось снять и принести в дом в чемоданах. Возвышаясь над ними, шкаф напоминал готический собор с органной галереей, пересекающей огромный неф. Такие соборы Уорд видел на микрофильмах в библиотеке.

Через три недели оба уже спали во второй комнате — каморка казалась невыносимо тесной. Разделивший комнату «японский» экран никак не отразился на ощущении ее огромности. Сидя там по вечерам в окружении книг и альбомов, Уорд совершенно забывал о городе и мире. К библиотеке он проходил по переулку, избегая людных улиц. Порой друзья чувствовали себя единственными реальными обитателями мира,

все остальные превратились в незначительные субпродукты их собственного существования, произвольные копии вышедших из-под контроля идентичностей.

Предложение пригласить девушек исходило от Росситера.

— Их снова выставили. Возможно, им придется разделиться, — сообщил он Уорду, переживая за Джудит и беспокоясь, что она может попасть в плохую компанию. — После переоценки всегда бывает заморозка арендной платы, но домовладельцы об этом знают и просто-напросто ничего не сдают. Найти сейчас какое-то жилье чертовски трудно.

Сидя за круглым столом красного дерева, Уорд рассеянно кивнул. Теребя кисть зеленого абажура настольной лампы, он в какой-то момент почувствовал себя литератором Викторианской эпохи, ведущим неспешную, размеренную жизнь в окружении удобной, мягкой мебели.

— Всецело за, — согласился он, указывая на пустые углы. — Места предостаточно. Но надо, чтобы они об этом не распространялись.

Приняв должные меры предосторожности, друзья посвятили девушек в свой секрет и с удовольствием наблюдали, как те ахали и охали,

восхищаясь этой частной вселенной.

— Мы перегородим ее пополам, — объяснил Росситер, — а утром будем перегородку снимать. Можете въехать через пару дней. Ну, как оно?

— Чудесно! — Открыв рты и всматриваясь с изумлением в бесконечные отражения в зеркалах, гостьи уставились на гардероб.

С их приходом и выходом из дома проблем не возникало. Жильцы постоянно ходили туда-сюда, квитанции складывались на почтовую полку. Никого не интересовало, кто эти девушки, и никто не замечал их регулярных визитов в двушку на третьем этаже.

Однако через полчаса после прихода ни одна из них так и не разобрала свой чемодан.

— В чем дело, Джудит? — спросил Уорд, огибая кровати девушек и проходя в узком промежутке между столом и гардеробом.

Джудит нерешительно перевела взгляд с него на Росситера, который, поставив перегородку, сел на кровать.

— Понимаешь, Джон, это все…

За подругу закончила более практичная Хелен Уэринг.

— Джудит пытается сказать, — она разгладила покрывало, — что наше положение здесь

несколько неопределенное. Эта перегородка…

Росситер поднялся с кровати.

— Ради бога, Хелен, вам не о чем беспокоиться, — заверил он громким шепотом, на который все они перешли непроизвольно. — Все по-честному, вы можете нам доверять. Эта перегородка крепка как скала.

Девушки кивнули.

— Дело не в этом, — объяснила Хелен, — но ведь перегородка будет стоять не все время. Мы подумали, что если бы здесь был кто-то постарше, например тетя Джудит — она ужасно милая и не заняла бы много места и никому бы не мешала, — то нам и волноваться было бы не о чем… разве что по ночам, — быстро добавила она.

Уорд посмотрел на Росситера, который пожал плечами и уткнулся глазами в пол.

— Ну, идея хорошая. Мы с Джоном вас понимаем. Почему бы и нет?

— Конечно, — согласился Уорд и указал на пространство между кроватями девушек и столом. — Одной больше, одной меньше…

Девушки разразились восторженными воплями. Джудит подошла к Росситеру и поцеловала его в щеку.

— Извини, Генри, что надоедаю. — Она мило

ему улыбнулась. — Ты сделал чудесную перегородку. А для тетушки не мог бы? Маленькую? Она очень милая, но возраст…

— Конечно, — сказал Росситер. — Понимаю. Дерева здесь предостаточно.

Уорд посмотрел на часы:

— Сейчас полвосьмого. Вам надо поскорее связаться с тетушкой, а то ведь она может и не успеть добраться сюда сегодня.

Джудит застегнула пальто.

— Успеет, — заверила она. — Я быстро — туда и назад.

Тетушка явилась через пять минут с тремя туго набитыми чемоданами.

— Удивительно, — заметил Уорд в разговоре с Росситером месяца три спустя. — Эта комната меня изумляет. Она как будто увеличивается день ото дня.

Росситер с готовностью согласился, отводя глаза от перегородки, за которой переодевалась одна из девушек. Перегородку больше не трогали — ежедневно снимать ее и снова ставить было слишком утомительно. К тому же монтаж и демонтаж дополнительной перегородки, приделанной к основной, не нравились тетушке. Немало проблем вызывал и транзит старушки

туда и обратно через замаскированную дверь и каморку.

Несмотря на все это, угроза разоблачения представлялась маловероятной. По всей видимости, комнату построили как дополнение к центральной шахте дома, и любой шум поглощали сложенные в коридоре ящики. Непосредственно под ними находилась комната, в которой жили несколько женщин, и тетушка Джудит, бывавшая у них в гостях, уверяла, что прочный потолок никаких звуков не пропускает. К тому же и свет, проникавший наружу через окно, ничем не отличался от сотни других лампочек в окнах дома.

Росситер изготовил и установил новую перегородку, прибив ее к стене между его и Уорда кроватями. Оба согласились, что еще немного приватности не помешает.

— Придется сделать такую же для Джудит и Хелен, — сказал он Уорду.

Уорд поправил подушку. Два кресла, занимавших слишком много места, пришлось отнести в мебельный магазин. В любом случае кровать была намного удобнее. Привыкнуть к мягкой мебели так толком и не удалось.

— Неплохая идея. Как насчет полок вдоль стены? Вещи класть некуда.

С полками комната стала заметно уютнее — освободилось место на полу. Разделенные перегородками, кровати выстроились одна за другой вдоль задней стены, напротив гардероба.

Наличие столь большого свободного пространства неизменно восторгало и изумляло Уорда. Когда Росситер упомянул, что мать Хелен больна и нуждается в персональном уходе, он сразу сообразил, куда ее можно определить — между шкафом и боковой стеной.

Радости Хелен не было границ.

— Ты такой добрый, Джон, но нельзя ли, чтобы мама спала рядом со мной? Там есть место для еще одной кровати.

Росситер снова разобрал перегородки и сдвинул их теснее, так что теперь кроватей стало шесть. Промежуток между каждой составлял два с половиной фута — вполне достаточно, чтобы протискиваться бочком. Лежа на правом фланге, под полками в двух футах над головой, Уорд видел только краешек гардероба, но пространство перед ним, добрых шесть футов до противоположной стены, оставалось свободным.

Следующим прибыл отец Хелен.

Постучав в дверь каморки, Уорд улыбнулся впустившей его тетушке Джудит, потом помог

ей отодвинуть прикрывавшую потайной ход самодельную кровать и легонько ударил по деревянной панели. Секундой позже ее отодвинул отец Хелен, невысокий седоволосый мужчина в нижней рубашке и брюках с привязанными к ним подтяжками.

Уорд кивнул ему и переступил через кучку сваленных у кроватей вещей. Хелен сидела с матерью, поила ее вечерним бульоном. Мокрый от пота Росситер, стоя на коленях у гардероба, отламывал ломиком раму центрального зеркала. Некоторые части шкафа уже лежали на полу и его кровати.

— Завтра начнем выносить, — сказал Росситер.

Уорд подождал, пока отец Хелен прошаркает мимо и скроется в своем отсеке. Закрыв за собой узкую картонную дверцу, он вдобавок накинул примитивный крючок из согнутой проволоки.

Росситер проводил его раздраженным взглядом.

— Хорошо же некоторым. С этим чертовым гардеробом придется изрядно повозиться. И зачем только мы его купили?

Уорд сел на кровать. Перегородка упиралась в колени, так что и повернуться было негде.

Посмотрев вверх, он увидел, что проведенная карандашом разделительная линия исчезла под надвинувшейся стенкой. Прислонившись спиной к стене, Уорд попытался отодвинуть ее, но Росситер, похоже, приколотил нижний край гвоздями к полу.

В дверь внешней каморки постучали — Джудит вернулась из офиса. Уорд стал было подниматься, потом снова сел.

— Мистер Уэринг, — негромко позвал он. В этот вечер дежурным был старик.

Уэринг прошаркал к двери своего отсека и открыл ее, недовольно бурча под нос.

— Туда-сюда, туда-сюда, — проворчал он и, споткнувшись о сумку с инструментами, громко выругался и многозначительно бросил через плечо: — А по-моему, так здесь слишком много народу. Под нами такая ж самая комната, но их там шестеро, а нас тут семеро.

Уорд рассеянно кивнул и вытянулся на узкой кровати, стараясь не удариться головой о полку. Уэринг не первым намекал, что ему надо съехать. Двумя днями раньше такое же предложение высказала тетушка Джудит. Бросив работу в библиотеке, он проводил в комнате почти все время и сталкивался со стариком чаще, чем хотелось

бы, но научился его терпеть. Небольшой платы, взимаемой с остальных, кое-как хватало на еду.

Устроившись наконец, Уорд заметил, что правый верхний шпиль гардероба — все, что он мог видеть на протяжении последних двух месяцев, — теперь исчез.

Деталь была красивая и в каком-то смысле символизировала весь его частный мир, а продавец в мебельном магазине сказал, что таких уже почти не осталось. Он ощутил вдруг острую боль сожаления, как случалось в детстве, когда отец в минуту раздражения забирал у него что-то и он знал, что уже никогда этого не увидит.

Но потом Уорд взял себя в руки. Да, конечно, гардероб был красивой вещью, но когда его не стало, комната как будто увеличилась.

1961

Billenium
(альтернативное название Billennium). Первая публикация в журнале *New Worlds*, ноябрь 1961.

Перевод С. Самуйлова

Нежной рукой палача[25]

Доктор Джемисон прибыл в Лондон к полудню. Все въезды в город были перекрыты с шести утра. Толпы людей, собравшихся в День коронации, ждали на своих местах вдоль маршрута шествия почти сутки, и Грин-парк был пуст, когда доктор медленно поднимался по травянистому склону к станции метро под отелем «Ритц». Брошенные рюкзаки и спальные мешки валялись среди мусора под деревьями, и дважды доктор Джемисон споткнулся о чей-то скарб. Добравшись до входа на станцию, он сильно вспотел. Джемисон присел на скамейку и поставил тяжелый чемодан из оружейного металла на траву.

Прямо перед ним находилась одна из высоких деревянных трибун. Он мог видеть спины зрителей в первом ряду — женщин в ярких летних платьях, мужчин в рубашках с короткими рукава-

---

[25] Примечания: 25

Название рассказа в оригинале — это цитата из хайку за авторством Масаоки Сики (1867–1902) в переводе на английский язык американского поэта польского происхождения Люсьена Стрика (1924–2013): «Bloom, unmoved by hand, // Rain reeks of the silent death: // Gentle assassin». На русский это можно перевести как: «Смертью пахнет дождь: // Нежной рукой палача // Цветок не тронут». Доподлинно известно, что книга переводов Стрика имелась в личной библиотеке автора.

ми, прикрывавших головы газетами от жаркого солнечного света, группки детей, певших песенки и вовсю размахивавших национальными флажками. На всем протяжении площади Пикадилли окна офисных зданий пестрели зеваками, высунувшимися наружу; улицу прямо-таки заполняли мельтешение красок и шум. Время от времени вдалеке играли оркестры; порой офицер, командовавший войсками, выстроившимися вдоль маршрута, зычно отдавал приказ и перестраивал своих людей.

Доктор Джемисон, с интересом вслушиваясь в многообразие звуков, позволил всеобщему волнению, подогреваемому солнцем, увлечь и себя. В свои шестьдесят с небольшим он был невысоким подтянутым человеком с седеющими волосами и живыми, чуткими глазами. Лоб у него был широкий, с заметным наклоном, что придавало его профессорским манерам более моложавый вид. Этому способствовал еще и его импозантный облик: одетый в костюм модного покроя, сшитый на заказ, он излучал изысканность… и смутную опасность. Пиджак с узкими лацканами, застегнутый на обшитые тканью пуговицы, и темные брюки-дудочки удлиняли его силуэт. Выглаженный до хруста ворот белой

рубашки, выглядывающий из-под вязаной жилетки, придавал всему ансамблю элегантности, прекрасно контрастируя с темной палитрой наряда доктора.

Когда кто-то вышел из палатки первой помощи в дальнем конце прилавка и направился к нему, Джемисон осознал, до чего непохожи их наряды: мужчина, приближавшийся к нему, был в свободном голубом костюме с огромными, хлопающими на ветру отворотами. Джемисон внутренне поморщился от досады. Взглянув на часы, он подхватил свой чемодан и поспешил на станцию метро.

Ожидалось, что коронационная процессия покинет Вестминстерское аббатство в три часа, и улицы, где должен был проехать кортеж, перекроет для движения полиция. Выйдя из здания вокзала на северной стороне Пикадилли, Джемисон внимательно оглядел все высокие офисные здания и отели, то тут, то там повторяя про себя названия, возвращая в память некогда знакомый ориентир. Пробираясь за толпой, заполнившей тротуар, с металлическим чемоданом, больно врезавшимся ему в колени, он добрался до выхода на Бонд-стрит, там тщательно все обдумал — и пошел к стоянке такси в пятидесяти ярдах

впереди. Люди, направлявшиеся к Пикадилли, с любопытством поглядывали на него, и доктор почувствовал облегчение, когда забрался в салон и отгородился от этих неприятных зевак захлопнутой дверью.

— Отель «Вестландия», — сказал он водителю, отказываясь от помощи с чемоданом.

Мужчина навострил уши.

— Какой-какой отель?

— «Вестландия», — повторил доктор Джемисон, стараясь отвечать в тон водителю. Почему все вокруг говорят с таким странным придыханием, он не понимал. — Это на Оксфорд-стрит, в ста пятидесяти ярдах к востоку от Мраморной арки[26]. Думаю, вполне можно проехать туда через Гровенор-плейс.

Водитель кивнул, настороженно глядя на пожилого пассажира. Когда они тронулись, он откинулся на спинку сиденья.

— Приехали посмотреть на коронацию?

— Нет, — сухо ответил доктор Джемисон. — Я здесь по делу. Всего на один день.

— Я подумал, может, вы пришли посмотреть на процессию. Из «Вестландии» открывается

---

[26] Примечания: 26

Триумфальная арка в Гайд-парке, на западном конце Оксфорд-стрит в Лондоне.

чудесный вид…

— Вот как? Конечно, я посмотрю, если представится возможность.

Они свернули на Гровенор, и доктор Джемисон поставил чемодан обратно на сиденье, проверяя замысловатые металлические застежки, чтобы убедиться: крышка надежно закрыта. Он разглядывал здания вокруг, стараясь не дать сердцу забиться в волнении от нахлынувших воспоминаний. Однако память явно его подводила — пелена минувших лет порядком исказила первоначальные образы, о чем он и не подозревал. Панорама улицы, нагромождение особняком стоящих зданий и путаница протянутых по воздуху проводов над головой; рекламные вывески, при малейшей возможности появлявшиеся в изобилии, — все это казалось совершенно новым. Но по сути своей город был невероятно старым и запутанным, и доктору Джемисону трудно было поверить, что он когда-то тут жил. «Интересно, — подумалось ему, — другие воспоминания — такие же ложные?»

Доктор удивленно подался вперед, указывая через открытое окно на изящную стену американского посольства, напоминающую пчелиный улей, отвечая на свой вопрос. Водитель заметил

его интерес и выбросил сигарету.

— Забавное местечко, — прокомментировал он. — Не понимаю, зачем янки устроили из него такую свалку.

— Отчего же «свалку»? — спросил доктор Джемисон. — Тут с вами немногие согласятся.

Водитель усмехнулся.

— Ошибаетесь, мистер. Ни разу не слышал доброго слова в адрес этой ерунды. — Он пожал плечами, решив попусту не огорчать пассажира. — Может, конечно, такой дизайн опережает свое время…

На это доктор Джемисон слегка улыбнулся.

— Подождем немного, — сказал он скорее себе, нежели водителю. — Скажем, лет тридцать пять… и тогда, полагаю, все будут очень высокого мнения о нем.

Его голос невольно стал более гнусавым, и водитель спросил:

— Вы из-за границы, сэр? Может быть, из Новой Зеландии?

— Нет, — сказал доктор Джемисон, заметив, что поток машин движется по левой стороне дороги. — Не совсем. Правда, я уже давно не бывал в Лондоне. Но, похоже, я выбрал удачный день, чтобы вернуться.

— Вы правы, сэр. Великий день для юного принца. Или, скорее, короля, я бы сказал. Король Яков Третий — звучит немного странно. Но удачи ему и новой якубовской эпохе.

– *Якобинской,* — поправил доктор Джемисон, и впервые за этот день улыбка смягчила его лицо. — О да, истинно так. — С жаром протянув руки к металлическому чемоданчику, он добавил вполголоса: — Как вы и сказали — удачи ему.

Войдя в отель через запасной вход, доктор смешался с толпой, заполнившей небольшой холл, — в ушах у него все еще стоял шум, доносившийся с Оксфорд-стрит. После пятиминутного ожидания он подошел к стойке регистрации, чувствуя, как ручка чемодана давит на уставшие пальцы.

— Доктор Роджер Джемисон, — сказал он клерку. — У меня забронирован номер на втором этаже.

Он прислонился к стойке, пока клерк просматривал записи, прислушиваясь к шуму в холле. Казалось, весь туристический цвет состоит из пышных дам среднего возраста. Все как на подбор — в платьях в цветочек, и все, без умолку болтая, стекаются в холл, где поставили широкоэкранный телевизор: с двух часов начнут транслиро-

вать из Вестминстерского аббатства церемонию коронации. Не обращая на них внимания, доктор Джемисон принялся изучать прочую публику — посыльных, официантов, взявших перерыв от обязанностей, сотрудников общепита, организующих вечеринки в залах наверху. Он пристально вглядывался в лица каждого из них, словно ожидая увидеть кого-то знакомого.

Служащий близоруко заглянул в бухгалтерскую книгу:

— Бронь оформлена именно на ваше имя, сэр?

— Разумеется. Семнадцатый угловой номер. Второй этаж.

Портье с сомнением покачал головой:

— Должно быть, произошла какая-то ошибка, сэр, — нет никаких записей о бронировании. Вы, случайно, не на одну из этих вечеринок наверху?..

Сдерживая нетерпение, доктор Джемисон поставил чемодан на пол, придвинув его ногой к столу.

— Уверяю вас, нет. Я сам бронировал номер. Тот самый, семнадцатый. Конечно, я все это сделал сильно заблаговременно, но менеджер сказал мне, что никакой проблемы в этом нет — что бы ни случилось, я смогу въехать в означенную

дату.

Клерк медленно перелистывал страницы, внимательно просматривая все записи, вплоть до вычеркнутых. Внезапно он указал на бледную пометку вверху первой страницы:

— Ага, нашел, сэр! Прошу прощения — запись была перенесена из предыдущего журнала регистраций. «Доктор Роджер Джемисон, номер 217». — Удивленно ткнув пальцем в дату, клерк улыбнулся доктору Джемисону: — Ничего себе, бронь двухлетней давности! А вы — человек предусмотрительный, доктор… и как с датой повезло — аккурат под коронацию!..

Выслушав все это с равнодушной улыбкой, доктор поднялся в номер, отгородился от внешнего мира дверью и с облегчением растянулся на одной из кроватей, все еще не выпуская из рук металлический чемодан. Пять минут он медленно восстанавливал дыхание, разминая онемевшие мышцы правого предплечья. Затем поднялся на ноги и начал внимательно осматривать номер. Ему достался один из самых просторных в отеле — из двух угловых окон открывался особый вид на оживленную улицу внизу. Венецианские жалюзи защищали окна от жаркого солнца и взглядов сотен людей на балконах универмага

напротив. Доктор Джемисон сначала заглянул во встроенные шкафы, затем проверил форточку в ванной, выходившую на лестничную клетку. Убедившись, что шпингалет на ней накрепко вдвинут, он перенес кресло к боковому окну, выходившему на сторону, где ожидалось появление кортежа. За несколько сотен ярдов ничем не перекрываемого обзора можно было в подробностях рассмотреть каждого солдата и полицейского в цепи охраны, выстроившейся вдоль маршрута процессии. Широкая полоса красной материи, элемент вывешенной на стене отеля праздничной гирлянды, тянулась по диагонали через окно, помогала доктору Джемисону укрыться от нескромных наблюдателей в соседнем здании. Сам же он при этом отлично различал тротуар внизу, где толпа в десять или двенадцать человек плотно прижималась к выставленным ограждениям. Опустив жалюзи так, чтобы нижняя створка находилась всего в шести дюймах от подоконника, доктор Джемисон наклонился вперед и спокойно осмотрел наблюдателей.

Ни за кого не зацепившись взглядом, он раздраженно взглянул на часы. Без малого два — молодой король, должно быть, уже покинул Букингемский дворец и следует в аббатство. Шум

снаружи стих, когда по радио передали официальный комментарий из Вестминстера — много у кого в толпе при себе имелись портативные радиоприемники.

Доктор Джемисон подошел к кровати и вытащил связку ключей. Оба замка на чемодане были защищены кодами. С закрытыми глазами он набрал нужные комбинации, провернул до отказа ключики, вдавил обе кнопки запоров — и крышка с щелчком подскочила вверх.

Под ней, в нижней секции, на бархатистой подложке, покоились составные части мощной спортивной винтовки и магазин с шестью патронами. Металлический приклад был укорочен на шесть дюймов и наклонен таким образом, что при поднятии к плечу в боевом положении ствол и дуло были направлены вниз под углом 45°, а прицельные приспособления находились на одной линии с глазом.

Доктор Джемисон легко собрал винтовку, прикрутив приклад и установив его под самым удобным для себя углом. Вставив магазин, он отвел затвор и дослал верхний патрон в казенную часть ствола.

Стоя спиной к окну, он глядел на заряженную винтовку, черневшую на постели. До него доноси-

лись крики из соседних номеров, неумолкающий гул толпы на улице. Неожиданно в нем что-то словно надломилось; черты лица утратили убежденность и непреклонность, и он стал похож на глубокого старца, ужасно уставшего, оставшегося без друзей в гостиничном номере в чужом городе, где все, кроме него, праздновали победу. Он сел на кровать рядом с винтовкой, вытирая носовым платком оружейную смазку с рук. Мысли его, по-видимому, витали сейчас где-то далеко.

С трудом поднявшись на ноги, он какое-то время просто стоял, словно вспоминая, зачем вообще прибыл. Затем самообладание вернулось к нему. Он быстро разобрал винтовку, сложил ее в чемодан и опустил крышку. Уложив оружейный кейс в нижний ящик секретера, вернул оба ключика от него на общую связку. Заперев за собой дверь номера, доктор покинул отель решительной походкой.

Пройдя двести ярдов по Гровенор-плейс, он свернул на Халлам-стрит — узкую улочку, где располагались небольшие художественные галереи и рестораны. Солнечный свет играл на полосатых навесах, и казалось, что здешнее запустение удалено на добрых несколько миль от толпы, собравшейся смотреть на королевский

кортеж. Доктор Джемисон почувствовал, что к нему возвращается уверенность. Примерно через каждые десять ярдов он вставал под навесами и осматривал тихие тротуары, прислушиваясь к отдаленным телевизионным комментариям, доносившимся из квартир над магазинами.

На полпути вниз по Халлам-стрит располагалось небольшое кафе с тремя вынесенными наружу столиками. Сев спиной к окну, доктор Джемисон надел солнцезащитные очки в роговой оправе и расположился в тени, заказав у официантки апельсиновый сок со льдом. Он спокойно потягивал напиток, почти неузнаваемый за парой черных линз. Периодически с крыш домов на Оксфорд-стрит доносились восторженные вопли, отмечавшие ход церемонии в аббатстве, но в остальном улочка оставалась тихой.

Слегка перевалило за три, когда низкие звуки органа известили о завершении церковной службы в аббатстве и состоявшейся коронации. Послышались шаги, и доктор увидел, что слева к нему приближаются, взявшись за руки, парень и девушка в белом платье. Когда они подошли, Джемисон чуть сдвинул очки вперед, на кончик носа, чтобы рассмотреть визитеров получше, — но почти сразу водворил нехитрую маску на

место. Молодая пара была до того увлечена друг дружкой, что не обратила на него внимания, хотя любому другому очевидцу факт слежки со стороны наверняка сразу бы бросился в глаза.

Парню было около двадцати восьми, и он носил мешковатый костюм — обычную, как понял Джемисон, одежду лондонцев; мятый воротник его рубашки был небрежно окольцован галстуком. Один наружный карман украшали две авторучки, из другого торчала концертная программа. У него приятная непринужденная внешность молодого университетского преподавателя: красивое, задумчивое лицо обрамлял резко очерченный лоб; потихоньку редеющие каштановые волосы отличались резким зачесом от лба к затылку. Мужчина ни на секунду не отрывал глаз от своей спутницы, не скрывая чувств к ней. Он внимательно слушал ее, лишь изредка прерывая короткой репликой или смешком.

Доктор Джемисон тоже смотрел на девушку. До этого он, не отрываясь, изучал молодого человека, ловя каждый его жест и отмечая перемены в лице; так, будто наблюдал за самим собой в зеркале. Когда же, наконец, Джемисон перевел взгляд на девушку, его охватил такой сильный трепет, что он едва не привстал со стула. Он ду-

мал, что давние воспоминания обманывают его, но на самом деле девушка оказалась еще более красивой, чем ему помнилось.

Ей было не больше девятнадцати или двадцати лет, и она шла с высоко поднятой головой. Ветер трепал ее длинные светлые волосы, падающие на веснушчатые плечи. На спутника она смотрела с озорным огнем в глазах, иногда прикусывая губу. Они подошли к столикам кафе — девушка продолжала увлеченно говорить что-то, но молодой человек нежно прервал ее:

— Джун, погоди — давай немного передохнем! Посидим, выпьем чего-нибудь — все равно процессия поравняется с Мраморной аркой только через полчаса.

— Бедняга, я совсем тебя загнала?

Они уселись за соседний столик. Всего несколько дюймов отделяли доктора Джемисона от ее обнаженной руки, так что он снова ощутил и остро вспомнил запах ее тела. Его охватили воспоминания: да, это именно ее проворные и ловкие пальчики, и именно *так* она вздергивает подбородок, так — разглаживает на коленях широкую белую юбку…

— Ну, в конце концов, ничего страшного, если я и не увижу процессию. Ведь это *мой* день, а не

день его величества!

Молодой человек улыбнулся и притворился, что хочет встать.

— Вот как? Значит, всех этих людей ввели в заблуждение? Побудь здесь, а я схожу и отдам приказ, чтобы маршрут кортежа изменили и направили к нам! — Перегнувшись через столик, он взял ее руку и скептически осмотрел маленький бриллиантик на пальце. — Далеко не шедевр. Что за тип его тебе подарил?

Девушка нежно поцеловала своего спутника.

— Огромный, как «Ритц», алмаз[27]. — Она игриво растягивала все «р». — Хм, что за тип? На днях собираюсь за него замуж. Роджер, разве это не замечательно — получить премию? Триста фунтов! Ты богат, и я не шучу. Жаль, что Королевское общество не позволяет тебе тратить эти деньги по своему усмотрению. Вот с Нобелевской совсем другой расклад. Давай, получи еще и ее.

Молодой человек скромно улыбнулся.

— Я бы не возлагал таких больших надежд, солнышко.

— Конечно, ты ее получишь. Я даже не сомневаюсь. Это просто вопрос времени. В конце концов,

---

[27] Примечания: 27

Такое название носит рассказ Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, написанный в 1922 году.

ты, так или иначе, открыл хронопутешествия.

Молодой человек забарабанил пальцами по столу.

— Джун, ради всего святого, пойми меня правильно, я не открывал хронопутешествия. — Он понизил голос, заметив, что за соседним столиком сидит доктор Джемисон, единственный человек на пустынной улице. — Люди подумают, что я чокнутый, если ты будешь так говорить.

Девушка вздернула свой дерзкий носик.

— Однако давай взглянем правде в глаза, это так! Я знаю, ты не любишь эту формулировку, — но если отбросить расчеты, все сводится именно к перемещению во времени, так ведь?

Молодой человек задумчиво уставился на крышку стола — и лицо его стало серьезным, выражающим огромную интеллектуальную силу.

— В той мере, в какой математические концепции имеют известные аналоги в физической Вселенной, — да, но это огромное допущение. И даже так: это не перемещение во времени в обычном смысле этих слов, хотя я понимаю, что популярная пресса не согласится с этим, когда выйдет моя статья в «Нейчер». В любом случае меня не особо интересует временной аспект. Будь у меня в запасе лет тридцать — возможно,

стоило бы в это закопаться, но у меня есть дела поважнее.

Он улыбнулся девушке, но та задумчиво наклонилась вперед и взяла его за руки.

— Роджер, я не уверена, что ты прав. Ты говоришь, что это не имеет никакого применения в повседневной жизни, но ученые всегда так думают. Это действительно фантастика — иметь возможность возвращаться назад во времени. Подумай, ведь…

— Ведь что? Сейчас мы с тобой движемся вперед во времени — и нас это не изумляет, и никто не подкидывает шляпы в воздух. Сама Вселенная — не что иное, как машина времени; и, судя по доступной нам части шоу, она движется в одну сторону. Или, по крайней мере, *почти* в одну. Мне всего-навсего улыбнулась удача заметить, что частицы внутри циклотрона[28] иногда перемещаются в обратном направлении — достигают конца своих бесконечно коротких глиссад еще до того, как, собственно, начинают путь. Это вовсе

---

[28] Примечания: 28

Циклотрон — тип ускорителя частиц, изобретенный Эрнестом О. Лоуренсом в 1929–1930 годах в Калифорнийском университете в Беркли и запатентованный в 1932 году. Циклотрон ускоряет заряженные частицы наружу от центра плоской цилиндрической вакуумной камеры по спиральной траектории. Частицы удерживаются на спиральной траектории статическим магнитным полем и ускоряются быстро меняющимся электрическим полем.

не означает, что через неделю любой из нас сможет отправиться назад во времени и грохнуть собственного дедушку.

— А если кто-нибудь когда-нибудь так и поступит — что выйдет?

Молодой человек рассмеялся.

— Честно, не знаю. Об этом сложно думать. Может, именно поэтому я хочу продолжить работу на сугубо теоретической основе. Если довести проблему до логического завершения, то мои наблюдения в Харуэлле[29], должно быть, ошибочны — ибо события во Вселенной, очевидно, происходят независимо от времени, и мы только и можем, что условно маркировать их. Через много лет эта проблема, вероятно, будет известна как «парадокс Джемисона», и начинающие математики будут массово прибегать к помощи своих бабушек и дедушек в надежде как-то ее разрешить. Так что пусть наши внуки по доброй английской традиции станут адмиралами или архиепископами…

Пока шел этот разговор, доктор Джемисон смотрел на девушку. Ему так хотелось тронуть ее за

---

[29] Примечания: 29

Харуэлл (*англ.* Harwell) — центр научно-исследовательских работ в области атомной энергии в Великобритании, к югу от г. Оксфорда.

руку или заговорить с ней — от необдуманного шага удерживала только собранная в кулак воля. Веснушки на ее припухлых оголенных руках, «морщинки» на ткани платья ниже лопаток, миниатюрные ноготки со слезающим лаком — все это было для него стопроцентным доказательством его *собственного* существования.

Он снял солнцезащитные очки, и какое-то мгновение они с молодым человеком смотрели прямо друг на друга. Последний, казалось, смутился, осознав поразительное сходство между ними — идентичное строение лиц, скошенных лбов. Доктор Джемисон мимолетно улыбнулся ему, и его охватило чувство глубокой, почти отеческой привязанности к юноше. Его наивная серьезность, простота и непринужденное неуклюжее обаяние внезапно оказались важнее всех возможных интеллектуальных качеств — и доктор понял, что не ревнует Джун к нему.

Он снова надел темные очки и посмотрел в конец улицы; решимость воплотить грядущие этапы задуманного только окрепла. Шум за домами вдруг усилился, и пара вскочила со своих мест.

— Скорее, уже половина четвертого! — воскликнул молодой человек. — Приехали, видать!

Когда они убегали, девушка остановилась, чтобы поправить сандалию, и оглянулась на старика в темных очках, сидевшего позади нее. Доктор Джемисон подался вперед, ожидая, что она заговорит или протянет руку, но Джун просто отвела взгляд — и он снова откинулся назад, на спинку стула.

Когда пара добралась до первого перекрестка, он встал и поспешил обратно в свой отель.

Заперев дверь своего номера, доктор Джемисон быстро достал из секретера чемодан, собрал винтовку и уселся с ней перед окном. Коронационная процессия уже проходила мимо, первые ряды солдат и гвардейцев при параде маршировали во главе с духовым оркестром, наигрывавшим воинственные мелодии. Толпа ревела и приветствовала их, бросая конфетти и ленточки навстречу жарким солнечным лучам.

Доктор Джемисон не обратил на них внимания и выглянул из-под занавески на тротуар. Внимательно изучив толпу, он вскоре заметил девушку в белом платье — в самом хвосте. Она улыбнулась окружающим и протиснулась вперед, потянув молодого человека за руку. В течение нескольких минут доктор следил за каждым ее движением — а затем, когда показались первые ландо ди-

пломатического корпуса, начал осматривать оставшуюся часть толпы, всех до единого, шеренгу за шеренгой…

Он достал из кармана маленький пластиковый конверт, поднес его к лицу и сломал печать. Зеленоватые пары с шипением вырвались из него — и он вытащил пожелтевшую от времени большую газетную вырезку, сложенную так, что стал виден мужской портрет.

Доктор Джемисон прислонил ее к подоконнику. На снимке был изображен мужчина лет тридцати, бородатый, с худым хорькообразным лицом — очевидно, преступник, фото взято из полицейского освидетельствования. Под снимком имелась подпись: *Энтони Реммерс*.

Доктор напряженно подался вперед. Вот проехали экипажи дипломатического корпуса; за ним в открытых автомобилях двигались члены правительства, махавшие толпе шелковыми шляпами. Затем появились конногвардейцы — и вот с другого околотка улицы раздался оглушительный рев: зрители возле Оксфордской площади наконец увидели приближающуюся королевскую карету.

Доктор Джемисон с тревогой взглянул на часы. 15:45. Королевская карета должна подъехать к

отелю всего через семь минут. Окружавший его шум мешал сосредоточиться, а телевизоры в соседних комнатах, казалось, работали на полную мощность.

Внезапно он схватился за подоконник.

«Реммерс!»

Прямо внизу, у табачного киоска, стоял некто с землистым лицом, в широкополой зеленой шляпе. Он бесстрастно наблюдал за процессией, спрятав руки глубоко в карманы дождевика. Доктор Джемисон неуклюже поднял винтовку и положил ствол на выступ, наблюдая за целью. Мужчина в шляпе не сделал попытки протиснуться сквозь толпу — он остался ждать у киоска, всего в нескольких футах от небольшой крытой галереи, выходившей на боковую улицу.

Доктор снова принялся осматривать толпу, сам не свой от нервного напряжения. Громкий рев зевак оглушил его, когда в поле зрения, вслед за конной гвардией и под цоканье копыт, вплыла золоченая королевская карета. Доктор пристально наблюдал за Реммерсом, пытаясь разглядеть, не оглянулся ли тот на сообщника. Но террорист стоял неподвижно — и руки все так же держал в карманах.

— Черт бы вас побрал! — прорычал доктор Дже-

мисон. — Где второй?

Он отчаянно отдернул штору — напрягая весь свой ум, концентрируя весь опыт, чтобы за какую-то долю секунды разгадать характер каждого из полутора десятков людей внизу.

— Их было двое! — хрипло крикнул он сам себе. — Двое!

В пятидесяти ярдах от них, откинувшись на спинку сиденья золоченой кареты, восседал молодой король, чья мантия сверкала на солнце. Доктор Джемисон рассеянно наблюдал за ним — и вдруг осознал, что Реммерс пошевелился. Мужчина быстро обходил толпу, передвигаясь на своих тонких ногах полупрыжками, будто обезумевший тигр. Когда толпа подалась вперед, он вытащил из кармана плаща синий термос и быстрым движением отвинтил крышку. Карета поравнялась с ним, и Реммерс переложил термос в правую руку — в горлышке был отчетливо виден металлический поршень…

«Бомба была у Реммерса!»

Доктор Джемисон шумно выдохнул, абсолютно сбитый с толку.

Террорист отступил на шаг, вытянул правую руку за спину — держа ее низко над землей, как гренадер, — и бросил смертоносный снаряд в

воздух, с мастерски рассчитанным размахом.

Но винтовка уже была направлена на него — доктор поймал грудь убийцы в перекрестье прицела и выстрелил как раз перед тем, как бомба вылетела у Реммерса из руки. Отдача сбила стрелка с ног — удар пришелся в плечо, ствол громогласно пробарабанил по стеклу.

Реммерс, согнувшись пополам, врезался спиной в сигаретный киоск, судорожно выбивая чечетку ногами по тротуару. Шляпа слетела у него с головы, явив бледное, точно череп, лицо.

Вращаясь, бомба взмыла в воздух, словно подброшенная жонглером. Она приземлилась на тротуар в нескольких ярдах от королевской кареты — и отпрянувшая от тела Реммерса толпа вмиг покрыла собой этот незначительный участок.

И грянул взрыв.

Поначалу поверх людских голов возникло что-то похожее на огромную колеблющуюся белую медузу — а потом «медуза» воспламенилась. Сильнейший порыв ветра хлестнул сразу во все стороны. Оконное стекло целиком влетело в номер и раскололось у ног доктора, упавшего поперек кресла. Джемисон худо-бедно пришел в себя, когда крики снаружи слились в единый безумный вопль, затем подполз к окну и выгля-

нул наружу сквозь дым. В своем бегстве толпа уподобилась огромному вееру, разворачивающемуся на дороге — люди спасались кто куда, кони вставали на дыбы, сбрасывая всадников наземь.

Под окнами на тротуаре все еще оставались двадцать-тридцать человек — кто-то лежал, кто-то сидел. Королевская карета лишилась колеса, но в остальном — уцелела; упряжка волокла ее дальше, и теперь экипаж взяли в плотное кольцо конногвардейцы и солдаты. Полицейские толпились на дороге, ведущей к отелю, и доктор Джемисон увидел, как кто-то указывает на него и кричит.

Он посмотрел еще ниже, на самый край тротуара — там, странно вывернув ноги, лежала упавшая ничком девушка в белом платье. Молодой человек, припавший на колени рядом с ней, в разорванном посередине спины пиджаке, лихорадочно обтирал ее шею носовым платком — но по невинно-белой ткани уже вовсю расползались зловещие темно-красные пятна.

В коридоре послышались голоса. Доктор отвернулся от окна, все еще держа винтовку в руке. На полу у его ног, развернутая взрывной волной, лежала выцветшая газетная вырезка. Еще не успев ничего понять, он механическим жестом поднял

ее, и лицо его исказила страшная гримаса. Губы свело болезненной судорогой.

НАЕМНЫЕ УБИЙЦЫ ПОКУШАЛИСЬ

НА ЖИЗНЬ КОРОЛЯ ЯКОВА

Взрыв бомбы на Оксфорд-стрит

стал причиной гибели 27 человек.

Двое мужчин застрелены полицией[30]

Чернилами было подчеркнуто: «*Первый — Энтони Реммерс — профессиональный киллер, нанятый, по предварительным данным, другим террористом, много старше; личность этого второго преступника, ликвидированного при задержании, установить не удалось*».

В дверь уже барабанили кулаками. Чей-то голос что-то требовал, потом начали ломиться. Доктор Джемисон выпустил из рук ненужную газету и снова посмотрел вниз. Юная версия его самого, не вставая с колен, по-прежнему склонялась над

---

[30] Примечания: 30

Интересно, подразумевает ли в данном моменте Баллард еще один временной парадокс (ведь застреленным полицией по сюжету предстоит стать только главному герою), выставляет ли британских стражей правопорядка хвастунами, приписавшими себе еще и устранение Реммерса, или просто допускает мелкую повествовательную неточность? Интереснее всего, конечно, предположить здесь первый вариант.

мертвой девушкой, бережно сжимая ее остывающие ладони в своих руках.

Когда дверь слетела с петель, доктор наконец понял, кто был второй убийца — тот, кого он вернулся покарать через тридцать пять лет. Попытка переписать историю потерпела фиаско — вернувшись в прошлое, Джемисон ничего не смог улучшить, а только стал соучастником уже свершившегося как факт злодеяния. Уже тот его первый анализ движения нетипичных частиц в циклотроне обрек его на этот дикий ритуал: вернуться в прошлое — и стать виновником гибели своей молодой невесты.

Не выстрели он в Реммерса, террорист швырнул бы бомбу на середину улицы — и король умер бы, спася тем самым Джун. Но весь самоотверженный план доктора, разработанный ради молодого человека в прошлом — сей бескорыстный дар другому, минувшему себе, — выступил причиной собственного же крушения. Он погубил того, кого предназначалось спасти.

Надеясь увидеть Джун в последний раз и предупредить юношу о том, что будет лучше ее забыть, доктор выбежал за дверь — навстречу безумному гомону полицейского патруля.

1961

The Gentle Assassin. Первая публикация в журнале *New Worlds*, декабрь 1961.

Перевод Г. Шокина

Безумцы

В десяти милях от Александрии он выехал на береговую дорогу, проходившую по верхушке континента, через Тунис и Алжир к трансатлантическому туннелю в Касабланке, разогнал «ягуар» до 120 и понесся сквозь прохладную ночь. Напитанный солью морской воздух впивался в шестидневный загар. За окном мелькали пальмы. Откинувшись на спинку сиденья, он едва не пропустил девушку в белом плаще, махавшую со ступенек отеля в Эль-Аламейне, но все же остановился под ржавеющим неоновым знаком.

— Тунис? — крикнула девушка, оборачивая мужской плащ вокруг тонкой талии и откидывая за плечо длинные черные волосы, постриженные по моде, популярной на Левом берегу.

— Тунис — Касабланка — Атлантик-Сити, — крикнул в ответ Грегори, протягивая руку к пассажирской дверце. Устраиваясь поудобнее среди газет и журналов, она сунула за сиденье желтый чемоданчик. Машина с ревом сорвалась с места. На мгновение в свете фар мелькнул патрульный автомобиль Объединенного ми-

ра, припаркованный под пальмами у входа на военное кладбище. Грегори невольно моргнул и вдавил в пол педаль газа. Лишь убедившись, что дорога свободна, он отвел глаза от зеркала заднего вида.

На 90 милях в час он расслабился и, снова ощутив предупредительный сигнал, посмотрел на девушку. Вытянутое меланхоличное лицо и серая кожа — как у любого деми-битника, но было что-то в ее ритмах, вялом тонусе лица и безжизненных глазах и рте, что вызвало у него беспокойство. Под полой плаща он заметил юбку в голубую полоску, очевидно, часть какой-то формы, но и юбка, и весь прочий наряд выглядели на ней странно и неуместно. А когда она сунула журналы в бардачок, Грегори увидел на левом запястье самодельную повязку.

Девушка поймала его взгляд и улыбнулась — слишком широко и беззаботно — и, сделав явное усилие над собой, включилась в светскую беседу.

— «Пари вог», «Нойе франкфуртер», «Тель-Авив экспресс» — определенно не сидится на месте. — Она достала из нагрудного кармана пачку «Дель Монтес» и завозилась с большой латунной зажигалкой как с чем-то непривычным. — Сначала Европа, потом Азия, теперь Африка, с континента

на континент. — Она помолчала, потом неуверенно добавила: — Кэрол Стерджон. Спасибо, что взяли.

Грегори кивнул. Повязка на тонком, худеньком запястье понемногу сползала вниз. Интересно, из какой больницы он сбежала? Может быть, из «Кэйро дженерал», где все еще носили старомодную английскую форму. Он поставил бы десять против одного на то, что чемоданчик набит фармацевтическими образцами какого-нибудь беспечного коммивояжера.

— Позвольте спросить, вы куда направляетесь? Сезон уже закончился.

Девушка пожала плечами.

— Куда глаза глядят. Каир, Александрия… ну, сами знаете. Хотела посмотреть на пирамиды. — Она откинулась на спинку кресла, слегка коснувшись его плеча. — Красота. Самые древние штуки на земле. Как они там говорят, «прежде, нежели был Авраам, Я есмь»[31].

Машину тряхнуло на неровности, и из-под рулевой колонки выскользнули водительские права Грегори. Девушка наклонилась прочитать, что там написано.

---

[31] Примечания: 31
Евангелие от Иоанна 8:58.

— Не возражаете? До Туниса путь долгий… Чарльз Грегори, доктор медицины… — Она неуверенно пошевелила губами, повторяя имя про себя, потом вдруг вспомнила: — Грегори! Доктор Чарльз Грегори! Это же вы… Мюриель Бортман, утопилась в Ки-Уэсте. Вас еще осудили…

Девушка не договорила и нервно уставилась в ветровое стекло.

— У вас хорошая память, — негромко сказал Грегори. — Я уж думал, что никто и не помнит.

— Конечно, помню, — голос ее упал до шепота. — Только безумцы могли так поступить с вами.

Следующие несколько минут из нее изливался поток сочувствий вперемешку с разрозненными деталями из ее собственной жизни. Грегори старался не слушать и, сжав руль так, что побелели костяшки пальцев, старательно выбрасывал из головы все, о чем она напоминала.

Он почувствовал приближение паузы — такое случалось всегда.

— Скажите, доктор… Надеюсь, вы простите, что я спрашиваю… после принятия «Закона об интеллектуальной свободе» на помощь рассчитывать трудно, приходится быть осторожной… вы, конечно, тоже… — Попутчица нервно рассме-

ялась. — То есть я имею в виду…

Своей нервозностью она будто вытягивала из него силы.

— …вам нужна психиатрическая помощь, — отрезал он, разгоняя «ягуар» до 95 километров в час и снова заглядывая в зеркало заднего вида. Дорога была пуста, и бесконечные пальмы убегали в ночь.

Девушка поперхнулась сигаретой, и зажатый между пальцами окурок превратился в размякший огрызок.

— Ну, вообще-то не мне. Одной близкой подруге. Поверьте, доктор, ей действительно нужна помощь. Ей все безразлично, никакого интереса к жизни не осталось, смысла ни в чем не видит.

— Скажите ей, пусть смотрит на пирамиды, — жестоко отозвался он.

Попутчица иронии не заметила и тут же быстро заговорила:

— Да она смотрит. Осталась в Каире. Я обещала найти ей кого-нибудь. — Девушка повернулась и внимательно, даже изучающе, посмотрела на Грегори, а потом, подняв руку, поправила волосы. В синем свете пустыни она напомнила доктору тех мадонн, которых он видел в Лувре через два дня после освобождения, когда, выйдя из грязной,

мерзкой тюрьмы, бросился на поиски самого прекрасного в мире, тех тринадцатилетних с серьезно-торжественными лицами, благословенных высшей красотой, что позировали и Леонардо, и братьям Беллини. — Подумала, может, вы кого-то знаете.

Он сдержался и покачал головой:

— Нет, не знаю. За последние три года растерял все контакты. Да и в любом случае это запрещено законами об интеллектуальной свободе. Знаете, что будет, если меня поймают на психиатрическом консультировании?

Словно окоченев, девушка смотрела прямо перед собой, на дорогу.

Грегори щелчком выбросил окурок и поддал газу. Воспоминания последних трех лет, подавить которые он надеялся этой 10 000-мильной гонкой, нахлынули вновь. Три года на ферме при тюрьме возле Марселя. Три года в диспансере, где приходилось лечить золотушных рабочих и моряков, даже проводить незаконные сеансы с полицейским капралом, который не мог удовлетворить свою жену. Три горьких года, чтобы понять, что ему никогда уже не позволят заниматься тем единственным делом, в котором он мог полностью себя реализовать. Мозгоправ или

целитель неуспокоенных, каким бы титулом его ни награждали, теперь психиатр ушел в историю, вступив в ряды некромантов, колдунов и прочих адептов темных знаний.

«Закон об интеллектуальной свободе», принятый десятью годами ранее ультраконсервативным правительством Объединенного мира, прямо и недвусмысленно запретил эту профессию и освятил право каждого быть при желании безумным — с условием, что он несет полную гражданскую ответственность за любые нарушения закона. Здесь-то и крылся подвох, скрытый смысл «Закона об интеллектуальной свободе». То, что началось как широкая реакция против «подсознательной жизни» и неконтролируемого расширения техник массового манипулирования для достижения политических и экономических целей, быстро обернулось систематическим наступлением на психологическую науку. Сверхтерпимые суды с их попустительством правонарушителям, псевдопросвещенные реформаторы уголовного права, «жертвы общества», психолог и его пациент — все оказались под жестоким ударом. Стремясь избавиться от собственной неудовлетворенности и найти подходящего козла отпущения, новые правители

и избравшее их большинство объявили вне закона все формы психологического контроля, от безобидных рыночных исследований до лоботомии. Предоставленные самим себе, обделенные состраданием и вниманием, душевнобольные платили за свои слабости полной мерой. Священной коровой общества стал психотик, вольный бродить, где ему хочется, пускать слюни на крылечке, спать на тротуаре и проклинать каждого, пытающегося помочь ему.

Именно эту ошибку и совершил Грегори. Сбежав в Европу, на родину психиатрии, с надеждой найти там бóльшую терпимость, он, с шестью другими эмигрантами-аналитиками, открыл в Париже подпольную клинику. Пять лет они работали вполне успешно, пока не вскрылось, что одна из пациенток, высокая, нескладная девушка с психогенным заиканием, — это Мюриель Бортман, дочь Президента Объединенного мира. Все закончилось трагически — в клинику нагрянула полиция, а после смерти пациентки показательный и больше напоминающий шоу суд с бесконечными демонстрациями использования электроконвульсаторов, показом фильмов об инсулиновой коме и свидетельствами бесчисленных выловленных в закоулках параноиков,

завершился вынесением приговора. Три года.

И вот теперь он вышел наконец на свободу и, вложив сбережения в «ягуар», бежал из Европы, оставляя тюремные воспоминания на пустынных хайвеях Северной Африки. Меньше всего Грегори хотел новых проблем.

— Я бы помог, — сказал он девушке, — но риск слишком велик. Вашей подруге остается одно: постараться договориться с собой.

Девушка раздраженно пожевала губу.

— Не думаю, что у нее получится. Но все равно спасибо, доктор.

Три часа они сидели молча в летящей по трассе машине. Потом впереди, вдоль долгого изгиба бухты, появились огни Тобрука.

— Сейчас два часа ночи, — сказал Грегори. — Здесь есть мотель. Утром я вас заберу.

После того как они разошлись по комнатам, он осторожно вернулся к столу администратора и перерегистрировался в новое шале.

Грегори уже уснул, а Кэрол Стерджон все ходила по веранде, шепча его имя.

* * *

После завтрака, возвратившись с моря, он уви-

дел во дворе большую машину Объединенного мира и санитаров с носилками.

Высокий полковник ливийской полиции, прислонившись к «ягуару», постукивал кожаной дубинкой по ветровому стеклу.

— А, доктор Грегори. Доброе утро. — Он указал на автомобиль скорой помощи: — Ужасная трагедия. Такая красивая девушка.

Грегори застыл как вкопанный и лишь усилием воли удержался на месте — первым порывом было подбежать к машине и поднять простыню. Лишь полковничья форма да тысячи утренних и вечерних проверок удержали его на месте.

— Я — Грегори, да. — В горле как будто застрял ком пыли. — Она мертва?

Полковник провел палкой по шее.

— От уха до уха. Должно быть, нашла старое лезвие в ванной. Около трех часов ночи. — Махнув дубинкой, он направился к шале Грегори. Доктор проследовал за ним и неуверенно остановился у кровати.

— Я в это время спал. Портье может подтвердить.

— Разумеется. — Полковник окинул взглядом разложенные на покрывале вещи, небрежно тронул черную медицинскую сумку.

— Она просила вас о помощи? Помощи с личными проблемами?

— Не напрямую. Хотя и намекнула. Похоже, была немного не в себе.

— Бедняжка. — Полковник сочувственно опустил голову. — Ее отец — первый секретарь в каирском посольстве, в некотором смысле тиран. Вы, американцы, очень строги по отношению к своим детям. Твердая рука нужна, да, но понимание ничего не стоит. Согласны? Она боялась его, поэтому и сбежала из Американского госпиталя. Мое дело — предоставить властям объяснение случившегося. Если бы я знал, что беспокоило ее на самом деле… вы ведь, конечно, помогли ей чем только могли?

Грегори покачал головой:

— Нет, полковник, я ничего для нее не сделал. Я вообще отказался обсуждать с ней ее проблемы. — Он натянуто улыбнулся полицейскому. — Не хотелось бы повторять одну и ту же ошибку, понимаете?

Секунду-другую полковник задумчиво смотрел на него.

— Разумное решение, доктор. Но вы меня удивляете. Люди вашей профессии считают себя призванными нести ответ только перед высшей

властью. Или эти идеалы так легко отбросить?

— У меня была большая практика. — Он кивнул полковнику и начал собирать вещи; полицейский козырнул и вышел во двор.

Через полчаса Грегори уже мчался по дороге в Бенгази, держа «ягуар» на 100 милях в час, сжигая напряжение и злость в бешеном порыве скорости. Проведя на свободе всего лишь десять дней, он снова вляпался и теперь мучился из-за угрызений совести, потому что отказал в помощи человеку, который отчаянно в ней нуждался. Он мог бы принести ей облегчение, но отвел руку помощи из-за безумных наказаний. Убрать следовало не только идиотский закон, но и тех, кто его навязал, — Бортмана и его приятелей-олигархов.

Грегори поморщился, представив холодное восковое лицо Бортмана, обращающегося к Мировому сенату в Лейк-Саксесс с требованием ужесточения наказания для преступников-психопатов. Этот деятель ничем не отличался от инквизиторов XIV века, и его бюрократический пуританизм прикрывал две истинные одержимости: грязь и смерть. В любом здоровом обществе Бортмана навсегда посадили бы под замок или провели ему полный лифтинг мозга.

Пусть не напрямую, именно Бортман нес от-

ветственность за смерть Кэрол Стерджон и был виновен так же, как если бы лично вложил ей в руку бритвенное лезвие.

После Ливии — Тунис. Грегори мчался по береговой дороге, не сбрасывая скорости, оставляя справа сияющее, как расплавившееся зеркало, море, избегая больших городов по возможности. К счастью, дела здесь обстояли получше, чем в Европе. Психотики шатались по окраинным паркам, воздерживаясь от магазинных краж и стараясь не причинять никому неприятностей — разве что забредали порой на кофейные террасы да стучали по ночам в двери отелей.

В Алжире он провел три дня в отеле «Хилтон» — поставил новый мотор и разыскал Филиппа Калундборга, старого коллегу по Торонто, работающего теперь в детской больнице Всемирной организации здоровья.

За третьим графином бургундского Грегори рассказал приятелю о Кэрол Стерджон.

— Это абсурдно, но я чувствую свою вину перед ней. Самоубийство — акт в высшей степени суггестивный, а я напомнил ей о смерти Мюриель Бортман. Черт возьми, мог бы дать самый общий совет, что-то такое, что предложил бы любой разумный непрофессионал!

— Опасно. И, конечно, ты правильно поступил, — заверил его Филипп. — После трех лет заключения кто бы взялся действовать иначе?

Грегори посмотрел через террасу на поток машин, мчащихся по залитым неоновыми отблесками мостовым. Нищие, сидевшие вдоль тротуара, клянчили у прохожих мелочь.

— Филипп, ты не представляешь, какой стала Европа. По меньшей мере пять процентов населения нуждаются в стационарном уходе. Поверь, мне страшно уезжать в Америку. В одном только Нью-Йорке с крыш прыгают примерно десять человек в день. Мир превращается в сумасшедший дом, одна половинка общества тайно торжествует, наблюдая страдания другой. Многие просто не сознают, по какую сторону решетки находятся. Тебе легче. Здесь традиции другие.

Калундборг согласно кивнул:

— Твоя правда. В деревнях центральной части страны веками придерживаются стандартной практики ослеплять шизофреников и выставлять их напоказ в клетке. Несправедливость распространена столь широко, что терпимость постепенно вырабатывается ко всем ее формам без разбора.

Молодой мужчина, высокий и чернобородый, в

линялых хлопчатобумажных слаксах и пляжных сандалиях, прошел через террасу и положил руки на их столик. Глаза глубоко прятались подо лбом, вокруг губ темнели коричневые пятна, выдавая отравление.

— Кристиан! — сердито выдохнул Калундборг и, беспомощно пожав плечами, с тихим вздохом раздражения повернулся к юноше. — Мой дорогой, это продолжается слишком долго! Я не могу тебе помочь. И не проси, это бесполезно.

Молодой человек терпеливо кивнул.

— Дело в Мари, — произнес он негромким грубоватым голосом. — Я не в состоянии ее контролировать. Боюсь, она может сделать что-то с ребенком. Вы же знаете, послеродовая абстиненция…

— Чепуха! Я же не идиот. Ребенку почти три года. Если Мари дошла до нервного истощения, то это из-за тебя. Поверь, я не стал бы помогать, даже если бы получил на то разрешение. Ты должен излечиться самостоятельно, а иначе — крышка. У тебя уже хроническая зависимость. Вот и доктор Грегори может подтвердить.

Грегори кивнул.

Секунду-другую молодой человек мрачно смотрел на Калундборга, потом взглянул на Грегори

и, повернувшись, побрел между столиками.

Калундборг налил себе еще вина.

— Они все неправильно понимают. Думают, наша работа состояла не в том, чтобы лечить от пристрастия, а в потакании ему. В их пантеоне фигура отца всегда великодушна и благосклонна.

— Именно это постоянно твердил Бортман. Психиатрия, по своей сути, беспредельно терпима, она поощряет слабость и безволие. Все ведь сходятся в том, что нет человека более прямого и чистосердечного, чем обсессивный невротик. Сам Бортман в этом отношении хороший тому пример.

Войдя в свой номер на десятом этаже, Грегори увидел уже знакомого чернобородого юношу, роющегося в его саквояже на кровати. Уж не шпион ли, подумал он, и не была ли встреча на террасе хитроумной ловушкой?

— Нашли, что нужно?

Кристиан закончил перебирать вещи и раздраженно столкнул саквояж на пол. Потом отступил от Грегори за кровать и обвел комнату жадным взглядом, задержавшись на верхних ящиках гардероба и настенных бра.

— Калундборг был прав, — спокойно заметил

Грегори. — Вы только понапрасну теряете здесь время.

— К черту Калундборга, — негромко рыкнул Кристиан. — Работает не на тех уровнях. Думаете, я джазовый рай ищу? С женой и ребенком? Нет, не настолько уж я безответственен. У меня магистерская степень по юриспруденции. Получил в Гейдельберге. — Он прошелся по комнате, остановился и пристально посмотрел на доктора.

Грегори начал задвигать ящики.

— Ну вот и возвращайтесь к вашей юриспруденции. Болезней в мире предостаточно.

— Я уже сделал первый шаг. Вам Калундборг ничего не рассказывал? Я подал на Бортмана в суд — за убийство. — Видя, что доктор смотрит на него озадаченно, Кристиан пояснил: — Дело не уголовное, а гражданское. Мой отец покончил с собой пять лет назад после того, как Бортман вышвырнул его из коллегии адвокатов.

Грегори поднял с пола саквояж.

— Сочувствую, — сказал он без всякого выражения. — И чем закончилось ваше дело против Бортмана?

Кристиан уставился в темень за окном.

— Оно и не начиналось. Через какое-то время, когда я стал действовать им на нервы, меня

навестили следователи из Всемирного бюро. Предложили навсегда убраться в Штаты. В Европу я приехал получить степень и теперь возвращаюсь. Барбитураты нужны мне, чтобы удержаться и не пытаться бросить бомбу в Бортмана.

Внезапно он пролетел через комнату и, прежде чем доктор успел остановить его, выскочил на балкон и перегнулся через перила. Грегори прыгнул за ним и попытался оттащить от края. Кристиан не только не сдался, но и принялся кричать в темноту. Внизу, по мокрой улице, проносились машины. Прохожие останавливались на тротуаре и смотрели вверх.

В конце концов оба упали в комнату, и Кристиан расхохотался, рухнув на кровать и тыча пальцем в доктора, который стоял, прислонившись к шкафу и хватая воздух открытым ртом.

— Большая ошибка, доктор. Уматывайте-ка отсюда побыстрее, пока я не навел на вас полицию. Предотвратили самоубийство! Господи, да вы, учитывая прежние заслуги, десятку наверняка получите. Вот так шутка!

Грегори схватил его за плечи и сердито встряхнул.

— Слушай, что за игру ты ведешь? Чего хочешь?

Кристиан оттолкнул доктора и бессильно откинулся на кровать.

— Помогите мне, доктор. Я хочу убить Бортмана. Только об этом и думаю. Не буду осторожен, наверняка попытаюсь. Покажите, как мне забыть о нем. — Подстегнутый отчаянием, голос взлетел. — Черт, я ненавидел отца и радовался, когда Бортман вышвырнул его из коллегии…

Грегори задумчиво посмотрел на юношу, потом подошел к окну и закрылся от ночи на задвижку.

Спустя два месяца в мотеле рядом с Касабланкой Грегори сжег наконец последние аналитические заметки. Кристиан — чисто выбритый, в аккуратном белом костюме с неброским галстуком — наблюдал, стоя у двери, как сгорает в пепельнице стопка зашифрованных записей, а потом отнес ее в ванную и спустил пепел в унитаз.

Молодой человек уже загрузил свои чемоданы в машину, когда доктор сказал:

— И еще, прежде чем мы отправимся. Добиться полной эффективности за два месяца невозможно, тут и двух лет мало. Тебе предстоит работать над этим всю жизнь. Если случится рецидив, приезжай ко мне, даже если я буду на Таити, в Шанхае или Архангельске. — Он помолчал. — Знаешь, что случится, если они узнают?

В ответ Кристиан молча кивнул. Грегори сел на стул за письменным столом. В миле от отеля, между финиковыми пальмами, виднелся громадный куполообразный въезд в трансатлантический туннель. Он давно знал, что не сможет расслабиться. Странно, но его не оставляло ощущение, что три года в Марселе прошли впустую, что отложенный приговор с неопределенным сроком начинается только сейчас. Никакого удовлетворения от успешно проведенного лечения не ощущалось — может быть, потому, что он занимался с Кристианом отчасти из страха быть обвиненным в нападении на Бортмана.

— Теперь, если все сложится удачно, ты сможешь жить в мире с собой. Постарайся не забывать, что какие бы злодейства ни совершил в будущем Бортман, к твоей проблеме он отношения не имеет. Только приступ, перенесенный твоей матерью после смерти твоего отца, привел тебя к осознанию вины, которую ты ощущал подсознательно из-за того, что ненавидел его, но ты перенес вину на Бортмана и думал, что уничтожив его, освободишься сам. Соблазн может возникнуть снова.

Кристиан, неподвижно стоявший у двери, снова лишь молча кивнул. Лицо его за последнее

время округлилось, серые глаза были спокойны и безмятежны. Он выглядел как какой-нибудь чистенький и аккуратный бюрократ Объединенного мира.

Грегори подобрал газету.

— Я так понимаю, что Бортман нападает на Ассоциацию американских юристов, называя ее подрывным органом, и, возможно, намеревается объявить ее вне закона. Если у него получится, это будет тяжелый удар по гражданским свободам. — Он посмотрел на Кристиана, который не выказал ни малейшей реакции. — Ладно, пошли. Ты все еще настроен вернуться в Штаты?

— Конечно. — Кристиан сел в машину и пожал доктору руку. Грегори решил остаться в Африке, найти работу в какой-нибудь больнице и потому отдал машину Кристиану. — Мари будет ждать в Алжире, пока я закончу свое дело.

— Какое дело?

Кристиан повернул ключ, и мотор взревел, взметая пыль и изрыгая отработанные газы.

— Я намерен убить Бортмана, — спокойно сказал он.

Грегори ухватился за ветровое стекло.

— Не шути так.

— Вы вылечили меня, доктор, и я, с поправкой

на общепринятые рамки, совершенно здоров. Здоров, как, наверно, никогда уже не буду. В нашем нынешнем мире таких чертовски мало, и это тем более накладывает на меня обязательство действовать рационально. Логика говорит мне, что кто-то должен постараться устранить заправляющий тут всеми жуткий зверинец, и Бортман представляется хорошей кандидатурой для начала. Я поеду в Лейк-Саксесс и застрелю его. — Он переключил передачу и добавил: — Не пытайтесь меня остановить, потому что тогда они откопают наш с вами затянувшийся уик-энд здесь.

Он убрал ногу с педали.

— Кристиан! — крикнул Грегори. — Тебе это так не сойдет! В любом случае ты попадешься!

Машина вырвалась из-под его руки.

Грегори пробежал за ней в поднятой пыли, спотыкаясь о выступающие из земли камни. Он знал, что когда они схватят Кристиана и заглянут в его прошлое на несколько месяцев, то поймут, что настоящий убийца — ссыльный доктор с затаенной трехлетней обидой.

— Кристиан! — крикнул он, задыхаясь от белой пыли. — Кристиан, ты безумец!

1961

The Insane Ones. Первая публикация в журнале

Amazing, январь 1962.

Перевод С. Самуйлова

Сады благовременья

Когда начало смеркаться и циклопическая тень графской виллы, возведенной в палладианском стиле, целиком накрыла собой террасу, граф Аксель покинул свою библиотеку и спустился к Садам Благовременья по широким ступеням лестницы. Он был высок и статен; черный бархатный камзол в сочетании с ухоженной растительностью на лице делал его похожим на Георга Пятого. Стиснув рукой в белой перчатке трость, он окинул холодным взором переливающееся великолепие цветов, трепещущее в наполненном звучной музыкой хаммерклавира воздухе. Жена исполняла «Рондо» Моцарта в темной зале, и полупрозрачные лепестки внимали отзвукам волшебных нот.

Сады брали свое начало у террасы — и тянулись дальше на добрых две сотни ярдов до самого миниатюрного пруда, рассеченного надвое белым мостом. Туда Аксель почти никогда не доходил — ему это попросту не требовалось, ибо Благоцветы почти все росли вплотную к террасе, образуя в уголке рощу под навесом окружившей поме-

стье стены. С террасы граф вольготно обозревал простор плодородной земли, бегущий волнами к горизонту, у линии которого равнина шла чуть вверх перед тем, как окончательно пропасть из виду. Пустошь овивала владения графа, была везде, куда доставал взгляд, и бесплодие ее лишь акцентировало внимание на том, сколь уютна и величественна вилла на краю. Здесь, в Садах Благовременья, будто бы даже сам воздух был прозрачнее, и лучи солнца словно давали больше тепла. Лунный пейзаж равнины, напротив, являл собой зрелище бесконечно тусклое и потустороннее.

По обыкновению, перед тем как начать свой вечерний обход, граф Аксель какое-то время обозревал горизонт, у края которого вздыбленная пустошь полыхала золотом заходящего солнца, как сцена театра под гаснущими рампами. В сопровождении грациозных переливов Моцарта, порождаемых нежными движениями пальчиков его жены, Аксель сделал несколько шагов вперед. Теперь Армада стала различимее — невооруженному глазу могло показаться, что передовая бесчисленной армии двигалась четким строем, но стоило только всмотреться, и взводы, подобно умышленно сокрытым деталям картин Гойи,

рассредоточивались до отдельных людей — до хаотичного человеческого потока. Были там и мужчины, и женщины, кто-то еще носил оборванные зеленые шинели, а кто-то давно уж лишился почти всего своего облачения, уподобившись варвару. Армада, восставая из-за горизонта, наползала на равнину, как чернильная капля на пергамент, превращаясь в большую уродливую кляксу. Солнце вспыхивало последними бликами на рядах согнутых спин и исчезало, стоило полчищу продвинуться дальше.

Наступающая орда находилась практически на границе видимости, однако Аксель, смотревший невозмутимо и зорко, отметил, что ее позиции заметно приблизились. Авангард этих несметных полчищ просматривался уже *под* чертой горизонта. Под конец, когда дневное сияние стало иссякать, передняя кромка сплошного людского моря достигла гребня первого вала равнины.

Тогда Аксель сошел с террасы. Благоцветы обступили его. Высясь в рост взрослого мужчины, их стеклянистые стебли венчались гривами из листьев, сквозь мутовки просвечивали разветвления твердых прожилок. Верхушку каждого стебля украшал бутон цветка величиной с бокал для вина. Наружные лепестки, лишенные

прозрачности, окутывали кристаллическую сердцевину бутона, выбрасывающую в воздух снопы оживленного диамантового света, сочетавшего все мыслимые и немыслимые оттенки радуги. Налетавший периодически легкий ветер заставлял Благоцветы чуть качаться из стороны в сторону, и тогда их стебли светились тоже, подобно раскаленным добела струнам арфы. На многих из них уже не осталось бутонов, но Аксель внимательно осмотрел каждый в надежде на признаки повторного цветения. Под конец, выбрав большой цветок из клумбы у стены, он снял перчатку и сорвал его сильными пальцами.

Пока он шагал обратно к террасе, цветок в его ладони начал искриться и таять — сияние, заточенное в сердце бутона, излилось во внешний мир. Кристалл постепенно исчез, и лишь внешние лепестки сохранили целостность — зато сам воздух, окружавший графа, стал ярким от мимолетных вспышек, разбрасываемых куда-то в предзакатный мрак искрами рассыпающегося цветка. Этот свет, нанизав на свои лучи само пространство и само время, преобразил все кругом — пелена долгих лет схлынула с портика виллы, оставляя после себя благородную белизну, какую встретить можно, пожалуй, лишь во сне. Запро-

кинув голову, граф обратил взор к миру за стеной. Солнце теперь освещало лишь самый дальний край пустоши, а Армада, что успела преодолеть четверть пути через равнину, стояла у горизонта, волшебным образом отброшенная назад во времени. Если бы только она могла застыть там на веки вечные, обратившись в скопище безобидных каменных статуй!

Благоцвет в Акселевой ладони сжался до размеров стеклянного наперстка. Распад принялся и за лепестки — они стали чернеть и, сморщиваясь, льнуть к тающей сердцевине. Последние искры угасли в воздухе, и теперь то, что осталось в руке графа, было не более чем каплей росы.

Вечер укутал виллу вуалью тени, протянувшейся шлейфом до самой равнины. Горизонт стал единым целым с небесами. Хаммерклавир умолк, и Сады Благовременья застыли в беззвучии, непоколебимом и холодном.

Аксель задержался на несколько мгновений, пересчитав взглядом оставшиеся цветы. К нему через террасу уже шла графиня — он обернулся поприветствовать ее. Парча ее вечернего платья тихо шуршала на резных плитах дорожки.

— Какой прекрасный вечер, — тихо произнесла она.

Ее голос звучал с чувством — так, будто она лично благодарила графа за большую, умиротворенно-величественную тень на спокойных лугах, за это концентрированное вечернее великолепие. Ее глаза были яркими и умными, волосы, забранные за спину, были прихвачены у шеи драгоценной серебристой оплеткой. Вырез ее платья открывал длинную тонкую шею и подчеркивал высокий подбородок. Аксель посмотрел на жену с нежностью. Он протянул ей руку, и вместе они спустились по лестнице в Сады.

— Один из самых долгих вечеров этого лета, — промолвил граф Аксель. — Сегодня я срезал прекрасный цветок, один из лучших, настоящее сокровище. Быть может, нам повезет и его хватит на несколько дней. — Граф нахмурился, когда его взгляд невольно зацепил оградительную стену — и тех, от кого эта стена берегла его с графиней.

— Как они там? — спросила она.

— Мне кажется, их ход ускорился.

Графиня ободряюще улыбнулась и крепко сжала его руку.

Им обоим было ясно: Сады умирают. Три ночи спустя — гораздо раньше того срока, на какой Аксель втайне надеялся, — им пришлось сорвать еще один Благоцвет.

По привычке, заняв свой наблюдательный пост, он оценил обстановку. Армада заняла уже больше трети равнины — за арьергардом до самых дальних далей разлилась зловещая человеческая масса. Графу почудился угрожающий рокот их неумолимой поступи — то и дело сопровождающийся воинственными выкриками и ратными песнопениями; но он решил, что виной всему сверх меры разыгравшееся воображение. К счастью, графиня сегодня снова играла на хаммерклавире, и богатый на контрапункты узор «Фуги» Иоганна Себастьяна Баха витал над террасой, наступая на горло угрюмой песне подступающей орды.

От виллы до горизонта равнина образовывала четыре «волны». Гребень каждой был отчетливо виден в косых лучах солнца. Аксель в свое время пообещал себе никогда не утруждать себя их пересчетом, но число было слишком мало, чтобы остаться неведомым, особенно когда оно столь очевидно отмечало продвижение Армады.

В этот вечер фронтовые массивы миновали первый хребет и почти поравнялись со вторым. Их оказалось больше, много больше, чем казалось прежде, этих варваров — все ряды, что он видел до недавнего времени, были лишь жал-

кой толикой нашествия, одним из множества аналогичных корпусов в огромном построении. Занимая территории с той же скоростью, Армада, не ровен час, усеет каждый квадратный метр окрестных земель своей людской чумой. А ведь всяко должны быть еще и осадные орудия, и боевые машины. Аксель прищурился, высматривая их, но Армада, как и всегда, казалась аморфной и дезорганизованной. У нее не было ни штандартов, ни знамен, ни барабанщиков, ни горнистов. Угрюмо склонив головы, орда продолжала попирать небосвод.

Внезапно, незадолго до того, как Аксель отвернулся, передний ряд толпы появился на вершине второго хребта и спустился на равнину. Граф пораженно отмечал невероятные расстояния, которые Армада покрывала, будучи вне поля зрения. Теперь численность вражеских войск удвоилась — он мог поклясться в этом перед Создателем.

Поспешно спустившись с террасы, он не глядя протянул руку к ближнему Благоцвету и сорвал бутон со стебля. Плотный свет вновь окутал его. Когда цветок превратился в ледяную жемчужинку в ладони графа, он облегченно вздохнул. Поверхностного взгляда на равнину хватало,

чтобы понять — Армада снова откатилась за горизонт.

За горизонт, что был намного ближе — *ужасно* ближе, — чем раньше. По сути, то, что граф Аксель наивно именовал «горизонтом», было лишь самым дальним, самым первым хребтом.

Когда графиня присоединилась к нему и они отправились на вечернюю прогулку, он ничего не сказал ей о том, что видел. Но беспокойство, спрятанное под маску беспечности, не укрылось от нее, и потому она делала все возможное, дабы приободрить супруга. Они сошли вниз по лестнице, и она обвела рукой Сады Благовременья:

— Разве они не прекрасны, Аксель? Здесь еще так много цветов.

Аксель кивнул с улыбкой, тронутый столь наивной поддержкой. *Еще так много цветов.* Не просто «много», но «еще много» — уже и она прекрасно понимала, что конец неотвратим. На самом деле от сотен цветов, что некогда произрастали в Садах, осталась дюжина-другая. Иные были немногим больше ростка, и только три-четыре представляли собой совершенно зрелые растения. Когда они подошли к озеру, он, отрешившись от шелеста подолов платья графини, разносившегося над прохладной водной гладью,

попытался решить, срезать ли сначала самые большие цветы или же оставить их на черный день. Объективным решением виделось дать молодым Благоцветам время вырасти и созреть — тогда в последнем отступлении у него на руках будет больше сильных, налитых временем бутонов. С другой стороны, граф понимал, что в самом деле не имело значения то, какую из двух тактик он изберет; Сады скоро умрут, а маленьким цветкам потребуется для накопления сил больше времени, чем можно дать. На протяжении всей своей жизни он ни разу не замечал ни единого доказательства роста Благоцветов. Самые крупные из них *всегда*, сколько граф себя помнил, были зрелыми.

Взойдя на резной мостик, они с женой стали разглядывать собственные отражения в темных застойных водах. Отсюда Армада не была видна, скрытая заборами, и душа Акселя обретала желанные крупицы непродолжительного упокоения.

— Аксель, — произнесла графиня, посерьезнев. — Перед тем как Сады погибнут… ты дашь мне право сорвать последний цветок?

— Конечно, любовь моя, — печально ответил он, все поняв. — Конечно.

И далее, вечер за вечером, он рвал остатки Благоцветов, не считая, не трогая лишь крохотный бутон-одиночку, притаившийся в низине террасы. Этот малютка был посвящен его супруге. Граф ничего не планировал, ничего не распределял — если того требовала Армада, он срывал по два-три небольших цветка за раз. Нашествие покрыло уже и второй, и третий холм. Воинам, сбившимся в нестройные шеренги, не было числа. Теперь граф слышал их глас еще четче, и их невежественность, их абсолютная отстраненность и бессмысленность произносимых ими слов повергала его в ужас. Катившимися осадными орудиями, которые наконец-то прорисовались в общем потоке, никто не управлял — их просто бездумно волокли вперед. Никто в этом варварском море не осознавал направления всеобщего движения — просто каждый отдельно взятый ратник слепо тащился вперед, ориентируясь на ноги впереди идущего. Только это и держало Армаду вместе — не было у них ни карт, ни компасов, ни планов сражений; и в этой бездумности и крылась ее великая сила.

Понимая, что всякая надежда отныне тщетна, Аксель все же надеялся, что эти страшные войска обойдут их с графиней уютное гнездышко

стороной. Что, если тянуть время умело, сбитая с толку орда сдастся и сменит вектор наступления, обогнет виллу и схлынет с равнины, как отступающий прилив. Но в тот вечер, когда был сорван очередной Благоцвет, фланги Армады одолевали третий хребет. С тоской граф воззрился на два последних — совсем крохотных! — бутона. Что ж, с их помощью они выиграют несколько хороших минут следующим вечером. Стеклянные стебли умерших Благоцветов будто бы оставались полными жизни, но зацвести вновь им суждено не было.

Все следующее утро граф провел в библиотеке, запечатывая наиболее ценные рукописи в сберегающие сосуды и заполняя ими шкафы в секретной галерее. Графиня помогала ему всем чем могла, и к вечеру, когда солнце село за виллой, они оба вымотались и надышались пылью.

— Сегодня вечером, — ровным голосом объявил Аксель, — мы сорвем два последних цветка, дорогая. Ты и я, вместе.

Быстрым, но исполненным горечи взглядом он одарил стену. Из-за нее уже слышался монотонный гул Армады. Петля затягивалась на вилле и окрестностях.

Свой Благоцвет он сорвал быстро. Бутон, на-

поминающий миниатюрный сапфир, мягко замерцал в его руках, и гул из-за стены затих на мгновенье… лишь для того, чтобы вскоре снова начать набирать мощь. Не слушая, граф окидывал последним взором свои владения — сады, беседки, серебряное блюдце озера, стволы деревьев с притаившимися в мягких кронах добродушными призраками, мостик, где они с женой сидели прекрасными летними вечерами, окунув босые ноги в прохладные воды…

– *Аксель!*

Гудение Армады, сложенное из тысяч и тысяч монотонных напевов, заставляло дрожать воздух. Расстояние менее полумили разделяло их со стеной; вот уже через край ее перелетел камень и упал в Сады Благовременья, поразив несколько хрупких старых стеблей. Графиня бежала навстречу мужу; стена трещала под натиском бездумной толпы. Тяжелый стальной щит рассек воздух, пронесся над головами супругов и разбил витражное окно в музыкальной зале виллы.

— Аксель…

Граф отбросил свою трость и обнял ее.

— Скорее, милая! Последний цветок!

И она сорвала его с тонкого стебля и зажала бутон в маленькой ладони; на мгновение гул

смолк, и граф почувствовал, как время застывает вокруг них. Последние искры гасли в воздухе — маленький бриллиант быстро таял, но теперь им это было не страшно. Ход минут и часов застыл, покрывшись стеклянной коростой, — и вместе с ним застыли они. На секунду. На день. На долгую-предолгую осень… и, наконец, на вечность.

Тяжесть кованых ворот рухнула, погребя под собой несколько первых наступавших, но это никак не остановило остальных. Стена, грандиозный защитный редут графа Акселя, являла собой низкую, не выше колена, ограду из старых, как сам мир, камней. Сама вилла лежала в руинах уже очень давно, и автоматы из плоти и крови миновали ее, не дивясь и не любопытствуя. На дне пересохшего века назад озера ржавел остов моста, поваленные деревья кругом кишели червями и личинками. Буйный цвет сорняка похоронил под собой все — и некогда богато украшенную аллею для карет, и мшистые тропки, и резные каменные плиты.

И все же нашлись в числе Армады те, чей разум еще не был окончательно затуманен, в чьих душах теплилось бледное эмоциональное послесвечение; миновав разбитую террасу, они все же заглянули внутрь опустошенной задолго до них

самим Временем виллы. Пройдя по комнатам, они в недоумении сорвали со стен покрытые пылью картины, расшатали прогнившие шкафы, выпустив наружу моль и труху, оставшуюся от книг, разбили хрупкий фарфор, расколотили хаммерклавир, оборвав все струны и усеяв обрывками нотных тетрадей провалившиеся половицы. К тому моменту, когда главные части Армады достигли виллы, пала и она сама — колонны, снятые со своих мест, дали фронтону обрушиться вниз, увлекая за собой стены и несущие балки. Засвистели по воздуху мечи, вырубая жухлый сорняк. Загрохотали по растрескавшимся плитам сапоги, и под их сильными подошвами кирпичи, что некогда слагали стены виллы, без препон и возражений превратились в желтую пыль.

И лишь один маленький клочок живой земли почему-то уцелел — шеренги бездумно миновали его, будто не замечая, будто не было им никакого дела до этого крохотного зеленого островка. То был дальний край исчезнувшего сада, зажатый между упавшей балкой и небольшим участком кладки защитной стены. Терновник здесь достигал в высоту шести футов и сенью своей бережно укрывал две фигуры — две каменные

статуи, исполненные в полный рост, бородатый статный мужчина в сюртуке и женщина в длинном красивом платье, обратившие друг к другу потрескавшиеся лица с пустыми глазами и застывшим выражением робкой надежды.

В левой руке женщины красовалась одинокая роза, не тронутая ветром и дождем. Лепестки казались тонкими, почти прозрачными. Когда солнце зашло и Армада, великая и бездумная, продолжила свой великий бездумный ход в темноте, последний луч скользнул по бутону и высек из самой сердцевины ослепительный блик, что осветил статуи и на краткий миг возвратил им здоровый цвет жизни, утраченной давным-давно, в незапамятные времена.

1961

The Garden of Time. Первая публикация в журнале *Fantasy & Science Fiction*, февраль 1962.

Перевод Г. Шокина

Тысяча грез Стеллависты

Из цикла «Алые Пески»

К сожалению, в наши дни никто не отдыхает в Алых Песках. Возможно, уже никто не помнит или не слышал о них. Однако десять лет назад, когда я и Фей, тогда еще идеальная пара, приехали сюда, чтобы купить дом № 99 на улице Стеллависта, Алые Пески считались самым модным курортом.

В давние времена это было место отдыха и развлечений для толстых киномагнатов, изворотливых дочерей миллионеров и эксцентричных космополитов, наслаждающихся зажигательной атмосферой процветания. Но задолго до того, как кризис ударил по этому райскому уголку, большинство роскошных вилл и дворцов в Алых Песках были покинуты, сады переросли четко очерченные границы, а бассейны пересохли. Городок превратился в заброшенный приют, но атмосфера в нем оставалась загадочной и притягательной, словно знаменитости только что покинули его и скоро вернутся. Воспоминания о нашей прогулке по улице Стеллависта с агентом

по недвижимости до сих пор живы в моей памяти. С Фей нам пришлось сдерживать возгласы удивления с большим трудом!

Мы ощущали священный трепет, когда изучали имена прежних обитателей различных поместий. Стамерс, наш молодой компаньон, не мог сдержать смех, глядя на нас, двух провинциальных дураков. С особым рвением он восхвалял самые экстравагантные и имевшие абсурдно угрожающий вид постройки. По всей видимости, это была его профессиональная тактика — шокировать и завлечь клиента, чтобы тот радостно согласился купить что угодно, даже лишь отдаленно напоминающее обычное жилище человека.

Один из домов, на перекрестке главной улицы и Стеллависта, поразил бы даже опытного сюрреалиста, щедро заправившегося героином. Спрятанный за густыми кустами роз, он представлял собой набор из шести блестящих шаров различного размера, размещенных на цементной площадке. Рекламный буклет утверждал, что самый большой шар — это гостиная, а остальные составляют спальню, кухню и прочие служебные помещения. В каждом шаре были вырезаны отверстия, напоминающие окна. Вся эта странная

конструкция, подверженная воздействию ветра и солнца, напоминала оставленный кем-то космический аппарат.

Стамерс оставил нас в машине, наполовину скрытой рододендронами. Он подбежал ко входу и переключил место — надо отметить, что все дома в Алых Песках были психотропными. Послышался однородный гул, а сферы медленно начали вращаться по кругу сверху вниз, едва задевая землю.

Фей с тревогой следила за этим необычным и гипнотизирующим зрелищем, а я, не в силах удержаться от любопытства, покинул машину и приблизился к дому. Основная сфера, словно ожившее существо, почувствовав наше присутствие, замедлила ход и, казалось, прислушалась. За ней замедлили темп и остальные.

В рекламных буклетах я вычитал, что здание было построено всего восемь лет назад неким магнатом телевидения, проводившим там выходные. С тех пор владельцы каждый год менялись. Сначала его приобрели две неизвестные актрисы, затем известный психиатр, а после него — композитор, создающий ультразвуковую музыку.

Говорят, что умерший Дмитрий Шакман, страдавший редким психическим расстройством,

пригласил кучу гостей в этот дом, чтобы продемонстрировать им свое самоубийство. Но никто не пришел. Это так разозлило хозяина, что он решил остаться в живых. Последним владельцем этого здания был известный автомобильный дизайнер.

Похоже, что у этого дома с богатой историей не было хозяина уже много лет. Прошлые жильцы, кажется, не нашли здесь ни мира, ни покоя, и дом остался без присмотра. Вдруг в нескольких метрах от меня замер главный шар, и из открытой двери выглянул Стамерс. Несмотря на его улыбку, я почувствовал некий диссонанс, понимая, что дом не приветствует меня. Как только я ступил на лестницу, она словно впала в транс и мгновенно затянула меня внутрь, как эскалатор. Шар начал глухо дрожать, за ним последовали вибрации от других сопряженных сфер.

Всегда захватывающе наблюдать, как психотропный дом реагирует на приход нового человека, особенно настороженного или тревожного. Эта реакция может быть абсолютно непредсказуемой — от ледяной атмосферы до открытой конфронтации. Так бывает, если прошлые обитатели когда-то испытали здесь шок, например, из-за вторжения налогового инспектора или

вора. Конечно, воры стараются избегать психотропных домов — кто захочет стать жертвой перемещающихся балконов или сжимающихся коридоров. Первая реакция психотропного дома говорит о нем намного больше, чем описание агента, состоящее из характеристик упругости стен или мощности контрольного компьютера.

Вопреки всем предположениям, с самого начала я ощущал, что эта резиденция отвергает наше присутствие. Пока я поднимался в гостиную, Стамерс аккуратно регулировал домашний климат-контроль. Обычно поступают наоборот, чтобы продемонстрировать клиентам все удивительные свойства дома. Наш агент, однако, безжизненно и безо всякого восторга объяснял:

— Проводка устарела. Мы заменим ее за свой счет. Это будет прописано в контракте. Предыдущие владельцы, как я уже сказал, имели опыт в шоу-бизнесе, и их образ жизни был весьма насыщен…

Я кивнул — и оказался на парадной лестнице, ведущей в гостиную. Помещение поражало своим разнообразием: стены были окрашены в яркие тона, а потолок украшали роскошные люстры. Однако мое появление вызвало неожиданный эффект: мебель переместилась, стены

покрылись трещинами, а потолок начал мерцать. Я почувствовал, что происходило что-то необычное, словно помещение пережило невероятные испытания, оставившие на нем свой след. Возможно, здесь случилась таинственная драма — атмосферу в комнате можно было описать как «шокирующую». Помещение приветствовало нас с недоверием, словно испытывая на прочность.

Внезапно появившийся Стамерс легонько дотронулся до моего плеча.

— Как впечатления, господин Талбот?

Он прикоснулся к стене позади себя. Стена начала искривляться, словно глина в руках лепящего, пока не превратилась в удивительное кресло. Стамерс предложил мне сесть, ловко преобразовав сиденье в удобное кресло.

— Наслаждайтесь, господин Талбот, чувствуйте себя как дома.

Кресло нежно обняло меня, словно огромная ласковая рука, и окружающие стены и потолок мгновенно остановили свои перемещения. Видимо, Стамерсу было важно утихомирить клиента, чтобы его беспокойные шаги не нарушали покой дома. В комнате бушевала буря, и это не ускользнуло от его внимания.

* * *

— Все мебельные элементы интегрированы, — хвалил дом Стамерс. — Соединения винилового покрытия из пластекса точны до молекулы.

Я почувствовал, как комната снова движется вокруг меня, как потолок пульсирует в ритм нашему дыханию. В этом было что-то пугающее, особенно когда ритм вдруг сбивался, как у сердца, страдающего аритмией. Я понял, что дом не просто напуган — ему нездоровится. Кто-то — возможно, тот же Шакман — в приступе безумия сотворил здесь нечто ужасное. Я собирался спросить у Стамерса, не в этой ли комнате бывший владелец намеревался совершить публичное самоубийство, но внезапно заметил, что агент напряженно сидит в своем кресле и тревожно оглядывается по сторонам.

Внезапно у меня закружилась голова, а по ушам ударил звон. По всей комнате началось странное перемещение воздушных масс. По полу в сторону двери с сухим шорохом пронесся песок, подхваченный этим атмосферным течением. Стамерс вскочил с кресла, тут же втянувшегося в стену.

— Пойдемте, мистер Талбот, прогуляемся по саду. Сразу почувствуете… — начал было он, но

внезапно замолчал, его лицо выражало удивление и тревогу.

В этот момент я заметил, что потолок начал опускаться все ниже и ниже, превращаясь в огромный пульсирующий волдырь.

— …нормализацию давления, — закончил Стамерс, хватая меня за руку и потащив к выходу. — Ничего не понимаю, — пробормотал он, когда мы неслись по коридору, подталкиваемые в спины воздушным потоком.

Я почти сразу сообразил, в чем дело, когда у входа появилась Фей. Она, уставившись во мрак ниши с контрольным устройством, начала хаотично нажимать на все кнопки.

Стамерс, не останавливаясь, пробежал мимо. Через минуту мы с Фей были как вихрем затянуты в гостиную. Потолок в ней снова поднялся, выжатый из дома воздух под большим напором хлынул за дверь. Видимо, Стамерс успел добежать до аварийного выключателя и отключить питание. Вернувшись к нам, он с округлившимися от пережитого испуга глазами пытался привести в порядок расстегнувшийся ворот рубашки.

— Мы были в шаге от катастрофы, миссис Талбот, — сообщил он дрогнувшим голосом и нервно хохотнул. — Еще немного — и…

Когда мы шли через двор назад к машине, Стамерс снова превратился в бывалого рекламщика, нахваливающего товар:

— Удивительное поместье, мистер Талбот, просто удивительное. Дому всего восемь лет, и какая у него родословная! Вы обратили внимание? Это уникальная возможность для нового начала, для иного бытия…

Я усмехнулся и покачал головой.

— Может быть, но мы все же предпочтем поискать другие возможности.

Планы с Фей на проживание в небольшом городке начинали претерпевать перемену. Мы обдумывали возможность открыть контору для юридических услуг в Ред-Бич, в двадцати милях отсюда. Не только из-за того, что в Ред-Бич царили лишь туман, грязь и завышенные цены на жилье, но и из-за перспективного привлечения новых клиентов из Алых Песков — места, где обитали стареющие звезды кино и безработные магнаты. Это настоящие мастера манипуляций. Прожив в их окружении, я мог бы со временем получить приглашение на ужин или на вечеринку с игрой в бридж. За столом легко было бы поднять тему успешных дел в области наследственных споров или разрешения спорных контрактов, действуя

тактично и ненавязчиво.

В процессе переезда от одной резиденции к другой мы все меньше и меньше надеялись на то, что удастся обнаружить нечто соответствующее нашим требованиям в этом районе. Проходя мимо древнего ассирийского зиккурата — его последний жилец страдал от неистовых судорог, и бедное обиталище до сих пор ходило ходуном, как плясун святого Витта, будто по нему распространялись мощные электрические токи, — мы наткнулись на превращенный в жилище ангар для подводных лодок, чей владелец, по слухам, слыл запойным алкоголиком. Стены его дома, пропитанные влагой и унынием, казались будто насыщенными одиночеством и горечью самого хозяина.

В конце концов, мистер Стамерс, осознав, что не способен нас обмануть, сдался и решил вернуться к реальности. Однако обычные дома оказались не лучше психотропных. Почти каждое здание в Алых Песках было создано в период расцвета экзотической архитектуры, настроенной на биотоки человека. Использование новых биопластиковых материалов побуждало архитекторов к безумным экспериментам. Фанатизм по отношению к новым тенденциям был настолько безудержным,

что многие здания из чувствительных материалов оказались излишне реагирующими на образ жизни и эмоции своих жильцов. Проживание в таком доме было как погружение в чужие мысли и душу без разрешения, постоянное нахождение в радикально неподходящих условиях. Чего может ожидать новый владелец такого дома? Наш первый опыт был неудачным, но мы решили не сдаваться. Да и потом, если есть дома, где царят грусть и болезнь, почему бы не выбрать такой, где остались радость, веселье и смех предыдущих жильцов?

Мы мечтали о таком доме с Фей. Уже целый год что-то менялось в наших отношениях, что-то исчезало, терялось навсегда. Дом с позитивным характером, унаследованным от успешного банкира и его заботливой жены, мог бы помочь нам.

Однако после тщательного изучения каталога я осознал, что такие дома, как в Алых Песках, встречаются очень редко. Здесь можно было найти резиденции агрессивных антисоциальных личностей и телевизионных магнатов, известных многочисленными разводами. Парадоксально, встречались здесь и дома, отмеченные лишь адресом — никаких других дополнительных сведений не предоставлялось.

Из числа таких загадочных объектов выделялся дом № 99 на улице Стеллависта. Напрасно я пытался найти в буклете хоть какие-то данные, пока мы приближались к нему по тропинке через сад. Ничего, кроме фамилии владелицы. Ею оказалась некая мисс Эмма Слэк. Но ни слова не было сказано о ее личности, повадках или психотипе.

С первого взгляда было видно, что здесь жила женщина, предпочитавшая необычные архитектурные формы. Дом напоминал гигантский цветок, расположенный на цементном основании среди ухоженного сада. Каждый из его лепестков вмещал комнату: один — гостиную, другой — хозяйскую спальню и так далее. Лепестки, как расправленные крылья, тянулись над деревьями и достигали ворот. На первом этаже между ними располагалась терраса, обрамляющая маленький бассейн в форме сердца и ведущая к главному зданию. Внутри цветка-дома находились комнаты для прислуги и кухня на двух этажах.

Судя по всему, за домом вполне прилично ухаживали. Пока Стамерс парковал автомобиль, я увлеченно изучал узоры на потолке. Пластик был безупречен, а тонкие линии, соединяющиеся в центре, напоминали вихрь. Стамерс почему-то

не спешил войти в дом, предпочитая демонстрировать нам все интересные детали интерьера жестами, пока мы поднимались по прозрачным ступеням веранды. Похоже, он не мог найти управляющую панель, и я задумался о том, что дом, возможно, был опечатан и законсервирован — так теперь поступают со многими психотропными постройками. Это, впрочем, не означает, что они непригодны для жилья. Наоборот, внутри царит выдержанная атмосфера покоя и уюта.

— Удивительный дом, — выразил я свое восхищение, когда Стамерс показал мне бассейн в форме сердца. Через его стеклянное дно автомобиль, припаркованный внизу, выглядел как яркий рифленый карп, плавающий в глубинах пруда. — Просто потрясающий. А давайте мы его включим!

Стамерс, обойдя меня, прошел на кухню, тараторя:

— Думаю, миссис Талбот следует осмотреть кухню в первую очередь. Не торопитесь, освойтесь с жилищем!

Кухня оказалась просто феноменальной. Полностью автоматизированная, со встроенной мебелью и бытовой техникой самых разных именитых марок. По завершении работы эти

механизмы сами собой прятались в специальных отсеках и шкафах. Это все выглядело как истинное чудо, но я подумал, что среди обилия примочек мне потребуется не менее двух дней, чтобы просто научиться варить яйца всмятку.

Фей с восторгом разглядывала кухонные принадлежности, очарованная их блеском.

— Ого, надо же, тут можно будет организовать производство пенициллина, — сказал я, указывая на буклет. — Почему это здание так дешево продают? Двадцать пять тысяч — это же практически бесплатно!

В глазах Стамерса полыхнул странный огонь. Он усмехнулся мне загадочно, словно давая понять — вот твой шанс, твоя счастливая карта, — и повел меня в зал для отдыха и развлечений, а затем в библиотеку. Он неустанно нахваливал все: сам дом, безупречную работу своей компании за тридцать пять лет, удивительный сад за окном, усаженный вечнозелеными растениями.

Внезапно осознав, что я находился на пределе своих чувств, он активировал жилище. Внутри меня вспыхнуло что-то необъяснимое и яростное, словно молния, — я вдруг почувствовал, что Эмма Слэк была женщиной с необычайной силой.

Плавно шествуя через опустевшую гостиную, я

ощущал, как стены уходят в стороны, двери раскрываются шире, а странные звуки, словно эхо издалека, наполняют помещение. В это время дом напитался каким-то беспокойством; как будто загадочный призрак, возникший за моей спиной, захотел проникнуть в самое мое естество. Каждая из комнат, куда я заходил, чутко реагировала на мое появление, я ощущал чьи-то долго подавляемые эмоции, в любую минуту готовые взорваться и обрести выход. Склонив голову к плечу, я вслушался — и до меня донесся нежный женский шепот или слабый шорох одежды, как будто в комнате была невидимая мне дама в кринолине. Мне даже показалось, будто в углу промелькнула чья-то тень. С каждым прошедшим мигом тут все неуловимо менялось — стабильным оставалось лишь ощущение таинственной тревоги.

— Говард, тебе не кажется, что тут как-то жутковато? — тихо обратилась ко мне Фей, касаясь моего рукава.

— Зато интересно. Неделька пройдет — и все здесь станет по-нашему. Только мы и наши глубокие внутренние миры…

Фей нервно пожала плечами.

— Нет, знаешь, мне это не по душе. Давай просто найдем обыкновенный дом — пускай мистер

Стамерс поможет.

— Но это ведь Алые Пески, а не скучные городские окраины. Здесь всегда и везде жили уникальные, яркие личности…

Я взглянул на Фей и будто увидел ее совершенно новым взглядом — нежное овальное лицо, детский рот и подбородок, белокурую челку, падающую на испуганные глазки, вздернутый носик. Тут я до боли остро осознал, что она — обычная женщина из провинциального городка, мечтающая о жизни в экзотических Алых Песках, но совершенно не представляющая, что это будет за жизнь. Обнимая ее плечи, я подумал о том, как легко было бы найти что-то более простое и уютное, где не нужно было прикидываться кем-то, кем ты не являешься. Стамерс уже ждал нас, и я почувствовал, что наше решение покинуть дом его не удивило. Он пробормотал что-то и отключил дом, после чего сбежал по лестнице.

— Есть такие дома, — заметил он, — принадлежат призракам навечно. Не всякий, вы уж поверьте, захочет делить кров с призраком Глории Тремейн. Не самое доброе соседство.

Тут я встал как вкопанный — меня проняло.

— Глория Тремейн? Но здесь написано, что дом принадлежит Эмме Слэк!

— Все верно. Настоящее имя Глории — Эмма Слэк. Я не хотел вас посвящать в это, хотя вся округа в курсе. Мы не слишком подсвечиваем Глорию, когда предлагаем этот дом. Иначе никто под его своды и шага не ступит.

— Глория Тремейн? — оживилась Фей. — Та кинозвезда, застрелившая мужа, знаменитого архитектора, если не ошибаюсь? Да ведь ты же сам защищал ее в суде — помнишь?

Пока Фей забрасывала агента оживленными вопросами, я повернул голову и увидел озаренную солнцем лестницу, ведущую в гостиную, и вспомнил события десятилетней давности: шумный судебный процесс, увенчавшийся оправдательным приговором, оставивший знак в жизни целого поколения беспечных и безразличных отпрысков тучных времен. Хотя жюри признало Глорию Тремейн невиновной, все были уверены, что она хладнокровно убила своего мужа, архитектора Майлза Вандена Старра, выстрелив в него, пока тот спал в своей постели. Единственное, что спасло ее от наказания, — талант и красноречие адвоката, Даниэля Хэммета. Я, тогда еще начинающий юрист, выступал помощником Хэммета на том процессе.

— Конечно, помню, я был причастен к защи-

те. Много воды с тех пор утекло, — произнес я, придав голосу наигранную безразличность. — Подожди меня в автомобиле, дорогая, пока я уточняю несколько моментов.

И, не дав ей возразить, я бросился по лестнице на веранду и с шумом захлопнул стеклянную дверь. Белые стены, окружающие бассейн, казались мертвыми, будто время замерло между ними навсегда. Вода в бассейне стала неподвижной. Глядя сквозь ее мутное зеркало, я увидел внизу Стамерса и Фей, ожидавших меня у машины. Они казались мне фрагментом из фильма о моем будущем, и я произнес в никуда, ввысь, обращаясь к кому-то незримому: «Да смени же этот кадр, переключи сцену».

В течение трех недель с момента начала процесса я оккупировал адвокатский стол и устраивался в непосредственной близости от подсудимой. Ее лицо, напоминающее маску, и пронзительный взгляд, направленный на свидетелей — шофера, полицейского, врача, соседей, сбежавшихся из-за выстрела, — навсегда запечатались в моей памяти. Глаза ее были лишены каких-либо эмоций или реакции на происходящее, словно она была загадочным экзотическим пауком в кольце обвиняющих жертв. Призывая к ответу, эти жертвы

нить за нитью рвали паутину — а она сидела в ее центре, невозмутимая и спокойная, предоставляя адвокатам карт-бланш… Все та же Снежная Королева, чей образ не сходил с экранов мира пятнадцать долгих лет! Пожалуй, именно манеры и спасли ее в последнюю минуту, поставив в тупик и обескуражив присяжных. Признаться, к концу третьей недели я потерял всякий интерес к судебной тяжбе. Само собой, я помогал Хэммету с бумагами, по его отмашке то и дело открывал-закрывал его красный дипломат — Хэммет утверждал, что это прекрасный способ в нужную минуту сместить фокус внимания присяжных. Сам же я не сводил глаз с Глории Тремейн, тщетно стараясь выискать какой-нибудь человеческий изъян в этом лице-маске, понять, кто же передо мной. Видит бог, в то время я был просто неоперившимся юнцом, беспамятно втрескавшимся в образ, созданный кинорекламой. Но я искренне верил, что влюблен, — и когда суд присяжных вынес оправдательный приговор, для меня Земля вновь закружилась по предписанной ей орбите.

То, что правосудие было попрано, не имело никакого значения. Хэммет, как ни странно, считал Глорию невиновной. Как и многие успешные адвокаты, он строил свою карьеру на принципе

обвинения виновных и защиты невиновных — так он был уверен в достаточно высокой доле успехов, что создавало ему репутацию блестящего и непобедимого адвоката. Когда он защищал Глорию Тремейн, большинство адвокатов думали, что его склонила к отступлению от принципа роскошная взятка от ее студии, но на самом деле он добровольно взялся за это дело. Возможно, Хэммет тоже работал с тайным пристрастием.

Конечно, больше я Глорию не видел. Как только ее следующая картина благополучно вышла в прокат, студия ее бросила. Позже она ненадолго объявилась в розыск по обвинению в употреблении наркотиков после аварии, а затем канула в безвестность больниц для алкоголиков и психиатрических отделений. Когда она умерла через пять лет после этого, немногие газеты уделили ей больше пары строк.

Внизу Стамерс нетерпеливо нажал на клаксон. Пришла пора возвращаться. Я медленно обошел комнаты, обводя взглядом пустую спальню, гостиную, зачем-то провел рукой по гладкой поверхности стен. Понадобилось огромное усилие воли, чтобы память вернула мне все, что я помнил о Глории. Какое счастье теперь — ощущать ее присутствие в каждом уголке, каждой клеточ-

ке этого дома, сохранившего ее облик и потому казавшегося таким близким. Даже призрак ее мужа не сможет быть помехой. Да, той Глории Тремейн, моего кумира, уже нет в живых, но этот дом — храм, отпечатавший в стенах все порывы ее души.

В общем-то, все прошло спокойно. Фей сперва пробовала возражать, но обещание купить ей норковую шубку за счет сэкономленных на покупке дома денег оказалось веским аргументом. Дом стал нашим. Первое время я из предосторожности держал его включенным на минимум, чтобы избежать неминуемого конфликта двух женских аур. Главной проблемой жизни в психотропных домах было сопротивление образов минувшего, записанных в памяти дома, — обычно ее решали, усиливая напряжение электросети. Чем выше интенсивность, тем быстрее память дома освобождается от нежелательных эмоций, оставленных прежними хозяевами, от их привычек, страхов и сомнений. Я хотел подольше сохранить присутствие Глории и поэтому не спешил, убавляя интенсивность в течение дня, когда меня не было дома, а затем включая только те комнаты, где сидел по вечерам.

С самого начала я пренебрегал Фей. Мы оба

были не только озабочены обычными проблемами адаптации, с какими сталкивается каждая супружеская пара, переезжающая в новый дом, — раздевание в хозяйской спальне в ту первую ночь стало для меня практически началом нового медового месяца. Я был полностью погружен в волнующий образ Глории Тремейн, исследуя каждый уголок, каждую нишу дома в поисках чего-то нового, незнакомого в ней.

Вечерами я сидел в библиотеке, чувствуя, как она окружает меня своими волнующимися стенами, витает рядом, пока я опустошаю полки, — льнет ко мне, словно прислуживающий суккуб. Потягивая виски, пока ночь сгущалась над темно-синим бассейном, я тщательно анализировал ее личность, намеренно меняя свое настроение, чтобы вызвать как можно более широкий спектр реакций. Ячейки памяти в доме были идеально настроены, никогда не обнаруживали никаких изъянов по части обратной связи; всегда были спокойны и владели собой. Если я вскакивал со стула и резко переключал электрофон со Стравинского на Стэна Кентона, а затем на «Модерн Джаз Квартет», то без усилий менял настроение и темп.

И все же, сколько времени прошло, прежде

чем я обнаружил, что в этом доме присутствует еще одна личность, и начал ощущать странную жутковатость — ту, что мы с Фей заметили уже тогда, едва Стамерс включил дом? Не прошло и пары недель, как дом все еще откликался на мой восторженный идеализм. В то время как моя преданность ушедшему духу Глории Тремейн была доминирующим настроением, дом соответствующим образом являл себя, воспроизводя только более безмятежные аспекты характера прежней владелицы.

Однако вскоре на идеальную гладь чудо-зеркала легли мрачные тени.

Именно Фей разрушила чары. Она быстро поняла, что на первоначальные реакции накладывались другие, более спокойные и, с ее точки зрения, более опасные — гости из прошлого. Сделав все возможное, чтобы смириться с этим, она предприняла несколько осторожных попыток вывести Глорию из себя, переключая регуляторы дома вверх-вниз, выбирая максимальную отдачу «низких частот» — что подчеркивало мужские отклики — и минимальную вовлеченность более звонких настроенческих мотивов.

Однажды утром я застал ее стоящей на коленях у консоли, ковыряющей отверткой в барабане

памяти, очевидно, в попытке стереть всю информацию из хранилища.

Забрав у нее ключ, я запер консоль и повесил ключ на личную связку.

— Дорогая, ипотечная компания может подать на нас в суд за уничтожение родословной дома. Без нее он не имел бы никакой ценности. Что ты пытаешься сделать?

Фей вытерла руки о юбку и посмотрела мне прямо в глаза, вздернув подбородок.

— Я пытаюсь немного прийти в себя и, если возможно, вернуть себе мужа. Я подумала, что причина кроется где-то здесь.

Я обнял ее за плечи и повел обратно на кухню.

— Дорогая, ты снова что-то надумываешь. Просто расслабься, не пытайся все испортить.

— Надумываю?! Говард, о чем ты говоришь? Разве я не имею права на собственного мужа? Мне надоело делить его с неврастеничкой-убийцей, умершей пять лет назад. Это просто отвратительно!

Я вздрогнул, когда она выпалила это, чувствуя, как стены в коридоре темнеют и отступают, словно защищаясь. Воздух стал затуманенным и вихрящимся, будто в пасмурный грозовой день.

— Фей, ты же знаешь, у тебя талант к преуве-

личениям… — Я огляделся в поисках опоры, на мгновение потеряв ориентацию, когда стены коридора сдвинулись с места. — Ты не представляешь, как тебе повезло…

Я не успел договорить — она перебила меня. Через пять секунд мы уже сцепились в яростной ссоре. Фей отбросила всякую осторожность, как мне кажется, намеренно, в надежде нанести дому непоправимый ущерб, в то время как я по глупости выплеснул наружу свою неосознанную обиду на нее. В конце концов она убежала в свою спальню, а я протопал в разгромленную гостиную и сердито плюхнулся на диван.

Надо мной изгибался и дрожал потолок цвета черепицы, кое-где испещренный сердитыми прожилками, напиравшими друг на друга. Давление воздуха росло, но я чувствовал себя слишком усталым, чтобы открыть окно, и сидел, кипя от черной злости.

Должно быть, именно тогда я осознал присутствие Майлза Вандена Старра. Все отголоски личности Глории Тремейн исчезли, и впервые с момента переезда ко мне вернулось нормальное восприятие окружающего мира. Атмосфера гнева и негодования в гостиной была на удивление стойкой, гораздо более продолжительной, чем

ожидалось после того, что показалось мне всего лишь небольшой размолвкой. Стены продолжали пульсировать и скручиваться в узлы более получаса, еще долгое время после того, как мое собственное раздражение улеглось, и я решил осмотреть комнату с ясной головой.

Гнев, глубокий и саднящий, был явно мужским. Я правильно предположил, что первоисточником был Ванден Старр, спроектировавший дом для Глории Тремейн и проживший в нем больше года до своей смерти. То, что влияния так задевали за живое, означало, что атмосфера слепой, невротической враждебности сохранялась в доме большую часть того времени.

По мере того как негодование постепенно рассеивалось, я мог видеть, что на какое-то время Фей преуспела в достижении своей цели. Безмятежный образ Глории Тремейн исчез. Женский мотив все еще присутствовал, но в более высокой и пронзительной тональности, а доминирующим был явно голос Вандена Старра. Это новое настроение в доме напомнило мне о его фотографиях из зала суда — вот он на концертах групп, популярных в пятидесятые, с Ле Корбюзье и Фрэнком Ллойдом Райтом, вот — расхаживающий по какому-нибудь жилищному комплексу в Чи-

каго или Токио… мелкий диктатор с тяжелой челюстью, выпирающим зобом и большими тусклыми глазами. А вот уже и его бытность в Алых Песках, на кадрах 1970-х он вписывается в курорт для киношников как акула, — в аквариум с золотыми рыбками. Одно было несомненно — именитый архитектор, творец уникальных проектов, обладал сильной и целеустремленной натурой, сочетавшейся с необузданным и непредсказуемым нравом.

У нас с Фей хватало собственных проблем, и появление злобного призрака только усиливало напряженность отношений, сгустило атмосферу до грозовой тучи, что не сулило ничего хорошего. Попытки восстановить дух былой безмятежности были тщетны. Неблагоприятным аспектом психотропных домов является фактор резонанса — диаметрально противоположные личности вскоре стабилизируют свои отношения, и эхо неизбежно отдается новому источнику. Но там, где личности имеют одинаковую частоту и амплитуду, они взаимно усиливают друг друга, и каждая из них для удобства приспосабливается к оппоненту. Слишком скоро я стал походить на Вандена Старра, и мое растущее раздражение по отношению к Фей только усилило враждебность

в доме.

Позже я понял, что на самом деле относился к Фей точно так же, как Ванден Старр в свое время — к Глории Тремейн. Таким образом, мы шаг за шагом повторяли их трагические отношения — и впереди маячили столь же катастрофические последствия.

Фей сразу же почувствовала перемену в настроении дома.

— Что случилось с нашей сожительницей? — съязвила она на следующий вечер за ужином. — Кажется, прекрасный призрак отвергает тебя. Неужели дух сопротивляется, несмотря на слабость плоти?

— Бог его знает, — раздраженно проворчал я. — По-моему, ты тут все испортила. — Я оглядел столовую в поисках Глории Тремейн, но она уже ушла. Фей тоже ушла на кухню, а я сидел над своими недоеденными закусками, тупо уставившись на них, когда почувствовал странную рябь на стене позади себя, серебристую вспышку волнения, улегшегося, едва я поднял взгляд. Я безуспешно пытался сфокусировать на нем внимание — это было первое эхо Глории после нашей ссоры. Но позже тем же вечером, когда я вошел в спальню Фей, услышав, как она плачет,

я снова заметил это.

Фей убежала в ванную. Когда я собирался найти ее, почувствовал тот же отголосок женской тоски. Это было вызвано слезами Фей, но, подобно умонастроению Ванден Старра, пробужденному моим собственным гневом, оно сохранялось еще долго после первоначального импульса. Я последовал за призраком в коридор, но он уже затаился где-то под потолком, едва ощутимый. Начав спускаться в гостиную, я понял, что дом наблюдает за мной, как подстреленный зверь за охотником.

Два дня спустя на Фей напали.

Я только что вернулся домой из офиса, по-детски разозлившись на Фей за то, что она припарковала свою машину на моей стороне гаража. В раздевалке я попытался сдержать свой гнев; сенсорные ядра уловили сигнал и начали высасывать из меня раздражение, выплескивая его обратно в воздух, пока стены раздевалки не потемнели и не закипели.

Я выкрикнул какое-то беспричинное оскорбление в адрес Фей, прохлаждавшейся в гостиной. Секунду спустя она закричала:

— Говард! Скорее!..

Подбежав к гостиной, я бросился на дверь,

ожидая, что она откроется. Но вместо этого она оставалась неподвижной, словно раму вварили в арочный проем. Весь дом казался серым и напряженным, бассейн за окном напоминал резервуар с холодным свинцом.

Фей снова закричала. Я схватился за металлическую ручку и рванул дверь на себя.

Я не сразу увидел жену — она лежала на одном из угловых диванов в центре комнаты, погребенная под провисшим балдахином потолка, рухнувшим на нее. Тяжелый пластекс лился прямо из жерла над ее головой, сформировав шар диаметром в добрый ярд.

Приподняв руками обвисший пластик, я сумел снять его с Фей. Та лежала, раскинувшись на подушках, — наружу из-под шара до этого момента торчали только ноги. Она вывернулась и обняла меня, беззвучно всхлипывая.

— Говард, этот дом сумасшедший! Я думаю, он пытается меня убить!

— Ради всего святого, Фей, не говори глупостей! Просто небольшая поломка. Я думаю, все дело в самопроизвольной аккумуляции сенсорных клеток — может, твое дыхание всему виной.

Я похлопал ее по плечу, вспомнив ее, почти девочку, в первые годы супружеской жизни. Улы-

баясь про себя, я наблюдал, как потолок медленно опускается, а стены становятся светлее.

— Говард, мы можем уехать отсюда? — тихо спросила Фей. — Давай уедем и будем жить в обычном доме. Я знаю, это скучно, но… какая, в сущности, разница?

— Фей, пойми меня, обыкновенные дома не просто скучны, они мертвы. Приди в себя, дорогая, все прошло, все будет отлично, ты скоро привыкнешь…

Я почувствовал, как Фей отпрянула от меня.

— Я не буду здесь жить, Говард, не буду ни за что! Ты вечно занят, ты переменил свое отношение ко мне… — Она снова зарыдала, показывая на потолок и восклицая сквозь слезы: — Если бы я не упала на диван, он убил бы меня! Убил, неужели не понимаешь?

Я понимал ее и даже внутренне был согласен с ней, но в этот момент взгляд мой упал на смятое покрывало на диване.

— Черт побери, Фей, да это же отпечатки твоих каблуков. — Я уже не мог побороть вспыхнувшее раздражение. — Я же просил тебя не валяться в обуви на диване! Это не пляж! Ты же знаешь, как мне это неприятно!

Стены гостиной задвигались, покрываясь тем-

ными пятнами.

Почему Фей вызывала у меня в последнее время такое раздражение? Может быть, я подспудно терзался виной перед ней? Или же я просто слепое орудие нервозности и злобы, накопленных стенами этого дома за то время, пока Глория Тремейн и Майлз Ванден Старр делили здесь кров? И теперь все эта ненависть выплеснулась на нас, на ни в чем не повинную и не такую уж неудачную супружескую пару, дерзнувшую поселиться в проклятом доме номер 99 по улице Стеллависта? О да, я достаточно легко нашел себе оправдание. К тому же, уговаривал я себя, мое увлечение Глорией Тремейн всегда было платоническим, а вовсе не роковой страстью, заводящей ум за разум.

Однако Фей не стала меня слушать. Она не захотела ждать дальнейшего развития событий, и через два дня, вернувшись из конторы, я нашел в кухне магнитофонную записку от нее. Жена сообщала, что больше не может терпеть ни этот дом, ни мое отношение к ней и переезжает на восток, к сестре.

Если быть откровенным, то первое, что я ощутил, прочитав послание Фей, было облегчение, почти радость, пришедшую на смену привычному раздражению. Я видел вину Фей в том, что

дух Глории покинул дом, освободив простор для Вандена Старра, и верил, что теперь Глория возвратится и моя юношеская влюбленность оживет.

Я был прав лишь отчасти. Глория Тремейн действительно вернулась, но не в той роли, какую я от нее ожидал. Я, помогавший защищать ее на суде, должен был знать о ней чуть больше…

* * *

Через несколько дней после отъезда Фей я осознал, что дом обрел самостоятельное существование, его закодированные воспоминания высвобождались независимо от моего собственного поведения. Часто, когда я возвращался вечером, желая расслабиться за половиной графина шотландского виски, я заставал призраков Майлза Вандена Старра и Глории в полете. Мрачная и угрожающая личность Старра вытесняла хрупкую, но все более жизнестойкую сущность его жены. Это сопротивление, подобно удару рапиры, можно было наблюдать буквально — стены гостиной напрягались и темнели в вихре гнева, осаждающего небольшой очаг света, скрывающийся в одной из ниш. Темный гнев желал стереть ее присутствие, но в последний момент

образ Глории проворно ускользал, оставляя комнату в бурлении и судорогах.

Фей оставила после себя дух протеста и сопротивления, и Глория попробовала испытать этот новый для нее путь. Наблюдая, как она осваивалась в этой роли, я боялся упустить мельчайшую подробность и поэтому включил дом на всю мощность, даже не думая о том, как это отразится.

Как-то раз ко мне заехал Стамерс для обычной проверки исправности механизмов. Момент был не из самых удачных: дом бился в эпилептическом припадке и все время менял цвет, точно подвергаемый пыткам кальмар. Я сухо поблагодарил за внимание и поспешил отделаться от него. Позднее он рассказывал, как бесцеремонно я захлопнул перед ним дверь и вообще в ту минуту я был похож на маньяка. Как сумасшедший, я метался по темным комнатам обезумевшего дома, и все это напоминало сцены ужасов из трагедий времен королевы Елизаветы. Незаурядный интеллект Майлза Вандена Старра, мощь его личности подавляли меня. Я все больше убеждался, что он стремится довести Глорию Тремейн до безумия. Зачем ему это было нужно? Быть может, он завидовал ее громкой славе, а может быть, она просто изменяла ему? В конце концов, это

было уже неважно — просто однажды Глория, не вынеся травли, выстрелила в него. И это был акт самообороны.

Через два месяца Фей подала на развод. В отчаянии я позвонил ей и объяснил, что был бы признателен, если бы она отложила рассмотрение дела, поскольку огласка, вероятно, погубила бы мою новую адвокатскую контору. Однако Фей хранила непреклонность. Что меня больше всего раздражало, так это то, что ее голос звучал лучше, чем когда-либо за последние годы, она снова была по-настоящему счастлива. На все мои просьбы не спешить она отвечала категорическим отказом и сообщила, что снова собирается замуж. Назвать имя своего будущего супруга она тоже отказалась. Это стало для меня последней каплей.

Дойдя до последней точки, я швырнул трубку на рычаг. Работать в таком состоянии я уже не мог и, обив пороги нескольких баров в Ред-Бич, решил вернуться назад в Алые Пески. Я проехал по улице Стеллависта, к девяносто девятому дому, как оперативная группа из одного человека, скосив большую часть магнолий на подъездной дорожке и загнав машину в гараж лишь с третьей попытки — после того, как разбил обе автоматические двери.

Ключи застряли в дверном замке, и в конце концов мне пришлось выбивать ногой одну из стеклянных панелей. Взбежав по лестнице на затемненную террасу, я швырнул шляпу и пальто в бассейн и бросился в гостиную. К двум часам ночи, когда я смешал себе коктейль на ночь в баре и включил на электрофоне финальную часть «Гибели богов», дом напитался негативными эмоциями до отказа, как ромовая баба.

По дороге в спальню я заглянул в комнату Фей — проверить, до сих пор ли сильна во мне память о ней, и попробовать как-нибудь поэффективнее избавиться от нее. Я засадил по платяному шкафу ногой, сорвал с кровати матрац и бросил на пол, осыпая свою уже бывшую женушку самыми нелестными эпитетами. Вскоре после трех я заснул. Дом клубился вокруг меня подобно безумной диораме.

Было, наверное, часа четыре, когда меня разбудила странная тишина в моей спальне. Я лежал поперек кровати с пустым стаканом в одной руке и потухшей сигаретой в другой. Стены были неподвижны, их не коробили даже остаточные вихри, обычно проносящиеся по психотропному дому, когда его обитатели спят.

Что-то изменило привычный вид комнаты. Пы-

таясь сфокусироваться на сером своде потолка, я прислушался к шагам снаружи. И действительно, стена коридора стала опускаться. Арка, обычно представляющая собой проем шириной в шесть футов, поднялась, пропуская кого-то. Внутрь ничего не проникло, но комната расширилась, чтобы вместить еще кого-то. Потолок стал подниматься вверх. Поразившись, я старался не двигать головой, наблюдая, как странное давление быстро перемещается по комнате к кровати. Это движение затенял небольшой купол на потолке.

Давление сосредоточилось в изножье кровати и омертвело на несколько секунд. Но вместо того чтобы стабилизироваться, стены начали быстро вибрировать, сотрясаясь странными неуверенными толчками.

Затем внезапно в комнате воцарилась тишина. Секунду спустя, когда я приподнялся на локте, комнату сотряс сильный спазм, стены прогнулись, а кровать оторвалась от пола. Весь дом начал трястись и корчиться, охваченный этим приступом! Спальня сжималась и расширялась, как камера умирающего сердца, потолок поднимался и опускался.

Я оперся на качающуюся кровать, и постепенно судороги прекратились, стены выровнялись. Я

встал, задаваясь вопросом, какой безумный кризис вызвал этот эффект.

В комнате было темно, слабый лунный свет проникал через три маленьких круглых вентиляционных проема позади кровати. Они сжимались по мере того, как стены смыкались друг с другом. Прижав ладони к потолку, я почувствовал, как сильно он опускается. Края пола сливались со стенами, и комната превратилась в сферу.

Давление воздуха нарастало с каждой минутой. Задыхаясь, я пытался добраться до вентиляционных решеток и уцепиться за них. Но края сужались, стискивая кисти моих рук.

Сжатый воздух со свистом рвался наружу, и я из последних сил прижимался к решеткам лицом, стараясь поймать хоть один глоток холодного ночного воздуха, а руками судорожно раздвигал неподатливый пластик, не давая отверстиям в стене окончательно захлопнуться. Я вспомнил, что аварийный выключатель находится где-то за дверью в дальней комнате. Сгруппировавшись как пловец, я перебросил свое тело через кровать и достиг двери, но выключатель уже исчез под массой текучего пластика.

Я рванул душивший меня галстук. Ловушка захлопнулась: я погибал в этой комнате, воспро-

изводящей предсмертные конвульсии Майлза Вандена Старра, когда пуля Глории попала ему в грудь. Судорожно искал я в карманах перочинный нож, но рука наткнулась на зажигалку.

Слабый ее огонек осветил всю спальню, принявшую вид серой сферы. Диаметр этой тюрьмы насчитывал от силы несколько шагов, на стенах вспучились какие-то подобия вен. На моих глазах остов кровати, зажатый в тесноте, согнулся и треснул.

Я судорожно пытался придумать выход. Стоп, да ведь спасение — у меня в руке! Я поднес зажигалку к опустившемуся потолку, и огонек лизнул серую массу. Она сразу пошла пузырями, стала плавиться и вдруг вспыхнула и вся разорвалась наискось, открыв щель, напоминавшую огромные, дышащие огнем губы.

Когда шар комнаты наконец лопнул, обнажились кривая часть коридора и оплывающий потолок столовой. Скользя по расплавленному пластику, весь обожженный, я выбрался из спальни. Казалось, дом рушился на глазах — стены прогнулись, полы утратили форму. Вода полилась из бассейна, когда здание накренилось на раздавшемся фундаменте. Стеклянные плиты лестницы были разбиты вдребезги; из стен тор-

чали острые, как бритва, зубья.

Я вбежал в спальню Фей, нашел кнопку и включил пожарную сигнализацию.

Дом все еще дрожал, но мгновение спустя закрылся и застыл. Я прислонился к покореженной стене и позволил струям разбрызгивателя обдать мое лицо.

Покореженные комнаты-лепестки дома поникли, как у погибшего цветка.

...Позже, стоя на вытоптанных цветочных клумбах, Стамерс смотрел на дом с выражением благоговения и недоумения на лице. Было чуть больше шести часов. Последняя из трех полицейских машин уехала, и старший лейтенант, наконец, признал свое поражение.

— Черт возьми, я же не могу арестовать дом за попытку убийства, не так ли? — спросил он меня несколько воинственно. Услышав это, я расхохотался, и мое первоначальное потрясение сменилось почти истерическим весельем.

Стамерсу было так же трудно понять меня.

— Что, черт возьми, вы там делали? — спросил он, понизив голос до шепота.

— Ничего. Говорю же, крепко спал. Успокойтесь — дом не подслушает вас. Я отключил питание.

Мы побрели по утоптанному гравию, а затем

— вброд, через разлитую воду. Натекшие из бассейна лужи походили на осколки черного зеркала. Стамерс покачал головой.

— Дом сошел с ума, — пробормотал он. — Тут без психиатра не разберешься…

— Да, вы правы, — сказал я ему. — На самом деле именно в этом и заключалась моя роль — реконструировать первоначальную травмирующую ситуацию и высвободить вытесненный разрушительный потенциал.

— И вы еще шутите? Вы чуть не погибли там!

— Не говорите глупостей. Настоящий преступник — Ванден Старр. Но, как дал понять лейтенант, нельзя арестовать человека, мертвого вот уже десять лет. Это было скрытое воспоминание о его смерти — оно и пыталось убить меня. Даже если Глория Тремейн была готова нажать на курок, Старр направил пистолет на меня. Поверьте мне — я жил его ролью пару месяцев. Что меня беспокоит, так это то, что если бы у Фей не хватило здравого смысла уйти, она могла бы, загипнотизированная образом Глории Тремейн, убить меня.

К большому удивлению Стамерса, я решил остаться в доме на улице Стеллависта. Помимо того, что у меня не было достаточно денег на другое

жилье, этот дом вызвал у меня теперь определенные ассоциации — такие, что терять почем зря не хотелось. Глория Тремейн все еще обитала в нем, и я был уверен, что Ванден Старр наконец-то упокоился с миром. Кухня и подсобные помещения по-прежнему функционировали, и, если не считать искаженной формы, большинство комнат все еще были пригодны для жилья. Кроме того, мне требовался отдых — и нет ничего более располагающего к нему, чем неподвижный дом.

Конечно, в своем нынешнем виде дом № 99 на улице Стеллависта вряд ли можно рассматривать как типичное статичное жилище. Тем не менее деформированные комнаты и извилистые коридоры обладают такой же индивидуальностью, как и у любого психотропного дома. Контрольный процессор все еще работает, и однажды я включу его снова. Но меня беспокоит одна вещь. Сильные судороги, сотрясшие дом, возможно, каким-то образом повлияли на личность Глории Тремейн. Жить с этим, возможно, опасно, но в этом доме есть неуловимое очарование даже в его искаженном виде — как в двусмысленной улыбке красивой, но безумной женщины.

Временами я открываю пульт управления и изучаю элементы памяти. Ее личность, какой бы

она ни была, остается там. Нет ничего проще, чем стереть ее. Но я не могу.

Я знаю, что скоро, вне зависимости от результата, мне придется снова включить этот дом.

1961

The Thousand Dreams of Stellavista. Первая публикация в журнале *Amazing*, март 1962.

Перевод О. Макеевой

Тринадцать человек летят к Альфе Центавра

Авель *все знал*.

Три месяца назад, сразу после своего шестнадцатого дня рождения, он догадался обо всем — но, будучи слишком ошеломленным логикой своего открытия, так и не набрался уверенности, чтобы поговорить с родителями. Иногда, лежа на спине в полусне на своей кровати, пока мать напевала фольклорный мотивчик себе под нос, он умышленно давил в себе знание — но оно всегда возвращалось, настойчиво изводя его, заставляя отвергать большую часть того, что он долгое время рассматривал как *реальный мир*.

Никто из других детей на Станции не мог помочь. Они были поглощены своими забавами в игровой комнате или жевали карандаши, горбатясь над домашними заданиями.

— Авель, ты как? — окликнула его Зенна Питерс, когда он бросился в пустое хранилище на палубе Д. — Снова какой-то грустный…

Авель заколебался, наблюдая за теплой недоуменной улыбкой Зенны, затем сунул руки в

карманы и сбежал по металлической лестнице, попутно проверив, что она не последовала за ним. Однажды она прокралась в кладовую без приглашения, когда он выкручивал лампочку, и застала его врасплох. Лампочка разбилась — три недели Приведения в Кондицию насмарку. Док Фрэнсис был вне себя.

Торопливо шагая по коридору палубы Д, он внимательно прислушивался, не появится ли доктор. В последнее время тот присматривал за Авелем — даже в игровой комнате, поверх всех пластмассовых новообразований, что сходили здесь за игрушки. Возможно, мать рассказала ему о преследующих Авеля кошмарах — из них он выныривал, весь взмокший от ужаса, и перед его глазами неизменно стоял образ тускло горящего диска.

Если бы только доктор Фрэнсис мог избавить его от этих неурядиц…

Через каждые шесть ярдов коридора он проходил сквозь переборку и лениво прикасался к тяжелым блокам управления по обе стороны дверного проема. Намеренно расфокусировав свой разум, Авель различил несколько букв над переключателями: П… М…ТЕОР…НЫЙ Щ…Т — но все это быстро теряло смысл, фраза никак не

складывалась целиком. Слишком уж сильное воздействие оказывало Приведение в Кондицию. Приглашенная однажды Авелем в кладовую Зенна все-таки смогла прочесть что-то из этого — но доктор Фрэнсис увел ее, прежде чем она смогла что-либо пересказать. Несколько часов спустя, вернувшись, Зенна уже ничего не помнила.

Как обычно, войдя в кладовую, он подождал несколько секунд, прежде чем включить свет, и увидел перед собой маленький, тускло горящий диск. Именно эта штука в его снах внезапно расширялась — и заполняла его мозг светом, сопоставимым с мощностью тысяч дуговых ламп. Диск казался бесконечно далеким, но в то же время каким-то странно притягательным — он пробуждал дремлющие области сознания, близкие к тем, что реагировали на присутствие матери.

Диск стал расти, и Авель тронул выключатель. К его удивлению, в комнате по-прежнему царила темнота. Он зашарил рукой по стене и вдруг удивленно вскрикнул.

Свет зажегся внезапно.

— Привет, Авель, — непринужденно бросил доктор Фрэнсис, правой рукой вставляя лампу в гнездо. — Не ожидал меня тут увидеть? Я по-

думал, что мы могли бы вместе обсудить твое сочинение. — Он привалился спиной к металлическому ящику и достал тетрадь из кармана своего белого пластикового костюма. Авель с трудом сел. Несмотря на сухую улыбку и теплые глаза, в докторе Фрэнсисе было что-то такое, что всегда настораживало мальчика.

Возможно, доктор Фрэнсис тоже *обо всем знал*?

— «Закрытые сообщества», — зачитал доктор Фрэнсис. — Какая необычная тема.

Авель пожал плечами.

— Нам сказали выбрать тему самим. То есть на что-то необычное и рассчитывали.

Доктор Фрэнсис усмехнулся:

— Хороший ответ. Но, серьезно, Авель, — зачем выбирать именно *такую* тему?

Авель потрогал уплотнители на своем костюме. Они не служили никакой полезной цели, но, продувая их, можно было нагнетать воздух внутрь.

— Ну, это все — своего рода исследование жизни на Станции, как мы все ладим друг с другом. О чем еще тут можно написать? Не вижу в выборе темы ничего странного.

— Может, и так. Действительно, нет никаких причин не писать о Станции. Четверо других учеников тоже написали именно о ней. Но только

ты назвал ее «*закрытым сообществом*».

— «Закрытым» в том смысле, что мы не можем покинуть ее пределы, — медленно пояснил Авель. — Вот и все, что я имел в виду.

— Покинуть пределы… — повторил за ним доктор Фрэнсис. — Интересная концепция. И ты, полагаю, много думал над этим вопросом. А с чего все началось, помнишь?

— С того сна, — сказал Авель.

Доктор Фрэнсис сделал акцент на повторенных за ним словах — и мальчик размышлял, как теперь, будучи в таких жестких рамках, перейти к сути дела. Он нащупал в кармане маленький отвес, который в последнее время вечно таскал с собой.

— Доктор Фрэнсис, возможно, вы сможете мне кое-что объяснить. Почему наша Станция вращается?

— А она вращается? — Доктор с интересом уставился на него. — Откуда ты узнал?

Авель протянул руку и прикрепил отвес к потолочной стойке.

— Расстояние между грузом и стеной внизу примерно на одну восьмую дюйма больше, чем вверху. Центробежные силы выталкивают его наружу. Я подсчитал, что станция вращается со

скоростью около двух футов в секунду.

Доктор Фрэнсис задумчиво кивнул.

— Все так, — сказал он как ни в чем не бывало и встал. — Давай-ка пройдем в мой кабинет. Похоже, нам пора серьезно поговорить.

Станция располагалась на четырех уровнях. На двух нижних располагались помещения экипажа — две округлые палубы с каютами, где размещались четырнадцать человек. Старшими среди кланов были Питерсы, возглавляемые капитаном Феодором — суровым крупнотелым мужчиной молчаливого нрава, редко терявшим самообладание. Авелю никогда не разрешалось бывать на капитанском мостике, но сын Феодора, Мафусаил, описывал тихую куполообразную каюту, полную разных сияющих циферблатов и блестящих огоньков, а также звуков странной жужжащей музыки.

Все мужчины клана Питерсов работали в Управлении и вместе с женой капитана и Зенной составляли элиту Станции. Дедушка Питерс, этот седовласый старик с веселыми глазами, служил капитаном еще до рождения Авеля.

Однако Грейнджеры — клан, к которому принадлежал Авель, — были во многих аспектах важнее, как он начал понимать. Ежедневное

управление Станцией, детальное планирование аварийных учений, составление списков дежурств и меню в столовой лежали на отце Авеля, Матфее, и без его твердой, но изворотливой руки Бейкеры, убиравшие жилые помещения и заведовавшие столовой, никогда бы не знали, что делать. Кроме того, продуманное совместное времяпрепровождение, придуманное его отцом, сблизило Питерсов и Бейкеров, иначе каждая семья жила бы своим умом, не покидая отведенный ей жилой комплекс.

Из схемы выпадал доктор Фрэнсис. Он не принадлежал ни к одному из трех кланов. Авель порой спрашивал себя, откуда взялся этот человек, но его разум всегда туманился от подобных вопросов, утыкаясь, как в стену, во вшитую Приведением в Кондицию блокаду. На Станции логика была и оставалась опасным орудием. Энергия и жизнелюбие доктора Фрэнсиса, его непринужденное добродушие — он, похоже, был единственным, кто когда-либо шутил на Станции, — были несвойственны всем остальным. Как бы сильно Авель ни недолюбливал доктора Фрэнсиса за то, что тот сует нос не в свое дело и все знает, он понимал, какой унылой оказалась бы жизнь на Станции без этого человека.

Доктор Фрэнсис закрыл дверь своей каюты и жестом пригласил Авеля сесть. Вся мебель на станции была привинчена к полу, но Авель заметил, что доктор Фрэнсис открутил свой стул, чтобы можно было двигать его туда-сюда. Из стены выступал огромный герметичный цилиндр спального отсека доктора. Массивный металлический корпус был способен выдержать любую аварию, какая только могла произойти на станции. Авелю претила мысль о том, чтобы спать в цилиндре — к счастью, все помещения экипажа были защищены от несчастных случаев, — и он недоумевал, почему доктор Фрэнсис предпочел жить один на палубе А.

— Скажи мне, Авель, — начал доктор Фрэнсис, — тебе никогда не приходило в голову задать вопрос, почему Станция находится *именно здесь?*

Тот пожал плечами.

— Ну, она создана для того, чтобы поддерживать нашу жизнь. Она — наш дом.

— Ты прав. Но очевидно, что у нее есть какая-то другая цель, кроме нашего собственного выживания. Как думаешь, кто построил ее?

— Наши отцы, я полагаю, или деды. Или деды их дедов.

— Хороший ответ. А где они жили до постройки Станции?

Авель с трудом попытался увести допрос в абсурд:

— Не знаю, честно. Наверное, просто парили в космосе.

Доктор Фрэнсис зычно захохотал.

— Замечательная мысль. На самом деле это не так уж далеко от истины. Но мы не можем принять эту версию, сам понимаешь.

Автономность кабинета доктора натолкнула Авеля на дельную мысль.

— Возможно, они прибыли с другой станции? Еще большей, чем наша?

Доктор Фрэнсис ободряюще кивнул:

— Блестяще, Авель! Первоклассная дедукция. Хорошо, тогда давай предположим, что где-то далеко от нас существует огромная Станция — возможно, в сто раз больше этой, а может, и в тысячу. Почему бы и нет?

— Почему бы и нет, — признал Авель, с удивительной легкостью приняв эту идею.

— Прекрасно! Теперь вспомни курс классической механики. Помнишь, мы теоретически обсуждали возможность существования планетарных систем — с планетами, вращающимися

по орбитам и удерживаемыми силами взаимного тяготения? Допустим, что подобная система взаправду существует…

— Где? — тут же уточнил Авель. — В этой каюте? — На всякий случай он добавил, продолжая давить на абсурд: — В вашем спальном отсеке?

Доктор Фрэнсис откинулся на спинку стула.

— Ну, Авель, и мысли же приходят тебе в голову! Конечно же нет. Такая система слишком велика для каюты. Попытайся представить скопление планет, вращающихся вокруг некоего небесного тела абсолютно огромных размеров. В сравнении с этим телом планеты довольно-таки малы, хотя и каждая из них — в миллион раз больше Станции.

Авель кивнул, и доктор продолжил:

— Предположим, большая Станция, в тысячу раз больше нашей, крепилась к одной из планет, и ее обитатели решили отправиться на другую планету. Они построили станцию поменьше, примерно такого же размера, как эта, и отправили ее в космос. В этом есть смысл?

— В общем-то да. — Как ни странно, Авель без особого труда мог представить себе все эти отвлеченные допущения. В глубине его ума шевельнулись смутные воспоминания и связались

с тем, что он уже знал о Станции. Он пристально посмотрел на доктора Фрэнсиса. — Вы хотите сказать, что Станция занимается именно этим? Что планетная система существует?

Доктор Фрэнсис кивнул.

— Ты и сам об этом, полагаю, догадался раньше. Подсознательно — знал об этом уже несколько лет. Через несколько минут я уберу ряд блоков в твоем сознании, и, проснувшись через пару часов, ты все поймешь. Тогда ты узнаешь, что Станция на самом деле — космический корабль, летящий с нашей родной планеты Земля, где родились наши деды, на другую планету, находящуюся за миллионы миль отсюда, в отдаленной орбитальной системе. Наши деды всегда жили на Земле, и мы — первые люди, совершившие такое путешествие. Ты можешь гордиться тем, что находишься здесь. Твой дедушка был великим человеком — и мы должны сделать все, чтобы Станция продолжала работать.

Авель скромно кивнул.

— А когда мы прибудем на целевую планету?

Доктор Фрэнсис опустил взгляд на свои руки, и его лицо помрачнело.

— Нас там никогда не будет, Авель. Путешествие занимает слишком много времени. Этот

космический корабль рассчитан так, чтобы за его исправность отвечали будущие поколения. На целевую планету приземлятся лишь наши дети — да и они к тому моменту уже состарятся. Но не переживай. Ты и впредь будешь считать Станцию своим единственным домом. Это сделано ради тебя — чтобы ты и твои дети были здесь счастливы.

Он подошел к экрану телевизионного монитора, с помощью которого поддерживал связь с капитаном Питерсом, и его пальцы забегали по кнопкам управления. Вдруг экран засветился, в каюте вспыхнули яркие точки света, отбрасывая яркий фосфоресцирующий отблеск на стены, на руки и костюм Авеля. Он уставился на огромные огненные шары, по-видимому застывшие в эпицентре гигантского взрыва и образовывавшие огромные узоры.

— Это небесная сфера, — объяснил доктор Фрэнсис. — Звездное поле, цель нашей Станции. — Он коснулся яркого пятнышка в нижней части экрана: — Это — Альфа Центавра, звезда, вокруг которой вращается планета, на чью поверхность мы однажды приземлимся. — Он повернулся к Авелю: — Ты ведь помнишь все эти термины, не так ли? Ни один из них не кажется тебе стран-

ным.

Авель кивнул, и по мере того, как доктор Фрэнсис говорил, в его сознание хлынули токи подсознательной памяти. Экран погас, а затем на нем появилось новое изображение. Казалось, они смотрят вниз на огромную шпилеподобную структуру; крылья металлического пилона клонились в сторону центра. На заднем плане скопление звезд медленно вращалось по часовой стрелке.

— Это — Станция, — объяснил доктор Фрэнсис. — Вид с камеры, установленной на носовой мачте космолета. Вести прямые наблюдения рискованно — излучение некоторых звезд опасно для зрения. Непосредственно под Станцией можно видеть большую звезду — это Солнце. Из солнечной системы мы стартовали полвека назад, а сейчас так удалились от нее, что звезда едва различима. Но ее вид глубоко внедрился в твое подсознание. Вот откуда приходит в твои сны огненный диск… Мы сделали все что могли, чтобы стереть этот образ, но подсознание хранит его все равно. — Он погасил экран — яркий световой узор содрогнулся и исчез. — Социальное устройство нашего корабля в чем-то даже сложнее технологического, Авель. Прошло уже три поколения с

тех пор, как Станция отправилась в космос. Пока что циклы рождений и смертей соответствуют изначальному плану. От тебя, как от наследника твоего отца, будет требоваться большое терпение и понимание. Любая разобщенность здесь, на борту, приведет к катастрофе. Программы подготовки не способны дать тебе ничего, кроме общих указаний о том, как следует себя вести. Большая часть успеха зависит от тебя самого.

— А вы всегда будете с нами?

Доктор Фрэнсис встал.

— Нет, Авель, не буду. Никто из людей не вечен. Умрут и твой отец, и капитан Питерс, и я. — Он направился к двери. — Сейчас мы займемся Приведением в Кондицию. Проснувшись через три часа, ты почувствуешь себя новым человеком.

Вернувшись в свою каюту, Фрэнсис устало прислонился к переборке, ощупывая тяжелые заклепки, тут и там отходящие по мере того, как металл медленно ржавел. Когда он включил телевизор, у него был усталый и подавленный вид, и он рассеянно уставился на последнюю сцену, показанную Авелю, — вид корабля с камеры наблюдения. Он уже собирался переключить воспроизведение, когда загадочная тень скользнула по корабельному корпусу. Настороженно подав-

шись вперед, к экрану, доктор прищурился — но тень уже промелькнула и растаяла среди звезд. Доктор переключил вид, и экран превратился в шахматную доску с клетками пять на пять. Верхняя линия камер показывала Контрольный Офис, основную пилотную и навигационную палубы, освещенные тусклым светом приборных панелей, и еще — капитана Питерса, сидящего перед компасным экраном с безучастным видом.

Затем, на глазах у доктора, Матфей Грейнджер начал дневной осмотр корабля. Пассажиры вроде как всем довольны — только лица у них какие-то… ну, немного безжизненные. Все они проводили по меньшей мере пару часов в день, купаясь в ультрафиолетовых лучах, заливавших комнату отдыха, но бледность сохранялась — возможно, из-за глубинного осознания того, что они родились и живут там же, где упокоятся. Без постоянных сеансов Приведения в Кондицию и аудиогипноза они бы давно уже превратились в лишенных воли роботов из плоти.

Погасив монитор, доктор приготовился забраться в спальный цилиндр. Воздушный шлюз был трех футов в диаметре, на высоте талии от пола. Таймер был установлен на ноль, и он перевел его на двенадцать часов вперед, затем

установил так, чтобы его можно было отключить только изнутри. Фрэнсис открыл замок, закинул тело на матрас из пенопласта, закрыл отсек. Откинувшись на спину в слабом желтом свете, он просунул пальцы сквозь вентиляционную решетку на задней стенке, вставил устройство в гнездо и резко повернул его. Где-то коротко пискнул электродвигатель, торцевая стенка цилиндра медленно, как дверь в хранилище, открылась, и внутрь хлынул яркий дневной свет.

Фрэнсис быстро взобрался на небольшую металлическую платформу, выступавшую из верхнего склона огромного белого купола, покрытого асбестом. В пятидесяти футах над ним виднелась крыша большого ангара. Лабиринт труб и кабелей пересекал поверхность купола, переплетаясь, как сосуды гигантского, налитого кровью глаза, а узкая лестница вела на нижний этаж. Весь купол, шириной около ста пятидесяти футов, медленно вращался. У складского помещения в дальнем конце ангара выстроилась вереница из пяти грузовиков, и мужчина в коричневой униформе помахал ему рукой из одного из офисов со стеклянными стенами.

Достигнув подножия лестницы, Фрэнсис спрыгнул на пол ангара, не обращая внимания на

пытливые взгляды солдат, разгружавших поставки.

Пройдя половину намеченного пути, он вытянул шею, разглядывая мерно вращающуюся громаду купола. Перфорированный парус площадью пятьдесят квадратных футов, черный, как космос, и смахивающий на фрагмент крыши планетария, был подвешен к крыше над вершиной станции, и прямо под ним висела телекамера. Большую металлическую сферу от ее объектива отделяли жалкие пять футов. Один из канатов оборвался, и парус слегка накренился, явив по центру крыши лакуну, через которую хорошо просматривался навесной мост для персонала.

Фрэнсис указал на это сержанту-ремонтнику, гревшему руки у одного из вентиляционных выходов из Станции:

— Нужно заделать. Какой-то дурак шлялся по мосту и отбрасывал тень прямехонько на модель. Я отследил по камере — хорошо, что никто из экипажа не спохватился!

— Будет сделано, док. Исправим. — Сержант кисло усмехнулся. — А забавно было бы, если б кто-то внутри заметил. Вот бы они всполошились. Решили бы, что встретили инопланетян.

Насмешка в голосе собеседника оскорбила док-

тора Фрэнсиса.

— Им и без инопланетян есть о чем беспокоиться, поверьте.

— А я думаю иначе, док. Кое-кто из наших ребят уже открыто завидует жизни на Станции. Там, внутри, тихо и тепло, делать нечего, только сидишь сложа руки и слушаешь гипнотические распевки. — Сержант окинул кислым взглядом заброшенный аэродром, простиравшийся до просторов холодной тундры за периметром, и поднял воротник. — Мы здесь, на Матери-Земле, все еще трудимся на этой Богом забытой свалке. Если вам вдруг понадобятся еще космокадеты, доктор, — замолвите за меня словечко.

Доктор Фрэнсис выдавил из себя улыбку и поспешил в диспетчерскую, пробираясь мимо клерков, сидящих за эстакадами таблиц, перед графиками прогресса эксперимента. Каждый из них вносил имя одного из пассажиров Станции в общий реестр и приводил в таблице разбивку по результатам психометрических тестов и программ подготовки. На других таблицах были указаны списки опрашиваемых за день — точные копии тех, что были опубликованы тем утром Матфеем Грейнджером.

* * *

В кабинете полковника Чалмерса Фрэнсис благодарно расслабился в тепле, живописуя самую суть своих дневных наблюдений.

— Хотел бы я, чтобы ты мог пойти туда и повидать их, Пол, — заключил он. — Это не то же самое, что шпионить через телевизионные камеры. Ты должен поговорить с ними — испытать себя общением с такими людьми, как Грейнджер и Питерс.

— Я знаю, там полно славных ребят. Жаль только, что они там прозябают напрасно.

— Ничего подобного, — пылко возразил Фрэнсис. — Каждая крупица данных эксперимента окажется на вес золота — когда мы запустим реальные корабли в космос.

— Не «когда», а «если», — чуть слышно пробормотал полковник, но доктор Фрэнсис эти слова проигнорировал, продолжая как ни в чем не бывало:

— Разве что меня слегка тревожат Зенна и Авель. Может, лучше поскорее сосватать их? Я знаю, решение спорное, но в свои пятнадцать эта девчонка — такая же полноценно зрелая, как восемнадцатилетние; она — акселерат. Для

Авеля этот брак может стать очень полезным — он обретет душевное равновесие, отвлечется, перестанет столько размышлять.

Чалмерс с сомнением покачал головой.

— Идея, может быть, и неплохая, но брак между детьми пятнадцати и шестнадцати лет… Роджер, ты поднимешь бурю. Люди на Станции все еще подчиняются законам внешнего мира, и кто угодно может подать судебный иск. Любой комитет оценки нравственности вгрызется в нас, как пес — в мясо.

Фрэнсис только отмахнулся:

— А для чего ставить внешний мир в известность? Авель создает нам крупные проблемы. Мальчишка чересчур сообразителен. Представь, он самостоятельно выяснил, что Станция — это космический корабль. Ему просто не хватило словарного запаса, чтобы внятно изложить свою догадку, — но она верна. Теперь, когда часть его воспоминаний разблокирована, он захочет и все остальное выведать. Предстоит большая работа, чтобы он не почуял неладного, — особенно если учитывать то, как халатно в последние годы осуществляется управление экспериментом. Ты же видел ту тень на экране? Нам чертовски повезло, что Питерса не хватил сердечный приступ.

Чалмерс кивнул.

— Я подтяну управление. Мелкие ошибки неизбежны, Роджер. Парни, работающие здесь, снаружи купола, трудятся на износ, и ты это знаешь. Не забывай, люди снаружи столь же важны, как и те, что внутри.

— Конечно. Настоящая проблема в том, что по нынешним экономическим меркам бюджет, выделяемый на эксперимент, попросту смехотворен. Его за последние пятьдесят лет всего один раз пересмотрели. Может, генерал Шорт сумеет найти заинтересованных инвесторов в частном секторе? У него-то и хватка имеется, и связи.

Чалмерс скептически поджал губы, но Фрэнсис продолжал:

— Потихоньку наши пациенты перестают приходить в Кондицию. Гипнопрактики уже не так хороши, как раньше, — возможно, их мозги выработали устойчивость. Боюсь, такими темпами придется переходить на медикаментозную обработку. Видишь же, мне уже пришлось кое-что рассказать Авелю…

— Да, я наблюдал за вами через камеры. Ребята из отдела управления экспериментом очень разволновались. Есть там такие же «идейные», как ты сам, Роджер. Они готовили программу

на три месяца вперед, но ты легким росчерком пера свел все их труды к нулю. По-хорошему, надо было со мной посоветоваться, прежде чем действовать вот так. Станция — все-таки не твоя частная лаборатория.

* * *

Фрэнсис принял упрек.

— Решение было продиктовано ситуацией, — смущенно сказал он. — Ничего другого просто не оставалось.

— Ты уверен? — мягко поинтересовался Чалмерс. — Я вот — не вполне. Мне показалось или ты несколько преувеличил долгосрочный аспект миссии? Зачем говорить парню, что высадки на его веку не будет? Это только усилит его чувство изоляции — и потом ему будет куда труднее принять, что мы вдруг решили сократить путешествие.

Фрэнсис поднял глаза.

— Но на это нет никаких шансов, не так ли?

Чалмерс задумчиво помолчал.

— Роджер, я искренне советую тебе не слишком увлекаться проектом, — сказал он. — Продолжай твердить себе, что они не полетят на Альфу Центавра. Они здесь, на Земле, и, если правительство

примет решение, их выпустят завтра. Я знаю, что суды должны будут это санкционировать, но это все формальности. Прошло пятьдесят лет с тех пор, как был начат проект, и многие влиятельные люди считают, что он затянулся. С тех пор как колонии на Марсе и Луне потерпели неудачу, космические программы резко сокращены. И кое-кто в правительстве думает, что деньги здесь тратятся на потеху кучке психологов-садистов.

— Ты же знаешь, что это неправда, — возразил Фрэнсис. — Может, я слишком поторопился, но в целом проект был проведен скрупулезно. Без преувеличений, если бы ты отправил дюжину людей на настоящем корабле к Альфе Центавра, ты не смог бы сделать ничего лучше, чем продублировать все то, что происходило здесь, вплоть до последнего кашля и чиха. Если бы информация, полученная нами, была доступна Марсу и Луне, колонии никогда бы не потерпели крах!

— Допустим. Но это не имеет значения. Неужели ты не понимаешь, что, когда все стремились попасть в космос, бредили им — они были *готовы* принести в жертву маленькую группу людей, запертых в театральных декорациях на сто лет? Тем более изначально это были добровольные жертвы. Теперь, когда интерес остыл, народ

чувствует: есть что-то ужасно неправильное в этом человеческом зоопарке. То, что сперва казалось грандиозной авантюрой в духе Колумба, обернулось каким-то постыдным конфузом. В каком-то смысле мы совершили непоправимое. Социальное расслоение трех семей — это, конечно, всего лишь нежелательная данность, но и она не приносит проекту большой пользы. Легковерие экипажа ко всему, что мы им внушаем, возможность бесконечно долго манипулировать ими — это гораздо хуже. — Чалмерс наклонился вперед через стол. — По секрету, Роджер: генерала Шорта назначили ответственным только по одной причине — чтобы прикрыть нашу лавочку. На это могут уйти годы, но я предупреждаю тебя уже сейчас: это произойдет. Сейчас самое важное — нормально вывести этих людей, а не удерживать их внутри.

— И ты действительно в это веришь? — Фрэнсис мрачно уставился на Чалмерса.

— Честно говоря, Роджер, верю. Этот проект вообще не следовало запускать. Преступно насиловать этих людей — дурманить, ограничивать знание, принудительно образовывать пары. Послушай себя: ты только что готов был поженить двух несовершеннолетних, лишь бы те поменьше

думали! Все это унижает человеческое достоинство. Вспомни, как плоха реакция на Приведение в Кондицию. Вспомни о растущей отчужденности — порой Питерс и Грейнджер по две-три недели ни с кем особо не разговаривают. Жизнь на Станции становится возможной и не вызывающей отторжения только благодаря принятию безумной ситуации за нормальную. Так что… сдается мне, возрастающее противодействие проекту очень даже оправданно.

Фрэнсис глянул на купол. Группа рабочих грузила в так называемый пищевой бункер так называемую долгосрочную космическую провизию — то есть вполне себе произведенные на Земле замороженные полуфабрикаты без брендированных этикеток. Завтра, когда Бейкер с женой подберут по справочнику очередное меню, нужные продукты перекочуют на космолет. Фрэнсис и сам понимал, что для многих дело его жизни выглядело как циничное жульничество.

Он тихо сказал:

— А ведь изначально добровольцы приняли эту жертву и все, что с ней связано. Как Шорт собирается их ссадить? Просто откроет люки и свистнет?

Чалмерс улыбнулся немного устало.

— Он не дурак, Роджер. Он так же искренне заботится об их благополучии, как и ты. Да, половина из них может за пять минут сойти с ума, старики — в первую очередь. Но не волнуйся и не терзай себя. Уже то, чего мы достигли, доказывает полную эффективность эксперимента.

— Нечего толковать об эффективности, пока не произведена высадка. Если проект вдруг завершится раньше срока, то потерпим фиаско мы, а не они. Мы не можем оправдать срыв тем, что поступаем «жестоко» или «неправильно». Эксперимент должен продолжаться хотя бы ради благополучия тех четырнадцати человек, что летят к Альфе Центавра.

Чалмерс пристально взглянул на Фрэнсиса:

— Четырнадцати? Ты имеешь в виду *тринадцать*, не так ли? Или ты сам тоже «летишь»?..

Корабль перестал вращаться. Сидя за своим командирским столом и планируя пожарные учения на следующий день, Авель заметил внезапное отсутствие движения. Все утро, гуляя по кораблю — он больше не употреблял термин «Станция», — он ощущал внутреннее притяжение, «сносившее» его к стене. Одна нога будто вдруг сделалась короче другой.

Когда он рассказал об этом отцу, тот рассудил

просто:

— За управление отвечает капитан Питерс. Пусть он разберется.

Такого рода советы с недавних пор ничего не значили для Авеля. В минувшие два месяца его разум жадно атаковал все, что его окружало, — исследуя и анализируя, изучая каждую грань жизни в замкнутом универсуме. Огромный, некогда скрытый словарь абстрактных терминов и взаимосвязей таился под поверхностью его сознания, и вот теперь ничто не могло помешать ему применить знания на практике.

За подносами с едой в столовой Авель расспрашивал Мафусаила Питерса о траектории полета корабля — о большой параболе, которая должна была привести судно к Альфе Центавра.

— А как насчет токов, возникающих в корпусе корабля? — допытывался он. — Постоянное вращение должно вызвать смещение магнитных полюсов относительно их рассчитанного при проектировании Станции расположения. Как вы выходите из этой ситуации?

Мафусаил был растерян.

— Если честно, я и сам не все понимаю. Наверное, за корректировку отвечает автоматика. — Когда Авель скептически улыбнулся, он пожал

плечами. — В любом случае отец все об этом знает. Нет сомнений, что мы на правильном пути.

— Понадеемся, — произнес Авель вполголоса. Чем больше он расспрашивал Мафусаила о навигационных приборах, которыми тот вместе с отцом пользовался в навигационной рубке, тем очевиднее становилось, что Питерсы выполняли всего-навсего низкоуровневую проверку приборов. Вся их роль ограничивалась заменой перегоревших контрольных ламп. Почти все системы корабля работали автоматически — с таким же успехом можно было «обеспечивать контроль» над шкафами, набитыми матрасами.

Интересно, а вдруг все и впрямь обстоит именно так?

Почему бы и нет? Авель улыбнулся про себя. Вряд ли можно было доверить управление сложным кораблем экипажу, когда малейшая человеческая ошибка могла безвозвратно вывести судно из-под контроля и направить его на пролетающую мимо звезду. Проектировщики корабля должны были бы сделать автопилоты недоступными, возложив на экипаж легкие обязанности по наблюдению, что создавало бы *иллюзию* контроля.

Вот он — ключ к пониманию жизни на борту

корабля. Ни одну из их ролей нельзя было принимать за чистую монету. Они с отцом могли составлять выверенные и расписанные чуть ли не поминутно планы ежедневных занятий, но то были лишь проигрыши различных версий, разработанных автоматическими программами. Вариантов возникало огромное множество, но то, что он мог увести Мафусаила Питерса из столовой не в половине первого, а на тридцать минут раньше, совсем не доказывало, что он может изменить его жизнь. Образцы заданий выдавались компьютером, меню разрабатывалось машинами. Расписание пожарных тревог, учебных занятий, списки дневных и ночных дежурств с указанием, кто кого должен подменить в случае болезни — все составлялось автоматически и не подразумевало инициатив.

Авель твердо решил, что однажды откажется от Приведения в Кондицию. Он уже понял, что эта процедура блокирует изрядную долю самой интересной информации — его сознание из-за нее наполовину блуждает в потемках. В самом корабле таилось нечто необъяснимое, и это позволяло предположить, что в нем имеется значительно больше, чем…

— Привет, Авель! — сказал доктор Фрэнсис,

садясь рядом. — Витаешь в облаках?

— Считаю, — поправил Авель. — Каждый человек из экипажа корабля нуждается в среднем в трех фунтах пищи в день, или в полутонне — в год. Значит, весь запас, даже без всякого резерва на первое время после посадки, составит примерно восемьсот тонн. Нетрудно подсчитать, что на корабле должно находиться одного провианта не меньше полутора тысяч тонн. Это весомый груз.

— Только на первый взгляд, Авель. Станция — это лишь малая часть звездолета. Основные реакторы, топливные баки и трюмы весят в целом не меньше тридцати тысяч тонн. Вот почему гравитационное притяжение удерживает нас на палубах.

— Это вряд ли, доктор. — Авель медленно покачал головой. — Притяжение, полагаю, вызвано гравитационными полями звезд — иначе вес корабля должен был бы составлять примерно шесть умножить на десять в двадцать четвертой степени тонн.

Доктор Фрэнсис задумчиво наблюдал за Авелем, понимая, что молодой человек заманил его в простую ловушку. Приведенная им цифра — это же округленная масса Земли.

— Это сложная задачка, Авель. Я бы не стал

слишком беспокоиться о звездной механике. Капитан Питерс в ответе за наш курс.

— Я не пытаюсь узурпировать должность капитана Питерса, — заверил Авель. — Просто хочу расширить собственные познания. Вы не думаете, доктор, что для этого можно было бы пойти даже на отступление от Кондиции? Возьмем, к примеру, проблему длительной изоляции. Выберем маленькую группу людей — и, скажем, в экспериментальных интересах отделим их от всего остального экипажа и навяжем им гипносредствами мнение, будто они снова очутились на Земле. Интересный вышел бы эксперимент — правда, доктор?..

* * *

Ожидая в конференц-зале, пока генерал Шорт закончит вступительную речь, Фрэнсис повторил про себя последнюю фразу, лениво размышляя о том, что сказал бы этот парнишка Авель, с его-то безграничным энтузиазмом, о круге исполненных пораженческих настроений лиц за столом.

— …сожалею так же, как и вы, господа, о необходимости прекратить эксперимент. Однако теперь, когда решение принято Департаментом аэрокосмических исследований, мы обязаны

подчиниться. Конечно, задача не из легких. Нам нужно поэтапное прекращение — постепенная перестройка мира вокруг экипажа, которая приведет их на Землю так же мягко, как парашют. — Генерал в свои пятьдесят был крепким, энергичным мужчиной. Ширина его плеч пугала, но во взгляде читалась отеческая доброта. Он повернулся к доктору Кершу, ответственному за вопросы выживаемости и здоровья содержащихся на Станции людей. — Исходя из того, что вы мне рассказали, доктор, запас времени у нас не такой большой, как кажется. Мальчик сулит нам дополнительные проблемы…

— Да, я слышал его разговор с доктором Фрэнсисом, — улыбнулся Керш. — Он предложил провести эксперимент с небольшой группой членов экипажа для проверки их выживаемости в условиях изоляции.

— Это пустяки, — бросил, морщась, капитан Сэнгер, офицер-механик. — Парень замечен в попытках уклонения от Приведения в Кондицию. Под наушниками у него пара поролоновых прокладок, гасящих около девяноста процентов инфразвуковых частот. Мы заметили это, когда записанная нами ЭЭГ-запись не показала альфа-волн. Сперва заподозрили обрыв кабеля, а как

посмотрели запись — увидели, что глаза у него открыты. Он не слушал.

— Ничего страшного. — Фрэнсис постучал пальцами по крышке стола. — Та ультразвуковая лекция была посвящена таблицам для вычисления антилогарифмов с точностью до четырех значащих цифр.

— Даже хорошо, что парень ее не послушал, — с неким озорством в голосе заметил Керш, — а не то смог бы сообразить, что Станция движется по эллиптической орбите, на удалении примерно в девяносто три тысячи миль от желтого карлика, тип G по спектральной классификации.

— И как вы собираетесь вернуть парня на гипнозанятия, доктор Фрэнсис? — спросил Шорт. Когда тот растерянно промолчал, он продолжил: — Считаю, что этим делом нужно заняться основательно и оперативно. С этого дня мы все должны придерживаться строгих директив.

— Авель вернется в Кондицию сам, — блеклым голосом изрек доктор. — Принудительных мер не потребуется. Без регулярного ежедневного Приведения он очень быстро начнет видеть в себе белую ворону. Низкочастотные аудиопередачи скомпонованы из вокальных тонов его матери. Если отлучить его от них на долгое время, ему

станет плохо — тревога, чувство полной покинутости…

Шорт медленно кивнул.

— Что ж, будем на это надеяться. — Он обратился к доктору Кершу: — По приблизительной оценке, доктор, сколько времени потребуется, чтобы вернуть их назад? Принимая во внимание, что им нужно будет получить полную свободу и что каждая телевизионная и газетная сеть в мире будет охотиться за интервью…

— Генерал, это дело небыстрое, — Керш осторожно подбирал слова. — Понадобится пересмотреть все программы гипноучебы… возможно, отправной точкой станет инсценировка столкновения с метеоритом… если брать это в расчет — ну, три года… или пять… или еще больше.

— Разумная оценка. А вы что думаете, доктор Фрэнсис?

Фрэнсис возился со своей записной книжкой, пытаясь серьезно рассмотреть этот вопрос.

— Я понятия не имею. «Вернуть их назад» — что вы на самом деле имеете в виду, генерал? «Вернуть назад» — куда? — Он чувствовал, как теряет самообладание. — *Сто лет* — как вам такая оценка?

Собравшиеся за столом засмеялись. Генерал

Шорт одарил Фрэнсиса любезной улыбкой.

— Это же на пятьдесят лет больше, чем первоначально отведенный на эксперимент срок, доктор! Вы не могли бы посчитать получше?

— Тут вы неправы, генерал! — тряхнул головой Фрэнсис. — Первоначальный проект состоял в том, чтобы доставить их к Альфе Центавра. Никаких указаний насчет того, как вернуть их назад, не оговаривалось.

Когда смех затих, Фрэнсис проклял себя за дерзость; вражда с Шортом не поможет людям на Станции. Но генерал оказался не лыком шит.

— Хорошо, — ответил он. — Я вас понял. Нужно много времени. — Глядя на Фрэнсиса, Шорт добавил: — Поймите, я — не враг людям на Станции. Я думаю только об их благополучии, не о своем. Сто лет, говорите? Хорошо. Дадим им сто, и ни годом меньше. Для вас, наверное, будет сюрпризом, что в Департаменте аэрокосмических исследований считают, что нужно двадцать лет или около того? И это — минимум.

Атмосфера собрания вмиг переменилась после этих слов. Фрэнсис удивленно уставился на Шорта. За двадцать лет многое может случиться.

Возможно, даже вспышка нового интереса к освоению космоса.

— Департамент согласен на продолжение эксперимента, но ставит условием обязательное сокращение бюджета, — продолжил Шорт. — Кроме того, придется постепенно готовить людей со Станции к мысли о том, что они выполнили свое задание. Завершили разведку трассы полета, скажем, — и теперь, получив данные чрезвычайной важности, возвращаются на Землю. Когда они покинут звездолет, их встретят как героев — теплый прием поможет им адаптироваться к восприятию непривычного для них мира.

Генерал оглядел собравшихся, изучая реакцию. Керш отвел взгляд, переплетя пальцы. Сэнгер и Чалмерс растерянно листали блокноты.

Прежде чем взять слово, Фрэнсис сосредоточился. Он понимал, что другой возможности спасти эксперимент уже не появится. Все остальные, независимо от того, насколько они с ним согласны, не решатся на конфронтацию с Шортом.

— Мне очень жаль, генерал, но это неосуществимо, — медленно произнес он. — Понимание Департамента, равно как и лично ваше непредвзятое отношение к этому вопросу, импонирует. План, озвученный вами, кажется рабочим — но на деле это не так. — Тут доктор распрямил спину, готовясь разить доводами безжалостно,

прямо в цель. — Генерал, всем людям на Станции с первых дней внушили, что они — закрытая община. На бессознательном уровне, на уровне функционала их нервных систем никого другого в мире не существует. Для них невротическая основа реальности есть изоляция. Вы никогда не перестроите всю их вселенную — рыбу летать не научишь, верно? Если вы начнете вмешиваться в фундаментальные шаблоны их психики — наткнетесь на проявления безусловной ментальной блокировки, вроде той, что наблюдается при попытках переучить левшу писать правой рукой.

Фрэнсис взглянул на доктора Керша — тот кивнул в знак согласия.

— Поверьте мне, генерал, — вопреки тому, что вы и Департамент полагаете естественным, эти люди не захотят уйти со Станции. Если дать им выбор, они предпочтут остаться там — точно так же, как кошка предпочтет остаться в переноске, если ее принести в ветеринарную клинику.

Шорт помедлил с ответом, обдумывая речь Фрэнсиса.

— Предположим, вы не сгущаете краски понапрасну и все обстоит именно так, — наконец произнес он. — Но как же быть? По факту на вывод станции из эксплуатации никто не даст нам

больше двадцати пяти лет.

— Тогда остается одно, — горько ответил Фрэнсис, — продолжить эксперимент, не изменяя заданной направленности, с одним новым правилом: запретом на вступление в брак и рождение детей. Через четверть века живыми останутся только самые младшие, а еще лет через пять умрут все. Средняя продолжительность жизни в условиях Станции — немногим больше сорока пяти лет. К тридцатилетию Авель будет считаться аксакалом. Некому будет позаботиться ни о нем, ни об остальных, если не появится приплод.

Повисла долгая пауза. Наконец Керш рискнул прервать ее:

— А ведь это лучшее решение, генерал. Вполне гуманное, сохраняющее первоначальную направленность эксперимента и не противоречащее установкам Департамента. Запрет брака — весьма скромная коррекция их нынешней Кондиции. Базисная изоляция группы будет скорее усилена, чем ослаблена, — как и их осознание того, что сами они никогда не увидят цель. Если мы слегка перестроим программу — изменим ее направленность, убрав акцент с необходимости прилететь к Альфе Центавра, — то наших испытуемых постепенно постигнет участь типичной

вырожденческой общины.

Чалмерс поддержал его:

— Это будет намного проще и дешевле организовать. По мере того как люди будут уходить из жизни, мы можем постепенно закрывать Станцию. Под конец незаконсервированным будет всего один ее отсек — а то и просто две-три каюты.

Шорт встал, подошел к окну и долго-долго смотрел на матовый купол в центре ангара.

— Идея страшная, — наконец выдал он. — Совершенно бесчеловечная. Но вы все твердите — иного выхода нет. Что ж…

Проходя тихо среди грузовиков, припаркованных в темном ангаре, Фрэнсис остановился на мгновение — оглянуться на освещенные окна административного корпуса. Двое-трое ночных дежурных сидели, лениво присматривая за линией телевизионных экранов, транслирующих сон обитателей станции.

Фрэнсис вынырнул из тени и подбежал к звездолету. Вскарабкавшись по трапу до люка, на тридцатифутовую высоту, он открыл его, пролез внутрь и заперся. Затем он разблокировал и внутренний шлюз, проскользнул через спальную тубу и выбрался к себе в каюту.

Бледно вспыхнул монитор, являя троих дежурных. Все трое курили, развалившись в самых непринужденных позах — футах в шести от запечатлевающей их камеры.

Фрэнсис проверил звук, пощелкал ногтем по микрофону.

— Джентльмены, — произнес он, — прошу внимания. Особое послание для внешнего мира.

Невыспавшийся, в расстегнутом кителе, полковник Чалмерс подался к камере. Дежурные тем временем кучковались у него за спиной.

— Поверь мне, Роджер, — сказал он, — ты ничего не добьешься. Генерал Шорт и стоящие за ним люди из Департамента не откажутся от своего решения сейчас, накануне издания указа.

Доктор Фрэнсис смотрел на него с недоверием, и тогда он добавил:

— Ты раздраконишь их — и только!

— Я воспользуюсь шансом. Слишком много обещаний было нарушено в прошлом. Здесь я хотя бы смогу выступить гарантом.

Он старался звучать круто, безэмоционально; камеры пишут его выступление, важно создать надлежащее впечатление. Генерал Шорт заинтересован в том, чтобы избежать скандала. Если он решит, что Фрэнсис не саботирует проект, он,

скорее всего, позволит ему остаться на Станции.

— Роджер, продумай все еще раз, — взмолился Чалмерс. — Не торопись! Ты только вообрази, какая шумиха может из-за тебя подняться! А достать тебя — дело плевое. Эту ржавую жестянку любой малец проковыряет консервным ножиком!

— Не советую, — тихо сказал Фрэнсис. — Я займу палубу Г. Любая попытка достать меня ни от кого не укроется. Так или иначе, я же не собираюсь мешать внешнему миру сворачивать эксперимент! Сводничество малолетних тоже отменяется. В одном я уверен — экипажу этого звездолета я сейчас очень нужен. И я должен посвящать им больше восьми часов в день.

— Фрэнсис! — прикрикнул Чалмерс. — Неужели ты не понимаешь, что обратного пути у тебя не будет?! Самоубийственная блажь! Ну вот запрешься ты в этой банке… ради чего?!

Прежде чем оборвать сообщение с внешним миром раз и навсегда, Фрэнсис ответил:

— Что за вопрос, полковник? Ради Альфы Центавра. Ради тех, кто летит туда.

* * *

Со вздохом облегчения Фрэнсис опустился на узенькую койку в каюте. Он хотел немного

отдохнуть перед тем, как пойти на ужин. Весь день прошел в хлопотах: он готовил перфоленты для Авеля, и его глаза до сих пор болели от кропотливого изучения тысяч крохотных дырочек, которые он сам и прокалывал. Восемь часов без отдыха он находился в каморке-изоляторе с закрепленными на груди, локтях и коленях электродами — Авель замерял ему пульс и давление.

Тесты не имели никакого отношения к ежедневным программам, которые Авель теперь составлял для своего отца, и Фрэнсису было трудно сохранять терпение для их прохождения. Сперва Авель проверил способность доктора обрабатывать предписанный набор инструкций, поручив тому сделать перфокарты для калькуляции компьютером экспоненциальных функций и для расчета числа пи с точностью до тысячного знака; потом — уговорил Фрэнсиса на написание программы для вычисления колмогоровской сложности[32] произвольной строки. Как только доктор неосознанно зацикливался на одном и том же участке кода, отвлекался на что-то или скучал, компьютер, отслеживающий его про-

[32] Примечания: 32

В алгоритмической теории информации колмогоровская сложность объекта (такого как текст) есть мера вычислительных ресурсов, необходимых для точного определения этого объекта.

гресс, реагировал резким звуковым сигналом, лишь больше запутывая и способствуя ошибкам; после нескольких часов такой работы машина «жужжала» на него с интервалом в пару-тройку секунд, будто раззадоренная пчела. Фрэнсис, наконец, доковылял до двери, запутавшись в проводах электродов, и, к своему неудовольствию, обнаружил, что та заперта — якобы для того, чтобы пожарные учения не помешали ему, — а затем увидел через маленький иллюминатор, что компьютер в кабинке снаружи работает и вовсе без присмотра.

Когда стук Фрэнсиса в стену разбудил Авеля и вытащил его из дальнего конца соседней лаборатории, тот почти разозлился на доктора за то, что тот пожелал прекратить эксперимент.

— Черт возьми, Авель, я уже три недели пытаюсь разобраться с этими вещами. — Доктор поморщился, когда юноша отсоединил один из электродов, резко сорвав пластырь с его груди вместе с пучком волос. — Ты подсунул мне алгоритмически неразрешимую задачу. У меня уже ум за разум заходит. — Порой Фрэнсис задавался вопросом, не этого ли хочет Авель — свести его с ума. — Думаю, я имею право на благодарность!

— Но вы же согласились наблюдаться три дня,

док, — терпеливо втолковывал ему Авель. — Как известно, пиковые данные чаще всего получаются в заключительные часы. И тут самое главное — классификация ваших ошибок. Незавершенный эксперимент теряет всякий смысл!

— Он и так бессмысленный. Говорю же, с точки зрения математики эта задача…

— А если предположить, что она все-таки разрешима? — перебил его Авель. — Пока все не упирается в апериодические числа, работа спорится.

Но Фрэнсис закусил удила:

— Нет, Авель, хватит с меня на сегодня. Я, наверное, постарел и соображаю не так шустро, как раньше. Кроме того, у меня есть другие обязанности, от которых нельзя уклоняться.

— Они почти не отнимают времени, доктор. Честно, вы мало чем нагружены сейчас.

Крыть было нечем. За тот год, что Фрэнсис безвыходно провел под куполом, находчивый Авель значительно упростил себе, да и остальным, ежедневную рутину. Он выбил им обоим уйму свободного времени… и все же, при всех этих вводных, жизнь на борту корабля оказалась на поверку куда более утомляющей, чем ожидалось. Суровый распорядок, практически полное

отсутствие чего-то, чем можно бы занять и развлечь ум — здесь даже книг не было, — вкупе с ограниченностью здешнего контингента привели к тому, что доку Фрэнсису стало все труднее поддерживать имидж доброго просвещенного друга следующих в Великое Ничто эмиссаров человечества. Веселый нрав былых дней в нем понемногу угасал, и погружение в мертвенную летаргию, с трудом и без особого на то желания преодолеваемую жителями Станции, виделось неизбежностью. Матфей Грейнджер заперся у себя в каюте, переложив обязанности на плечи Авеля; а вот отец и сын Питерсы маниакально сосредоточились на исполнении долга — теперь их было ничем не выманить с капитанского мостика. Женщин вовсе было не видать, не слыхать — они объединились в какой-то отдельный, довольно-таки загадочный культ. Иногда Фрэнсис с горькой насмешкой говорил себе: «А я ведь порой близок к тому, чтобы, как и они, поверить в полет к Альфе Центавра. Знал бы генерал Шорт — посмеялся бы. И ведь никакого Приведения в Кондицию, оказывается, не нужно». В гипнолектории, к слову, он не появлялся — прекрасно понимая, что Чалмерс и Шорт могут очень эффективно использовать против него технологии

низкочастотного аудиального внушения.

Когда в половине седьмого он пришел ужинать, то выяснилось, что пятнадцатиминутная задержка дорого ему обошлась.

— Сегодня в двенадцать часов дня режим вашего питания переменился, — информировал его Бейкер, захлопывая раздаточное окошко. — У меня уже ничего не осталось.

Фрэнсис пытался воззвать к его совести, но Бейкер был неумолим:

— Я даже не подумаю ради вас торчать у подъемника лишь потому, что вам недосуг было ознакомиться с сегодняшним расписанием, доктор!

Покинув столовую, Фрэнсис столкнулся с Авелем и попробовал убедить его вмешаться в этот дурацкий конфликт.

— Ты даже не поставил меня в известность, дружище. А ведь я весь день провел, словно каторжник, — привязанным к твоей глупой автоматике!

— Но пока вы возвращались в лабораторию, доктор, — тут же возразил Авель, — вы трижды проходили мимо объявлений. Их нужно читать. В любое время что-то может измениться, а вы даже и не узнаете. Боюсь, теперь вам придется

подождать…

Фрэнсис вернулся в свою кабину, подозревая, что внезапные изменения стали местью за прекращение теста. Ему следовало бы быть более дипломатичным с Авелем, иначе молодой человек мог превратить его жизнь в ад, буквально заморив его голодом до смерти. Сбежать из-под купола было уже невозможно — Департамент издал закон, согласно которому любого, кто совершал несанкционированное проникновение на территорию симулятора миссии к звездам — неважно, с какой из сторон, извне или изнутри Станции, — ждали трибунал и как минимум двадцать лет тюрьмы. Это, разумеется, была своего рода «осадная мера» против Фрэнсиса — и пока что он с ней мирился.

Провалявшись на койке часок-другой, доктор покинул каюту в восемь — ему предстояло инспектировать, герметичны ли переборки, окружающие противометеоритный щит на палубе Б. Он выказывал подчеркнуто серьезное отношение к своим служебным обязанностям только потому, что иллюзия сопричастности к делам команды начала одаривать странным утешением его самого.

Датчики герметичности были размещены на

контрольных пунктах с интервалом в десять ярдов по периметру узкого кондуита[33], идущего параллельно главному коридору. Одиночество и умиротворяющее гудение аппаратуры космолета приносило доку Фрэнсису поистине дивное ощущение свободы и независимости.

— Земля, конечно, вращается вокруг Солнца, — приговаривал он, проводя поверку датчика. — С другой стороны, Великий аттрактор стаскивает всю солнечную систему в сторону созвездия Гидры со скоростью примерно четыреста миль в секунду, навстречу столкновению и краху. Иллюзорно ли от этого бытие людей на Земле? О, это вопрос комплексный…

Вдруг что-то прервало его раздумья.

Стрелка на индикаторе давления нервно колебалась от метки 0,001 до 0,0015 фунтов на квадратный дюйм. Давление на борту всегда слегка превышало нормальное атмосферное — это не давало наружной пыли проникнуть даже через мелкие щели. По сценарию симуляции, основной задачей системы было своевременное оповещение экипажа о повреждении корпуса метеоритами и, как следствие, необходимости

[33] Примечания: 33

Здесь — место прокладки проводов цепи управления и силовых кабелей.

внутреннего ремонта — а также, само собой, открытие спасательного блока. На мгновение Фрэнсис запаниковал, гадая, не решился ли Шорт извлечь его отсюда силой. Но отклонение казалось пустячным — скорее всего, корпус где-то слегка прохудился. И когда стрелка убежала назад в «ноль», за углом, в радиальном коридоре, зазвучали чьи-то шаги — по левой стороне мимо следующей переборки.

Фрэнсис юрко отступил в тень. До своей смерти прежний капитан, старый Питерс, много времени проводил здесь, никому не объясняя, чем именно занимается, — доктор предполагал, что он оборудовал хранилище для личного запаса провианта за одной из ржавых панелей. Кто-то удумал поискать этот тайник теперь? Поступь звучала подозрительно знакомо…

Авель?

Он проследил, как молодой человек спустился по лестнице, затем вышел в радиальный коридор, обшаривая серо-стальную обшивку в поисках выдвижной панели. Непосредственно у торцевой стены коридора, у внешней обшивки купола, находился пожарно-инвентарный пост.

На полу под ним лежал пучок аспидно-белых волос.

Асбестовые волокна!

Фрэнсис открыл дверцу поста — и уже через несколько секунд обнаружил откреплённую панель, держащуюся на паре проржавевших заклепок, размером примерно десять дюймов на шесть. Подалась она с легкостью; за ней, на расстоянии вытянутой руки, находилась внешняя стена купола. В ней тоже имелся элемент, удерживаемый на месте одним только крючком, на скорую руку прилаженным к обшивке.

Фрэнсис поколебался — затем поднял крючок и отодвинул панель.

Его глазам предстало нутро ангара.

Внизу, под несколькими прожекторами, вереница грузовиков выгружала припасы на бетонный пол, сержант зычно отдавал приказы рабочей бригаде. А вот и административный корпус по правую руку — Чалмерс, как водится, сидит ночную смену, его окна горят…

Смотровое отверстие находилось прямо под лестницей, и нависающие металлические ступени скрывали его от людей в ангаре. Асбест был основательно обтрепан по краям, тоже добавляя очков маскировке. Проволочный крюк так же сильно проржавел, как и весь остальной корпус, — и доктор Фрэнсис прикинул, что «окно»

оборудовали давно, лет тридцать-сорок назад.

Почти наверняка старина Питерс регулярно выглядывал в иллюминатор и прекрасно знал, что космический корабль — это миф. Тем не менее он остался на борту — возможно, понимая, что правда уничтожит остальных. Или же он предпочел быть капитаном искусственного корабля — все лучше, чем подставляться под дотошный интерес тех, кто запер экипаж на Станции.

Вероятно, он передал этот секрет — но не своему мрачному неразговорчивому сыну, а другой живой душе. Тому, кто сбережет секрет — и воспользуется им по максимуму. По каким-то своим причинам этот «наследник» тоже решил остаться в куполе, понимая, что скоро станет полноценным капитаном и сможет свободно проводить эксперименты в области прикладной психологии. Возможно, он даже не понимал, что Фрэнсис не был настоящим членом команды. Его уверенное владение программированием, отсутствие интереса к управлению, небрежное отношение к защитным устройствам — все это означало лишь одно: Авель *знал!*

1961

Thirteen to Centaurus. Первая публикация в журнале *Amazing*, апрель 1962.

Перевод Г. Шокина

Билет в вечность

Прошло полчаса по любви Нового дня на Зените, и часы отбивали небеса. Шум пирушки улетал эхом в ослепительную марсианскую ночь, но на вершине Сансет-Ридж, среди особняков богачей, Марго и Клиффорд смотрели друг на друга в угрюмой тишине.

Хмуря брови, Марго нетерпеливо перелистала лежавшую на коленях брошюрку с предложениями по проведению отпуска и отчаянным жестом отбросила ее в сторону.

— Но почему, Клиффорд, почему мы должны каждое лето проводить в одном и том же месте? Мне хочется для разнообразия сделать что-нибудь интересное. Ловатты в этом году едут на Венерианский фестиваль моды, а Бобо и Питер Андерс уже взяли билеты на огненные пляжи Сатурна. Все будут чудесно отдыхать, а мы снова садимся на последний пароход в никуда!

Клиффорд Горрел бесстрастно кивнул. Одна его рука лежала на панели звукового контроля на подлокотнике кресла. Они спорили весь вечер, и голос Марго высекал яркие искры раздражения

на потолке и стенах. Серые и пестрые — пройдут дни, прежде чем они сойдут.

— Мне жаль, что ты так это воспринимаешь. А куда бы ты хотела отправиться?

Глядя на корону из миллиона неоновых огней, освещавших раскинувшийся внизу город, Марго пренебрежительно пожала плечами.

— Какая разница? — спросила она.

— Разница есть. В этот раз отпуск организуешь ты.

Поглядывая на мужа одним глазком, Марго ответила не сразу. Потом восторженно подалась вперед, поворачивая свое флуоресцентное фиолетовое платье, пока оно не стало светиться, словно алголианская рыба-луч.

— У меня идея! Чудесная идея! Я вчера была на Колониальном базаре, думала о нашем отпуске и нашла небольшое, только-только открывшееся дрим-бюро. Что вроде сонодромов в Нептун-Сити, от которого года два-три назад все были без ума, но ты подключаешься не к уже идущей программе, а к своей собственной, специально для тебя разработанной дрим-игре.

Клиффорд сдержанно кивнул и осторожно увеличил интенсивность звукостирателя.

— У них собственные студии и команда ана-

литиков и сценаристов, которая выезжает и проводит с нами интервью, а потом бронирует места в санатории, где мы хотели бы восстановиться. Мы с Евой Корбузье подумали, что небольшая компания человек из пяти-шести будет в самый раз.

— Ева Корбузье, — повторил Клиффорд и, сдержанно улыбнувшись про себя, переключился на книгу, которую читал. — А я все думал, когда появится эта Горгона.

— Дорогой, Ева не такая уж плохая, если узнать ее получше, — возразила Марго. — Подожди, не начинай читать. Ева обязательно придумает что-нибудь эдакое, жутковатое. — Она не договорила. — Что такое? В чем дело?

— Ни в чем, — устало отозвался Клиффорд. — Просто я иногда думаю, есть ли у тебя чувство ответственности. — Глаза у Марго потемнели, но он не остановился. — Неужели ты действительно полагаешь, что я, член верховного суда, мог бы провести отпуск таким вот образом, даже если бы хотел? Эти дрим-игры нашпигованы коммерческой рекламой и всевозможными безнравственными материалами. — Он печально покачал головой. — И я ведь говорил тебе не ходить на Колониальный базар.

— Ну и чем мы тогда будем заниматься? — холодно осведомилась Марго. — Проведем еще один медовый месяц?

— Я зарезервировал на завтра пару одноместных номеров. Не беспокойся, тебе понравится. — Он подключил к книге ручной микрофон и начал сканировать страницы, слушая негромкий металлический голос.

Марго поднялась, и перья на ее шляпке сердито заколыхались, словно от ветра.

— Клиффорд! — рявкнула она мертвым голосом, с грозными нотками. — Предупреждаю, еще одного медового месяца я не потерплю!

— Конечно, дорогая, — рассеянно заметил Клиффорд, пробегая пальцами по звуковой панели.

— Клиффорд!

Ее крик сорвался на раздраженный писк. В пламенеющем платье, придававшем ей сходство с разъяренным драконом, она шагнула к нему. Слетавшие с губ сердитые слова беззвучно всасывались отдушинами над ее головой и выводились за грохочущие эхом крыши полуночного города.

Клиффорд остался сидеть в своем частном вакууме. Потолок время от времени содрогался, когда Марго наверху хлопала дверью. Взгляд его уходил

за брильянтовую диадему Зенита. Вдалеке, за космопортом, через небо протянулись восходящие огненные дуги гиперлайнеров; внизу же бесчисленные фосфоресцирующие траектории хоп-кэбов замыкали чашу фонарей верхнего света куполом искрящихся колец.

Из всех городов галактики лишь немногие предлагали такое же, как Зенит, изобилие удовольствий, но для Клиффорда Горрела он был столь же далек и неведом, как первая Гоморра. Худощавый, преждевременно стареющий мужчина тридцати пяти лет, с редеющими волосами и отстраненным выражением лица, в неброском темном костюме и белой рубашке с жестким воротничком, традиционной форме старших администраторов судебного департамента, он выглядел человеком, у которого в жизни не было никаких праздников.

И сейчас Клиффорд сожалел об этом. Они с Марго никогда не сходились во мнении, когда речь заходила об отпуске. Коллеги и начальники Клиффорда в департаменте, все лет на десять-двадцать старше, отдавали предпочтение консервативным удовольствиям и ожидали того же от молодого, но ответственного судьи. Марго, пусть и с неохотой, такую ситуацию понимала,

но ее друзья, постоянно бывавшие в шикарных досуговых клиниках вдоль пляжей Миры, считали так называемые свадебные путешествия на Землю смехотворно старомодными, последним, отчаянным утешением стариков и больных.

Сказать по правде, Клиффорд понимал, что они правы. Он так и не набрался мужества признаться Марго, что ему тоже все надоело, потому что такое признание нарушило бы его душевное спокойствие, но перемена действительно могла бы пойти на пользу.

В следующем году, решил он.

Марго лежала среди подушек на диване, слушая утренние перепевы деревьев-фламинго. Футах в двадцати, под террасой, в обнесенном высокой стеной саду, высокий, мускулистый молодой мужчина играл в джетбол. У него были смуглая кожа с оливковым оттенком, приятные черты лица, влажные волоски на обнаженной груди и руках. Испытывая злобное удовольствие, Марго наблюдала за его попытками развлечь ее. Мужчину звали Трантино, и в его обязанности плейбоя входило занимать ее, пока Клиффорд пропадал в своем судебном департаменте.

— Эй, Марго, лови! — Он взмахнул джетболом, но Марго отвернулась, почувствовав приятное

скольжение купальника по гладкой загорелой коже. Купальник был сделан из новейших биопластиковых материалов, и его живые ткани продолжали расти, незаметно приспосабливаясь к контурам тела, обновляя изношенные или загрязнившиеся фибры. Наверху, в гардеробной, на вешалках, словно арбореальные обитатели какого-нибудь экзотического зоопарка, мурлыкали халаты и платья. Иногда она подумывала о том, чтобы заказать своему маленькому меркурианскому портному биопластиковый костюм для Клиффорда — специально спроектированный таким образом, чтобы однажды вечером, когда муж будет стоять на террасе, он начал вдруг сжиматься, чтобы лацканы обхватили и туго стиснули шею, рукава прижали к туловищу руки, пояс сдавил…

— Марго! — вторгся в ее грезы голос Трантино, ловким броском пославшего джетбол по воздуху.

Марго поймала его одной рукой и в порыве досады направила в сторону — через стену и виднеющиеся за ней крыши.

Трантино тут же подошел к ней.

— Что случилось? — озабоченно спросил он, чувствуя, что профессиональные навыки не срабатывают. Привилегии его касты охранялись

самым ревнивым образом. Занятая ответственной работой управленческая и технократическая элита на протяжении нескольких столетий опиралась на Храмовников Афродиты, доверяя им защиту своих жен не только от назойливых ухажеров, но и от скуки и уныния.

Отношения их по определению были только платоническими, в духе стародавних рыцарских идеалов, хотя порой Трантино и сожалел, что единственным инструментом в его арсенале остаются десяток стишков да пустых романтических жестов. Гильдия, в которой он был послушником, считалась одной из древнейших и почтеннейших, и ему бы не поздоровилось, если бы Марго начала томиться и чахнуть, а мистер Горрел сообщил об этом Магистрам.

— Почему ты постоянно споришь с мистером Горрелом? — спросил Трантино.

Одна из аксиом Гильдии гласила: «Муж всегда прав». Любой разлад между супругами лежал в сфере ответственности плейбоя.

Марго сделала вид, что не услышала вопроса.

— Эти деревья действуют мне на нервы, — капризно заявила она. — Почему они не могут помолчать?

— У них брачный период, — объяснил Транти-

но и задумчиво добавил: — Тебе тоже нужно петь мистеру Горрелу.

Лямки на плечах ее купальника расстегнулись, и Марго лениво поежилась.

— Скажи, Тино, чем я могла бы насолить мистеру Горрелу?

— Марго! — выдохнул Трантино, совершенно шокированный ее вопросом. Обращение к чувствам — средству примирения, презираемому более умелыми членами Гильдии, — осталось его последней надеждой. — Помни, у тебя всегда есть я.

Он уже собирался позволить себе грустную улыбку, когда Марго вдруг села.

— Да не пугайся ты так, дурачок! Просто у меня тут появилась идея, как заставить мистера Горрела петь мне.

Она поправила перья в шляпке, подождала, пока купальник аккуратно застегнется, и, отодвинув Трантино, ушла с террасы.

В библиотеке, среди катушек, Клиффорд внимательно прослушивал старинный, двадцать второго века, обзор систем землепользования в созвездии Треугольник.

— Здравствуй, Марго. Ты как, чувствуешь себя лучше?

Марго смущенно ему улыбнулась.

— Мне стыдно. Пожалуйста, пожалуйста, прости. — Она наклонилась, потерлась носом о его ухо. — Я бываю иногда такой эгоистичной. Ты уже заказал билеты?

Клиффорд убрал ее руку и поправил воротник.

— Я звонил в агентство, но с резервированием у них сейчас тяжело. Есть двухместные, но нет одноместных. Придется подождать несколько дней.

— Нет, не придется, — весело воскликнула Марго. — Почему бы нам с тобой не взять двойной? Тогда мы сможем быть по-настоящему вместе и не притворяться, будто мы незнакомы.

Озадаченный Клиффорд выключил плеер.

— Что ты имеешь в виду?

— Послушай, думаю, мне надо проводить с тобой больше времени, чем сейчас, по-настоящему делить с тобой твою работу и увлечения, — объяснила Марго. — Я так устала от этих плейбоев. — Она томно прижалась к Клиффорду и, добавив доверительности, прошептала: — Я хочу быть с тобой. Всегда.

Клиффорд оттолкнул ее.

— Не говори глупостей, Марго. — Он встревоженно рассмеялся. — Что за нелепость.

— Никакая не нелепость. В конце концов, у Гарольда Харкова и его жены нет плейбоя, и она совершенно счастлива.

Может быть, так оно и есть, подумал Клиффорд, чувствуя, что начинает паниковать. Харков, некогда влиятельный и безжалостный директор департамента юстиции, был теперь третьеразрядным адвокатом, отчаянно пытающимся удержаться на плаву в водах открытого рынка. Подчинившись жене, он проводил с ней буквально двадцать четыре часа в сутки. На секунду Клиффорд вспомнил те времена, когда ухаживал за Марго и часами выслушивал ее болтовню. По-настоящему роль Трантино состояла не в том, чтобы развлекать Марго во время отсутствия Клиффорда, а в том, чтобы занимать ее, когда он дома.

— Будь благоразумной, — начал Клиффорд, но Марго не дала ему продолжить.

— Я уже решила. Скажу Трантино, пусть собирает вещички и возвращается в Гильдию. — Судорожно улыбаясь, она включила спул-плеер, но выбрала не ту скорость. Считывающая головка громко заскрипела и стерла с записи кодировку. — Делить все с тобой — это же чудесно. И давай забудем об отпуске в этом году, ладно?

Нервный тик, от которого страдал Клиффорд, зловеще напомнил о себе сокращением лицевых мышц.

Сразу после ланча к Горрелам пришел Тони Харкорт, личный ассистент Клиффорда. Энергичный, исполнительный молодой человек с трудом скрывал раздражение, вполне понятное для человека, которого вызвали на работу в первый день отпуска. Тони уже заказал каюту рядом с Долорес Костейн, прекраснейшей из весталок Юпитерского Ересиарха, на борту прогулочного лайнера, отправляющегося после полудня на Венеру, но теперь, вместо того чтобы наслаждаться неделей шантажа и интриг, его ожидало участие в некоей нехарактерной для Горрела забаве.

Объяснения Клиффорда Тони слушал с растущим недоумением и в полном замешательстве.

— Мы собирались отправиться на один из наших обычных курортов на Луне, но потом решили, что нам нужна перемена. Марго хочет чего-нибудь другого. Чего-то нового, волнительного, оригинального. Так что обойди все агентства и возвращайся с их предложениями.

— Все агентства? — уточнил Тони. — Вы, наверно, имели в виду все *зарегистрированные* агентства?

— Все, — самодовольно изрекла Марго, наслаждаясь своим мгновением триумфа.

Клиффорд кивнул и милостиво улыбнулся жене.

— Но агентств, организующих отпуска, не меньше пятидесяти или шестидесяти, — запротестовал Тони. — Из них аккредитованы не больше дюжины. Кроме «Эмпирейских туров» и «Юнион-Галактик», все остальное совершенно вам не подходит.

— Не важно, — вежливо заметил Клиффорд. — Мы хотим получить полное представление о рынке этих услуг. Мне очень жаль, Тони, но я не хочу, чтобы это дошло до департамента. И знаю, что могу положиться на твою сдержанность.

— На это уйдут недели, — застонал Тони.

— У тебя три дня, — сказал Клиффорд. — Мы намереваемся отбыть до конца недели. — Он оглянулся через плечо, но Трантино рядом не было. — Поверь, нам действительно нужен отпуск.

В Коммерческом справочнике значилось пятьдесят шесть агентств, занимающихся организацией путешествий и отпусков. Тони выяснил это, вернувшись в свой офис на верхнем этаже здания правосудия, расположенного в центральной части Зенита, но все, кроме восьми, принадлежа-

ли инопланетянам. Департамент инициировал процессуальные действия против пяти, и три уже закрылись, а еще восемь служили прикрытием для других дел. Таким образом, посетить оставалось сорок. Находились они в Верхнем и Нижнем Сити, а также в районе Колониального базара, где прилепились к разнообразным торговым, религиозным и полувоенным организациям; некоторые представляли собой огромные концерны с собственной полицией и церковной службой, другие делили однокомнатный офис и трансивер с парой мелких фирм.

Тони составил маршрутную карту, сунул в карман фляжку с пятиякорным нептунианским ромом и вызвал геликэб.

Первым в его списке значился «АРКО ПРОДАКШН ИНК.», солидное заведение, занимавшее три уровня и бункер на фешенебельной западной стороне Верхнего Сити. В справочнике говорилось, что он специализируется на организации охотничьих и стрелковых экспедиций.

Геликэб доставил Тони на площадку перед входом в здание. Массивные колонны тянулись к галерее из армированного бетона, так что место напоминало не столько бюро путешествий, сколько последний редут какого-то звездного

Зигфрида. Молодцеватый охранник-янычар в черной с серебром форме вытянулся при его появлении в струнку и взял на караул.

Внутри все были в форме, вид имели озабоченный и перемещались торопливо и деловито, словно в состоянии боевой готовности. Рослая широкоплечая женщина с сержантскими нашивками передала Тони суровому марсианскому полковнику.

— Я навожу справки по поручению богатого землянина и его жены, — объяснил Тони. — Они планируют отпуск и хотели бы в этом году немного поохотиться на крупную дичь. Полагаю, вы можете организовать такого рода экспедицию.

Полковник коротко кивнул и подвел гостя к широкому операционному столу с картой.

— Конечно. Каковы их пожелания?

— Ничего конкретного. Они рассчитывают на ваши предложения.

— Конечно. — Полковник достал мемотейп. — Они располагают собственными наземными и воздушными силами?

— Боюсь, нет, — покачал головой Тони.

— Понятно. Можете сказать, понадобится ли им отдельный армейский корпус, комбинированная оперативная группа или…

— Нет, ничего такого.

— Штурмовой отряд силой в одну бригаду? Понятно. Что-то потише и менее сложное. Все по последней моде. — Полковник включил и развел руки над мерцающим экраном звезд и туманностей. — Теперь вопрос театра действий. В настоящее время сезон открыт лишь в трех охотничьих заповедниках. Первый — в системе Проциона; включает около двадцати различных рас, некоторые из них еще на уровне атомных технологий. К сожалению, в последнее время много говорилось об объявлении Проциона охотничьим заповедником, и Резидент Альшаина ставит вопрос о принятии его в Пангалактическую конференцию. А жаль, — добавил полковник, задумчиво поглаживая седые усы. — Процион всегда отлично воюет, и экспедиции неизменно получались веселые.

Тони сочувственно кивнул.

— Я и не знал, что они возражают.

Полковник бросил на него резкий взгляд.

— Разумеется. — Он прокашлялся. — Остаются племена Кетаб в Большой Медведице — у них сейчас идут Тысячелетние войны — и Судор Мартинес в Орионе. Заповедник там совершенно новый, лучше, без сомнения, не найти. Правящая

династия недавно вымерла, так что устроить войну за наследство труда не составит.

Тони уже не слушал, но благоразумно продолжал улыбаться.

— Итак, к каким политическим или религиозным верованиям хотели бы обратиться ваши друзья? — спросил полковник.

— Не думаю, что им что-то такое нужно, — нахмурился Тони. — А это абсолютно необходимо?

Полковник внимательно посмотрел на него.

— Нет, — медленно сказал он. — Это вопрос вкуса. Чисто военная операция вполне реальна. Тем не менее мы всегда рекомендуем нашим клиентам использовать некую доктрину как *казус белли* — не только во избежание вредной огласки и чувства вины или раскаяния, но и для того, чтобы кампания проходила под своим флагом. Каждый из наших полевых командиров специализируется в каком-то одном идеологическом погроме, за исключением генерала Уэстерлинга. Может быть, ваши друзья предпочтут его?

Тони снова включил мозги.

— Шапиро Уэстерлинг? Бывший генеральный директор Комиссии Грейвса?

Полковник кивнул.

— Знаете его?

— Знаю ли я его? — рассмеялся Тони. — Мне казалось, я веду против него судебное преследование. Теперь вижу, что мы сильно отстали от времени. — Он отодвинул стул. — Сказать по правде, не думаю, что у вас есть что-то подходящее для моих друзей. Тем не менее спасибо.

Полковник напрягся, опустил под стол руку, и на стене зазвонил зуммер.

— Однако я буду признателен, если вы пришлете им информацию по вашим предложениям.

Полковник бесстрастно сидел в кресле. Появившиеся рядом с Тони громилы-охранники лениво поигрывали силовыми дубинками.

— Клиффорд Горрел, Звездный судебный отдел, департамент юстиции, — быстро добавил Тони и, улыбнувшись полковнику, направился к выходу, проклиная Клиффорда и осторожно — а вдруг заминирован? — ступая по толстому ковру.

Следующим в его списке стояла «A-Z ДЖОЛЛИ ДЖУБИЛИ КОМПАНИ», иностранная и незарегистрированная, с головным офисом где-то в районе Бетельгейзе. Как говорилось в справочнике, они специализировались в организации «всевозможных культурных мероприятий и соматических уик-эндов». Компания занимала два верхних яруса висячего сада в районе Колониального

базара. Звучало довольно безобидно, но Тони приготовился ко всему.

— Нет, — твердо сказал он миловидному духу-папоротнику с Антареса, робко поднявшему ветку, когда он пересек террасу. — Не сегодня.

За стойкой толстяк в асбестовом костюме кормил песком плававшую в жаровне высокого давления силиконовую огненную рыбку.

— Чтоб их, — проворчал он, вытирая с подбородка пот и возясь бесцельно с термостатом. — Дали буклет, но там ничего не сказано о том, что она каждый день съедает целый пляж. — Он отправил по назначению еще несколько лопат, беря песок из небольшой дюны, высившейся на полу у него за спиной. — Температуру надо держать ровно на 5750 по Кельвину, иначе они начинают нервничать. Чем могу помочь?

— Я думал, у вас тут туристическое агентство, — сказал Тони.

— Конечно. Сейчас позову девушек. — Толстяк нажал кнопку звонка.

— Минутку, — вмешался Тони. — Вы рекламируете какие-то культурные мероприятия. Что именно это значит?

Толстяк усмехнулся.

— Вы, должно быть, про моего партнера, про-

фессора в Вега-Тек. Любит держать тонус. — Он подмигнул гостю.

Тони сел на стул; за окном сумасшедшей спиралью заворачивались крыши Базара. Примерно в миле над большим жилищным блоком, обозначавшим периметр Базара, кружили, держась, однако, на безопасном расстоянии, полицейские патрули.

Высокая стройная женщина, появившись из-за листвы, фланирующей походкой направилась к нему через террасу. Это была конопанская рабыня, выращенная в теплице из импортированного эмбриона, изящная красотка с зеленой кожей и трепещущими жабрами.

Толстяк представил Тони.

— Люсиль, отведи парня в сад и покажи, что и как.

Тони попытался было протестовать, но тут жаровня опасно зашипела, и толстяк снова схватился за лопату. По террасе разлетелись язычки пламени. Тони быстро повернулся и поднялся по ступенькам в сад.

— Люсиль, — твердо напомнил он, — помни, речь идет о чисто культурном мероприятии.

Через полчаса на террасе что-то глухо бухнуло.

— Бедный Джумбо, — печально вздохнула Лю-

силь. Сверху на них излился дождь из мелкого песка.

— Бедный Джумбо, — согласился Тони, откидываясь на спину и поигрывая завитком ее волос, мягкой змейкой обвивавших лоснящуюся голубым маслом руку. Сделав последний глоток из фляжки, он небрежно бросил ее через балюстраду. — А теперь расскажи мне об этих канопанских молитвенных кроватях…

Когда через два дня Тони явился к Горрелам с докладом, вид у него был измученный, а глаза ввалились, как у человека, подвергшегося промыванию мозгов у Хранителей.

— Что с тобой случилось? — забеспокоилась Марго. — Мы думали, ты просматриваешь агентства.

— Вот именно. — Тони плюхнулся на диван и бросил на стол пухлую папку. — Выбирайте сами. Здесь примерно 250 вариантов — с детальной информацией, но я составил синопсис, где указал по паре главных предложений от каждого агентства. Большинство совершенно неподходящие.

Клиффорд взял синопсис и приступил к чтению.

(1) АРГО ПРОДАКШНС ИНК.

Незарегистрированная. Частная дочерняя компания полиции безопасности Стрельца.

Охота и стрельба. Война по заказу. Рейдерские группы, революции, религиозные крестовые походы. От небольшого взвода коммандос до боевой армады численностью в 3000 кораблей. АРГО обеспечивает рекламу, имитацию трибуналов по военным преступлениям и т. п.

Примеры:

(а)«Операция Торквемада». 23-дневная экспедиция к Беллатрикс IV. Десантный корпус (20 кораблей) под командой адмирала Сторма Венгена.

Миссия: освобождение (воображаемое) террансских заложников. Стоимость: 300 000 кредитов.

(б)«Операция Клингсор». 15-летний крестовый поход против Большой Медведицы. Объединенная оперативная группа в составе 2500 кораблей.

Миссия: возвращение рунических ячеек памяти, украденных из святилища клиента.

Стоимость: 500 биллионов кредитов (АРГО организует ленд-лиз, но уже с погружением в реальную политику).

(2) АРЕНА ФИЧЕРС ИНК.

Незарегистрированная. Организаторы Пангалактического турнира, проводимого раз в три

тысячи лет на Кубке Солнца.

На турнире разыгрываются все мыслимые игры; соперничество настолько острое, что победитель может буквально выбрать собственный апофеоз. Челлендж-раунд Солар Мегатлон Груп 3 (для любого существа, которое можно описать как живое) включает в себя Квантовые Прыжки, Семимерный Лабиринт и Психокинетический Бридж (весьма мудреная игра против телепата Кетоса Д'Ома). Единственным землянином, когда-либо выигрывавшим это соревнование, был грозный Чиппи Йиркс из Клоунов Альтаира-5, который воспользовался непригодным для игры бланком Раунд-Дайс. Наблюдение за игрой отнимает столько же сил, сколько и участие в ней. Рекомендуется замена.

Стоимость: 100 000 кредитов в день.

(3) АЖАНС ЖЕНЕРАЛЬ ДЕ ТУРИСМ.

Зарегистрированная. Венера.

Концессионеры «Колони Биатифик» на озере Вирго, сети «Казино Мандрейк» и «Мирамар травма сенсо-чэннелс». Сонованны, вью-дромы, эндокриновые шоу. Афродита — Дарлин Костелло, Лотарио — Лоренс Мандел. Подключение к обоим от 30:30 V5T. Комната и не-деноминационная ванна в «Гоморра-Плаза» на горе Венус до

1000 кредитов в день. Не забывайте держаться подальше от Зоны — слишком эротогенно для землян.

(4) ТЕРМИНАЛ ТУРС ЛТД.

Незарегистрированная. Земля.

Для тех, кто желает отвлечься от всего, «Мечта Осириса», астральный 1000-футовый прогулочный лайнер снаряжается в настоящее время для Гранд-Тура. Кругокосмический круиз с посещением всех известных рас и галактик.

Стоимость: Двухместные каюты по миллиарду, но это дешево, принимая во внимание, что круиз длится вечность и вы из него уже не вернетесь.

(5) СЛИП ТРЕЙДЕРС.

Незарегистрированная.

Довольно сомнительная группа, ведет дела на Голубом Рынке и действует как клиринговая палата, занимаясь скупкой и продажей снов по всей Галактике.

Пример:

Хотите попробовать совершенно новый тип сна? Жрецы Коррани из Тета Писциум подключат вас к священным электронным фондам мысли в Пустыне Киш. Эти ртутные озера — банки памяти их предков. Требуется хирургическое вмешатель-

ство, но соблюдайте осторожность. Избыточное повреждение коры головного мозга и архетипов может вызвать реакцию беспокойства. Взамен один из Сет Коррани (полисексуальные дельта-гуманоиды размером с экскаватор) возьмет на себя ваши церебральные функции на целый уикэнд. Все трансакции осуществляются на обменной основе. ТОРГОВЦЫ СНОМ обслуживают бесплатно. Но они, по-видимому, получают комиссионные и могут закачать рекламу в медуллярные центры. Что бы они ни продавали, это я рекламировать не стану.

(6) АГЕНТСТВО.

Зарегистрировано. М33 в созвездии Андромеда.

Исполнительные власти консорциума банковских трастов, подвижный график D, четвертый тур лотерейной пирамиды, охватывающей весь континуум от Сол III до островных вселенных. В настоящее время «Транселлс» рекрутируют чтецов сновидений and ЭМ-перцепционистов, так что купить билет вы еще успеете. Все билеты идут под одним номером — выигрышным, — но не думайте, что вы увезете банк. АГЕНТСТВО только что открыло ЮНИЛИВ, чрезвычайный фонд помощи для жертв Графика С, которые потеряли

свои депозиты и обязаны выплачивать невероятные долги, как денежные, так и моральные (если не повезет, вы можете приобрести комплекс вины, способный опечалить даже Колонус-Рекса).

Стоимость: 1 кредит — в миллионном выражении в случае проигрыша.

(7) АРКТУРИАНСКИЙ ЭКСПРЕСС.

Не зарегистрирован.

Контролирует все важные спортивные события. Календарь гонок в этом году казуальный и не временной. Представляется несколько неясным, но большинство ставших классикой соревнований все же состоятся.

Примеры:

(а) Дерби Ринозавров. Пройдет в этом сезоне в Бетельгейзе-Спрингс по правилам Федерации Аморфов. Первым до светового горизонта. Желающих участвовать всегда предостаточно, и выступают они в самых разных дозволенных формах: ракеты, лучи, расовые миграции, умозрительные модели ES. Но, честно говоря, все их старания напрасны. И дело не в том, что когда теряешь себя из виду, то теряешь обычно и рассудок, а в том, что Нули Ригеля способны на мгновенные перемещения.

(б) Параплегический Гандикап. Недавно учре-

жден «Протистами Лямбды Скорпиона». Длина маршрута всего 0,00015 мм, но это очень даже немалая дистанция для Альдебаранских Торпидов. Они представляют собой огромные вирусы, спящие в бокситовых горах. Пробудить их к короткой жизни иногда возможно изменением перепадов давления. Самые большие ставки привлекает К-2 на Регуле IX, но даже с учетом этого гонка растянется на 50 000 лет.

(8) НОВОЕ БУДУЩЕЕ.

Не зарегистрировано.

Устал от однообразия и рутины? НОВОЕ БУДУЩЕЕ уведет тебя из этого мира! В островных вселенных континуум экстрапространственен, и временные каналы контролируются соперничающими картелями. Элемент случайности играет, по-видимому, временную роль, а тот факт, что вы можете оказаться в чужой экстраполяции, только добавляет путаницы.

В руководстве по переводу для туристов приведены 185 основных времен, при этом 125 — будущие условные. Глаголы в настоящем времени не спрягаются, так что вы можете изобретать и копирайтить собственные неправильные. Это может объяснить, почему у меня в бюро сложилось впечатление, что их там только половина.

Стоимость: одновременно 3270 и 2 000 000 кредитов. Отговорки не принимаются.

(9) СЕМЬ СИРЕН.

Зарегистрировано. Венера.

Дочерняя компания модного треста, контролирующего сенсо-канал «Астральная Ева».

Леди, хотите победить в вашем собственном конкурсе красоты? Двадцать пять прекраснейших созданий в Галактике ожидают возможности противопоставить свои чары вашим, но сколь божественны ни были бы они — а две или три, такие как Фламен ЗИЛа Квель-Квин (75–9–25) и Ортодоксальная Девственница Альтаира (76–953—?), определенно божественны, — у них нет против вас ни малейшего шанса. Ваши спецификации будут признаны идеальными.

(10) ДЖЕНЕРАЛ ЭНТЕРПРАЙЗИС.

Зарегистрировано.

Специалисты в культурных циклах, мировой борьбе, этнических трендах. Организация отпусков как побочная деятельность. Огромное предприятие, на которое мы все в итоге и работаем. Сейчас стартует их очередной проект, эпохальный по всем параметрам. Приглашаются все. Меня вежливо, но твердо заверили в том,

что беспокоиться о стоимости не следует. Когда я спросил…

Прежде чем Клиффорд успел закончить, к нему подошел один из домашних слуг:

— Срочный вызов, сэр.

Клиффорд передал синопсис Марго:

— Скажешь мне, если найдешь что-нибудь. По-моему, Тони только зря время потратил.

Оставив жену с секретарем, он отправился в кабинет.

— А, Горрел, это вы. — Звонил Торнуолл Харрисон, прокурор, занявший место Клиффорда. — Черт возьми, тут к тебе день и ночь идут какие-то люди. Они кто такие? Такое впечатление, что это Колониальная Ночь на Арена-Цирк. Я не могу от них избавиться.

— Какие люди? — спросил Клиффорд. — Что им нужно?

— Нужен им, очевидно, ты. Большинство приняли меня за тебя. Пытались всучить какие-то безумные схемы проведения отпуска. Я сказал, что ты уже уехал, а я сам никогда в отпуск не ходил. Потом один набросился на меня со шприцем. Тут даже антикартельный агент вертится, хочет спросить тебя насчет бронирования. Считает, что ты занимаешься рэкетом.

Между тем в гостиной Марго и Тони смотрели из окна на бульвар, уходивший от виллы Горрелов на нижний уровень.

Под деревьями собралась целая колонна машин: грузовики, вездеходы, огромные студийные фургоны «Телесенсо» и несколько сияющих белых авто скорой помощи. Водители и члены бригад стояли в тени небольшими группками, молча наблюдая за виллой. На двух или трех фургонах медленно крутились антенны. На глазах у Клиффорда к хвосту колонны подтянулся конвой грузовиков.

— Похоже, тут намечается большая вечеринка, — заметил Тони. — Интересно, чего они ждут?

— Может быть, нас? — взволнованно предположила Марго.

— Если так, то напрасно тратят время, — сказал Клиффорд и повернулся к Тони: — Ты называл наши имена в каком-либо из агентств?

После недолгой паузы Тони нерешительно кивнул:

— Пришлось. Кое-где отмолчаться не получилось — уж больно были настойчивы.

Клиффорд поджал губы и поднял с пола синопсис.

— Итак, Марго, ты что-нибудь выбрала? Куда хочешь отправиться?

Марго полистала синопсис.

— Слишком большой список.

Тони направился к двери.

— Ладно, я вас оставляю. — Он помахал им рукой. — Счастливо.

— Подожди, — остановил его Клиффорд. — Марго еще не определилась.

— А куда спешить? — спросил Тони и указал на вытянувшую внизу очередь из машин. Люди уже рассаживались по своим фургонам и грузовикам. — Смотрите, выбирайте. Орешек может достаться не по зубам.

— Вот именно. Как только Марго определится, можешь сделать последние распоряжения и избавиться от этого зверинца.

— Но, Клиффорд…

— Извини. Марго, поторопись.

Марго перевернула еще несколько страниц и недовольно скривилась.

— Но это же так трудно. И вообще-то мне ничего здесь не нравится. По-моему, лучше всех было то маленькое агентство, которое я нашла на Базаре.

— Нет, — простонал Тони, опускаясь на диван. — Марго, пожалуйста, после всего, через что

я прошел…

— Да, определенно оно. Дрим-бюро. Как оно там называлось…

Прежде чем она успела закончить, с бульвара донесся рев двигателей. Вздрогнув от неожиданности, Клиффорд увидел, как вся колонна катит по гравийной дорожке к вилле. В комнате наверху загрохотала тяжелая музыка, воздух наполнился тошнотворным мускусным запахом.

Тони поднялся с дивана.

— Они, похоже, прослушивали виллу. Надо бы вызвать полицию. Поверьте, некоторые из этих парней время на препирательства тратить не станут.

Снаружи трое мужчин в касках и коричневой форме пробежали через террасу, разматывая бикфордов шнур. С дорожки донесся резкий свистящий звук паралучей.

Марго откинулась на спинку кресла.

— Трантино! — жалобно взвыла она.

Клиффорд вернулся в кабинет и переключил трансивер на канал аварийной связи.

Однако вместо полицейского сигнала ему ответил тонкий автоматический голос:

— Оставайтесь на месте, оставайтесь на месте. Отправление через ноль-две минуты. Офис каз-

начея на палубе Джи.

Клиффорд переключился на другой канал. За взрывом студийных аплодисментов громкий вкрадчивый голос произнес:

— А теперь — блестящий Клиффорд Горрел и его очаровательная жена Марго, которым предстоит войти в их дрим-пул в сказочной Ривьера-Нептун. Вы там, Клифф?

Клиффорд раздраженно переключился на третий канал. Статические разряды, морзянка… затем кто-то отчеканил строгим, железным голосом:

— Полковник Сапт закопан за бассейном. Анфилада вдоль гаражной крыши…

Клиффорд сдался и вернулся в гостиную. Оглушительно гремела музыка. Марго в полной прострации лежала в кресле. Тони, сидя на полу у окна, наблюдал разгоравшуюся на дорожке схватку. Через террасу ползли густые клубы черного дыма, и два танка со стилизованным изображением лучников на башнях продвигались вперед мимо горящих студийных фургонов.

— Это, наверно, «Арко»! — воскликнул Тони. — Полиция займется ими, но подождем, пока верх возьмет команда экстрасенсов!

За огораживающим террасу невысоким камен-

ным парапетом притаилась группа официантов в растрепанных вечерних платьях, лаборантов в обожженных белых халатах и музыканты, прижимающие к груди футляры со своими инструментами. Выпущенная одним из танков огненная стрела промелькнула над их головами и ударила в рощу фламинговых деревьев, взметнув фонтан искр и ломаных нот.

Клиффорд рывком поднял Тони на ноги.

— Ну же, нам надо выбираться отсюда! Попробуем выйти в сад через окна в библиотеке. Позаботься о Марго.

Ее желтый купальный халат, должно быть, умер от испуга и начал темнеть, как банановая шкурка. Благоразумно отводя глаза, Тони поднял женщину и последовал за Клиффордом в холл.

Трое крупье в золотистой форме горячо спорили с двумя мужчинами в белых медицинских халатах. Двое механиков за ними возились с громадной виброванной наверху.

К Клиффорду подошел бригадир.

— Горрел? — спросил он, заглядывая в квитанцию, и ткнул в ванну пальцем: — «Трансокеаник». Куда хотите поставить?

Подошедший врач отодвинул бригадира плечом.

— Мистер Горрел? — учтиво справился он. — Мы из «Церебро-Тоник-Трэвел». Пожалуйста, позвольте дать вам седативное. Весь этот шум…

Клиффорд оттолкнул его и зашагал по коридору к библиотеке, но пол вдруг качнулся и начал наклоняться.

Он остановился и беспокойно оглянулся.

Тони стоял на коленях. Марго, соскользнув с его плеча, тяжело грохнулась на пол.

Кто-то покачивающейся походкой подошел к Клиффорду и протянул поднос.

На нем лежали три билета.

Закружились стены…

Очнувшись в спальне, Клиффорд обнаружил, что лежит, вполне комфортно, на спине, вдыхая прохладный, насыщенный ароматами воздух. Шум стих, но где-то в затылке все еще вихрился водоворот звука. Наконец все успокоилось. Он повернул голову и огляделся.

Марго спала рядом, и Клиффорд на секунду решил, что атака на дом ему только приснилась. Но потом он заметил закрепленный на голове обод и провода, идущие к большой консоли у изножья кровати. В проекторе уже стояли наготове массивные бобины с магнитной лентой.

Настоящий кошмар был еще впереди! Он попы-

тался подняться и понял, что зажат в полуночном сне, свобода в котором ограничена несколькими сантиметрами.

Минут десять Клиффорд беспомощно лежал, а когда попытался закричать, обнаружил, что язык распух во рту, как ватный тампон. Наконец дверь открылась, и маленький, аккуратный, одетый в розовый костюм инопланетянин неслышно подошел к ним, вгляделся внимательно в лица пленников и нажал пару кнопок на консоли.

Сознание начало проясняться. Марго пошевелилась и очнулась.

Инопланетянин любезно улыбнулся.

— Добрый вечер, — ровным, сочным голосом сказал он. — Пожалуйста, позвольте мне извиниться за доставленный вам дискомфорт. Однако первый день отпуска часто бывает немного путаным.

Марго села.

— Я вас помню. Вы ведь из того агентства на Базаре. — Она радостно запрыгала. — Клиффорд!

Инопланетянин поклонился.

— Конечно, мистер Горрел. Я — доктор Теренс Сотал-2 Берлингтон, профессор… Эмеритус, — добавил он, подумав и как будто обращаясь к самому себе, — прикладная драма в университете

Альфа Лепорис и режиссер игры, в которую вы с мужем сыграете во время отпуска.

— Вы освободите меня от этой машины? — вмешался Клиффорд. — А потом убирайтесь из моего дома! С меня…

— Клиффорд! — упрекнула его Марго. — Да что с тобой такое?

Клиффорд потянул с головы ободок, и доктор Берлингтон покрутил что-то на консоли.

Часть мозга Клиффорда затуманилась, и он беспомощно откинулся на подушку.

— Все в порядке, мистер Горрел, — сказал доктор Берлингтон.

— Клиффорд, — предупредила Марго. — Не забывай о своем обещании. — Она улыбнулась доктору: — Не обращайте на него внимания. Пожалуйста, продолжайте.

— Спасибо, миссис Горрел. — Берлингтон снова поклонился.

Полусонный Клиффорд беспомощно застонал.

— Игра, которую мы для вас разработали, — объяснил доктор, — представляет собой адаптацию классического шедевра в каноне Дифенил-2, 4, 6-циклопропана и весьма занимательна, хотя и основана на древнейших человеческих ситуациях. Недавно она была объявлена победителем

Брачного Состязания Миры и всегда будет занимать достойное место в частных репертуарах. Вам, полагаю, она известна как «Укрощение строптивого».

Марго хихикнула, но и удивилась. Доктор Берлингтон любезно улыбнулся.

— Позвольте, однако, показать вам сценарий. — Он извинился и выскользнул из комнаты.

Марго озабоченно нахмурилась. Клиффорд бессильно потянул обод.

— Я, признаться, не уверена, что мне это так уж нравится. И доктор Берлингтон какой-то странный. Но это же только на три недели.

Дверь снова открылась, и на этот раз в комнату вошел некто дородный и бородатый, в жесткой синей форме и небрежно нахлобученной белой фуражке-капитанке.

— Добрый вечер, миссис Горрел. Капитан Линстрем. — Он лихо козырнул Марго и посмотрел на Клиффорда: — Рад видеть вас на борту, сэр.

— На борту? — слабым голосом повторил Клиффорд, обводя взглядом комнату со знакомой мебелью и аккуратно зашторенными окнами. — Что вы такое несете? Убирайтесь из моего дома!

— В чувстве юмора вашему мужу не откажешь, миссис Горрел, — ухмыльнулся капитан. — Цен-

ное качество в долгом путешествии. А вот ваш друг в соседней каюте, мистер Харкорт, к сожалению, похоже, им обделен.

— Тони? — воскликнула Марго. — Он еще здесь?

Капитан Линстрем рассмеялся.

— Хорошо вас понимаю. Он, похоже, очень встревожен, рвется назад, на Марс. Мы, конечно, проведем там один день, хотя и не скоро. Впрочем, время теперь ничего для вас не значит. Полагаю, вы проведете все путешествие во сне. Но во сне приятном, цветном. — Он лукаво улыбнулся Марго.

Капитан был уже у двери, когда Клиффорд, собравшись с силами, выдохнул:

— Где мы? Бога ради, вызовите полицию.

Линстрем остановился и удивленно посмотрел на него:

— Но, мистер Горрел, вы ведь и сами знаете, не так ли? — Он подошел к окну и развел шторы, за которыми вместо квадратных рам прятались три маленьких иллюминатора. Снаружи, ослепительно сверкая, проносились звезды и созвездия.

Капитан Линстрем сделал театральный жест.

— Мы на борту «Сна Осириса», зафрахтованного «Терминал Турс» и находящегося в трех часах лета от Зенит-Сити. Остановок не предусмотрено. Сладких вам снов!

1961 (первая версия датирована 1955 годом)

Passport to Eternity. Первая публикация в журнале *Amazing*, июнь 1962.

Перевод С. Самуйлова

Песочная клетка

На закате, когда багряное зарево, отразившись от растянувшихся вдоль горизонта дюн, осветило белые фасады заброшенных отелей, Бриджмен вышел на балкон. Он окинул взглядом длинные полосы остывающего песка, по которым уже ползла пурпурная тень. Медленно, протягивая тонкие пальцы через мелкие седловины и впадины, тени надвигались, словно гигантские гребни, меж зубьями которых то тут, то там вспыхивали фосфоресцирующие обсидиановые отроги и, слившись наконец в тяжелую волну, накатывали на затопленные наполовину отели. За темными фасадами занесенных песком улиц, сверкавших когда-то коктейль-барами и ресторанами, уже царила ночь. Венчики лунного света украшали уличные фонари бусинками серебряной росы, свешивались с карнизов скатных крыш и, словно инеем замерзшего газа, драпировали закрытые ставнями окна.

Бриджмен стоял, положив высохшие загорелые руки на ржавеющие перила. Последние завитки света погружались в вишневую воронку и

соскальзывали под горизонт, и первый ветерок тревожил мертвый марсианский песок. Тут и там миниатюрные вихри кружили над колючещетинником, сметая с колосков лунные брызги, и облачка белой пыли, проплывая над дюнами, оседали в ложбинах и на склонах. Песчаные заносы постепенно продвигались к бывшей береговой линии, проходившей когда-то ниже отелей. Уже были затоплены первые четыре этажа, и теперь песок подступал к балкону Бриджмена. Еще одна песчаная буря, и придется снова подниматься на этаж выше.

— Бриджмен!

Голос, словно копьем, расщепил темноту. Ярдах в пятидесяти справа, на краю заброшенного защитного барьера, который он когда-то пытался построить ниже отеля, ему махал рукой плотный, приземистый мужчина в потрепанных хлопчатобумажных шортах. Лунный свет прочерчивал на его груди широкие рельефы мышц, крепкие, чуть кривоватые ноги почти по икры ушли в мягкий марсианский песок. Ему было сорок пять лет, и из-за коротко постриженных волос он выглядел почти лысым. В правой руке мужчина держал большую холщовую сумку.

Бриджмен улыбнулся про себя. Терпеливо сто-

явший в лунном свете, под брошенным отелем, Трэвис напоминал припоздавшего туриста, прибывшего на призрачный курорт через несколько лет после его исчезновения.

— Ты идешь? — спросил Трэвис и, когда Бриджмен склонился над балконными перилами, добавил: — Следующий сход завтра.

Бриджмен покачал головой и раздраженно скривился. Он терпеть не мог эти случавшиеся дважды в месяц сходы, когда все семь брошенных, но до сих пор вращавшихся вокруг Земли капсул-сателлитов вместе пересекали небо. В такие ночи он неизменно оставался в комнате и проигрывал старые мемотейпы, спасенные из затопленных прибрежных шале и мотелей — истерическое «Это Мэми Голдберг, 62955 Кокоа-бульвар, я хочу заявить протест против этой безумной эвакуации…» или отстраненное «Сэм Снейд беспокоит, «понтиак» в заднем гараже принадлежит кому-то, кто может его откопать?».

Трэвис и Луиза Вудворд всегда приходили в такие ночи в отель — это было самое высокое здание на курорте, с видом от горизонта до горизонта — и следили за семью сходящимися звездами, каждая из которых следовала вокруг планеты своим бесконечным курсом. Все остальное пере-

ставало для них существовать, о чем прекрасно знали смотрители, именно в эти дни организовывавшие в прибрежных песках самые тщательные поиски. И тогда Бриджмену приходилось вольно-невольно брать на себя обязанности дозорного при этих двоих.

— Я выходил прошлой ночью, — крикнул он Трэвису. — Держись подальше от северо-восточного периметра. Они там будут дорогой заниматься.

По ночам Бриджмен либо вел раскопки в брошенных мотелях, охотясь за оставленными припасами — бывшие обитатели курортной зоны полагали, что правительство вот-вот отменит свой приказ об эвакуации, — либо разъединял металлические, из армированной сетки, секции дороги, проложенной через пустыню для джипов смотрителей. Каждая секция была в пять ярдов шириной и весила около трехсот фунтов. Выбив заклепки, Бриджмен оттаскивал тяжеленные полотна подальше и закапывал где-нибудь между дюн, после чего, совершенно измотанный, весь следующий день не мог двинуть ни руками, ни ногами. В последнее время секции укреплялись тяжелыми стальными кольями, и он понимал, что в конце концов не сможет бороться со смотрителями, разбирая дороги.

Трэвис немного постоял в нерешительности, потом неопределенно пожал плечами и исчез за дюнами, помахивая тяжелой сумкой с инструментами. При скудном режиме питания он оставался на удивление энергичным и решительным. Бриджмен сам наблюдал, как однажды ночью он разобрал целых двадцать секций, а потом соединил на перекрестке соседние линии, отправив на юг, в пустыню, целый конвой из шести машин.

Бриджмен повернул с балкона, но задержался, уловив принесенный прохладным ветерком слабый запах соли. В десяти милях отсюда, скрытое линией дюн, лежало море, и зеленые волны Атлантики разбивались о красный марсианский берег. Когда он впервые пришел сюда пять лет назад, никакого соленого запаха не ощущалось. Океан, однако, понемногу оттеснял побережье в прежние границы. Неутомимый Гольфстрим день за днем бился о мягкую марсианскую пыль, превращая дюны в гротескное подобие причудливых рифов, уносимых ветром в песчаное море. Океан понемногу возвращался, забирая свое просторное гладкое ложе, отсеивая неподъемные для ветра черный кварц и марсианский обсидиан и всасывая их в свои глубины. Солоноватый

привкус все чаще повисал в вечернем воздухе, напоминая Бриджмену, зачем он вообще приехал сюда, и заглушая всякие позывы уехать.

Три года назад он попытался измерить скорость наступления моря, забив в песок, у края воды, несколько колышков, но контуры дюн менялись, и цветные столбики исчезли без следа. Позднее, используя выступ на мысе Канаверал, где в небо, словно куски громадной скульптуры, дыбились монтажные краны и высадочные аппарели, ему все же удалось это сделать посредством триангуляции: море ежегодно отвоевывало по тридцать ярдов. При такой скорости, прикинул он автоматически, сам того не желая, пройдет пятьсот с лишним лет, прежде чем Атлантика достигнет своего прежнего рубежа в Кокоа-Бич.

Пусть и угнетающе медленно, море все же двигалось вперед, и Бриджмену ничто не мешало оставаться в отеле, в десяти милях от воды, имея в своем распоряжении еще несколько лет. Потом, вскоре после прибытия Луизы Вудворт, он стал подумывать о том, чтобы разобрать домик в каком-нибудь мотеле и построить себе маленькое шале поближе к морю. Но береговая линия оказалась местом слишком мрачным, негостеприимным, даже враждебным. Громад-

ные красные дюны тянулись на мили, отрезая половину неба, постепенно растворяясь под действием зеленой океанской воды. Границы прилива как таковой не существовало — только отмель, усеянная кристаллами кварца и ржавеющими фрагментами вернувшихся с балластом марсианских кораблей. Он провел несколько дней в пещере под высоченным песочным рифом, наблюдая, как длинные галереи слежавшейся красной пыли рассыпаются и растворяются в промывающем их холодном атлантическом течении, как они рушатся, словно резные колонны какого-нибудь барочного собора. Летом нагревшийся песок жарил, как шлак расплавившегося солнца, обжигая резиновые подошвы ботинок, а слепящие, режущие глаз вспышки разбросанных осколков кварца напоминали жесткий блеск бриллиантов.

Выйдя с балкона с застывшим в носу сладковатым запахом соли, Бриджмен подошел к столу. Узкий конус экранированного света падал на магнитофон и стопку катушек. Приближение смотрителей всегда выдавал рокот двигателей, после чего в его распоряжении оставалось по меньшей мере пять минут, так что установка в комнате второй лампы опасностью не грозила

— никаких дорог между отелем и морем не было, а отражавшийся на балкон свет издали никак не отличался от короны мерцающих люминофоров, висящих над песком, словно мириады светлячков.

Тем не менее Бриджмен предпочитал сидеть в темной комнате, защищенной кругом книг на самодельных полках. Наполненный тенями воздух ночь напролет веял над его плечами, пока он баловался с мемотейпами, фрагментами исчезнувшего без сожалений прошлого. К рассвету он всегда закрывал ставни, заключая себя в мир вечных сумерек.

Легко адаптировавшись к самоизоляции, Бриджмен организовал день так, чтобы оставить максимум времени для размышлений. На всех стенах висели белые вытравные рисунки и архитектурные чертежи, изображавшие различные профили фантастического марсианского города, спроектированного им однажды, со стеклянными шпилями и панельными стенами, поднимающимися, словно тянущиеся к свету украшения, из багряной пустыни. По сути, весь город был огромным украшением, с блестяще визуализированными уровнями, но притом таким же симметричным и в итоге безжизненным, как ко-

рона. Бриджмен постоянно подправлял чертежи, добавлял какие-то детали, так что они выглядели почти фотографиями оригинала.

Большинство отелей в городе — одном из дюжины таких же курортов, ныне засыпанных песком, а некогда образовывавших непрерывную цепь мотелей, шале и пятизвездочных отелей, растянувшуюся на тридцать миль к югу от мыса Канаверал, — имели достаточные запасы консервированных продуктов, которые пришлось оставить после объявления эвакуации и блокады.

Под шестью футами песка скрывались огромные резервуары и цистерны с водой, а также сотни нетронутых коктейль-баров. Трэвис раскопал их не меньше дюжины в поисках своего любимого винтажного бурбона. Проходя по пустыне за городом, можно было внезапно наткнуться на вырубленные в прокаленном песке ступеньки и проползти под вывеской «Сателлит-бар» или «Зал Орбита» во внутреннюю святая святых с хромированным баром, расчищенным до панельного зеркала и заставленным рядами бутылок и статуэток. Бриджмен был бы рад найти их нетронутыми.

Бесконечные залы игровых автоматов и деше-

вые бары на окраинах приморских курортов, ставшие тягостным довеском к изначальному космическому проекту, низвели последний до уровня какого-то шоу уродцев на пестром карнавале.

Снаружи, из коридора, донесся звук шагов. Кто-то медленно, с паузами в несколько секунд на каждой площадке, шел по лестнице. Бриджмен опустил руку с мемотейпа, прислушиваясь к знакомой усталой походке. Как всегда по вечерам, Луиза Вудворд поднималась на крышу десятиэтажного здания. Бриджмен взглянул на приколотое к стене расписание. Между 12:25 и 12:35 будут видны только два спутника, которые пройдут на высоте 62 градуса в юго-западном секторе неба, через созвездия Кита и Эридана. Ни в одном из них ее мужа не было. До появления спутников оставалось еще два часа, но она уже шла к наблюдательному пункту, где обычно оставалась до утра.

Чем выше, тем тише звучали шаги. Бриджмен слушал их с тяжелым сердцем, представляя худощавую, с бледным лицом женщину, сидящую под лунным небом. Темный ветер касается ее увядших волос, перенося мягкий песок Марса, ради достижения которого отдал жизнь ее муж,

и она не уходит, она, как скорбящая жена какого-нибудь моряка, ждет, пока море вернет тело ее супруга. Трэвис обычно присоединялся к ней позже, и они сидели рядышком, бок о бок, на крыше высотки, над неоновой вывеской отеля, матовые буквы которой висели у их ног, будто фрагменты расчлененного зодиака, а потом, на рассвете, спускались, выходили на заполненные тенями улицы и возвращались в свои гнезда в ближайших отелях.

Поначалу Бриджмен частенько делил с ними ночные бдения, но через какое-то время что-то в этом бессмысленном созерцании звезд стало казаться ему неприятным, отталкивающим, если не сказать омерзительным. И дело было не столько даже в самом отвратительном спектакле с участием мертвых астронавтов, кружащих по орбите в своих капсулах, но в странном ощущении молчаливой общности между Трэвисом и Луизой Вудворд, будто исполнявших некий интимный ритуал, на участие в котором Бриджмену рассчитывать не приходилось. Какими бы ни были первоначальные мотивы, иногда ему казалось, что их перевесили другие, более личные.

Предположительно, слежение за спутником мужа помогало Луизе Вудворд освежать память о

нем, но Бриджмен подозревал, что в действительности она подсознательно хотела бы сохранить память о себе двадцатилетней давности, когда ее супруг был знаменитостью, а ее саму обхаживали журналисты и телерепортеры. В течение пятнадцати лет после смерти Вудворда — он погиб, тестируя новую, облегченную пусковую площадку, — она вела кочевой образ жизни, неугомонно носясь на дешевой машине от отеля к отелю по всему континенту, следуя за мужниной звездой, когда та появлялась в восточной ночи, пока не обосновалась наконец в Кокоа-Бич, в виду ржавеющих кранов на другом берегу залива.

Сложнее дело обстояло с подлинными мотивами Трэвиса. После двух лет знакомства с Бриджменом он признался, что чувствует за собой долг чести перед мертвыми астронавтами, показавшими ему, тогда мальчишке, пример мужества и жертвенности — хотя большинство из них пилотировали свои вышедшие из строя капсулы уже за пятьдесят лет до рождения Трэвиса. Теперь, когда они буквально забыты, он обязан в одиночку поддерживать слабеющее пламя памяти. Бриджмен поверил в его искренность.

Однако позже, перебирая стопку старых журналов из багажника машины, раскопанной на

стоянке мотеля, он наткнулся на фотографию Трэвиса в алюминиевом скафандре и узнал его историю. Судя по всему, какое-то время Трэвис и сам был астронавтом. Точнее, кандидатом в астронавты. Будучи пилотом-испытателем в одном из гражданских агентств, отправляющих на орбиту ретрансляционные станции, он психологически сломался на обратном отсчете, и этот его миг страха стоил компании около пяти миллионов долларов.

Очевидно, именно неспособность принять слабость собственного характера, обнаружившуюся, к несчастью, когда он лежал на спине в контурном кресле высоко над стартовой площадкой, привела его на мыс Канаверал, в забытую Мекку первых героев астронавтики.

Бриджмен попытался, по возможности тактично, объяснить, что никто не винит его за утрату контроля над собой, что ответственность лежит в меньшей степени на нем и в большей на селекционерах или, по крайней мере, неудачной последовательности двусмысленных вопросов — как он горько пошутил, кресты в одних квадратиках нести тяжелее, чем в других. Но Трэвис, похоже, уже все насчет себя решил. Ночь за ночью наблюдая за сверкающей погребаль-

ной процессией, прокладывающей золотистую дорожку к утреннему солнцу, он смягчал свое падение тем, что ставил его в один ряд с крахом более значительным, но безвинным с их стороны — крахом семи астронавтов.

Трэвис по-прежнему, в соответствии с установками того времени, носил стрижку «могиканин» и поддерживал себя в отличной физической форме, следуя жесткому режиму, в рамках которого существовал до своего прерванного полета. Поддерживая себя им же созданным мифом, он создал неприступную линию обороны.

«Дорогой Гарри, я взяла машину и сейф. Извини, что все кончается так…»

Бриджмен раздраженно выключил мемотейп с пустой болтовней тридцатилетней давности. Какая-то не вполне осознанная причина мешала ему принять Трэвиса и Луизу Вудворд такими, какими они представляли. Он не любил в себе эту черту: неспособность к состраданию, не дающее покоя стремление выявить мотивы других людей, содрать защитную оболочку, оголить их нервные струны, тем более что его собственные мотивы пребывания на мысе Канаверал вызывали сильные подозрения.

Зачем он здесь? Какую собственную неудачу

пытается изжить? И почему избрал местом искупления именно Кокоа-Бич? Три года Бриджмен задавал себе эти вопросы, так что в конце концов они потеряли всякий смысл, как какой-нибудь замшелый катехизис или надоевшие самоистязания параноика.

С должности главного архитектора большой компании по развитию космических исследований он ушел после того, как крупный правительственный контракт на проект первого марсианского поселка, от которого зависело будущее фирмы, достался конкурирующему консорциуму. В душе, однако, Бриджмен понимал, что отставка стала выражением подсознательного согласия с тем, что при всех его творческих талантах решение специализированной, более прозаической задачи по проектированию городка оказалось ему не по плечу. На чертежной доске оторваться от земли не получалось.

Мечты построить новые, в готическом стиле, космопорты и контрольные вышки, стать Фрэнком Ллойдом Райтом и Корбюзье первого города за пределами Земли растворились навсегда, но принять альтернативу — проектировать бюджетные больницы в Эквадоре или жилые комплексы в Токио — Бриджмен уже не мог. Год он плыл бес-

цельно по течению, но потом несколько цветных фотографий багряных закатов на Кокоа-Бич и репортажей о затворниках, живущих в утонувших в песке мотелях, дали ему верный компас.

Бриджмен положил в ящик мемотейп и еще раз напомнил себе, что должен принимать Луизу Вудворд и Трэвиса на их условиях, как жену, несущую скорбную вахту скорби по мертвому мужу, и астронавта, в одиночку стоящего в карауле памяти по погибшим боевым товарищам.

Порыв ветра ворвался через балконное окно, разбросав по полу пригоршню песка. Пылевые бури обрушивались на берег по ночам. Изолированные остывающей пустыней термальные озерца внезапно соединялись, словно капли ртути, и взрывались по мягкому песку миниатюрными торнадо.

Неподалеку, ярдах в пятидесяти, тени прорезал замирающий кашель мощного дизеля. Бриджмен быстро выключил маленькую настольную лампу — к счастью, благодаря его собственной скаредности, в цепь был подключен маломощный аккумулятор — и подошел к окну.

У левого края противопесочного заграждения, наполовину скрытый в длинной тени отеля, притаился большой гусеничный вездеход

камуфлированной окраски. Над бамперами, непосредственно перед корпусом двигателя, возвышался узкий наблюдательный мостик, через плексигласовые окна которого за отелем, медленно переходя от окна к окну, наблюдали в бинокль два смотрителя. Позади них, под стеклянным куполом вытянутой водительской кабины, сидели еще трое и контролировали внешние поворотные фары. Пульсировавший в ритме двигателя тонкий огонек был готов в любой момент бросить свой мощный луч в открытую комнату.

Бриджмен притаился за жалюзи. Бинокли наблюдателей добрались до соседнего балкона, передвинулись на его собственный, задержались на секунду и перешли на следующий. Столкнувшись с диверсиями против дорожных настилов, смотрители, очевидно, изобрели новый тип транспорта. Поставленные на четыре широких гусеницы, огромные приземистые машины не нуждались в сетчатых настилах и могли свободно передвигаться между дюнами и песочными холмами.

На глазах у Бриджмена машина медленно развернулась — глухое басовитое ворчание двигателя почти при этом не изменилось — и двинулась вдоль линии отелей, почти нераз-

личимых на фоне зыбучих песков. Через сотню ярдов, на первом перекрестке, она повернула к главному бульвару, оставляя за собой хвост поднятой в воздух пыли, похожий на тонкие выхлопы пара. Люди на наблюдательном мостике продолжали смотреть на отель. По всей вероятности, они все же засекли то ли отраженный блик света, то ли Луизу Вудворд на крыше. Выходить из машины с риском наглотаться ядовитого песка им, разумеется, не хотелось, но они сделали бы это без колебаний, зная, что могут рассчитывать на поимку одного из бичкомберов.

Взбежав по ступенькам и пригибаясь под выходившими на бульвар окнами, Бриджмен прокрался на крышу. Притаившийся под козырьком большого универмага напротив вездеход смотрителей походил на громадного краба. Когда-то козырек висел над землей на высоте пятидесяти футов, теперь же это расстояние сократилось до шести-семи, и машина укрылась в его тени с выключенным двигателем. Стоит смотрителям засечь какое-то движение в окне или заметить возвращающегося Трэвиса — и они тут же выскочат из люков со своими сетями и лассо, чтобы повязать нарушителей по рукам и ногам. Бриджмен однажды стал свидетелем

того, как один бичкомбер выскочил из отеля, в котором скрывался, и побежал, похожий на неуклюжего паука в центре черной резиновой паутины, а смотрители с закрытыми масками лицами гнались за ним, словно черти из какого-то абстрактного балета.

Добравшись до крыши, Бриджмен шагнул под молочно-белый лунный свет. Облокотившись о балконные перила, Луиза Вудворд стояла, устремив взгляд в далекое, невидимое море. Услышав тихий скрип двери, она повернулась и вялой походкой двинулась по крыше. Ее бледное лицо плыло в воздухе сияющим нимбом. На ней было свежевыглаженное ситцевое платье, которое она нашла в заржавевшей стиральной машине какой-то прачечной, и волосы стелились за ней, подхваченные ветром.

— Луиза!

Она вздрогнула от неожиданности, споткнувшись об обломок неоновой вывески, и отступила к нависающему над бульваром балкону.

— Миссис Вудворд! — Бриджмен удержал ее, взяв за локоть, и, прежде чем она успела вскрикнуть, поднес руку ко рту. — Внизу смотрители. Наблюдают за отелем. Нам нужно найти Трэвиса, пока он еще не вернулся.

Луиза замерла в нерешительности, вероятно не сразу узнав Бриджмена, потом обратила лицо к черному, мраморному небу. Бриджмен посмотрел на часы — почти 12:25 — и прошелся взглядом по звездам в юго-западной части неба.

— Они уже почти здесь. Я должна их увидеть, — пробормотала она. — Где Трэвис? Ему нужно быть на месте.

Бриджмен потянул ее за руку.

— Может быть, он увидел вездеход. Миссис Вудворд, нам надо уходить.

Она вдруг вскинула руку, указывая на небо, вырвалась и подбежала к перилам.

— Вон они!

Бриджмен с раздражением ждал, пока она во все глаза следила за двумя пятнышками света над западным горизонтом. Это были Меррил и Покровский — последовательность второй системы созвездий с более сложной, но и намного более внятной периодичностью и прецессией, он знал не хуже любого школьника, — Кастор и Поллукс орбитального зодиака, чей приход знаменовал появление всей группы следующей ночью.

Застыв у перил, Луиза Вудворд не сводила с них глаз. Ветер поднял с ее плеч волосы и удерживал пряди горизонтально за головой. Под ногами

кружилась, шурша и оседая на обломки неоновой вывески, красная марсианская пыль. Пальцы ее бегали по перилам, оставляя за собой сверкающую розовую накипь. Когда спутники наконец затерялись среди звезд, она подалась вперед, подняв лицо к молочно-голубой луне, словно моля отсрочить их уход, потом, с ясной улыбкой, повернулась к Бриджмену.

Возникшие было подозрения рассеялись, и он ободряюще улыбнулся в ответ.

— Роджер будет здесь завтра ночью. Надо быть осторожными, чтобы смотрители не схватили нас раньше.

Он вдруг поймал себя на том, что восхищается ею, той стойкостью, с которой она исполняет свою долгую службу. Может быть, она думает о муже как о живом, и это помогает ей терпеливо дожидаться его возвращения? Бриджмен помнил, как Луиза сказала однажды: «Знаете, Роджер ведь был совсем еще мальчишкой, когда отправился в полет, и я сейчас чувствую себя скорее его матерью». Сказала, словно боялась, как Вудворд отреагирует на ее высохшую кожу и поблекшие волосы, боялась, что он мог даже забыть ее. Гибель мужа, какой ее представляла Луиза, наверняка была явлением некоего иного

порядка, нежели кончина обычного смертного.

Держась за руки, они осторожно спустились по крошащимся ступенькам и выпрыгнули из террасного окна на мягкий песок чуть ниже ветрозащиты. Бриджмен сразу погрузился по колено в мелкую, серебристую под луной пыль, но потом, таща за собой Луизу, выбрался на более надежный участок. Они проскользнули через брешь в покосившемся палисаде и побежали от заброшенных отелей, безмолвно, словно черепа, вырисовывающихся в пустом свете.

— Пол, подожди! — Наблюдая за небом, Луиза споткнулась, попав в ложбинку между двумя дюнами, упала на колени и со смехом поковыляла за несущимся по пригоркам и впадинам Бриджменом. Ветер сдувал песок с верхушек холмиков, и шквалы пыли разбегались беспокойными волнами. Оставшийся позади, в сотне ярдов, город, напоминал заброшенную съемочную площадку, освещенную камерой-обскурой заходящей луны. Теперь они стояли на месте, где был когда-то океан, и глубина достигала десяти фатомов. В проносящихся шапках белой пыли, светящихся словно стайки крошечных живых существ, Бриджмен ловил едкий, солоноватый привкус. Он ждал, но Трэвис не появлялся.

— Луиза, нам нужно вернуться в город. Поднимается пыльная буря, так что Трэвиса мы здесь не увидим.

Они прошли между дюнами, потом по узеньким переулкам между отелями прокрались к северному входу в город. Бриджмен нашел подходящее для наблюдения место в небольшом жилом блоке, и они устроились на теплом, как удобная подушка, песке, глядя на уходящую вниз улицу. Ветер гнал по перекресткам клубы белой пыли, скрывая вездеход, припарковавшийся в сотне ярдов от них, на бульваре.

Через полчаса мотор наконец заработал, и Бриджмен начал окапываться.

— Слава богу, они уходят!

Луиза Вудворд подняла руку:

— Смотри!

Наполовину скрытый облаками пыли, к ним медленно, легонько помахивая лассо, приближался смотритель в белом виниловом костюме. Шедший за ним на расстоянии нескольких футов второй смотритель просматривал в бинокль окна жилого блока.

Бриджмен и Луиза отползли под потолком назад, протиснулись под фрамугой, выбрались в кухню в задней части квартиры и откуда, через

окно, в засыпанный песком двор. Между домами, вздымая пыль, гулял ветер.

Свернув за угол, они вдруг увидели движущуюся по боковой улочке колонну смотрителей, за которыми медленно полз вездеход. Не успел Бриджмен выпрямиться, как правую икру пронзил спазм боли, сковавший икроножную мышцу. Он упал на колено. Луиза оттащила его к стене, а потом указала на плотную, приземистую фигуру, устало ковыляющую по кривой дороге в город.

— Трэвис…

В правой руке он нес сумку с инструментами, под ногами тихонько звенел сетчатый настил. Опустив голову, Трэвис, похоже, не замечал притаившихся за поворотом смотрителей.

— Эй! — Пренебрегая собственной безопасностью, Бриджмен поднялся и бросился на середину улицы. Луиза попыталась остановить его. Прежде чем смотрители увидели их, они пробежали ярдов десять. Вслед за предупредительным окриком поворотная фара бросила на улицу широкий конус света. Словно огромный, запорошенный пылью бык, вездеход устремился вперед, скребя гусеницами по песку.

— Трэвис!

Бриджмен и отставшая шагов на десять Луиза

Вудворд уже достигли поворота, когда Трэвис наконец очнулся, поднял голову и, бросив за спину сумку с инструментами, помчался к крышам мотелей, выступающим из-под песка на противоположной стороне улицы. Ногу Бриджмена атаковал новый спазм. Преодолевая боль, он заковылял следом, а когда Трэвис вернулся, попытался отмахнуться от предложенной помощи, но Трэвис решительно сжал его локоть и потянул вперед, поддерживая, как санитар пациента.

Окруженные вихрями пыли, они прошли по заметенным улицам и выбрались в пустыню. Крики смотрителей затерялись в рокоте и грохоте двигателя. Тут и там, словно образчики причудливой металлической растительности в каком-то неземном саду, из красного песка выступали старые неоновые вывески — «Мотель Сателлит», «Планета-бар», «Отель Меркурий». Прячась за ними, они дошли до заросших кустарником дюн на краю города и двинулись дальше по тропинке между песчаными рифами. В одном из глубоких, напоминающих перевернутые дворцы гротов из плотно сбитого песка и переждали пыльную бурю. Перед рассветом смотрители прекратили поиски — к рифам тяжелый вездеход пройти не мог.

Словно выказывая презрение к врагу, Трэвис достал зажигалку и разжег из собранных в оврагах деревяшек небольшой костер. Бриджмен, опустившись на корточки, протянул к огню озябшие руки.

— Они впервые за все время вышли из вездехода, — заметил он. — А значит, получили приказ поймать нас.

— Может быть, — пожал плечами Трэвис. — Они тянут забор вдоль берега. Наверно, хотят отсечь нас навсегда.

— Что? — Охваченный внезапным беспокойством, Бриджмен поднялся. — Зачем им это? Ты уверен? Я к тому, какой в этом смысл?

Трэвис посмотрел на него с сухой усмешкой на выбеленном лице. Обвивавшие голову струйки дыма поднимались мимо змеевидных колонн к клочку неба в сотне ярдов у них над головой.

— Извини, что я так говорю, но если хочешь уйти, уходи сейчас. Через месяц уже не сможешь.

Бриджмен пропустил его слова мимо ушей и повернулся к темной расселине, обрамлявшей созвездие Скорпиона, словно в надежде найти там отражение далекого моря.

— Они, должно быть, рехнулись. Забор длинный?

— Около восьмисот ярдов. Осталось немного, так что закончат быстро. Ставят уже готовые панели высотой футов в сорок. — Заметив, как занервничал Бриджмен, он иронично усмехнулся. — Успокойся. Если захочешь, всегда сможешь прокопать под забором туннель.

— Я не собираюсь уходить, — холодно ответил Бриджмен. — Черт бы их побрал! Они превращают это место в зоопарк. Ты же понимаешь, что, когда вокруг поднимется забор, как прежде здесь уже не будет.

— Этот уголок Земли навечно останется Марсом. — Глаза Трэвиса под тяжелым лбом смотрели внимательно и цепко. — Я их понимаю. Случаев со смертельным исходом нет уже почти двадцать лет, и пассажирские ракеты считаются столь же безопасными, как и поезда. — Он взглянул на прогуливавшуюся между колонн Луизу Вудворд. — Они хотят запечатать прошлое. Тихо, без лишнего шума. А вместе с прошлым меня, тебя и Луизу. За что их можно только поблагодарить, ведь могли бы запросто сжечь здесь все огнеметом. Объяснить появлением опасного вируса. — Он зачерпнул пригоршню красного песка и принялся разглядывать мелкие кристаллики. — Так что будешь делать?

Мысли носились в голове, разряжаясь яркими, как сигнальные ракеты, вспышками. Так ничего и не ответив, Бриджмен отошел в сторону. Позади них, тихонько напевая в печальном ритме кружащихся песчинок, Луиза Вудворд бродила по глубоким галереям грота.

На следующее утро они втроем вернулись в город, проложив путь между отелями и магазинами через глубокие сугробы свежевыпавшего и сияющего под ярким солнечным светом красного песка. Трэвис и Луиза направились в свои мотели дальше по берегу, Бриджмен, оставшись, внимательно огляделся, но никаких признаков смотрителей и вездехода не обнаружил — буря уничтожила даже следы.

В своей комнате он нашел их визитную карточку.

Прорвавшийся через двери и окна песчаный прилив затопил стол и кровать и остался у задней стены сугробом высотой в три фута. Снаружи занесло защитный барьер, да и контуры пустыни изменились до неузнаваемости — напоминанием о былых перспективах служили обсидиановые шпили, погожие на буйки в волнующемся море. Все утро Бриджмен откапывал свои книги и оборудование, разбирал электрическую систему,

отсоединял аккумуляторы и переносил в комнату наверху. Он мог бы перебраться в пентхаус на верхнем этаже, но свет оттуда был бы виден на много миль.

Обосновавшись на новом месте, Бриджмен включил магнитофон и прослушал короткое сообщение, продиктованное тем отрывистым голосом, что накануне отдавал приказы смотрителям. «Это майор Уэбстер, заместитель коменданта резервации „Кокоа-Бич“. Согласно распоряжению Антивирусного подкомитета Генеральной Ассамблеи ООН, мы возводим ограждение вокруг береговой зоны. По завершении строительства выход из зоны будет запрещен, а лица, пытающиеся бежать, будут возвращаться в резервацию. Сдавайтесь, пока еще…»

Бриджмен остановил пленку, перемотал катушку и, сердито глядя на аппарат, стер запись. Заставить себя заняться наладкой систем и подключением оборудования не получалось. Некоторое время он бесцельно ходил по комнате, поправляя расставленные вдоль стены архитектурные чертежи. Беспокойство и чрезмерное волнение объяснялись, по-видимому, тем, что он уже давно пытался подавить — без особого, впрочем, успеха — те самые сомнения,

о которых напомнил Уэбстер. Выйдя на балкон, он долго смотрел на пустыню и красные дюны, подступившие под самые окна. Этот переезд стал уже четвертым, и череда одинаковых комнат, которые он занимал, представала замещенными, видимыми через призму образами его самого. Их общий фокус, последнее, окончательное определение себя, то, которое он так долго искал, пока что ускользал. Песок безвременья подползал к нему, меняющиеся контуры сжимались теснее, чем любой другой пейзаж, который он искал, чтобы заполнить психологическую пустоту, хороня под собой прошлые неудачи и сомнения, обволакивая их загадочным покровом.

Солнце поднималось все выше, красный песок мерцал и накалялся. Бриджмен знал, что уже никогда не увидит Марс и не отыграется за ту неудачу, но все необходимое для создания копии планеты находилось здесь, в пределах береговой зоны.

Лет пятьдесят назад, когда появились опасения, что бесконечные запуски межпланетных кораблей и космических зондов, а также перемещение на Марс больших объемов всевозможных запасов и оборудования приведут к уменьшению гравитационной массы Земли и смещению ее ор-

биты ближе к Солнцу, сюда доставили в качестве балласта несколько миллионов тонн поверхностного марсианского грунта.

Хотя толщина снятого слоя не превышала нескольких миллиметров и температура атмосферы повысилась лишь незначительно, кумулятивный эффект перемен выразился в потере тонких слоев внешней атмосферы и утрате радиологической защиты, благодаря которой биосфера и оставалась обитаемой.

В течение двадцати лет флот в составе нескольких огромных грузовых кораблей осуществлял челночные рейсы, сбрасывая доставляемый балласт в прибрежные воды у мыса Канаверал. Одновременно русские заполняли марсианским грунтом небольшой участок Каспийского моря. Предполагалось, что песок будет поглощен водами Атлантики и Каспия, но вскоре выяснилось, что результаты проведенного микробиологического анализа не соответствуют действительности.

На марсианских полярных шапках, где конденсировалась испарявшаяся в атмосферу вода, остатки древней органической материи сформировали верхний грунтовый слой, песчаный лёс, состоящий из фоссилизированных спор ги-

гантских лишайников и мхов, последних живых организмов, обитавших на планете миллионы лет назад. В этих спорах присутствовали кристаллические решетки вирусов, живших некогда на растениях, и теперь остатки их попали на Землю с балластом.

Несколько лет спустя в южных штатах Америки и среднеазиатских республиках Советского Союза, Казахстане и Туркменистане, был отмечен резкий рост заболевания растений: по всей Флориде происходили вспышки мозаичной болезни, высыхали и умирали плантации апельсинов, придорожные пальмы расщеплялись, словно шкурки перезрелых бананов, стебли меч-травы в летнюю жару становились жесткими, как бумажные дротики. За несколько лет весь полуостров превратился в пустыню. Болотистые джунгли Эверглейдса высохли, в оставшихся без воды руслах блестели скелеты крокодилов и птиц, леса окаменели.

Космодром на мысе Канаверал закрыли, а уже через некоторое время были блокированы и эвакуированы курорты Кокоа-Бич, объекты недвижимости в миллионы долларов пришлось отдать вирусу. Влияние последнего — не представляющего, к счастью, опасности для скота

— ограничивалось небольшим районом лёса, который, собственно, и послужил его переносчиком, однако, попадая в организм человека и вступая в контакт с определенной бактерией кишечной флоры, он, не причиняя вреда носителю, при повторном попадании в грунт оказывал губительный эффект на растительность не только на мысе Канаверал, но и вдалеке от него.

Хотя ночь и выдалась беспокойной, уснуть не удавалось, и Бриджмен раздраженно включил магнитофон. Спасаясь от смотрителей, в душе он надеялся, что они все же поймают его. Загадочные судороги в ноге имели, скорее всего, психогенный характер. Будучи не в состоянии сознательно принять логику Уэбстера, он смирился бы с пленением как со свершившимся фактом, с благодарностью перенес бы обязательный годичный карантин в отделении паразитологической защиты в Тампе, а потом вернулся бы к карьере архитектора — наказанный, но примирившийся с профессиональной неудачей.

Пока, однако, удобный для капитуляции случай так и не выпал. Трэвис, похоже, догадывался о его двойственных мотивах, и Бриджмен заметил, что ни он, ни Луиза Вудворд ничего не сказали по поводу вечерней встречи.

Вскоре после полудня Бриджмен выбрался на улицу, прошел, бороздя свежие заносы красного песка, по следам, оставленным в переулках Луизой и Трэвисом, и в итоге потерял их на южной окраине города, где песок был другим, более грубым, а мотели утопали среди мелкозернистых дюн. Отказавшись от попыток найти пару, он повернул назад и, проходя пустынными, без теней улицами, то и дело кричал, а потом слушал улетающее и грохочущее между дюнами эхо.

Ближе к вечеру Бриджмен направился на северо-восток, осторожно прокладывая путь через впадины и уклоны, приседая в озерках тени каждый раз, когда ветер приносил издалека звуки работающих по периметру строительных бригад. Зернышки красного песка в огромных котлованах сверкали, словно бриллианты. Тут и там на склонах виднелись ржавые куски марсианских спутников и стартовых ступеней, упавших когда-то в марсианскую пустыню и привезенных потом на Землю. На одном фрагменте, напоминающем вогнутый щит целой секции обшивочной панели, еще можно было разобрать идентификационный номер. Плита стояла в песке вертикально, как дверь, приглашающая в никуда.

Перед закатом Бриджмен добрался до высокого

обсидианового зубца, устремившегося в светло-вишневое небо, будто шпиль разрушенной церкви, поднялся по выступающим карнизам и прошелся взглядам по двух- или трехмильной полосе дюн до самого периметра. Озаренные последним дневным светом, металлические решетки отливали розоватым сиянием, словно сказочные ворота на краю зачарованного моря. Забор растянулся по меньшей мере на милю, и вот теперь, у него на глазах, строительный кран поднял громадную секцию, перенес ее и поставил на место. Растягивающееся ограждение уже закрыло собой восточный горизонт, превратив отрезанный марсианский песок в гравий, разбросанный по дну клетки.

Получив предупреждение — болезненное дрожание в икре, — Бриджмен спрыгнул, подняв облако пыли, и, не оглядываясь, поспешил в город между рифов и дюн.

Позднее, когда последние барочные завитки заката погасли за горизонтом, он устроился на крыше и стал ждать Трэвиса и Луизу, нетерпеливо оглядывая пустынные, залитые лунным светом улицы.

Схождение началось вскоре после полуночи, на высоте 35 градусов в юго-западном секторе неба,

между созвездиями Орла и Змееносца. Продолжая наблюдать за улицами, Бриджмен не обращал внимания на семь ярких точек, несущихся к нему со стороны горизонта, подобно силам вторжения из глубокого космоса. Ничто пока не указывало на то, что их орбитальные дороги скоро пересекутся; спутники двигались так, словно были вместе всегда, в той плотной конфигурации, которую Бриджмен знал с детства, как утраченную зодиакальную эмблему, некое обособленное, сдвинутое с небесной сферы созвездие, отчаянно стремящееся вернуться на прежнее место.

— Трэвис! Чтоб тебя! — рыкнул Бриджмен и, повернув с балкона, двинулся вдоль перил на крыше высотки. Поскольку Трэвис и Луиза избегали его, как парии, он был вынужден признать, что уже не является настоящим бичкомбером, и обретался теперь на ничьей земле, между ними и смотрителями.

Семерка спутников приближалась, и Бриджмен мельком взглянул на них. Сейчас они составляли вполне узнаваемую, но необычную конфигурацию, напоминающую греческую букву Х, косой крест с четырьмя капсулами — Конноли, Ткачев, Меррил и Маяковский — на поперечной линии и тремя на продольной — Покровский, Вудворд

и Бродиснек. Одни видели в конфигурации серп и молот, другие — орла, третьи — свастику, голубя, ту или иную религиозную или руническую эмблему, но, так или иначе, всем им грозила приближающаяся перспектива сгорания. Они и видны были именно по причине медленного разрушения алюминиевых оболочек; часто указывалось, что земной наблюдатель видит не реальную капсулу, а локальное поле испаренного алюминия и ионизированного газа, перекиси водорода из разрушенных двигателей системы ориентации, тянущееся за капсулой полумильным хвостом. Последний из попавших на орбиту, Вудворд был едва заметным пятнышком света. Корпуса капсул, несших в себе прекрасно сохранившийся человеческий груз, неуклонно разрушались, и широкий веер из серебристых брызг, раскрывшийся за Меррилом и Покровским (1998 и 1999), напоминал трансформирующуюся в новую двойную звезду в центре созвездия. По мере уменьшения массы капсулы опускались все ниже и вскоре должны были коснуться более плотных слоев атмосферы, а затем упасть на землю.

Спутники мчались к нему, и Бриджмен, глядя на них, забыл и про Трэвиса, и про свое недоволь-

ство им. Как всегда, этот жутковатый и вместе с тем захватывающий спектакль с участием призрачного конвоя, в очередной раз проносящегося по темному морю полуночного неба, тронул его до глубины души: умершие давным-давно астронавты сходились ненадолго, а потом опять расходились, следуя каждый своим путем, своей траекторией по периметру ионосферы, кромке прилива, грани, отделявшей Земной берег от забравшего их космоса.

Бриджмен никогда не понимал, как Луиза Вудворд может смотреть на это. Однажды, вскоре после прибытия, он пригласил ее в отель, заметив, что оттуда отрывается прекрасный вид на закат, и она резко и с горечью бросила: «Прекрасный вид? Вы хотя бы представляете, каково оно — смотреть на закат, когда ваш муж вертится вокруг Земли в этом гробу?»

Такая реакция была обычной, когда, не сумев пристыковаться к орбитальной платформе, погибли первые космонавты. Позднее была предпринята попытка сбить эти «новые звезды» — тогда всех волновала перспектива увидеть через тысячу лет захламленное космическим мусором небо, — но по прошествии некоторого времени их просто оставили в покое на этом

естественном для них кладбище, где они уже формировали свой ритуал движения.

Скрытые завесами поднятой бурей пыли, спутники сияли примерно с той же силой, что и звезды второй группы яркости, помигивая, когда на пути отраженного света появлялись слоисто-перистые облака.

Хвост диффузного света позади Меррила и Покровского, обычно заслонявший другие капсулы, как будто уменьшился в размерах, и Бриджмен впервые за несколько месяцев ясно увидел Маяковского и Бродиснека. Не упадут ли первыми именно Меррил и Покровский? Формация как раз проходила у него над головой, и Бриджмен сосредоточил внимание на центре креста. И тут же, резко вздохнув, удивленно откинул голову — в привычного вида группе явно недоставало одного пятнышка. То, что он поначалу принял за вмешательство пылевых облаков, объяснялось куда проще: одна из капсул — похоже, Меррила, третья в поперечной линии — свалилась с орбиты.

Задрав голову, не отрывая глаз от направляющегося к восточному горизонту конвоя, Бриджмен смещался от одного края крыши к другому — медленно, бочком, обходя ржавые куски

неоновой вывески. Теперь, когда хвост капсулы Меррила больше не застилал его, Вудворд сиял намного ярче и яснее и даже как будто занял место последнего, хотя тот не должен был свалиться с орбиты по меньшей мере раньше, чем через сто лет.

Где-то вдалеке зарычал двигатель, а секундой позже с другой стороны донесся слабый женский крик. Бриджмен шагнул к перилам и увидел на крыше высотки, через два дома от него, два силуэта. И тут же Луиза Вудворд вскрикнула снова. Вскинув обе руки, она указывала на небо, и ветер трепал ее длинные волосы. Трэвис пытался сдержать Луизу, и Бриджмен, наблюдая за ними, понял, в чем дело: по всей видимости, несчастная женщина решила, что упавшим астронавтом был не Меррил, а ее муж. Бриджмен перебрался на край балкона и уже оттуда продолжал следить за развитием печальной и трогательной сцены на далекой крыше.

Где-то между дюнами снова заурчал мотор. Не успел Бриджмен обернуться, как небо на юго-востоке расколол сверкающий клинок света. Словно мчащаяся на громадной скорости комета, длиннющий хвост огненных частиц протянулся за ним до самого горизонта, четко выписы-

вая нисходящую траекторию. Отделившись от остальных капсул, уже исчезавших среди звезд в восточной части горизонта, эта была теперь в считаных милях от земли.

Судя по направлению движения, сорвавшийся с орбиты спутник метил в отель. Расширяющаяся корона белого света, словно гигантская сигнальная ракета, озарила крыши зданий, вычертив буквы неоновых вывесок над затопленными мотелями на краю города. Бриджмен метнулся к двери и уже сбегал по лестнице, когда сияние падающего сателлита заполнило мрачные улицы, словно свет тысячи лун. Из своей комнаты, защищенной громадиной отеля, он увидел, как дюны перед ним вспыхнули, будто театральная сцена. Сотнях в трех ярдов от отеля на гребне песчаного холма замер приземистый, в камуфляжной раскраске вездеход; свет его прожектора совершенно растворился в льющемся с неба свечении.

С глухим металлическим стоном охваченный пламенем катафалк мертвого астронавта взметнулся вверх, рассыпая каскад испаряющихся металлических частиц и заливая небо нестерпимым жаром. Отраженная вниз, словно экспресс под прожекторами самолета, длинная полоса света шириной в несколько сотен ярдов устреми-

лась через пустыню к морю. Бриджмен заслонил ладонью глаза, и в этот момент полоса вдруг вскинулась, подброшенная мощным взрывом. Громадная стена белой пыли поднялась в воздух и медленно осела на землю. Грохочущие раскаты, набирая силу, докатились до отеля и, достигнув крещендо, пробарабанили по окнам. Словно эхом большого взрыва несколько мелких взметнулись переливчатыми опаловыми фонтанами. По всей пустыне, там, где упали фрагменты капсулы, вспыхнули недолгие пожары. Затем шум постепенно стих, и в воздухе повисла огромная, напоминающая серебристое покрывало пелена светящегося газа со вспыхивающими и гаснущими в ней частицами.

В паре сотен ярдов от отеля по песку бежала Луиза Вудворд. За ней, отставая шагов на двадцать, следовал Трэвис. Наблюдая за тем, как они то исчезают за дюнами, то появляются снова, Бриджмен вдруг ощутил холодный удар в лицо. Свет из поворотной фары залил комнату. Вездеход двигался прямо к нему, и сидящие на борту смотрители приготовили сети и лассо.

Бриджмен быстро перелез через перила, спрыгнул на песок и побежал к вершине первой дюны. Луч уже искал его, рыская в темноте. Светяща-

яся пелена вверху понемногу меркла, частички металла постепенно опускались на темный марсианский песок. Вдалеке, между растянувшимися по побережью отелями, еще звучало убегающее эхо.

Через пять минут его поймали. Вместе с Луизой Вудворд и Трэвисом. Капсула при падении сровняла с землей несколько дюн, сформировав мелкую впадину диаметром в четверть мили, на склонах которой сверкали, словно меркнущие глаза, разбросанные частицы.

Вездеход рычал в четырех-пяти сотнях ярдов у него за спиной. Бриджмен перешел на шаг и остановился возле стоявшего на коленях и пытавшегося отдышаться Трэвиса. Неподалеку, растерянно всматриваясь в обугленные куски металла, бегала туда-сюда Луиза. В какой-то момент луч вездехода наткнулся на нее, и она спряталась за дюнами. На лице ее, как успел заметить Бриджмен, застыло выражение безутешного горя.

Трэвис все еще стоял на коленях и, подобрав кусок железа, сжимал его в руках.

— Трэвис, ради бога, да скажи ты ей! Это наверняка капсула Меррила! Вудворд все еще в небе!

Трэвис молча и пристально посмотрел на Бриджмена. Болевой спазм расщепил губы, и

Бриджмен вдруг понял, что кусок железа мерцает жаром.

— Трэвис! — Он попытался развести его руки и ощутил едкий, вонючий запах горящей плоти.

— Оставь ее в покое. — Трэвис оттолкнул его. — Уходи со смотрителями!

Бриджмен отступил от приближающегося вездехода. Луч фары шарил по впадине в тридцати ярдах от него. Луиза продолжала искать что-то между дюнами. Трэвис не сдвинулся с места, а когда смотрители спрыгнули с машины и двинулись к нему со своими сетями и лассо, поднял окровавленные руки, сжимая, словно кинжал, стальной шип. Во главе смотрителей, единственный без маски, шел подтянутый, аккуратный мужчина с серьезным, напряженным лицом. Бриджмен понял, что это и есть майор Уэбстер и что смотрители знали о предстоящем падении капсулы и надеялись захватить их, в первую очередь Луизу, раньше.

Бриджмен побрел назад, к дюнам в конце впадины. Подходя к вершине, он зацепился ногой о какую-то полукруглую пластину и сел на песок. Пластина определенно была частью контрольной панели с сохранившимся корпусом.

Поблескивающая пелена пара сдвинулась к

северо-востоку, и отраженный свет падал на заржавевшие конструкции бывшей стартовой площадки мыса Канаверал.

На несколько секунд порталы и краны окутались серебряным блеском, преображенные испарившимся телом мертвого астронавта, рассеявшегося над ними в прощальном жесте, вернувшегося навсегда туда, откуда он столетие назад начал путь к смерти. Потом они снова погрузились в свои грубые, шероховатые тени, и покров соскользнул, как призрак, к морю, едва отличимый от сияния звезд.

Внизу, окруженный смотрителями, сидел на земле Трэвис. Словно обезумевший краб, он дергался то туда, то сюда и швырял в смотрителей пригоршни зараженного вирусом песка. Прижимая к лицу маски, смотрители окружали его, держа наготове сети и лассо. Другая группа медленно подступала к Бриджмену.

Бриджмен взял пригоршню темного марсианского песка возле инструментальной панели. Мягкие, поблескивающие кристаллы согрели ладонь. Перед его внутренним взором еще лежал укрытый серебром стартовый комплекс на другом берегу залива, забавный мираж, почти идентичный спроектированному им давным-

давно марсианскому городу.

Пелена растворилась над морем. Бриджмен окинул взглядом разбросанные по склонам обломки капсулы Меррила. Высоко в западной части неба, между Пегасом и Лебедем, сверкал далекий диск планеты Марс, долгое время служивший и для него самого, и для мертвого астронавта символом неудовлетворенных амбиций. Копию той планеты, пассивно лежавшую вокруг него, остужал гулявший по песку ветер, и он наконец понял, зачем приехал сюда и почему не смог уехать.

В стороне, шагах в двадцати, Трэвис, как дикая собака, бился в центре опутавших его сетей. Луиза Вудворд бежала между дюнами к морю, следом за исчезающим газовым облаком.

Словно получив доступ к новообретенной уверенности, Бриджмен ударил кулаком по темному песку, основательно погрузив в него руку. Кусок раскаленного металла от капсулы Меррила обжег запястье, соединив его с духом умершего астронавта. Разбросанный по марсианскому песку Меррил в некотором смысле все же достиг Марса.

— К черту! — торжествующе крикнул Бриджмен за мгновение до того, как лассо смотрителей сдавили его шею и плечи. — Мы сделали это!

1962

The Cage of Sand. Первая публикация в журнале *New Worlds*, июнь 1962.

Перевод С. Самуйлова

Смотровые вышки

Пришел новый день, и на смотровых вышках что-то было нечисто. Все еще утром подметили, а к полудню, когда Рэнтелл из отеля направился к миссис Озмонд, странное волнение вошло в свой пик. Улицу заполонили люди — все стояли, шептались между собой и тыкали пальцами в небо.

Рэнтелл привык не уделять много внимания смотровым вышкам; строго говоря, любое касание этой темы его раздражало. Но сейчас, стоя в тени дома в начале улицы, он вдруг понял, что не может оторвать глаз от ближайшей, той, что словно бы левитировала над Публичной библиотекой, в сотне футов от него и в двадцати над крышей здания. Казалось, застекленная кабина в основании вышки ломилась от смотрящих — они открывали и закрывали окна и устанавливали громоздкое наблюдательное оборудование. Он оглядел все остальные вышки, снисходящие с неба с интервалом в три сотни футов в каждую сторону, подмечая вспышки света, порождаемые открываемыми окнами.

Старец в мешковатом, не по фигуре, черном

костюме и рубашке с накрахмаленным воротничком, обычно ошивавшийся неподалеку от библиотеки, через улицу прошаркал к Рэнтеллу и встал рядом, в тени вышек.

— Что-то там намечается, нутром чую. — Сделав из узловатых ладоней козырек, он приложил их к глазам и сощурился на вышки. — Сколько себя помню, такого с ними не было.

Рэнтелл вгляделся в лицо старца. Изменения в укладе, само собой, волновали его, но в то же время у него будто камень с души упал.

— Нечего волноваться. Радует уже то, что ситуация стронулась с мертвой точки.

Прежде чем старец ответил, он развернулся на каблуках и зашагал прочь. Десять минут ушли на то, чтобы добраться до улицы миссис Озмонд. Рэнтелл шагал, глядя себе под ноги, не обращая на проходящих мимо людей никакого внимания. Под сенью вышек — целых четыре выстроились в ряд прямо по центру — улица дышала запустением. Половина домов здесь, лишившись своих обитателей, медленно скатывалась к необратимому упадку. Обычно Рэнтелл осматривал каждый участок с пристрастием, пытаясь решить, не переехать ли из отеля куда-нибудь сюда, но изменения на смотровых вышках повергли его

в волнение, куда как превосходящее ожидаемое, и поэтому мимо террас он шел, не сбавляя шага.

Дом миссис Озмонд стоял на полпути вниз по улице, его калитка свободно моталась на ржавых петлях. Рэнтелл замешкался под платаном, растущим у края тротуара, затем пересек узкий сад и открыл дверь.

Обычно миссис Озмонд проводила весь день сидя на веранде под солнцепеком и глядя на сорняки в саду, но сегодня она предпочла укрыться в гостиной. Когда Рэнтелл пришел, она разбирала чемодан, набитый старыми бумагами.

Обойдясь без приветственных объятий, Рэнтелл подошел к окну и раздернул глухие шторы. Там, снаружи, была смотровая вышка — футах в девяноста прямо впереди, зависшая над параллельной грядой пустых домов. Линии вышек отступали по диагонали слева направо к горизонту, частично затененные светлой дымкой.

— Как думаешь, стоило приходить сегодня? — спросила миссис Озмонд, умещая свой внушительный зад в кресло.

— Почему бы и нет? — спросил Рэнтелл. Он глядел на вышки, засунув руки в карманы.

— Но если они начнут пристальнее следить за нами, то заметят, что ты ходишь ко мне.

— Не стоит верить всем слухам, которые слышишь, — спокойно ответил Рэнтелл.

— Что же тогда все это значит?

— Понятия не имею. Эта их возня может и не нести в себе никакого умысла, как и наша. — Он пожал плечами. — Возможно, они и в самом деле собираются установить за нами надзор. Но что нам с того, если они только и делают, что смотрят?

— Тогда лучше тебе вообще не заявляться сюда!

— Почему же? Вряд ли они могут видеть сквозь стены.

— Не так уж они тупы, — бросила миссис Озмонд. — Скоро сложат два и два, если уже не сподобились.

Рэнтелл отвел взгляд от вышки и смерил миссис Озмонд взглядом, полным библейского терпения.

— Моя дорогая миссис Озмонд, в этом доме нет подслушивающей аппаратуры. Потому им сейчас абсолютно неведомо, чем мы занимаемся — пошивом молитвенных ковров или обсуждением эндокринной системы ленточного червя.

— Молитвенные ковры и ленточные черви? Кто угодно, но не ты, Чарльз, — с коротким смешком

промолвила миссис Озмонд. — Если они знают тебя хоть сколько-нибудь — они поймут.

Явно довольная своим ответом, она смягчилась и взяла сигарету из шкатулки на столе.

— Может статься, что не знают, — сухо произнес Рэнтелл. — Да я на все сто процентов уверен, что не знают. Если бы знали, то не думаю, что я еще находился бы здесь.

Сгорбившись — верный признак волнения, — он уселся на софу.

— Занятия в школе сегодня будут? — спросила миссис Озмонд, когда он закинул свои длинные худые ноги на чайный столик.

— Должны быть, — ответил Рэнтелл. — Хансон сегодня утром ходил в городскую управу, но там, как всегда, ничего внятного не сказали. Да и толку от нее, от этой школы. Давай лучше сегодня пойдем на концерт?

— Разве его не отменили?

— Конечно нет.

— Мне что-то не очень хочется, Чарльз. — Миссис Озмонд нахмурилась. — Что там за репертуар у Хансона?

— Чайковский и Григ, — воодушевленно произнес Рэнтелл. — Ты должна пойти. Мы же не можем дни напролет сидеть дома, загибаясь от

тоски.

— Я все понимаю, — протянула миссис Озмонд капризно. — Но у меня нет настроения. Давай сегодня не пойдем. Да и пластинки меня утомили — я их столько раз слышала.

— Мне, признаться, от них тоже проку мало. С другой стороны, хоть какое-то занятие.

Встав, он плотно задернул шторы. Постоял немного, вернулся на софу. Протянул руку к миссис Озмонд и нежно намотал на палец завиток ее тонких сухих волос. Когда его рука как бы невзначай скользнула к ней на колени, миссис Озмонд резко поднялась и отошла от софы, одергивая подол юбки.

— Джулия, да что с тобой? Ты совсем не в духе?

Миссис Озмонд встала у окна и через щель в шторах уставилась на смотровые вышки.

— Как ты думаешь, они выйдут оттуда?

— Разумеется, нет! С чего бы им? — Абсурдное раздражение зародилось в его душе, и он вдруг понял, что хочет убежать, причем как можно скорее, из этой затененной и запыленной комнатушки. Встав, он застегнулся на все пуговицы:

— Жду тебя сегодня в Институте в три часа, Джулия. Не опаздывай на концерт.

Она отстраненно кивнула, открыла дверь и гу-

синой походкой прошествовала наружу, похоже, даже не осознавая, что теперь-то ее совершенно точно хорошо видно тем, кто находится на смотровых вышках. Маска молельщицы сковала ее лицо.

Как и ожидал Рэнтелл, школа не открылась на следующий день. Устав торчать у отеля в послеобеденный перерыв, он на пару с Хансоном пошел к подозрительно тихому зданию администрации. Один-единственный чиновник, попавшийся им внутри, помочь не смог.

— У нас сейчас нет приказов сверху, — сказал он. — Не волнуйтесь, как только ситуация прояснится, мы с вами свяжемся. Хотя, насколько я знаю, эти каникулы будут бессрочными.

— Так решил комитет? — осведомился Рэнтелл. — Или очередной идиот в Совете?

— Нет больше никакого комитета, — вздохнув, пояснил чиновник. — Боюсь, сегодня вы и советника не застанете. — Прежде чем Рэнтелл успел ввернуть хоть слово, он добавил: — За жалованье не волнуйтесь, его не перестанут начислять. Не верите — загляните в отдел финансов.

Покинув администрацию, Рэнтелл и Хансон стали искать кафе. Найдя то, что еще работало, они уселись под навесом, то и дело бросая зряш-

ные взгляды на смотровые вышки, висящие над окрестными крышами. По сравнению с предыдущим днем активность внутри значительно снизилась. Ближайшая вышка была всего в пятидесяти футах, непосредственно над заброшенным офисным зданием на другой стороне улицы. Окна в смотровом ярусе оставались закрытыми, но каждые несколько минут Рэнтелл подмечал тень, движущуюся за стеклами.

В конце концов официантка вышла к ним, и он заказал чашку кофе.

— Кому бы преподать пару уроков? — посетовал Хансон. — Не люблю бездействие.

— А что, это идея, — улыбнулся Рэнтелл. — Остается только кого-нибудь завлечь. Ты уж прости, что со вчерашним концертом не свезло.

Хансон пожал плечами.

— Посмотрим, смогу ли я раздобыть новые пластинки. Кстати, Джулия вчера выглядела на все сто.

— Выходы в свет идут ей на пользу, — кивнул Рэнтелл. — Хотелось бы мне гулять с ней почаще.

— Даже несмотря на все это? — Хансон ткнул пальцем в небо. Вышки не среагировали.

— Да плевать на них! — в сердцах бросил Рэн-

телл. Обсуждение личной жизни — своей или чужой, неважно — никогда не входило в число его любимых занятий. Но тему перевести не удалось — опередил его в этом сам Хансон, причем довольно-таки неожиданно:

— Думай как хочешь, но на последнем заседании Совета кое-что было сказано и о тебе, и о старушке Озмонд. Не всем ваша парочка приходится по душе. — Хансон примирительно улыбнулся в ответ на мгновенно помрачневший взгляд Рэнтелла из-за края чашки с кофе. — Без сомнения, они просто бесятся, как дети, но твое поведение все же… весьма своеобразно.

— Какое им до меня дело? — У Рэнтелла с трудом получалось сдерживаться.

— Никакого, само собой, — усмехнулся Хансон. — Но поскольку у них в руках власть, то я бы советовал тебе не отмахиваться от подобных указаний. — При этих словах Рэнтелл фыркнул, но Хансон невозмутимо продолжал: — Между прочим, через несколько дней ты можешь получить официальное уведомление.

– *Что?* — Рэнтелл вспыхнул было, но мигом взял себя в руки. — Ты это серьезно? — Когда Хансон кивнул, он зло засмеялся. — Какие идиоты! Не понимаю, какого рожна мы их терпим? Их

глупость возмутительна!

— Осади коней, дружище, — воздел руку Хансон. — Лично я понимаю их точку зрения. Принимая во внимание большое волнение в смотровых вышках вчера, Совет, вероятно, считает, что мы не должны делать ничего такого, что могло бы антагонизировать их по отношению к нам. Кто знает — вдруг люди в Совете действуют согласно прямому указанию *оттуда*?

Рэнтелл смерил Хансона критическим взглядом.

— Ты что, веришь, будто Совет и вышки как-то связаны? Такую околесицу побереги для дошколят. — «Интересно, и кто же скормил Хансону эту дезу», подумалось ему. «Ох уж эти топорные методы администрации!» — А в целом спасибо, что предупредил. Уже вижу все эти страшно смущенные лица общественности, когда мы с Джулией завтра пойдем в кино.

Хансон покачал головой:

— Не получится. В свете вчерашних событий массовые мероприятия отменены.

— Да почему? Неужели там, наверху, не понимают, что народу сейчас всякая отдушина на пользу?! Все в городе по уголкам окопались, ни дать ни взять тараканы. Мы должны вывести

людей на улицы. Объединить под каким-нибудь началом! — Рэнтелл задумался, созерцая вышку в другом конце улицы. За матовыми стеклами все так же сновали тени. — Нужен, допустим, праздник на открытом воздухе — нужен организатор, конечно же…

Хансон, отодвинув стул, поднялся:

— Чарльз, ты лезешь на рожон. Уверен, Совет не одобрит твою идею.

Он ушел, и Рэнтелл остался сидеть за столиком в гордом одиночестве. Где-то полчаса он провел, катая по столешнице опустевшую кофейную чашку и поглядывая на редких пешеходов. Никого более не тянуло посидеть в кафе, и это случайно подвернувшееся одиночество, нарушаемое лишь рядами смотровых вышек над сводами домов, даже радовало Рэнтелла. Если не считать миссис Озмонд, друзей у него не было. Его живой ум и открытое неприятие многих пошловатых проявлений современности отталкивали других. Люди сразу чувствовали его уверенность в себе, идеализм, отстраненность и незаметное, но все же наличествующее превосходство и держались подальше — для них он оставался чудаком-учителем, невесть с какой стати задирающим нос. В отеле он редко заводил разговоры с кем-либо, да

и в целом постояльцы не искали межличностных контактов — за трапезой все предпочитали либо уткнуться в газету или книгу, либо перебрасываться отрывистыми и, по сути, никакого смысла не несущими репликами. Лишь странные пертурбации на смотровых вышках в эти дни могли стать поводом для более-менее продолжительной беседы. Беда была в том, что Рэнтелла тема вышек раздражала.

Он уже собирался уходить, как вдруг на улице появился коренастый мужчина. Рэнтелл узнал его сразу и намеревался было отвернуться, дабы не утруждать себя приветствием, но что-то в облике прохожего зацепило его взгляд. Мужчина с бульдожьей челюстью и лишним весом по-кабаньи переваливался с ноги на ногу. Клетчатый двубортный плащ не сходился на его широкой груди. Мужчину этого звали Виктор Бордман, он был хозяином здешнего кинотеатра под открытым небом, но всем было известно, что в прошлом он промышлял бутлегерством и покрытием борделей. Лично с ним Рэнтелл знаком не был, но порицание Совета явственно роднило его с Бордманом. По словам Хансона, люди из администрации уже хватали этого проныру за руку — и даже пресекли парочку выгодных афер, — но

самодовольно-мизантропичная мина на лице экс-бутлегера во всеуслышанье заявляла о том, что у него все под контролем, никаких проблем.

Когда Бордман поймал взгляд Рэнтелла, его обширная харя озарилась шкодливой ухмылкой — явно на что-то намекающей, видимо, на предстоящую конфронтацию с Советом. Надо полагать, Бордман думал, что хиляк вроде Рэнтелла перед лицом администрации только и сможет, что лапки свесить. Раздраженный этой мыслью, Рэнтелл отвернулся, краем глаза проследив, как экс-бутлегер беспечным шагом удаляется вниз по улице.

На следующий день смотровые вышки уже ничем о себе не заявляли. Синяя мгла, из чьих недр они выходили, стала гораздо ярче, чем раньше, и сам воздух на улицах будто бы переливался отраженным от оконных панелей светом. Ни намека на движение — насаженный на частокол вышек небесный свод обрел спокойствие, сулившее долгое затишье. Однако Рэнтелл осознал, что нервничает даже больше, чем раньше. Уроки в школе еще не начались, но ему почему-то совсем не хотелось ни навещать миссис Озмонд, ни вообще покидать дом. Словно груз некоего невысказанного вслух обвинения лег на его плечи.

Бесконечная шеренга вышек недвусмысленно напоминала о том, что Совет скоро свяжется с ним — не случайно Хансон заострил на этом внимание. Не случайно, что Совет делал все, дабы укрепить свой авторитет, штамповал мелкие инструкции и дополнения, хотя, казалось бы, наступили каникулы. Рэнтелл с превеликим удовольствием оспорил бы полномочия управы публично, в том числе и те, что лично на него не распространялись — например, запрет на уличные собрания, — но одна только мысль о том, какую шумиху поднимет простой сбор единомышленников, срубала его энтузиазм на корню. Хоть никто из здешних жителей и не показывал управе зубы, солидный их процент, пусть даже втайне, возрадовался бы, узнав о ее роспуске. К сожалению, на роль ядра сопротивления Рэнтелл не особо и претендовал. И никто бы в любом случае не стал поддерживать его, прознай про то, что у него в этом деле есть пусть и ничтожный, но все-таки отчасти шкурный интерес. Неприкосновенность личной жизни городского отщепенца — слишком жалкий повод для вызова против Совета и вышек.

Как ни странно, единственным человеком, оставшимся в стороне от городских проблем,

была миссис Озмонд. Когда Рэнтелл пришел к ней ближе к вечеру, она убиралась у себя дома и явно пребывала в хорошем настроении.

— Что с тобой, Чарльз? — участливо спросила она, когда он упал в кресло с кислой миной. — Что-то ты какой-то грустный.

— Просто утомился. А все эта дурацкая жара. — Когда она присела на подлокотник кресла, он сжал ее колено — будто утопающий, ухватившийся за соломинку. — Ну и управа, куда же без нее — в печенках уже сидит. Пора бы это все из головы выбросить…

Миссис Озмонд погладила его по волосам.

— Пора, чтобы о тебе хоть кто-то позаботился. В отеле тебе явно одиноко, там одни старики — так почему ты не снимешь дом здесь, на этой улице? Мне бы тогда было куда проще присматривать за тобой.

— Может, сразу прямо к тебе? — усмехнулся Рэнтелл. Миссис Озмонд опустила глаза и отошла к окну, закусив губу. Ее взгляд остановился на ближайшей смотровой вышке.

— Как думаешь, — спросила она, — *зачем* они здесь?

— Может, просто смеха ради, — отмахнулся Рэнтелл. — Порой мне кажется, что там, внутри,

вообще никого нет. И что все эти заоконные мельтешения — просто мираж, обман зрения. Никто ведь никогда не видел, чтобы изнутри кто-то выходил. Может, это все — просто пикник на обочине.

— Какое странное сравнение, — покачала головой миссис Озмонд. — Иногда я только и могу, что дивиться тебе. Ты сильно отличаешься от других. Говоришь то, на что я бы ни за что не осмелилась. Но если…

— Что — «если»?

— Чарльз, ты прекрасно понимаешь! Неужели тебе вообще ни капельки не жутко от мысли, что над нами, куда ни глянь, висят *эти штуковины*!

Рэнтелл медленно, будто во сне, обернулся к окну. Однажды он попробовал сосчитать смотровые вышки, но бросил затею, сбившись.

— Да, порой мне жутко. Как старикам в отеле, как Хансону, как любому в городе. Но при этом — не так жутко, как моим ученикам от меня.

— Чарльз, дети очень восприимчивы. Они чувствуют твое наплевательское отношение к ситуации в городе — даже при том, что сами ее в силу возраста не до конца понимают. — Она поежилась и поплотнее запахнула платок на груди. — Знаешь, в те дни, когда на вышках что-

то происходит, я чувствую себя ужасно, *ужасно* разбитой. Такая накатывает тоска, что ничего поделать не могу, просто сижу и разглядываю узоры на обоях. Может, все дело в моей впечатлительности.

Рэнтелл улыбнулся.

— Может быть. Но ты на них просто внимания не обращай. Когда снова будет тоскливо — надень на голову абажур от лампы и повальсируй по комнате.

– *Что?* Чарльз, не будь таким циничным.

— Я ни капли сейчас не циничен. Серьезно, Джулия, думаешь, это что-то изменит?

Миссис Озмонд печально покачала головой:

— Попробуй сам, Чарльз, а потом скажи мне. Куда ты собрался?

Он помедлил у окна.

— Возвращаюсь в отель, там отдохну. Кстати, ты знаешь Виктора Бордмана?

— Раньше знала. А почему ты спрашиваешь?

— Сад рядом с парковочным кинотеатром принадлежит ему?

— По-моему, да. — Миссис Озмонд засмеялась. — Погоди-ка, ты решил заняться садоводством?

— Можно и так сказать. — Махнув на прощание

рукой, Рэнтелл ушел.

Он начал свой обход с доктора Клифтона, чей номер располагался прямо под его собственным. Клифтон был хирургом. Поскольку служебные обязанности отнимали у него не более часа в день — в городе болели и умирали редко, — он приберег все свое рвение для хобби. Часть номера он оборудовал под маленький вольер с дюжиной канареек и большую часть времени проводил в попытках научить их всяким трюкам. Своим фактологическим занудством доктор всегда утомлял Рэнтелла, но он уважал Клифтона хотя бы за то, что он не скатился в полную летаргию, как все остальные.

Доктор внимательно выслушал его.

— Я согласен с тобой, что-то такое, вероятно, необходимо. Хорошая идея, Рэнтелл. Если все обставить как надо, люди опомнятся.

— Главный вопрос, доктор, — вопрос организации. Единственное подходящее место в городе — само здание управы.

Клифтон кивнул:

— Да, проблемка. Боюсь, я не имею никакого влияния на Совет, если об этом ты мне толкуешь. Я не знаю, что тут можно сделать. Тебе придется получить их разрешение, само собой, но и

раньше эти ребята не были ни радикалистами, ни большими оригиналами. Сейчас они точно предпочтут оставить все как есть.

— Они заинтересованы только в сохранении своей власти над людьми, — недовольно заметил Рэнтелл, — но не в самих людях. Мне кажется, их час давно пробил.

Клифтон взглянул на него с интересом, затем отвернулся к клеткам.

— Ты проповедуешь революцию, Рэнтелл, — сказал он тихо, поглаживая указательным пальцем по клюву одну из канареек, и больше от него не прозвучало ни слова.

Списав доктора со счетов, Рэнтелл отдохнул несколько минут в своем номере, меряя шагами полосу выцветшего ковра, а затем спустился на цокольный этаж, чтобы повидаться с менеджером отеля, Мальвини.

— Пока что я просто навожу справки. Еще не ходатайствовал о разрешении, но доктор Клифтон, к примеру, считает, что идея превосходна и нет никаких сомнений, что мы его получим. Как вы отнесетесь к тому, чтобы взять на себя заботу о праздничном столе?

На бледное лицо Мальвини легла тень скептицизма.

— За мной дело не станет. Конечно, я готов, но насколько серьезна ваша затея? Вы полагаете, что получите разрешение? Ошибаетесь, мистер Рэнтелл. Совет вряд ли вас поддержит. Они даже кино закрыли, а вы к ним пойдете с предложением провести праздник на открытом воздухе — с песнями и танцами? В вашу сторону даже не посмотрят!

— Я так не думаю. А вы сами-то как к моей идее относитесь?

— Я считаю так: пока нет реакции Совета, не о чем и говорить.

— А так ли нам нужна она, эта реакция? — с трудом сдерживаясь, поинтересовался Рэнтелл. — С какой стати мы от них так сильно зависим?

Мальвини уткнулся в коллекцию счетов, разложенную на столе, всем своим видом давая понять, что дальнейшего разговора не будет:

— Не сдавайтесь, мистер Рэнтелл, и все получится. Идея-то сама по себе хорошая.

За несколько следующих дней Рэнтелл сумел переговорить с полудюжиной людей. В основном он встречал негативное отношение, но вскоре, как и предполагалось, ощутил сначала неявный, а потом все более отчетливый интерес. Как только он появлялся в столовой, разговоры стихали и

обслуживали его быстрее остальных. Хансон по утрам перестал ходить с ним в кафе, а однажды Рэнтелл застал его за разговором с секретарем городского суда, молодым человеком по имени Барнс. Он-то, решил Рэнтелл, и был источником информации Хансона.

Тем временем активность в смотровых вышках оставалась на нуле. Бесконечные их линии свисали с яркого, туманного неба, смотровые окна закрывались, и люди на улицах внизу медленно погружались в свою обычную бессмысленную дрему, блуждая от отеля до библиотеки и кафе. Определив план действий, Рэнтелл почувствовал, как к нему постепенно возвращается уверенность в себе.

Выждав неделю, он отправился к Виктору Бордману. Бутлегер принял его в своей конторке за кинотеатром, поприветствовав недоброй улыбкой.

— Что ж, мистер Рэнтелл, разведка донесла, что вы подались в развлекательный бизнес. Пьяные игрища и все такое прочее. Признаться, я удивлен.

— Просто эквивалент полной занятости, — поправил его Рэнтелл.

Сесть Бордман ему предложил к окну, явно

намеренно: из кресла открывался превосходный вид на смотровую вышку над крышей соседнего мебельного магазина. Будучи всего в сорока футах отсюда, она затмевала половину неба. Металлические пластины, покрывавшие вытянутые прямоугольники ее сторон, удерживались вместе некой технологией, какую Рэнтелл не мог идентифицировать — не сварка и не клепка, а что-то, из-за чего вышка казалась будто бы одномоментно отлитой прямо на месте. Он придвинулся к Бордману — так, чтобы спинка кресла обратилась к окну.

— Школа все еще закрыта, и я решил — надо заняться чем-то полезным. За это мне и платят. Я пришел к вам, памятуя о вашем большом опыте управленца.

— Да, опыт у меня солидный, мистер Рэнтелл. И очень разнообразный. Как у одного из юстициаров Совета, я так понимаю, у вас есть разрешение?

— Совет — излишне консервативный орган, — уклончиво ответил Рэнтелл. — И сейчас, мистер Бордман, я действую по собственной инициативе. Я проконсультируюсь с Советом позднее, в более подходящий момент — когда смогу сделать им практически осуществимое предложение.

Бордман кивнул с пониманием:

— Разумный ход, мистер Рэнтелл. Что конкретно вы от меня хотите? Организацию?

— Сейчас — нет, но вообще-то я был бы признателен, если бы вы согласились. Сейчас я просто прошу разрешения провести мероприятие на вашей территории.

— Не думаю, что парковочный кинотеатр под такое приспособлен.

— Я не про кинотеатр. Хотя его бар и уборные были бы кстати. — Рэнтелл сочинял на ходу, надеясь лишь, что его план не звучит слишком уж фантастично. — Скажите-ка, а сад при пабе рядом с парковкой тоже принадлежит вам?

На мгновение Бордман замер. Проницательно глядя на Рэнтелла с легким оттенком восхищения в глазах, он стал ровнять ногти ножиком для резки сигар.

— Собрание на открытом воздухе, правильно я понимаю?

Рэнтелл с улыбкой кивнул:

— А ваша репутация-то не врет — быстро схватываете. Вы готовы предоставить нам сад? Разумеется, вам на руки — большая доля прибыли. На самом деле, если это будет для вас достаточным стимулом, можете забирать *всю* прибыль.

Бордман отложил сигару:

— Мистер Рэнтелл, вы интересный человек… Признаться, я вас недооценил. Я-то думал, вами движет простая обида на Совет. Надеюсь, вы понимаете, на что идете?

— Мистер Бордман, вы готовы предоставить сад? — повторил Рэнтелл.

На губах Бордмана играла забавная вдумчивая улыбка, пока он разглядывал смотровую вышку, обрамленную окном.

— Прямо над садом — две опасные зоны, мистер Рэнтелл.

— Я о том прекрасно осведомлен. Вышки сейчас — главная достопримечательность, обозримая из окна отеля. Так все-таки — каков ваш ответ?

Двое мужчин молча смотрели друг на друга, а затем Бордман еле заметно кивнул. Рентэлл понял, что к его замыслу бутлегер отнесся со всей серьезностью. Он явно собирался использовать его в своей борьбе с Советом, рассчитывая в случае успеха на определенную выгоду. Рэнтелл изложил в общих чертах предварительную программу, они договорились о дате проведения и решили встретиться снова в начале следующей недели.

Два дня спустя, как он и ожидал, к нему пришли

первые посланники Совета.

Он ждал за своим обычным столом на террасе кафе, в компании тихонько парящих в воздухе смотровых вышек, когда увидел Хансона, спешащего по улице.

— Присоединяйся! — Рэнтелл отодвинул соседний стул. — Какие новости?

— Никаких. Ты же и сам знаешь, Чарльз. — Он одарил Рэнтелла сухой улыбкой, как бы наставляя нашкодившего, но все-таки любимого ученика, а затем оглядел пустую террасу в поисках официантки. — Обслуживание здесь ни к черту. Скажи мне, Чарльз, что это пошли за разговоры о тебе и Викторе Бордмане? Что-то я своим ушам поверить не могу.

— Разговоры? — переспросил Рэнтелл с невинным видом, откидываясь на спинку стула. — Ничего такого не слышал. Ну-ка, расскажи.

— Мы… то есть я… я подумал, что, наверное, Бордман воспользовался какой-нибудь твоей совершенно невинной фразой, оброненной случайно. Эта затея с праздником в саду, якобы организуемым вами на пару, по-моему, абсолютно безумна.

— Разве?

— Чарльз… — Хансон подался вперед, вгля-

дываясь в лицо Рэнтелла и силясь понять, что скрывается за его спокойствием. — Разумеется, ты затеял это не всерьез?

— Отчего же? Всерьез. Мне захотелось организовать праздник в саду — праздник на открытом воздухе, если называть точно.

— Дело не в том, как это называется, — резко ответил Хансон. — Дело совсем в ином, — он выразительно глянул на небо, — и в том, что ты действующий член Совета.

Рэнтелл сложил руки на груди и стал раскачиваться на стуле взад-вперед.

— Разве это дает право Совету вмешиваться в мою личную жизнь? Вообще-то ничего такого в положении о приеме не сказано. Если им не по душе какая-то моя деятельность, все, что они могут сделать, — показать мне на дверь.

— И покажут, Чарльз! Не мни себя незаменимой фигурой!

— Что ж, да будет так, — спокойно ответствовал Рэнтелл. — Посмотрим, кого они смогут подыскать вместо меня. Удачи им с этим. Значит, до сей поры они полагали, что поступаться моральными принципами ничего не стоит, и не трогали меня…

— Чарльз, ты плохо представляешь себе сло-

жившуюся ситуацию! Еще вчера всем, быть может, было бы и наплевать на тебя и то, что ты вытворяешь. Но вечеринки на открытом воздухе — вопрос общественный, следовательно, находящийся в компетенции Совета!

— Да что ты заладил — Совет, Совет… — лениво отмахнулся Рэнтелл. — Вечеринка — инициатива частная, пропуск только по именным приглашениям; так что, даже в подобных делах мне нужно хватать управу за юбку? Если уж общественный порядок и будет как-то нарушен, всегда можно будет свистнуть полисмена. Из-за чего такой шум, я ведь просто хочу поднять людям настроение!

Хансон тряхнул головой.

— Чарльз, не прикидывайся, будто не понимаешь. Если верить Бордману, действо будет на открытом воздухе, причем прямо на просматриваемом месте. Подумай сам, к чему это все может привести!

— Решительно ни к чему плохому, — отчеканил Рэнтелл.

— Чарльз, будь добр… — Хансон поежился и глянул на ближайшую вышку, словно готовясь к тому, что с нее либо грянет карающая молния, либо прозвучит пулеметная дробь. — Мой тебе совет: откажись от затеи. Осуществить ее до

конца тебе все равно никто не даст, так зачем дразнить собак из управы? Разозленный зверь опасен, помни.

Поднявшись, Рэнтелл утомленно покосился на вышку. Тревога вдруг кольнула в сердце.

— Я пришлю тебе приглашение, — бросил он Хансону на прощание.

На следующий день ему позвонил секретарь городского суда и сообщил, что явится к нему лично. Час был назначен довольно-таки поздний — надо полагать, для того, чтобы дать ему время обдумать свое поведение. Рано-рано поутру Рэнтелл успел навестить миссис Озмонд — та явно нервничала; видимо, ей уже доложили о зреющей смуте. Признаться, ему самому с каждым днем было все трудней и трудней притворяться беспечным. Потому-то он все реже стал появляться на людях и даже втайне был благодарен тому обстоятельству, что школа так и не начала свою работу.

Секретаря суда Рэнтелл встретил в гостиной. Барнс, энергичного вида юноша-брюнет, сразу взял быка за рога — отказавшись от предложения сесть, он развернул в лицо Рэнтеллу протокол последнего заседания управы:

— Мистер Рэнтелл, городскому Совету стало

известно о вашем намерении устроить в саду мистера Бордмана общественное увеселительное мероприятие в ближайшие недели. В связи с этим я вынужден передать вам, что члены Совета не одобряют эту идею и настаивают на том, чтобы вы незамедлительно прекратили подготовку.

— Очень жаль сообщать вам, Барнс, но подготовка продвинулась слишком далеко. Уже совсем скоро мы начнем рассылку именных приглашений.

Барнс замешкался. Его взгляд забегал по несколько запущенной берлоге Рэнтелла, как будто надеясь найти в обстановке какие-то подсказки насчет мотивов ее обитателя.

— Мистер Рэнтелл… вы, может, не понимаете, но я озвучиваю *приказ* управы.

— Все я понимаю. — Усевшись на подоконнике, Рэнтелл стал наблюдать за вышками. — На эту тему со мной уже разговаривал ваш друг Хансон — да вы и сами знаете. Совет *не может* запретить мне проводить мероприятие — точно так же, как я, увы, не могу запретить вам дышать.

— Мистер Рэнтелл, — с оскалом заправского бюрократа парировал Барнс, — приказ был издан ввиду полномочий, возложенных на Совет кое-кем повыше. Так-то вопрос и правда не по нашему

разряду. Если вам так будет проще, считайте, что вам передают прямое указание от… — Он еле заметно кивнул на смотровые вышки.

— Вот оно! — Рэнтелл рывком поднялся на ноги. — Самая суть вопроса! Можете передать этому «кое-кому повыше» мое жирное и окончательное «выкусите»?

Барнс, напуганный таким рвением, отступил на шажок и вытаращился на Рэнтелла.

— Я полагаю, да, сэр. Надеюсь, вы осознаете, на что идете.

Как только Барнс ушел, Рэнтелл зашторил окна, улегся на койку и попробовал слегка расслабиться. Значит, последнее противостояние с Советом намечено на завтра. Получив повестку на внеплановое срочное заседание, он даже обрадовался, ведь теперь главная цель — публичное разоблачение теневых игр управы — казалась вполне достижимой.

Все убеждали его, что ему следует отступиться.

— Тут вина только твоя, Чарльз, — твердил Хансон. — Искренне надеюсь, что они тебя пожалеют — им ведь тоже порой нужно сохранять репутацию у народа.

— Интересы Совета — лишь одна ниточка из клубка, — парировал Рэнтелл. — Барнс мне чуть

ли не прямо заявил, что их за ниточки дергает кто-то со смотровых вышек.

— Ну, — Хансон стушевался, — может, и так. Вот только их хозяева не станут браться за решение таких пустяковых проблем. Они доверяют управе. Покуда власть Совета и авторитет городской управы не подлежат сомнению, покуда соблюдается их закон, они не выдадут себя ничем.

— Не все так просто. Как, скажи мне на милость, происходит связь между смотровыми вышками и членами Совета? По телефону? Посредством семафорной азбуки?

Хансон в ответ лишь рассмеялся и сменил тему.

Аргументы Джулии Озмонд, как всегда, убедительностью не отличались, но сама она ничуть не сомневалась в святости городской власти:

– *Разумеется,* они получают указания с вышек. Не переживай, с чувством меры у них там все в порядке — они ведь разрешали тебе все это время ходить ко мне! Ты совершаешь большую ошибку, ставя себя выше других. Сам посуди — ты ведь уже не молод… Думаешь, хоть кто-то из них — управа, смотровые вышки — собирается бросить тебе вызов? Всерьез наказать? Глупости! Ты попросту недостоин ни их внимания, ни наказания.

Обеденное время Рэнтелл провел, без намека на энтузиазм расковыривая содержимое своей тарелки и всеми фибрами души чувствуя обилие бросаемых на него исподтишка взглядов. Кто-то даже приволок друзей гостями — зал в городской управе явно будет в этот вечер набит битком.

Покончив с нежеланной трапезой, Рэнтелл поднялся к себе. Решил почитать, но буквы перед глазами расплывались и теряли смысл, поэтому он отложил книгу и встал у окна. Смотровые вышки демонстрировали непрошибаемую, абсолютно невинную и ни на какие подозрения не наводящую неподвижность. Рэнтелл глядел прямо, как полководец, изучающий перед боем расположение вражеских позиций. Сегодня мгла сгустилась ниже обычного уровня, из-за чего казалось, что вышки были не более чем торчащими из ореола собственного дыма трубами котельных. Самый обычный индустриальный пейзаж.

Ближайшая к нему вышка зависла над восточной частью сада, чья территория в равной степени принадлежала всем местным отелям. Рэнтелл отвернулся… и тут, самым краем глаза, уловил движение. Окно в наблюдательной зале — оно *открылось*! Солнечные лучи, будто выпущенные умелой рукой лучника стрелы,

отскочили от стекла и вонзились в него. Рэнтелл невольно пошатнулся, схватившись за сердце.

На смотровой вышке ничего не происходило. Все кончилось в мгновение ока — так же быстро, как началось. Глухие окна, отсутствие движения… но он же все своими глазами видел!

Рэнтелл прислушался к шуму в отеле. Хоть кто-то еще должен был заметить, встать на балкон, заговорить об этом с кем-нибудь… но в номерах царила тишина, и только занудный голос Клифтона снизу повторял какой-то безрадостный сумасшедший речитатив — судя по всему, доктор разговаривал с канарейками. Ни одного лица не было заметно и в окнах отеля напротив. «Быть может, обман зрения, — подумал Рэнтелл. — Просто открылось окно в том вот доме, а я все перепутал». Однако такое объяснение не выдерживало критики. Тот нацеленный в него пучок света рассек воздух подобно лезвию бритвы. Подобная сила отражения была свойственна только окнам смотровых вышек.

Посмотрев на часы, Рэнтелл тяжело вздохнул. Пятнадцать минут третьего. До здания администрации пешком идти добрый километр. Он явится на собрание весь растрепанный, с пятнами пота под мышками.

Кто-то робко постучал в дверь. Открыв, Рэнтелл уставился на Мальвини:

— Что вам? Я занят.

— Прошу прощения за беспокойство, мистер Рэнтелл. Человек, представившийся как Барнс, просил в срочном порядке передать вам, что сегодняшнее заседание Совета отложено.

— Видали, — не удержался Рэнтелл, — как быстро они стушевались? Благоразумие прежде доблести. — Он широко улыбнулся управляющему. — Не хотите войти, пропустить чего-нибудь?

— Извините, но у меня тоже есть дела. А что, есть повод праздновать, мистер Рэнтелл?

— Еще какой! Моя вожжа попала управе под хвост, и следующее их заседание, зуб даю, будет сугубо приватным.

— Ваша правда, мистер Рэнтелл. Не вы один считаете, что Совет потерял совесть.

— Вот даже как? Отрадно слышать. Скажите, Мальвини, вы сейчас поднимались по лестнице, мимо панорамного окна. Вы не заметили ничего странного… *там,* снаружи? — Он легонько кивнул на маячившую вышку, не желая акцентировать на ней внимание.

Сощурившись, Мальвини выглянул в сад.

— По-моему, мистер Рэнтелл, там все как обыч-

но. Вы что-то видели подозрительное?

— Ничего, просто открытое окно. — Мальвини явно не понимал, к чему он клонит, и Рэнтелл умерил свое любопытство. — Сообщите мне, если этот Барнс снова изволит что-нибудь передать.

Когда Мальвини ушел, Рэнтелл стал ходить по комнате, насвистывая классический мотив из Моцарта. За три следующих дня его триумфаторский пыл сошел на нет. Никаких сведений о новой дате заседания не поступало, и ему это не нравилось. Он предположил, что готовится закрытое слушание — ну и пусть, суть дела не изменится. Все равно вскоре все будут говорить о том, как он утер нос городской управе. Рэнтелла даже злила мысль, что собрание отложили на неопределенный срок. Избегая прямой конфронтации, Совет избавлял себя от лишних хлопот — довольно-таки мудро.

«Быть может, — подумал Рэнтелл, — я недооценил их». Быть может, они догадались, что реальной целью его провокации были не члены городской управы, а некто на смотровых вышках. Слабое подозрение — как бы он ни старался отвергнуть его подобно детскому страху, оно все еще сохранялось — в том, что существовал некий таинственный сговор между существами

на вышках и Советом, теперь начало расти в его сознании. Вечеринка была с умом задумана как весьма невинный жест неповиновения, и было бы трудно найти что-то другое на ее замену, что не было бы откровенно вопиющим и возмутительным, что не запятнало бы его грехом высокомерия.

Кроме того, как он осторожно напомнил себе, в его планы не входило строительство баррикад. Первоначально он отреагировал на сиюминутное чувство досады, вызванное всеобщими смирением и вялостью и тем угрюмым страхом населения перед вышками. Даже если сейчас бросать вызов их диктату казалось занятием бесполезным, требовалось провести некую принципиальную грань: раз уж их всех содержат в мышеловке, пусть хоть сыр не отбирают. Кроме того, требовалось оскорбление поистине героического масштаба, чтобы спровоцировать любую реакцию со стороны обитателей вышек. Определенная свобода по умолчанию являлась их небольшим, но ценным вложением в город и горожан.

В экзистенциальных терминах это вполне могло что-то значить — тот факт, что практическая черта между черным и белым, между добром и

злом была проведена вдалеке от черты теоретической. Этот рубеж очерчивал сумеречную зону, где пребывала большая часть радостей жизни, где Рэнтелл чувствовал себя комфортнее всего. Его хождения к миссис Озмонд лежали в тех же пределах, и Рэнтеллу бы хотелось изъять их оттуда. Во-первых, следовало оценить степень этого сдвига, морального параллакса, но, отменив заседание комитета, Совет фактически предупредил его.

В ожидании весточки от Барнса он все больше и больше разочаровывался. От вышек, застывших в небе, было никуда не скрыться, и Рэнтелл хмуро сомкнул полоски жалюзи. На плоской крыше, двумя этажами выше, кто-то весь день стучал молотком. Можно было бы выйти и посмотреть, что происходит, но улицы Рэнтелл стал избегать, перестал даже ходить в кафе за утренним кофе.

Наконец, сподобившись подняться по лестнице на крышу, через дверной проем он увидел двух плотников, работающих под наблюдением Мальвини. Они сооружали что-то вроде дощатого настила. Пока Рэнтелл, прикрыв глаза ладонью, привыкал глазами к яркому свету, на лестнице послышались шаги. Поднялся третий рабочий с двумя секциями перил из дешевого дерева.

— Вы уж простите нас за весь этот шум, мистер Рэнтелл, — извинился менеджер. — Завтра, обещаю, все работы будут закончены.

— А что это вы тут делаете? — огляделся Рэнтелл. — Это что… *солярий?*

— Да, вы угадали. — Мальвини кивнул на перила. — Доктор Клифтон нас сейчас консультирует. Чтобы пожилым людям было удобно, мы поставим здесь шезлонги и зонтики. Вам бы тоже не помешало сюда прийти разок-другой.

Рэнтелл задрал голову к смотровой вышке, нависшей прямо над их головами. Камешек, запущенный отсюда, без труда поразил бы один из листов ее обшивки. Крыша отеля была у всех у них на виду. Мальвини определенно тронулся, думая, что хоть кто-то из старичья просидит здесь больше секунды.

Но вот так номер: на крыше соседнего отеля кипела та же работа. Свеженатянутый желтый тент предстал глазам ошеломленного Рэнтелла. Два шезлонга под ним уже были *заняты*.

— А как… как же… смотровые, — пролепетал он.

— Смотровые? — Кто-то из плотников окликнул Мальвини, и тот отвлекся, явно успев потерять нить разговора к тому моменту, как снова обер-

нулся к Рэнтеллу. — А, ну да, само собой. Отсюда можно будет смотреть куда душе угодно.

Окончательно сбитый с толку Рэнтелл спустился к себе в номер. Мальвини то ли не понял его вопроса, то ли решил зло подшутить. И ведь наверняка всех собак за подобные выходки спустят на него, на Рэнтелла. Возможно, он случайно дал волю накопленному за годы жизни в тени вышек народному несогласию.

* * *

К изумлению Рэнтелла, уже на следующее утро лестница громким скрипом дала знать, что первая группа загорающих отправилась на крышу. Перед обедом он сам поднялся туда и застал человек десять-двенадцать, нежащихся под сенью смотровой вышки, подставляющих лица дневной прохладе. Соседство со зловещим обелиском никого, похоже, не волновало и не отягощало. Словно повинуясь некоему инстинкту, старики сбивались в шумные компании. Кто-то на улице вынес стул к подъезду. Кто-то полностью распахнул оконные ставни. Повсюду звучали приветствия и смешки. Тем, кто засел в смотровых вышках, похоже, не было до этого никакого дела. Пристально разглядывая врагов

сквозь прореху в шторах, Рэнтелл лишь однажды заметил что-то, напоминающее длинную тень в окне. В остальном же смотровые вышки хранили свое безучастие, свой покой, свою застывшую во времени и пространстве тайну, рядами уходя далеко за горизонт. Мглистая вуаль, окутывавшая их, истончилась, обнажив опоры массивных колонн, растущие будто бы прямо из облаков.

Хансон явился незадолго до обеда:

— Здравствуй, Чарли. Хорошие новости — завтра открывается школа! Как здорово, а то у меня от безделья уже совсем мозги в кашу превратились.

— Совет дал добро? — уточнил Рэнтелл. — С чего бы вдруг?

— Ну, когда-то же занятия должны были начаться. А ты, я смотрю, не рад?

— Еще как рад. Меня хотя бы не уволили?

— А? О чем ты, Чарли? Другого такого нам нигде не найти. Что это ты, в самом деле!

Разгоряченным лбом Рэнтелл приник к стеклу, рассеянно оглядывая загорающих. «И чего я только жду, — вдруг разозлился он на самого себя, — ведь эти вышки — они все такие же».

— Когда Совет будет слушать мое дело?

— Дело? — Хансон почесал в затылке, будто не

совсем понимая, о чем идет речь. — Не думаю, что теперь оно их вообще волнует. Тебя на мякине не провести, им-то уже понятно. Так что просто наплюй.

— Наплевать? Но я не могу, Хансон. Я *настаиваю* на проведении слушания. Черт, ведь я затеял эту дурацкую вечеринку, чтобы раскрыть сговор! И теперь они просто сдаются?

— Ты так говоришь, будто это что-то невозможное. В Совете тоже живые люди сидят, у них своих забот хватает. — Хансон улыбнулся. — Им бы сейчас тоже не помешали билеты на твою вечеринку.

— Ага. Обойдутся как-нибудь. Знаешь, мне кажется, кто-то очень изобретательно надо мной издевается. Если вечеринка не состоится, все решат, что я сдался.

— Она состоится, ты что, не видел Бордмана? Он так и виляет хвостом, явно готовит грандиозную программу. Смотри, как бы он не приписал все лавры одному себе.

— Погоди-ка. — Рэнтелл отлип от окна. — Бордман готовится к вечеринке?

— Еще как! Натянул большой тент над парковкой, расставил киоски, всюду флажки…

— Вот ведь чокнутый! — Рэнтелл стукнул ку-

лаком по ладони. — Сейчас надо быть очень осторожным, какая-то чертовщина творится. Я убежден, что Совет просто тянет время. Они там намеренно ослабили хватку, чтоб мы сами себя переиграли. Ты видишь всех этих людей на крышах? Они принимают *солнечные ванны*!

— Ну так и хорошо. Разве не такого ты всегда хотел?

— Не в столь вопиющей форме! — Рэнтелл указал на ближайшую смотровую вышку. Окна были запечатаны, но отраженный от них свет бил намного ярче, чем обычно. — Рано или поздно с их стороны последует ответ — быстрый и беспощадный. Вот чего ждет Совет.

— При чем тут Совет? Если людям хочется сидеть на крыше, чье это дело, если не их собственное? Ты вообще обедать-то идешь?

— Момент. — Стоя у окна, Рэнтелл внимательно разглядывал Хансона. Неожиданно ему в голову пришло новое возможное объяснение происходящего. И проверить эту версию было легко. — Гонг уже был? А то мои часы встали.

— Двенадцать тридцать. — Хансон глянул на часы, потом — на ратушу за окном.

Рэнтелл давно роптал на свой номер, главным образом из-за того, что ближайшая смотровая

вышка практически целиком перекрывала вид на городские часы. Хансон перевел стрелку и кивнул:

— Тридцать одна минута, если быть точным. Жду тебя внизу.

После того как за ним закрылась дверь, Рэнтелл рухнул на кровать. Он был напуган и вымотан. И что еще хуже — совершенно не знал, чем объяснить этот новый поворот событий.

На следующий день, когда к нему пришел Бордман, вскрылось новое доказательство его сумасшествия. Обескураженно оглядывая запущенную комнату и ссутулившегося в кресле у окна Рэнтелла, Бордман говорил:

— Нет, мистер Рэнтелл, сейчас не может быть и речи об отмене праздника. Ярмарка фактически уже началась. Да и как такое пришло вам в голову?

— Мы договаривались о вечеринке, — сказал Рэнтелл, — а не о ярмарке.

— Да какая разница, — усмехнулся Бордман. — Я планирую весь участок сделать крытым и переоборудовать во что-то вроде постоянно действующего парка развлечений. Совет не будет вмешиваться — они такие вещи спускают сейчас на тормозах.

— Разве? Сомневаюсь. — Рэнтелл посмотрел вниз, в сад. Мужчины закатали рукава пиджаков, женщины нарядились в летние платья, почему-то забыв об угрозе, затмевавшей небо прямо над их макушками. Мгла подобралась сильнее, обнажив еще футов двести небесных опор. Вышки выглядели мирно, но Рэнтелл был уверен: это все ненадолго.

— Скажи мне, Бордман, — спросил он, отчетливо выговаривая каждое слово, — ты не боишься смотровых вышек?

— Каких вышек? — Бордман удивленно хмыкнул, помахал в воздухе незажженной сигарой. — Американских горок, что ли? У меня их не будет. Мне ли не знать, что у нас в городе отродясь не водилось любителей забираться по лестницам в две сотни ступеней!

Запалив сигару, он встал и направился к двери.

— До скорого, мистер Рэнтелл. Я пришлю вам приглашение.

Во второй половине дня Рэнтелл постучался в номер к доктору Клифтону.

— Простите, док, — извинился он. — Можно вас попросить осмотреть меня?

— Но ведь не здесь же, мистер Рэнтелл, не в

отеле. — Клифтон оторвался от своих канареек, не скрывая недовольства, но, увидев лицо Рэнтелла, сменил гнев на милость. — Эй, что с вами стряслось?

Пока Клифтон мыл руки, Рэнтелл начал рассказывать:

— Скажите, доктор, возможен ли массовый гипноз? Вам известны подобные случаи? Я подразумеваю не горе-гипнотизеров на сельских ярмарках, а ситуацию, когда всех членов некоего небольшого сообщества — например, всех жителей нашего отеля — можно было бы заставить поверить в то, что всецело противоречит здравому смыслу.

Клифтон перестал мыть руки.

— Я думал, вы пришли ко мне по делу. Я врач, а не парапсихолог. Что вы еще затеяли, Рэнтелл? Сначала вечеринки на открытом воздухе, теперь вот массовый гипноз. И как вы только сами от себя не устаете!

Рэнтелл покачал головой:

— Не я буду гипнотизировать, доктор. Кто-то этим уже успешно занимается. Скажите, вы не замечали в последнее время, чтобы пациенты вели себя как-нибудь… странно?

— Нет, все мои пациенты в норме, — сухо от-

ветил Клифтон, подозрительно косясь на дверь за спиной Рэнтелла. — Так кто там у вас гипнозами балуется? — Когда Рэнтелл ткнул пальцем в потолок с пристыженным видом, Клифтон кивнул: — А, все ясно. Жуткие дела!

— Жуткие — не то слово. Я рад, что хоть вы меня понимаете. — Рэнтелл подошел к окну и ткнул пальцем в сторону вышек: — Напоследок, доктор, если вы не возражаете, я хотел бы кое-что для себя прояснить. Вы их тоже видите?

С ответом Клифтон почему-то медлил.

— Да, вижу, — наконец выдал он.

— Боже, спасибо. Камень с души. А я-то уже начал думать, что с ума схожу. Можете себе представить, Хансон и Бордман их больше не видят! И я совершенно уверен, что никто из сидящих на крышах людей — тоже, иначе их оттуда как ветром сдуло бы. Я убежден, что все это работа Совета, хотя представляется маловероятным, чтобы их власть так далеко… — Он умолк, почувствовав, что Клифтон пристально смотрит на него. — В чем дело? Доктор!

Жестом фокусника доктор материализовал откуда-то бланки рецептов.

— Мистер Рэнтелл, осторожность — основа любой стратегии. Берегитесь поспешных шагов,

и будет вам счастье. Сегодня лучше нам обоим отдохнуть. Примите успокоительное…

* * *

…Впервые за несколько дней Рэнтелл отважился выйти на улицу. Спустившись вниз, он разозлился на себя за то, что дал доктору так легко себя провести. По тротуарам он зашаркал к дому миссис Озмонд, решив найти хотя бы одного человека, все еще способного видеть вышки. За долгое время улицы впервые наполнились людьми, и, похоже, только он один периодически с опаской косился на небо, курсируя меж пешеходов. Над его головой, подобно мачтам штурмового корабля, чей капитан готовит сокрушительный воздушный налет, нависали смотровые вышки. Они были везде — и между двух шпилей церкви, и над главным бульваром, и над прогулочной дорожкой с колясками…

Рэнтелл миновал кафе, удивился при виде террасы, обсаженной любителями кофе, а затем увидел шатер Бордмана на автостоянке кинотеатра. Скрипучий «Вюрлитцер» плевался хриплой музыкой, радужные флаги развевались на ветру.

Когда до дома миссис Озмонд осталось где-то двадцать ярдов, Рэнтелл увидел, как она сама,

нацепив разлапистую соломенную шляпу, выходит на улицу.

— Чарльз, какими судьбами! Тебя так долго не было видно, я уже начала волноваться. Что с тобой? Ты выглядишь каким-то… уставшим.

Рэнтелл за руку отвел ее обратно в дом, закрыл за ними дверь, замер в полутьме холла, восстанавливая сбившееся дыхание.

— Лицо у тебя такое, будто за тобой черти гонятся.

— В это трудно поверить, Джулия, но надо признаться, что мне начхать на мое лицо. — Войдя в гостиную, он первым делом прошествовал к окну и удостоверился, что все вышки на месте. — Присядь пока. Прости, что вот так вот вламываюсь. Мне нужно кое-что прояснить. — Пока миссис Озмонд с озадаченным видом усаживалась на диван, он, привалившись к каминной полке, собирался с мыслями. — В последнее время моя жизнь — какой-то жуткий сон, других слов не подберу. Клифтон выставил меня полным психом. А я-то думал!..

— Чарльз…

— Прошу, не перебивай. Я и так на последнем издыхании. Это какое-то безумие, но почему-то я, кажется, единственный, кто сохранил рассудок.

Я понимаю, что со стороны кажется, будто я несу околесицу, но все так и есть. *Почему* все так, я не знаю. Мне страшно, но только потому, что я чувствую: они переходят в наступление. Джулия, что ты видишь из окна?

Миссис Озмонд сняла шляпу и, прищурившись, выглянула наружу.

— Чарльз, может, ты все-таки объяснишь, в чем дело? Я надену очки…

— Джулия! Раньше, чтобы увидеть *их*, очки тебе не требовались. Что там?

— Ну, дома, парк…

— Так, что еще?

— Деревья…

— Что насчет неба?

Она кивнула:

— Да, вижу, там как будто туман? Или у меня что-то с глазами?

— Нет. — Рэнтелл утомленно отвернулся от окна. Впервые его охватила непреодолимая усталость. — Джулия, — мягко спросил он, — ты не помнишь о смотровых вышках?

Она медленно покачала головой:

— Нет. А где они стояли? — На ее лице проступила тревога. — Милый, ты не болен?

Рэнтелл с трудом выпрямился:

— Не знаю… — Он потрогал свой лоб. — Ты *совсем* не помнишь их? — Он указал на вышку, стрелой торчащую в окне. — Вон там была одна, над домами. Мы всегда смотрели на нее. Помнишь, как мы опускали шторы в комнате наверху?

— Чарльз, я ничего такого… постой, куда ты?

— На улицу, — произнес он мертвым голосом. — Что тут сидеть.

Отворив дверь, Рэнтелл побрел куда глаза глядят. Она окликнула его, но он не стал оборачиваться. Ноги сами несли его куда-то. Какие-то люди окликали его по имени — ученики, чьи занятия сегодня прошли без него, их матери, еще кто-то. Ему не было до них дела — он очень, очень устал. Смотровые вышки давили на него, пригибали к земле.

А вокруг цвел чудесный солнечный день.

Вскоре он понял, что заплутал, забрел в какую-то совершенно незнакомую часть города. Стоило, конечно, сориентироваться по этим ненавистным небесным редутам, но теперь ему почему-то было боязно поднимать к ним глаза. Шагая по старому городу, бедняцкой обители, минуя неубранные мусорные завалы, опираясь на кривые заборы и расшвыривая ногами камеш-

ки, он обращал внимание лишь на то, как дома, преимущественно одноэтажные и обветшалые, уступают место открытым просторам небес. Смотровые вышки были и здесь — тянулись до самого края земли, а может, и дальше; иглы, воткнутые в ткань реальности небесным портным.

Мозоль на ноге саднила. Было жарко, и он развязал узел галстука. Надо было как-то выбираться отсюда. Над головой мелькнула какая-то тень, но он заставил себя не поднимать глаз. Повисла тишина — столь сильная, что едва ли не оглушительная.

Старец в мешковатом, не по фигуре, черном костюме и рубашке с накрахмаленным воротничком, обычно ошивавшийся неподалеку от библиотеки, через улицу прошаркал к Рэнтеллу и встал рядом, в тени вышек. Руки он держал в карманах. Сощурив выцветшие глазки на небо, он вздохнул, будто вспомнил о чем-то давно утерянном и позабытом. Потом он потопал к пустырю. Рэнтелл так и не успел окликнуть его, не решился вовремя — старец уже исчез за стеной дома с медленно осыпающимся фасадом.

И снова что-то промелькнуло прямо над ним, и снова, и снова. Асфальт под его ногами замерцал разноцветными бликами — само небо искрилось,

словно где-то там, наверху, кто-то открывал и закрывал множество окон. Но это мельтешение прекратилось так же резко, как и началось.

Обхватив себя руками за плечи и дрожа, Рэнтелл выждал до последнего. Только потом он поднял голову к ближайшей смотровой вышке, в пятидесяти футах над ним, и окинул взглядом сотни и сотни башен, что свисали с чистого неба гигантскими сталактитами. Туман рассеялся, и зрелище обрело беспрецедентную ясность.

Насколько он мог видеть, *все* смотровые окна были открыты.

Недвижимые и молчаливые, жители вышек смотрели на него во все свое множество сияющих глаз.

1962

The Watch-Towers. Первая публикация в журнале *Science Fantasy*, июнь 1962.

Перевод Г. Шокина

Музыка статуй

Из цикла «Алые Пески»

И снова прошлой ночью, когда налетел ветер со стороны Западной Лагуны, я услышал обрывки музыки статуй, возносивших дифирамбы Ланоре Гален. Идя по медному песку к рифам, где растут звуковые скульптуры, я бродил в темноте среди металлических садов, в поиске голоса Ланоры. Сейчас никто не ухаживает за скульптурами, и большинство из них уже похоронил под собой песок, но, повинуясь импульсу, я срезал спираль и отнес ее на свою виллу, посадив в кварцевую грядку под балконом. Всю ночь та пела мне, ведя рассказ о Ланоре — и о той странной музыке, которую она играла сама себе.

Должно быть, я впервые увидел Ланору Гален в галерее Джорджа Неверса на Бич-Драйв чуть больше трех лет назад. Каждое лето в разгар сезона в Алых Песках Джордж устраивал для туристов специальную выставку звуковой скульптуры. Как-то утром, вскоре после открытия, я сидел в своей большой статуе «Нулевая Орбита» и под-

ключал стереоусилители, когда Джордж вдруг кашлянул в микрофон, и звук, похожий на раскат грома, едва не оглушил меня.

Со звенящей, точно гонг, головой я вылез из скульптуры, готовый наброситься на Джорджа и приложить его чем-нибудь потяжелее, но он, приложив изящный кончик пальца к губам, одарил меня тем взглядом, который между художником и дилером говорит: «Вот идет богатый клиент».

Скульптуры у входа в галерею начали гудеть, когда кто-то вошел, но солнечный свет, отраженный от капота белого «роллс-ройса» снаружи, заслонил дверной проем. Потом я увидел ее, склонившуюся над стендом с художественными каталогами, а за ней — ее секретаршу, высокую француженку с сумочкой в руках. Она была почти такой же величины знаменитость, как и ее распорядительница.

«Здесь Ланора Гален, — подумал я, — неужто все наши мечты сбудутся?» На ней был холодный, как лед, лоскуток голубого шелка, замерцавший, когда она двинулась к первой статуе, а также шляпа из черных фиалок и громоздкие темные очки, скрывавшие лицо, — сущий кошмар для хроникеров. Пока она стояла у статуи, одной из неистовых путаниц Арчи Пенко, похожей на

велосипедное колесо без обода, слушая, как вибрируют и воют спицы, мы с Неверсом невольно оперлись на крыло моей скульптуры.

В целом, пожалуй, верно, что самый оклеветанный вид на Земле — это богатый покровитель современного искусства. Над ними смеется публика, их эксплуатируют дилеры, даже художники считают их просто мешками с деньгами. Прекрасная коллекция звуковых скульптур Ланоры Гален на крыше ее венецианского палаццо и щедрые покупки на миллионы долларов, разбросанные по ее квартирам в Париже, Лондоне и Нью-Йорке, дарили свободу и жизнь многим скульпторам, но мало кто испытывал к мисс Гален благодарность.

Неверс что-то колебался, поэтому я толкнул его локтем.

— Пошли, — пробормотал я. — Судный день настал, так что — пойдем.

Неверс холодно повернулся ко мне, по-видимому впервые заметив мои запачканные ржавчиной брюки и трехдневную щетину.

— Мильтон! — рявкнул он. — Бога ради, исчезни! Смойся через черный ход! — Он мотнул в сторону моей скульптуры головой. — И выключи эту безумную штуку! Кто тебя вообще сюда

пустил?!

Секретарша Ланоры, Мими Шарко, заметила нас в конце галереи. Джордж выпятил четыре дюйма безупречной манжеты и качнулся вперед с широкой, как бульдозер, улыбкой. Я попятился за свою скульптуру, не собираясь уходить и позволять Неверсу сбить мою цену только ради того, чтобы продать мое же творчество Ланоре Гален.

Джордж расшаркивался по всей галерее, не обращая внимания на презрительную усмешку мисс Шарко. Он подвел Ланору к одному из экспонатов и стал возиться с пультом управления, выбирая альтовый ключ, который лучше всего резонировал бы с тонами ее собственного тела. К несчастью, той статуей был «Гранд-Финал» Сигизмунда Любича, приземистый идол с бычьей шеей, похожий на огромную жабу, распевающую брачную песнь. Старый железнодорожный магнат мог бы захотеть себе нечто подобное, но реакция на нее Ланоры была подобна реакции тепловоза на бабочку.

Они перешли к другой скульптуре, и Мими Шарко указала на шофера в белых перчатках, стоявшего у «роллс-ройса». Шофер сел в машину и повел ее по улице, увлекая за собой пляжную толпу, которая начала собираться у галереи.

Теперь, когда я мог ясно видеть Ланору на фоне твердых белых стен, я прытко нырнул в рабочий отсек «Орбиты» и стал внимательно следить за ней сквозь плетеные медные спирали.

Конечно, я все уже знал о Ланоре Гален. Тысячи глянцевых журналов до тошноты каталогизировали ее странную неочевидную красу, ее приступы меланхолии и навязчивые скитания по столицам мира. Ее недолгая карьера киноактрисы рано пошатнулась — не столько из-за ее скромных, но всегда интересных талантов, сколько из-за простой неспособности к физическому проявлению. По жуткой иронии судьбы, после того как крупная автомобильная авария серьезно повредила ее лицо, она добилась необычайного успеха. Этот странно искаженный профиль и нервный взгляд заполняли кинотеатры от Парижа до Пернамбуку. Не в силах вынести свой образ, дань уважения маститым пластическим хирургам, Ланора внезапно бросила карьеру и стала ведущей меценаткой изящных искусств. Подобно Гарбо в 40-х и 50-х годах, она неуловимо порхала по колонкам светской хроники и ярким страницам в бесконечном бегстве от самой себя.

Ее лицо было ключом к разгадке. Когда она сняла солнцезащитные очки, я увидел странную

тень, упавшую на нее — да так и застывшую на гладкой белой коже. В ее сланцево-голубых глазах мерцал мертвый блеск, у рта залегла тревожная складка. В общем, у меня было смутное впечатление чего-то нездорового — как от человека с тайным пороком.

Неверс включал скульптуры направо и налево, как сумасшедший фокусник, и шум от их сенсорных клеток стоял такой, что и Вавилон бы возрыдал. Некоторые статуи реагировали на загадочное присутствие Ланоры, другие — на Неверса и секретаршу Шарко.

Ланора медленно покачала головой, сжав губы. Шум раздражал ее.

— Мистер Неверс, — сказала она своим слегка хриплым голосом. — Все это очень умно, но голова от ваших выдумок страшно болит. Хочется чего-то не столь громкого, более, скажем так, личного.

— Конечно, мисс Гален, — поспешно согласился Неверс, затравленно озираясь. Он слишком хорошо знал, что звуковая скульптура сейчас приближалась к апогею своей абстрактной фазы; скоро звук сольется в одну нестерпимую для уха ноту о дюжине тонов. Ясное дело, ничто в галерее ее не устроило — ни моцартовское рондо, ни

квартеты Веберна, и я догадался, что она, устав от того, что приобрела раньше, решила закинуть удочку в более дешевые галереи по типу той, что была в нашем популярном туристическом местечке — в Алых Песках.

Смерив задумчивым взглядом мою «Нулевую Орбиту», задвинутую на задворки галереи, за стол Неверса, Ланора, наверное, и не подозревала, что я прячусь внутри. Внезапно осознав, что возможность продать статую проклюнулась самым чудесным образом, я скорчился в рабочем отсеке — и тяжело задышал, активируя сенсорные контуры.

Статуя мигом ожила. Около двенадцати футов высотой, она имела вид огромного металлического тотема, увенчанного двумя геральдическими крыльями. Микрофоны на концах крыльев были достаточно мощными, чтобы улавливать дыхательные шумы на расстоянии двадцати футов. В фокусе были сразу четыре человека, и статуя стала испускать серию низких ритмичных импульсов.

Увидев, что статуя отвечает ей, Ланора с интересом подошла. Неверс испуганно попятился, забрав с собой Мими Шарко, оставив нас с Ланорой вдвоем, разделенных тонкой металлической

оболочкой и тремя футами вибрирующего воздуха. Нащупывая какой-то способ расширить резонанс, я ослабил контроль над роликами, поднимавшими громкость. Нейрофоника никогда не была моей сильной стороной — я считаю себя, в старомодном смысле, скульптором, а не электриком, — и статуя была оборудована только для воспроизведения простой последовательности аккордовых вариаций звукового профиля в фокусе.

Зная, что Ланора скоро поймет, что репертуар статуи слишком ограничен для нее, я взял ручной микрофон, используемый для проверки цепей, и под влиянием момента начал напевать припев из «Креольского любовного призыва». Переинтерпретированные звуковыми ядрами, а затем переданные через громкоговорители, убаюкивающие переливы мотивчика оказались приятно успокаивающими, электронные сверхтоны маскировали мой голос и усиливали эмоциональный отклик. Я даже загордился — все-таки моя статуя была оценена в пять тысяч долларов, и даже вычет девяностопроцентной комиссии Неверса оставлял мне немного деньжат на проезд домой.

Подойдя к статуе, Ланора слушала ее неподвижно, широко раскрыв глаза от изумления,

вероятно полагая, что она отражает, как зеркало, ее субъективные впечатления о себе. Мой же ускоряющийся пульс вздымал темп на недостижимые величины, и я повторял припев раз за разом, меняя подъем басов для имитации кульминации.

Вдруг сквозь люк я увидел черные лакированные туфли Неверса. Сделав вид, что протягивает руку к пульту управления, он резко постучал по статуе — я и замолк.

— Не надо, пожалуйста! — вскрикнула Ланора, когда звуки стихли. Она неуверенно огляделась. Мими Шарко подошла поближе со странно настороженным выражением лица.

Неверс колебался.

— Конечно, мисс Гален. Эта штука все еще требует настройки, и вам лучше…

— Я возьму ее, — отрезала Ланора. Нацепив темные очки, она повернулась и поспешила прочь из галереи, пряча лицо.

Неверс смотрел ей вслед.

— Бога ради, что случилось? С мисс Гален все в порядке?

Мими Шарко достала из синей крокодиловой сумочки чековую книжку. Сардоническая ухмылка заиграла на ее губах, и через спираль я

мельком, но проницательно взглянул на ее отношение к Ланоре Гален. Именно тогда, думаю, я осознал, что Ланора, может быть, не просто еще одна скучающая дилетантка.

Шарко посмотрела на часы — золотая горошина висела на ее тощем запястье.

— Деньги будут переведены сегодня, ровно в три часа. Теперь, прошу, озвучьте цену.

Неверс спокойно ответил:

— Десять тысяч долларов.

Задыхаясь, я вылез из статуи и беспомощно зашипел на Неверса.

Мими Шарко удивленно взглянула на меня, хмурясь от вида моего грязного облачения. Неверс яростно, с размаху, наступил мне на ногу.

— Естественно, мадемуазель, наши цены скромны, но, как видите, мсье Мильтон — творец из начинающих.

Мими глубокомысленно кивнула.

— Так это скульптор? Слава богу. Я-то уже подумала, что он в этой статуе живет.

Когда она ушла, Неверс закрыл галерею на весь день. Он снял пиджак и взял со стола бутылку абсента. Откинувшись на спинку кресла, он слегка дрожал от нервного истощения.

— Скажи, Мильтон, ну разве ты не в неоплат-

ном долгу передо мной? — спросил он.

В ответ я похлопал его по спине.

— Джордж, ты был великолепен! Когда поедешь в Париж — успех будет сопутствовать тебе во всем, клянусь короной Екатерины Великой. Десять тысяч долларов! — Я обошел статую по кругу, любуясь ей напоследок. — Такие суммы мне нравятся. Как насчет аванса моей доли?

Неверс угрюмо посмотрел на меня. В мыслях он наверняка был уже на улице Риволи, своими вощеными ручонками хватаясь за полотна Леонардо. Окинув статую критическим взглядом, он содрогнулся.

— Ну и женщина. Вкуса у нее нет никакого, это очевидно. Ты, я смотрю, восстановил ей запоминающую спираль? Ария из «Тоски» прозвучала отлично — я и не знал, что у статуи в репертуаре она есть.

— А вот и нет ее там, — лукаво ответил я, усаживаясь прямо на стол. — Это был я. Не совсем Карузо, признаю, но ведь Карузо как скульптор никуда не годился, и…

— Что? — Неверс вскочил со стула. — Хочешь сказать, ты использовал ручной микрофон? Ты дурак!

— Какое это имеет значение? Она и не узнает.

Неверс упал лбом на столешницу, стукнул по ней кулаком.

— Да расслабься ты, — посоветовал я. — Ланора не из тех, кто оформляет возвраты.

Ровно в 9:01 следующего утра зазвонил телефон.

Когда я ехал на пикапе в Западную Лагуну, в ушах у меня еще стояли слова Неверса:

— …шесть международных черных списков! Потенциальное судебное разбирательство за искажение информации! Ты бы знал, сколько меда мне пришлось пролить в уши этой секретутке!

Да, бедолаге и впрямь пришлось горячо извиняться перед Мими Шарко и заверять ее, что издаваемый статуей монотонный гул — совсем не то, что должно звучать. Очевидно, при транспортировке повредили цепь, и теперь сам скульптор приедет, чтобы все исправить.

Обходя лагуну по пляжной дороге, я посмотрел на особняк Гален, абстрактный летний дворец, живо напомнивший мне дизайн Фрэнка Ллойда Райта для экспериментального универмага. Террасы выступали под всеми углами, всюду в опаляющем свете пустыни полыхала хромированная сталь, время от времени какая-нибудь звуковая скульптура уныло гудела, как будто для

самой себя.

Мими Шарко встретила меня в вестибюле и повела вверх по широкой стеклянной лестнице. Стены были увешаны картинами Дали и Пикассо, моей же статуе было отведено почетное место в дальнем конце южной террасы, которая была размером с теннисный корт, без перил и даже без защитной сетки, и выступала над лагуной на фоне горизонта Алых Песков. Вся мебель на ней была сгруппирована в центре, образуя квадратный островок комфорта.

Бросив сумку с инструментами, я сделал вид, что разбираю панель управления, и поиграл с усилителем так, что статуя издала серию отрывистых звуковых всплесков. Огляделся по сторонам. На террасе была выставлена добрая дюжина статуй — по большей части раннего периода, родом из семидесятых, когда скульпторы закладывали в них то ритмичный лязг, то собачий лай, а галереи и общественные площади по всему миру днем и ночью переполнялись эхом от грохота и глухих ритмичных ударов.

— Есть успехи?

Я обернулся и увидел Ланору Гален. Никем не замеченная, она пересекла террасу и теперь стояла, уперев руки в бока, с интересом наблюдая

за мной. В черном бикини, с распущенными по плечам светлыми волосами, она выглядела более расслабленной, но темные очки все еще скрывали ее лицо.

— Просто разболтался клапан. Пара минут — и все наладится. — Я ободряюще улыбнулся ей, и она, пожав плечами, растянулась в шезлонге перед статуей. У четырехстворчатого окна в дальнем конце террасы притаилась Мими Шарко, таращась на нас со странной усмешкой, будто поперек ее лица протянули нитку бусинок. Раздражаясь, я включил статую на полную громкость и громко кашлянул в ручной микрофон.

Звук разнесся по открытой террасе, как артиллерийский выстрел. Секретарша вздрогнула — знай наших!

Ланора улыбнулась, когда эхо прокатилось по пустыне, и статуи на нижних террасах ответили приглушенной реверберацией.

— Много лет назад, когда отца не было дома, я выходила на крышу и кричала во весь голос, чтобы было эхо. Весь дом гудел часами, сводя слуг с ума. — При этом воспоминании она рассмеялась почти беззаботно, с таким видом, будто дело было только вчера.

— Попробуйте сейчас так сделать, — предло-

жил я. — Или Мими будет с ума сходить?

Ланора приложила палец с выкрашенным в зеленый цвет ногтем к губам.

— Осторожнее, иначе у меня будут неприятности. Поймите, Мими мне не слуга.

— А кто тогда, надзирательница? — Я не воспринимал наш разговор серьезно, но вопрос прозвучал неожиданно тяжело, мрачно. Что-то в этой француженке заставило меня заподозрить, что она, возможно, играет не последнюю роль в поддержании иллюзий Ланоры относительно самой себя.

Я ждал, что Ланора ответит, но она проигнорировала меня и уставилась на лагуну. В течение нескольких секунд ее личность изменилась, она снова стала далекой самодержавной принцессой.

Я незаметно сунул руку в сумку с инструментами и вытащил катушку магнитной ленты. Вставив ее в разъем, включил проигрыш. Статуя слегка завибрировала, и в неподвижном воздухе послышалось тихое мелодичное пение.

Стоя за статуей, я наблюдал, как Ланора реагирует на музыку. Звуки нарастали по мере того, как она приближалась к моему творению. Постепенно ритмы ускорились, настроение ста-

ло настойчиво-жалобным, сентиментальным. Музыковед с ходу определил бы эти звуки как транскрипцию балконного дуэта из «Ромео и Джульетты», но для Ланоры единственным их источником была статуя. Я сделал запись в то утро, понимая, что это был единственный способ спасти продажу. Путаница Неверса с «Тоской» и «Креольским любовным призывом» напомнила мне, что у меня в запасе есть вся классическая опера. За десять тысяч долларов я бы с удовольствием заезжал сюда раз в день и пел арии от Фигаро до Моисея и Аарона.

Внезапно музыка смолкла. Ланора выступила из фокуса статуи и замерла в двадцати футах от меня. За ней, в дверях, стояла Мими Шарко.

Ланора кротко улыбнулась.

— Да, теперь меня все, похоже, устраивает, — сказала она. Без сомнения, так мне давали понять, что пора уходить.

Я заколебался, внезапно задумавшись, сказать ли ей правду. Мои глаза изучали ее прекрасное в своем несовершенстве лицо. Но Мими встала между нами, скалясь, как какая-нибудь Красная Смерть.

Неужели Ланора Гален действительно верила, что скульптура поет для нее? В течение двух

недель, пока пленка не размагнитится, об этом можно было не переживать. К тому времени мы с Неверсом обналичим чек и рванем в Париж.

Однако через два-три дня я понял, что хочу снова увидеть Ланору. Рассуждая здраво, я сказал себе, что статую нужно проверять, иначе Ланора может обнаружить обман. В течение следующей недели я дважды ездил в ее резиденцию под предлогом настройки скульптуры, но Мими Шарко отваживала меня; эта стерва ухитрилась перехватить даже прямой звонок. Когда я увидел-таки Ланору один раз, та гнала на большой скорости через Алые Пески в своем «роллс-ройсе», в тусклом блеске золота и нефрита.

От нечего делать я перебрал свою фонотеку, выбрал кое-что из Тосканини — фрагмент «Тристана и Изольды», тот самый, где Тристан оплакивает разлуку с возлюбленной, — и тщательно переписал музыку на пленку.

В тот вечер я поехал в Западную Лагуну, припарковал машину у пляжа на южном берегу. В лунном свете беседка в полумиле от меня выглядела как абстрактная киносъемочная площадка, одинокий огонек на верхней террасе освещал очертания моей статуи. Осторожно ступая по плавленому кремнезему, я медленно направился

к нему, и в легком ветерке пронеслись обрывки песни статуи. В двухстах ярдах от дома я залег на теплой дюне, наблюдая, как один за другим гаснут огни Алых Песков, словно тающие драгоценные камни в каком-то фантастическом огромном ожерелье.

Там, наверху, статуя изливала свою музыку в синеву ночи, не оступаясь и не прерываясь. Ланора, должно быть, сидела совсем рядом с ней, и музыка обволакивала ее нематериальным потоком. Вскоре после того, как пробило два, все стихло, и я увидел ее у перил — белая горностаевая накидка на ее плечах легонько колыхалась на ветру, пока Ланора смотрела в яркое безумное око луны.

Через полчаса я взобрался на стену и пошел к винтовой пожарной лестнице. Лианы, обвивавшие перила, заглушали звук моих шагов по металлическим ступеням. Я незаметно добрался до верхней террасы. Далеко внизу, в своей каюте на северной стороне, спала Мими Шарко.

Выйдя на террасу, я двинулся между темными статуями, рождая в них тихий лепет. Я присел на корточки внутри «Нулевой Орбиты», отпер панель управления и заправил новую катушку, слегка увеличив громкость.

Уходя, я увидел в двадцати футах внизу западную террасу, где Ланора спала под звездами на огромной бархатной кровати, словно мертвая принцесса на пурпурном катафалке. Ее лицо сияло в свете звезд, распущенные волосы скрывали обнаженную грудь. Позади нее стояла на страже статуя, тихо напевая себе под нос, пульсируя в такт ее дыханию.

Трижды после полуночи я приходил к Ланоре домой, прихватив с собой еще одну катушку кассеты, еще одну любовную серенаду из моей фонотеки. В прошлый раз я смотрел, как она спит, пока над пустыней не забрезжил рассвет. Я сбежал вниз по лестнице и помчал по песку, прячась в холодных тенях всякий раз, когда по пляжной дороге проезжала машина.

Весь день я сидел у телефона в своей квартирке, надеясь, что она позвонит мне. Вечером я вышел к песчаным рифам, взобрался на один из шпилей и после ужина наблюдал за Ланорой на террасе. Она лежала на кушетке перед статуей, и до глубокой ночи та играла для нее бесконечный напев. Ее голос был теперь настолько силен, что машины замедляли ход в нескольких сотнях ярдов, и сконфуженные водители искали источник мелодий, прорезающих яркий вечерний воздух.

Наконец я подготовил последнюю запись, впервые — собственным голосом. Я вкратце описал на ней суть моего подлога и тихо спросил Ланору, не согласится ли она позировать для меня — чтобы я мог создать новую скульптуру взамен купленной ею подделки.

Я крепко сжимал ленту в руке, пока шел через озеро, глядя вверх на вытянутые контуры террасы. Когда я добрался до стены, человек в черном костюме высунул голову из-за выступа и посмотрел на меня. Это был шофер Ланоры.

Вздрогнув, я двинулся прочь по песку. В свете луны лицо шофера белело, точно кость.

На следующий вечер, как я и предполагал, наконец зазвонил телефон.

— Мистер Мильтон, статуя опять сломалась, — голос Мими Шарко звучал резко, напряженно. — Мисс Гален очень расстроена. Вы должны прийти и починить ее. Немедленно!

Я прождал час перед отъездом, прокручивая пленку, записанную накануне. На этот раз я буду присутствовать, когда Ланора услышит ее.

Мими Шарко ждала меня у стеклянных дверей. Я припарковался во дворе близ «роллс-ройса». Когда я подошел к ней, то заметил, как жутко звучит дом. Повсюду статуи что-то бормотали себе под

нос, издавая щелчки и лязги, как встревоженные обитатели зоопарка, с трудом успокоившиеся после бури. Даже Мими Шарко выглядела усталой и напряженной.

На террасе меня остановили.

— Одну минуту, мистер Мильтон. Я посмотрю, готова ли мисс Гален принять вас. — Мими тихо подошла к шезлонгу, стоявшему у статуи в конце террасы. Ланора неловко растянулась на нем, ее волосы были растрепаны. Когда секретарша приблизилась, она раздраженно села.

— Он здесь? Чья это была машина? Разве он не пришел?

— Он готовит оборудование, — успокаивающе сказала Мими. — Мисс Ланора, позвольте-ка мне причесать вас…

— Да вот еще! Боже, чего он так медлит? — Она вскочила и подошла к статуе, молча глядя в темноту. Пока Мими Шарко подобострастно отступала в тень, Ланора опустилась на колени перед статуей и прижалась правой щекой к ее холодной поверхности.

Она безудержно зарыдала, ее плечи сотрясали глубокие спазмы.

— Подождите, мистер Мильтон! — зашипела Мими и крепко ухватила меня за локоть, когда

я попытался сделать шаг навстречу безутешной женщине. — Она еще некоторое время не захочет видеть вас. Вы, конечно, тот еще самородок… наделили эту статую прекрасным голосом! Она говорит как раз то, что нужно…

Я вырвался и прянул в темноту.

— Ланора!

Она огляделась, волосы на ее лице слиплись от слез. Безвольно прислонилась к темной вертикали статуи. Я опустился на колени и взял ее за руки, желая помочь ей встать.

Но она отшатнулась от меня, как от огня.

— Почини ее! Поторопись, чего ты ждешь? Заставь статую снова петь!

Казалось, ей сейчас было совершенно не под силу вернуть контроль над собой. Я отступил назад, все еще сжимая в руке катушку магнитной ленты.

— Что с ней такое? — шепотом спросил я у Мими Шарко. — На самом деле звуки исходят не от статуи — она ведь это понимает?

Секретарша резко приосанилась.

— Как это понимать — не от статуи?

Я показал ей катушку:

— Это не настоящая звуковая скульптура. Музыка берется с магнитной ленты.

Из горла Мими вырвался короткий хриплый смешок.

— Ну что ж, тогда замените пленку. Ей все равно, откуда она берется. Ее интересует статуя, а не ваши грязные дела.

Я колебался, наблюдая за Ланорой, все еще сгорбившейся, как просительница, у подножия моего монумента.

— Вы хотите сказать?.. — недоверчиво начал я. — Хотите сказать, она влюблена в статую?

Взгляд Мими Шарко обличил всю бездну моей наивности.

— Не в статую, — обронила она, — а в саму себя.

Какое-то мгновение я стоял среди бормочущих скульптур, потом бросил катушку на пол и отвернулся.

На следующий день они покинули Западную Лагуну.

Неделю я оставался у себя на квартире, а однажды вечером, после того как Неверс сказал мне, что они уехали, поехал по пляжной дороге к летнему домику.

Дом был закрыт, статуи неподвижно стояли в темноте. Мои шаги отдавались эхом среди балконов и террас, и дом вздымался к небу по-

добно надгробию. Все источники звука были выключены, и я понял, насколько мертвой и монументально-закостенелой должна была казаться обычная, беззвучная скульптура.

«Нулевая Орбита» тоже исчезла. Я предположил, что Ланора взяла ее с собой — до того погруженная в свое самолюбие, что предпочла туманное зеркало, напоминавшее о ее красоте, отсутствию зеркала в принципе. И вот сейчас она сидит на веранде какого-нибудь пентхауса в Венеции или Париже, близ огромной скульптуры, подпирающей темное небо, и раз за разом, раз за разом слушает фальшивую песнь, исполняемую для нее…

Полгода спустя Неверс заказал мне еще одну статую. Однажды в сумерках я вышел к песчаным рифам, в россыпь произраставших здесь звуковых спиралей. Когда я приблизился, они поскрипывали на ветру всякий раз, когда сквозь них пробивались тепловые градиенты. Я шагал вверх по протяженному склону, слушая, как они скулят, ища ту, что послужила бы тональным ядром для новой статуи.

Где-то впереди, в темноте, я услышал знакомую фразу, искаженный фрагмент человеческого голоса. Вздрогнув, я пробежал вперед, слепо ори-

ентируясь на звук.

Затем в ложбинке под гребнем я нашел источник. Наполовину погребенные под песком, как скелет вымершей птицы, лежали двадцать или тридцать кусков металла — расчлененные туловище и крылья моей статуи. Многие осколки снова пустили корни и издавали тонкий призрачный звук — разрозненные фрагменты завещания Ланоре Гален, которое я обронил на ее террасе.

Пока я спускался по склону, белый песок укрывал мои следы — будто само Время через стекло вселенских песочных часов силилось достать меня. Отзвуки моего голоса тихо плакали в металлических садах — как позабытый любовник, шепчущий что-то над мертвой арфой.

1961

The Singing Statues. Первая публикация в журнале *Fantastic*, июль 1962.

Перевод О. Макеевой

Человек на 99-м этаже

Подняться на 100-й этаж Форбис пытался весь день. Примостившись у подножия короткой лестницы за шахтой лифта, он с бессильным отчаянием взирал на маятниковую железную дверь на крышу, пытаясь найти способы дотащиться до нее. Одиннадцать узких ступенек, а дальше пустая плоская крыша, высокие решетки защитного барьера и открытое небо. Каждые три минуты пролетавший в небе самолет бросал на ступеньки короткую тень, грохот двигателей заглушал бившуюся в голове панику, и каждый раз он предпринимал еще одну попытку добраться до двери.

Одиннадцать ступенек. Форбис сосчитал их тысячу раз за часы, прошедшие после того, как он вошел в здание в десять утра и поднялся на лифте на 95-й этаж. На следующий он взошел пешком. Этажи были фальшивые, офисы без окон и ни к чему не подключенные, их добавили только для виду, чтобы наклеить на здание ярлык «стоэтажного».

Он тихонько подождал у подножия последне-

го пролета, слушая, как гудят лифтовые тросы, и надеясь успокоиться. Но пульс, как обычно, сорвался, побежал и уже через две-три минуты поднялся до ста двадцати ударов в минуту. Когда он встал и протянул руку к перилам, что-то закупорило нервные центры, приковав его к полу, как свинцового колосса.

Ощупывая резиновые подкладки на нижней ступеньке, Форбис посмотрел на наручные часы. 16:20. Надо бы поосторожнее, иначе кто-нибудь поднимется на крышу и найдет его здесь. В городе уже было с полдюжины зданий, где его объявили persona non grata, и мальчишки-лифтеры получили строгое указание вызывать при необходимости штатного детектива. А стоэтажных зданий в городе не так уж и много. Частью обсессии было как раз то, что здание должно обязательно иметь сто этажей.

Почему? Прислонившись спиной к стене, Форбис снова задал себе этот вопрос. Какую роль он играет, отыскивая в городе стоэтажный небоскреб и исполняя затем непонятный, маниакальный ритуал, неизменно заканчивающийся тем, что последняя высота остается непокоренной? Может быть, все дело в некоей абстрактной дуэли между ним и архитекторами этих чудовищных стол-

бов? Он смутно помнил, что выполняет какую-то жалкую, мелочную работу на подземном уровне — так, может быть, это бунтарство, попытка утверждения себя в новом качестве, как прототип урбанистического человека-муравья, тщащегося низвергнуть тотемные башни Мегаполиса?

Выровнявшись по посадочной полосе, лайнер начал последний заход над городом; все шесть моторов оглушительно ревели. В тот момент, когда грохот обрушился на него, Форбис встал на ноги и опустил голову, пассивно впустив в голову шум, который и освободил заблокированные связи. Подняв правую ногу, он перенес ее на первую ступеньку, ухватился за перила и вытащил себя на два шага.

Левая нога висела совершенно свободно. Форбис облегченно выдохнул. Наконец-то удастся добраться до двери! Он сделал еще шаг, поднял ногу на четвертую или седьмую сверху ступеньку и только тут заметил, что левая рука осталась на перилах сзади. Он сердито потянул ее, но пальцы сомкнулись, словно стальные кольца, и ноготь большого болезненно врезался в кончик указательного.

Самолет пролетел, а разжать пальцы и перенести руку так и не получилось.

Полчаса спустя, когда уже начало смеркаться, Форбис опустился на нижнюю ступеньку, стащил правой, свободной, рукой ботинок и, просунув его через прутья, бросил в шахту лифта.

Ванситтарт убрал шприц в саквояж и задумчиво посмотрел на Форбиса.

— Хорошо еще, что вы никого не убили. Кабина лифта ушла вниз на тридцать этажей, и ваш ботинок пробил крышу, словно бомба.

Форбис неопределенно пожал плечами и, расслабившись, прилег на кушетку. На факультете психологии было почти тихо; уходя домой, сотрудники выключили свет в коридоре медицинского отделения.

— Извините, но я не знал, как еще привлечь к себе внимание. Прилепился к перилам, как умирающая пиявка. Как вам удалось успокоить управляющего?

Отодвинув лампу, Ванситтарт опустился на край стола.

— Это было нелегко. К счастью, профессор Бауэр задержался у себя в кабинете и прикрыл меня, подтвердив мои полномочия по телефону. Вот только через неделю он уходит в отставку, и в следующий раз, возможно, мой блеф не сработает. Полагаю, нам придется действовать более

открыто. Полиция не выкажет вам такой снисходительности.

— Знаю. И сам этого боюсь. Но если я не смогу продолжать, мой мозг просто-напросто взорвется. Вы разобрались, в чем тут дело?

Ванситтарт пробормотал что-то нечленораздельное. Вообще-то события развивались по той же модели, что и в трех предыдущих случаях. Снова неудачная попытка выйти на крышу, и снова никаких объяснений этого непреодолимого влечения. Впервые Ванситтарт увидел Форбиса лишь месяц назад, когда тот бесцельно расхаживал по крыше нового административного здания. Как ему удалось попасть туда, он так и не узнал.

К счастью, один из вахтеров позвонил ему и сообщил о подозрительно ведущем себя мужчине. Тогда Ванситтарту удалось добраться до незнакомца раньше, чем тот успел предпринять попытку самоубийства.

По крайней мере, так это выглядело со стороны. Ванситтарт окинул гостя взглядом: невысокий, узкие плечи, тонкие руки, спокойные, неброские черты. Было в нем что-то безымянное. Человек минимально урбанизированный, почти полное ничтожество, ни друзей, ни родных, в прошлом — неопределенная работа и съемное жилье. Оди-

нокий и беспомощный, вполне способный в миг отчаяния поступить необдуманно и просто-напросто сигануть с крыши.

И тем не менее что-то во всем этом не давало Ванситтарту покоя. Как член преподавательского состава университета он, строго говоря, должен был не назначать Форбису какое-либо лечение, а сразу же передать непосредственно в руки полицейского врача при ближайшем участке. Помешало неясное подозрение. Позднее, начав анализировать Форбиса, он с удивлением обнаружил очень даже целостную личность, человека реалистичного, с прагматическим подходом к жизни, что совершенно несвойственно большинству потенциальных самоубийц с гиперкомпенсацией жалости к себе.

Но все же им овладевало какое-то безумное влечение, некий немотивированный импульс, гнавший его на 100-й этаж. Несмотря на все принятые меры, психологическое зондирование и транквилизаторы, Форбис дважды в течение месяца отправлялся в центр города, отыскивал там небоскреб, поднимался на 99-й этаж, где и застревал, и откуда его оба раза спасал Ванситтарт. Следуя интуиции, Ванситтарт спросил:

— Скажите, вы когда-либо участвовали в экспе-

риментах с гипнозом?

Форбис сонно потянулся и покачал головой:

— Насколько я помню, нет. Уж не хотите ли вы сказать, что кто-то вложил мне в голову постгипнотическое внушение — броситься с крыши высотки?

«Быстро сообразил», — подумал Ванситтарт.

— Почему вы так подумали?

— Не знаю. Но кому это надо? И какой во всем этом смысл? — Он пристально посмотрел на Ванситтарта: — Вы действительно думаете, что кто-то так сделал?

Ванситтарт кивнул:

— Да. У меня нет на этот счет никаких сомнений. — Он подался вперед, повернул лампу. — Послушайте, Форбис, некоторое время назад — три или, может быть, шесть месяцев, точнее сказать не могу, — кто-то вложил вам в голову команду на исполнение постгипнотического действия. Первую ее часть — «поднимись на 100-й этаж» — мне раскопать удалось, но остальное по-прежнему погребено. Именно эта, вторая, часть команды меня и беспокоит. Догадаться, каково продолжение, не трудно, даже не обладая особенно болезненным воображением.

Форбис облизал губы и заслонил глаза от яр-

кого света лампы. Сказанное Ванситтартом не отозвалось ни тревогой, ни беспокойством — им овладела странная вялость. Хотя доктор фактически расписался в собственном бессилии и держался осторожно, но довольно нервно, Форбис не сомневался в его способности найти решение.

— Звучит безумно, — заметил он. — Но кому нужно меня убивать? А вы не можете все отменить? Стереть эту команду?

— Пытался, но пока безуспешно. У меня ничего не получилось. Внушение не только осталось, но и усилилось, как будто его подкрепили. Где вы бывали на прошлой неделе? С кем встречались?

Форбис снова пожал плечами и приподнялся на локте.

— Ни с кем. И, насколько помню, бывал только на 99-м этаже. — Он угрюмо поискал что-то в воздухе, но не нашел и сдался. — Знаете, ничего не могу вспомнить, кроме каких-то смутных очертаний кафе и автовокзалов. Странно…

— Жаль. Я бы присмотрел за вами, но свободного времени у меня немного. Отставку Бауэра ожидали не раньше, чем через год, так что сейчас придется многое реорганизовать. — Он раздраженно побарабанил пальцами по столу. — Я смотрю, деньги у вас есть. Нашли работу?

— Наверно… может, в метро. Или я просто собирался сесть на поезд?.. — Форбис наморщил лоб, пытаясь вспомнить. — Извините, доктор. Вообще-то я слышал, что эти постгипнотические внушения не могут заставить сделать что-то такое, что противно вашей натуре, вашей базовой личности.

— А что такое базовая личность? Опытный аналитик может манипулировать психикой так, что она примет внушение. Можно так усилить незначительную склонность к самоуничтожению, что она просто расщепит личность, как топор раскалывает полено.

Какое-то время Форбис с мрачным видом обдумывал услышанное, потом слегка оживился.

— Похоже, я все-таки смог пересилить это внушение. Что бы там ни было, попасть на крышу я не могу, а значит, у меня еще есть силы, чтобы сопротивляться приказу.

Ванситтарт покачал головой:

— Увы, это не так. Не вы удерживаете себя и не пускаете на крышу, а я.

— То есть как?

— Я имплантировал в ваш мозг другое гипнотическое внушение, которое и задерживает вас на 99-м этаже. Обнаружив первое внушение, я

попытался стереть его, но ничего не смог сделать и тогда, в качестве меры предосторожности, внедрил второе, мое собственное. «Сойди на 99-м этаже». Надолго ли его хватит, я не знаю, но вижу, что оно уже начинает слабеть. Сегодня вам потребовалось семь часов, чтобы вызвать меня. В следующий раз вы, не исключено, выйдете на крышу. Вот почему я предлагаю сменить тактику и добраться до корней этой обсессии или, если угодно, — тут он печально улыбнулся, — до самой ее вершины.

Форбис медленно сел. Потер лицо.

— И что именно вы предлагаете?

— Мы позволим вам выйти на крышу. Я сотру вторую команду, и мы посмотрим, что будет, когда вы выйдете на крышу. Не беспокойтесь — если что-то пойдет не так, я буду рядом. Возможно, вам это покажется слабым утешением, но, откровенно говоря, просто убить вас и избежать наказания за убийство куда как легче, чем выдумывать все эти сложности. Очевидно, есть другой, более глубокий мотив, возможно связанный каким-то образом с 100-м этажом. — Ванситтарт помолчал, внимательно наблюдая за пациентом, а потом небрежно спросил: — Скажите, вам не приходилось слышать о человеке по имени Фаулер?

Доктор ничего не сказал, когда Форбис покачал головой, но не оставил без внимания рефлекторную паузу неосознанного признания.

— Все в порядке? — спросил Ванситтарт, когда они добрались до последней лестницы.

— Да, — негромко, переводя дыхание ответил Форбис и посмотрел на прямоугольное отверстие над ними. Что будет, когда он наконец окажется на крыше? Они проникли в здание через служебный вход сзади и поднялись на грузовом лифте до 80-го этажа.

— Тогда пошли. — Ванситтарт двинулся дальше, жестом предложив спутнику следовать за ним. Вместе поднявшись до последней двери, они ступили на крышу, под яркий солнечный свет.

— Доктор!.. — радостно воскликнул Форбис. Его переполнял восторг обновления. Разум его наконец прояснился и избавился от бремени. Он обвел взглядом маленькую плоскую крышу; тысячи идей теснились и кувыркались в голове, словно хрустальные струи горного потока. Манил его, однако, другой, более глубокий, поток внизу.

— Подняться на 100-й этаж и…

Город окружил его своими крышами, и в полумиле, скрытый дымкой, виднелся шпиль здания, подняться на которое он пытался накануне. Фор-

бис прошелся по крыше, подставив потное лицо прохладному ветерку. Предохранительных решеток вокруг балкона не было, но их отсутствие не вызвало у него беспокойства.

Ванситтарт внимательно наблюдал за ним, держа в руке черный саквояж. Ободряюще кивнув, он пригласил Форбиса к балкону и поставил саквояж на бортик.

— Чувствуете что-нибудь?

— Ничего. — Форбис сухо рассмеялся. — Должно быть, чей-то розыгрыш…

— Что ж, тогда давайте спустимся.

— Мне можно посмотреть на улицу?

— Конечно, — согласился доктор, приготовившись схватить Форбиса, если тот вдруг попытается спрыгнуть. Упавший с балкона пролетел бы тысячу футов и приземлился на шумной торговой улице.

Положив руки на бортик, Форбис наклонился и посмотрел на толпы обедающих внизу. Машины проносились туда и сюда, похожие на раскрашенных блох, люди бесцельно расхаживали по тротуарам. Ничего интересного…

Стоявший у него за спиной Ванситтарт нахмурился и посмотрел на часы. Неужели не сработало?

— Половина первого. Уйдем отсюда и… — Он не договорил, услышав скрип ступенек лестницы, обернулся и жестом показал Форбису не шуметь.

Но как только доктор снова повернулся, Форбис выпрямился и резко ударил его ребром правой ладони по шее. Ванситтарт пошатнулся и тут же получил еще два удара по горлу, а потом и вовсе упал без чувств от пинка коленом.

Не обращая внимания на широкую тень, протянувшуюся от двери через крышу, Форбис быстро застегнул все три пуговицы на пиджаке доктора и, ухватившись за лацканы, поднял его на плечо. Отступив к балкону, он опустил Ванситтарта на бортик, закинул одну, потом вторую ногу. Доктор беспомощно пошевелился, и голова его свесилась набок.

И… и…

Тень между тем приближалась и уже достигла края балкона — широкая голова без шеи между тяжелыми плечами.

Затаив дыхание, Форбис поднял обе руки, уперся и толкнул. Секунд через десять, когда внизу приглушенно зазвучали сирены, он обернулся.

— Молодец, Форбис.

Голос прозвучал бесстрастно, но расслабленно. Остановившийся в десяти футах от Форбиса

мужчина имел пухлое, землистое лицо с грубым ртом, наполовину скрытым жесткими усами щеточкой. Одет он был в объемное черное пальто и одну руку держал глубоко в кармане.

— Фаулер! — Форбис машинально подался вперед, но ноги как будто приклеились к белой поверхности крыши.

Вверху, в трех сотнях футов над ними, с ревом пронесся лайнер. В миг прояснения, подаренный шумом самолета, Форбис узнал Фаулера, конкурента Ванситтарта за должность профессора психологии, вспомнил долгие сессии гипноза после того, как три месяца назад Фаулер подошел к нему в баре и предложил помощь в излечении от хронической депрессии, пока она еще не переросла в алкоголизм.

А еще он вспомнил вторую часть глубоко спрятанного приказа.

Итак, действительной целью был Ванситтарт, а не он! «Поднимись на 100-й этаж и…» Первая попытка случилась месяц назад, когда Фаулер оставил его на крыше, а сам притворился вахтером, но Ванситтарт пришел тогда не один. Скрытая загадочным образом вторая часть приказа состояла в том, чтобы снова заманить Ванситтарта на крышу. Фаулер знал, что рано

или поздно конкурент уступит соблазну.

— И… и… — произнес он вслух.

Ища взглядом Ванситтарта — вдруг доктор каким-то чудом пережил падение с высоты в тысячу футов, — Форбис направился к балкону, потом остановился и попытался отступить от влекущего потока.

— И?.. — любезным тоном повторил Фаулер. Столкнувшись с двумя гноящимися точками света, Форбис пошатнулся. — Это ведь еще не все, не так ли? Теперь ты начинаешь вспоминать.

Мысли как будто сливались в сток. Форбис повернулся к балкону, хватая воздух пересохшим ртом.

— И?.. — уже тверже бросил Фаулер.

— И… и…

Форбис послушно вспрыгнул на балкон и, словно ныряльщик, замер на узком бортике. Внизу качалась улица. Сирены смолкли, движение возобновилось в привычном ритме, кроме нескольких машин в центре небольшой толпы у края тротуара. Несколько секунд ему удавалось сопротивляться влечению, но потом поток затянул его, как безвольно дрейфующую деревяшку.

Фаулер неслышно прошел в дверь. Через десять секунд сирены зазвучали снова.

1961

The Man on the 99th Floor. Первая публикация в журнале *New Worlds*, июль 1962.

Перевод С. Самуйлова